

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Федина Ирина Михайловна

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОСЕЛЕНИЙ
И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ УКЛАД КАЗАКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
НА КУБАНЬ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

**Диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук
Специальность 5.6.1. – Отечественная история**

Научный консультант –
заслуженный работник
высшей школы
Российской Федерации,
доктор исторических наук,
доктор философских наук,
профессор
Скорик Александр Павлович

Краснодар 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Историография, источники и методология исследования исторических поселений казаков Кубани	31
1.1. Проблема поселенческого обустройства на казачьих территориях Кубани в историографии: научные подходы, этапы, тенденции развития	31
1.2. Источниковая база исследования государственной поселенческой и переселенческой политики в Южном историческом регионе в конце XVIII – начале XX веков	65
1.3. Концептуально-теоретические модели и категориально-понятийный аппарат изучения поселенческого обустройства казаков Кубани и Черноморья	107
2. Освоение земель, расселение и устройство поселений черноморских и линейных казаков в конце XVIII – первой трети XIX вв.	135
2.1. Межевание земель и поземельные отношения на территории исторического региона Кубани.....	135
2.2. Первые формы поселений черноморских казаков: слободки, курени, куренные селения.....	162
2.3. Образование и укоренение поселений линейных казаков.....	186
3. Военно-казачий императив в заселении Закубанского края.....	208
3.1. Изначальные традиции природопользования переселенцев-казаков в Закубанье	208
3.2. Создание сети кордонных линий и военно-политическое руководство процессом освоения Закубанского края.....	224
3.3. Строительство, укрепление и поименование новых станиц в Закубанье.....	266
4. Топохронная эволюция хуторских поселений кубанских казаков в конце XVIII – начале XX вв.....	305
4.1. Складывание архетипа казачьего хуторского мира на Кубани.....	305
4.2. Социально-экономическое обособление и административно-правовое	

положение кубанских хуторов.....	318
4.3. Хозяйственно-культурный уклад хуторян: артефакты и интерпретации.....	333
5. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья	352
5.1. Российские проекты освоения восточного берега Чёрного моря	352
5.2. Поселенческая стратегия возведения Черноморской береговой линии и станиц Закубанского поселения	361
5.3. Казачьи поселенческие модели в освоении Черноморского побережья.....	374
6. Трансформация кубанских поселений во второй половине XIX – начале XX вв.....	398
6.1. Административно-территориальные реформы культурно-исторического пространства кубанских поселений во второй половине XIX в.	398
6.2. Модернизация станичных и иных поселенческих структур в последней трети XIX – начале XX вв.	420
6.3. Иногороднее крестьянство и казачество в кубанских поселениях во второй половине XIX – начале XX вв.....	435
Заключение	479
Список использованных источников и литературы	491
Приложения.....	587

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования может быть рассмотрена в трёх базисных аспектах: историко-поселенческом, научно-исследовательском и общественно-политическом.

Историко-поселенческий аспект актуальности нашей работы предопределяется степенью важности в историческом пространстве Кубани, равно как и всей нашей страны, поселенческих образований (хуторов и станиц, сёл и колониетских поселений, посёлков и городов, и т.д.), в которых с различной социальной динамикой проходила и ныне протекает повседневная жизнь людей, в том числе, казаков. Именно в поселениях формируется, накапливается и реализуется богатейший историко-культурный потенциал казачьего сообщества, возникает, трансформируется и утверждается детерминирующий изучаемую нами историческую повседневность казачий уклад.

Казачьи поселенческие форпосты, укоренившиеся с различной степенью территориальной распределённости, упорядочивали многообразное пространство сложившегося фронта Северо-Западного Кавказа, и постепенно становился всё более очевидным новый поселенческий колорит, что принесли с собой казаки, всерьёз и надолго обосновавшиеся в Северо-Восточном Причерноморье и в разнородных районах Прикубанья и Закубанья. В результате исторического периода протяжённостью в сто с небольшим лет возник целостный «казачий мир Кубани».

В течение изучаемого периода происходило целенаправленное приращение казачьего мира всё новыми и новыми хуторами и станицами, где у каждого казака формировались свои корни, свой неповторимый уголок малой Родины, и одновременно складывалась новая социальность целостной общности черноморских и линейных казаков. История зарождения и становления казачьих поселений на Кубани представляется узловым компонентом академического научного исследования, который позволяет выяснить все составляющие исторической цепочки событий, проследить неоднозначный путь заселения, осво-

ение и развитие исторической территории Кубани. Этот сложный исторический вектор порождает локальный модус кубанских казаков социально-поселенческого порядка. Его смысл в повседневной жизни казачества носит многоаспектные свойства, существование приобретает смысл на годы вперёд, а социальная эволюция получает мультимодальную устремлённость с многоплановым содержанием. Тем самым, формы поселенческих структур (слободки, хутора, куренные селения, станицы и т.д.) на Кубани являются единственной в своем роде общественной формой самоорганизации жизненного уклада казачества, выступая историческим и культурным феноменом, развивающим огромный потенциал кубанской земли.

Научно-исследовательский аспект актуальности заключается в том, что изучение поселенческого уклада кубанских казаков становится важной составляющей в совокупности историописаний и концепций, раскрывающих историческое прошлое российского общества. Первостепенное значение в этом пучке видений исторического процесса занимает исследование повседневности на фоне зарождения и упрочения поселенческих структур на Кубани, прогрессирующих под воздействием множества факторов: геополитических, экономических, социально-демографических и др. В пространстве исторического региона Кубани произошло объединение могучего вектора геополитики России на Кавказе, конфликтогенного северокавказского фронта вкупе с насущной необходимостью получения добавочных ресурсов продовольствия и разнообразного природного сырья, с расширением восточнославянского мира на Северном Кавказе, подпитываемым культурной консолидацией переселенческих масс на Кубани. В таких условиях формировался многообразный культурный и антропогенный феномен кубанской станицы как базисной формы поселений. Несмотря на наличие массива краеведческих вариантов истории отдельных кубанских поселений, общей исторической картины поселенческого пространства Кубани пока в региональной историографии не создано, причём, речь не идёт о банальной энциклопедии поселений, но существует потребность в энциклопедистском осмыслении истории развития казачьих поселений, которая имеет научно-практическое, прикладное значение.

Более того, историко-культурный генезис казачьих поселений на Кубани при всём единстве этого исторического процесса, подлежит дифференциации на отдельные периоды с непременным формулированием типологических характеристик, что является одной из ключевых задач настоящего исследования.

История казачьих поселений с эволюцией их форм и поселенческая повседневность формируют значительный массив знаний о важнейших аспектах существования, взаимодействия и функционирования казачьих сообществ. Они позволяют историкам продумывать актуальные исследовательские решения о проведении в современных условиях изысканий с использованием авторского научного инструментария пространственного анализа поселенческой реальности и познания микроисторического места в ней человека, казака-первооснователя в историческом регионе Кубани. Пространственно-координированная информация о казачьих поселениях служит исходным посылом и для макроистории, и региональной истории казачества.

Общественно-политическая актуальность исследования обусловлена Стратегией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. (Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г., № 505), заключающейся, в частности, в тщательном сохранении, последовательном и объективном изучении многогранного исторического прошлого, в том числе, казачьего мира Кубани, отстаивания исторической правды о российском казачестве.

Хронологические рамки исследования охватывают по обоснованным автором масштабам исторический период, начиная с конца XVIII в. и заканчивая началом революционных трансформаций в 1917 г.

Нижняя временная граница настоящего исследования продиктована появлением первых исторических свидетельств о казачьих поселениях в качестве обособленной структуры в историческом регионе Кубани. Верхняя граница индивидуальной исследовательской траектории определена развёртыванием социалистической трансформации исторической повседневности традиционного общества кубанских казаков.

Территориальные рамки исследования включают в себя не только к исторические границы Черноморского казачьего войска, но и иные территории по состоянию на конец XVIII в., с учётом вхождения в 1860 г. Черномории вместе с частью Кавказского линейного казачьего войска в состав единого Кубанского казачьего войска. Исторический регион Кубани пережил пять крупных административно-территориальных реформ: 1) образование округов в 1794 г.; 2) укрупнение округов в 1802 г.; 3) введение в действие «Положения о Черноморском казачьем войске» 1 июля 1842 г. с тремя округами и принятие «Положения о Кавказском линейном казачьем войске» 14 февраля 1845 г. с упорядочиванием ситуации на востоке Кубани; 4) образование Кубанского казачьего войска 19 ноября 1860 г. с последующим утверждением 5 уездов; 5) «Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» 21 марта 1888 г. Кроме того, регион испытывал существенное влияние военно-стратегического и геополитического факторов, поэтому Кубань входила в разные административно-территориальные единицы, к числу которых, например, относился правый фланг Кавказской линии, где располагались линейные станицы. Но наблюдалось и обособление части территории, свидетельствами чего являются существование Закубанского края в 1830–1865 гг. и многократное перекраивание внутренних административных границ в Восточном Причерноморье.

Мы учитываем современное административно-территориальное деление, сейчас историческая территория Кубани находится в пределах 4 субъектов Российской Федерации – Краснодарского края, Республики Адыгея, Ставропольского края и Карачаево-Черкесской Республики.

Объект исследования – поселенческий уклад кубанских казаков в ходе освоения исторической территории Кубани и образования различных форм поселений. Поселения рассматриваются в объективной и субъективной исторической реальности от момента зарождения до перехода к советской модели заселения Кубани.

Предмет исследования – казачьи поселения в материально-хозяйственных, военно-организационных, социокультурных и духовно-нравственных вариантах их повседневного существования. Соответственно, в рамках предмета исследования находятся: историческая динамика поселенческого уклада; сочетание традиций и новаций в организации жизненного пространства в местах проживания кубанских казаков; характеристика типов (форм) поселений в региональном контексте на этапах заселения новых территорий, социально-экономического генезиса и последующей поселенческой трансформации исторического региона Кубани.

Анализ степени изученности проблемы¹ нами понимается как последовательное движение от осмысления историографических фактов и взглядов их создателей (авторов), от определения ключевых маркеров в массиве привлекаемой литературы к выделению этапов в историографии научной проблемы, далее к формулированию ключевых историографических тенденций, и в завершение – к выяснению лакун в исследовании поселенческого уклада кубанских казаков и исторических форм поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв.

Во введении мы остановимся на выявленных этапах в историографии изучаемой научной проблемы с упоминанием наиболее авторитетных исследователей, на определении общих историографических тенденций и на неизученных и/или недостаточно исследованных блоках вопросов и на отдельных сюжетах, которые позволяют представить варианты траектории авторского научного поиска.

Прежде всего, выделим качественно различные хронологические этапы в историографии проблемы: 1) имперский; 2) советский; 3) современный. Первый, имперский этап (до начала 1920-х гг., когда исследователи ещё творили в рамках дореволюционных воззрений) – этап первичного сбора сведений и систематизации знаний о поселениях. Тогда появились первые публикации,

---

¹ Развёрнутый историографический обзор с полномасштабными ссылками представлен автором в первом параграфе первой главы диссертации.

подготовленные современниками и свидетелями возникновения казачьих поселений, отчасти – участниками многих событий в заселении Кубани. Заметный след в изучении поселенческих образований оставили такие исследователи как И.Л. Дебу, А.М. Туренко и Я.Г. Кухаренко, И.Д. Попко, Ф.А. Щербина, И.В. Бентковский, Е.Д. Фелицын, П.П. Короленко и др. Базисной историографической тенденцией данного этапа стал сбор конкретно-исторических свидетельств и первичный анализ фактов.

Второй, во многом политизированный и идеологизированный, советский этап (это не исключает наличие в литературе того времени уникальной информации и объективного знания) охватывает время с начала 1920-х гг. на протяжении социалистического развития нашего государства до начала 1990-х гг. Это этап экономической детерминации и политизации знаний о поселенческих структурах на Кубани, когда историко-культурные вопросы и сюжеты повседневности отходили на второй план. Тем не менее, не стоит отрицать заслуг исследователей советского периода по накоплению знаний о поселенческих образованиях и их дифференциации в рамках концептуально-когнитивных структур, нередко выходивших далеко за пределы марксистской парадигмы. Следует упомянуть труды И.Е. Гольдентула, И.М. Клейнера, И.А. Конюкова, М.И. Лолы, С.А. Скворцова, В.П. Ставского, В.А. Голобуцкого, А.В. Фадеева, С.А. Чекменёва и др. Базовая историографическая тенденция советского этапа заключалась в переходе от социально-классовых оценок к этнографическому описанию поселений.

Третий, современный (постсоветский) этап, начинающийся в 1990-е гг. и продолжающийся до настоящего времени, – этап новых исследований о казачестве и его роли в истории России, выполняемых, как правило, на мультипарадигмальной основе. В центре внимания историков оказываются и поселенческие структуры как предмет самостоятельного исследования. Публикации последних лет посвящаются осмыслению исторической роли и значения поселений, отдельным вопросам истории населённых пунктов. Такие исторические сюжеты можно встретить в трудах О.В. Матвеева, В.Н. Ратушняка,

Б.А. Трёхбратова, В.А. Колесникова, А.П. Скорика, С.В. Самовтора, Б.Е. Фролова, Е.Е. Хеймана, Н.Б. Акоевой, Н.И. Бондаря, Л.В. Бурыкиной, Ю.Ю. Клычникова, Д.С. Ткаченко и др. Базисная тенденция состоит в переходе от исторического краеведения к проблемно-хронологическому осмыслению отдельных исторических сюжетов.

На фоне заново открытых и инновационных проблем истории кубанского казачества исследования, затрагивающие проблематику формирования и жизнедеятельности поселенческих образований кубанских казаков, пока носят разрозненный, фрагментарный характер. Поэтому наше диссертационное исследование призвано сформировать целостное историческое представление о поселенческих структурах как полифункциональных социальных образованиях на Кубани с детерминирующей и преобладающей казачьей повседневностью существования и развития поселений, соответственно, восполнить существующие в историографии лакуны. К числу таких лагун, на наш взгляд, относятся:

– межевание (с использованием традиционных и практически повседневных казачьих процедур) пожалованного за государственную службу имперскими властями и осваиваемого казаками земельного пространства под устройство изначальных поселений и коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани;

– многообразие форм казачьих поселений в исторической повседневности Кубани с выявлением и установлением понятийных смыслов в рамках вероятностного наличия вариантов исторической интерпретации, в том числе, в отношении ранее употреблявшихся в литературе дефиниций;

– синхронизация трактовок исторических процессов генезиса черноморского и линейного казачества, создававшего различные по своим историческим характеристикам, но в большей мере одинаковые по форме поселения;

– полномасштабная реконструкция сети региональных кордонных линий, служивших опорными военно-хозяйственными конструкциями для водворения новых казачьих поселений и торжества казачьего мира на Кубани;

– топохронная эволюция казачьих хуторских поселений и хозяйственно-культурный уклад повседневной жизни хуторян Кубани.

Перечисленные и иные лакуны в историографии исследуемой научной проблемы, в полной мере и в завершённой форме фиксируемые в резолютивной части первого параграфа первой главы диссертации, дают нам основания для формулирования цели и задач диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования – формирование концептуализированного представления о поселенческом укладе кубанского казачества в конце XVIII – начале XX вв. в контексте различных форм поселенческого обустройства в историческом регионе Кубани и на основе ретроспективы исторической повседневности казачьих поселенческих структур.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие исследовательские задачи:

– выявить основные теоретико-методологические подходы к проблеме поселенческого обустройства на казачьих территориях Кубани в исторической науке, этапы и тенденции развития историографии проблемы;

– определить и интерпретировать совокупность исторических источников (в том числе, впервые вводимых автором в научный оборот) исследования государственной поселенческой и переселенческой политики на Юге России в конце XVIII – начале XX вв.;

– создать авторскую концепцию исторических поселений кубанского казачества и разработать категориально-понятийный аппарат осмысления поселенческого обустройства казаков Кубани и Черноморья;

– интерпретировать процесс межевания (с использованием традиционных и практически повседневных казачьих процедур) пожалованного за государственную службу имперскими властями и осваиваемого казаками земельного пространства под устройство изначальных поселений; поиск переселенцами вариантов расточительного и разумного природопользования, приемлемой для местных условий агрикультуры и противоречия территориального поселенческого расселения в пределах Кубани;

– установить исторические пределы многообразия форм поселений черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в исторической повседневности Кубани с выяснением понятийных смыслов в рамках вероятностного наличия вариантов исторической интерпретации, в том числе, в отношении ранее употреблявшихся в исторических исследованиях дефиниций;

– аргументировать модели развития казачьих поселений в пространственно-временном континууме исторического региона Кубани как целостной военно-административной, хозяйственно-культурной и духовно-нравственной системы, выявить общие и особенные черты генезиса поселенческих структур у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев, охарактеризовать ключевые формы поселений в региональном историческом процессе;

– осуществить полномасштабную историческую реконструкцию сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае, служивших опорными военно-хозяйственными конструкциями для водворения новых казачьих поселений, их последовательного укоренения на Кубани;

– обосновать закономерности топохронной эволюции казачьих хуторских поселений на Кубани, раскрыть прогрессивные черты и параметры эффективности хозяйственно-культурного уклада кубанского хутора, раскрыть тенденции складывания архетипа казачьего хуторского мира на Кубани;

– выявить поселенческое моделирование имперскими и региональными властями казачьей повседневности на прилегавшей к Кубани территории Восточного Причерноморья, со временем интегрированной в рамках единого российского региона, чему способствовало существование Черноморской береговой линии и станиц Закубанского поселения;

– раскрыть сущность процесса трансформации кубанских поселений и казачьей повседневности во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях административно-территориальных реформ в Кубанской области, модернизации поселенческого пространства и актуализации взаимоотношений казаков и иногородних крестьян.

Теоретико-методологическая база исследования нами трактуется как совокупность применяемых принципов научного познания; используемых парадигмальных конструкций для осмысления рассматриваемой научной проблемы; характерных методов исследования; выработанного и соответствующего тематике категориально-понятийного аппарата; авторских методик работы с историческими фактами (например, в отборе архивного материала). Центральным же элементом теоретических построений выступает авторская концепция исторических поселений, формирующая в диссертационном исследовательском поле историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани». Перечисленные положения о логической структуре теоретико-методологической базы исследования преимущественно излагаются в третьем параграфе первой главы диссертации, а во введении мы остановимся на отстаиваемых принципах научного познания и общей характеристике авторской концепции исторических поселений, что, на наш взгляд, позволяет заявить о теоретико-методологических позициях диссертанта в предварительном порядке.

Прежде всего, отметим опору автора на фундаментальные принципы исторического познания – объективности, системности, историзма, конкретности и альтернативности. Принцип научной объективности даёт возможность на основе детального анализа исторических источников выявить предпосылки зарождения научного интереса к истории поселенческих образований, сделать настоящее исследование предельно достоверным, свободным от идеологической или какой-либо иной предвзятости. Принцип системности позволил представить полученное знание не только в логической последовательности, но и в концептуализированном виде, что отражается в общей структуре настоящей работы. Неизменное следование принципу историзма (главному для любого историка) обеспечило рассмотрение многообразной истории кубанских казачьих поселений в непосредственной взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и культурными процессами, протекавшими в регионе с конца XVIII в. и вплоть до начала советских преобразований. Принцип конкретности постоянно подпитывал наше стремление к поиску всё новых и но-

вых исторических фактов о кубанских поселениях, сбору достаточно объёмного массива конкретно-исторического материала о казачьей повседневности, раскрывающих изучаемые процессы в историческом регионе Кубани в мельчайших деталях, что делает авторские обобщения и выводы максимально репрезентативными. Принцип альтернативности исследования означал не только авторское следование правилу древнеримских юристов *audiatur et altera pars* («пусть и другая сторона будет услышана»), то есть обращалось внимание на поиск исторических альтернатив. Также нами рассмотрены различные проекты многообразных преобразований в историческом регионе Кубани, далеко не всегда реализованные, или опередившие своё время, или преданные забвению по конъюнктурным соображениям, или утратившие свою актуальность по каким-либо причинам иного свойства. Последовательное применение фундаментальных принципов исторического познания – объективности, системности, историзма, конкретности и альтернативности позволило воссоздать целостную историческую картину изучения исторических поселений кубанских казаков в рассматриваемый период и представить свой собственный системный взгляд на проблему генезиса кубанских казачьих поселений, на историческую повседневность казаков-переселенцев.

История формирования казачьих поселений на Кубани является тем ключевым звеном научного поиска, которое позволяет выявить все смежные звенья исторической цепи событий и проследить коллизионный путь заселения, освоения и развития нынешней территории Краснодарского края, который нами отражается с помощью авторской концепции исторических поселений. Подчеркнём, что в этом сложном историческом процессе зарождается региональный поселенческий уклад кубанских казаков, а его предназначение в повседневной жизни казаков имеет многофункциональный характер, его существование получает многолетнюю перспективу, его развитие приобретает многовекторную направленность, его содержание по определению отличается многоплановостью, его воздействие носит мультипликативный эффект. Тем самым, поселенческий уклад выступает для Кубани традиционным автохтон-

ным историко-культурным институтом, во многом заимствованным у запорожцев и донцов, уникальной формой самоорганизации жизнедеятельности казаков, формирующей историко-культурный потенциал территории Кубани. В итоге рождается та историко-пространственная парадигма «казачий мир Кубани», приверженцами которой мы выступаем, опираясь на проанализированный комплекс исторических источников.

Исследование осуществляется на стыке двух базисных направлений исторической науки – макроистории и микроистории. С одной стороны, мы стремимся к охвату всего исторического региона Кубани, когда есть исходная точка отсчёта в историческом процессе (конец XVIII в.) и существует финальный момент (начало XX в.), когда фиксируются метаисторические тенденции и закономерности, когда изучается общность кубанского казачества на фоне значительной части имперского периода в истории России, и всё это завершается концептуальным осмыслением в форме авторской позиции в рамках поставленной научной проблемы. С другой стороны, внимание соискателя фокусируется на очень небольших единицах исторического познания, каковыми выступают различные кубанские поселения (курени, станицы, хутора и т.д.), исторические портреты кавказских военных администраторов, судьбы отдельных казаков, их хозяйственно-экономические и поселенческие траектории, кордонная служба в военных укреплениях и т.д.

Кроме того, исследование отличается культурантропологическим позиционированием авторских трактовок исторического процесса, поскольку соискатель стремится раскрыть материальные параметры создаваемых казаками кубанских поселений, результаты отдельных поселенческих историй, представления казаков о поселенческом укладе, их модели поведения в условиях создания большой российской провинции – Кубанской области. Причём, исторический регион Кубани выступает как фронтирное пространство деятельности поселенческих сообществ казаков, когда прибывающие черноморцы постепенно, начиная с Тамани, расширяли занимаемую территорию в направлении на восток, юг и север, где неизбежно их интересы пересекались с горскими

сообществами, донскими и линейными казаками, а в итоге появилось единое кубанское казачество.

Источниковая основа исследования представлена основными типами письменных исторических источников. Вся совокупность опубликованных источников нами делится на следующие группы: 1) нормативно-правовые акты имперских инстанций; 2) макрорегиональные и войсковые документы (формулировка даётся с учётом содержания включённых в группу источников); 3) справочно-информационные издания; 4) материалы периодической печати (имперского, советского и постсоветского периодов истории); 5) эго-свидетельства россиян (источники личного происхождения подданных Российской империи); 6) записки иностранных путешественников и учёных (источники личного происхождения имперского периода истории), в том числе, на иностранных языках. Последние две группы имеют парный характер. Опубликованные исторические источники будут проанализированы нами во втором параграфе первой главы диссертации. Что касается неопубликованных источников, то они дифференцируются на две группы: 1) архивные материалы, общий обзор которых приводится, начиная со следующего абзаца настоящего введения диссертации; 2) музейные артефакты (к примеру, почерпнутые нами из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына), но их анализ является частью диссертационного текста, ввиду особенностей этих исторических источников, содержащих конкретные исторические факты, и мы к ним вернёмся во втором параграфе первой главы.

Архивные материалы, сосредоточенные в различных архивных коллекциях и привлекаемые соискателем для анализа поставленной и исследуемой научной проблемы, отложились в 3 федеральных, 4 региональных и 3 муниципальных архивах, расположенных в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Ставрополе, Майкопе, Черкесске, а также в Ейске, Новороссийске и станице Ленинградской. Ценнейшие исторические свидетельства выявлены и получены в следующих федеральных архивах: в Российском государственном во-

енно-историческом архиве (РГВИА)¹, в Российском государственном историческом архиве (РГИА)², в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)³; в обозначенных далее региональных архивах Северного Кавказа: в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК)⁴, в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК)⁵, в Национальном архиве Республики Адыгея⁶, в Государственном архиве Карачаево-Черкесской Республики (ГАКЧР)⁷. Редкие исторические сюжеты нами обнаружены в фондах муниципальных архивов Краснодарского края: в муниципальном казённом учреждении муниципального образования Ейский район «Архив» (или в сокращённом официальном варианте: МКУ «Архив», для исследовательской практики: МКУ МОЕРА)⁸, в Архиве муниципального образования «Ленинградский район» (АМОЛР)⁹, в Управлении архива муниципального образования «город Новороссийск» (УАМОГН)¹⁰. В целом, в работе использованы архивные материалы из 10 различных архивохранилищ в общем объёме 65 фондов и 344 архивных дел. Опора, в первую очередь, на неопубликованные письменные исторические источники позволила обеспечить достаточную степень новизны диссертации.

Научная новизна исследования заключается в научной концептуализации проблемы казачьей повседневности путём авторского анализа различных типов и форм истории кубанских поселений (микроистории) и культурно-антропологического позиционирования траекторий человеческих судеб (полных версий и фрагментов исторических биографий) во фронтальном пространстве исторического региона Кубани (макроистории).

---

¹ РГВИА. Ф. 38, 330, 400, 414, 643, 788, 846, 13454.

² РГИА. Ф. 381, 560, 932, 1268, 1405, 1149.

³ ГАРФ. Ф. 601, 649, 677, 678, 1736.

⁴ ГАКК. Ф. 105, 249, 250, 252, 254, 257, 260, 261, 318, 325, 327, 345, 347, 350, 351, 352, 363, 389, 396, 449, 452, 454, 460, 574, 696, 735, Р-13, Р-411, Р-1700.

⁵ ГАСК. Ф. 70, 135, 235, 371, 377, 1289.

⁶ НАРА. Ф. 1, 11, 68.

⁷ ГАКЧР. Ф. 3, 4, 5.

⁸ МКУ МОЕРА. Ф. Р-600, Р-618.

⁹ АМОЛР. Ф. Р-157.

¹⁰ УАМОГН. Ф. 2, 74.

В работе:

1) определены на основе развёрнутых историографического и источниковедческого анализа привлекаемой соискателем совокупности (в том числе, впервые вводимых в научный оборот архивных дел с полным атрибутированием) исторических источников базисные концептуально-теоретические модели познания изучаемой темы; выработана авторская концепция исторических поселений; адаптирован категориально-понятийный аппарат для изучения выявленных диссертантом лакун и недостаточно изученных исторических сюжетов в историографии научной проблемы и предложены инновационные дефиниции исследования поселенческого обустройства и многогранной повседневности казаков-переселенцев в историческом регионе Кубани;

2) интерпретированы процессы межевания и порядок землепользования, проведение войсковой реорганизации на Кубани при освоении казаками пожалованных за государственную службу земель и поселенческом обустройстве с использованием традиционных процедур; раскрыты формы поиска переселенцами вариантов рационального природопользования; установлены особенности приемлемой для местных условий агрикультуры в результате повседневного приспособления изначальных приёмов и навыков землепользования; выяснены коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани;

3) обоснована авторская типологизация поселений черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в исторической повседневности Кубани с формулированием соответствующих дефиниций обозначенных групп поселенческих структур; определены ключевые формы поселений в региональном историческом процессе на протяжении изучаемого периода: конца XVIII – начала XX вв.;

4) доказано целенаправленное и соответствующее исторической эпохе развитие казачьих поселений как целостной военно-административной, хозяйственно-культурной и духовно-нравственной системы в пространственно-временном континууме исторического региона Кубани; выявлены общие и особенные черты генезиса поселенческих структур у черноморских и линейных

казаков, иных категорий переселенцев, что подкрепляется итоговой типологизацией кубанских поселений;

5) впервые в отечественной историографии осуществлена полномасштабная историческая реконструкция с учётом проходившей коадаптации имперского управленческого комплаенса и установлены особенности сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае, служивших базисными военно-хозяйственными конструкциями при освоении казачеством недавно присоединённых российских территорий, водворении новых казачьих поселений и формировании культуры общеказачьей (для разных групп казаков-переселенцев) повседневности в Закубанье;

6) доказана топохронная эволюция казачьих хуторских поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв.; сформулированы прогрессивные черты и параметры эффективности хозяйственно-культурного уклада кубанского хутора; установлена историческая правомерность мироустройства этой поселенческой модели и определён архетип казачьего хуторского мира на Кубани;

7) аргументирована стратегическая социальная практика поселенческого миромоделирования имперскими и региональными властями присоединённой к России по результатам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. территориальной полосы Восточного Причерноморья, со временем ассоциированной в рамках одного российского исторического региона Кубани, когда ключевыми сюжетами поселенческого обустройства являлись укрепление Черноморской береговой линии и водворение группы станиц Закубанского поселения, где отчётливо прослеживались казачьи поселенческие модели и где наличествовала характерная культура повседневности;

8) репрезентировано авторское понимание исторической ретроспективы социальной трансформации кубанских поселений на фоне административно-территориальных преобразований во второй половине XIX – начале XX вв., когда поселенческие структуры выступали источниками социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани; выявлены варианты сохранения традиционных ценностей и распространения мо-

дернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве; показаны коллизии функционирования социальных дискуссионных панелей, в том числе институционализированных взаимоотношений «казаки и иногородние: против/вместе».

К числу **положений, выносимых на защиту**, считаем необходимым отнести следующие принципиально значимые тезисы:

1. Детальный анализ аккумулированных исторических источников и историографических фактов позволил сформулировать положения авторской концепции исторических поселений, суть которой заключается в утверждении поселенческих структур в качестве базисных источников социокультурного развития исторического региона Кубани и основы формирования культуры. Ключевые положения указанной концепции также раскрываются через авторский категориально-понятийный аппарат (в том числе, дефиниции куреня, станицы, хутора, и др.).

2. На протяжении большей части имперского периода формирования и существования кубанского казачества, вплоть до последней четверти XIX в. черноморские казаки упорно отстаивали в публичном пространстве своё исконное право на пожалованные им за государственную службу в «вечное владение» земли вольной Черномории. Упорядочивание процесса межевания земель и системы землепользования, проведение войсковой реорганизации постепенно сблизили две базисные части кубанского казачества: черноморское и линейное. Развёртывание поселенческого обустройства с использованием традиционных процедур позволяло казакам сохранять культуру повседневности, выработать варианты рационального природопользования, приспособить изначальные (до переселения на Кубань) приёмы и навыки землепользования к местным условиям, сформировать развитую культуру кубанского земледелия, закрепить историческую преемственность для казаков в землевладении на территории Кубанской области.

3. Поселения черноморских и линейных казаков в исторической повседневности Кубани конца XVIII – начала XX вв. прошли относительно длитель-

ный процесс эволюции, в ходе которого наблюдается смена форм поселенческих структур (слободки, укрепления, куренные селения, станицы и т.д.), и, в конце концов, системообразующая роль переходит к станицам и хуторам. Каждая из форм поселенческих структур не только может быть обозначена в понятийном плане авторской дефиницией, но и прошла свой исторический путь, причём, большинство этих форм сохранились в социальной реальности, или же существовали и существуют как образ коллективной памяти кубанского казачества (коммеморативные практики), как например, курень. Для поселенческого обустройства присущи определённые коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани.

4. В пространственно-временном континууме исторического региона Кубани казачьи поселения выступают фундаментальным основанием формирования и развития человеческого потенциала, социальной устойчивости, хозяйственно-экономической эволюции, сохранения культурного многообразия, репрезентацией проживаемой исторической эпохи. Вызовы геополитического и военно-хозяйственного характера сделали изначально казачьи поселения военнизированным образованием, но вместе с трансформацией исторической ситуации казачьи поселения способствовали раскрытию потенциала казачьего сообщества во многих сферах. Поселенческие структуры у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев в процессе социальной трансформации, хотя и заметно отличались между собой, но в то же время обладали общими чертами, характеризующими культуру повседневности на Кубани.

5. Массовое строительство и укрепление новых станиц в Закубанском крае связано с третьим этапом переселения и освоения закубанских территорий в условиях завершения длительной Кавказской войны. Полноценное осмысление этого процесса невозможно без исторической реконструкции параллельно или на шаг-два вперёд создававшейся сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае. Эта сеть складывалась и развивалась трудами казаков и нижних чинов русской армии при коадаптации имперского управленческого комплаенса. Кордонные линии слу-

жили базисными военно-хозяйственными конструкциями при освоении казачеством недавно присоединённых российских территорий, водворении новых казачьих поселений и формировании культуры общеказачьей (для разных групп казаков-переселенцев) повседневности в Закубанье, причём, сложившийся архетип поселения линейных казаков получил здесь наибольшее распространение. Военно-административный характер первичного массового заселения территории Закубанья сохранялся и в течение следующего этапа 1864–1870 гг., но этот процесс уже переходит под контроль наёмного атамана Кубанского казачьего войска и войсковой администрации Кубанской области. Одновременно начинается постепенное свёртывание системы военно-гражданского управления станичной жизнью, происходит ликвидация региональных и внутренних кордонных линий, осуществляется переход на самоуправленческие начала местной жизни. Именно сформировавшемуся кубанскому казачеству принадлежит ведущая роль в заселении новых российских территорий и создании системы кордонных линий, обеспечивавших надёжное прикрытие государственных границ Российской империи, проводившей активную геополитическую игру в историческом макрорегионе Кавказа.

6. Топохронная эволюция казачьих хуторских поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. обусловила превращение хутора в актуальную хозяйственную и поселенческую структуру. Как самодостаточная форма поселения, он позволил в полном масштабе реализовать изначально заложенные в самой хуторской системе исторические преимущества материально-экономического, агротехнического и социально-хозяйственного порядка. Кубанский хутор сохранил в качестве первоосновы два ключевых элемента казачьей земельной идеологии – землю и волю в их казачьем понимании. В условиях переселения на новые земли хутор обеспечил широкий простор казачьей индивидуальности, что нашло своё отражение в складывавшейся кубанской топонимике. Хуторская система расширила возможности для внедрения агротехнических новшеств и проявления хозяйственной инициативы казаков-переселенцев, порой переходившей разумные рамки и вызывавшей беспокойство

войсковых властных структур. Эта система подтвердила историческую правомерность мироустройства поселенческой модели хутора и устойчивость архетипа казачьего хуторского мира на Кубани.

7. Стратегическая социальная практика поселенческого миромоделирования имперскими и региональными властями присоединённой к России по результатам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. территориальной полосы Восточного Причерноморья, со временем ассоциированной в рамках одного российского исторического региона Кубани, была направлена на закрепление этого приморского пространства за Россией. Хозяйственное обустройство причерноморских станиц в различных исторических формах выступало залогом жизненного благополучия казаков, однако, далеко не все усилия властей оказались продуктивными. Зачастую затраченные средства практически не приносили ожидаемого результата, и Черноморское побережье ещё долго оставалось пустынным, несмотря на самые разные способы привлечения переселенцев. Имперские власти пытались решить эту насущную проблему преимущественно административно-территориальными преобразованиями. Ключевыми сюжетами поселенческого обустройства являлись укрепление Черноморской береговой линии и водворение группы станиц Закубанского поселения, где отчётливо прослеживались казачьи поселенческие модели и где наличествовала характерная культура повседневности. Кроме того, в причерноморских поселениях имела место успешная местная система хозяйствования, представленная неказачьими слоями населения, которая является предметом самостоятельного исследования.

8. Проанализированная историческая ретроспектива трансформации кубанских поселений на фоне административно-территориальных преобразований во второй половине XIX – начале XX вв. показывает, что поселенческие структуры выступали источниками социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани. Поселенческое обустройство на Кубани демонстрировало уникальные социальные практики успешного решения казаками различных материально-хозяйственных, архитектурно-строительных, миграционных, военно-организационных и нормативно-

правовых проблем в процессе формирования, трансформации и утверждения казачьего поселенческого уклада. При этом существовали разные варианты сбережения традиционных ценностей и распространения модернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве, что обусловлено культурно-этническим своеобразием самого кубанского казачества, сохранившего в повседневных практиках значимые пласты этнической культуры (традиционная обрядность, социальные структуры, навыки хозяйственной деятельности и т.д.). В коммуникативных диапазонах различных форм поселений исторического региона Кубани особую актуальность приобрели социальные дискуссионные панели, прежде всего, функционирование наиболее значимой для Кубани институционализированной площадки «казаки и иногородние: против/вместе». Этим взаимоотношениям присущи глубина и многослойность, в них выражаются как глобальные, так и предельно частные, в том числе индивидуальные, мотивы и ракурсы.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация выполнена в рамках паспорта научной специальности 5.6.1. – Отечественная история, и её содержание соответствует следующим направлениям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов; 6. История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие её вооружённых сил на различных этапах развития; 15. Исторический опыт российских реформ; 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; 19. История развития российского города и деревни.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация позволяет углубить знания о культурно-историческом пространстве казачьих поселений исторического региона Кубани, в том числе, об архетипе казачьего хуторского

мира, обосновать концептуально-теоретические модели познания исторической повседневности поселенческих образований, усовершенствовать категориально-понятийный аппарат и дать развёрнутые определения таких понятий как «курень», «станица», «хутор» и др. Используемая в диссертации методика источниковедческого анализа с полным атрибутированием архивных фондов и архивных дел не только важна для интерпретации информационного контента привлекаемых источников, но и актуальна в плане теоретического обобщения процесса поиска (в архивах трёх уровней: федерального, регионального и муниципального) исторических доказательств консолидации исторического региона Кубани, генезиса кубанских поселений, познания ментальных образов прошлого и развития культуры повседневности черноморского и линейного казачества, объединившихся в административно-территориальных пределах Кубанской области.

Исследование формирует научные представления о становлении региональной земледельческой культуры, оптимальных способах решения вопросов землепользования и землевладения, о выработке вариантов рационального природопользования. Диссертация позиционирует казачьи поселения как целостную военно-административную, хозяйственно-культурную и духовно-нравственную систему в пространственно-временном континууме исторического региона Кубани конца XVIII – начале XX вв., что задаёт базисные направления для развёртывания дальнейших научных изысканий. Полномасштабная историческая реконструкция сети общекубанских региональных и внутренних кордонных линий в Закубанском крае является инновационным научным достижением в историографии, позволяющим по-новому взглянуть и иначе интерпретировать многие сюжеты истории кубанского казачества имперского периода. А доказательство положения о поселенческих структурах как драйверах социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани повышает значимость целевых программ регионального развития, принимаемых в наши дни. Исторический опыт функционирования социальных дискуссионных панелей в изучаемом российском ре-

гионе, в том числе, институционализированной площадки «казаки и иногородние: против/вместе», подтверждает важность своевременного поиска путей разрешения конфликтных ситуаций в публичном пространстве во избежание негативных общественно-политических последствий. Привлечённые эмпирические, конкретно-исторические материалы и сделанные теоретические выводы углубляют понимание механизмов социокультурной трансформации исторической повседневности, адаптации и сохранения традиционных ценностей социальной группы кубанского казачества в условиях распространения модернизационных веяний в региональном поселенческом пространстве во второй половине XIX – начале XX вв.

Практическая значимость исследования. Проведённый соискателем источниковедческий анализ архивных материалов из 10 архивохранилищ (при сочетании 3 федеральных, 4 региональных и 3 муниципальных) с учётом методики полного атрибутирования архивных фондов и архивных дел не только впервые вводит в научный оборот новые конкретно-исторические свидетельства, но и предоставляет исходную научно-информационную платформу для широкого круга исследователей по ведению научного поиска по проблемам общероссийской и региональной истории. Изученные в диссертации коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани, включая Закубанский край, многообразие форм казачьих поселений, общие и особенные черты генезиса поселенческих структур у черноморских и линейных казаков, иных категорий переселенцев формируют историко-пространственное понимание казачьего мира Кубани, брендинг которого необходимо для коммеморативных практик и для развития культурно-исторического туризма. Исследование социального конструирования кубанского казачества в результате государственного перемещения значительных групп переселенцев, прежде всего, из малороссийских губерний Российской империи в районы Прикубанья и Закубанья, в Северо-Восточное Причерноморье существенно расширяет наше понимание социокультурной сущности и повседневности современного казачества.

Материалы диссертационного исследования могут быть также использованы при проведении учебных занятий в образовательных организациях высшего образования, реализующих образовательные программы с использованием исторических и традиционных ценностей российского казачества, по курсам «Историческое краеведение» и «История Кубани», включены в содержательные блоки учебно-методических пособий и рабочих программ «казачьих» университетов по истории казачества. Содержание, основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть применены при проведении учебных занятий и для осуществления внеклассной воспитательной работы в муниципальных образовательных организациях (средних школах) со статусом «казачья организация», казачьих классах, казачьих кадетских корпусах, профессиональных образовательных организациях со статусом «казачьи» и представляют интерес при чтении специальных курсов лекций по истории казачества и региональной истории в учреждениях дополнительного образования и в процессе реализации дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства, осуществляемых общественными организациями, например, российским обществом «Знание». Тем самым, речь идёт о выработке и совершенствовании механизмов утверждения в казачьих регионах российской идентичности и гражданского согласия многонационального народа Российской Федерации.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы 60 научных работ общим объёмом 133,6 печ.л. Из них – 5 монографий (в т.ч. 2 в соавторстве, 1 коллективная), 16 научных статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук, 4 публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus), 35 публикаций в журналах, входящих в национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ) и включённых в эту базу сборниках международных и всероссийских научных и научно-практических конференций и научных форумов.

Об основных результатах диссертационного исследования были сделаны доклады на 20 научных конференциях и форумах, где удалось апробировать многие авторские идеи и концепты. Среди них: всероссийская научная конференция «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» (9–10 октября 2017 г., г. Коломна); всероссийская научно-практическая конференция «Причерноморье в истории и современном развитии российского государства: опыт интеграции» (2–3 ноября 2017 г., г. Керчь); Международная научно-практическая конференция «История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации» (28–30 октября 2018 г., г. Новороссийск); Одиннадцатая международная Кубанско-Терская научно-практическая конференция «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» (23 ноября 2018 г., г. Армавир); Международная научно-практическая конференция «VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах» (4–5 октября 2019 г., г. Краснодар); Международная научно-практическая конференция «Причерноморье в контексте Российской цивилизации: история, политика, культура» (24–26 октября 2019 г., г. Севастополь); Всероссийская научная конференция «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» (25 октября 2019 г., г. Москва); Всероссийская научно-практическая онлайн-конференция «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи» (3–4 декабря 2020 г., г. Псков); Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция памяти Р.И. Бочаровой «VIII Бочаровские чтения» (19 декабря 2020 г., г. Краснодар); Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность. К 80-летию начала Великой Отечественной войны» (28–29 мая 2021 г., г. Таганрог); VIII Международная научно-практическая конференция «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» (27 января 2022 г., г. Москва);

Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура» (13–15 мая 2022 г., г. Судак); IX Международный форум историков-кавказоведов, посвящённый 100-летию образования СССР «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура» (17–18 октября 2022 г., г. Черкесск); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (XXXVIII Адлерские чтения) «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 85-летию Краснодарского края» (4–8 ноября 2022 г., г. Сочи); Тринадцатая международная Кубанско-Терская научно-практическая конференция «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» (9 ноября 2022 г., г. Армавир); Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего» (25–26 ноября 2022 г., г. Новочеркасск); Международная научно-практическая конференция «Казачество на службе Отечеству» (28 ноября 2022 г., г. Ростов-на-Дону); VIII Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» (1 декабря 2022 г., г. Краснодар); Международный научный форум, посвящённый 20-летию ЮНЦ РАН «Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России» (8–10 февраля 2023 г., г. Ростов-на-Дону); Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России» (21–23 апреля 2023 г., г. Темрюк) и др.

Отдельные результаты и выводы, представленные в диссертации, получены в ходе работы автора над научным проектом, реализованным при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ): грант № 22-28-00330 («Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания»).

Концепция работы и основные положения диссертационного исследования обсуждены и диссертация рекомендована к защите заседанием кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертационного исследования. Структура исследования имеет проблемно-хронологический характер и переопределена целью и задачами диссертации. Работа состоит из введения, 6 глав, разделённых на 18 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения, содержащего таблицы и иные дополнительные материалы.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАЗАКОВ КУБАНИ

1.1. Проблема поселенческого обустройства на казачьих территориях Кубани в историографии: научные подходы, этапы, тенденции развития

Эволюция поселенческих структур на юге России привлекала внимание историков ещё с начала XIX в., и до сегодняшнего дня этот дискурс не утратил актуальности, в результате чего сложилась историография проблемы, которая, как мы ранее отмечали во введении, на наш взгляд, может быть разделена на три этапа развития.

Имперский этап историографии изначально связан, прежде всего, с именами И.Л. Дебу, Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко. Первые исследования, посвящённые вопросам заселения как черноморскими, так и линейными казаками исторического региона Кубани, стали появляться в первой трети XIX в. Одной из самых ранних публикаций о Черномории в столичных газетах следует считать статью неизвестного автора, опубликованную в 1829 г. в газете «Русский инвалид»¹. В ней автор в позитивной тональности сообщает о первых казачьих поселениях и о месте строительства г. Екатеринодара. Одним из первых черноморских историков можно назвать Д.А. Арцыбашева, хотя волею судеб его полномасштабная историческая карьера не состоялась.

Сосланный в Таманский гарнизонный полк 7 июля 1826 г. декабрист Дмитрий Александрович Арцыбашев (1803–1831) подготовил рукопись «Несколько слов о Черномории», и в этих записках он описал географическое положение, населённые места кубани, быт горцев, пытался осмыслить место и роль черноморского казачества². Однако из-за своей ранней смерти от злокачественной лихорадки он не завершил начатое исследование. Похоронен

---

¹ О первоначальном завоевании (1792–1794) верными Черноморскими казаками острова Тамани и земель по р[екам] Кубани, Лабы и др. // Русский инвалид. СПб., 1829. № 98.

² ГАРФ. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.

Д.А. Арцыбашев на Всесвятском кладбище г. Краснодара, в его памяти навечно оставшегося Екатеринодаром, граничившим вверх по течению Кубани на расстоянии 30 вёрст с землями «мирных Черкес, под управлением Темиргойского Князя Алкаса, старца 95-ти лет, перешедшего в подданство России, ещё в царствование Императрицы ЕКАТЕРИНЫ второй»¹.

По мнению известного кубанского историка Г.Н. Шевченко, Д.А. Арцыбашев «был первым, кто наметил важнейшие вехи в изучении черноморского казачества и сделал первый шаг на этом пути». Именно он, как считала Галина Николаевна, «включил в план своего будущего исследования такие важные пункты, как вопрос о происхождении черноморских казаков, времени их поселения в Черномории, вопросы о нравах и обычаях казачества, деятельности атаманов и настоящем состоянии казачества»².

Благодаря центральным публикациям о далёкой Черномории, о казаках, их повседневной жизни, о формах поселений, планировке жилищ и казачьих традициях узнавали не только жители российских столиц (Санкт-Петербурга и Москвы), но и население многих городов и весей нашей страны. Так, в период 1818–1822 гг. появились симптоматичные и своеобразные произведения о Черномории известного «просветителя Черноморского края», войскового протоиерея Черноморского казачьего войска и одновременно первоприсутствующего Екатеринодарского духовного правления Кирилла Васильевича Россинского. В 1818 г. в Харькове публикуется его «Речь при публичном собрании в Екатеринодарском Уездном Училище 1816 года июля 30-го»³. Столичный питерский журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в 1820 г. помещает на своих страницах «Извлечение из письма господина Члена-Корреспондента общества Войска Черноморского протоиерея и кавалера

---

¹ Арцыбашев Д.А. Письмо из-за Кубани // Северный Меркурий. СПб., 1831. Т. 111. № 52. 1 мая. С. 209.

² Шевченко Г.Н. Первый шаг к изучению черноморского казачества // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения (К 200-летию основания города Екатеринодара и 43 кубанских станиц). Тезисы докл. науч. конф. Краснодар, 1992. С. 108.

³ Виноградов А. Россинский, Кирилл Васильевич // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Петроград, 1918. Т. XVII. С. 162–164.

К.В. Россинского»¹. Кроме того, читатели журнала могли познакомиться с его речью, произнесённой 17 мая 1820 г. при открытии Черноморской гимназии в Екатеринодаре. В ней он подвёл примечательные итоги переселения казаков в Черноморию за 28 лет и в заключение констатировал: «Пустые и дикие степи Кубани превратились в область благоустроенную, которая способствует славе России»². В 1820 г. в Харькове публикуется его «Речь при публичном собрании, в заключение годичного испытания, в Екатеринодарском Училище»³. В «Журнале Императорского человеколюбивого общества» помещается «Письмо к Председателю комитета по учёной части Императорского человеколюбивого общества от члена-корреспондента протоиерея Россинского от 16 января 1822 г.»⁴. Оно начиналось фразой: «К умножению народонаселения на землях Черноморских, для содержания границы от закубанских хищников и для распространения хлебопашества с высочайшего соизволения назначено в Черноморское войско из Малороссийских губерний: Черниговской и Полтавской 25 000 ревизских душ казаков с их семействами»⁵.

Небольшие по объёму произведения К.В. Россинского, духовного пастыря черноморских казаков, безусловно, не отличались глубоким исследовательским анализом истории начального этапа существования Черномории, но они несли для широкой российской общественности ключевую информацию о том, что происходит в далёких с точки зрения обывателя землях, как там

---

¹ Россинский К.В. Извлечение из письма г. Члена-Корреспондента общества Войска Черноморского протоиерея и кавалера К.В. Россинского // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1820. № 3. С. 339–340.

² Россинский К.В. Речь об успехах развития образования, говорённая в день торжественного открытия в Черномории гимназии // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1820. № 10. С. 3–32.

³ Золотаренко В. Краткая биография протоиерея Черноморского войска Кирилла Россинского // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1850. Т. LXVI. Отд. V. С. 1–12.

⁴ Россинский К.В. Письмо к Председателю комитета по учёной части Императорского человеколюбивого общества от члена-корреспондента протоиерея Россинского от 16 января 1822 года // Журнал Императорского человеколюбивого общества. СПб. 1822. Март. С. 288–292.

⁵ Россинский К.В. Письмо к Председателю комитета по учёной части Императорского человеколюбивого общества от члена-корреспондента протоиерея Россинского от 16 января 1822 года // Журнал Императорского человеколюбивого общества. СПб., 1822. Март. С. 288.

проистекает жизнь черноморских казаков, каких успехов удалось добиться в освоении новых российских земель.

Ранние повествования о жизни черноморских казаков, мы находим у краеведа, преподавателя математики Екатеринодарской войсковой гимназии Ивана Матвеевича Сбитнева (1800–1856) в «Записках о Черномории»¹. Работа содержит не только подробное описание жизни Черномории, но и фрагменты воспоминаний первых казаков, переселившихся на Кубань, что позволяет оценивать её как ценнейший исторический источник. Автор детально повествует об испытаниях и бедствиях, каким подверглись казаки при переселении в болотистую, губительную для них Тамань. Безусловно, нельзя уповать только лишь на мнение этого краеведа, но его обобщения хронологически наиболее ранние, и в этом заключается их достоинство, ибо историописание осуществлено буквально по «свежим» следам.

Черноморцы (Я.Г. Кухаренко, С.А. Шарап, И.Д. Попко) посылали свои литературные творения в российскую столицу (Санкт-Петербург) и в Киев, где они активно печатались в различных журналах². Кстати, именно в работах Якова Герасимовича Кухаренко (1843) и Степана Андроновича Шарапа (1862) однозначно фиксируется региональный специфический диалект (казачий говор), получивший название «кубанская балачка» (а, если использовать этот диалект, «яка зараз живе»).

По заданию войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска её же служащий, ассессор [должность чиновника средней руки. – *авт.*] Яков Герасимович Кухаренко (1799–1862) вместе с есаулом Александром Михайловичем Туренко (1792–?) с 1 декабря 1834 г. приступают к составлению записок о Чер-

---

¹ Сбитнев И.М. Воспоминания о Черномории // Украинский журнал. Харьков, 1825. № 11–12. Ч. 6. С. 310–340.

² Кухаренко Я.Г. Чорноморський побит на Кубані між 1794–1796 роками: оперета. Предисловіе П.А. Кулиша // Основа. СПб., 1861. Ноябрь–декабрь. С. 1–41; Кухаренко Я.Г. Вівці І чабані в Чорноморії // Основа. 1862. Май. С. 29–35; Кухаренко Я.Г. Свідок скільки в Чорноморії худоби, скільки землі і народу козацького роду // Основа. 1862. Май. С. 35–36; Шарап С.А. З Чорноморії // Основа. 1862, июнь. С. 84–90; Основа. СПб., 1861. Ноябрь. С. 6–41; Основа. СПб., 1861. № 8. С. 1–8; Русский инвалид. СПб., 1857. 8 сентября.

номорском войске. История их создания представляет собой отдельный историографический сюжет с выяснением вклада, авторства, публикации и т.д. Для нас же главное, что в «Записках» исследователи описывали переселение черноморцев на Тамань, публиковали статистические данные о жителях, поселённых на кордонах, а также сообщали подробные сведения о куренных селениях. Страницы произведения полны имён организаторов переселения на Кубань и исторических деталей, важных для нас и сегодня.

Ряд исторических трудов подготовлено генерал-майором, тайным советником и сенатором Иосифом Львовичем Дебу¹. В 1829 г. Дебу написал книгу о Кавказском и Черноморском казачьих войсках (охватывавшую период конца XVIII – начала XIX вв.), в которой обстоятельно излагалась история поселённого на Северном Кавказе казачества и приводились подробные данные о численности проживающих в каждой станице казаков в 1826 г. (на Кавказской линии)². Обобщил И.Л. Дебу сведения о численности казачества в 1819 г., а также данные о естественном приросте населения с 1794 по 1820 гг. Документы о казачестве, введённые им в научный оборот вполне заслуживают доверия, а также имеют большое значение для понимания процессов заселения северо-восточной части Кубани в конце XVIII – начале XIX вв.

Повседневный быт и жизнь екатеринодарского общества 1840-х гг. детально описаны в рукописи Василия Фёдоровича Золотаренко «Плач Василия при реке Кубани» (1845 г.), опубликованной только в начале XX в. Борисом Митрофановичем Городецким в «Известиях ОЛИКО»³ и снабжённой комментариями Б.М. Городецкого.

---

¹ Дебу И.Л. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1821. Ч. VIII. Кн. 18 (октябрь). С. 86–104; 1822. Ч. IX. Кн. 22 (февраль). С. 245–264; Кн. 23 (март). С. 354–381; Ч. X. Кн. 24 (апрель). С. 50–59; Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и черноморских казаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15. Кн. 40. С. 195–223; Кн. 41. С. 315–342.

² Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб., 1829.

³ Золотаренко В.Ф. Город Екатеринодар в 40-х гг. прошлого столетия: (Рукопись «Плач Василия при реке Кубани» / предисл. и примеч. Б.М. Городецкого) // Известия Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). Екатеринодар, 1909. Вып. 4. С. 43–72.

В 1858 г. в Санкт-Петербурге вышла первая книга кубанского исследователя, казачьего офицера Ивана Диомидовича Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы». Это обстоятельное сочинение появилось в печати в то время, когда Черноморья, своеобразный по своему естественному положению и свойствам край Российской империи, оставался почти не изучен, а потому труд Ивана Диомидовича сразу обратил на себя внимание тогдашних приверженцев исторических повествований. Основательная монография русского, кубанского военного историка И.Д. Попко отличается не только заметной новизной исследования, но и представляет собой ценнейший историко-этнографический источник, отнюдь не утративший актуальности и в наши дни, в том числе, по истории казачьих поселений. Попко знакомил широкую читающую публику с малоизвестным тогда в России далёким краем и написал для газеты «Русский инвалид» научно-художественный очерк о пластунах, жизнь и повседневный быт которых знал не понаслышке. Его перу принадлежит и небольшая статья «Некоторые сведения о Черноморском казачьем войске», а также очерк «Темрюк», напечатанные под псевдонимами Есаул и Помандруйко¹. В статье рассказывается о появлении хуторов в Черномории, о величине земельных наделов казаков, о денежных довольствиях и пр.

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки сохранилось письмо С.В. Фарфоровского к С.Н. Шубинскому – историку, журналисту, редактору «Исторического вестника». В нём учитель русского языка из реального училища в Майкопе сообщает о найденной им при разборке частного архива рукописи, содержащей «крайне интересные и характерные воспоминания от 1854 г. о завоевании Кавказа известного героя и генерала Попка, человека всесторонне образованного. Я могу засвидетельствовать, что записки эти представляют глубокий бытовой и исторический интерес»². Фарфоровский

---

¹ Есаул. Темрюк // Военный сборник (журнал): Издаваемый по Высочайшему повелению. СПб., 1860. Т. 14. № 8 (август). С. 439–464; Помандруйко (И). Некоторые сведения о Черноморском казачьем войске // Русский инвалид (газета). СПб., 1855. 3 апреля.

² РНБ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 119. Л. 42.

просил опубликовать обнаруженные им прелюбопытные записки о Черномории, и это получилось, правда, в журнале «Русский архив»¹.

По своему внутреннему содержанию опубликованное обстоятельное сочинение И.Д. Попко логически разделяется на две части: на историко-культурную и административно-правовую. В первой части повествования рассматриваются, в том числе, поселенческие образования, социально-демографические параметры населения и повседневный быт, земельный уклад, хозяйство и основные промыслы черноморских казаков. Достоинством произведения является использование историко-сравнительного метода, что позволило автору провести компаративный анализ повседневности казака и бытийствования поселянина. Вторая часть труда И.Д. Попко посвящена истории образования Черноморского казачьего войска. Основным стержнем предпринятого историописания стало обращение исследователя к поземельной собственности и хуторским формам поселений, а также к освоению новых территорий и быту черноморцев². Историк сумел обоснованно показать в своём труде огромную роль черноморских казаков в освоении необжитого региона и их заслуги в охране южных границ России.

Иван Диомидович в своей работе сравнил курени, располагавшиеся рядом с водными ресурсами, и курени, образованные в степных местах. Как правомерно подчёркивал Попко, «в куренях, прилегающих к промышленным водам, больше жизни, благоустройства, больше добрых нравов – и сами казаки, взятые в смысле военных людей, бодрее, развязнее и смышлѣнее; напротив, в куренях степных, где преобладает пастушеский быт, менее предметов, на которых глазам отрадно было бы остановиться, казаки менее развиты, и более склонны к конокрадству и волокрадству, более подвержены этой нравственной болезни беднейшего класса войскового народонаселения. Те, наконец, из

---

¹ Фарфоровский С.В. Литературная деятельность И.Д. Попко // Труды Ставропольской учёной архивной комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 2. С. 1–14.

² Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в семнадцати рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рисунками с натуры: в 2 ч. СПб., 1858.

степных куреней, на полях которых меньше хуторов, имеют лучший вид и лучшую нравственность перед теми, которые сжаты хуторами»¹. Тем самым, в работе И.Д. Попко, с одной стороны, очевидно применение в авторском историческом описании о черноморских казаках постулатов географического детерминизма, а, с другой стороны, она вовсе не лишена достаточно вдумчивого социального анализа.

На книгу казачьего офицера из Черномории позитивно отреагировали в российском историческом научном сообществе, где по достоинству оценили основательный труд кубанского исследователя. В частности, на выход из печати фундаментальной монографии И.Д. Попко обстоятельной рецензией откликнулся именитый русский историк и этнограф, человек многочисленных талантов Николай Иванович Костомаров, который подчёркивал: «О верности сообщаемых Г. Попкою фактов нет повода сомневаться, когда автор – природный черноморец, живёт в краю и знаком со всею местною жизнью практически», а «слог книги жив и лёгок». Сочинение «сообщает действительно драгоценные сведения» о гражданском быте черноморских жителей, «очень значительны известия о том, как возникали в Черноморье отдельные хутора и вообще ход установления поземельной собственности». Рецензия выполнялась по поручению Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, по «крайнему разумению» Николая Ивановича, и «книга эта заслуживает внимания Академии», и пока она «остаётся единственною книгою об этом крае, такою, какая может служить руководством для всякого, кто желает познакомиться с Черноморьем»².

О выходе из печати фундированного исследовательского труда И.Д. Попко сообщил ряд столичных изданий, в частности, популярный в российском обществе журнал «Вестник Императорского Русского географиче-

---

¹ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в семнадцати рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рисунками с натуры: в 2 ч. СПб., 1858. С. 35.

² Костомаров Н.И. «Черноморские казаки» (Разбор сочинения г. Попки) // Основа. СПб., 1861. Август. С. 1–8.

ского общества» подчёркивал: «Сочинение г. Попки возбуждает живое любопытство и читается с большим интересом... г. Попка оказывается большим знатоком натуры и характера своих соземельников, а вследствие этого рисует их крупными, но характерными чертами»¹.

Что касается того, что дал И.Д. Попко для авторского анализа исторических форм казачьих поселений на Кубани, то это сохранение и развитие историографической традиции военно-статистических описаний, которую заложили офицеры Генерального штаба, а в программу подобных описаний всегда входила характеристика поселений. К числу таких военных кавказоведов Российской империи можно, в частности, отнести: поручика Генерального штаба, барона И.К. Аша (1806–1832), генерал-майора Генерального штаба Н.Н. Забудского (1822–1872), подполковника Генерального штаба О.А. Торри (1775–1831)² и др.

Заметим, в предисловии к обобщаемым материалам о Черномории Проконий Петрович Короленко предметно указывает, что «в 1852 г., по требованию Кавказского Начальства была составлена чиновниками Яриным [студентом] и Якименко [сотником Черноморского войска] историко-статистическая записка о войске Черноморском»³, иначе говоря, очевиден посыл имперских властей. Дополнительные архивные изыскания позволили нам существенно уточнить эту информацию историка П.П. Короленко. Во-первых, выполненная войсковыми чиновниками аналитическая работа делалась на основе программы военно-статистических обзоров губерний и областей Российской империи, утверждённой в 1847 г. Военным министром, генералом от кавалерии графом А.И. Чернышёвым. Во-вторых, эта программа была адаптирована для изучения Черноморского казачьего войска. В-третьих, исследование выполнялось по заданию Войскового Правления, и, как сообщает в своём рапорте

---

¹ Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. 27. Отд. IV. С. 56–57.

² Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2021. С. 18–19, 105–107, 277–278.

³ Короленко П.П. Описание Черномории, составленное Якименко и Яриным в 1852 году // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под ред. А.С. Собиеревского. Екатеринодар, 1899. Т. V. С. 14.

столоначальник контрольного отделения, сотник Якименко, что ему поручили «вместе с столоначальником из контрольного отделения, действительным студентом Императорского Харьковского университета Яриным под руководством секретаря Исполнительной Экспедиции, сотника Приходько составить по той программе описание Черномории»¹. В-четвёртых, судя по изученному нами рапорту сотника Якименко, исследование завершается исполнителями ранее 12 декабря 1851 г., а не, как указывает П.П. Короленко, лишь о начале работ в 1852 г. В-пятых, сотник Якименко сообщает о распределении задания по частям между ним и столоначальником Яриным руководителем исследовательского проекта, сотником Приходько, что подтверждается публикацией материалов П.П. Короленко. В-шестых, в архивном деле «По отношению Председателя Межевой Комиссии Черноморского казачьего войска о доставлении Ему Сведения о Военно-статистических описаниях Черномории» имеется письмо от 17 ноября 1851 г. председателя Межевой комиссии Черноморского казачьего войска, Генерального штаба полковника К.В. Чёрного² о доставлении ему материалов военно-статистического описания Черномории, а это указывает не только на датировку завершения исследования, но и на практическую значимость выполненной войсковыми чиновниками работы, о чём красноречиво свидетельствует и название архивного дела «Хозяйственно-географический обзор Черноморского казачьего войска» в публичной описи фонда 252. В архивном деле, действительно, имеется детализированное географическое, социально-демографическое и хозяйственно-экономическое описание Черномории. Но, главное, эти материалы опубликованы П.П. Короленко. Для нас же важен историографический и источниковедческий факт выполнения целенаправленных исследований войсковыми чиновниками многогранного исторического, военно-статистического, хозяйственно-экономического обзора Черноморского казачьего войска.

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1 Д. 1251. Л. 20.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1 Д. 1251. Л. 1–1об.

Вместе с тем, в 1879 г. первый секретарь Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын публикует завершённый региональный документ под названием «Программа статистико-этнографического описания населённых мест Кубанской области»¹, которую в своей кандидатской диссертации детально анализирует С.Г. Бойчук². Вот как сам Евгений Дмитриевич предметно обосновал написание ключевой для нашей темы исследовательской Программы: «Составление настоящей программы вызвано желанием облегчить самостоятельные труды по изучению и описанию населённых мест Кубанской области и помочь всем тем, кто, не будучи подготовлен к занятиям подобного рода, проявил бы охоту принять участие в обогащении науки данными статистики и этнографии нашего края»³. Заметим, в те времена, в отличие от современности, под этнографией понимался довольно широкий набор различных данных о жизни людей, включая описание поселений.

Тем самым, мы можем говорить об историографической тенденции в литературе середины – второй половины XIX в. к составлению историко-статистических, культурно-этнографических описаний кубанских поселений, стимулируемой «сверху» и поддержанной «снизу», что в итоге позволило накопить колоссальный объём исторических свидетельств, а в ряду других сведений мы получили исходную информацию об исторических формах поселений и поселенческом укладе казачества Кубани.

Российский статистик польского происхождения Иосиф Викентьевич Бентковский стал продолжателем историографической традиции изучения начального периода истории Черноморского казачьего войска. Он детально рассмотрел освоение запорожскими казаками территории Черномории, дал

---

¹ Фелицын Е.Д. Программа статистико-этнографического описания населённых мест Кубанской области. Екатеринодар, 1879.

² Бойчук С.Г. Общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003. С. 117–119, 138.

³ Фелицын Е.Д. Программа статистико-этнографического описания населённых мест Кубанской области. Екатеринодар, 1879. С. 3.

подробное описание первым куренным селениям черноморских казаков, привёл сведения о переселенцах¹. Кроме того, в столичных (питерских) изданиях публиковались интересные материалы об истории освоения Черномории, заселении Северо-Западного Кавказа и Причерноморья ряда других авторов².

Проблемные аспекты освоения исторической территории Кубани, обустройство поселений нашли своё отражение в трудах первой знаковой волны кубанских исследователей истории казачества: И.И. Дмитренко, П.П. Короленко, Е.Д. Фелицына, Ф.А. Щербины³. Среди них выделяется создатель уни-

---

¹ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881. С. 3–125.

² Бороздин К.М. Колонизация Кавказа // Наблюдатель. СПб., 1885. № 5. С. 129–147; Иванов П. Переселение запорожцев на Тамань // Киевская старина. 1891. Т. XXXIV. № 7 (июль). С. 133–141; Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области // Киевская старина. 1883. Т. VII. № 12 (декабрь). С. 529–545; Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1884–1885. Т. 8. Вып. 2. С. 250–284; Венюков М.И. К истории заселения западного Кавказа, 1861–1863. Материалы и заметки // Русская старина. СПб., 1878. Т. 22. С. 249–270; [Без указания авторства]. Несколько дней на Кубани. Из путевых заметок, ведённых на Кавказе в 1853–1856 гг. // Военный сборник 1861. № 3. С. 151–188; [Без указания авторства]. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации: в 1841, 1860 и 1863 гг. // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 1. СПб., 1864. С. 1–6; Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Чёрного моря // Северный вестник. СПб., 1886. № 7 (июль). С. 20–48.

³ Дмитренко И.И. Десятилетняя волокита. К истории Хопёрских казаков: [Екатеринодар, 28 декабря 1896 года] // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией А.С. Собриевского. Екатеринодар, 1899. Т. V. С. 3–11; Короленко П.П. Черноморцы. СПб., 1874; Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696–1896: (Исторический очерк) / сост. П.П. Короленко. Екатеринодар, 1896; Короленко П.П. Описание Черномории, составленное Якименко и Яриным в 1852 году: [11 ноября 1898 года] // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией А.С. Собриевского. Т. V. Екатеринодар, 1899. С. 13–32; Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Материалы для истории Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16; Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар, 1904. Т. 1; Фелицын Е.Д. Побег с Кубани трёх Донских полков в 1792 г., бунт на Дону и поселения станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1897. Т. 4. С. 1–62; Фелицын Е.Д. Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 г. / Составлены действительным членом Кубанского областного статистического комитета, есаулом Е.Д. Фелицыным. Тифлис, [1883]. В 2-х т. Т. 1. Ейский уезд. [1883], Т. 2. Екатеринодарский уезд. [1883]; Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области.

кальных фолиантов по историческому краеведению Кубани, земский статистик и общественный деятель Фёдор Андреевич Щербина. Он кропотливо и целенаправленно долгие годы собирал и тщательно систематизировал ценнейший фактический материал о кубанских станицах и хуторах, детально описал не только замечательные военные успехи казаков-черноморцев, но также их повседневный быт и привычные нравы, характерные казачьи обычаи, типичные жилищно-бытовые условия, материально-технологические и житейски-традиционные подходы казаков к военному и гражданскому строительству. В своих работах Фёдор Андреевич скрупулёзно рассматривает сложные и противоречивые процессы формирования земельной собственности на осваиваемых казаками территориях, обстоятельно раскрывает социально-демографическое содержание и великолепно показывает временную динамику переселенческого движения на пространствах Кубани. Достаточно интенсивно Ф.А. Щербина работал над изучением широкой исторической палитры кубанского края в целом и в результате плодотворных исследований написал, ставшие сегодня, вне всякого сомнения, классическими, многочисленные произведения. К числу уникальных произведений его интеллектуального труда относятся: «История земельной собственности у кубанских казаков», «Колонизация Кубанской области», «Общинный быт и землевладение у кавказских горцев», «История самоуправления у кубанских казаков», «Земельная община кубанских казаков», «История Кубанского казачьего войска» (в двух томах) и др. Фундированные работы Ф.А. Щербины стали своеобразным путеводителем для всех без исключения поколений историков, кто в своих научных изысканиях обращается к имперскому периоду региональной истории Кубани, ибо они не только есть факт историографии, но и ценный исторический источник.

В своём труде «Земельная община кубанских казаков» Фёдор Андреевич, помимо характерного для его работ обстоятельного анализа вопросов землевладения, организации управления и многочисленных проблем общинной

Пояснительная записка к 20-вёрстной карте Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1884. Т. 8. Вып. 2. С. 250–284; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Екатеринодар, 1913. Т. 1, Т. 2; Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы. М., 2008.

жизни казачества, обращается к крайне важной для нашего диссертационного исследования типологизации поселенческих структур в Черномории. В итоге он обозначил две основных формы казачьих поселений, сложившихся в черномории к началу массового переселения казаков на Кубань: курень и хутор. Критериальное различие между вышеназванными формами казачьих поселений, по его мнению, заключалось в том, что «курень был поселением административным и хозяйственным вместе, хутор по преимуществу хозяйственным» и что необходимость существования хуторов в Черномории «вытекала из хозяйственных потребностей отдельных лиц, как самостоятельных предпринимателей»¹.

Среди исследовательских трудов, в той или иной степени затрагивавших вопросы землеустройства казачьего населения исторического региона Кубани, отметим фундированную работу известного кубанского статистика имперского периода российской истории Леопольда Тимофеевича Соколова, много писавшего преимущественно под псевдонимом Л. Тмутараканский². Он целенаправленно анализировал вопросы поземельного владения казаков, детально описал формы землепользования и распределения земельного фонда, и, тем самым, представил общую картину поселенческого пространства, где устраивали свой повседневный быт кубанские казаки.

В результате рассмотрения сложившейся системы распределения станичных юртовых земель Л. Тмутараканский (Л.Т. Соколов) выявил недостатки межевания земель станичных юртов и выделения земельных паёв казаков. Так, вследствие недостатка земельных угодий для наделения станиц юртовым земельным довольствием, многие кубанские станицы получали дополнительные земельные наделы вдобавок к своему основному юрту из числа земель войскового запаса в очень отдалённых местах. Как правомерно отмечал Л. Тмутараканский (Л.Т. Соколов), «наделы некоторых станиц разбросаны клочками

---

¹ Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. С. 20–21.

² Тмутараканский Л. (псевдоним Л.Т. Соколова). Об экономическом и социальном значении поземельного владения Кубанских казаков // Кубанский сборник. 1911 год / Труды Кубанского областного статистического комитета / под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1911. Т. XVI. С. 193–315.

(станция курчанская), то там, то сям, и если заселить такие клочки, то получатся поселения, не могущие содержать ни станичные правления, ни школы, ни церкви, т.е. главных и основных культурных условий для современных поселений». По его мнению, в случае большой отдалённости юрта от станицы требовалось создавать новое поселение: «Для облегчения образоваться значительному по количеству поселению, необходимо такое поселение образовывать ещё и с прибавкой (прирезкой) земли и населения из других ближайших станиц, юрты коих соприкасаются»¹. Кроме того, перу Л. Тмутараканского (Л.Т. Соколова) принадлежит исследование с не очень примечательным названием «Маленькая статистика за 1910 год (к потреблению спиртных напитков)»², где автор на основе статистических сведений «о количестве казённых питей, проданных за 1910 год в казённых винных лавках в поселениях Кубанской области» предлагает порассуждать своему читателю не только о количестве выпитого, но и о благосостоянии местного населения. Для этого статистик располагает населённые места Кубанской области вначале в алфавитном порядке, затем указывает их с приведением данных по количеству населения, потом ранжирует по количеству выпитого и по количеству истраченной на алкогольное потребление суммы и в заключение приводит данные по количеству затраченных на душу населения денежных средств. Из этого формируется характеристика поселенческой повседневности всей Кубанской области.

Оценивая исторические работы имперского периода в целом, обратим внимание на следующие важные историографические характеристики. Во-первых, эти работы представляют собой исключительный факт историографии, ибо при относительной повторяемости затрагиваемых исторических сюжетов, они, вне всякого сомнения, имеют авторское лицо. Во-вторых, перед

---

¹ Тмутараканский Л. Об экономическом и социальном значении поземельного владения Кубанских казаков // Кубанский сборник. 1911 год / Труды Кубанского областного статистического комитета / под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1911. Т. XVI. С. 239.

² Тмутараканский Л. Маленькая статистика за 1910 год (к потреблению спиртных напитков) // Кубанский сборник. 1912 год / Труды Кубанского областного статистического комитета / под ред. Л.Т. Соколова. Екатеринодар, 1912. Т. XVII. С. 453–476.

нами интереснейший историографический источник, который можно классифицировать по видам, происхождению и авторству. Нередко приходится встречаться с исследовательскими подготовительными материалами, черновиками неопубликованных рукописей, дневниками и пр. В-третьих, многие авторы сами являлись не только свидетелями, но и участниками многообразных исторических процессов, проходивших на Кубани на протяжении XIX – начала XX вв. В-четвёртых, исторические работы дореволюционных исследователей представляют собой исторический источник ценнейших сведений о природно-климатических, военно-политических, культурных процессах освоения и заселения территории Кубани.

Советский этап историографии кубанских поселений (как и в целом кубанского казачества) при всей общности историописания, отличающегося экономическим детерминизмом и политико-идеологической актуализацией, на наш взгляд, целесообразно разделить на три отдельных периода: 1) период фиксирования социально-классового антагонизма в трактовках базисных вопросов истории кубанского казачества (1920-е – начало 1930-х гг.); 2) период идеологической исследовательской предопределённости в отношении к истории кубанского казачества (начало 1930-х гг. – 1960-е гг.); 3) период политэкономического и историко-политологического анализа основных сюжетов истории кубанского казачества (1970-е – 1980-е гг.).

Изучение развития поселений кубанских казаков в постоктябрьские времена в советской исторической науке происходило на основе единой методологической базы. Одним из первых авторов, обратившихся к исследованию поселенческих структур в рамках общего анализа трансформирующихся аграрных отношений на Кубани, стал представитель местной краснодарской «красной профессуры» (имя и отчество которого нам удалось установить) Исидор Ефремович Гольдентул¹. В его основательной публикации 1924 г. чётко обозначается социально-классовый антагонизм между казаками и иногородними, а также рассматривается проблема взаимоотношений казачьих общин с

---

¹ Гольдентул И.Е. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк: репринт. изд. 1924 г. Краснодар, 2009.

хуторами. Причём, И.Е. Гольдентул при описании проблемы взаимодействия хуторов с общинами, опирается на исторические сведения, в своё время обобщённые Ф.А. Щербиной.

В течение первого периода (1920-е – начало 1930-х гг.) советского этапа историографии издававшаяся тогда литература испытывала значительное влияние политического курса правящей партии большевиков, когда на первый план выдвигалась идея социально-классовой борьбы. Примечательные исторические сюжеты о станицах и хуторах Кубани можно встретить в публикациях П.М. Горюнова, М.П. Донецкого, И.М. Клейнера, И.А. Конюкова, М.И. Лола, С.А. Скворцова, В.П. Ставского и др.¹ Так, в обозначенном монографическом труде кубанского исследователя, профессора политэкономии Михаила Ивановича Лола особое внимание уделено сложившимся в поселениях взаимоотношениям кубанских казаков и иногородних (городовиков). Причём М.И. Лола знал об этой социально острой на Кубани дискуссионной панели «казаки и иногородние: против/вместе» не понаслышке, ибо родился в ст. Староджерелиевской и в 1920-е гг. работал заведующим рабочим факультетом Краснодарского педагогического института, где постоянно общался со станичной молодёжью.

В июне 1927 г. в Главной типографии Кубполиграфа тиражом в 1000 экземпляров был выпущен в свет путеводитель «Кубань и Черноморье»², значительная часть объёма которого посвящена Краснодару. Это издание бесценно с точки зрения понимания поселенческой повседневности, поскольку оно по существу фиксирует для нас изучение большей части исторического региона

---

¹ Горюнов П.М. О казачьем вопросе (из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925; Донецкий М.П. В кубанской станице // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1928. № 11. С. 24–32; Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы (материалы к VIII Кубано-Черноморской областной партконференции). Краснодар, 1924; Конюков И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928; Лола М.И. О кубанском казачестве. Ростов н/Д; Краснодар, 1926; Скворцов С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925; Ставский В.П. Станица: кубанские очерки. М.; Л., 1929.

² Кубань и Черноморье: Краснодар и его окрестности: Экскурсионные маршруты по Кубанскому округу и Северо-Западному Кавказу / Кубанское окружное бюро краеведения / сост.: С.В. Очаповский, М.В. Клочков, Р.К. Войцик, и др. Краснодар, 1927.

Кубани на уровне верхней хронологической планки нашего исследования. Путеводитель подготовили известные учёные того времени, профессора: офтальмолог С.В. Очаповский, заведующий кафедрой всеобщей и русской истории Кубанского педагогического института (ныне – Кубанский государственный университет) М.В. Ключков, литературовед и искусствовед Р.К. Войцик, географ Г.Г. Григор. Большую работу по подготовке издания выполнили: географ, метеоролог и педагог Л.Я. Апостолов; краевед, педагог, минералог, известный фотограф, организатор туризма, учёный-виноградарь С.И. Борчевский; заведующий библиотекой Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и краевед В.Т. Чёрный; историк, археолог и этнограф А.Ф. Лещенко; по всей вероятности, екатеринодарский фотограф З.В. Шанявский. Выход путеводителя обеспечило Кубанское окружное бюро краеведения совместно с советом профсоюзов и отделом народного образования. В нём детально описаны музеи, архив, библиотеки, вузы, памятники города, сделан обзор промышленности и коммунального хозяйства. Помимо интересных справочных сведений, в книге даны прекрасные описания природы Краснодара и его окрестностей, мест, где издавна любили отдыхать горожане.

Второй период (начало 1930-х гг. – 1960-е гг.) советского этапа историографии связан с профессиональной деятельностью советских историков, которая проходила в жёстко ограниченных идеологических параметрах. Утверждение советской идеологии в жизни общества сдерживало творческие процессы в исторических исследованиях, загоняло их в строго определённые социально-классовые схемы. Тем не менее, изучение аграрной проблематики (тогда казачья тематика не выделялась в отдельное направление) продолжалось, и в её исследовательском поле рассматривалось функционирование кубанских станиц и хуторов. В середине 1950-х гг. кропотливое изучение сельского мира продолжают В.А. Голобуцкий, А.В. Фадеев, В.П. Невская, С.А. Чекменёв¹. Ис-

---

¹ Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956; Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Невская В.П. Карачай

торики-аграрники обращали внимание преимущественно на социально-экономический аспект развития населённых пунктов, трансформацию хозяйства кубанского казачества. Экономический детерминизм буквально пронизывал исследовательскую практику, и на этом макроэкономическом фоне историками показывались социальные отношения.

Из четырёх вышеназванных работ мы особо отмечаем монографию В.А. Голобуцкого, где при заметной аграрной направленности исторического повествования, во-первых, пятый раздел (более тридцати страниц текста) посвящён черноморскому казачьему хутору. Во-вторых, Владимир Алексеевич подчёркивает характерную социально-экономическую сущность черноморского казачьего хутора, поскольку «хуторская форма поселений наиболее полно соответствовала интересам крупного казачьего хозяйства»¹, поэтому наблюдалось массовое устремление богатого и устойчивого в хозяйственном отношении казачества на хутора. В-третьих, исследователь приводит количественные характеристики хуторских хозяйств Черномории и прослеживает столкновение интересов хуторских и куренных обществ, даёт описание хуторского хозяйства казачьей старшины Черномории. В итоге Голобуцкий приходит к любопытным, во многом марксистским выводам: «Черноморский хутор, преемник запорожского зимовника приобретал отчётливые черты буржуазного хозяйства, так как, во-первых, основная продукция его шла на рынок и, во-вторых, основной трудовой силой в нём был наёмный работник. Вместе с тем, хуторское хозяйство носило на себе печать господствовавших в стране феодально-крепостнических отношений. Это выражалось, прежде всего, в том, что владельцем хутора мог быть только черноморский казак, то есть лицо, принадлежащее к строго замкнутому сословию, обязанному нести постоянную военную службу и прикреплённому к определённой местности. Основная рабочая сила хутора, состоявшая главным образом из казаков и беглых кре-

---

в пореформенный период / под ред. А.В. Фадеева. Ставрополь, 1864; Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX вв. Пятигорск, 1967.

¹ Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 238.

стьян, в свою очередь, принадлежала к замкнутому сословию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, казачий хутор был опутан феодальными, средневековыми ограничениями, задержавшими его развитие и мешавшими ему приобрести обычные, чистые черты капиталистического хозяйства. Наконец, рассматриваемый с производственно-технической точки зрения казачий хутор, по преимуществу животноводческий, нуждался в сравнительно малом количестве рабочих рук, так как сохранял экстенсивные методы ведения хозяйства»¹.

В коллективной монографии «Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в.» подробно раскрыл процесс заселения земель Черномории и развёртывание хозяйственной деятельности черноморских казаков кубанский историк Владимир Иванович Недосекин. С его точки зрения, большая часть населения Черномории сформировалась в результате миграционных перемещений значительных масс людей из центральных районов России и малороссийских губерний Российской империи. Он показал громадное влияние исторической эпохи на социальный характер и начальные шаги эволюции черноморского казачества. Развитие товарно-денежных отношений, как указывал В.И. Недосекин, коренным образом повлияло на социальный облик старшины нового казачьего региона. Также он подчёркивал интенсивный захват земель казачьей верхушкой с момента начала переселения на Кубань². Расширенные, дополненные и переработанные варианты авторской работы заведующего кафедрой истории СССР Кубанского государственного университета (с 1971 по 1983 гг.; с 1974 г. она стала кафедрой дореволюционной отечественной истории), профессора В.И. Недосекина с описанием ключевых проблем развития социально-экономической структуры Черномории (1792–1860 гг.), с исто-

---

¹ Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 268.

² Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н/Д, 1977. Т. 2: Социальные отношения, управление, классовая борьба. С. 64–91.

рико-биографическими сюжетами и обстоятельным анализом земельных отношений в субрегионе выходят позже¹, где нашлось место также фрагментам поселенческих историй.

Среди крупных исследований о населённых пунктах Кубани заслуживает внимания коллективная монография «Кубанские станицы», вобравшая в себя массу конкретно-исторических свидетельств и аналитические материалы², осмысление которых и сегодня позволяет существенно дополнить наши представления о кубанских станицах и хуторах. На страницах этого издания излагаются результаты выборочного исследования истории поселений, хозяйственной деятельности, жилищ и занятий населения нескольких станиц: Медвёдовской, Михайловской, Платнировской, Старомышастовской, Старотитаровской и Удобной. В коллективной монографии отмечаются характерные черты казачьих поселенческих структур в историческом регионе Кубани, и, в частности, подчёркивается: «Многие казачьи кубанские станицы в конце XIX – начале XX вв. в несколько раз превышали средние размеры русских крестьянских селений, некоторые из них были крупнее даже низовых донских станиц»³. Последующие разделы этого издания посвящены описанию типов жилищ, одежды и пищи линейных и черноморских казаков.

В течение третьего периода (1970-е – 1980-е гг.) советского этапа историографии нарастает интерес к аграрной истории, и появляются новые труды в рамках этого научного направления⁴. Первым кубанским историком-аграрником, представившим обстоятельное исследование аграрных проблем всего

---

¹ Недосекин В.И. Черноморья. История и люди. Краснодар, 1977; Недосекин В.И. Черноморья. Проблемы социально-экономической структуры (1792–1860 гг.). Краснодар, 1980; Недосекин В.И. Земельные латифундии светских и духовных феодалов ко времени выхода России к Чёрному морю. Краснодар, 1984.

² Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. М., 1967.

³ Там же. С. 104.

⁴ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д, 1989; Трёхбратов Б.А. Наёмный труд в сельском хозяйстве Юга России в период капитализма (методология, историография, источники, особенности формирования сельскохозяйственного пролетариата). Краснодар, 1980; Трёхбратов Б.А. Северокавказское село в революции 1905–1907 гг. Ростов н/Д, 1987; Щетнёв В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского

северокавказского региона (в том числе и Кубани), стал Валерий Николаевич Ратушняк. Той же проблематикой занимались Борис Алексеевич Трёхбратов, Валерий Евгеньевич Щетнёв и др.

Исследованию земельных отношений российского казачества в контексте общего исторического процесса развития земельной собственности в России посвящена монография кубанского экономиста-аграрника по профессии и историка по призванию М.И. Лукомца¹. Особое внимание в книге Михаил Иосифович уделяет теоретической и экономической оценке форм и систем землепользования, развитию обмена и потребления в общинах, анализу социально-экономических последствий социализации казачьих земель. В ней он выходит за обозначенные хронологические рамки и исследует историю земельных отношений на Кубани.

Постепенно на Кубани сложилась научная школа историков-аграрников, причём, в своих исследованиях учёные обращались и к истории кубанских поселений². Изначально свою исследовательскую судьбу с черноморским казачеством связала известный кубанский историк, доцент Кубанского государственного университета Г.Н. Шевченко, которая после защиты в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 1977 г. кандидатской диссертации³ многие годы плодотворно работала в первоначально избранном научном направлении и уделяла большое внимание историко-биографическому подходу в изучении истории и историографии кубанского казачества⁴, что позволяло другим исследователям отслеживать историографические

хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар, 1974. С. 22–52; Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): Сб. документов / сост. В.П. Невская и др. Ростов н/Д., 1985.

¹ Лукомец М.И. Земельные отношения казачества в начале XX века. Краснодар, 2001.

² Трёхбратов Б.А. Курень Кисляковский // Кубанские новости. Краснодар, 1999. 28 августа.

³ Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX вв.: словесный строй, социальные отношения. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

⁴ Шевченко Г.Н. Иван Диомидович Попко (1819–1893). Историко-биографический очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Сб. науч. тр. Краснодар, 1991. С. 61–69; Шевченко Г.Н. Первый шаг к изучению черноморского казачества: [О Д.А. Арцыбашеве] // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. (К 200-летию основания города Екатеринодара и 43 кубанских станиц).

тенденции и биобиблиографическую преемственность в региональной истории. По такому же пути, как Г.Н. Шевченко, вначале пошёл В.П. Громов, он как родовой казак из хутора Курчанского Приморско-Ахтарского района Краснодарского края увлёкся историей кубанского казачества, защитил кандидатскую диссертацию в Ростовском государственном университете¹, но затем сосредоточился на общественной работе, в течение 18 лет был войсковым атаманом войскового казачьего общества «Кубанское казачье войско», занимал иные государственные и общественные должности, успевая писать статьи и книги, свидетельством чего является монография, посвящённая жителям станицы Пашковской². Ныне В.П. Громов продолжает успешно трудиться доцентом кафедры истории России Кубанского государственного университета и публиковать свои труды³.

Тез. докл. науч. конф. Краснодар, 1992. С. 107–108; Шевченко Г.Н. Основание города Екатеринодара // Краснодару – 200 лет. Тез. докл. краевой науч.-практ. конф. Краснодар, 1993. С. 5–8; Шевченко Г.Н. О некоторых проблемах изучения истории казачества Кубани во второй половине XIX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы Междунар. науч.-практ. конф., ст. Полтавская, Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. Краснодар, 1996. С. 281–284; Шевченко Г.Н. Михаил Васильевич Клочков (1877–1952). Историко-биографический очерк // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 1997. № 1(3). С. 54–57; Шевченко Г.Н. Роль черноморского казачества в заселении и хозяйственном освоении Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры: сб. науч. ст., посвящённый 210-летию освоения Краснодарского края казачеством. Краснодар, 2002. С. 41–51; Шевченко Г.Н. О некоторых проблемах изучения истории казачества в трудах Ф.А. Щербины // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: Материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.). Краснодар, 2012. С. 125–127 и др.

¹ Громов В.П. Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и Земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: формирование, социальный состав. Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1983.

² Громов В.П. Дорогие мои земляки: штрихи к портретам пашковчан. К 215-летию Пашковской. Краснодар, 2009.

³ Громов В.П., Корсакова Н.А. Регалии Кубанского казачьего войска (к истории их судьбы в эмиграции) // Тезисы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., станица Каневская Краснодарского края). Краснодар, 1999. С. 106–109; Громов В.П. Ф.А. Щербина о взаимоотношениях казаков и горцев Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Фёдор Андреевич Щербина и народы юга России: история и современность: Сборник материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26 февраля 2006 г.). Краснодар, 2006. С. 19–23; Громов В.П. Кубанцы-участники Всероссийского Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 годов // Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа: сборник материалов XX Междунар. науч.-практ. конф.

Следует отдать должное Краснодарскому книжному издательству, где развернули целенаправленную работу по подготовке и изданию исторических очерков об отдельных населённых пунктах Кубани. В серии «Города и станицы Кубани» в краевом издательстве в 1970–1980-х гг. выходят работы целой группы кубанских краеведов, и, хотя в этих публикациях в большей мере акцентировалось внимание на героическом советском прошлом поселений, тем не менее, в тексты также включались исторические экскурсы к ранней истории населённых пунктов¹.

В качестве самостоятельной историографической тенденции нами выделяется внимание региональных средств массовой информации к краеведческим материалам. Газета «Советская Кубань» (орган Краснодарского краевого комитета КПСС и краевого Совета депутатов трудящихся) в период 1970-х – 1980-х гг. публикует целую серию статей об истории населённых пунктов региона в тематической газетной рубрике «Точка на карте»². Подобные публикации можно многократно встретить и в районных газетах. В 1990-е гг., в связи с возрастанием интереса к местной истории, появились новые краеведческие

(Краснодар, 10–11 февраля 2020 г). Якаевские чтения. Краснодар, 2020. С. 104–112; Громов В.П. Записки атамана Громова. В 2-х т. Краснодар, 2022.

¹ Карабанов И.П., Поршнев А.П. Анастасиевская. Краснодар, 1975; Григоренко И.Н. Усть-Лабинск. Краснодар, 1979; Штатский В.Н. Тимашёвск. Краснодар, 1979; Мачнев И.Н. Тихорецк. Краснодар, 1975; Зверев К.В. Приморско-Ахтарск. Краснодар, 1981; Кламбоцкий Е.Е. Белореченск. Краснодар, 1981 и др.

² Андреев П. Станица Родниковская // Советская Кубань. 1983. 1 февраля; Акинин И. Хутор Лосево // Советская Кубань. 1895. 31 июля; Васильев Н. Ясенская // Советская Кубань. 1982. 20 октября; Выскубов С. Станица Старомышастовская // Советская Кубань. 1980. 1 октября; Долголёва Л. Станица Бузиновская // Советская Кубань. 1981. 23 сентября; Ерофеев А. Станица Кирпильская Усть-Лабинского района // Советская Кубань. 1982. 19 января; Лукьяненко В. Станица Ивановская // Советская Кубань. 1981. 19 мая; Мальцев В. Станица Натухаевская // Советская Кубань. 1983. 12 апреля; Николаев М. Станица Дмитриевская // Советская Кубань. 1980. 19 июня; Прочноокопская. История старейшей кубанской станицы // Советская Кубань. 1975. 31 января; Рыков А. Станица Гривенская. Прошлое и настоящее станицы // Советская Кубань. 1980. 12 июля; Рыков А. Станица Должанская // Советская Кубань. 1980. 21 октября; Станица Кирпильская // Советская Кубань. 1975. 31 января; Пожидаев Д. Станица Ладожская // Советская Кубань. 1981. 27 июня; Троян А. Станица Стариножестеблиевская // Советская Кубань. 1981. 3 июня; Филатов П. Станица Вознесенская // Советская Кубань. 1982. 16 июля; Цветков В. Станица Каневская // Советская Кубань. 1981. 5 апреля и др.

публикации в региональных средствах массовой информации о кубанских станицах и хуторах¹.

Сегодня традицию размещения на своих страницах краеведческих статей о населённых пунктах Кубани продолжают региональные СМИ: газета «Кубанские новости» (официальный печатный орган администрации Краснодарского края) и газета «Вольная Кубань» (независимая народная газета Краснодарского края).

В целом же, советский период историографии кубанских поселений, несомненно, имел существенное значение в плане накопления знаний о разнообразных аспектах развития поселенческих структур, аккумуляции конкретно-исторических материалов о поселениях кубанских казаков и анализа их развития в рамках марксистско-ленинской методологии. Круг исследуемых проблем к концу советского периода историографии значительно расширился, но основное внимание исследователей по-прежнему сосредотачивалось на аграрной эволюции сельского социума и социалистических преобразованиях поселенческих пространств.

Современный (постсоветский) этап историографии (с начала 1990-х гг. и до настоящего времени) кубанских поселений характеризуется кардинальным расширением орбиты изучаемых аспектов развития поселенческих структур. Это стало возможно, прежде всего, за счёт масштабного расширения исходной источниковой базы исследований, увеличившейся в результате практически полного снятия ранее существовавших ограничений на доступ к архивным источникам и изменения отношения исследователей к видовому разнообразию

---

¹ 205 лет тому назад была основана станица Брюховецкая // Кубань сегодня. 1999. 25 сентября; Аванесова М. Вольная станица Пашковская. История станицы // Вечерний Краснодар. 1997. 4 июня. С. 1; Герасименко Б. Карта Кубани: Станица Новороссийская // Казачьи вести. 1999. № 26–29. С. 12, № 30–34. С. 25; Гольшев В. Меж высоких холмов затерялась... Станице Гладковской Крымского района – 95 лет // Кубанские новости. 1995. 26 декабря; Гольшев В. Хутора вы мои, хутора. Очерк по истории станицы Троицкой Крымского района // Кубанские новости. 1997. 10 января; Недвига Н. Станица Привольная. Из истории станицы Привольной Каневского района // Кубанские новости. 1996. 1 марта; Первые станицы Кубани // Кубань сегодня. 1996. 12 октября. С. 4; Трёхбратов Б.А. Курень Кисляковский // Кубанские новости. 1999. 28 августа. С. 14; Шкуро В.И. Станица Князе-Михайловская // Кубанские новости. 1996. 22 февраля и др.

привлекаемых источников. Заметное влияние на региональную историографию оказал развернувшийся процесс возрождения казачества: появляются публикации, рассматривающие различные сюжеты казачьей истории (военные, экономические и др.). В центре внимания историков оказываются и поселенческие структуры как предмет самостоятельного исследования. Характерной тенденцией современного этапа историографии кубанских казачьих поселений выступает активное развитие краеведческого направления. Поддержанная региональными властями популяризация истории родного края в 1990-е гг. и формирования кубановедения в 2000-е гг. обусловлена возросшим общественным интересом к культурно-исторической специфике своего региона в русле микроисторических подходов.

Немало краеведческих работ в современной региональной историографии посвящено возникновению и развитию конкретных населённых пунктов Кубани¹. Они примечательны не только широким использованием материалов

---

¹ Александрова В.П. История станицы Полтавской (Красноармейской). VI век до н.э. – 1945 г. Новороссийск, 2002; Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Славянск-на-Кубани и Славянский район. Страницы истории. Краснодар, 1995; Артющина Е.А. Исторический очерк станицы Усть-Лабинской. 1794–1917. Краснодар, 1999; Басханов А.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Очерки истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Лабинск, 1996; Беловолов В.Н. Сборник статей и очерков по истории станицы Уманской. Ленинградская, 2002; Бессчётнова А.И. Станица Незамаевская, 215 лет. Павловская, 2009; Бублик Е.С. Летопись станицы Нововеличковской. Краснодар, 2012; Бугай Н.Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица (1792 – начало XXI в.). В 2-х ч. Ч. 1: Станица Старо-Титаровская, 1792–1917 гг., Ч. 2: Станица Старо-Титаровская: от социального излома 1917 г. до начала XXI века. М.; Тула, 2009; Город Хадыженск и станица Кабардинская: юбилейные историко-краевед. очерки / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2004; Громов В.П. Дорогие мои земляки: штрихи к портретам пашковчан. К 215-летию Пашковской. Краснодар, 2009; Губский Н.И. Моя малая родина: из истории хутора Ольгинского Абинского района Краснодарского края. Краснодар, 2014; Дорошенко В.Г. Петровская моя родная: история о станичниках станицы Петровской. Краснодар, 2012; Затолокин В.П., Крылов М.И. Станица Келермеская. 100-летие Первой мировой и Гражданской войны. Майкоп, 2017; Зеленкова А.М. Станица Тбилисская – страницы истории. Краснодар, 2005; Кочериди Ю.Д. История хутора Новоукраинского и близлежащих мест. Краснодар, 2018; Левченко И.И. Станица Марьянская. Исторический очерк. Краснодар, 2003; Маслов А.В. Новопокровская (1827–2007). Кропоткин, 2007; Морозкина Г.А. История земли белореченской. Майкоп, 2004; Никитин С.Н. Белая Глина. Исторический очерк (1820–2000 гг.). Белая Глина, 2000; Онищенко В.Я. Казачья станица Поповичевская (Калининская). Краснодар, 2007; Подымов Н.Г. Станица Казанская. Исторический очерк. Казанская, 2002; Селютин А.С. Станица Ахметовская: очерки по истории казачества.

местных архивов и краеведческих музейных собраний, но и обращением к воспоминаниям старожилов изучаемых поселений.

В современный (постсоветский) период историографии расширяется проблематика исторических исследований, формулируются новые концептуальные подходы к изучению региональной истории, в том числе, более детально рассматривается имперское прошлое кубанского казачества, включая поселенческие структуры. Так, в монографии Н.А. Гангур на основе значительного массива разнообразных источников осуществлена историческая реконструкция жилищ и хозяйственных построек черноморских и линейных казаков в период с конца XVIII до начала XX вв.¹, что по авторскому замыслу и исполнению в определённой мере вписывается в традиции научной исторической школы «Анналов».

В современной региональной историографии получила своё продолжение тенденция проведения исследований по аграрной истории, в том числе, изучения поселенческих структур. Публикации последних лет всё чаще посвящаются осмыслению исторической роли и значения поселений, отдельным сюжетам истории населённых пунктов. В научном сообществе в настоящее время признанными являются труды О.В. Матвеева, В.А. Колесникова, С.В. Самовтора, Б.Е. Фролова, Н.И. Бондаря, Л.В. Бурькиной, В.Н. Ратушняка,

---

Майкоп, 2016; Сидоров Е.М. Земля Тихорецкая. Очерки истории и географии (политической, экономической, социальной, физической) города Тихорецка и Тихорецкого района. Юбилейное издание. 120 лет Тихорецку (1874–1994). 70 лет Тихорецкому району (1924–1994). Краснодар, 1995; Сизых К.М. Рассказ о моей станице: [о станице Воронежской]. Краснодар, 2007; Станица Хадыженская в 1864–1913 годах / сост. и отв. ред. И.О. Тюменцев]. Волгоград, 2016; Султханов Н.А. Расскажи мне о станице: историко-краеведческие очерки о станице Новоминской. Краснодар, 1999; Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX веков. Сочи, 2000; Тернавский Н.А. Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар, 2005; Филькин А.Г. (Загуменный). Страницы истории кубанского казачества: станица Гиагинская (К 140-летию основания, 1862–2002). М., 2002; Харченко В.Л. Легенды и быль земли Северской: История Северского района Краснодарского края с древнейших времён по 21-й век. Станица Северская, 2011; Харченко В., Овечкин В., Чеботарёва Н. Станица Смоленская: история развития с древнейших времён до наших дней. Станица Северская, 2007; Чернуха Р.П. Очерки истории станицы Нововеличковской. Динская, 2002; Щикальцова О.И. Станица Челбасская: возвращение к духовным истокам. СПб., 2015 и др.

¹ Гангур Н.А. Материальная культура кубанского казачества. В 2-х т. Краснодар, 2009. Т. 1: Конец XVIII – середина XIX века; Т. 2: Середина XIX – начало XX века.

Б.А. Трёхбратова, А.П. Скорика, А.Н. Малукало, Т.А. Колосовской, Д.С. Ткаченко и др.¹ Между тем, А.Н. Малукало, несмотря на дискуссионность отдельных авторских выводов, вовлѣк в научный оборот много сведений о кубанском

---

¹ Колесников В.А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). М., 2012; он же. Развитие хуторских хозяйств в линейных кубанских полках в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. Краснодар, 1999. С. 62–64; он же. От служилых людей Московии: к 200-летию со дня основания Темижбекской, Казанской, Тифлисской и Воронежской станиц // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 100–125; он же. Линейные казаки в заселении Закубанья // Кубанское казачество: три века исторического пути: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., станция Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. Краснодар, 1996. С. 114–115; Матвеев О.В. Из дореволюционного прошлого станицы Новолабинской // Кубанский сборник: сб. науч. статей и материалов по истории края. Краснодар, 2015. С. 165–175; Петрова-Хорина Н.Н. Приурूपье моё, суровое и прекрасное. 1856–2011. 155-летию Попутной и другим станицам Урупско-Лабинской линии посвящается. Краснодар, 2011; она же. Станица Попутная: люди, жизнь и события. 1856–2016. 160-летию станицы и её хуторам посвящается. Краснодар, 2016; она же. Отрадная 160 лет назад: штрихи к портрету станицы // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. V. Армавир, 2017. С. 8–12; Самовтор С.В. Топонимика Закубанья (К вопросу о переименовании ряда кубанских станиц в 1867 г.) // Археология и краеведение Кубани. Материалы Первой студенч. науч. конф. Краснодар, 1993. С. 26–28; Скорик А.П., Федина И.М. Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани с конца XVIII века и до конца 1920-х годов // History and Historians in the Context of the Time (История и историки в контексте времени). Международный двуязычный научный журнал. Сочи, 2013. Vol. (10). No 1. P. 4–14; Скорик А.П. Казачьи слободки как первые поселения черноморских казаков на Кубани // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцать вторые Всероссийские научные чтения: тезисы докладов и сообщений науч.-теор. конф., Новочеркасск, 14–15 октября 2021 г. Новочеркасск, 2021. С. 29–32; Скорик А.П. Кубанский хутор: интенциональность исторического познания // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: сб. науч. статей. Новочеркасск, 2017. С. 45–53; Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск, 2016; Скорик А.П. Поселенческий уклад как социальный институт (на примере исторического региона Кубани) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 44–52; Скорик А. П. О концептуализации исследования казачьего поселенческого обустройства на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем. Ставрополь, 2021. С. 97–109. Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. Краснодар, 2006. № 7. С. 12–21; Хейман Е.Е. Обсуждение аграрных проблем казачьими станицами Кубани в начале XX в. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011. № 8. С. 259–261; Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь, 2021; Колосовская Т.А. Кавказская линия и казаки-линейцы в военно-статистических трудах Д.А. Милютин // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа:

казачестве позднеимперского периода, им сделаны правомерные выводы об эволюции системы землеустройства в Кубанском войске в 1860 гг.¹ Значительный объём научных изысканий по истории переселения черноморских казаков на Кубань и, в частности, о личности Захария Чепеги выполнил кубанский историк Б.Е. Фролов².

Большой вклад в изучение аграрной истории кубанского казачества в начальные два десятилетия XXI в. внёс Валерий Николаевич Ратушняк. Объектами его научных интересов продолжали оставаться аграрные проблемы Северного Кавказа и история кубанского казачества³. В последнее десятилетие вопросами правительственной политики в отношении казачества активно занимались А.А. Волвенко и А.Ю. Перетяцько. Так, А.А. Волвенко в опублико-

---

Материалы Тринадцатой междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир, 2022. С. 87–92 и др.

¹ Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003.

² Фролов Б.Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. Краснодар, 2005; он же. Проблемы локализации куренных селений Черноморского казачьего войска в 1794–1795 гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2004 год. Дикаревские чтения (11): Материалы Северокавказ. науч. конф. (г. Краснодар, 22–24 сентября 2005 г.). Краснодар, 2005. С. 161–170; он же. Спорные вопросы переселения черноморских казаков на Кубань // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3: [Посвящается 70-летию В.Г. Захарченко]. С. 224–228; он же. Первые слободы и куренные селения Черноморских казаков на Кубани // Кубанский сборник: сб. науч. статей и материалов по истории края. Краснодар, 2015. Т. VI (27). С. 114–128 и др.

³ Ратушняк В.Н. Массовое заселение Кубани и изменение состава её населения в 60–90 гг. XIX в. // Вопросы истории Кубани XIX – нач. XX вв.: сб. науч. трудов. Краснодар, 2001. С. 84–92; Ратушняк В.Н., Сидоренко Т.Н. Кубанская станица: от созидającego развития к великим потрясениям // Мир Шолохова: история и культура: тезисы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова. Ростов н/Д, 2005. С. 88–90; Ратушняк В.Н. Специфика земельных отношений на Кубани в начале XX в. // Социология села: теоретическая и практическая проблематика: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 13–14 ноября 2008 г. Краснодар, 2008. Т. 1. С. 447–453; он же. Социально-экономическое развитие Кубанского казачества в 1900–1913 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2011. № 5. С. 33–38; он же. Развитие сельского хозяйства Кубани в пореформенное время (1861–1914) // Голос минувшего. Краснодар, 2015. № 3–4. С. 32–43; он же. Социально-экономическое положение кубанского казачества накануне великих потрясений // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. Сборник статей Междунар. науч.-просвет. конф. (Адлер, 27–31 мая 2016 г.). Краснодар, 2016. С. 200–205; он же. Земледелие Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в.: особенности эволюции // Былые годы. Сочи, 2018. Т. 49. С. 1186–1194 и др.

ванной монографии раскрывает отношение Д.А. Милютин к казачьим войскам и подчёркивает, что введение в Кубанском войске частной собственности на землю в начале 1860-х гг. имело исторический характер для всех казачьих войск¹. Молодой исследователь А.Ю. Перетятыко представил научному сообществу программный документ Военного Министерства за 1862 г. «Соображения учреждённого при Управлении Иррегулярных войск Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», содержащий проект планируемых реформ российского казачества, в том числе и по вопросам землеустройства².

Не менее актуальными в исследовательской практике являются труды профессора Кубанского государственного университета Олега Владимировича Матвеева, более 25 лет изучающего картину мира кубанского казачества, а также проблемы Кавказской войны. Целый ряд работ учёного посвящены истории отдельных населённых пунктов Кубани³.

Научно-исследовательским центром традиционной культуры (НИЦ ТК) государственного бюджетного научно-творческого учреждения культуры

---

¹ Волвенко А.А. Казачество и власть накануне Великих реформ Александра II. Конец 1850-х – начало 1860-х гг. М., 2022.

² Перетятыко А.Ю. Д.А. Милютин о приоритетах развития Кубанского казачьего войска: первая половина 1860 гг. // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящённой 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской, Карачаевск, 18–19 октября 2019 г. Карачаевск, 2019. С. 228–233.

³ Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества: социальные аспекты воинской ментальности // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2006. Вып. 1. С. 396–411; он же. Народная топонимия в организации пространства исторической памяти кубанского казачества // Славяно-адыгские культурные связи: история и современность. Материалы Пятых научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры и Году российской истории (Майкоп, 2012). Майкоп, 2012. С. 111–124; он же. Из прошлого станицы Дядьковской. Первая четверть XIX – начало XX вв. // Кубанский сборник. Краснодар, 2012. Т. IV (25). С. 153–195; он же. Мир казачьей станицы // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2012. № 4 (76). С. 56–58; он же. Материалы к дореволюционному прошлому станицы Журавской // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 110–172; Матвеев О.В. Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013. С. 99–118; он же. Из дореволюционного прошлого станицы Передовой // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Материалы Межрегион. науч. конф. Армавир, 2020. Вып. VIII. С. 117–137.

Краснодарского края (ГБНТУК КК) «Кубанский казачий хор» проведён большой объём полевых исследований в кубанских поселениях. В результате подготовлено несколько томов по истории, этнографии и фольклору Кубани. При общей этнографической направленности этого серийного издания, в вышедших томах представлены завершённые сюжеты по истории конкретных населённых пунктов региона¹, что следует отметить в качестве позитивного историографического факта.

Влиянию процессов модернизации на повседневную жизнь казачества, в том числе, кубанского, в имперский период посвящены работы Н.Б. Акоевой, А.В. Сопова и Е.В. Годовой². О реконструкции повседневной жизни, культуры казачества юга России повествует коллективная монография под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева³. Большое место отводится освещению

---

¹ История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): к 50-летию творческой деятельности Виктора Гавриловича Захарченко. Т. 1: Кореновский район / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Краснодар, 2015; История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 2: Горячеключевской район / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ижевск, 2016; История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 3: Усть-Лабинский район / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Майкоп, 2018; История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 4: Темрюкский район / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ростов н/Д, 2019; История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. V. Отраденский район / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ростов н/Д, 2020.

² Годова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб., 2020; она же. Методологические подходы в изучении повседневной жизни социальных общностей (на примере казачества) // Актуальные проблемы всемирной истории: Материалы Междунар. науч.-теоретич. конф., Алматы, Казахстан, 19–20 ноября 2015 г. Алматы, 2015. С. 75–78; Акоева Н.Б. Повседневная жизнь кубанского казачества на рубеже веков (конец XIX – начало XX вв.). Славянск-на-Кубани, 2006; она же. Повседневная жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. Славянск-на-Кубани, 2011; Сопов А.В. Формирование особенностей хозяйственно-культурного типа казаков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 1. С. 108–117; он же. Материальная культура казаков // Вопросы казачьей истории и культуры / Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры». Майкоп, 2003. Вып. 2. С. 139–150; он же. Хозяйство, культура и быт казаков как этнические определители // Вестник Адыг. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 126–148.

³ Очерки истории и культуры казачества Юга России / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014.

роли православия в освоении исторического региона Кубани и вкладу православных священников в духовное развитие казачества, храмовому строительству в казачьих станицах и хуторах в трудах М.Ю. Горожаниной¹. Встречаются в современной научной литературе и крайне специфические сюжеты о повседневности кубанских казачьих поселений, к числу которых относится устройство казаками кладов на «чёрный день» и кладоискательство². Не менее интересны и публикации из смежных областей знания, например, исторической географии, к чему склонны учёные Института географии, геологии, туризма и сервиса Кубанского государственного университета³. В таких изданиях можно почерпнуть полезную обобщающую информацию, редкие исторические свидетельства и оценки исторических фактов исследователями географической науки, что немаловажно для профессиональных историков.

Небольшие по объёму, но очень информативные работы оставил после себя главный казачий археограф Государственного архива Краснодарского края, заслуженный работник Архивной службы Кубани, историограф Дворянского Собрания Кубани В.И. Шкуро (1937–2020). В его творческом наследии мы обнаруживаем и произведения по истории отдельных станиц, и труды по переселению на Кубань из Черниговской и Полтавской губерний, многие другие интересные исторические сюжеты, опубликованные преимущественно в региональной периодической печати⁴. Перечень и полное библиографическое

---

¹ Горожанина М.Ю. Православие в повседневной жизни кубанского казачества в XIX – XX вв. // Перемены в России. Материалы науч.-практ. конф. Уральский государственный лесотехнический университет, 19 февраля 2020 г. Екатеринбург, 2020. С. 69–78; она же. Повседневная жизнь православного казачества Кубани XIX – начало XX вв. // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX – XXI вв. Сб. науч. тр. М., 2020. Вып. 2. С. 200–207; она же. Проекты обустройства новых территорий на примере вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи // Пётр I и имперские практики фронтального пространства. Астраханские Петровские чтения, 23–24 ноября 2021 г. Материалы VI междунар. науч. конф. Астрахань, 2021. С. 71–81; она же. История православия на Кубани. Краснодар, 2021.

² Мильчев В.И., Сень Д.В. Клады и кладоискательство как социокультурный феномен в жизни казачества XVIII–XIX вв. // Stratum plus. Кишинёв, 2022. № 6. С. 244–245, 249–250.

³ Гужин Г.С., Гущина Л.А. История заселения и хозяйственного освоения территории Краснодарского края с 1792 по 1917 гг. Краснодар, 1993.

⁴ Шкуро В.И. Станица Князе-Михайловская // Кубанские новости (газета). Краснодар, 1996. 22 февраля; Он же. Формирование населения Северского района в период его первоначаль-

описание значительной части разнообразных публикаций В.И. Шкуро приводится в списке использованных источников и литературы к настоящей диссертации. В каждой работе Владимира Ильича есть своя творческая изюминка, и ему удалось открыть для последователей многие новые страницы региональной истории.

Проблемы переселения малороссиян на Северный Кавказ, в том числе, на Кубань, анализируются в кандидатской диссертации С.В. Сазоновой¹. Большой вклад в изучении топонимики Кубани внёс С.В. Самовтор, чему посвящены его кандидатская диссертация² и множество статей, которые нами далее по тексту многократно цитируются. Можно ещё назвать немало интересных исследователей, которые в той или иной мере затрагивают изучаемый в нашей работе круг проблем, но мы не ставили перед собой задачи охватить максимально возможное количество авторов, а стремились отразить, прежде всего, базисные историографические тенденции.

Полагаем возможным зафиксировать устойчивую историографическую тенденцию, заключающуюся в научной презентации отдельных материалов и завершённых работ по истории станиц и хуторов Кубани на научных конференциях различного уровня. Причём, целый ряд из них являются традиционными, проводятся с разной периодичностью уже много лет подряд, перечислены в разделе «Апробация работы» во введении нашей диссертации, и о каждой из них можно говорить отдельно как об историографическом явлении. На этих научных форумах многократно поднимались вопросы истории казачьих поселенческих структур.

ного заселения (II-я половина XIX века) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6): Материалы регион. науч.-практ. конф., станица Крепостная, 14–16 мая 1999 г. Краснодар, 2000. С. 58–62; он же. Переселение малороссийских казаков на Кубань в 1821–1825 гг. // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия: Сб. статей. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 16–27; он же. Георгиевская слава Кубани. Т. 1: [1-й Екатеринодарский полк]. Краснодар, 2013; он же, Шкуро К.В. Георгиевская слава Кубани. Т. 2: [Пластуны Екатеринодарского отдела: (о пластунских батальонах Кубанского казачьего войска)]. Краснодар, 2013.

¹ Сазонова С.Е. Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация: конец XVIII – первая половина XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2010.

² Самовтор С.В. Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани: конец XVIII – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

Подводя итоги историографического анализа, следует констатировать, что исследования, затрагивающие проблематику формирования, жизнедеятельности и повседневности поселенческих образований кубанских казаков, пока носят разрозненный, фрагментарный характер. Увы, ещё не сформировалось целостное историческое представление о поселенческих структурах как полифункциональных социальных образованиях на Кубани с детерминирующей и преобладающей казачьей повседневностью существования и развития поселений. Частично образовавшиеся в современной региональной историографии лакуны мы уже обозначили во введении настоящей докторской диссертации, и к числу не исследованных и/или не достаточно изученных исторических сюжетов нами отнесены: 1) комплекс вопросов землеустройства, землепользования и землевладения, коллизии территориального поселенческого расселения в пределах исторического региона Кубани; 2) критериальное различие и типологизация казачьих поселений в исторической повседневности Кубани с категориально-понятийным определением базисных дефиниций; 3) проблемы генезиса поселений черноморского и линейного казачества, иных категорий населения исторического региона Кубани; 4) историческая реконструкция сети региональных кордонных линий, служивших опорными военно-хозяйственными конструкциями для водворения новых казачьих поселений и торжества казачьего мира на Кубани; 5) топохронная эволюция казачьих хуторских поселений и хозяйственно-культурный уклад повседневной жизни хуторян Кубани. Кроме того, к числу не исследованных и/или недостаточно изученных в региональной историографии сюжетов о формах, типах и видах поселенческих образований, на наш взгляд, следует добавить:

– коллизии поселенческого миромоделирования территориальной полосы Восточного Причерноморья и роль различных групп российского казачества в освоении прибрежного пространства на этапах военно-хозяйственного обустройства и водворения гражданских поселений;

– исторический опыт функционирования Черноморской береговой линии и вклад черноморского казачества в этот российский проект освоения восточного берега Чёрного моря;

– темпоральный сравнительно-исторический анализ административно-территориальных реформ культурно-исторического пространства кубанских поселений во второй половине XIX в.;

– соотношение традиций и новаций в процессе модернизации станичных и иных поселенческих структур в течение последней трети XIX – начале XX вв. в историческом регионе Кубани;

– конфликтологическое функционирование социальных дискуссионных панелей, прежде всего, институционализированной площадки «казаки и иногородние: против/вместе» на Кубани и поиск путей преодоления общественного противостояния во второй половине XIX – начале XX вв.

Итак, перечисленные выше многочисленные лакуны в региональной историографии, безусловно, не исчерпывают все вероятностные варианты не исследованных и/или недостаточно изученных исторических сюжетов, но, на наш взгляд, представленный перечень научных проблем находится в актуальной повестке дня научного поиска и требует своего решения. Поэтому мы рассчитываем восполнить выявленные лакуны в настоящем диссертационном исследовании, чему будут посвящены пять основных конкретно-исторических глав диссертации.

1.2. Источниковая база исследования государственной поселенческой и переселенческой политики в Южном историческом регионе в конце XVIII – начале XX веков

В разработке источниковой базы диссертационного исследования мы исходили из необходимости обеспечения актуального в современном российском источниковедении видового разнообразия исторических источников, опирались на принципы репрезентативности, целесообразности и дополнителности аккумулируемого информационного контента, ориентировались на инновационный характер привлекаемых исторических источников. Такие подходы к источниковой базе, на наш взгляд, способны гарантировать достовер-

ность используемых данных, позволяют подобрать разумное количество исходных материалов для исследования, сделать историописание более многообразным и насыщенным конкретно-историческими свидетельствами, вызывающими интерес не только научного сообщества профессиональных историков, но и многочисленных любителей истории.

По базисному дихотомическому критерию мы делим всю совокупность исторических источников настоящего диссертационного исследования на два основных типа: опубликованные и неопубликованные. К неопубликованным историческим источникам нами относятся, прежде всего, два вида: музейные и архивные.

Музейные исторические источники далеко не всегда привлекаются соискателями для подготовки докторских диссертаций, а, соответственно, наше стремление их использовать несёт в себе определённый элемент новизны настоящего исследования. К музейным историческим источникам нами относятся музейные фонды, артефакты музейных экспозиций, справочные материалы, собираемые музейными работниками для осуществления основной экспозиционной деятельности и для ведения научно-исследовательской работы над конкретными музейными собраниями. Всего при подготовке итогового текста диссертации мы использовали исторические источники из трёх региональных музеев Краснодарского края.

В Геленджикском историко-краеведческом музее отложились материалы по истории Черноморской береговой линии, об укреплениях Кавказской линии, исторические свидетельства о Шапсугском береговом батальоне, а также биографические справки о герое Кавказской войны, командующем войсками Кавказской линии и Черномории, основателе Геленджикского военного укрепления, генерал-лейтенанте Алексее Александровиче Вельяминове, копии дел из федеральных архивохранилищ, касающиеся истории Геленджика. Из музейного фонда № 3 мы изучили и использовали следующие источники: дело № 1 «Укрепления Кавказской линии на территории Геленджикского района»; дело № 6 «Материалы по истории Михайловского укрепления»; дело № 15 «Материалы из истории Шапсугского берегового батальона»; дело № 16

«Материалы по истории Черноморской береговой линии и Геленджикского укрепления». Отобранные в Геленджикском историко-краеведческом музее конкретно-исторические материалы нашли применение при написании пятой главы диссертации о поселенческом миромоделировании Восточного Причерноморья.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры (МБУК) «Старощербиновский историко-краеведческий музей имени М.М. Постернак» Старощербиновского сельского поселения Щербиновского района Краснодарского края в числе артефактов своих музейных экспозиций сохранило редкий исторический документ – билет казаку Щербиновского куреня Матвеем Ломаке на право владения хутором (1815 г.), выданный Черноморской войсковой канцелярией на устройство одного из хуторов, положивших начало Ново-Щербиновскому куреню. Копия билета приведена в приложении 8 к диссертации. Его случайно обнаружили на чердаке старой хаты, и он представлял собой ценную семейную реликвию одной казачьей семьи. Нам удалось сканировать артефакт, что и позволило осуществить источниковедческий анализ исторического документа актового характера и разобраться в особенностях регистрации права собственности на землю¹.

Конечно же, билет казака Щербиновского куреня Матвея Ломаки на обзаведение хутором, датированный 1815 г., представляет собой исключительный артефакт, который сохранил МБУК «Старощербиновский историко-краеведческий музей имени М.М. Постернак». Но порой музейные собрания помогают решить не менее важные для исследователей вопросы. Так, с привлечением основных фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына (КГИАМЗ) нам удалось внести на основе изученных документов существенные уточнения в интерпретацию процессов переселения казаков в Закубанье.

---

¹ Скорик А.П., Федина И.М. Правоустанавливающий акт 1815 года на хутор черноморского казака Матвея Ломаки как исторический источник // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: Сб. статей. М., 2021. С. 19–26.

Ценнейший пласт интересующей нас информации по проблеме исследования обнаружен в архивных коллекциях, которые относятся к неопубликованным историческим источникам нашего диссертационного исследования. В ходе подготовки работы мы знакомимся с архивными фондами, хранящимися в федеральных, региональных и муниципальных архивах, что позволило отобрать необходимые материалы и использовать их при написании диссертационного текста.

В общей сложности соискателем привлечены архивные материалы 3 федеральных, 4 региональных и 3 муниципальных архивов. Федеральные архивы (ГАРФ, РГВИА, РГИА) выбирались нами по принципу наличия в них наибольшего объёма информационного контента и, главное, по качественным параметрам интересующих нас в исследовательском плане фондообразователей, социальная активность которых оказывала максимальное влияние на генезис казачьих поселений в историческом регионе Кубани и отражалась вначале на повседневности черноморских и линейных казаков, а затем и кубанского казачества в целом. И, конечно, мы следовали известному источниковедческому правилу по введению в научный оборот ранее неизученных, новых архивных документов и материалов, позволяющих обогатить историческое знание об историческом регионе Кубани, о кубанском казачестве и присущих ему ментальных характеристиках, о культуре повседневности казаков.

В архивных коллекциях Российского государственного исторического архива (РГИА) как раз хранятся такие сведения, и они впервые вводятся в научный оборот. Так, в фонде 560 «Общая канцелярия министра финансов» имеются документы о переселении в Черноморию и на Кавказ, а также о финансовом обеспечении процесса переселения¹.

В фонде 1268 «Кавказский комитет» отложилось много документов, фиксирующих состояние дел, в том числе, в Кубанском казачьем войске². Нами

---

¹ РГИА. Ф. 560. Оп.1. Д. 528. Дело о разрешении продажи имущества казакам, переселяющимся из внутренних районов Кавказской области к границам её. [1826 г.]; Оп. 6. Д. 366. О казаках, переселившихся на земли Черноморского войска. [1824 г.].

² РГИА. Ф. 1268. Оп.1. Д. 52. По выписке из представленного Государю Императору Г.-А., Бароном Розеном отчётов об управлении Закавказским краем, касательно устройства новых

проштудирована переписка о поземельных отношениях казаков, изучены рапорты, просьбы и т.д.

Отдельные документы по исследуемой теме были выявлены в фонде 932 (личного происхождения) «Дондуков-Корсаков А.М., князь, 1820–1893»¹. В этом фонде представляют интерес дела о поселении береговых станиц в Восточном Причерноморье и вопросы их землеустройства.

Фонд 1149 «Департамент законов Государственного совета» аккумулировал законопректы по всем вопросам государственного управления казачьими войсками, а это целый комплекс нормативных и подготовительных материалов, содержащих оценки имперскими властями ситуации на местах и позволяющих понять реальное отношение Российского государства к внутриказачьим делам и способам их разрешения, в частности, к проблемам поселенческого обустройства на Кубани².

станций за Кубанью. [20 ноября 1837 г.]; Д. 466-з. Сведение о просьбе штабс-ротмистра Педисова относительно утверждения за ним владения лежащего за Кубанью землёю на праве Российским Дворянам предоставленном, и о предположении относительно перенесения пограничной с Горскими владениями линии с Кубани на реку Лабу. [1843 г.]; Оп. 2. Д. 353. Дело по вопросу о заселении и гражданском устройстве северо-восточного берега Чёрного моря. [5 сентября 1846 г. – 7 ноября 1849 г.]; Оп. 10. Д. 42. Об управлении Гражданской Канцелярии бывшего начальника первого Отделения Черноморской береговой линии и Анапского Правления Закубанских поселян, и о переименовании канцелярии бывшего Начальника Черноморской береговой линии в гражданскую канцелярию командующего войсками правого крыла Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска. [9 февраля 1859 г. – 23 декабря 1862 г.]; Оп. 15. Д. 119. Дело о перечислении в гражданское состояние Шапсугского пешаго берегового батальона Кубанского казачьего войска. [11 сентября 1870 г. – 29 ноября 1871 г.]; Оп. 20 Д. 114. Дело о порядке отмежевания от станицы Павловской 10.380 десятин земли, предназначенной в дополнительный надел станицы Полтавской, с передачею этой земли в распоряжение Кубанского областного начальства. [7 июля 1875 г. – 17 февраля 1876 г.] и др.

¹ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 317. Записка о современном положении Кавказского побережья Чёрного моря и о мерах к его заселению [1881 г.]; Д. 293. Докладные записки и справки ст[атского] сов[етника] Верещагина начальнику Главного управления наместника на Кавказе о земледелии на Черноморском побережье Кавказа и истории его колонизации [1882 г.].

² РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 71. Дело по вопросу о разрешении чиновникам Черноморского казачьего войска покупать во всех губерниях дворовых людей и крестьян. [1827 г.]; Оп. 12. Д. 118. Дело по вопросу о порядке отвода земельных участков переселенцам-охотникам в казачьих поселениях Кубанского войска. [1895 г.]; Оп. 13. Д. 28. Об устройстве некоторых разрядов переселенцев, водворившихся в Черноморской губернии. [1900 г.]; Д. 84. Дело по вопросу о праве собственности на земельные участки за добровольное переселение в Закубанский край, по Положению 10 мая 1862 г. [1905 г.].

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), представляет интерес фонд 330 «Главное управление казачьих войск», поскольку, как показывает изучение 64 описей этого фонда, в данной архивной коллекции отложились дела об образовании новых станиц Кубанского казачьего войска, отчёты межевой Комиссии, рапорты наказных атаманов о состоянии войска и поселений, а также карты Черномории и отделов Кубанской области и Черноморской губернии, что даёт возможность проследить трансформацию поселенческих структур в историческом регионе Кубани, в частности, изучить вопросы межевания войсковых и станичных юртовых земельных угодий¹. О водворении, наименовании и переименовании поселений Кубанского казачьего войска отложились сведения в фонде 400 «Главный штаб Военного министерства»². Особенно следует отметить дела 25-й описи «Казачий отдел Главного управления казачьих войск», в которых содержатся конкретно-исторические свидетельства о казачьих станицах Кубани. Примечательны дела фонда 643 «Кубанское казачье войско», где нами обнаружены актуальные для нас сведения по широкому кругу вопросов: от общевойскового устройства до проблем развития коневодства в Кубанской области³. В фонде 788 «Гражданская канцелярия Командующего войсками правого крыла Кавказской линии и

---

¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 5. Д. 267. По отношению Главнокомандующего Кавказской армией о переселении казачьих семейств Кубанского войска в станицы Ейского округа в 1861 г. [1861 г.]; Оп. 6. Д. 381. По отношению Командующего Кавказской армией о водворении новых казачьих станиц в Кубанской области в 1863 г. [1863 г.]; Оп. 7. Д. 308. По отношению Департамента генерального штаба о наименовании вновь возведённых 22 станиц Кубанского казачьего войска. [1863 г.]; Оп. 16. Д. 612. О водворении в Кубанской области двух новых станиц. [1872 г.].

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2674. Дело об образовании и переименовании станиц и посёлков в Кубанском казачьем войске за 1911 г. [1911 г.]; Д. 4386. Об образовании и переименовании станиц и посёлков в Кубанском казачьем войске за 1912 г. [1912 г.]; Д. 5827. Со сведениями о числе поселений и лиц, подлежащих земельному наделу и о количестве земель, обмежёванных и подлежащих обмежеванию. [1913 г.]; Д. 8278. Об образовании и переименовании селений. [1915 г.]; Д. 10268. О преобразовании и переименовании станиц и хуторов в Кубанском казачьем войске. [1915 г.]; Д. 12091. О переименовании хутора Синюхи в Кубанском казачьем войске. [1916 г.]; Д. 12032. О преобразовании и переименовании станиц и поселений Кубанского казачьего войска. [1916 г.].

³ РГВИА. Ф. 643. Оп. 2. Д. 19. Записка генерала Хомутова об устройстве Черноморского казачьего войска. [1855 г.]. Д. 33. Журналы военных действий Адагумского отряда и донесения о военных действиях на восточном берегу Чёрного моря. [6 мая 1857 г. – 28 мая 1858 г.]; Д. 57. Переписка об укреплении Черноморской кордонной линии от нападения

наказного атамана Черноморского казачьего войска» имеются: переписка начальника Черноморской береговой линии о переселении казаков и крестьян за Кубань; исторические и статистические обзоры закубанских поселений; годовые отчёты о состоянии Черноморского казачьего войска, и иные важные сведения, а, соответственно, на основе указанных архивных материалов мы можем более обоснованно судить об освоении территории Закубанья¹. В фонде 846 «Военно-учётный архив» размещены документы, регламентирующие водворение станиц, их состояние, количественные характеристики народонаселения и другие материалы (рапорты, переписка, доклады, указы и др.)², что позволяет осветить вопросы военно-хозяйственного обустройства станиц. В фонде 13454 «Штаб войск Кавказской линии и в Черномории» имеются сведения о поселениях Кубанской и Лабинской линий³. Это даёт нам возможность более фундаментально рассматривать вопросы имперского и войскового администрирования переселенческой политики, вносить существенные

горцев. [1859 г.]; Д. 85. Переписка о проекте и мерах по поддержанию коневодства в Кубанской области. [1874 г.].

¹ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Переписка начальника Черноморской береговой линии с начальником первого отделения линии, Анапским временным правлением об устройстве станицы для закубанских переселенцев на Суворовской батарее. [24 января 1841 г. – 13 февраля 1847 г.]; Д. 22. Переписка начальника Черноморской береговой линии об устройстве посёлка возле Алексеевского редута и поселении в нём закубанских поселян. [28 мая 1843 г. – 3 мая 1846 г.]; Д. 29. Переписка военного министра, начальника Черноморской береговой линии о поселении азовских казаков вокруг Анапы и об устройстве станиц у Султановского кургана. [10 января 1844 г. – 11 января 1845 г.]; Д. 55. Исторический и статистический обзор закубанских поселений в окрестностях Анапы. [1848 г.]; Д. 70. Переписка канцелярии начальника Черноморской береговой линии о расширении владений Суворовской станицы для новых поселенцев. [1854 г.]; Д. 75. Годовые отчёты начальника Черноморской береговой линии о состоянии края и Анапского правления о состоянии закубанских поселений. [20 декабря 1849 г. – 23 мая 1850 г.]; Д. 155. Годовой отчёт о состоянии Закубанского поселения за 1857 год. [1958 г.].

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ч. 2. Д. 6288. О перенесении кордонной линии с Кубани на Лабу. [1840 г.]; Д. 6696. Ч. 11. Сведения по истории переселения народов на Кавказе. [1850 г.]; Ч. 14. Приказы и телеграммы. Ведомость кордонных линий. [1865 г.].

³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 593. Копии с отношения военного министра об укреплении Кавказской линии, о переводе казенных сёл в военное ведомство и переписка по этому вопросу. [1833–1834 гг.]; Д. 658. Об устройстве четырёх станиц на берегу р[еки] Лабы и о провиантском снабжении. [1840 г.]; Д. 917. Правила для устройства станиц в 1855 г на правом фланге Кавказской линии. [12 апреля 1855 г.]; Д. 918. Об устройстве двух новых станиц на реке Урупе. [1855 г.].

уточнения в исторический анализ социально-экономического и демографического развития кубанских станиц.

Некоторые материалы о переселении на Кавказ, статистические отчёты Кубанской области отложились в личных фондах императоров Александра II и Александра III, а также великого князя Михаила Николаевича, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)¹. Они примечательны своим довольно обзорным характером, текстуальным изложением многочисленных исторических свидетельств и естественным воздействием фондообразователей имперского уровня с закреплением официальной позиции высших государственных инстанций, или, по крайней мере, одобрительным отношением к сохранению этих документов в архивном порядке.

Региональные архивы (ГАСК, ГАКК, НАРА, ГАКЧР) выбирались нами по принципу географического и административно-территориального охвата пространства исторического региона Кубани, где протекала жизнедеятельность черноморского и линейного казачества, где оформилась в 1860 г. Кубанская область, где наши исторические предшественники проявляли интерес к сохранению исторических свидетельств о развитии кубанских поселений и повседневности кубанского казачества. С учётом широкого охвата фондообразователей (от общевойсковых инстанций Черноморского казачьего войска и Кавказского линейного казачьего войска до полковых и станичных правлений) мы

---

¹ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 519–521. Записки неизвестного автора о покорении Кавказа. [1849–1859 гг.]; ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 438. Очерк развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках (без подписи). [1880 г.]; Д. 511. Записка без подписи «Материалы по Кавказу» (историческая справка и очерк современного положения на Кавказе). [1878 г.]; Д. 557. Всеподданнейший отчёт главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя [А.М.] Дондукова-Корсакова. [1882–1890 гг.]; Д. 438. Очерк развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках (без подписи). [1880 г.]; Ф. 678. Оп. 1. Д. 530. Выписки из донесений по Кавказским делам, представленные [А.И.] Чернышёвым великому князю Александру Николаевичу, 1843–1845 гг. [1845 г.]; Ф. 601. Оп. 1. Д. 429. Отчёт генерал[-лейтенанта М.А.] Нарбут и полковника [чиновника для особых поручений V класса при Военном министре А.Н.] Боронка и доклад [военного министра, генерала от инфантерии П.С.] Ванновского и [начальника Главного управления казачьих войск, генерал-лейтенанта В.А.] Бунакова великому князю [наследнику цесаревичу] Николаю Александровичу [Августейшему Атаману всех Казачьих войск] о результатах ревизии Кубанского казачьего войска (копии) с препроводительным письмом [военного министра П.С.] Ванновского [1893 г.]; Д. 925. Конспект всеподданнейшего отчёта начальника Кубанской области. [1908 г.].

получили колоссальный массив разнообразной информации и набор уникальных исторических сведений, которые бесценны не только для настоящего диссертационного исследования, но и для коммеморативных практик современного российского казачества.

В Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) отложился персональный фонд (377) известного историка, этнографа и общественного кубанского деятеля Ивана Диомидовича Попко. В этой архивной коллекции несомненный интерес для нашего исследования представляют сведения по административному устройству Кубанского казачьего войска, личная переписка И.Д. Попко по поводу расселения казаков в историческом регионе Кубани¹. В фонде 70 «Управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии, командующий войсками на Кавказской линии и Черномории. 1847–1858 гг., г. Ставрополь» весьма информативны по своему содержанию донесения, статистические сведения относительно переселенческой политики на Кавказе². В фонде 1300 «Комиссии наделения Кавказским линейным казачьим войском землями, 1819–1864» сохранились статистические отчёты о жизнедеятельности станиц, рапорты станичных атаманов о состоянии станиц, а также береглась переписка о наделении земельными участками линейных станиц³. В

---

¹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Предложения по устройству Черноморского казачьего войска. [1819 г.]; Д. 4. Обзор политической обстановки на Кавказе и отчёт Генерального штаба войск Кавказской линии. [1840 г.]; Д. 7 Личная переписка И.Д. Попко за 1847–1870 гг. [1870 г.]; Д. 11. Сведения о волнениях в Кубанском войске, в связи с переселением на земли адыгейцев. [1861 г.].

² ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 286. По отношению начальника Черноморской береговой линии относительно переселения крестьян в г. Анапу, Новороссийск и Сухум. [1849–1850 гг.]; Д. 390. По отношению директора канцелярии наместника Кавказского о доставлении сведений о числе жителей в некоторых селениях. [1856 г.]; Д. 158. По донесению управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии наместнику Кавказскому о перечислении некоторых государственных крестьян Ставропольской губернии, согласно их желанию в другие сословия, и о передаче в казачье ведомство 4-х семей Ставропольского уезда: Новопокровского, Новорождественского, Тихорецкого, Терновского [станов из состава этого уезда]. [1848–1849 гг.].

³ ГАСК. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 492. О народонаселении Кавказского линейного казачьего войска. [1844–1845 гг.]; Д. 467. Отношение командира Кубанского казачьего полка о представлении сведений народонаселения и плодородия земель, принадлежащих к их владению, по распоряжениям управляющего полковника Путрусевича. [1839 г.]; Д. 491. Доклад о состоянии Кавказских земель и об образовании комиссии наделения казаков землями. Ведомость

фонде 135 «Ставропольская духовная консистория, 18 апреля 1843 г. – 1 июля 1918 г., г. Ставрополь» содержатся донесения и циркулярные письма о переводе священников в закубанские станицы, о ведущемся храмовом строительстве в кубанских станицах¹, а также имеются сведения о расселении кубанских станиц².

Однако, основная часть архивных документов по проблеме диссертационного исследования представлена в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК). Они позволили нам проследить историю зарождения, становления и развития кубанских поселенческих структур. Объём архивного контента, консолидированный в архивных коллекциях ГАКК, весьма разнообразен и отражает широкий круг вопросов, способствующих определению специфики развития населённых пунктов и детализации представлений о поселенческой жизни кубанского казачества. Выделим лишь особо важные для нашего исследования архивные фонды ГАКК.

В фонде войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска (ГАКК. Ф. 250; 1794–1842 гг.)³, основной войсковой делопроизводственной инстанции и управленческом органе Черноморского казачьего войска, мы проштудировали прошения бывших запорожских казаков. Они обращались с просьбами об освобождении вместе с семьями от крепостной зависимости в малороссийских губерниях Российской империи для поселения в Черноморском казачьем вой-

---

о народонаселённости Кавказского линейного войска за 1840 год. Выписка из протокола комитета об устройстве Кавказского линейного войска. [1841 г.].

¹ ГАКК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 588. Об указе Синода о назначении во вновь населённые станицы на Лабе учёных священников. [1843 г.]; Оп. 3. Д. 145. О непереселении казаков Кавказской станицы православного исповедания на новую линию за Кубань. [1845 г.]; Оп. 4. Д. 284. Дело о запрещении Черноморскому духовенству венчать закубанских поселян без свидетелей. [1846–1851 гг.]; Оп. 30. Д. 137. Об обозрении закубанских церквей преосвященным Исаакием, епископом Моздокским в 1872 г. [1872–1874 гг.].

² ГАКК. Ф. 135. Оп. 26. Д. 823. О расселении жителей станицы Сохрайской по станицам 22 конного полка 25 июля 1868 г. [1868–1878 гг.].

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 15. Об отводе различным лицам войсковой земли под хутора и мельницы в потомственное владение. [15 февраля 1794 г. – 8 июля 1794 г.]; Оп. 2. Д. 172. О переселении куреней. [1810 г.]; Д. 536. Дело о наименовании новых куреней. [1821 г.]; Д. 857. Дело о вызове казаков из Кубанского, Донского, Уральского и Азовского казачьих войск для поселения на передние линии. [1860 г.].

ске. В этом же фонде мы познакомились с накопленными материалами об отводе войсковым старшинам земли в потомственное владение под хутора и мельницы в Черномории.

Результаты деятельности канцелярии Наказного атамана Кубанского казачьего войска (ГАКК. Ф. 249; 1783–1870 гг.)¹ и Войскового Правления Кубанского казачьего войска (ГАКК. Ф. 252; 1842–1888 гг.)² отражены в отложившихся в названных архивных фондах документах важнейших фондообразователей Кубанской области. Речь идёт о циркулярах штаба войск Кубанской области, Войскового Правления, положениях, рапортах командиров бригад, станичных и полковых правлений о заселении Кубани и предгорий западной части Кавказского хребта черноморскими, линейными и донскими казаками и

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1701. Об учреждении межевой комиссии для размежевания земель Черноморского войска, назначении офицеров в штат комиссии. [14 февраля 1842 г. – 30 апреля 1856 г.]; Д. 1706. Статистические сведения о состоянии Черноморского войска за 1843 год (народонаселение, военный состав войска, количество дворов, хлебопашество, повинности). [10 октября 1843 г. – 3 января 1844 г.]; Д. 1808. Список постов, батареек, станиц и посёлков в Войске с показанием числа дворов. [27 ноября 1846 г. – 23 января 1847 г.]; Д. 1867. О заселении Камышеватской и Должанской станиц в Войске переселенцами из внутренних губерний. [1 января 1848 г. – 31 декабря 1849 г.]; Д. 1909. О запрещении жителям Черномории устройства хутора до размежевания войсковой земли. [19 июня 1849 г. – 9 декабря 1850 г.]; Д. 2358. Сведения о народонаселении и числе станиц в Кубанском войске за 1864 год. [5 ноября 1864 г. – 23 февраля 1865 г.].

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1192. Т. 2. Об учреждении новой станицы при укреплении Темиргоевском. [1 марта 1850 г. – 26 ноября 1863 г.]; Д. 1271. О зачислении в Черноморское войско переселенцев. [13 августа 1851 г. – 4 мая 1868 г.]; Д. 1339. О числе дворов, состоящих в станицах Черноморского казачьего войска. [3 марта 1852 г. – 7 сентября 1852 г.]; Д. 1366. О водворении на Лабинской кордонной линии новых станиц. [5 февраля 1852 г. – 20 октября 1853 г.]; Д. 2497. О поселении новых станиц на Кавказской линии. [12 февраля 1859 г. – 11 мая 1860 г.]; Оп. 2. Д. 380. Дело о движении переселенцев из внутренних станиц на передовые линии. [1863 г.]; Д. 508. Дело об огораживании прикубанских станиц. [1862 г.]; Д. 982. Дело о воспрещении жителям «старых» станиц переселяться в станицы Закубанского края. [13 мая 1863 г. – 20 мая 1865 г.]; Д. 1313. Дело о недозволении лицам постороннего ведомства иметь оседлость в станицах Кубанского казачьего войска. [1863–1866 гг.]; Д. 1316. О наделении землёю жителей новых станиц, как в общественное владение, так и в частную собственность. [1863–1868 гг.]; Д. 1517. Дело о поселении новых станиц в 1864 г. [1864 г.]; Д. 1528. О поселении новых станиц в приморской полосе. [1864 г.]; Д. 1827. О заселении 6-ти новых станиц в 1865 г. [1865 г.]; Д. 1956. Записка генерал-лейтенанта [П.Д.] Бабыча об осмотре станиц 24, 25 и Псекупского полков. [1867 г.]; Д. 2163. Сведения о станицах Адагумского, Абинского полков. [1867 г.]; Оп. 5. Д. 163. Материалы об упразднении станиц Хребтовой и Фанагорийской. [1867 г.].

лицами разных сословий из российских и малороссийских губерний Российской империи. В обозначенных фондах имеются дела о зачислении в казачье сословие лиц разного звания, аккумулируются статистические данные о народонаселении Войска, о числе станиц и хуторов Кубанской области. В фонде 252 (Оп. 1. Д. 1299 «Правила о порядке составления планов для расположения станиц, хуторов в казачьих войсках») сохранилась опись всех казачьих хуторов за период с 1852 по 1868 гг. по всем округам Черноморского (Кубанского) казачьего войска, позволяющая судить о количестве домовладений, хозяйственных постройках, наличии скота и птицы.

Документы первого и второго отделений войсковой канцелярии Кубанского казачьего войска (Ф. 318; 1820–1917 гг.)¹ содержат богатую коллекцию материалов по проблемам землевладения и землепользования (всевозможные прошения, жалобы и принятые по ним решения). Они отражают и казачьи представления, и официальную политику российских властей. В рапортах Начальника Кубанской области мы обнаружили сведения о переименовании целого ряда кубанских хуторов в станицы.

В архивной коллекции фонда 350 «Полковое правление Адагумского полка Кубанского казачьего войска» (1861–1871 гг.) отложились документы об основании и заселении населённых пунктов Адагумского полка. К ним относятся станицы: Благовещенская, Варениковская, Гостагаевская, Неберджаевская, Нижнебаканская, а также посёлок Анапский и укрепление Константиновское. В данном архивном фонде ГАКК² мы обнаружили материалы: о землеустройстве и землепользовании в станицах Адагумского полка Кубанского

---

¹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 5. Об оказании помощи переселившимся в Черноморье из Малороссийских губерний казаков. [11 февраля 1822 г. – 8 марта 1822 г.]; Оп. 2. Д. 338. О водворении двух новых станиц на Урупе и о необходимом числе орудий для вооружения шести станиц, предполагаемых к водворению в этом году между Кубанью и Лабой. [1858 г.]; Д. 389. О поселении 6-ти новых станиц в Кавказском линейном казачьем войске. [1860 г.]; Д. 1586. О распределении земель Кубанского казачьего войска в районах Закубанского края. [5 марта 1888 г.]; Д. 2751. О распределении земель в районе Закубанского края. [1888–1897 гг.].

² ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 24. О заселении предгорий западной части Кавказского хребта переселенцами. [1862–1865 гг.]; Д. 108. О размежевании земель между станицами Адагумского полка. [1863–1867 гг.]; Д. 143. Отчёты о состоянии Адагумского полка. [1863–1864 гг.].

казачьего войска; о снабжении продовольствием и фуражом переселенцев; о сельском хозяйстве; о сооружении мельниц, кирпичных заводов; о ремонте дорог, мостов и паромных переправ. В этой архивной коллекции имеются сведения: о торговле, об открытии питейных и трактирных заведений, о проведении ярмарок, о сборе пошлин и налогов.

Фонд 351 «Полковое правление Псекупского полка Кубанского казачьего войска» (1864–1870 гг.) отличается многообразием аккумулированных документов¹. Здесь сосредоточены многочисленные детализированные артефакты: ведомости, статистические сведения, отчёты станичных правлений и другие материалы о состоянии станиц, об успехах домостроительства, о численности населения, о занятиях сельским хозяйством жителями горных станиц, о земельных площадях, посевах, урожайности, о снабжении продовольствием и фуражом переселенцев, о сооружении мельниц, кирпичных заводов, о ремонте дорог.

В материалах фонда 352 «Полковое правление Абинского полка Кубанского казачьего войска» (1856–1864 гг.)² содержатся сведения об основании и заселении станиц Абинского полка. К ним относятся: Абинская, Азовская, Антхирская (Ахтырская), Грузинская, Дербентская, Ильская, Мингрельская, Северская, Хабльская, Шапсугская, Эриванская, а также посёлок Мерчанский. В этом же фонде хранятся: предписания Наказного атамана Кубанского казачьего войска, сведения о расселении казаков по станицам Таманского округа, копии циркуляров Войскового Правления Кубанского казачьего войска полковому правлению Абинского полка по административно-хозяйственным и

---

¹ ГАКК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 260. Об улучшении сельского хозяйства между жителями горных станиц северного и южного склона на 1868 г. [1867–1868 гг.]; Д. 346. О предоставлении сведений от станиц Псекупского казачьего полка. [1868 г.]; Д. 510. Рапорты станичных управлений и начальников станиц об успехах домостроительства в станицах Псекупского казачьего полка. [1864 г.].

² ГАКК. Ф. 352. Оп. 1. Д. 117. О размежевании земли между станицами Абинского полка. [1863 г.]; Д. 130. Статистические сведения о народонаселении, вероисповедании, количестве пахотной земли, посевах и др. Абинского полка. [1864 г.]; Д. 230. Об образовании в Абинском полку хуторов. [1865 г.]; Д. 596. Сведения о народонаселении станиц полка. [1869–1870 гг.]; Д. 603. О водворении иногородних на жительство в станицах полка [1869 г.]; Д. 691. О назначении лесной стражи для охранения от порубки станичных лесов. [1870 г.]; Д. 704. О хуторах, устраиваемых жителями станиц Абинского полка. [1867 г.].

военным вопросам. Здесь же мы находим статистические данные о землепользовании и переселении. В материалах фонда даётся детальная характеристика казачьих поселений Абинского полка.

Фонд 363 «Канцелярия начальника Адагумской и Анапской кордонных линий Кубанского казачьего войска, станица Крымская» сконцентрировал в своих архивных делах: приказы по постам кордонной линии, сведения о мерах по усилению кордонной линии, данные о вооружении всех постов и станиц, делопроизводственную переписку о разделении Адагумской и Анапской кордонной линии на две части¹, что важно для нашего исследования в плане познания общекубанской региональной сети кордонных линий.

В состав фонда 389 «Управление Натухайского военного округа, г. Екатеринодар Кубанской области» входят предписания войскового штаба Кубанского казачьего войска о временном поселении казаков Азовского казачьего войска в Натухайском округе, датированные 1862 г. Здесь же собраны многообразные материалы об образовании и заселении станиц в Натухайском военном округе Кубанской области (рапорты, приказы, ведомости, списки станиц, переписка и пр.) за период 1861–1864 гг.²

Интересна в плане изучения коллизионных проблем переселенческой политики и социально-демографического состава населения Кубанской области архивная коллекция фонда 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области». В частности, мы познакомились с перепиской о волнениях казаков, в связи с переселением их во вновь заселявшиеся станицы Закубанского края, и материалами об отказе в 1873 г. жителей станицы Полтавской выселиться в предгорные места. Тем, самым, проблемы массового переселения кубанских казаков на новые российские территории

---

¹ ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Переписка о разделении Адагумской и Анапской кордонной линии на две части и о составе каждой из них. [1862 г.].

² ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 18. Дело по управлению Натухайским округом с перепиской о заселении южного склона Главного Кавказского хребта от Геленджика до Джубги. [1864 г.].

прослеживаются не только на общевойсковом уровне, но и на примерах отдельных казачьих станиц¹. Большое значение имеют материалы, готовившиеся к знаменательным событиям в истории Кубани и знаковым отчётным мероприятиям, что подталкивало войсковые власти с особой тщательностью собирать многообразные (и важные для нас. – *И.Ф.*) сведения об истории и повседневности кубанских станиц². Данные количественного порядка можно извлечь из обобщённых в фонде статистических сводок о народонаселении Кубанской области, а также получить качественную информацию о гендерном составе Черноморского казачьего войска.

Вне всякого сомнения, одним из самых компетентных органов в Кубанской области являлся фондообразователь (более 18 тыс. архивных дел), чьи артефакты отложились в фонде 449 «Кубанское областное правление, г. Екатеринодар Кубанской области, 1870–1920 гг.». В этой архивной коллекции находятся: рапорты уездных начальников и атаманов отделов Кубанской области о состоянии уездов и отделов области; списки населённых мест Кубанской области; сведения о количестве посёлков по отдельным уездам Кубанской области; рапорты атаманов отделов и станичных атаманов, журнальные постановления областного Правления Кубанской области, прошения отдельных лиц об отдаче в аренду земельных участков под постройку кирпичных, поташных и маслобойных заводов, лесопилок, под сооружения водопроводов, под пашни, выгоны, огороды, табачные плантации и др.; рапорты станичных и хуторских атаманов об экономическом состоянии отдельных станиц Кубанской области, о состоянии скотоводства и коневодства, об открытии базаров и хлебных рынков в станицах и селениях Кубанской области. В перечисленных

---

¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1342. По предмету расселения Верхне-Николаевской станицы Баталпащинского отдела и по другим станицам этого отдела. [16 сентября 1874 г. – сентябрь 1880 г.].

² ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8206. О подготовке к ожидавшемуся приезду Военного министра в Кубанскую область, сведения о состоянии станиц, историческая справка о ст[анице] Ивановской. [1902 г.]; Д. 8689. Д. Краткие исторические справки, составленные к празднованию 200-летнего юбилея Кубанского войска и 100 лет со дня образования некоторых его полков. [1904–1907 гг.].

видах архивных документов можно обнаружить достаточно репрезентативный информационный контент¹.

Фонд 452 «Гражданская канцелярия начальника Кубанской области, г. Екатеринодар, 1860–1870 гг.» привлёк наше исследовательское внимание наличием нормативного Положения о размежевании Кавказского края (1861–1862 гг.) и детализированных сведений о заселении Черноморского округа (1866 г.). Интересны дела об изменении сословного статуса жителей Кубанской области². В фонде также отложились материалы об устройстве общественного управления в Кубанской области, об основании портовых городов Анапы, Новороссийска и Туапсе, которые пригодились нам при историописании сюжетов пятой главы диссертации о поселенческом миромоделировании Восточного Причерноморья³.

Делопроизводственное предназначение фонда 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1870–1917 гг.», с одной стороны, демонстрирует солидные масштабы документооборота (8780 архивных дел) обозначенной управленческой инстанции, а, с другой стороны, обеспечивает высокую степень исторической детализации рассматриваемых вопросов и процедур. Поэтому в фонде сосредоточены материалы: о порядке заселения Черноморского округа⁴ и городов Кубанской области: Екатеринодара, Ейска, Майкопа, Темрюка; о переселении

---

¹ ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 572. Список станиц и хуторов Кубанской области, ходатайствующих об открытии школ, приговоры станичных сборов. [1907–1908 гг.]. Д. 606. Сведения об имущественном положении казаков Сосыкского, Старокорсунского и Михайловского хуторов. [1916 г.].

² ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1036. Дело о причислении государственного крестьянина Таврической губернии Бачарникова в мещане г. Екатеринодара. [1867–1871 гг.].

³ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 507. Дело о заселении Черноморского округа и об открытии г[ородов] Анапы и Новороссийска. [1866–1868 гг.].

⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 89. Отношение Земского отдела [действовал на правах департамента. – *авт.*] МВД [Министерства внутренних дел] о преобразовании Черноморского округа, о заселении Новороссийска и о разведении там садов за 1894–1896 гг. [1896 г.].

казаков из станицы Полтавской в станицу Ясенскую (1873 г.)¹; о порядке приписки переселенцев к городу Майкопу (1874 г.); списки станиц Закубанского края и селений, заселённых лицами невойскового сословия; отчёты и обзоры о состоянии Кубанской области (1871–1896 гг.)², Кубанского казачьего войска (1913 г.); дела о состоянии уездов и городов Кубанской области (1871–1879 гг.)³, о ситуации в станицах⁴.

Примечателен фонд 454 также наличием обобщающих материалов, к числу которых относятся: статистические сведения и рапорты о народонаселении (в том числе казаков и иногородних); дела о состоянии фабричной и заводской промышленности и притоке рабочих в Кубанскую область; данные о состоянии регионального сельского хозяйства⁵, кустарных и торговых заведений и ярмарок; сведения об акционерных обществах (1887 г.), о частных экономиях, хуторах и товариществах, в том числе, о положении рабочих в имении барона В.Р. Штейнгеля.

Основным собранием обобщающих статистических сведений об историческом регионе Кубани выступает фонд 460 «Кубанский областной статистический комитет Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, г. Екатеринодар Кубанской области». В составе фонда сосредоточены: отчёты и рапорты уездных начальников о состоянии уездов Кубанской области (1873–1886 гг.)⁶; статистическое описание уездов Кубанской области

---

¹ Ф. 454. Оп. 7. Д. 269. Материалы о переселении 49 семей, занимающих казённые участки земли в станице Полтавской, в станицу Ясенскую (докладные, рапорты, списки и переписка). [1878 г.].

² ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 28. Дело канцелярии начальника Кубанской области со всеподданнейшим отчётом за 1882 г. [1883 г.]; Оп. 7. Д. 206-а. Отчёт о состоянии Кубанской области за 1872 год. [Без указания даты].

³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 312. Обзор о состоянии Кубанской области и отчёты уездных начальников о состоянии уезда за 1873 год. [Без указания даты]; Д. 625. Рапорты уездных начальников о состоянии уездов за 1875 год. [1876 г.].

⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 1845. Переписка о результатах поездки начальника Кубанской области по станицам. 30 декабря 1884 г. [1884 г.].

⁵ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2399. Об общественных запашках в станицах Кубанской области. [30 июля 1892 г. – 27 декабря 1894 г.]; Оп. 7. Д. 441. Статистические сведения о числе населённых мест, о состоянии скотоводства. [1874 г.].

⁶ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 9. О предоставлении ведомостей и списков о фабриках и заводах в Кубанской области за 1871 г. [1872 г.]; Д. 59. О собрании статистических сведений для

на фиксированную дату (1882 г.); списки населённых мест Кубанской области (1879–1881, 1884 гг.); статистические и другие сведения о народонаселении городов Кубанской области (1877, 1882, 1888, 1909 гг.), городских поселений (1910 г.), о фабриках и заводах области (1871–1898 гг.), о кустарной промышленности в Кубанской области (1880–1881 гг.), о посевах и урожае хлебов и трав (1876–1884 гг.); данные о количестве земли, находящейся у частных владельцев Кубанской области (1896 г.); информация о числе ярмарок и торговых заведений в Кубанской области (1889–1898 гг.) и их торговых оборотах (1873, 1883 гг.).

Вопросы межевания (с использованием традиционных и практически повседневных казачьих процедур) пожалованного за государственную службу имперскими властями и осваиваемого казаками земельного пространства под устройство изначальных поселений представлены в архивных делах фонда 574 «Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертёжная [межевая комиссия] Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар». Здесь нами изучены: материалы об открытии и работе межевой комиссии Черноморского казачьего войска (включающие программы¹, планы, отчёты², полевые записки землемеров и полевые журналы об обмежёвывании земель, о съёмках земель Черноморского казачьего войска и Кубанской области и об анализах плодородия почв); указы Сената об учреждении управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа (1869 г.), о преобразовании управления этими регионами, в связи с образованием отделов (1888 г.)³; журналы заседаний Кубанского областного правления о выделении земельных наделов в вечное и потомственное пользование участникам Кавказской войны

всеподданнейшего отчёта о Кубанской области. [1880 г.]; Д. 196. Статистические сведения о состоянии уездов Кубанской области за 1875 год. [1876 г.].

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 257. Программа и статистические сведения о земле Войска черноморских казаков (сведения о жителях, их занятиях, географическом положении и границах каждой станицы. [Без указания даты].

² ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 176. Отчёт о действиях межевой комиссии Черноморского войска. [1848–1849 гг.].

³ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 910. О преобразовании управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа. [1888 г.].

по положению от 10 мая 1862 г. Проштудированы: таксационная записка об исследовании земель, занятых станицами по положению от 10 мая 1862 г. между реками Белой и Лабой, а также положение о размежевании земель, принадлежавших Черноморскому казачьему войску (1869 г.). Мы знакомимся с многообразными сведениями о землевладении в Кубанской области, в частности: о землях монастырских, казённых, войсковых, помещичьих, казачьих, городских обществ, государственных крестьян, горских аулов, колоний; о количестве удобных и неудобных, свободных земель и размежевании войсковых земель Кубанской области¹; о характеристике земель 7-й и 8-й бригад Кубанского казачьего войска и его Натухайского округа (1863 г., 1865 г.)²; о количестве семей кубанских казаков, переселившихся за Кубань по собственному желанию и по жребиям (1864–1865 гг.); о спорах за поземельное довольствие³; о заселении станиц Темрюкского, Закубанского и Майкопского уездов; о народонаселении в них лиц войскового и невойскового сословий (1879 г.); о распределении юртовых земель во вновь заселённых станицах (1862–1874 гг.), «старых» станицах⁴ и наделении землёй казаков и иногородних; о количестве земельных участков, пожалованных разным лицам в награду за службу и приобретённых от казны на правах собственности в Кавказском и Закубанском уездах Кубанской области (1882–1887 гг.).

Примечательной чертой узкоспециализированных архивных фондов ГАККа является сохранение нормативно-правовых актов, получаемых от вы-

---

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 635. О доставлении сведений о землевладении в Кубанской области и о свободных землях и лесах. [1876 г.].

² ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 499. О размежевании в новых бригадах и в Натухайском округе. [19 апреля 1863 г. – 30 ноября 1868 г.].

³ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 505. О спорах за поземельное довольствие, возникших между жителями станиц 25-го конного полка Кубанского казачьего войска и смежных аулов Абадзехского округа. [19 марта 1865 г. – 30 ноября 1868 г.]. Д. 712. О восстановлении между юртами Петропавловским и Михайловским границ. [1872–1873 гг.].

⁴ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 782. Об образовании при Кавказской станице поселения близ Романовского посёлка на р[еке] Кубани. [1873–1882 гг.]; Д. 422. О наделе участком земли наследниц умершего есаула. [1871–1872 гг.]; Д. 1578. О разделении Старолеушковского юрта на паи. [1880 г.]; Д. 3326. О возобновлении меж и межевых знаков дополнительного надела ст[аницы] Новотитаровской при ст[анице] Старолеушковской. [1905–1907 гг.].

шестоящих инстанций. Именно такой случай отмечается в фонде 696 «Управление начальника Лабинского и Верхнекубанского округов правого крыла Кавказской линии, укрепление Майкоп (1858–1863 гг.)». В его материалах отложилось имперское «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», утверждённое 10 мая 1862 г., наряду с хранящимися здесь предписаниями войскового правления и рапортами станичных атаманов по этому направлению деятельности и другими текущими военно-хозяйственными вопросами¹.

Отдельный исторический сюжет реализации переселенческой политики на Кубани имперскими властями нашёл своё отражение в материалах фонда 735 «Войсковая канцелярия Азовского казачьего войска, посад Петровский, 1833–1865 гг.». Азовское казачье войско (в этом статусе пребывало с 1831 г.) сформировалось в результате перехода в российское подданство части задунайских запорожцев. К 1850 г. это войско состояло из поселенцев 5 станиц: Никольская, Новоспасовская, Петровская, Покровская, Стародубовская. Войсковая канцелярия и наказной атаман Азовского казачьего войска размещались в станице Петровская (Петровский посад). Имперскими властями предпринимались неоднократные попытки переселить азовских казаков на Кубань, но сами казаки не очень-то хотели куда-либо перемещаться, и лишь часть из них всё же перебралась в Закубанское поселение в районе Анапы в 1830-х гг. Однако, полного компактного переселения, как того изначально хотели азовские казаки, так и не произошло. Частями их принудительно расселили в 1852–1864 гг. в Закубанском крае, и лишь после многократных жалоб в 1864 г. они

---

¹ ГАКК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 1. Приказы по Лабинскому и Верхне-Кубанскому округам за 1858 г. [11 мая 1858 г. – 27 сентября 1858 гг.]; Д. 8. Переписка об организации управления над абадзехами и егерукаевскими народами, покорившимися русскому правительству [1860 г.]; Д. 15. Переписка об отправке орудий для вооружения станиц и постов в районе 8-й бригады Кубанского казачьего войска (станции: Промежуточная, Губская, Хамкетинская, Царская, Даховская, посты по р[еке] Курджипис). [20 января 1862 г. – 6 декабря 1862 г.].

стали прибывать большими станичными группами на Кубань, поэтому 11 октября 1865 г. Азовское казачье войско упраздняется, а оставшиеся в Приазовье жители обращаются в гражданское состояние¹.

Проблемы землепользования, землевладения и землеустройства в Кубанской области в позднеимперский период и в годы Гражданской войны, когда существовало и проводило земельную реформу Кубанское краевое правительство², поддерживавшее Белое движение в России, наиболее детально можно исследовать при обращении к архивным материалам фонда Р-13 «Ведомство Земледелия Кубанского краевого правительства, г. Екатеринодар Кубанской области, 1917–1920 гг.» Государственного архива Краснодарского края. Среди материалов фонда представляют интерес сведения об истории землеустройства в Черномории и Кубанской области, а также уникальная рукопись Бориса Митрофановича Городецкого, где отражено положение иногороднего населения в Кубанском казачьем войске³.

Особый интерес представляют архивные дела фонда Р-1700 «Управление по делам архивов администрации Краснодарского края и ГКОУ «Крайгосархив». Это внутренний фонд ГАККа, не предназначенный для широкого доступа посетителей архивного учреждения, ибо отражает исследовательскую практику самих сотрудников архива, направленную на реализацию запросов отдельных граждан по частным и общественным вопросам, что позволило подготовить исторические справки по истории отдельных кубанских поселений⁴. Здесь мы сталкиваемся с вторичным историческим анализом, поскольку

---

¹ ГАКК. Ф. 735. Оп. 1. Д. 3. О переселении азовских казаков на Кавказ. [30 июня 1863 г. – 19 декабря 1863 г.]; Д. 6. О расформировании учебной команды Азовского казачьего войска. [1865 г.]; Д. 7. О сдаче войсковых земель в аренду частным людям. [20 сентября 1865 г. – 22 июня 1866 г.].

² ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Основные Положения земельной реформы. Краткий очерк межевания земель. [1918 г.].

³ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1 Д. 119. Дело об аренде общественной земли обществом станицы Ново-Михайловской за 1918 год. [Без указания даты]; Оп. 2. Д. 75. Статистические сведения по землевладению в Кубанской области. О распределении населения Кубанской области, его сословный и этнографический состав. [27 февраля 1918 г.; как нами установлено, это рукопись Б.М. Городецкого, охватывающая период 1861–1913 гг.].

⁴ ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 391. Тематические запросы граждан и учреждений и ответы на них за 1973 г. [Без указания даты]; Д. 451. Тематические запросы граждан и учреждений и

профессиональные историки опираются уже на итоги ранее проделанного научного поиска, что во многом облегчает выполнение ими своих исследовательских проектов.

Нам удалось аккумулировать и обработать массив документов из фондов Национального архива Республики Адыгея (НАРА)¹. В фонде 1 «Майкопская городская управа», фонде 11 «Пшехское станичное правление» и фонде 68 «Атаман Майкопского отдела» обнаружена информация об общественной жизни Майкопского отдела Кубанского казачьего войска, аналитические записки о повседневности казачьих станиц. Здесь отложились приговоры станичных и хуторских сборов по общественным вопросам, например, по выборам атаманов, учреждению правлений, функционированию школ и церквей.

Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГАКЧР) нас заинтересовал наличием фонда 3 «Управление атамана Баталпашинского отдела Кубанской области», фонда 4 «Баталпашинское станичное правление Баталпашинского отдела Кубанской области» и фонда 5 «Управление начальника Баталпашинского уезда Кубанской области». Архивные дела фонда 3 содержат материалы: об имущественных вопросах, о контроле за выплатой посажённой платы крестьянами, о награждении за благотворительную и полезную деятельность². Фонд 4, как и другие названные выше архивные фонды

ответы на них за 1976 г. [Без указания даты]; Д. 745. Тематические запросы граждан и учреждений и ответы на них за 1984 г. [Без указания даты]; Д. 1020. Тематические запросы граждан и учреждений и ответы на них за 1989 год. [Без указания даты]; Д. 1119. Тематические запросы по истории и ответы на них за 1993 г. [Без указания даты].

¹ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 368. О разных предметах. Секретные циркуляры атамана отдела. [1912 г.]; Д. 367. Переписка с межевым Управлением и штабом войска Кубанской области о составлении нового плана города. [1908–1916 гг.]; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. О лесах. [1908 г.]; Д. 3. О станичном хлебном магазине. [1900 г.]; Ф. 68. Оп. 1. Д. 34. Переписка со станичными правлениями о переселении граждан. [1918 г.].

² ГАКЧР. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Прошение жителей селения Карамурзинского о наделе их земельными участками. [11 августа 1902 г.]; Д. 3. Дело о производстве дознаний по жалобе казака ст[аницы] Темнолесской Кулешова на станичного атамана, приписавшего к его долгам обществу 10 рублей. [22 декабря 1902 г. – 10 февраля 1903 г.]; Д. 4. Дело о продаже имущества крестьянина ст[аницы] Отрадной за неуплату посажённой платы. [1 апреля 1903 г. – 8 июня 1904 г.]; Д. 7. Списки наград за благотворительную и полезную деятельность по комитету за 1917 год. [1917 г.].

ГАКЧР фрагментарны по сохранившимся делам, по хронологической представленности исторических свидетельств, по охвату проблем поселенческого обустройства. Однако именно фонд 4 буквально переполнен материалами об исторической повседневности казаков и иных жителей Баталпашинского отдела Кубанской области, которые отражают бытование кубанских казаков на протяжении тридцати лет, в период с 1864 по 1894 гг., хотя большая часть дел относится ко второй половине 1860-х гг.¹ Чего здесь только нет: судебные раз-

---

¹ ГАКЧР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. О приведении в исполнение конфирмации командующего Кавказской армией об осуждённом казаке Пучкине. [9 мая 1864 г. – 6 апреля 1865 г.]; Д. 2. Статистические сведения. [19 августа – 19 ноября 1865 г.]; Д. 3. Об избрании членов словесного суда. [26 февраля 1865 г.]; Д. 4. Сведения об урожае озимого и ярового хлебов в 1865 г. [27 августа – 8 сентября 1865 г.]; Д. 5. Об инспекторском смотре. [27 августа 1865 г. – 6 августа 1866 г.]; Д. 7. Правила предохранительных мер против холерной эпидемии. [7 сентября 1866 г.]; Д. 8. О поранении армянина Нозлоханова С. казаком Волуйским [8 ноября 1865 г. – 31 мая 1866 г.]; Д. 9. О продаже с аукциона имения Ткачёва Я. [4 ноября 1866 г. – 21 марта 1868 г.]; Д. 10. Об открытии библиотеки при 4-й бригаде. [22 ноября 1866 г.]; Д. 12. О спорной лошади казака Дзюбина. [14 ноября – 15 ноября 1866 г.]; Д. 13. О высылке в лазарет для освидетельствования женщин. [12–16 октября 1866 г.]; Д. 14. О сгоревшем доме казака Дьяченко А. [13 декабря 1865 г. – 3 февраля 1866 г.]; Д. 15. Сведения о ярмарках, существовавших в станице. [30 июня – 23 августа 1866 г.]; Д. 16. О назначении нижних чинов в конвой. [14–16 июля 1866 г.]; Д. 17. О сгоревшем доме казака Фенева А. [13 октября – 2 декабря 1866 г.]; Д. 18. О зачислении в казацкое сословие старосты Григорьева и рядового Ярошенко. [1–26 августа 1866 г.]; Д. 20. О направлении больных в лазарет. [1–20 августа 1866 г.]; Д. 21. О выбитом градом озимом и яровом хлебах. [18 июня – 18 июля 1866 г.]; Д. 22. О взыскании долгов между казаками. [24 ноября 1865 г. – 26 июня 1866 г.]; Д. 23. О буйственных поступках казака Калюжина. [27 августа 1866 г.]; Д. 24. О взыскании долгов. [2 июня 1865 г. – 18 июня 1866 г.]; Д. 26. Переписка об открытии женского училища. [13 июля 1865 г. – 30 января 1866 г.]; Д. 27. Сведения о наличии продуктов, продаваемых жителями станицы. [15 июля 1866 г.]; Д. 28. О разведении лесов и садов в станице. [6 июля – 9 октября 1868 г.]; Д. 29. О взыскании денег с жителей за овёс. [19 августа 1866 г. – 23 февраля 1867 г.]; Д. 30. О жалобе казака Михайлова на тестя. [15 декабря 1865 г. – 30 января 1866 г.]; Д. 32. О взыскании с казака Фисенкова долговых денег. [26 декабря 1865 г. – 18 декабря 1871 г.]; Д. 34. Об утверждении духовного завещания казака Мамина. [7 августа 1865 г. – 31 марта 1866 г.]; Д. 36. О взыскании с крестьян долга в пользу Попова. [3 июня 1865 г. – 2 апреля 1866 г.]; Д. 37. О взыскании с казака Кучерова казённого долга. [29 сентября 1865 г. – 23 июня 1866 г.]; Д. 38. Сведения о числе питейных заведений. [4 августа 1866 г.]; Д. 39. О нанесении побоев жене судьи. [15 августа 1865 г. – 17 января 1866 г.]; Д. 40. О проживающих бессрочно отпускных нижних чинах. [2 сентября 1865 г. – 4 марта 1866 г.]; Д. 41. О краже пистолета у казака. [24 июля 1865 г. – 26 февраля 1866 г.]; Д. 42. Об отписании казака. [26 июля 1866 г.]; Д. 43. О разборе дела о краже. [31 июля 1866 г.]; Д. 44. Об убийстве казаком Ковылёвым своей жены. [8 августа 1866 г.]; Д. 45. Годовой отчёт о состоянии станицы за 1865 г. [1865 г.]; Д. 46. О движении раскола. [19 августа 1866 г.]; Д.

бирательства, бытовые кражи, противостояние эпидемиологическим заболеваниям, хозяйственные занятия, медицинское освидетельствование женщин, коневодческие дела, последствия пожаров, проведение ярмарок, изменение словного статуса, долговые тяжбы, делинквентное поведение отдельных казаков, открытие женского училища, рациональное природопользование, бытовые ссоры, выплата посажённой платы крестьянами, динамика роста количества питейных заведений, годовые отчёты о состоянии станицы Баталпашинской, сведения о старообрядцах, порядок несения службы казаками, рукописные тексты станичных приговоров, выдача свидетельств на вступление в брак, назначение откупа, развитие кустарной промышленности, вопросы переселенческой политики, иные примечательные исторические свидетельства. В фонде 5 архивных дел числится немного (всего 4), но здесь имеется информация о состоянии народного образования, о развитии местной промышленности, о переселенческой политике, о межевании юртовых земель станиц Баталпашинского отдела¹.

Редкие исторические сюжеты нами обнаружены в фондах 3 муниципальных архивов Краснодарского края: в муниципальном казённом учреждении

---

47. Об умерших казаках. [8 августа 1866 г.]; Д. 48. О взыскании штрафов за невзятие промысловых свидетельств. [7 августа 1866 г.]; Д. 50. Об увольнении казаков на льготу. [Январь 1866 г.]; Д. 51. Об исправлении лет казаку Гавриилу Кнышову. [25 мая – 23 июня 1866 г.]; Д. 52. Сельские [станичные] приговоры. [1871 г.]; Д. 53. О краже товаров из лавки. [1865 г.]; Д. 55. О производстве казаков в приказные и урядники. [3 января – 31 декабря 1866 г.]; Д. 56. Об оценке двух лошадей. [6 ноября 1866 г.]; Д. 57. О выдаче свидетельств на вступление в брак. [5 января – 27 июля 1866 г.]; Д. 58. Об отдаче в откупное содержание солёногрязных озёр. [6–7 января 1866 г.]; Д. 60. О вызове желающих для поселения в станицах Славянской и Анастасиевской. [11 января 1866 г.]; Д. 61. О выдаче письменных видов, о взыскании долгов и др. [4 января 1866 г.]; Д. 62. О назначении казаков в командировки. [1 января 1866 г.]; Д. 64. Список лиц, содержащихся под стражей при укреплении Хумаринском. [1894 г.]; Д. 65. Переписка по жалобе казака Шатокина на атамана ст[аницы] Передовой урядника Колесникова. [1894 г.]; Д. 66. Прошение жителей ст[аницы] Отрадной братьев Смоленских о возвращении им дома и сада. [1894 г.].

¹ ГАКЧР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Ведомость о состоянии училищ Баталпашинского уезда за 1877 год. [1877 г.]; Д. 2. Ведомость о фабриках и заводах, находящихся в Баталпашинском уезде за 1880 год. [1880 г.]; Д. 3. Дело о поселении 36 семейств крестьян-эстонцев Ставропольской губернии на купленном ими участке земли близ ст[аницы] Безскробной Баталпашинского уезда. [1880 г.]; Д. 4. Рапорт атамана Спокойненского станичного правления и ответ на него уездного начальника о разделе юртовых земель между обществами станиц Спокойной и Подгорной. [1887 г.].

муниципального образования Ейский район «Архив» (или в сокращённом официальном варианте фиксируется как: МКУ «Архив», но для исследовательской практики точнее будет побуквенное сокращение полного названия: МКУ МОЕРА), в Управлении архива муниципального образования «город Новороссийск» (УАМОГН), в Архиве муниципального образования «Ленинградский район» (АМОЛР). Муниципальные архивы в отношении сохранения архивных материалов об имперском периоде истории России характеризуются дублированием фондов региональных и федеральных архивов (копии документов), вторичным историческим анализом (исторические справки, рукописи краеведов, газетные статьи и пр.), сохранением важнейших частных исторических свидетельств (списков жителей поселений, статистических сведений по отдельным поселениям и т.д.).

В Ейском архиве (МКУ МОЕРА) наше исследовательское внимание привлекли в общей сложности 10 архивных дел из фонда Р-600 «Коллекция документов по истории города Ейска и Ейского района»¹ и из фонда Р-618 «Коллекция документов по истории сельских поселений муниципального образования Ейский район»².

---

¹ МКУ МОЕРА. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 26. Документы по истории села Глафировка (список глафировских фамилий первопоселенцев, копия генерального плана 1840 года, решение Глафировского сельского схода (копия). [1872 г.]; Д. 40. Документы об основателе портового города Ейска, генерал-фельдмаршале, светлейшем князе М.С. Воронцове (газетные статьи, фотографии усыпальницы князя в г[ороде] Одессе и др.). [2008 г.]; Д. 35. Документ «О частных строениях, окончательно возведённых в портовом городе Ейск, с основания города по 1 января 1851 года» (копия). [1851 г.]; Д. 52. Копии карт г[орода] Ейска, Ейского отдела. [1847–1877 гг.]; Д. 53. Документы о заселении г[орода] Ейска (статья [заведующей научно-экспозиционным отделом Ейского историко-краеведческого музея имени В.В. Самсонова Ирины Александровны] Найдёновой «Меры к поощрению заселения г. Ейска»; копии документов из ГАККа). [1849 г.; 2003 г.].

² МКУ МОЕРА. Ф. Р-618. Оп. 1. Д. 1. Список первых поселенцев станицы Копанской (копия документа из ГАККа «О заселении станиц Ясенской и Копанской в Ейском отделе. 1873–1885 годы»). [Список составлен в 1873 г.]; Д. 2. Историческая справка об истории образования станицы Копанской. [2000 г.]; Д. 4. М.П. Перевозниченко. Рукопись «История станицы Копанской». К 100-летию со дня образования. [1973 г.]; Д. 5. Копия списка землевладельцев станицы Копанской. [1909–1911 гг.]; Д. 26. Список атаманов ст[аницы] Копанской с 1874 г. по 1910 г., информация о личном составе Копанского ревкома, список председателей Копанского сельского Совета. [1874–2015 гг.]; Д. 32. Историческая справка об административном подчинении станицы Копанской с 1873 по 2015 год в процессе территориальных преобразований на Кубани. [2015 г.].

В архиве муниципального образования «Ленинградский район» (АМОЛР) имеется фонд Р-157 «Коллекция документов по истории Ленинградского района Краснодарского края», где аккумулированы ценнейшие исторические свидетельства об историческом прошлом ряда населённых пунктов Ленинградского района Краснодарского края¹, которые нами использованы при написании основного текста настоящей диссертации.

Два архивных фонда Управления архива муниципального образования «город Новороссийск» (УАМОГН) сохранили примечательную информацию по истории не только самого города Новороссийска, но и Черноморской губернии. В фонде 2 «Новороссийская городская управа» наличествуют документы об административно-территориальном размежевании города Новороссийска и его окрестностей в позднеимперский период истории². Фонд 74 «Коллекция обзоров Черноморской губернии» объединяет информационно-справочные материалы о Черноморской губернии за целый ряд лет³.

Вся совокупность опубликованных источников диссертационного исследования делится на следующие группы: 1) нормативно-правовые акты имперских инстанций; 2) макрорегиональные и войсковые документы; 3) справочно-информационные издания; 4) материалы периодической печати; 5) эго-свидетельства россиян, поданных Российской империи; 6) записки иностранных путешественников и учёных имперского периода истории.

Нормативно-правовые акты нами интерпретируются в традиционном гетерономном ключе как составляющие основу правовой системы российского государства, принятые в особом законодательном порядке, подчиняющие пре-

---

¹ АМОЛР. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 42. Краткая историческая справка об образовании станицы Новоплатнировской. [1881–1967 гг.]; Д. 12. Историческая справка о станице Ленинградской. [1982 г.]; Д. 43. Краткая историческая справка об образовании хутора Куликовского (выступление главы сельской администрации) за 1910–1996 гг. [1996 г.].

² УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Документы о включении в черту Новороссийска прилегающих к нему территорий за 1886–1900 гг. [1896–1915 гг.].

³ УАМОГН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1. Обзор Черноморской губернии за 1897 г. [Без указания даты]; Д. 3. Обзор Черноморской губернии за 1898 г. [Без указания даты]; Д. 10. Обзор Черноморской губернии за 1906 г. [Без указания даты]; Д. 11. Обзор Черноморской губернии за 1908 г. [Без указания даты].

поданным имперским правилам волю подданных, регулирующие заданную область общественных отношений, изменяющиеся только при согласии высших инстанций и подлежащие строгому и неуклонному исполнению. Подавляющее большинство привлечённых к написанию диссертации нормативно-правовых актов имперских инстанций опубликовано в фундаментальном издании Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ). Они содержат интересные для сведения об образовании новых станиц и их наименовании, а также управленческие распорядительные указания по организации поселений, позволяющие уточнить разнообразную информацию¹.

---

¹ Об устройстве на передовых Лабинских линиях четырёх новых станиц. (Высочайший указ от 16 ноября 1857 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отд. 1-е [1857 г.]. СПб., 1858. Ст. 32449; О наименовании устроенных на правом крыле Кавказской линии двух станиц Кавказского линейного казачьего войска: на Урупе – Отрадной, а на Большой Лабе – Родниковской. (Высочайший указ от 30 августа 1857 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXII. Отд. 2-е (прил.). СПб., 1858. Ст. 32207а (доп. к Т. XXXII); О наименовании шести новых станиц между Лабой и Кубанью. (Высочайший указ 17 июля 1858 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Отд. 2-е (1858 г.). СПб., 1860. Ст. 33405; Высочайше утверждённое Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. (10 мая 1862 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38256; О том, чтобы водворённую в Кубанской области в 1861 году, на левом берегу р. Ходза, станицу Промежуточную переименовать в Бесленевскую. (Высочайший указ 11 апреля 1863 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 1-е [1863 г.]. СПб., 1866. Ст. 39468; О наименовании станиц, вновь водворённых в 1863 году в Закубанском крае, и о сформировании в Кубанском казачьем войске двух новых конных полков: Абинского и № 26. (Высочайший указ 3 сентября 1863 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 2-е [1863 г.]. СПб., 1867. Ст. 40026; О размежевании земель Кубанского казачьего войска в трёх округах Черномории. (Высочайше утверждённое положение Военного Совета. 26 апреля 1869 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1-е [1869 г.]. СПб., 1873. Ст. 47011; О водворении в Кубанской области 54-х новых станиц и формирование из них двух новых конных казачьих полков и одного берегового пешего батальона. (Высочайший указ 3 ноября 1864 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2-е [1864 г.]. СПб., 1867. Ст. 41410; О наименовании «Курчанской» новой станицы, водворённой между станицами Анастасиевской и Ахтанизовской, на месте Курчанских хуторов. (Высочайший указ 24 августа 1867 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 2-е [1867 г.]. СПб., 1871. Ст. 44922; О переименовании станиц Кубанского казачьего войска. (Высочайший указ 13 сентября 1867 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 2-е [1867 г.]. СПб., 1871. Ст. 44968; Об упразднении станиц Фанагорийской и Хребтовой Псекупского конного полка, Кубанского казачьего войска и о расселении жителей сих станиц. (Высочайший указ 10 июня 1869 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1-е [1869 г.]. СПб., 1873. Ст. 47215; Законоположения и Правительственные распоряжения, касающиеся Кубанской области и Кубанского казачьего войска, и распоряжения областного начальства // Кубанская справочная книжка 1894 года. Екатеринодар, 1894. Паг. 5. С. 1–143.

Макрорегиональные и войсковые документы представляют собой комплекс однопорядковых делопроизводственных артефактов Кубанской области и документов, обобщённых на макрорегиональном уровне (например, командующего правого фланга Кавказской линии). Сюда относятся: записки, обзоры (выполненные по административному поручению), отчёты начальников Кубанской области и наказных атаманов Кубанского казачьего войска, приказы по ККВ, циркуляры и прочие документы, являющиеся наименее изученным видом исторических свидетельств¹. В них представлены статистические сведения о населении кубанских станиц, о хозяйственных занятиях жителей поселений, ежегодные сводные данные о количестве скота, посевных площадях, наличии строений, состоянии хозяйства, иная ценная информация.

Особый научный интерес представляют сборники документов, составлявшиеся отдельными энтузиастами. Так, в четырёхтомном издании офицер Кубанского войска, действительный член Кубанского областного статистического комитета Иван Иванович Дмитренко собрал архивные материалы по ис-

---

¹ Записка и.д. [исправляющего должность] Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска по ревизии станиц и селений Кубанской области: Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов за время с 3 по 29 августа 1893 года / [И.д. Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-майора Я.Д. Маламы]. Екатеринодар, 1893. 113 с.; Дондуков-Корсаков А.М. Записка о настоящем положении Черноморского округа и о предположениях по будущему его устройству / [Генерал-адъютант, князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков]. Тифлис, 1889. 13 с.; Замечания генерал-майора [И.Л.] Дебу о состоянии Черномории и черноморских казаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15. Кн. 40. С. 195–223; Кн. 41. С. 315–342; Записки А.П. Ермолова, 1798–1826 / [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Фёдорова]. М., 1991. 462 с.; Записка по делу о разграничении земель Закубанского края между казной и Кубанским казачьим войском: [С прил.]. СПб., [1888]. 60 с.; Записка генерал-майора Н.И. Евдокимова о предположениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии // Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1888. № 10–12. С. 169–196; Обзор Кубанской области: По поручению Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта М.П. Бабыча / Под ред. И.И. Кияшко; сост. П.П. Орлов. Екатеринодар, 1911. 215 с.; Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1901 год. Екатеринодар, 1902. 202 с.; Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1907 г. Екатеринодар, 1908. 188 с.; Ревизионный обзор населённых пунктов Ейского отдела Кубанской области, произведённый в 1903 году Атаманом Ейского отдела полковником А.Я. Кухаренко. Ейск, 1903. 134 с.

тории Кубанского казачьего войска, включающие копии документов из архивов Главного штаба, Кубанского и Терского войск XVIII – XIX вв., копии бумаг известных государственных деятелей и военачальников¹.

Справочно-информационные издания выходили в Екатеринодаре, Ставрополе, Тифлисе. Речь идёт о таких изданиях, как «Памятные книжки Кубанской области», «Кубанские календари», «Кубанские сборники», «Кавказские сборники». На страницах указанных изданий публиковались материалы по истории отдельных населённых пунктов². В них же мы находим ценнейшие сведения по истории Кубанского казачьего войска и получаем с помощью сборников доступ к многочисленным аналитическим и статистическим обзорам Кубанской области. В этих источниках обнаруживаем редкую историческую информацию о конкретных кубанских станицах, которой нет в иных изданиях

---

¹ Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. В 4-х т. СПб., 1896–1898. Т. 1: Кубанский край. Кавказская линия. Черноморское войско казачье. Хопёрские казаки. 1737–1801 гг. Документы извлечены из Московского отделения архива Главного штаба. 1896. Т. 2: Бумаги [большой группы исторических деятелей:] императрицы Екатерины II, [Г.А.] Потёмкина-Таврического, [А.В.] Суворова-Рымникского [и других лиц]. 1787–1795 гг. 1896. Т. 3: Войско Верных Черноморских казаков. 1787–1795 гг. 1896; Т. 4. Материалы по истории Кубанского казачьего войска 1795–1799 гг. 1898.

² Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. (Статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. I. С. 548–617; Венюков М.И. Очерк пространства между [реками] Кубанью и Белой // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1863. Кн. 2. С. 1–71; Верещагин А.В. Значение путей сообщения в деле колонизации и развития Черноморского побережья Кавказа // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1878. Т. 2. С. 198–351; Козлов Л.Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1906. Кн. 25. Вып. 7. С. 3–137; Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794–1894 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1897. Т. IV. С. 1–28; Новицкий Г.В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 14–43; М.В. (Венюков). Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими: в 1841, 1860 и 1863 гг. (с 3 картами) // Императорское Русское Географическое общество. Записки. СПб., 1864. Кн. 1. С. 1–8; Новые казачьи поселения в Закубанском крае // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1864. Кн. 6. С. 21–22; Павловский И.Ф. О переселении Полтавских казаков на Черноморье и Тамань в начале прошлого столетия // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. Полтава, 1915. Вып. 13. С. 155–159; Черноморье // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 835–843; Шахов Д.В. Воронежская станица (Статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. I. С. 643–689.

и даже в архивах. Причём, несмотря на краткость её изложения и преимущественно количественные параметры выражения, систематизация и сопоставление с другими историческими источниками позволили нам составить обобщённую характеристику состояния кубанских поселений в определённый период времени. Тем самым, обозначенные издания, с одной стороны, выступают в качестве исторического источника, а с другой стороны являются собой примечательный факт историографии, ибо в них публиковались материалы исследовательского характера и краеведческие статьи. Бывало и так, что справочно-информационная литература выходила отдельными изданиями в виде брошюр, превращаясь в цельное авторское произведение с раскрытием прелюбопытного исторического сюжета. Среди таких изданий можно выделить брошюру И.Ф. Миронова «Станица Северская Екатеринодарского отдела Кубанской области», опубликованную к пятидесятилетнему юбилею станицы и содержащую исторические свидетельства о станице¹.

В качестве исторического источника справочно-информационного характера следует отметить сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК), который издавало в период с 1881 по 1913 гг. Управление Кавказского учебного округа в Тифлисе. СМОМПК имеет большое познавательное значение, поскольку в нём публиковались материалы и описания станиц, краткие исторические сведения о станицах, хуторах, данные о населении, занятиях, праздниках и т.д.² Достаточно подробно в сборниках показана жизнь кубанского казачества и его отдельных полков. Наиболее информативным является восьмой выпуск сборника материалов для описания местностей

---

¹ Миронов И.Ф. Станица Северская Екатеринодарского отдела Кубанской области. 1864–1914 гг.: (К пятидесятилетнему юбилею станицы). Екатеринодар, 1914.

² Передельский Е.Ф. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1883. Вып. 3. Отд. 2. С. 1–90; Близнюков П.С. Станица Бесленевская, Кубанской области, Майкопского уезда // СМОМПК. Тифлис, 1888. Вып. 6. С. 133–152; Живило К.Т. Станица Расшеватская Кубанской области, Кавказского уезда // СМОМПК. Тифлис, 1888. Вып. 6. С. 41–98; Кобеляцкий В.С. Станица Самурская, Кубанской области, Майкопского уезда // СМОМПК. Тифлис, 1888. Вып. 6. С. 99–122; Промысловые занятия в некоторых пунктах Терской и Кубанской областей. Станицы, сёла и слободы // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 34–387.

и племён Кавказа за 1889 г., авторами которых стали обычные учителя и ученики, училищные работники, и в результате представлено описание 84 станиц с указанием хозяйственной, промысловой деятельности жителей, состава населения, а также сообщением других весьма занимательных сведений. Привлечение сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа позволило расширить возможности диссертанта в историописании казачьих поселений.

Важным историческим источником для нас выступают материалы периодической печати имперского периода истории. Ценные данные по исследуемой теме содержатся в газете «Кубанские областные ведомости», которая считалась главным печатным органом Кубанского казачьего войска с 1863 по 1917 гг. На газетных полосах располагались материалы как официальной, так и неофициальной частей.

Официальная часть включала государственные распоряжения, указы императоров, положения и объявления. Во второй, неофициальной части выходили очерки, рассказы, статьи и давалась информация о населённых пунктах. Газета публиковала статьи по истории края, о природных богатствах региона, а также исторические и статистическо-экономические материалы по земледелию и землепользованию, сложным межевым вопросам¹.

Вызывают интерес публикации частной газеты «Северный Кавказ». В рубрике «Сведения о Кубанской области» помещались повествовательные

---

¹ Каменев Н. Несколько слов о колонизации Кавказа // Кубанские войсковые ведомости. 1867. 7 октября. № 39. С. 159; [Без указания автора]. Переселение в Кубанскую область из внутренних губерний России // Кубанские войсковые ведомости. 1867. 2 сентября. № 34. С. 139; Барилко И.Г. Переселение за Кубань Черноморского (ныне – Кубанского) войска в 1860-м и 61-м годах по проекту князя [А.И.] Барятинского и Главнокомандующего правым флангом – Закубанским, графа [Н.И.] Евдокимова (Воспоминание) // Кубанские областные ведомости. 1911. 8 октября. № 213; Короленко П.П. Ведомость о русской колонизации Закубанского края на Западном Кавказе // Кубанские областные ведомости. 1894. 9 апреля. № 27; Материалы для истории Кубанского казачьего войска собранные Е.Д. Фелицыным // Кубанские областные ведомости. 1897. № 93. 1 мая; № 101. 13 мая; [Без указания автора]. Исследование экономического положения нагорных станиц // Кубанские областные ведомости. 1901. № 131. 19 июля; и др.

материалы об истории заселения, землеустройстве, культуре повседневности в поселениях кубанских казаков¹.

Эго-свидетельства различных по социальному происхождению россиян, подданных Российской империи, представляют собой заметно отличающиеся по форме авторские произведения, и, строго говоря, их нельзя отнести к документальным артефактам, но их объединяет одно важное обстоятельство – всё это исторические источники личного происхождения (мемуары, записки и воспоминания современников, и т.д.). Среди эго-свидетельств встречаются: расширенный эпистолярый, классические военные мемуары, художественная документалистика, исследовательские обобщения и пр. Во всех случаях мы имеем дело с текстами, подготовленными от первого лица, но изначально не всегда предназначавшиеся для публичного озвучивания. Порой это делалось для самореализации творческих задумок автора, для знакомства с его суждениями близких ему людей, и не более того.

Среди русских путешественников, посетивших исторический регион Кубани и оставивших любопытные свидетельства, мы бы выделили географа и преподавателя Морского кадетского корпуса, кандидата Санкт-Петербургского университета Николая Николаевича Филиппова. Его направило Морское министерство в Черноморию, на берега Азовского моря для изучения быта местных жителей, занимающихся рыболовством и судоходством. Впечатления примечательны Н.Н. Филиппова тем, что они зафиксированы сразу после разорительных для прибрежных районов итогов Крымской войны. Летом 1856 г. он проехал по берегу Азовского моря, посетил, в частности, казачью станицу Темрюкскую спустя лишь два месяца после отхода англо-французских войск и нашёл холмистую, обнажённую как степь местность около станицы. Обратил внимание Филиппов на оживление обычной хозяйственной

---

¹ [Без указания автора]. Из Ейского уезда // Северный Кавказ. 1887. № 6. 2 января; [Без указания автора]. Некоторые заметки по станице Усть-Лабинской // Северный Кавказ. 1887. № 13. 15 февраля; [Без указания автора]. Станица Успенская Кавказского уезда // Северный Кавказ. 1887. № 47. 23 апреля; [Без указания автора]. Станица Кужорская Кубанской области // Северный Кавказ. 1887. № 22. 19 марта; [Без указания автора]. Черноморские казаки и г. Екатеринодар 90 лет тому назад // Северный Кавказ. 1891. № 5 (588). 11 августа; [Без указания автора]. Из Баталпашинского отдела // Северный Кавказ. 1891. № 9 (592). 25 августа.

жизни станичников, на сохранившиеся добротные дома и небольшие фруктовые сады казаков, основным занятием для которых выступало рыболовство. В своём описании путешествия из Екатеринодара в Ачуев русский географ даёт краткую характеристику двум черноморским станицам Нововеличковской и Поповичевской, живописует степное пространство, которое ему пришлось преодолеть¹. Интерес представляют сведения о степных черноморских хуторах, совершавших, на его взгляд, буквально броуновское движение на занимаемой территории, да и сами станицы скорее напоминали большую группу хуторов. Такими, собственно говоря, перед нами предстают две формы казачьих исторических поселений.

Русская писательница Вера Петровна Желиховская в книге «Кавказ и Закавказье» (1885) одну из глав посвятила казакам. При описании казаков линейных станиц она обращает внимание на особый дух казачества, его внешний вид и сохраняющуюся воинственность: «По всему богатому растительностью предгорью Кавказскому, по всей плоскости орошаемой Кубанью, Тереком, Лабой, Сунжей и многими их притоками, на несколько сот вёрст раскинулись казачьи станицы: черноморцев и гребенцов. Хотя война и опасность, вечно тяготевшая над жителями станиц, давно миновали, но они сохранили свой боевой характер².

Автор пишет о сохранении казачьих традиций, характеризует казачий народ, его ментальные качества, подчёркивает удивительное трудолюбие: «Народ в станицах всё рослый, красивый. Мужчины сильны, ловки и неутомимы; женщины, как на подбор красавицы, высокого роста, стройны и величавы. Любо-дорого смотреть, как между весёлым разговором и песнями, дружно, ловко и легко спорится у них всякая домашняя работа. В поле ли жать, дрова ли рубить, в винограднике ли работать, или в огороде копать, казаки с казачками на всё успели, всё, шутя, справят, и в дому, и в саду, и на посевах. Ста-

---

¹ Филиппов Н.Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 года. СПб., 1857. С. 86.

² Желиховская В.П. Кавказ и Закавказье: С картою Кавказа. СПб., 1885. С. 93–94.

ницы их тонут в садах, дома чисто выбелены, обнесены палисадником, в котором и сирень, и рожь высокая, и пёстрые георгины, и золотые подсолнухи высятся и на ярком солнце красуются»¹.

Освоение и заселение закубанских земель, образование закубанских поселений представлены в трудах современников рассматриваемых нами событий, непосредственных участников событий Кавказской войны, специалистов своего времени. Эти издания также рассматриваются нами в качестве эго-свидетельств – исторических источников, и здесь мы опираемся на научную позицию, уже сложившуюся в специальной современной историографии. Так, А.Н. Максимчик пишет: «Характерной особенностью дореволюционной историографии, в отличие от советского и современного периодов, являлась её прямая сопричастность с военно-политическими событиями на Кавказе. Участник боевых действий выступал не только непосредственным свидетелем и участником происходивших событий, но и как исследователь, пытавшийся разобраться в «клубке» российско-кавказских противоречий»².

К числу таких исторических источников можно отнести мемуары генерала от кавалерии Стефана Александровича Венеровского (1828–1907), уроженца станицы Екатериноградской Терской области, жителя станицы Пшехской Кубанской области, офицера Кубанского казачьего войска³.

Конечно же, сложно пройти мимо обстоятельных воспоминаний русского военного историка и теоретика, российского геополитика, военного министра Российской империи в течение двадцати лет (1861–1881), генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912), прослужившего офицером на Кавказе с 1839 по 1844 гг., даже исправлявшего должность оберквартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории⁴.

---

¹ Желиховская В.П. Кавказ и Закавказье. С. 99–100.

² Максимчик А.Н. Присоединение Кавказа к Российской империи: Историографические итоги дореволюционного этапа // Российские и славянские исследования: науч. сб. Минск, 2012. Вып. 7. С. 287.

³ Венеровский С.А. Мемуары и воспоминания генерала от кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб., 1908.

⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860 гг. М., 2004.

Русский военный писатель, генерал от инфантерии Мелентий Яковлевич Ольшевский (1816–1895) оставил после себя для потомков совершенно уникальное сочинение мемуарно-исторического характера «Кавказ с 1841 по 1866 год»¹, поскольку сам прослужил на Кавказе с 1841 по 1864 гг., а в 1864 г. даже командовал войсками Кубанской области.

Выдающийся русский путешественник и военный географ, генерал-майор Михаил Иванович Венюков (1832–1901), лично побывавший на Кавказе в сложный период завершения Кавказской войны, смог сформировать собственные представления о регионе, что, в частности, отложилось в одной из его профессиональных работ, выполненной в сужденческом порядке².

Во всех перечисленных трудах российских современников XIX в. мы находим интересную этнографическую, статистическую и историческую информацию, в том числе, о поселенческих структурах кубанских казаков.

Вместе с тем, следует отметить ряд работ непосредственно по истории Кубани имперского периода, прежде всего, носящих источниковедческий характер. К примеру, приписной казак-линеец, прошедший боевой путь в Кавказском линейном казачьем войске в чинах от унтер-офицера до войскового старшины, офицер-пластун, Георгиевский кавалер Аполлон Игнатьевич Шпаковский опубликовал в журнале «Военный сборник» Военного министерства Российской империи «Заметки старого казака», переизданные в наше время³, где он дал описание Лабинской кордонной линии, а также характеристику укреплениям и станицам Новой Линии.

Казак-старообрядец кубанской станицы Кавказской, войсковой старшина Антон Данилович Ламонов, после 39 лет службы в Кубанском казачьем войске ушёл в отставку с мундиром и пенсией. В течение семи лет (1912–1919) он

---

¹ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / вступ. ст. и ком. А.Н. Лукирского. СПб., 2003.

² Венюков М.И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863. Материалы и заметки // Русская старина. Т. XXII. 1878 [девятый год]. Июнь. С. 249–270.

³ Шпаковский А.И. Записки старого казака. Пластуны на Лабинской линии. СПб., 2018. [Печаталось по тексту, опубликованному в журнале «Военный сборник» (1870. № 7; 1871. № 4, 8, 11; 1872. № 3, 6, 8; 1873. № 2, 5, 10, 11; 1874. № 2, 3)].

собирал материалы, и в итоге подготовил в рамках своего видения обстоятельную книгу «История 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потёмкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска», а вот для нашего научного дискурса интересен авторский исторический очерк о станице Кавказской¹.

Войсковой архивариус Кубанского казачьего войска, полковник Иван Иванович Кияшко приложил немало усилий для сбережения войскового архива в смутные времена Гражданской войны и первых лет советской власти, и эти спасённые бесценные материалы составляют сегодня основу архивной коллекции Государственного архива Краснодарского края по дореволюционному периоду истории Кубани. По данным научной библиотеки Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына, в общей сложности до настоящего времени сохранились 14 работ Ивана Ивановича по истории Кубани, которые имеют большое значение для современной региональной историографии и рассматриваются нами как исторические источники. Особый интерес представляет работа «2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска»², в которой он рассматривал вопросы, касающиеся водворения станиц, устройства дорог, рубки просек, земельного межевания и др.

Историк Кавказской войны, мемуарист и писатель Арнольд Львович Зиссерман оставил богатое творческое наследие³. Его перу принадлежит ряд путевых очерков, в том числе очерк «Путешествие на Кубань»⁴. Прелюбопытны

---

¹ Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794–1894 гг.). 1897 г. // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией В.А. Щербины и А.С. Собривевского. Екатеринодар, 1897. Т. IV: [1898]. С. 1–28.

² Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1909. Т. XIV. С. 377–474.

³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе: (1842–1867). СПб., 1879. Ч. 1; Ч. 2; он же. О фельдмаршале князе Барятинском. – О Лермонтове. Заметки // Русский архив. 1885. Т. XXIII. Кн. 2. № 5. С. 78–81.

⁴ Матвеев О.В. «Обильно пролитая кровь, громадные жертвы должны быть искуплены положительными результатами...»: Из наследия А.Л. Зиссермана // Германия и славянский

также путевые заметки графини Прасковьи Сергеевны Уваровой¹, которая собрала свои впечатления о Черноморском побережье Кавказа, о людях, его населявших в последней трети XIX в. Графиня вела путевые заметки о Кавказе, и эти заметки, по её собственному утверждению в предисловии, «не назначались к печати. Писались они для собственного удовольствия; велись постепенно; писались в вагоне, дорожной карете, верхом на лошади...»².

Известный участник Белого движения на Кубани, генерал-лейтенант Сергей Павлович Звягинцев (1869–1944), офицер Кубанского казачьего войска и Отдельного корпуса жандармов, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе Кубанского казачьего войска, член Кубанского правительства по военным делам в период до 5 января 1920 г., белоэмигрант, настолько был втянут в дела воинской службы, штабной работы и политической борьбы, что только в эмиграции смог заняться историческим сочинительством, уделяя ему достаточно много времени. В результате ему удалось оформить цикл лекций и издать систематическое устное изложение под заглавием «Записки по истории Кубани». В этой работе автор также обращается к историческим сюжетам освоения казачеством Закубанья и даёт достаточно развёрнутую характеристику поселений кубанских казаков³.

Немалый интерес представляют записки иностранных путешественников и учёных – это произведения целого ряда исследователей, изучавших Кавказ в середине и во второй половине XIX в. К ним относятся такие личности как: П.С. Паллас, Э. Кларк, Ф. Дюбуа, М. Вагнер, Д.У. Фрешфилд⁴. Большой фраг-

---

мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей (к 100-летию Рапальского договора): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2022. С. 181.

¹ Уварова П.С. Кавказ: Путевые заметки / [Соч.] Гр[афини П.С.] Уваровой. Ч. [1]–3. М., 1887–1904. В 3 т.; Она же. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шазшетия, Посховский участок. Путевые заметки / [Соч.] Гр[афини П.С.] Уваровой. Ч. 2. М., 1891.

² Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки / [Соч.] Гр[афини П.С.] Уваровой. М., 1887. Ч. I. Предисл. С. 5.

³ Звягинцев С.П. Записки по истории Кубани. Курс лекций, читанных на Кубанских офицерских курсах в г[ороде] Белграде в 1933 г. Прага, 1941.

⁴ Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н.К. Ткачева. М., 1999; Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Ed. 2. London:

мент своих путевых записей Пётр Симон посвятил черноморским казакам: детально объяснил, откуда они именно появились, какое территориальное пространство на Кубани заселили. Паллас предметно указывал на основную форму строившихся поселений в исторические времена заселения Черноморья, на типичные казачьи курени¹.

В июле 1800 г. побывал в Черномории англичанин Эдвард Кларк. Востроглазый англосакс обратил внимание на хорошее состояние степных пространств Правобережья Кубани, великолепный травостой, способный решить проблему кормовой базы для местного животноводства и, что примечательно, дать фураж для лошадей, предназначенных для обеспечения кавалерийских подразделений Русской Императорской армии, прежде всего, полков черноморского казачества. Путешественник пишет: «Вся почва в этой части Черноморского края покрыта прекрасными пастбищными травами и обеспечивает сено для своей кавалерии и крупного рогатого скота»². Отдельно Эдвард Кларк описывает казачью старшину Черномории, уделяя преимущественное внимание костюму черноморских казаков, подчёркивавших всем своим внешним видом индивидуальный социально-правовой статус. В сохранившемся описании детально перечисляются основные элементы колоритного атаманского костюма, типичные виды личного оружия.

Известный немецкий путешественник, биолог, географ и естествоиспытатель XIX в. Мориц Вагнер, побывав на Кубани в феврале 1843 г., собирал и детально записывал свои путевые впечатления о казачьей повседневности, о

T. Cadell and W. Davies, Strand, 1811. Vol. 2; Дюбуа Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Сухуми, 1937; Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan; With Sketches of the Cossacks and the Caucasus. In three Volumes. Vol. I. London: Hurst and Blackett, 1856; Freshfield D. The Exploration of the Caucasus. With illustrations by Vittorio Sella. Vol. I. Edward Arnold, London and New York, 1896; Кастильон Г. «...В Москве не знают, что происходит на Кавказе»: письма к Гизо (24 апреля 1844 г. – 4 марта 1846 г.): документально-художественная литература. Нальчик, 2010.

¹ Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах... С. 141.

² Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. P. 354.

самых казаках, о человеческих характерах и судьбах, что ему встречались на кубанских просторах.

Так, сравнивая станицы линейных казаков со станицами черноморских, исследователь считал, что выглядели они как небольшие военные укрепления, готовые к отражению нападения противника. Немецкий учёный сумел разобраться в различиях между черноморскими казаками и линейными казаками, в их заметно отличающихся ментальных моделях поведения, и в том, где проходила граница между двумя казачьими объединениями: «Станица Воронежская образует границу между Черноморией и территорией линейцев. Последние отличаются особым костюмом, физической структурой, своеобразным религиозным фанатизмом, который, однако, проявляется более во внешней форме, чем в образцовых добродетелях. Их одежда и оружие так похожи на черкесские, что я, к своему ужасу, поначалу спутал их. Они носят шашку и пистолеты, которые изготовлены гораздо элегантнее, но менее надёжно, чем у черноморцев»¹.

Особо подчеркнём, что «большинство авторов сохранили благоприятные впечатления о казаках и их поселениях. Основная черта подобного рода сочинений – формирование у каждого путешественника уникального персонального видения региона не с чьих слов, а на основании личных впечатлений, полученных при посещении Кубани. Причём, с нашей точки зрения, иностранные гости при относительной мимолетности пребывания сумели разглядеть очень многое, найти болезненные места повседневной жизни казачества и даже сформулировать свои предложения по дальнейшему развитию отдельных населённых пунктов»².

Таким образом, настоящее диссертационное исследование основывается на собранных, систематизированных и проанализированных, в первую очередь, на архивных материалах, отражающих многообразную историю трёх

---

¹ Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan; With Sketches of the Cossacks and the Caucasus. In three Volumes. London, 1856. Vol. I. P. 171.

² Федина И.М. Поселенческий уклад и социальный быт славянского населения Кубани глазами иностранных учёных (конец XVIII – первая половина XIX века) // Наследие веков. Краснодар, 2022. № 2. С. 117.

хронологических периодов: заселения территории исторического региона Кубани, становления и трансформации поселенческих структур, прежде всего, казачьих хуторов и станиц. Мы стремились достичь максимальной степени атрибутирования используемых исторических источников, в особенности, архивных дел, что раскрывает исторический источник изнутри, а не только факт наличия в нём нужной информации. Кроме того, для нас важно, чтобы привлекаемые исторические источники дополняли друг друга.

В подборе архивных материалов мы руководствовались тем, что должны быть представлены этими неопубликованными историческими источниками разные уровни власти по вертикали и инстанции принятия ответственных решений в отношении казачьих и иных поселений исторического региона Кубани. Естественно, среди обозначенных социальных институтов преобладали в изучаемый исторический период военные управленческие структуры, в силу региональных особенностей формировавшейся Кубанской области. Именно им длительное время принадлежала вся полнота военной и гражданской власти на войсковом и на местном уровне.

По мере количественного роста и качественных изменений кубанских поселений и, особенно, заметной трансформации поселенческих образований в последней четверти XIX – начале XX вв. происходило разделение военно-организационных и хозяйственно-экономических функций в рамках управленческой вертикали власти, что нашло своё отражение в архивных исторических источниках и базисных характеристиках фондообразователей, чьи материалы отложились в изученных нами архивных коллекциях.

В федеральных архивах нас интересовали не только управленческие инстанции по прямой властной вертикали, располагавшиеся над всеми казачьими войсками и казачьими областями, но и специальные государственные ведомства (например, Департамент законов Государственного совета, Общая канцелярия министра финансов, Министерство юстиции), где удалось обнаружить весьма примечательные исторические источники по теме нашего исследования.

Конечно же, главным архивохранилищем для нас выступал Государственный архив Краснодарского края, сохранивший уникальные архивные коллекции документов и материалов. С позиций реализации цели и задач диссертационного исследования архивные фонды ГАКК могут быть дифференцированы на шесть основных групп: 1) фонды высших войсковых (региональных) казачьих учреждений; 2) фонды войсковых (внутрирегиональных) управленческих учреждений; 3) фонды органов управления кордонными линиями; 4) фонды полковых правлений Кубанского казачьего войска; 5) фонды станичных органов управления; 6) внутренние фонды архива. Каждая из указанных групп архивных источников выполнила свою роль в диссертационном исследовании, в аргументации научных позиций соискателя. Так, скажем, для § 3.2 диссертации о создании сети региональных кордонных линий большое значение имели фонды органов управления кордонными линиями.

Что касается муниципальных архивов, то вполне естественно их тяготение к накоплению в своих фондах краеведческих материалов, в том числе, за счёт выборочного копирования документов федеральных, а чаще всего региональных архивов. Но в этом, казалось бы, несущественном для исследователя повторе имеется одно примечательное обстоятельство, поскольку в большом массиве информативных документов федеральных и региональных архивов не всегда можно заметить необходимые и очень важные исторические детали, территориально и/или географически привязанные в историческом прошлом к данному муниципалитету. Вместе с тем, в муниципальных архивах достаточно часто могут откладываться и сохраняться удивительные исторические документы, без которых не обойтись в научных изысканиях вдумчивому исследователю.

Большую помощь нам оказали коллекции военно-исторических и картографических документов, обнаруженные во всех трёх группах архивохранилищ: федеральных, региональных и муниципальных. Ментальный образ изучаемой исторической эпохи сохранили фонды личного происхождения, но в них же мы нашли редкие исторические документы, которые по разным причинам не вошли в состав масштабных архивных коллекций, где их видеть более

привычно. Поэтому можно утверждать, что фонды личного происхождения далеко не всегда являются накопителем дополнительных сведений, а нередко выступают в качестве базовых источников важнейшей исторической информации. Причём, главное архивохранилище нашей страны – Государственный архив Российской Федерации – привлёк внимание именно наличием в нём знаковых фондов личного происхождения трёх российских императоров (Александра II, Александра III, Николая II) и одного великого князя (Михаила Николаевича), поскольку в силу казачьих особенностей региона основные архивные коллекции о его истории сосредоточены в Российском государственном военно-историческом архиве и в Российском государственном историческом архиве.

Использованные в диссертации нормативно-правовые акты в качестве исторического источника для нашего исследования интересны в четырёх вариантах. Во-первых, точность их атрибутирования позволяет фиксировать изучаемую историческую эпоху по реперным точкам правового регулирования. Во-вторых, предмет нормативных ограничений и стимулирования указывает на пределы и содержание проблемного поля исторического времени. В-третьих, нормативно-правовые акты являются источником ценнейшей информации, в том числе, по датированию и описанию конкретных исторических событий. В-четвёртых, эти документы несут в себе дух исторической эпохи, начиная с категориально-понятийного аппарата и заканчивая индивидуализированной связью их появления в публичном пространстве.

В целом, как показал источниковедческий анализ, кубанские казачьи поселения на протяжении достаточно длительного исторического периода успешно реализовывали изначально заложенный в них военно-организационный, политико-административный и хозяйственно-культурный потенциал. Кубанские поселения – станицы и хутора – стали экономически эффективными рыночными единицами, сохранив в качестве первоосновы два ключевых элемента казачьей земельной идеологии – землю и волю в их казачьем понимании. В условиях переселения на новые земли казачьи поселения сформиро-

вали поселенческий уклад, обеспечивший широкий простор для казачьей индивидуальности, что нашло своё отражение в изученных нами исторических источниках.

1.3. Концептуально-теоретические модели и категориально-понятийный аппарат изучения поселенческого обустройства казаков Кубани и Черноморья

В изложении исходных основ теоретико-методологической базы исследования мы вначале обратимся к используемым в диссертации парадигмальным конструкциям для осмысления рассматриваемой научной проблемы, поскольку во введении уже было представлено понимание соискателем принципов научного исторического познания, применяемых в настоящей работе, выдвинута и обоснована авторская концепция исторических поселений, а, соответственно, эти фрагменты в данном параграфе не повторяются. В выборе концептуально-теоретических моделей исторического процесса диссертант руководствовался перспективным мультипарадигмальным подходом, позволяющим привлечь наиболее актуальные и работоспособные теоретические разработки в современной исторической науке для анализа генезиса поселенческих структур и культуры повседневности в историческом регионе Кубани. Кроме того, современная национальная общественная повестка и тенденции российской историографии требуют переосмысления теоретико-методологического инструментария, и с учётом этих обстоятельств, а также авторского реагирования на актуальные вызовы времени, научных ориентиров и внутренней личностной мотивации, мы развёртываем свой научный поиск в реконструируемом с помощью репрезентативных концептуально-теоретических моделей социальном пространстве исторического региона казачьего мира Кубани в его поселенческом ракурсе.

Наше диссертационное исследование в теоретико-методологическом плане выполнено в рамках перспективной отрасли исторического знания, по-

лучившей в современной историографии наименование истории повседневности. Предметом изучения истории повседневности является «сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах»¹. Тем самым, ключевой научной категорией здесь выступает повседневность.

В научный оборот профессионального историописания категорию повседневности ввёл французский историк Фернан Бродель (1902–1985) в своём знаменитом труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Структуры повседневности: возможное и невозможное», где он подчёркивал возможность познания повседневности: «Материальная жизнь – это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи – пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов – словом, всё, что служит человеку, – вот единственный способ ощутить его повседневное существование»². Бродель трактовал историческую повседневность как часть макроконтекста жизни прошлого³, предложил проводить насущные исторические исследования как комплексные изыскания историко-психологических, историко-демографических, политико-событийных и историко-культурных структур. Если следовать концепту повседневности французского историка, казачий социум предстаёт в виде своеобразной эпистемы «историко-культурный мир – традиционная экономика». Казачье хозяйство рассматривается как социально-хозяйственная система, формирующаяся на протяжении длительного исторического времени, и она позволяет изучить весь комплекс военно-хозяйственной жизни казаков, сочетающий повседневный поселенческий уклад, ментальные модели социальных реакций, духовно-нравственные принципы экономического поведения, войсковые права и обязанности казаков.

---

¹ Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 41.

³ Бродель Ф. Время мира. М., 1988. С.11.

В центре внимания исследователей «истории повседневности» встречаются различные подходы к этой отрасли исторического знания. К примеру, австрийский социолог и философ Альфред Шюц структурно в повседневности выделяет: активную трудовую деятельность, ориентированную на преобразование внешнего мира; напряжённое отношение к жизни; цикличность восприятия времени, соответствующую трудовым ритмам; личностную определённую индивидуальность; особую форму социальности (типизированный мир)¹.

Современный российский исследователь повседневности, председатель Российской ассоциации исследователей женской истории, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, профессор Наталья Львовна Пушкарёва к исторической научной категории повседневности относит, прежде всего, «событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира; обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле; эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей»². В российской исторической науке существует двойное понимание истории повседневности: *во-первых*, как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории; *во-вторых*, как реализации приёмов микроисторического анализа. Мы склонны в нашем диссертационном исследовании придерживаться именно второго направления теоретико-методологической интерпретации истории повседневности.

Среди работ авторов, обращающихся к казачьей повседневности, заслуживает внимания труд профессора кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, известного российского казачевода Е.В. Годовой³. В этой концептуальной статье «Новые подходы к

---

¹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 127.

² Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovani_j_2010-03-16.htm (дата обращения: 31.01.2023).

³ Годова Е.В. Новые подходы к изучению повседневности казачества // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 321–328.

изучению повседневности казачества» она отмечает значимость микроисторических подходов в изучении истории казачества. Кубанский этнограф Н.И. Бондарь предложил модель повседневности применительно к кубанским казакам, состоящую из двух «миров» – военного и гражданского, во многом взаимосвязанных и взаимно перекрывающих друг друга¹, проанализировал военный / войсковой «мир» кубанского казачества². Профессор Кубанского государственного университета О.В. Матвеев полагает возможным говорить о существовании на уровне коллективного сознания исторической картины мира кубанского казачества³. Как он считает, «ключевыми элементами системы исторических представлений кубанских казаков выступают: образы войны, включающие особенности восприятия её причин, мотивов, характер[а] и масштаб[ов], [суждения] о соотношении сил, о перспективах, которые, как правило, видятся благоприятными для себя и неблагоприятными для противника. Историческая картина [мира] кубанского казачества крайне избирательна в отборе событий, фактов, героев...»⁴. Более того, «историческая картина мира кубанского казачества «осовременивала» прошлое, осуществляла ретроспективный подход к казачьим героям и событиям, в которых они участвовали, свободно использовала воображение для реконструкции целостного

---

¹ Бондарь Н.И. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение. Сб. науч. статей. Краснодар, 2000. С. 92–120.

² Бондарь Н.И. Воины и хлеборобы. С. 67.

³ Матвеев О.В. К реконструкции системы этногенетических представлений кубанских казаков: устная историческая традиция метрополий // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Сб. материалов науч.-практ. конф. Майкоп, 2000. С. 75–76; он же. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005; он же. Историческая картина мира кубанского казачества: социальные аспекты воинской ментальности // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2006. Вып. 1. С. 396–411; он же. Историческая картина мира Кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 35–37; он же. Народная топонимия в организации пространства исторической памяти кубанского казачества // Славяно-адыгские культурные связи: история и современность. Материалы Пятых научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры и Году российской истории (Майкоп, 2012). Майкоп, 2012. С. 111–124; он же. Мир казачьей станицы // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М., 2012. № 4 (76). С. 56–58.

⁴ Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 411.

образа войны. Народная история искала в прошлом примеры для подражания или осуждения, воспринималась своего народа иллюстрацией предпочтений конкретной эпохи. Исторические персонажи изображались как примеры социального поведения, им приписывались качества и мотивы, которые казаки считали определяющими для собственного поведения»¹. Тем самым, по мнению О.В. Матвеева, историческая картина мира кубанского казачества выступает реконструирующим ментальным макроконтекстом событийной истории.

Не менее важным концептуальным основанием для диссертационного исследования является антропосоциокультурный подход, обоснованный членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным². С этих позиций исторический регион Кубани рассматривается как территориальное сообщество, которое образуется в результате созидательной деятельности социальных акторов – жителей, казачьего сообщества и служит средой, мотивирующей деятельность социальных акторов. В русле антропосоциокультурного подхода нами рассмотрены проблемы становления и развития казачьих поселений на Кубани. Парадигма антропосоциокультурного подхода применительно к анализу повседневности казачьей жизни выработана в трудах А.П. Скорика и Е.В. Годовой³. Они заложили основу всестороннего изучения повседневности труда и быта казачьей станицы. При этом названные авторы отошли от традиций исторического позитивизма, когда объективная истина в истории достигается самим обращением исследователей к историческим источникам без дополнительной интерпретации, и известной методологической привязанности «государственной школы» в российской историографии, когда без ссылки на решающую роль государства не рассматривается ни одно историческое явление.

---

¹ Матвеев О.В. Историческая картина мира Кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 35.

² Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8 (268). С. 25–34.

³ Скорик А.П. О концептуализации исследования казачьего поселенческого обустройства на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем. Сб. науч. статей. Ставрополь, 2021. С. 97–109; Годова Е.В. Новые подходы к изучению повседневности казачества // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 321–328.

В качестве методологической основы диссертации при рассмотрении проблемы генезиса казачьих поселений исторического региона Кубани выступает теоретическая платформа «новая локальная история». Она трактуется её приверженцами как «микросообщество», совокупность людей, осуществляющих определённую историческую деятельность¹. Базовыми конструктами «новой локальной истории» признаются социальная роль индивидуума и стереотипы поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. «Новая локальная история», по мнению члена-корреспондента РАН Л.П. Репиной, это изучение, основанное на индивидуализации и детализации исследовательских объектов². Как правомерно полагает Т.А. Булыгина, этот концепт представляет собой «изучение истории региона... в исследовательском поле общероссийской истории, с позиций междисциплинарного подхода»³. С позиций «новой локальной истории» изучение казачьих поселений Кубани как региональных социальных образований вовсе не ограничивается историческим познанием ретроспективной реальности рассматриваемой поселенческой структуры, а помещаются в пространственно-временной континуум конкретного социального взаимодействия, являющийся неотъемлемой частью общероссийского исторического контекста.

В осмыслении поставленной в диссертации научной проблемы нам не чужды методологические позиции географического POSSИБИЛИЗМА, поскольку круг вопросов «истории повседневности» включает в себя самый широкий круг подходов макро- и микросреды обитания (природа, город, станица, жилище). Освоение исторической территории Кубани казачеством, использование природных ресурсов обширных горно-лесистых пространств Закубанья как раз тот особый социально-исторический случай, когда географическая

---

¹ Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–164.

² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 167.

³ Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века: [сб. науч. статей]. Краснодар, 2006. С. 27.

среда рассматривается в качестве изменяющего и ограничивающего жизнедеятельность человека внешнего фактора, смягчаемого сложившимися в конкретных исторических условиях социально-хозяйственными обстоятельствами, необходимыми для обустройства новой территории. В России методологические позиции географического POSSIBILISMA впервые начал активно разрабатывать географ, создатель сельскохозяйственной метеорологии профессор Александр Иванович Воейков (1842–1916). Основателем этого направления за рубежом является французский географ Поль Видаль де ла Блаш (1845–1918). Он занимался главным образом определением места человека в географической среде, изучал влияние местных природных условий на историю данного района. В результате, если опираться на постулаты географического POSSIBILISMA, военно-хозяйственная деятельность кубанских казаков приобретает свои характерные особенности, и в итоге воспроизводится культурный агроландшафт кубанского казачества.

Формирование исторических поселений объясняет теория южнорусского фронта, учитывающая приграничное положение исторического региона Кубани. Первые казачьи поселения выполняли охранительную функцию и выступали фронтом для южных рубежей Российской империи. По мнению историков Ю.А. Мизиса, О.В. Скобелкина, А.И. Папкова «фронт является районом колонизации; присоединённая территория заселяется выходцами с основной территории государства, и новое население ведёт активную экономическую деятельность по освоению присоединённой территории»¹. Тем самым, фронт трактуется как зоны экономического, социального, политического и культурного взаимодействия пришлого, нового населения с коренным населением. Но некоторые учёные считают, что нельзя сводить историю пограничья к осуществлению колонизации, поскольку в создании фронта, кроме переселенцев, принимает участие и местное коренное население. Можно согласиться с Томасом Барреттом (применившим теорию фронта по отношению

---

¹ Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Русский фронт: политические, социальные и экономические аспекты (юг России в XVI – конец XVIII вв.) // Вестник Тамбов. гос. ун-та. 2015. № 10 (150). С. 11.

к терским казакам¹), который правомерно утверждал, что понять историю южнорусского фронта, «понять подлинное присоединение Кавказа к России можно, заглянув лишь за военные линии, обратившись к взаимоотношениям и передвижениям людских потоков, шедших через Северный Кавказ, причём, не только во время войны, но и во время мира, в повседневности»². Тематику фронтальных исследований поселений Юга России продолжают разрабатывать тамбовские историки В.В. Канищев и С.К. Лямин³, обосновывая формирование поселений с учётом природно-географических факторов. Именно в пространстве южнорусского фронта на Кубани складывались поселения черноморских и линейных казаков.

По мнению нашего научного консультанта профессора Александра Павловича Скорика, поселенческий уклад выступает для Кубани традиционным автохтонным социальным институтом, во многом заимствованным у запорожцев и донцов, уникальной формой самоорганизации жизнедеятельности казаков, фундамирующей колоссальный историко-культурный потенциал территории Кубани⁴. Развивая эти научные идеи и постулаты о казачьем поселенческом укладе на Кубани, мы предлагаем в качестве центрального элемента теоретико-методологических построений представляемой диссертационной работы авторскую концепцию исторических поселений, образующую в исследовательском поле историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани».

Взгляд на поселенческий уклад кубанских казаков под углом зрения авторской концепции исторических поселений предполагает выявление круга

---

¹ Barrett T.M. At the edge of empire: the Terek Cossacks and the North Caucasus frontier. 1700–1860. Boulder Co; Oxford, 1999.

² Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 165.

³ Канищев В.В., Лямин С.К. Фронтальные корни демографической устойчивости современных крупных русских поселений юга европейской части России // Журнал фронтальных исследований. Астрахань, 2022. Т. 7. № 3 (27). С. 153–177.

⁴ Скорик А.П. Поселенческий уклад как социальный институт (на примере исторического региона Кубани) // Вестник Южно-Российского гос. технич. ун-та (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Новочеркасск, 2021. Т. 14. № 5. С. 44.

проблем, связанных с освоением исторического региона Кубани и обоснованием характерных моделей образа жизни казаков. Поселенческий уклад в изучаемом регионе подразумевает использование казаками вполне определённой планировочной структуры поселения, парцелляцию земельных участков, ведение привычной для казаков застройки, возведение технологически отработанных типов жилищ, учёт ландшафта данной местности, а также иные, нематериальные характеристики казачьего поселения, дополняющие его традиционный архитектурно-художественный колорит, и в совокупности своей указывающих на детерминирующие антропологические признаки данной формы поселения. Устойчивое развитие исторического поселения кубанского казачества предопределяется степенью соответствия времени и месту его возникновения, способностью адаптации исторического поселения к новым условиям, и здесь неизбежно применение факторного анализа с выявлением исходного импульса военного, экономического, социального и иного порядка, стимулировавшего рост и укрепление казачьего поселения на Кубани. С нашей точки зрения, поселенческие казачьи образования должны быть помещены в пространство исторической повседневности. Данный подход позволяет заменить историю «сверху» историей «снизу», осуществлять исторический синтез на микроуровне общества¹. При этом повседневность, по справедливому замечанию С.Д. Багдасарян, «как историческое явление частной жизни выходит за рамки традиционного представления о быте и нравах, пище и жилье, costume и празднике, и пр.»². Речь идёт о ежедневной многогранной жизни, об осознании казаками своего существования, о культурно-историческом ландшафте, о неповторимой душе пространства казачьего мира.

Тем самым, повседневность выступает для нас неотъемлемой и достаточно влиятельной частью казачьего мира Кубани, наряду с экономическими, политическими и иными отношениями в изучаемом историческом регионе.

---

¹ Соколов А.К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 330.

² Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / отв. ред. А.П. Скорик. Новочеркасск, 2015. С. 19, 20.

А вот первоэлементом казачьего мира, по нашему мнению, является поселение, микроисторический анализ повседневности которого становится для диссертанта краеугольным камнем и делает нас сторонником второго толкования (направления интерпретации) истории повседневности. При этом «казачий мир Кубани» нельзя считать, как это может кому-то показаться, локальным миром, поскольку в условиях традиционного (аграрного) общества в конце XVIII – начале XX вв. он охватывает огромное культурно-историческое пространство. Само пространство в определённом смысле расширяется и включает все казачьи районы Юга России, макрорегиона весьма значимого сегодня для нашей страны, и очень важно сохранить культурные ландшафты исторических поселений, о чём пишут В.В. Бондарь и О.Н. Маркова¹. В условиях длительного действия полномасштабных квазиэкономических санкций со стороны традиционных исторических противников России и бывших якобы партнёров в Западной и отчасти Восточной Европе и, в особенности, в Северной Америке властные институты нашего государства и российское общество в целом вновь открывают «для себя российскую деревню, способную не только достойно прокормить всё население страны, но и занять со своей продукцией значительный сегмент на мировых продовольственных рынках, потеснив традиционных конкурентов, и этот прорыв... вполне сопоставим с технологической революцией, обеспечивающей инновационный тренд современного экономического развития страны»².

Вот почему необходимо многостороннее понимание казачьего мира Кубани, его удивительной души, отчасти скрытой, но непременно открывающейся при проникновении в историческую повседневность. Теоретико-методологическое понимание «казачьего мира Кубани» в интеллектуальном пространстве известных идей Н.Я. Данилевского (кстати, в профессиональном плане инспектора сельского хозяйства, начальника экспедиции для исследова-

---

¹ Бондарь В.В., Маркова О.Н. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа). М., 2020.

² Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы... С. 19.

ния рыболовства в Чёрном и Азовском морях, детально изучившего Ачужевский рыбный промысел за пятилетний период 1850–1855 гг.) о культурно-историческом типе¹ позволяет нам говорить об исторических формах поселений в региональном пространстве на протяжении конца XVIII – начала XX вв.

Изучение поселенческого уклада кубанских казаков и исторических форм поселений на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. потребовало применения характерных методов исследования. Мы использовали общенаучные методы, которые охватывают все области научного познания, и эти методы стали неотъемлемой частью нашего исследовательского инструментария (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование). Метод анализа состоит в мысленном расчленении объекта изучения на отдельные элементы, а метод синтеза наоборот означает воссоединение разрозненных элементов в единое целое. Метод дедукции представляет собой умозаключение, идущее от конкретно-исторических фактов к некоторой гипотезе (общему утверждению), к предпосылке концептуальных построений. Метод дедукции понимается как умозаключение, исходящее от общего предположения и направленное к частному утверждению, скажем, от типа поселенческих образований к конкретной станции (форме). Метод абстрагирования сводится к отвлечению от частных признаков отдельных предметов и явлений в целях обобщения этих признаков и получения цельного знания о предметах и явлениях и пр. Метод не заменим в работе с фрагментарными архивными материалами.

К числу применяемых нами специальных методов социальных и гуманитарных наук относятся: системный метод, деятельностный метод, аксиологический (нормативно-ценностный) метод, структурно-функциональный анализ, антропологический метод, институциональный метод, метод социального моделирования. Для пояснения своего видения обозначенного научного инструментария остановимся на примере интерпретации институционального метода. Этот метод ориентирует на изучение функционирования поселенче-

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

ских образований, которые составляют основу казачьего мира Кубани. Фрагментация предмета исследования обеспечивает изучение процессов развития типов, форм, видов поселений по отдельности. В качестве института в этом случае избирается конкретное поселенческое казачье образование, которое формализуется, нормативно определяется и рассматривается в качестве относительно самостоятельной части социальной реальности. Например, по такому алгоритму может изучаться социальный институт станицы, или хутора, институт кордонной линии, войсковые институты и др.

Историко-типологический метод позволил нам осуществить выделение типов и форм исторических поселений и представить в диссертации их развёрнутую классификацию. На основе сравнительных исследований однопорядковых исторических явлений удалось определить исходные критериальные признаки, и с их помощью произвести классификацию форм исторических поселений черноморского и линейного казачества, выделить обобщённые типы и рассмотреть более детально отдельные виды поселений, скажем, станиц.

Статистический метод состоит в получении, обработке, анализе информации, характеризующей количественные закономерности жизнедеятельности кубанских поселений, например, данные по росту численности хуторов за конкретный период времени, статистические данные результатов деятельности войсковых инстанций, предварительные данные по итогам переселения разных групп населения из малороссийских губерний, и др.

Герменевтический метод понадобился в диссертации для выражения авторского мнения, понимания, толкования смыслового содержания текста исторических источников, историографических фактов и содержащихся в них понятий и представлений с позиции «духа», а не «буквы» прочитываемого текста. Поэтому этот метод предполагает вкладывать в исследуемые понятия именно то содержание, которое подразумевает диссертант, и что позволяет сформировать категориально-понятийный аппарат исследования.

Кубанские казачьи поселения в рамках понятийного научного дискурса представляют собой многогранное историческое явление, и здесь надо обра-

тить первостепенное внимание на истолкование дефиниций региональных поселенческих структур, то есть осуществить научную инсталляцию категориально-понятийного аппарата диссертационного исследования.

Первопроходцы новых российских территорий – казаки, не только охраняли южные рубежи страны, но и осваивали нелёгкий земледельческий труд. Из многих зарождающихся поселений – слободка, заимка, курень, хутор, зимовник, кош – основными поселенческими образованиями стали сформированные казаками станица (курень) и хутор. Этот базисный стержень поселенческой структуры складывался в ходе интенсивного заселения и хозяйственного облагораживания южно-российских, кубанских земель в конце XVIII и на протяжении XIX вв. Под воздействием целого ряда факторов осуществлялось социальное конструирование военно-организационной, этнокультурной и хозяйственно-земледельческой идентичностей, что позиционировало казачьи поселения в региональном историческом пространстве как уникальное естественноисторическое явление, обусловило формирование того самого неповторимого казачьего мира в южно-российском историческом регионе Кубани в имперский период российской истории.

Казачья слободка носила временный характер и занимала по масштабам земельной площади небольшой участок, связанный с освоением новых российских земель, как опорный посёлок, стимулируемый к своему появлению освобождением переселенцев от государственных и иных податей, образуемый, прежде всего, вольным казачьим населением, организующим повседневную деятельность на принципах традиционного самоуправления.

Количество и названия казачьих слободок определяются весьма приблизительно, как минимум, их называют не менее десятка; их можно, скажем, соотносить с 24 кордонами Черноморской кордонной линии, при которых возникали небольшие поселения, какие-то слободки предшествовали укоренению куреней. Несмотря на временный характер существования, казачьи слободки являлись вполне сложившимися формой и видом временного поселения черноморских казаков, имевшим своё самоуправление. О слободках детально речь пойдёт в § 2.2 диссертации.

Категория «курень» в понятийном плане включает несколько значений. По мнению знатока истории запорожского казачества, историка Д.И. Эварницкого (Яворницкого; 1855–1940), слово «курень» является производным при объяснении названия казачьего жилища от глагола «курить», то есть «дымить», и имеет в своей этимологии одинаковое значение с тмутараканскими «курями», упоминаемыми в древнерусском литературном памятнике «Слово о полку Игореве», и великорусским словосочетанием «курная» изба (жилище, отапливаемое печью без трубы, с выходом дыма через дверь. – *авт.*). «Ещё и теперь можно видеть такие курени, – пишет Эварницкий, – т.е. курные жилища по берегам Днепра, особенно против его порогов, где ютятся рыбаки ранней весной или поздней осенью»¹. «По внешнему виду каждый курень напоминал длинную казарму», существовавшую в трёх вариантах размеров этого жилища: 1) длина – 44 аршина (31,29 метра) и ширина – 5 аршин (3,56 метра); 2) длина – 13,5 аршин (9,6 метра) и ширина – 6 аршин (4,27 метра); 3) длина – 10 аршин (7,11 метра) и ширина – 5 аршин (3,56 метра). Сооружалось такое жилое строение «из рубленного и резаного дерева», обычно доставляемого в Запорожскую Сечь из Самары на Волге, или Великого Луга (участок левосторонней поймы реки Днепр, огромные речные плавни ниже Днепровских порогов, принадлежавшие Запорожской Сечи. – *авт.*). Курень «имел 4 больших квадратных окна в длинной стене, одну низкую дверь с полукруглой перекладиной и резными, окрашенными в зелёную и красную краску, по бокам дверей, лутками [дверными коробками. – *авт.*] в поперечной, или так называемой причолочной стенке; по одному окну с каждой стороны дверей на той-же причолочной стенке; наверху драневую [из древесных пластин. – *авт.*], в три яруса, крышу и над крышей три высоких, с покрывками «дымаря» [дымовой выход с перекрывающим навершием и боковыми отверстиями вверху для свободного прохода дымовых газов. – *авт.*], или трубы»². Тем самым, под куренём следует понимать, прежде всего, как типичное жилище, или группу жилых построек,

---

¹ Эварницкий (Яворницкий) Д.И. История запорожских козаков. СПб., 1892. Т. I. С. 200.

² Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т. I. С. 200.

и эта трактовка не противоречит истине, она вполне допустима в историческом описании.

Историк черноморского казачества И.Д. Попко свидетельствовал об употреблении черноморцами слова «курень» в двух интерпретационных перспективах, о чём он в своей монографии писал так: «У черноморцев старого времени, как равно и у запорожцев, куренём называлась казарма, не столько в смысле здания, но ещё более в смысле помещавшейся в ней самостоятельной части войска, поставленного на походную ногу, мобилизованного. [И здесь Попко практически вторит описанию Д.И. Эварницкого¹. – авт.]. Каждый курень имел приписанное к нему село или несколько сёл, откуда снабжался жизненными припасами»². Курени у черноморцев сохранили те же названия, какие исстари существовали в Запорожском войске, причём, в одном курене насчитывалось в общей сложности примерно от 200 до 1000 дворов³. Из контекста приведённых выше исторических суждений Ивана Диомидовича вытекают сразу шесть важных обстоятельств в истолковании содержательного значения понятия «курень». Во-первых, это отдельное общественное жилое здание для поселения строго определённой группы казаков со своей общежительной социальной практикой. Во-вторых, это мобилизованное казачье воинское подразделение (часть казачьего войска), проживающее исключительно походным порядком в отдельном жилом помещении. В-третьих, это установленный нормами обычного права у казаков кош отдельного воинского подразделения, для функционирования которого хозяйственно-продовольственное снабжение возлагалось на одно или несколько гражданских поселений. В-четвёртых, каждый казачий курень как отдельное воинское подразделение имел свою численность, хотя она строго не фиксировалась. В-пятых, это традиционное казачье воинское подразделение, сохраняющее длительное время своё собственное название и своё внутреннее куренное обустройство. В-шестых, с переселением казаков в Черноморию

---

¹ Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т. I. С. 203.

² Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. СПб., 1858. С. 37–38.

³ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. С. 38.

курень начинает быстро делиться на отдельные двory (хутора), по большей мере сохраняя прежнюю куренную казачью общность. Безусловно, курень черноморских казаков в этимологическом плане сильно отличается от куреня донских казаков, у которых он означает «квадратный казачий дом с четырёхскатной крышей»¹.

Под категорией «курень» известный историк-кавказовед XIX в. И.В. Бентковский подразумевал военный пост или резерв, место, где производился сбор местной казачьей рати, или же мобилизация всего казачьего войска. Курень также толковался исследователем как прибежище бездомных казаков. Кроме того, И.В. Бентковский выводил значение понятия «курень» от монгольского слова «кюре», то есть военной ставки или местопребывания военачальника. Около такой военной ставки всегда группировалось подвижное селение, что вместе со ставкой составляло стан, от которого впоследствии и произошло слово «станция». Малороссийские казаки свои становища (селения), как подчёркивает И.В. Бентковский «называли *куреньями*», а вот казаки, являвшиеся выходцами «из великорусского племени» «величали свои становища городками»². Тем самым, следуя этой логике, курени черноморских казаков приравниваются к городкам донских казаков.

У категории «курень» обнаруживаются достаточно глубокие исторические корни, к примеру, у половцев (кипчаков) «курень» означал объединение нескольких, в основном патриархальных, родственных семей, хотя, по сути своей, такое объединение являлось аналогичным большесемейным общинам земледельческих народов, называемых, скажем, в русских летописях «родами»³. Тем самым, категория «курень» вроде бы ассоциируется с понятием «род», но для казаков курень не представляет собой лишь кровнородственную общность, ибо коммуникационные связи в курене выстраиваются не только на

---

¹ Большой толковый словарь донского казачества: около 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М., 2003. С. 252.

² Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черноморья с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Издан[ие] 1881 года. Екатеринодар, 1881. С. 44–45. Паг.

³ Плетнёва С.А. Половцы. М., 2010. С. 53.

прямом родстве его членов, но и на сочетании старинных казачьих традиций односумства, кумовства, куначества, соседства, землячества. Более того, в социальной практике у донцов курень воспринимается также как жилой дом с подворьем. Итак, получается, что курень существует в рамках сохранения патриархальных традиций, кровнородственных связей, задружно-общинных отношений в поселенческом пространстве казачьего региона.

Истолкование исторического смысла категории «курень» часто приводит исследователей к военно-организационным интерпретациям, когда курень трактуется как боевая единица, что мы уже отмечали у И.Д. Попко. Несколько отличающееся толкование даёт арабский учёный Рашид ад-Дин, обративший внимание на воинские приёмы дружин Древней Руси. Как писал восточный наблюдатель, при необходимой остановке в боевом походе русские воины устанавливали свои телеги кольцом вокруг временного лагеря для надёжности его защиты в случае внезапного нападения противника, и такое устройство военной стоянки называлось у русских «курёнём»¹.

Известный кубанский географ, педагог и организатор образования конца XIX – первой трети XX вв. Л.Я. Апостолов (1865–1932) в своём главном научном труде «Географический очерк Кубанской области» (1897) показывает черноморские курени в их исторической динамике: «Все курени существуют теперь в виде огромных станиц, но каковы они были в первое время, это трудно себе и представить. Вместо домов были землянки и мазанки, лишённые самых элементарных удобств, и даже церкви были под камышовой крышей»². Тем самым, для кубанского исследователя Л.Я. Апостола курень выступает как развивающаяся поселенческая структура, эволюционировавшая от примитивного селения с простыми строениями до огромной кубанской станицы, ставшей настоящим казачьим курёнём.

Истолкование значения категории повседневности «курень» как имени нарицательного, о чём шла речь выше, уступает по объёму и множественности

---

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 165.

² Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Репринт изд. (1897 г.). Краснодар, 2010. С. 234–235.

прочтений куреню как имени собственному. Историк Д.И. Эварницкий обратил внимание на топонимическую тенденцию в названии куреней: «Оставаясь же на Низу, они [казаки. – *авт.*] мало-по-малу складывались в отдельные и небольшие группы, общины или курени, представлявшие на первых порах своего рода землячества: курень батурицкий, т.-е. община земляков, вышедших из Батурина; курень каневский, т.-е. община земляков, вышедших из Канева; то же нужно сказать о куренях крыловском, переяславском, полтавском, уманском, корсунском, калниболотском, стеблиевском, донском и других. Из мелких групп или куреней составилась потом большая единица общины, так называемый «вельможный Кош славных низовых козаков». Этот Кош составляли люди всевозможных народностей, не исключая даже татар и турок, но преобладающий элемент составляли южноруссы из ближайших к запорожским степям поднепровских городов Черкас, Канева, Крылова, Киева и других мест»¹. Иначе говоря, многие курени будущего Черноморского казачьего войска (а их традиционно насчитывают 38, два возникли уже на Кубани) получили имя собственное, происходившее производным образом от названий конкретных населённых пунктов. Причём одновременно Д.И. Эварницкий под куренём понимал казачью общину, когда группа переселенцев из определённой местности на новом месте сплачивалась в монолитный коллектив, создаваемый по земляческому принципу. А вот топонимические аспекты образования куреней у черноморских казаков детально анализирует С.В. Самовтор в своей статье «Этнические аспекты топонимики Краснодарского края»².

Заметим, что жеребьёвка как старинная казачья процедура решения сложных вопросов, увы, не помогла расселению, а, главное, закреплению 40 куреней черноморских казаков на территории Правобережья Кубани. Причём, если план куренного селения удавалось проработать очень детально, и это подтверждается многими историческими источниками, то местá расположения куреней указывались очень и очень приблизительно. Поэтому редко какой курень

---

¹ Эварницкий (Яворницкий) Д.И. История запорожских козаков. СПб., 1895. Т. 2. С. 63.

² Самовтор С.В. Этнические аспекты топонимики Краснодарского края. URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-15653.html> (дата обращения 08.03.2023).

смог остаться на первоначально определённом ему месте, хотя преобладающее число куреней селились уже на частично освоенных территориях, где первопроходцы из числа черноморских казаков уже создали первичную инфраструктуру, образовали казачьи слободки.

Несмотря на административно-управленческую замену куреней станицами к середине XIX в., понятие «курень» не исчезло, не стало вторичным фактом исторической памяти: оно и сегодня достаточно широко используется в исследовательской практике, в публично-правовом поле, краеведении, публицистике и иных контентях.

Под заимкой следует понимать старинный способ приобретения собственности на землю, обусловленный присвоением бесхозных, свободных (находящихся на отдалении от освоенных) земель по праву первопоселения и первовладения; манеру освоения первовладельцем захваченных земельных участков по собственному разумению и метод закрепления за появившимся собственником земельных угодий с самостоятельным установлением границ («с нравом вольной заимки»)¹. Это условное вольное землепользование, предоставляемое и отчасти гарантированное государством (которое первоначально путём землеотведения обеспечило переселенцев землями в целом), для черноморских казаков приобретало особую форму владения земельным участком. Подчеркнём, владения, во-первых, срочного (полученного по разрешению и принятого сразу к использованию данного диспозитивного права), во-вторых, пожизненного (казак рассчитывал на владение свободно приобретённым земельным участком на всю свою жизнь), в-третьих, потомственного (черноморцы стремились любыми путями закрепить за собой полученную землю и непременно передать владение ею своему потомству). Фактически с превращением первичной заимки в хутор устанавливалось частнокорпоративное право собственности на землю (понятие «старозаимочные земельные участки»), производное от общей государственной собственности, но

---

¹ Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск, 2016. С. 44–45.

статусно оцениваемое казаками гораздо выше. Тем самым, заимка с небольшой жилой застройкой (малым хутором) становилась самостоятельным и официально признаваемым поселением после признания частно-корпоративного права собственности конкретного казака на данный земельный участок, который он уже считал своим пожалованием. Но в обиходе она продолжала называться заимкой, ибо казачье сообщество (курень) публично обозначало земельный участок казака заимкой. В юридическом, делопроизводственном порядке это зачастую оформлялось позднее.

Под зимовниками следует понимать малые хутора (до 2–3 дворов) и отдельные хозяйства, формируемые казаками с экономико-производственными целями для занятия земледелием, скотоводством и сопутствующими промыслами (например, пчеловодством, охотой). Название зимовники получили по своему первоначальному предназначению как места зимовки скота, где хозяйственная активность, как правило, замирала в холодное время года. «Хутар был меньшы, зимовники були, а натуральныи дама ф станицы були»¹, – так рассуждали о былых временах казаки из хутора Усьман (ныне в Багаевском районе Ростовской области). Зимовник состоял «из нескольких жилых, хозяйственных построек и помещений для содержания скота. У запорожцев [в Сечи] жили так называемые зимовные казаки (гнездюки, сидни), обычно семейные. Они в основном занимались сельским хозяйством и кормили Сечь, на войну привлекались лишь в исключительных случаях»².

Слово «кош» в качестве научной категории имеет множество значений. Прежде всего, *кошем* на Кубани называли стоянку в поле во время проведения сельскохозяйственных работ, временное пристанище для людей и скота. Внешний вид этого временного строения на открытом степном пространстве по большей мере зависел от пределов восприятия временного характера стояночного места, степени хозяйственного мастерства, уровня человеческой изобретательности и наличия, образно говоря, под рукой у создателей коша

---

¹ Большой толковый словарь донского казачества: Около 18000 слов и устойчивых словосочетаний. М., 2003. С. 190.

² Казачество. Энциклопедия / редкол.: А.П. Федотов (гл. ред.) и др. М., 2003. С. 127.

тех или иных строительных материалов. А посему обиходных названий у таких сооружений могло быть множество: от шалаша, хибарки и далее, насколько позволяла это сделать языковая фантазия степных обитателей. Как указывает в путевых записках (1594 г.) при посещении Запорожской Сечи австрийский дипломат, военный деятель и путешественник Эрих Ла(я)с(с)ота, с 9 по 18 июня указанного выше года в ожидании гетмана «поместили нас в шалашах (hütten), называемых ими кошами (Koszen), которые сделаны из хвороста и покрыты, для защиты от дождя, лошадиными кожами»¹.

Историк запорожского казачества Д.И. Эварницкий объясняет слово «кош» следующим образом: «Кочуя зиму и лето по степи, запорожские казаки, для защиты пастухов от холодных ветров и дурной погоды, употребляли коши; коши эти подобились палаткам; они обшиты были вокруг полстями [войлочными коврами. – *авт.*], и, для удобства передвижения с места на место, устроены были на двух колёсах; в середине их делалась кабыця [очаг. – *авт.*] для огня, у которой грелись и просушивались от непогоды пастухи»².

У донских казаков, которые во множестве переселялись на Кубань, кошом также называли меру зерна, скажем, вёшенские казаки так и говорили: «Прадай кош зирна»³. У запорожских казаков кошом считалось место их постоянного пребывания (лагерь, община), и этим же словом именовался войсковой орган управления во главе с кошевым атаманом («вельможный кош славных запорожских низовых казаков») ⁴. На кош, как на сохранившуюся, неотъемлемую и главную часть (феодалную воеводу) старинного сечевого устройства при переселении запорожцев на Кубань, просуществовавшую вплоть до появления в Черноморском войске казачьих полков, указывает в своём обстоятельном исследовании И.Д. Попко⁵.

---

¹ Лассота Э. Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / пер. с нем. и примеч. Ф. Бруна. СПб., 1873. С. 31.

² Эварницкий (Яворницкий) Д.И. История запорожских козаков. СПб., 1892. Т. 1. С. 80.

³ Большой толковый словарь донского казачества: Около 18000 слов и устойчивых словосочетаний. М., 2003. С. 238.

⁴ Казачество. Энциклопедия / редкол.: А.П. Федотов (гл. ред.) и др. М., 2003. С. 170.

⁵ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. СПб., 1858. С. 117.

«Кошем называлась, – пишет Д.И. Эварницкий, – по заимствованию от татар и главная квартира запорожского войска, состоявшего из людей неоседлых, готовых всегда переноситься с места на место». Слово «кош» «чаще всего понималось в смысле правительства, иногда в смысле временного места для пребывания козаков, военного лагеря, ставки *etat major* [главного штаба. – *авт.*], даже в смысле козацкого табора, но чаще слова «Кош» и «Сича» ставились одно вместо другого с одинаковым понятием постоянного местопребывания запорожских козаков»¹. Тем самым, речь шла о главном казачьем военном органе управления.

В 1797 г. кошевой атаман (а по сути, первый наказной войсковой атаман, назначенный императором Павлом I) Тимофей Терентьевич Котляревский во многом под воздействием недовольства казаков хлопотал, чтобы получить в Санкт-Петербурге дозволение войсковое правительство «именовать по-прежнему Кошем войска верных черноморских казаков» и заботился о пожаловании войску «бунчука [специального казачьего знамени. – *авт.*] и трости войсковой [атаманского посоха. – *авт.*], поелику сии привилегии² были в войске Запорожском жалованными»³. Атаман, как полагают Ф.А. Щербина и Е.Д. Фелицын, «желал удержать, хотя бы одни внешние черты старого сечевого

---

¹ Эварницкий (Яворницкий) Д.И. История запорожских козаков... Т. I. С. 80.

² Казачьи войсковые регалии (клейноды, то есть драгоценности) – это особые войсковые знаки, выступавшие символами данного казачьего войска, регалиями атаманской власти и атрибутами особого войскового устройства казачьих земель. Они нередко изготавливались из драгоценных материалов. По способу появления в войске являлись историческими или же пожалованными. Каждый из войсковых клейнодов составлял принадлежность какого-либо должностного лица в данном казачьем войске. К числу войсковых регалий Запорожского войска относились: хоругвь (расписанное, расшитое знамя), бунчук (древко с привязанным конским хвостом, обозначающее ставку атамана), булава (вид боевого оружия с короткой ровной рукоятью длиной до 50–80 см с шаровидной головкой), палица (вид боевого оружия, состоящего из рукояти и массивного утолщения на одном конце, делалась из одного фрагмента дерева), серебряная печать (с изображением войскового герба), литавры (несколько разновеликих барабанов с медным корпусом в виде котлообразной чаши), пушки, пернач (разновидность булавы, к головке которой приделывались металлические пластины, напоминающие перья), значки (малые знамёна, флажки) и трости (особые декорированные деревянные палки).

³ Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Сборник кратких сведений о войске / Изданный под ред. действительного члена Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 75.

устройства, чтобы, по крайней мере, они напоминали молодому казачеству о былой автономии его дедов и отцов»¹. Однако, по справедливому замечанию Фёдора Андреевича и Евгения Дмитриевича, центральные российские власти никакой заинтересованности в этом не проявляли, и, более того, по указу императора Павла I прежнее сечевое устройство Черноморского казачьего войска претерпело значительные административные изменения, в том числе, из оборота исчезают некоторые наименования войсковых должностей и учреждений. Теперь вводилась войсковая канцелярия, в составе которой должны были находиться войсковой атаман, два войсковых представительных лица и контролирующий жизнедеятельность войска от имени центральных властей правительственный прокурор.

В ходе одной из встреч с кубанским краеведом Е.А. Диким у нас завязалась дискуссия о значении слова «кош». Поиск нами дополнительной аргументации для обоснования позиции позволил представить развёрнутое авторское описание значения одного из ключевых понятий не только для нашего исследования, но и для черноморских казаков. Вместе с тем, родилась совместная с Е.А. Диким версия в отношении интерпретации выражения «кош зерна».

Раньше богатый казак с чувством хозяйского удовлетворения своими достижениями говорил: «Да у меня полный кош зерна!». В этом случае он подразумевал наполненность буквально до отказа зерном хозяйственной части его усадьбы и самого жилого дома (где также хранили зерно). Получалось, что имеется в хозяйстве полный кош зерна. Под зерном тогда понимали отнюдь не только собственно зерновой продукт, но и его возможные производные. Тем самым, у богатого казака имелось в избытке: 1) мукомольное зерно, предназначенное для помола в течение всего года, ибо хранить большие объёмы муки просто нецелесообразно в силу особенностей сохраняемости этого продовольственного продукта; 2) фуражное зерно, используемое на корм скоту, как в чистом виде, так и с элементами переработки (например, запаривания, дробления

---

¹ Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы / репринт. изд. 1888 г. М., 2007. С. 51.

и пр.); 3) посевное зерно, выступавшее неприкосновенным запасом в хозяйстве, ибо оно служило залогом будущего обильного урожая. Причём, при обмолаоте зерновых снопов ничего не выбрасывалось и после неизбежной обработки зерна, в частности, для корма птицы использовались так называемые осмётки (остатки обмолоченного снопа, которые сметали после отсева цельного зерна). Наличие большого объёма зерна, полный кош зерна свидетельствовали о состоятельности казака. Зерно выступало веской мерой самостоятельности того же кубанского хуторянина, мерой действительного, реального житейского повседневного богатства.

Что же касается собственно меры объёма «кош зерна», то мы полагаем возможным соотнести её со старинной русской мерой сыпучих продуктов, прежде всего, зерна, четверик (26,24 литра), употреблявшейся в нашей стране включительно до 1920-х гг. Как раз четверик зерна по своему объёму помещался в большой плетёной корзине, которую у донцов также называли кошем. А вот как именно отмеряли в случае возникновения такой необходимости «кош зерна» можно только догадываться, ибо наши предки проявляли в этом деле удивительную изобретательность и невероятную практичность.

В 1891 г. в Кубанском казачьем войске окончательно закрепляются только две формы типа казачьих поселений – станица и хутор¹. Однако и после этого понятие «курень» не исчезло из лексического оборота кубанских казаков, и продолжает использоваться в коммеморативных практиках.

Станица – это постоянное казачье поселение, являющееся административным центром для территориально установленного станичного юрта с земельными угодьями и иными населёнными пунктами, объединявшее самостоятельное казачье общество со своим самоуправлением, выступавшее базой для формирования воинского подразделения, сохранявшее самобытный казачий поселенческий уклад. В историческом и пространственном отношении понятие станицы заметно изменяется. Поэтому, подчеркнём, приводимый нами вариант понятия «станица» подходит к историческому периоду начала XX в.

---

¹ Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. [Высочайше утверждённое императором Александром III 3 июня 1891 г.]. СПб., 1901. С. 4.

Смысловая эволюция дефиниции «станция» может быть показана через ключевые признаки понятия: 1) поселенческая структура; 2) административный центр; 3) оформленный станичный юрт; 4) закреплённый земельный клин; 5) самодеятельное казачье общество; 6) развитое местное самоуправление; 7) база для формирования воинского подразделения; 8) самобытный поселенческий уклад. Далее соответственно историческому времени понятие складывается как пазл из присущих признаков станции как дефиниции признаков, которые на данный момент имеют главенствующее значение. При трактовке понятия станции следует упомянуть её передвижной характер, когда станция становилась посольской структурой (легковой, зимовой), временным пристанищем в пути следования казаков (в понимании стана), казачьим объединением при нахождении далеко за пределами поселения (группа казаков определённой станции). Именно на старинную трактовку понятия «станция» ссылается известный исследователь Н.И. Никитин, когда пишет, что «в XVI – XVII вв. «станциями» у казаков назывались не селения, а отряды»¹. «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» акцентирует внимание на станичном обществе: «Станичное общество составляютъ всѣ лица войскового сословія, числящіяся въ станицѣ съ принадлежащими къ ней поселеніями. Росписанія станичныхъ обществъ и измѣненія въ этихъ росписаніяхъ утверждаются Военнымъ Совѣтомъ»².

Понятие «хутор» традиционно употребляется в довольно широком контексте, отчего и смысл его воспринимается по-разному, порой не однозначно. В одном случае, это «обособленный земельный участок с усадьбой владельца», в другом – поселение из нескольких, а то и многих сельскохозяйственных дворов. Рассмотрим существующие варианты интерпретации.

Хутор – это крестьянское обособленное «...нечересполосное владение одного хозяина», объединяющее в себе усадебную, надельную и ненадельную

---

¹ Никитин Н.И. История казачества: аспекты научные и политические. М., 2022. С. 33.

² Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. [Высочайше утверждённое императором Александром III 3 июня 1891 г.]. СПб., 1901. С. 4.

земли», – так трактовался хутор российским политиком и землеустроителем А.А. Кофодом¹.

Среди современных «крестьяноведа» по-прежнему не существует единства в интерпретации дефиниции «хутор». К примеру, историк, академик РАН Л.В. Милов (1929–2007) под хуторской системой южных и украинских районов подразумевал место для хозяйственной деятельности, порождением которой стало крупное скотоводство и коневодство, отрицая при этом пашенное земледелие². Тем самым, хутор Л.В. Милов трактовал, прежде всего, в рамках одного вида хозяйственных занятий, и, судя по всему, не проводил критерияльного разграничения между хутором и зимовником.

Формировался казачий хутор как относительно небольшое хозяйственное поселение, но гораздо чаще, чем в центральной России, он состоял минимум из нескольких домовладений, и даже по сравнительной численности домовладений, особенно к концу XIX – началу XX вв., казачий хутор явно превосходил крестьянскую деревню. Во фрагменте своих воспоминаний о Первом Кубанском (Ледяном) походе (проходившем с 11 февраля по март 1918 г.) А.П. Богаевский, тогда генерал-майор, командовавший Алексеевским партизанским полком Добровольческой Армии, зафиксировал свои впечатления о кубанском хуторе. Известный деятель Белого движения писал: «На Кубани слово «хутор» часто не соответствует представлению о чём-то маленьком, о незначительном посёлке: иногда это огромное селение, растянутое по речке на десяток вёрст (мы как-то ночевали в таком хуторе, который тянулся на 15 вёрст)»³.

Более того, в казачьих землях хутор в исторически сложившейся смысловой перспективе приобретал несколько иное значение, нежели где-либо в Цен-

---

¹ Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб., 1907. С. 4; Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод. М., 2003. С. 138.

² Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 247.

³ Богаевский А.П. Воспоминания генерала А.П. Богаевского: 1918 г.: Ледяной поход. Нью-Йорк, 1963. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/bogaevsky_ap/index.html (дата обращения: 12.01.2023).

тральной России. Хуторская форма поселения неизбежно формировала и хуторскую ментальность. Многочисленные хутора как раз и способствовали сплочению сообществ казаков, как это не удивительно звучит.

Итак, казачий хутор – «это социально-экономическая и поселенческая структура казаков, отличающаяся способами ведения хозяйственной деятельности и организации системы землепользования, наличием территориального общественного самоуправления (обусловленного местными традициями), обустройством повседневного быта и архетипичными чертами культуры хуторян, ноосферным формированием эколого-природной среды обитания, преимущественными моделями экономического поведения и характерной ментальностью жителей»¹. В этом случае используется 9 критериев для определения понятия. Из них три (организация системы землепользования, территориальное общественное самоуправление, ментальность жителей), на наш взгляд, отличают казачий хутор от крестьянского хутора.

Составной частью теоретико-методологических основ диссертационного исследования выступают адекватные методики работы с источниками, например, в отборе архивного материала, и здесь мы обращаемся к самостоятельному сюжету об индивидуальной творческой лаборатории автора, что, очевидно, требует отдельного изложения и мультимедийной презентации с пояснениями диссертанта. Тем не менее, отметим использование нами авторских методик контент-анализа, но не в традиционных его количественных измерениях, а в качественных характеристиках текстовых массивов: поиске исторических смыслов, логически вытекающих подтекстов, неизбежных интерпретационных коллизий, особенностей изложения исторических фактов, текстовых парадоксов, параллельных трактовок в разных текстах одних и тех же исторических событий и явлений.

Таким образом, при написании диссертации мы основывались на мультипарадигмальном подходе к теоретико-методологическим основам исторического анализа с целью выбора наиболее приемлемых концептов для изучения

---

¹ Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск, 2016. С. 27.

разрабатываемых направлений в осмыслении объекта и предмета исследования. Это нам позволило, в том числе, представить авторскую концепцию исторических поселений, формирующую в диссертационном исследовательском поле историко-пространственную парадигму «казачий мир Кубани». Также мы детально изложили собственное понимание методов исследования и описание областей их применения в рамках диссертационного текста. В диссертации используется соответствующий заявленной тематике категориально-понятийный аппарат в его авторской интерпретации. Кроме того, привлекались адекватные методики исследовательской работы с информационным контентом, в том числе, цифровые технологии в источниковедческом поиске. Все перечисленные выше сциентистские положения составили теоретико-методологическую базу исследования, обеспечившую достижение заявленной во введении цели диссертационной работы и решение в полном объёме поставленных в её рамках задач научного поиска.

2. ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ, РАССЕЛЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕРНОМОРСКИХ И ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

2.1. Межевание земель и поземельные отношения на территории исторического региона Кубани

Казачество как постоянное, военизированное, оседлое население края появляется в историческом регионе Кубани сразу после окончания русско-турецкой войны 1787–1791 гг. между Российской и Османской империями. По итогам успешной для России войны стороны заключают 29 декабря 1791 г. (9 января 1792) г. Ясский мирный договор, подписанный ими в городе Яссы в Молдавском княжестве (ныне территория Румынии). Благоприятный для России договор закрепил за нашей страной всё Северное Причерноморье вместе с Крымом. На Кавказе, согласно статье 6 вышеназванного договора, между давними историческими противниками восстанавливалась прежняя граница по руслу реки Кубань. Турция отказывалась от своих претензий на Грузию и принимала на себя всеобъемлющие обязательства «к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих», от любых посягательств на земли и население, проживающее по Правобережью Кубани, вплоть до материального возмещения России убытков от возможных нападений. Россия получила новые территории по Правобережью Кубани и Таманский полуостров, и для окончательного закрепления территориальных приобретений руководство страны приняло решение заселить эти земли казаками и упрочить границу путём сооружения кордонных линий.

В 1792 г. императрица Екатерина II жалованной грамотой даровала новые земли, названные «Черноморией», «в вечное владение» Черноморскому казачьему войску, созданному в 1787 г. из числа казаков Запорожской Сечи. Территориально Черномория покрывала в административном отношении будущие Ейский, Кавказский, Темрюкский и часть Екатеринодарского отдела будущей Кубанской области. Черномория занимала собой западную половину

Прикубанской степной полосы Кубанской области, прилегающей к Азовскому и Чёрному морям, на пространстве и в границах земель по правую сторону реки Кубани, между её устьями, Усть-Лабинским редутом, Азовским морем и Ейским городком.

С 1792 г. в целях надёжной защиты границ Российской империи начинается активное строительство Черноморской кордонной линии, пролежавшей от Тамани до Екатеринодара («дара Екатерины»), основанного как крепость в 1792 г. и тогда не имевшего ключевого значения для новых земель. С 1794 г. развёртывается строительство Кубанской кордонной линии, представлявшей собой, как и Черноморская, ряд укреплений (постов, батарей и пикетов), выстроенных по правому берегу реки Кубань¹.

Обособление земель Черноморского казачьего войска, дарованных ему «в вечное владение», требовало проведения размежевания с соседними административно-территориальными образованиями Российской империи. К ним относились: Екатеринославская губерния, Таврическая губерния и Кавказская область Астраханской губернии (бывшее Кавказское наместничество, хотя в то время политико-административное его неоднократно изменялось). Указом российской императрицы Екатерины II 30 июня 1792 г. всё северо-западное равнинное пространство, полуостров Тамань и земли, расположенные между Чёрным и Азовским морями, по реке Ея и вплоть до Усть-Лабинского редута передавались для заселения и пограничной охраны Черноморскому казачьему войску и образовывали границу войсковой земли.

В рескрипте императрицы Екатерины II светлейшему князю Г.А. Потёмкину Таврическому о распоряжении относительно разных селений Екатеринославской области и отвода на полуострове Тамань земель казакам-запорожцам подчёркивалось: «Приемлем за благо подполковника Сидора Белого и прочих старшин бывшего войска Запорожского, и соизволяем, чтоб вы им наше монаршее благоволение объявили: а что касается до просьбы и желания, нахо-

---

¹ РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 302. Л. 1–3.

дившихся в помянутом войске, чтоб им отвесь для поселения земли в Керченском куту или на полуострове Тамане, сие весьма полезное дело вы можете распорядиться по лучшему усмотрению, распространяя дозволение тут селиться и прочим, из-за границы к ним присовокупиться хотящим, ровно как и находящимся в неприятельской стороне»¹. Тем самым, императрица Екатерина II допускала возможность поселения казаков в районе Керчи, но, прежде всего, её интересовало, как показывают дальнейшие события, заселение земель Правобережья Кубани.

Казаки, осваивая новую территорию Кубани, занимались больше скотоводством, чем хлебопашеством, а скотоводство, в общем-то, не требовало точного разграничения земель, поэтому для казаков главным являлось наличие больших земельных пространств, а не установление их границ. И хотя Черноморское казачье войско имело жалованную грамоту императрицы Екатерины II на отведённые ему земли, но точного указания границ в документе не фиксировалось. В грамоте, подписанной 30 июля 1792 г., в отношении границ отмечалось, что пожаловали войску Черноморскому «в вечное владение состоящий в области Таврической Остров Фанагорию со всею землёю, лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ея к Усть-Лабинскому Редуту так, чтобы, с одной стороны, Река Кубань, с другой же, Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли, с прочих же сторон разграничение указали Мы сделать Генерал-губернатору Кавказскому и Губернаторам Екатеринославскому и Таврическому чрез землемерение с Депутатами от войска Донского и Черноморского»².

В предшествовавшем жалованной грамоте императорском Указе Правительствующему Сенату зафиксировано: «Мы жаловали войску в вечное владение состоящей в области Таврической остров Фанагорию, с землёю между р. Кубани и Азовским морем, лежащею к пространству от Фанагории по морю

---

¹ Подписанный Екатериной II Рескрипт 14 января 1788 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 22. СПб., 1880. С. 468.

² Подписанный Екатериной II Рескрипт 14 января 1788 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1880. Т. 22. С. 468.

до Ейского городка, по реке же приближающего к устью Лабы – мы предоставляем дальнейшее от Ейского городка к устью Лабы разграничение учинить смежные губернии Кавказской генерал-губернатору, чрез губернских землемеров с депутатами от войска Донского и Черноморского и по исполнении представить в Сенат карту с обозначением границ»¹. Это последнее обстоятельство послужило поводом к возникновению споров об установлении границы от Ейского городка, находящегося в устье реки Ея, до устья реки Лабы (левого притока реки Кубань). Войсковое правительство пыталось провести границу так, чтобы в пределы войсковой земли вошли степи, лежащие к востоку от Ейского городка.

Замысел войсковых чиновников удался, и, действительно, межевую границу провели от Ейского городка не на юго-восток к устью реки Лабы, а на восток по реке Ея на 75 вёрст до впадения в неё правого притока, реки Куго-Ея. После принятия такого решения донские депутаты заявили, что дальше на восток по реке Куго-Ея они не желают проводить межу, поскольку Войску Донскому назначена земля за этой речкой. В результате процесс межевания оказался приостановлен до его рассмотрения имперскими властями. Также спор возник у межевателей по поводу того, где проводить межу на востоке: в самом устье реки Лабы, или же к западу от реки. 6 мая 1793 г. Кавказский генерал-губернатор И.В. Гудович сообщил правителю Таврической области С.С. Жегулину об особо данном ему повелении, согласно которому по одобренному в российской столице плану предложено построить Усть-Лабинскую крепость напротив устья реки Лабы. Более того, в 12 верстах вниз по Кубани запланирована постройка редута Воронежский, поэтому окончание границы земель Войску Черноморскому пожалованных должно быть не при самом устье реки Лабы, а ниже Воронежского редута, в 4 верстах по реке Кубани.

---

¹ Указ правительствующего Сената о пожаловании казакам Черноморского войска острова Фанагорию. Переписка по разграничению земель между Кавказским наместничеством и Черноморским войском. Копия // ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–4.

В полевом журнале, согласно записи, датированной 12 августа 1793 г., депутаты единогласно постановили провести межу между Таврической губернией с Екатеринославским наместничеством от южного пункта при устье реки Ея вверх до земли смежной губернии. Когда межевые работы дошли до устья реки Сосыка, впадающей левым притоком в реку Ея, то депутаты от Войска Донского полковник Голов и премьер-майор Щедров объявили, что по правому берегу реки Ея в месте впадения в неё реки Сосыка есть земли, просимые их Войском, а потому они потребовали не размежевывать её Черноморскому войску, то есть не проводить в этом месте межевую границу. Но обозначенная земля была только просимая, но не отданная Войску Донского, поэтому межа прошла дальше вверх по реке Ея до устья реки Куго-Ея, правого притока Еи, или малой Еи. Тогда депутаты от Кавказского наместничества объявили, что отсюда межа должна идти вверх против течения малой Еи и оканчиваться в 18 верстах (ныне это расстояние 19 км, 202 м) ниже устья реки Лабы по реке Кубань. Депутаты от Черноморского войска просили провести границу ещё на 40 вёрст вверх по реке Куго-Ея и уже оттуда повернуть в сторону устья реки Усть-Лаба, как предметно сказано в жалованной грамоте российской императрицы Екатерины II¹.

Кошевой атаман войска верных казаков Черноморских, бригадир З.А. Чепега командировал примерно в конце 1793 г. – начале 1794 г. в Петербург к Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору, графу П.А. Зубову секунд-майора К. Кордовского с письмом, в котором просил дать Войску степной земли, поскольку «на Фаногории горы, а у моря болота». Хотя тут же, как писал кошевой атаман, «рыба, горилка и часть соли есть, и есть, к сему ещё надобень на закуску хлеб и скотоводство, дабы войско могло себе поисправить к государевой службе всем потребным»². Главам российских провинций П.А. Зубов по существу приказал 21 января 1794 г. провести границу по соглашению этих начальствующих лиц таким образом, чтобы просьба уважаемого кошевого атамана оказалась удовлетворена. В начальственном послании

---

¹ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 49.

² ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 49.

графа П.А. Зубова Кавказскому генерал-губернатору И.А. Гудовичу подробно описана граница земли Черноморского казачьего войска с Кавказским наместничеством. Впоследствии назначенную графом П.А. Зубовым границу изменили по соглашению с генерал-губернатором И.А. Гудовичем. Причём, удалось соблюсти материальные выгоды в наделении землёй крепости Усть-Лабинской и поселённых при ней донских казаков, с одной стороны, и Черноморского казачьего войска, с другой стороны.

В 1795 г. проводится чёткое разграничение пожалованных Черноморскому казачьему войску земель с землями Кавказского наместничества без всяких лишних споров по назначенным И.А. Гудовичем межам с согласия Екатеринославского и Таврического, Вознесенского генерал-губернатора П.А. Зубова. В обозначенном виде граница Черноморского казачьего войска оставалась неизменной вплоть до 1819 г.

16 июня 1795 г. началось проведение межевой границы Черноморского казачьего войска в присутствии группы депутатов, наделённых необходимыми полномочиями Войсковым Правлением. В эту группу назначенных от черноморцев полномочных представителей входили: премьер-майор Мокий Гулик, секунд-майор Константин Кордовский, капитан Семён Письменный и поручик Степан Порывай. Следует особо отметить основательную подготовку к решению межевых вопросов премьер-майора Мокия Гулика. Он с небольшим отрядом казаков ещё за год до предстоящего переселения черноморских казаков на кубанские земли, в 1791 г. прибыл «для обозрения и занятия высочайше дарованной земли»¹. В итоге плодотворного взаимодействия землемеров и депутатов межевую границу Черноморского казачьего войска провели в период с 16 июня по 5 июля 1795 г. на протяжении 186 вёрст, и она примыкала к меже Войска Донского, утверждённой генерал-поручиком Н.М. Бердяевым в сентябре 1794 г.

---

¹ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Издан[ие] 1881 года. Екатеринодар, 1881. С. 96. Паг.

Таким образом, межевание земель, принадлежащих Черноморскому казачьему войску, завершилось установлением точных административных границ с соседними российскими провинциями. С северной стороны Черноморское казачье войско граничило с Екатеринославской губернией и землями Войска Донского. С восточной стороны Черноморья соседствовала с Кавказской губернией. С западной стороны граница Войска проходила по побережью Азовского и Чёрного морей. С южной стороны граница Черноморского казачьего войска пролегла по реке Кубань, но межевания казачьих земель с землями, принадлежавшими черкесам, здесь не проводилось, и к решению этой немаловажной проблемы обратились значительно позже.

Проведение межевания войсковых земель долгое время в Черноморском казачьем войске не воспринималось как актуальная управленческая задача, как потребность для каждого казака определить чёткие условия землевладения. Каждый член войсковой семьи, как чиновный, так и простой, мог пользоваться землёй по мере надобности, и экономическая состоятельность казака не влияла кардинальным образом на возможности его землепользования¹. Это патриархальное правило черноморцы принесли с собой на Кубань из Запорожской Сечи, где сохранялось относительное казачье равенство, где военные чины имели значение выборных должностей.

И при дальнейшем заселении края в начале XIX в. решили размещать переселенцев по старым куреням Черноморского казачьего войска. Как утверждал Ф.А. Щербина, для размежевания земель у Войска не имелось ни средств, ни людей, и само размежевание могло затянуться на многие годы². При таких подходах детализация условий землевладения, чёткое фиксирование размеров земельных участков, определение порядка пользования войсковой землёй, установление межевых правил не ставились в разряд первоочередных задач войсковой администрации, не сразу пришло осознание потребности осуществления повсеместного межевания войсковых земель.

---

¹ Федина И.М. Межевание и землеустройство войсковых земель Черноморских казаков в конце XVIII – начале XIX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: Сб. статей, Москва, 25 октября 2019 г. М., 2020. С. 47.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 53.

Когда же оседлая жизнь в Черноморском казачьем войске более или менее наладилась, население войска увеличилось и обжилось, тогда и стало очевидно, какой бесконечный простор земельному произволу и неограниченному насилию открывал пробел в позитивном праве, что таило в себе отсутствие должного правового регулирования поземельных отношений и упование на соблюдение старинного казачьего правила в землепользовании. Это правило собственно и закреплялось в жалованной грамоте российской императрицы Екатерины II, главный постулат которой фиксировал все земли в качестве собственности всего Черноморского казачьего войска, и каждый казак получал право свободной заимки такой земельной площади, какую он мог обработать. На деле это означало исходные привилегии, прежде всего, для лиц, имеющих собственный живой и мёртвый инвентарь, поскольку они могли активно развивать своё хозяйство. Сиррома (казачья беднота), числившаяся в куренных селениях, оказывалась не в состоянии воспользоваться преимуществами казачьего сословия.

Рубежным региональным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы землевладения и землепользования, стал «Порядок общей пользы», составленный в 1794 г. и определявший внутреннее устройство Черноморского казачьего войска.

В параграфе 19 «Порядка общей пользы» дозволялось «старшинам и казакам во всю недавно кончившуюся с Портою Оттоманскою войну за веру, Отечество и сию землю действительно лично служившим, кровь проливавшим и тем вольность приобретшим, за их труды и подвиги, в городах и селениях, по желанию их, иметь собственные свои дворы, а в степи хутора и мельницы; при тех дворах, хуторах и мельницах заводить леса, сады, винограды, хлебопашество, скотоводство, а на приморских косах и других удобных местах рыболовные заводы»¹. Тем самым, в параграфе 19 провозглашалось занятие пустых земель (заимка) правом экономически сильных казаков, а заимочная

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 2.

форма землепользования (естественно, с водворением хутора) просуществовала почти три четверти века. По мере формирования кубанских поселений появилась надобность в разграничении поземельного довольствия. Но существовал такой порядок, когда все желающие казаки могли запросить у Войскового правительства разрешение («открытые листы») на заимку пустопорожного места, и, соответственно, легализовать свою заимку, если она уже рассмотрена предприимчивым казаком.

До 1842 г. Войсковое правительство не предпринимало попыток регулировать земельные порядки. Однако самозахваты значительных массивов юртовых земель чиновниками, увеличение числа землепользователей приводили к сокращению земельного фонда юртов, а это потребовало нормативного регулирования. В «Положении о Черноморском казачьем войске», принятом 1 июля 1842 г., регламентировались вопросы военного и гражданского устройства Войска. В документе отмечалось: «Черноморское казачье войско занимает всё пространство земель, лежащих между восточным берегом Азовского и частью Чёрного морей, Екатеринославской губернией, войском Донским, Кавказской областью и горскими жителями, от коих оно отделяется речкою Кубанью. Все земли, принадлежащие Черноморскому казачьему войску, распределяются сообразно надобностям войска»¹. Согласно Положению, устанавливался порядок землепользования, базирующийся на алгоритмах решения земельных вопросов в «Положении об управлении Донского Войска» 1835 г., но основная масса населения Черноморского казачьего войска об этом ничего не знала и никакого понятия о документе не имела. Порядок землепользования, воспринятый из «Положения об управлении Донского Войска» 1835 г., заключался в том, что всё пространство общественного земельного владения (юрта) распределялось на отдельные клинья: пахотный, сенокосный, выгонный, под огороды и т.п. Такой порядок характерен для великорусского общинного быта. Выгоды от его внедрения, во-первых, заключались в достижении

---

¹ Положение о Черноморском казачьем войске. СПб., 1842. С. 6.

уравнительности в размере земельного довольствия между всеми равноправными пользователями. Во-вторых, при чернозёмном составе почвы, при значительном развитии скотоводства и отсутствии удобрений, истощённая продолжительными распашками земля могла восстанавливаться за счёт выгона на поля скота. В-третьих, всякие культурные улучшения и аграрные усовершенствования могли быстрее вводиться и распространяться в среде сельского населения, поскольку пахари работали рядом на выделенных земельных участках и могли брать друг с друга пример.

Развёртывание межевых работ потребовало создания специализированной инстанции для их осуществления, в качестве которой войсковые власти определили межевую комиссию, для чего решили разработать нормативный акт, фиксирующий сферу её компетенции и порядок функционирования. В январе 1843 г. комитет по составлению проекта Положения о межевой комиссии представил проект об учреждении в Войске Черноморском межевой комиссии. О готовности проекта было доложено рапортом Наказному войсковому атаману, генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому. Составители проекта взяли за основу «Положение о размежевании земель Войска Донского»¹, опубликованное 4 сентября 1835 г. Кроме того, существовали Правила «О земельных довольствиях в Донском войске», утверждённые 26 мая 1835 г. российским императором Николаем I, которые детально определяли земельное устройство Войска Донского. Размер станичных юртовых земельных наделов устанавливался высочайше утверждённым 28 мая 1835 г. мнением Государственного Совета «Об улучшениях в Земле войска Донского юртовых довольствий и о наделении помещичьих крестьян землями». Сословное землевладение на Дону окончательно закреплялось Высочайшим указом от 9 декабря 1840 г., в котором говорилось: «Воспретить всем лицам, не принадлежащим казачьему сословию, постройку и покупку в войске Донском домов и приобретение помещичьих угодий»². Этот пакет нормативно-правовых документов,

---

¹ Высочайше утверждённое Положение о размежевании земель войска Донского, опубликованное 4 сентября // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. X. Отд. I. 1835. СПб., 1856. Ст. 8356.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XV. Отд. I. 1840. СПб., 1841. Ст. 14031.

разработанный для урегулирования поземельных отношений в Войске Донском, пригодился при подготовке правоприменительных актов в Черноморском казачьем войске.

12 апреля 1847 г. учреждается Межевая комиссия для определения на месте границ войсковых земель и внутреннего размежевания. Межевая комиссия Черноморского казачьего войска предложила разграничить не только земли станичных юртов, но и определить земельные участки для войсковых надобностей. Однако с самого начала своей работы Межевая комиссия столкнулась с трудностями кадрово-организационного порядка, поскольку в Черноморском казачьем войске людей предметно знакомых с межевым делом не нашлось, поэтому Войсковое правительство отправило несколько молодых людей на обучение межевому делу в школу межевиков в Тифлисе.

Большое внимание поземельным отношениям уделял генерал-майор Г.А. Рашпиль (1801–1871). После прибытия в Черноморию весной 1841 г. в качестве начальника штаба Черноморского казачьего войска и до утверждения его в этой должности 3 ноября 1842 г., он назначается председателем временного комитета по составлению проекта Положения о межевой комиссии¹. Это обстоятельство заставило его сосредоточить своё внимание на сложившемся положении дел в казачьем землепользовании. Детально вникнув в реальную ситуацию поземельных отношений, Г.А. Рашпиль отмечал, что от «неопределённости прав землевладения и по милости широкого самоуправления произошло крайнее нарушение равновесия в пользовании войсковою (общинною) землею между хуторами и станицами. Притеснённые станичники беднели, плохо снаряжались на службу, пускались в конокрадство и, что всего несообразнее, относились к своим чиновным хуторянам с такими чувствами, каким не следует быть между начальствующими и подчинёнными»².

---

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1177. Л. 5.

² Фелицын Е.Д. Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьего войск. 1788–1888 // Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг. Воронеж, 1888. С. 316–317.

В параграфе 67 «Положения о межевой комиссии Черноморского казачьего войска» в качестве главных задач межевания земель обозначалось уравнивание поземельных долей в угодьях между всеми станицами и проведение обмежевания всей войсковой земли. Однако последствия проведения повсеместного межевания в Черноморском казачьем войске оценивались неоднозначно. Как замечал Е.Д. Фелицын, со временем «межевание разрушит крупное скотоводство и коневодство, и это отзовется весьма невыгодно в глубокой России, что межевание даст возможность распространиться по степи землепашеству, тогда как назначение степи совсем не земледельческое, а пастушеское, потеснив конские табуны, оставит казаков без лошадей»¹. А такая перспектива для казаков считалась неприемлемой.

12 (25) апреля 1847 г. утверждается «Положение о размежевании земель Черноморского казачьего войска». В приказах по Черноморскому казачьему войску за 1847–1848 гг. об этом событии сохранилась запись под № 23. Но только 1 января 1848 г. приступила к работе в г. Екатеринодаре Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Председателем Межевой комиссии назначили подполковника Генерального штаба по корпусу топографов Петра Васильевича Немировича-Данченко².

Как свидетельствует отзыв Войскового Правления Черноморского войска в Межевую комиссию от 29 февраля 1848 г. за № 1948³, карта земли, принадлежащей войску, высланная представителю комиссии 26 января составлена достаточно давно, как минимум 25 лет назад, ещё по распоряжению Новороссийского генерал-губернатора, генерала от инфантерии, графа Александра Фёдоровича Ланжерона, управлявшего губернией в 1815–1823 гг. Более того, внутреннее распределение земельных угодий по станичным юртам и отвод земельных участков для различных войсковых надобностей на тот момент оставались практически не решённой задачей.

---

¹ Фелицын Е.Д. Кошечья, войсковые и наказные атаманы... С. 316–317.

² ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 176. Л. 9–10.

³ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 50.

Император Николай I утвердил основополагающее «Положение о Черноморском казачьем Войске» (вступило в силу с 1 июля 1842 г.) и, соответственно, подтвердил заслуженные права казаков-черноморцев на занимаемую ими землю¹. При Николае I начинает издаваться Свод военных постановлений (сокращённо: Св. воен. пост.), третья часть которого в завершённой редакции посвящается иррегулярным войскам и состоит из трёх книг: книга IX. Устройство и состав казачьих войск и их управлений; книга X. Служба в казачьих войсках. Права и преимущества, сим войскам присвоенные; книга XI. Хозяйство казачьих войск.

На основе этого нормативно-правового акта Межевая комиссия Черноморского казачьего войска произвела распределение и отводы земель по двум категориям: 1) для станичных обществ и 2) для войсковых надобностей. Согласно пункту 27 «Положения», земли, отводимые для станичных обществ, делились на две части: 1) земли станичных юртов; 2) земельные участки, прирезавшиеся к мукомольным мельницам².

Наделение станичных обществ Черноморского казачьего войска юртовыми земельными дольствиями производилось по числу душ мужского пола, составлявших народонаселение станицы. Численность станичного населения определяли на основании пункта 18 «Положения о размежевании земель Черноморского казачьего войска» на момент начала работы межевой комиссии. К станичному населению относили: чиновников, лиц из священно- и церковно-служительских причтов, казаков, инородцев и малолетних детей.

В статье «Деятельность землемеров на земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в.» Л.Г. Степанова отмечает: «Разграничением земли Черноморского казачьего войска и её разбивкой под поселения и округа занимались землемеры, имеющие опыт межевания других регионов, обладавшие практическими навыками измерения земли и установления межи, умением со-

---

¹ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

² ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

ставлять карты и планы местности, собирать сведения для экономических примечаний к планам»¹. Своих землемеров из числа казаков в Черноморском казачьем войске долгое время не имелось, поэтому назначались и работали землемеры из других российских провинций.

В 1847 г. после окончания топографической съёмки территории всей Черномории, на основе утверждённого 12 апреля 1847 г. «Положения о размежевании земель Черноморского казачьего войска» начинается обобщение полученной информации о земельных угодьях Черноморского казачьего войска. Войсковое начальство трижды в 1848, 1851 и 1853 гг. готовит общую сводку, и в итоге создаётся подробная ведомость о количестве земли и других угодий. В результате межевания земель Черноморского казачьего войска выявились следующие их параметры: всех земельных угодий значилось 2842516 десятин 1407 саженой, из них удобной земли – 2240591 десятин 1997 саженой, неудобной земли – 601924 десятин 1810 саженой².

Земельные довольствия назначались Межевой комиссией в следующих размерах: 1) служащим и отставникам (на основании статьи 37 постановления «О благоустройстве в казачьих селениях»; т. XII, часть II Свода законов Российской империи, издание 1857 г.) чиновникам выделялось: генералу – 1500 десятин, штаб-офицеру – 400 десятин и обер-офицеру – 200 десятин; 2) казакам и инородцам по 30 десятин на одну душу; 3) лицам из числа священно- и церковно-служительских причтов по 99 десятин каждому³.

Определённая казакам 30-ти десятинная пропорция (земельный надел-пай) могла быть назначена комиссией и в меньшем размере, в зависимости от качества, но с непременным условием, чтобы отводимая земля заключала в себе все достоинства 30-ти десятинной пропорции и уравнивала выгоды казаков. В состав 30-ти десятинной пропорции для казаков комиссия отводила не

---

¹ Степанова Л.Г. Деятельность землемеров на земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 78.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2259. Л. 1об.

³ Свод уставов о благоустройстве в казачьих селениях // Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2. Ст. 437. (С. 69).

менее третьей части лугов. Если же по сложившимся местным условиям это оказывалось невозможно, то одна десятина лугов заменялась двумя десятинами степной земли. Когда же по усмотрению Главнокомандующего Кавказской армией требовалось из некоторых станиц из-за недостатка земельных долей переселить часть казаков на другие земли, то Межевая комиссия назначала им удобные места для водворения и нового устройства.

Свыше размера земельного довольствия, полагающегося на общую численность населения данной станицы, наделяемого землёй, Межевая комиссия определяла также запасные земли с учётом прироста населения из расчёта по 3.000 десятин на 200 человек мужского пола. Кроме того, Межевая комиссия устанавливала, какое именно количество земли останется свободным в станичном юрту и сколько человек окажется возможным переселить на эти земельные участки для усиления Черноморского казачьего войска¹.

Подчеркнём, размежевание войсковой земли на участки, согласно «Положению о Черноморском казачьем войске» от 1 июля 1842 г., приводило к многочисленным конфликтам. Распри и взаимные притеснения между станицами и хуторами возникали из-за земельных долей и решительной неопределённости станичных и частных прав на пользование землёй. Рядовое казачество ощущало недостаток земельных угодий, ввиду произвольного расширения в прежние времена хуторских участков, и с нетерпением ожидало надлежащего размежевания.

Наказный атаман Войска Донского, генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Хомутов, которому по особому Высочайшему повелению подчинялось во время Крымской войны и Войско Черноморское, в рапорте военному министру, князю Василию Андреевичу Долгорукову от 17 июня 1854 г. за № 961 подчёркивал: «Черноморские казаки заслуживают особенного на них воззрения: их служба не оценена, но так не соразмерна, что редкий казак пробудет год в кругу своего семейства, домашний их быт, лежащий на слабых руках женщин в жалком положении: бедность до того велика, что часть людей без

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 12.

мундиров, чуть не в рубищах, в конных полках одна треть без лошадей, самый вид Черноморского казака носит отпечаток уныния и горя; земледелие их находится в самом младенческом состоянии и чтобы поставить оную на степень, сколько-нибудь удовлетворительную, требуется много времени»¹. В целях улучшения материального положения черноморских казаков и увеличения их материально-финансового дохода от рыболовного промысла, согласно ходатайству генерал-адъютанта М.Г. Хомутова, 18 июля 1854 г., Всемилостиво императором Николаем I повелено: «Отдаваемые с давних времён в откупное содержание рыболовные воды Черноморского войска, кроме Ачуевского промысла, предоставить с 1 января 1855 года в свободное пользование всех войсковых жителей»².

Безусловно, такая монаршая милость освободила черноморских казаков от злоупотреблений тягостной монополии рыболовного откупа и стала большим подспорьем для развития хозяйства и улучшения домашнего быта, но, тем менее, общее распределение их военного состава получалось не соразмерно с материальными возможностями Черноморского казачьего войска. Поэтому Главнокомандующий Кавказской армией, князь А.И. Барятинский признавал «оное одной из важнейших причин, постепенно доведших Черноморских казаков до нынешнего упадка»³.

В Черноморском казачьем войске оказалось до 1715812 десятин земельных угодий, но для полного (согласно войсковому «Положению») наделения землёй войсковых жителей и для создания войскового запаса земель с прицелом на будущее приращение населения в регионе имеющихся в войске земельных угодий получалось недостаточно. Главнокомандующий Кавказской армией предлагал уменьшить определённую норму земельных наделов (так называемые десятинные пропорции по чину) до такой степени, чтобы все чины войска могли быть полностью удовлетворены наличным количеством

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 13.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 14.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 17.

(2179612 десятин) войсковых земель и «чрез то избавились бы от необходимости переселения почти половины их за Кубань на передовые, занятые нами пространства»¹. Князь А.И. Барятинский признавал благопотребной акцией подвергнуть вопрос об уменьшении размера земельных долей широкому общественному обсуждению самих казаков, чтобы избежать в столь важном деле ошибочного заключения. Как он правомерно полагал, для выяснения количества земли, какое казаки считают для себя вполне достаточным, требуется представить станичные приговоры, и если определённая таким способом новая норма земельного довольствия составит от 15 до 20 десятин на человека, то не следует межевать станицам земли войскового запаса для возможного переселения на них новых казаков. На свободной в данный момент войсковой земле надо разместить несколько новых станиц, а излишнюю после этого часть казаков постепенно переселять в Закубанский округ, где потребность в увеличении населения равняется почти третьей части нынешней численности жителей Черноморского казачьего войска. Для реализации своих предложений генерал-адъютант, князь А.И. Барятинский ходатайствовал Высочайшее разрешение, с тем чтобы, после определения указанным порядком новой нормы земельного довольствия черноморских казаков, на установление которой он испрашивал Высочайшее соизволение², провести межевание станичных земельных юртов.

Инициативы князя А.И. Барятинского, очевидно отчасти или в общем виде поддержанные на самом высшем уровне империи, вызвали оживлённую ведомственную реакцию. И для скорейшего окончания размежевания земельных угодий Черноморского казачьего войска решили: «Не изменяя коренных оснований войскового положения о Черноморском войске, произвести земельный надел в той мере, по сколько пишется на каждого члена сего войска, имеющих ныне в оном земель, без оставления запасов на будущее приращение войскового населения. Так как некоторые из них [т.е. казаки. – *авт.*] не производят хлебопашество, а занимаются рыболовством, то таковым заменить

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 15.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2112. Л. 31.

поземельные довольствия соразмерительным оным правом на водные для лова рыбы участки, для чего и предоставить главному местному начальству войти в подробное рассмотрение этого предмета. Дабы уравновесить тот и другой образ довольствия общественными угождениями»¹.

Завуалированно негативно к проявленной инициативе Главнокомандующего Кавказской армией, князя А.И. Барятинского об уменьшении размера подушного земельного довольствия Черноморского казачьего войска отнёсся Военный совет Российской империи, который в своём решении отметил: «Не отвергая пользы исполнения этого предложения в более или менее отдалённом будущем, полагал[и] бы однакожи, отложить рассмотрение этого вопроса до более благоприятного времени, по следующим соображениям:

1. Право о наделении казаков 30 десятин на душу неоднократно подтверждено Высочайше дарованными сему войску грамотами и последним положением, и можно справедливо полагать, что этим только обещанием привлечено в Черноморию значительное число переселенцев из Малороссии. Возбуждать самый важный и жизненный основной вопрос казачьего быта об уменьшении размера поземельного довольствия и подвергать оный для обсуждения самих казаков, по мнению Военного совета, было бы тем более неудобно в настоящее время, когда Черноморское войско потерпело большое разорение от последней войны, до крайности обременено усиленными нарядами на кордонную службу и для действий против горцев, и не может развить удовлетворительно не одну из отраслей своего хозяйства. Это бы значило не исполнить обещания Правительством, отнять у казаков одну из существенных их привилегий без всякого вознаграждения, не улучшением их быта, не усилив их благосостояния в каком-либо другом их отношении. В таких обстоятельствах нельзя сомневаться, что одна передача этого вопроса на обсуждение станичных обществ возбудит большие опасения не только в Черномории, но и в соседних с нею войсках, Донском и Кавказском линейном.

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 17.

2. Безпристанные военные действия и наряды на службу отвлекают казаков от самых выгодных занятий и препятствуют развитию главных отраслей промышленности, в особенности земледелия, по необходимости они обращаются преимущественно на распространение скотоводства, которое требует большого простора в поземельном довольствии. Поэтому уменьшение оногo в настоящее время было бы для них стеснительно, но со временем при увеличении народонаселения, когда служба их будет менее обременительной и на хозяйство нужно будет больше рук, ценность поземельных участков, т.е. доходы с них значительно возрастут, весьма естественно, что казаки должны будут довольствоваться и меньшею пропорцией земли»¹.

По мнению Военного совета, опасения в недостатке земельных угодий в настоящее время могут быть устранены, во-первых, путём отмены, согласно внесённому предложению Главнокомандующего Кавказской армией, межевания станицам запасной земли. Во-вторых, проблема решается наделением казаков удобной и некоторым количеством неудобной земли, которой насчитывается в Черномории до 600 тысяч десятин, причём, из них в настоящее время только 45 тысяч десятин развёрстано по наделам. Более того, пока не произведена точная оценка земельных угодий войска, а при осуществлении генерального межевания пользовались довольно произвольным подразделением земельных участков на удобные и неудобные. Посему многие земельные участки, ныне покрытые камышами или топкими болотами, со временем при некоторой разработке могут быть возделаны и могут приносить казакам прибыль. В-третьих, для некоторых станиц, в особенности прибрежных, где казаки преимущественно занимаются рыболовством, а не хлебопашеством, можно отчасти заменить поземельное довольствие соразмерным с ним правом на водные участки для лова рыбы, если Главнокомандующий Кавказской армией признавал это удобным для казаков вариантом².

Особое внимание Военный совет Российской империи обратил на переселение черноморских казаков в Закубанье как способ решения вопроса о

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 22.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 22.

наделении их землёй в достаточном количестве, поскольку проект генерал-адъютанта, князя А.И. Барятинского о колонизации Закубанского края получил в общем виде Высочайшее одобрение императора Александра II. В предшествующих обращениях Главнокомандующий Кавказской армией предлагал ускорить начало переселения, поскольку число охотников из Черноморского казачьего войска для отправления в Закубанье весьма велико, и потребность в черноморских казаках для колонизации новых территорий оценивается в пределах одной трети нынешнего населения Черномории. Следовательно, полагали в Военном совете, переселение черноморских казаков в Закубанье может уменьшить на одну треть потребность в земельных угодьях для остающегося в Черномории населения. Что же касается восполнения населения Черномории переселенцами из России вместо выбывших казаков, то едва ли необходимо и возможно прибегать к этой мере. И Военный совет апеллировал к мнению Министра государственных имуществ, графа М.Н. Муравьёва и к мнению опять же Главнокомандующего Кавказской армией, князя А.И. Барятинского, что охотников к переселению из малоземельных российских губерний едва ли будет достаточно для реализации проекта о заселении Закубанского края. С другой стороны, закрепление в районах Закубанья сильного казачьего войска и постепенное успокоение прилегающего края снизит потребность в черноморских казаках. Ведь при таких условиях, как на кордоне, так и для действий против горцев, будет нужно меньшее количество казаков. Следовательно, остающихся в Черномории казаков будет достаточно для всех надобностей службы¹.

Руководствуясь вышеизложенными аргументами, Военный совет Российской империи своим журнальным постановлением от 2 мая 1859 г. принял решение не возбуждать вопроса об уменьшении размера поземельного довольствия казаков в Черномории и предоставить Главнокомандующему Кавказской армией право снабдить необходимыми указаниями Межевую комиссию

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 24.

Черноморского казачьего войска в отношении наделения этого войска землёй, с учётом вышеизложенных обстоятельств¹.

По сохранившимся статистическим сведениям, за 1860 г. в составе бывшего Черноморского казачьего войска точно регистрировались следующие категории казачьего сословия мужского пола. В Войске насчитывалось 673 духовных лица, 3 генерала, 106 штаб-офицеров (в казачьих чинах от войскового старшины до полковника), 878 обер-офицеров (в казачьих чинах от хорунжего до есаула), 39853 нижних чинов, 4735 малолеток 17-летнего возраста, 44056 лиц младше 17 лет. В общей сложности в Черноморском казачьем войске фиксировалось 90304 лиц мужского пола. Земельные угодья Черноморского казачьего войска делились на следующие категории: 2218228 десятин 252 саженой удобной земли; 119784 десятин 2094 $\frac{1}{3}$ саженой средне-удобной земли; 506296 десятин 156 $\frac{2}{3}$ саженой неудобной земли; 11689 десятин 1181 саженой лесов. В общей сложности в Черноморском казачьем войске статистически фиксировалось 2855998 десятин 1934 саженой земельных угодий².

В соответствии с имеющейся численностью населения в Черноморском казачьем войске по состоянию на 1860 г., следовало бы отвести: 4500 десятин земли генералам (3 человека по 1500 десятин); 42400 десятин земли штаб-офицером (106 человек по 400 десятин); 175600 десятин земли обер-офицером (878 человек по 200 десятин), 2659320 десятин земли казакам и всем без исключения малолеткам (на основании статьи 18, пункта 2 приложения к статье 3625 части I, книги II «Свода военных постановлений» по 30 десятин на душу); 6030 десятин земли 67 войсковым церквям (по 90 десятин на один церковный причт)³.

Государственный совет Российской империи в 1869 г. постановил отводить на каждого казака мужского пола по 30 десятин земли при наделении станиц земельными угодьями на основе утверждённых списков. К январю 1871 г. население Кубанской области в общей сложности насчитывало около 240 тыс.

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 26 об.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 26 об.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 24.

чел. В результате кубанские казаки получили 5166 тыс. десятин удобной земли, или по 21,5 десятины на одну душу, что значительно меньше 30-тидесятиинной пропорции, считавшейся минимальным размером земельных угодий, положенных каждому казаку. Сверх указанных площадей земельных угодий в войсковой запас отвели 373 тыс. десятин земли. Если бы эти земли распределили среди самих казаков, то на одну душу пришлось бы только 23,08 десятины вместо положенных 30 десятин. При включении в распределительный механизм 445 тыс. десятин казённых земель, из которых насчитывалось 384 тыс. десятин удобной земли, могло прибавиться к каждому расчётному казачьему наделу (на одну мужскую душу) всего лишь 1,6 десятины удобной земли¹. Тем самым, 30-десятинная пропорция превращалась в абсолютно недостижимый идеал.

Недовольные фактическими размерами душевого надела станичные общества обращались в Военный совет и в 1905 г.², где подтвердили исключительную земельную собственность Кубанского казачьего войска.

На территории бывшего Черноморского казачьего войска в реальной социальной практике межевания земель военным администратором князем Г.Д. Джамбакуриан-Орбелиани предлагалось ввести целостную систему уменьшения размера подушного земельного довольствия казаков, которую поддерживали в Кавказском наместничестве. Так, при определении земельных наделов станичных юртов, расположенных в центральной, правобережной части Кубани планировался к применению следующий расчёт. К первому разряду относили земельные пространства между рекой Кубань и рекой Протока и полосу земли вверх по правому берегу реки Кубани, от станицы Полтавской до поста Редутского. Ввиду выгодного месторасположения этих земель и очень высокого плодородия местных почв, при расчёте подушного земельного казачьего пая 1 реальную десятину земли считали за 1,5 десятины в расчётном

---

¹ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 75.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 874. Л. 66–68.

наделе¹, то есть казак получал бы не 30 десятин, а 20 десятин удобной и выгодной земли. Ко второму разряду причисляли прибрежное земельное пространство от устья реки Протока до устья реки Ея, и в этом районе при исчислении подушного земельного казачьего пая 1,5 реальные десятины земли приравнивались к 2 условным десятинам, то есть казак получал бы не 30 десятин, а 22,5 десятины удобной земли. К третьему разряду относили земли, располагавшиеся степной полосой в районе, пролегающем от истоков реки Бейсужёк, по реке Челбас, то есть сегодня это месторасположение кубанских станиц Украинская, Старолеушковская, Новопластуновская и т.д. По этому разряду подушный казачий земельный надел исчислялся из расчёта 2 реальных десятины земли за 2,5 условных десятины, то есть вместо 30 положенных десятин казак получал бы 24 десятины земельных угодий. К четвёртому разряду причисляли земельное пространство между рекой Челбас и рекой Ея (правда, не понятно, на каком протяжении между этими реками). По данному разряду подушный казачий земельный надел исчислялся из расчёта 2,5 реальных десятины земли за 3 условных десятины, то есть вместо 30 положенных десятин казак получал бы 25 десятин земельных угодий.

Военный совет обратил внимание на размежевание земель территории Кубанского казачьего войска. На свободных землях от расположившихся там станиц было решено предоставить причитающиеся полные земельные пайи переселившимся жителям станиц, которые владели в данное время меньшими земельными участками, нежели это определено войсковым «Положением о размежевании земель Черноморского казачьего войска», то есть имели меньше 30 десятин на одну мужскую душу².

В станицах же ожидали справедливого межевания и распределения земельных угодий. Так, в приговоре станичного общества станицы Старолеушковской, в котором общество просило разделить станичный надел на пайи, го-

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. Д. 10. Л. 2об.

² Высочайше утверждённое Положение о размежевании земель Черноморского казачьего войска // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1847. Т. XL. Ст. 21103.

ворилось: «...Как станице нашей по таксационной (т.е. оценочной. – *авт.*) категории начислено для каждого члена общества по 21 ½ десятин земли, то из всякого такого пая отчислить по 7-ми десятин 400 сажен – под станичный выгон для выпаса скотоводства, 7 десятин 400 сажен – под хлебопашество, 7 десятин 400 сажен – под сенокос, и, как станично-общинный юртовый наш надел лежит вокруг станицы, то желательно, чтобы таковой весь был разделён на пай и по возможности с таким приспособлением, чтобы мы, общество станицы Старолеушковской, в какую бы сторону станицы по времени перенесли своё хлебопашество, чтобы возможно уравниательно для каждого получить выше предположительное количество десятин под пахоту, сенокосение и последние оставить под выгон...»¹. Станичное общество просило прислать межевого чиновника для раздела земель. Подписали приговор от 13 июля 1880 г. более 100 казаков станицы.

Программа размежевания земель в Закубанье для станичных юртов и работы межевой комиссии по наделению земельными угодьями станичных обществ принимается лишь с 1863 г.

Итоги проведённых таксационных исследований позволили все земли бывшей Черномории разделить на пять категорий, то есть теперь использовался уже иной подход к землеотведению. Вместо условно назначенного положением о размежевании бывшего Черноморского войска 30-ти десятинного надела на каждую душу мужского пола казачьего сословия вводилась категория земельного участка с определённым размером земельной площади. Первая категория земель предполагала выделение на один казачий земельный пай 16 десятин земли. Вторая категория земель исходила из расчёта 17 ½ десятин земли на душу. Третья категория земель фиксировала 21 ½ десятин земли на один пай. Четвёртая категория земель устанавливала порог в 26 десятин земли на душу. Пятая категория земель достигала прежнего значения 30-ти десятин земли на один казачий земельный пай.

---

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1578. Л. 3.

Военный совет Российской империи решил утвердить из двух предложенных проектов распределения земель в Кубанском казачьем войске тот расчёт, который не предполагал обязательного переселения казаков из малоземельных станиц в многоземельные станицы и на свободные земли, как более удобный к исполнению и соответствующий пожеланиям самих казаков.

Однако в распределение земельных угодий по пяти утверждённым Военным советом категориям не вписывался целый ряд ситуаций, на анализе которых мы остановимся более подробно в целях понимания всей сложности и остроты земельной проблемы в Кубанском казачьем войске. Во-первых, имелись кубанские станицы, которые не обладали в полном расчётном объёме землями для станичных юртов в местах своего расположения для наделения всех казаков земельными участками по принятым правилам. Во-вторых, при межевании земельных наделов в станичных юртах казаки не получали земельные угодья необходимого качества, соответствующие их собственным желаниям, то есть всегда оставались недовольные существующим порядком разверстания земельных участков. В-третьих, переход на распределение земель по категориям не являлся идеальным вариантом для наделения казаков земельным довольствием, судя по их публичным заявлениям. В-четвёртых, в ряде станиц не хватало отведённых под общее распределение среди казаков земельных угодий в станичном юрту. Тогда станицы использовали остававшиеся свободными войсковые запасные земли для наделения земельным паем казаков, не получивших причитающегося по размеру надела из предназначенных для этого станичных юртовых земель. В-пятых, чтобы войсковые запасные земли, прилегавшие к станичному юрту, не простаивали, в Военном совете полагали возможным разрешить станицам распоряжаться этой землёй по своему усмотрению, то есть отдавать их в арендное содержание или же заводить на ней посёлки и хутора.

Кроме того, при наделении малоземельных станиц из свободных войсковых земель Кубанского казачьего войска, вместо предполагаемых Межевой

комиссией 530 тыс. десятин, по решению Военного совета, должно было остаться совершенно свободной земли не более 320 тыс. десятин¹.

Высочайше утверждённым мнением Государственного совета «Положение о размежевании земель Черноморского казачьего войска» принимается 27 марта 1872 г. По его нормам составленные проекты поземельных наделов станичных обществ, церковных причтов, генералов, штаб- и обер-офицеров и чиновников войскового сословия и вообще всяких чиновников по Кубанскому и Терскому казачьим войскам, а также проекты разграничения войсковых и станичных земель и лесов и отвода земель для войсковых надобностей, утверждались Кавказским наместником. Представлять такие проекты в Военное министерство на Высочайшее утверждение не требовалось, за исключением случаев, когда проекты содержали отступления от норм в отношении поземельных наделов Кубанского и Терского казачьих войск².

Однако сами казаки остались недовольны проведённым межеванием войсковых и станичных юртовых земель, и даже бурно выражали свое негодование, примером чего может служить протест казаков станицы Полтавской, разгоревшийся в 1873 г. Причиной казачьего протеста стало несправедливое межевание станичного малоземельного юрта. Этот социальный конфликт Б.А. Трёхбратов назвал Полтавской общественной стачкой³.

По Высочайше утверждённому 26 апреля 1869 г. проекту распределения земель в 3-х округах бывшей Черномории⁴ земельный надел на 1 душу мужского пола казачьего населения в станице Полтавской Кубанской области Термрюкского уезда определялся в 17,5 десятин. Поскольку в проектируемых гра-

---

¹ Действующие в иррегулярных войсках Постановления, изданные с 1 марта 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 3. Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. Милиции. СПб., 1878. С. 139.

² Действующие в иррегулярных войсках Постановления, изданные с 1 марта 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 3. Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. Милиции. СПб., 1878. С. 140.

³ Трёхбратов Б.А. Полтавская общественная стачка 1873 года под разными углами зрения // Фёдор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа в исторической ретроспективе: Сб. материалов VII науч.-практ. конф. Краснодар, 2007. С. 156–162.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1873. Т. 44 (1869). Ст. 47011.

ницах станичного юрта числилось всего 30625 десятин удобной и 8430 неудобной земли, то, за исключением потребности на войсковые общественные надобности, земельные угодья распределялись на 1890 душ мужского пола общества станицы Полтавской, и на одну душу мужского пола приходилось по 4 десятины¹. Такая ситуация не могла не волновать казаков.

Выход в преодолении сложившегося малоземелья станиц Войсковое правительство видело в наделении малоземельных станиц за счёт выделения недостающих земельных угодий, чтобы довести до уровня определённых норм душевые наделы. Но отводились малоземельным станицам дополнительные земельные площади в границах многоземельных станичных юртов².

При переселении вызвавшимся добровольцам опять приходилось бы терпеть до особой милости неограниченную нужду в пропитании своих семейств из-за материальных сложностей. Добровольцы однозначно считали, что в результате выполнения плана переселения во вновь образуемую станицу Ясенскую их семейства неминуемо останутся жить в ужасной нищете³.

Любопытен рапорт № 6 от 21 марта 1873 г. Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта М.А. Цакни, направленный в Военный совет. В нём атаман указывал на стародавнее недоверчивое отношение жителей станицы Полтавской к правительственным распоряжениям, ведь станичники «неоднократно обнаруживали вредное стремление к осуществлению и ведению указываемых положений и приказаниям»⁴.

Таким образом, более чем на девяносто лет растянулся процесс межевания и землеустройства на Кубани. При этом казаки упорно отстаивали своё исконное право на пожалованные им в «вечное владение» земли вольной Черномории, а после образования Кубанского казачьего войска стремились закрепить историческую преемственность в землевладении на территории Кубан-

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 20. Д. 1114. Л. 1, 1об.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 20. Д. 1114. Л. 1, 1об.

³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 269. Л. 1.

⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 269. Л. 43.

ской области. В Кубанском казачьем войске пришли к необходимости установления и нормативного закрепления пяти категорий земель при определении казачьего земельного надела-пая, и одновременно в масштабах войсковой организации сформировалось три типа землевладения и землепользования: войсковые земли, общие земли станичных земельных юртов и частновладельческие земли. Земельные угодья для различных войсковых надобностей ко второй половине XIX в. приобретают характер отдельного исторического сюжета о землевладении и землепользовании в Кубанском казачьем войске. Споры шли вокруг уменьшения размера земельного довольствия кубанских казаков в условиях сокращения земельных угодий станичных земельных юртов и свободных земель в Кубанском казачьем войске в целом. Отчасти выход был найден в развёртывании переселения казаков из малоземельных станиц в многоземельные станицы на так называемые дополнительные наделы. В итоге система казачьего землевладения и землепользования в Кубанском казачьем войске, несмотря на все социально-экономические коллизии, складывается к середине XIX в. и выступает базисным элементом поселенческого уклада кубанских казаков.

2.2. Первые формы поселений черноморских казаков: слободки, курени, куренные селения

Поселенческий уклад во многом предопределяется формой поселения и моментом его образования в региональном историческом пространстве, хотя в особых условиях кубанского (южно-российского) фронта немаловажное значение приобрели вопросы закрепления, устойчивости казачьих поселений. Образование («водворение») первых казачьих поселений в Черномории относится к 1792–1794 гг. Как подчёркивал один из первых историков Кубани Е.Д. Фелицын, «на вновь пожалованной земле семейные черноморцы остановились таборами и образовали сперва восемь временных селений: Захаровку,

Тимофеевку, Андреевку, Константиновку, Антоновку, Стояновку, Онуфриевку и Алексеевку»¹. Первоначально «войсковые правители», – пишет Ф.А. Щербина, – «приурочили местожительство населения... к 24 кордонам». Но поскольку казачье население, считал Ф.А. Щербина, искони привыкло к хуторским заимкам, то оно уходило вглубь прикубанских степей, подальше от самой Кубани, и образовывало там хутора и мелкие селения. «Возникли разного рода Андреевки, Константиновки, Стояновки, Алексеевки, Захарьевки, Онуфриевки, Тимофеевки, Антоновки и другия, названия которых утратились потом бесследно»².

Историк П.П. Короленко полагал, что заселение кубанского пограничья проводилось Войсковым правительством принудительным путём. «Прибывающие к Кубани переселенцы смешанных куреней», – подчёркивал он, – «становились таборами при кордонных постах, для лучшего обеспечения на случай набегов закубанских горцев... Вскоре таких таборов набралось девять, для лучшего в них порядка, кошевой [атаман Войска] приказал жителям избрать в каждом селении атамана и писаря»³. Архивные изыскания современных исследователей позволили выделить ещё несколько подобных поселений, относящихся к исторической форме казачьей слободки. Так, Б.Е. Фролов отмечает наличие группы частных слободок, появившихся в это время в Черномории, например, слободы атамана Захария Чепеги⁴. О временном Чернобродском селении при реке Ее, где проживали семейные казаки разных куреней, упоминает В.И. Шкуро⁵. В рапорте Войскового правительства от 9 июня 1793 г. пра-

---

¹ Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области, с картой. (Пояснительная записка к 20-вёрстной карте Кубанской области) // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1884–1885. Т. VIII. С. 4.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 1. С. 550.

³ Короленко П.П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 57.

⁴ Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 1. С. 12–20.

⁵ Шкуро В.И. Переселение малороссийских казаков на Кубань в 1821–1825 гг. // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Сб. статей. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 16–27.

вителю Таврической области С.С. Жегулину есть важное сообщение о намерении завести «воинские селения по над рекою Кубаном, начиная от устья ея до Усть-Лабинской линии...»¹.

Ещё до окончания переписи (21 марта 1794 г.) Войсковое правительство принимает решение поселить казаков отдельными куренными селениями. Впервые это решение юридически зафиксировано в «Порядке общей пользы», утверждённом 1 января 1794 г. В пункте 3 «Порядка» значилось: «По войско-вой дисциплине, ради собрания войска, устройства довлеемого порядка и прибежища бездомовных казаков во граде Екатеринодаре выстроить сорок куреней [...], да и войско при границы поселить куренными селениями в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет»².

Прослеживаются хронологические вехи в развитии казачьих поселенческих структур, когда после занятия кордонов на границе, при самих кордонах, а также вглубь степей от реки Кубань появлялись хутора, заимки и слободы³. Первые кубанские историки Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко в 1836 г. писали: «Вслед за ними [имеются в виду казаки, высадившиеся в Тамани в августе 1792 г. – *авт.*] полковник Кордовский с двумя пешими полками и частью семейств прибыл сухим путём на сию землю и, став при Старом Темрюке, учредил наблюдательный пост и устроил курени на зиму»⁴.

Но вскоре Войсковое правительство приняло меры к упорядочению процесса стихийного заселения края. В феврале – марте 1794 г. кошевой атаман войска верных казаков Черноморских З.А. Чепега с выборными от временных селений отправился в атаманский объезд заселяемой территории Черномории для выбора мест под постоянные куренные селения. 18 февраля 1794 г. в циркулярном приказе З.А. Чепеги подтверждается намерение казаков «заводить куренные строения и хлебопашество как веснянное время приспевает».

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 2.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 2.

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 24. Л. 195; ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 1119. Л. 78.

⁴ Кухаренко Я.Г., Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском (Со времени поселения онога на Всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год) // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Киев, 1887. Год шестой. Т. XVII: [Март 1887 г.]. С. 507.

21 марта 1794 г. атаманом «учинена Ведомость», и в ней зафиксировано, «где которому куреню назначено под селение место»¹. Места для будущих казачьих куреней (селений) определялись традиционной казачьей процедурой жеребьёвки. Тем не менее, лишь после окончательного размежевания земель между Черноморией, Кавказской губернией и землями Войска Донского войсковые власти приступили к отводу земель под курени (селения). Однако время межевания поселенческих мест затягивалось, и с весны 1793 г. предприимчивые потомки запорожцев обратились к привычным для них делам: добыче рыбы, охоте и скотоводству. Многие занялись заготовкой рыбы, а её запасы в Черномории казались тогда неистощимыми.

С 1 мая уже утверждалось в степных пространствах природное тепло, и женщинам с детьми становилось комфортно спать на возах с сеном, без опасности простудиться. Считалось, что новосёлы к осени смогут построить хаты или землянки и сделать необходимую запашку земельных площадей для озимого хлеба. И вот с 1 января 1794 г. куренные атаманы впервые на территории Кубани готовились к жеребьёвке, где какому куреню селиться, а с 1 мая обозы расселявшихся по всей Черномории казаков потянулись каждый к месту, отведённому им под куренное селение.

В начале февраля 1794 г. на собрании старшин и куренных атаманов приняли решение расселить сорок куреней следующим порядком: «...начиная от Ейского городка вверх по реке Еи... по Кугу Ейки, от устья её за пятьдесят вёрст, десять, а оттоль прямою межою до Усть-Лабинской крепости двенадцать, да по Кубани до Чёрного моря восемнадцать...»². Как следует из рапорта исполняющего должность войскового есаула, секунд-майора Л. Тиховского кошевому атаману З.А. Чепеге, войсковые селения на протяжении от устья Чёрного моря до Усть-Лабинской крепости «во всем состоят благополучно». Сам есаул находился в это время в слободе Антоновка, откуда и докладывал

---

¹ Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 3. С. 732–733.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276а. Л. 3.

Захарию Чепеге о складывающейся обстановке в селениях¹. В своём монографическом исследовании «Заселение Черномории с 1792 по 1825 г. Материалы по истории колонизации Северного Кавказа» И.В. Бентковский обозначает конкретные места поселения первых 40 куреней в Черномории, и под куренями он понимает становища малороссийских казаков, а вот «первое поселение Екатеринодара дало, так сказать, в складчину всё Черноморское войско, и город стал правильно образованным с исходящими радиусами до куренных селений тех же наименований», причём, «на каждый курень средним числом приходилось по 79720 дес[ятин]»².

Согласно материалам архивного дела «Об устройстве двух новых куреней Екатериновского и Березанского, вызове охотников к поселению в этих куренях, расселении прочих в войске поселений по жребию и составленном для этих поселений плану» (дело датировано в ГАККе 19 февраля – 23 октября 1794 г.), где сосредоточены соответствующие названию архивного дела документы и деловая переписка по обозначенному вопросу с обращениями к кошевому (войсковому) атаману З.А. Чепеге, каждому куренному атаману выдали план будущего селения, о чём свидетельствует протокольная запись о рапорте Калниболотского атамана об устройстве селения, подтверждаемая подписью войскового писаря Т.Т. Котляревского³. В выданном плане, «на заселение слобод войска Черноморского означается площадь для церкви, изб с огородом»⁴. Датируется («сочинено») примерный план октябрём 1794 г., а конкретное число в архивном документе не читается. В пояснительной записке к вышеназванному куренным атаманам плану говорилось: «По приложенному плану улицы должны быть шириной по 10 [21,34 метра], а дворы в ширину по 20 [42,67 метра], а в длину по 40 ¼-тых аршинных сажень [85,88 метра],

---

¹ Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачества. СПб., 1896. Т. 3. С. 724.

² Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Издан[ие] 1881 года. Екатеринодар, 1881. С 45–46, 47. Паг.

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276. Л. 12об.

⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276. Л. 13.

назначенные дворы в синем, огороды в зелёном поле, чернилом же избы, а посередине площадь для церкви»¹. Иначе говоря, каждый двор в обустраиваемой казачьей слободке при пересчёте на современные единицы измерения получался по общим размерам занимаемой площади 36,65 соток, или же больше трети гектара. Селения, что хорошо видно на графическом рисунке², планировались в форме жёсткого квадрата по три квартала с каждой стороны, центр полностью отводился под церковь и площадь, а в каждом из остальных восьми кварталов намечалось по 16 дворов с огородами. Примечательно и название будущего поселения, что обозначено в документе: не курень, не куренное селение, а слобода.

Расселение куренных селений по всей территории Черномории продолжалось в течение 1794 г. Но из-за отсутствия детального межевания земельных участков под поселения и точных ориентиров на местности нередко возникали конфликты. Например, войсковое правительство в октябре 1794 г. рассматривало жалобу калниболотского атамана Максима Грекова на столкновение с незамаевскими казаками, поскольку в урочище Усть-Терновка между калниболотскими казаками строят свои дома казаки Незамаевского куреня, ссылаясь на землеотведение им урочища по ведомости от 21 марта 1794 г. Атаман просил правительство «осчастливить его повелением и показать в резолюции к поселению настоящее место»³. Во избежание подобной неразберихи Войсковое правительство утвердило план поселяемых куренных селений и приказало «поселить в назначенных по ведомостям местах без угнетения, порядочно по прилагаемому плану»⁴. Планом регламентировались ширина и длина дворов и улиц, предусматривались места для огородов, а также площадь с расположенной посередине церковью. Тем самым, изученные документы позволяют предположить, что в течение весны – осени 1794 г. черноморские курени (селения) были в основном расселены.

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276. Л. 14.

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276. Л. 13.

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 139.

⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 276. Л. 12.

Если архитектурно-планировочное решение для поселений оказалось детально проработанным, то долго неулаженной оставалась ситуация с местом расположения. В резолюции Войскового правительства отмечалось: «Всем со- рока куреням под селения места назначить по границе, начав от устья р. Еи вверх до р. Терновки, а оттоль поворотившись чрез р. Сасик Ейку, Челбасы, Бейсужок, Бейсуг большой и меньшей, Кирпили до Воронежского редута, а оттоль по р. Кубани до Чёрного моря в удобнейших местах, и в которые именно под оные места назначены, будут сделать ведомость и отправить для оповещения всего войска частным и окружным командирам при указах, да и атаману кошевому для сведения таковую приложить»¹. В отношении мест рас- селения приказ Войскового правительства гласил: «Ейскому и Григорьев- скому окружным правлениям послать указы и велеть Ейскому: от Ейского правления до усть Куги Ейки Щербиновское, Деревянковское, Менское, Ко- неливское, Шкуринское и Кущёвское, а Григорьевскому правлению: от усть Куги Ейки, не доходя старой заставы, где редут вёрст за десять – Кисляков- ское, Екатерининское, Незамаевское и Калниболоцкое селения разместить без утеснения, и поселить те селения порядочно, по приложенному при указе плану»². По количеству занимаемой земельной площади на каждый курень приходилось 79720 десятин³. По мнению Б.Е. Фролова, речь шла об итогах прошедшей жеребьёвки, и, судя по всему, 15 февраля 1794 г. разыгрывались не конкретные земли с точной топографической привязкой, а нечто более рас- плывчатое, обозначалась приблизительная локализация куреней: «устье/вер- ховье» какой-то реки⁴.

Что же касается самого порядка непосредственного заселения куреней Черноморского казачьего войска на отведённых земельных угодьях, то весьма

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1. Л. 271об.

² Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 1. С. 13.

³ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Издан[ие] 1881 года. Екатеринодар, 1881. С. 46. Паг.

⁴ Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 1. С. 13.

показательна история поселения Переяславского и Уманского куреней. В рапорте Григорьевского окружного правления от 26 февраля 1795 г. говорится: «...по учинённом сим правительством прошлого 1794 г. марта 20, о назначении под куренные селения мест ведомости сказано – Переяславское и Уманское селения поселить от устья Сасык Ей вверх за 70 вёрст...»¹. Как видим, в служебном документе указывается только примерное место расположения будущих соседних куренных селений, в соответствии со знаменитой мартовской ведомостью Войскового правительства Черноморского казачьего войска. Здесь прописано отнюдь не конкретное место поселения для прибывающих в регион переселенцев из числа черноморских казаков, а делается относительная привязка к местности Правобережья Кубани возможного куренного селения (куреня). Из текста вышеназванного рапорта Григорьевского окружного правления мы узнаём о принятом в Черномории порядке заселения новых земель, когда соседним куреням определялось, по существу, лишь общее направление в передвижении по территории региона и приблизительное место будущего размещения, скажем, за 30 вёрст друг от друга. Причём, это место далеко не всегда совпадало с первичным целеуказанием, ведь возникали немаловажные местные обстоятельства, которые обязательно требовалось учитывать при непосредственном поселении. В установлении реальной картины расселения казачьих куреней по территории Черномории помогают персонально атрибутированные исторические документы.

Подчеркнём, в конце октября 1794 г. никаких куренных селений на восточной границе Черноморского казачьего войска никак не наблюдается, и соответствующее окружное начальство вообще ничего не ведало о местах их возможного размещения казачьих поселений. Весьма маловероятно, чтобы за оставшиеся всего лишь два зимних месяца 1794 г. казакам удалось эти куренные селения основать, а, главное, обустроить с нуля. В рапорте Войсковому правительству полковника К. Белого от 24 ноября 1794 г. сообщается о полученных результатах его объезда вместе с полковником И. Куликом войсковой

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 24. Л. 165.

границы, когда они обнаружили только 30 семей, живших хуторами, и «сии на показанные им куреням селения с их семействами согнаты»¹. В журнале заседаний Войскового правительства Черноморского казачьего войска за 30 января 1795 г. есть весьма примечательная фраза: «...остановился при реке Челбасах, где Леушковского куреня селению место показано»². Если бы куренное селение уже существовало на момент присутствия там неизвестного нам современника, то автор документа, посетивший те места, наверняка написал бы иначе, что-то вроде: «где селение поселено (или находится, или посажено, или разбито)...». Значит, запланированного Войсковым правительством Черноморского казачьего войска Леушковского куренного поселения (куреня) пока не наблюдалось на отведённых ему земельных угодьях. О временной растянутости процесса расселения куренных селений по территории Черномории свидетельствует прошение казака Брюховецкого куреня Т. Янголенко, датированное январём 1795 г., где без обиняков простой бытописатель зафиксировал: «Ныне курень переселяется в назначенное для него место в урочище Малом Бейсужке»³.

Точная датировка основания куреней (куренных селений) осложняется отсутствием полноценных документальных свидетельств по большинству куреней Черноморского казачьего войска, поэтому практически невозможно установить конкретные даты, или определить хотя бы время года, когда произошло такое событие, а уж о месяце фактического основания поселений и говорить не приходится. По отрывочным сведениям, можно отнести обустройство северных куреней Черноморского казачьего войска к осени 1794 г. В пользу этой примерной даты образования северных куреней черноморских казаков говорит отсутствие информации о существовании куренных селений на 6 июля 1794 г., когда на запрос Феодосийской духовной консистории Войсковое правительство Черноморского казачьего войска не смогло представить

---

¹ Переселение куреня Брюховецкого. URL: <http://bru-museum.ru/stati/istoriya/209-pereselenie-kurenya-bryukhovetskogo> (дата обращения: 12.03.2023).

² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.

³ Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 1. С. 17.

никаких материалов. Более того, на заседании Войскового правительства в августе 1794 г. рассматривался вопрос о незаселённых переселенцами землях на отведённых местах Березанского и Екатерининского куреней.

По справедливому мнению Б.Е. Фролова, говорить об «основании куренного селения» в Черномории уместно лишь в том случае, если оно водворялось на совершенно пустынном месте, а его разметка на указанной местности производилась с помощью плуга. Тогда всё выходило вполне понятно: вот прибыли черноморские казаки по намеченному маршруту, вот обозначенное место для строительства нового куренного селения, и они постепенно начинают обживать на новом месте, как говорится, «пуская свои родовые корни» в благодатную землю Правобережья Кубани. Однако целый ряд куреней получил в качестве будущего места для общежительного обустройства уже существовавшие до принятого решения слободы (селения)¹.

Н.Ф. Бугай в фундаментальном труде «Станица Старо-Титаровская: от Екатерины до начала XX вв.» также отмечал историческую тенденцию вторичного заселения казаками территории Черномории, когда куренные селения Черноморского казачьего войска водворялись на уже освоенных самими же казаками местах, в ранее созданных ими слободках. По его мнению, «заселяли казаки новый край слободами, смешено», а с точки зрения социально-демографического статуса получалось, что «значительное число семейных и домовитых казаков обустроились в слободах (селениях)»².

Отмечая определённое изменение расселения куреней после жеребьёвки, Ф.А. Щербина писал: «Появилось как бы некоторое приспособление поселений к местным условиям. Границы посёлочных районов были вдвинуты глубже в степи. Местами, для водворения куреней, избраны были большей частью берега и излучины степных речек и степные урочища»³.

---

¹ Фролов Б.Е. Первые слободы и куренные селения черноморских казаков на Кубани // Кубанский сборник: сб. науч. статей и материалов по истории края. Краснодар, 2015. Т. VI (27). С. 114–128.

² Бугай Н.Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины до начала XX вв. Тула, 2007. С. 44.

³ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. С. 554.

Более того, некоторые курени Черноморского казачьего войска при, казалось бы, плановом расселении по территории Черномории образовали не одно, а сразу два куренных селения, примером чего может служить Щербиновский курень, казаки которого основали своё куренное селение в 1794 г. у Чёрного брода, расположенного в устье реки Ея, причём, у этой старинной речной переправы ранее находилось ногайское укрепление, прикрывавшее стратегически важный путь вдоль Азовского моря. Однако, кроме обозначенного выше куренного селения в устье реки Ея, в августе 1795 г. существовало и другое селение Щербиновского куреня «на речке Бейсуге с левой стороны подле Лебязьих лиманов»¹. В 1821 г. часть щербиновских казаков переселяется на правый берег степной реки Ясени, где и образуется Новощербиновский курень, а прежний курень с тех времён стал называться Старощербиновским.

Итак, становится очевидной историческая тенденция, характерная для начального этапа развития казачьих поселенческих структур, заключавшаяся в том, что появление на всей территории Черномории куренных селений (расселение куреней) не превратилось в детерминирующий фактор переселенческого процесса, и тотального перемещения всех черноморских казаков в запланированные куренные селения, к своим куреням не произошло. В Черноморском казачьем войске по-прежнему продолжали существовать ранее созданные казачьи слободки, хотя их количество заметно уменьшилось, значительное число черноморских казаков осели на новых землях своими хуторами, немало переселенцев устроилось жить и работать на образуемых рыбных заводах, многие и вовсе проживали походным порядком при перемещающихся табунах и отарах, причём, их такая кочевая жизнь вполне устраивала.

Рыбный промысел, выпас скота и лошадей являлись уделом и основными хозяйственными занятиями казачьей сиромы – голытьбы. В отношении казачьей бедноты имелось решение Войскового правительства Черноморского казачьего войска, датированное мартом 1794 г.: «Казакам, остающимся без по-

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 70. Л. 71.

мещения по приморским неводам неимущественным, отданы по общему согласию для рыболовни вентерями, баграми и сандолями изобильные на рыбу гирла... – Челбаское, Бейсугское, Курк[ч]анское, Темрюцкое, Сладкой [лиман], Чёрной ерик в собственную их пользу по жеребу [т.е. на основе жеребьёвки] на четыре года»¹. Очевидно, из-за отсутствия материальных средств на обустройство, или ещё по какой-то причине «сирому» не поселили в черноморских куренях, и она оказалась преимущественно на рыбных заводах.

Согласно заявлению войскового судьи А.А. Головатого 26 сентября 1794 г. на заседании Войскового правительства, «пришедшие и ныне приходящие на войсковую землю сего войска старшины и казаки, не поселяясь на назначенных под куренные селения местах, заводят свои хутора по разным рекам и урочищам, чем навлекают куренным атаманам трудности в выставлении на службу казаков и в отыскании праздношатающихся по войсковой земле и не принадлежащих к войску беглых из разных мест великое затруднение»².

Куренные атаманы били тревогу и сообщали о незначительной численности жителей в куренных селениях из-за стремления казаков обустроиваться на новых землях хуторами³. В начале XIX в. в каждом куренном селении Черноморского казачьего войска насчитывалось в среднем до 100 дворов, что ограничивало возможности по освоению земель и развитию поселений.

С 1842 г. все куренные селения Черноморского казачьего войска назывались станицами в рамках унификации с другими казачьими регионами Российской империи. Переход к названию куренных селений станицами закрепляется «Положением о Черноморском казачьем войске» 1842 г. Возникшие почти одновременно с поселениями черноморских казаков базисные селения линейных казаков сразу именовались станицами. Но на землях станичных юртов сохранялись хутора и зимовники. Тем не менее, понятие «курень» прочно утвердилось среди черноморских казаков, несмотря на официальный отказ в 1842 г., и оно сохраняется сегодня на уровне социальной памяти у кубанцев.

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 16.

² Фролов Б.Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. 2006. № 7. С. 19.

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 52. Л. 27об.

Для закрепления отличий казачества от невойскового населения, проживавшего в сёлах, посёлках и аулах, в 1891 г. в Кубанском казачьем войске окончательно закрепляются только два типа казачьих поселений – станица и хутор. Поэтому все казачьи посёлки с этого момента стали называться исключительно хуторами¹.

Материалы первой переписи казаков Черноморского казачьего войска после их переселения на Кубань дают нам возможность составить целостное представление о расселении казаков по территории нового региона и располагать ключевыми сведениями об основных хозяйственных занятиях переселенцев. Перепись прошла 21 марта 1794 г., и по времени она совпала с подготовкой к получению казаками «планов» (земельных участков под будущие усадьбы) в местах расположения будущих куреней (куренных селений).

Сохранение устойчивых коммерческих связей черноморских казаков с купечеством Северного Причерноморья позволяло обеспечивать снабжение приморских городов добываемыми казаками дарами природы, и у переселенцев практически отсутствовала проблема сбыта произведённой продукции, как правило, без глубокой её переработки. Каждый курень стремился организовать собственный куренной рыболовный завод, приносящий, помимо рыбы, немалые прибыли, шедшие на хозяйственно-экономическое содержание казаков, служивших на кордонных линиях и, естественно, на материальную поддержку нетрудоспособных казаков. К примеру, Каневской курень обзавёлся собственным рыболовным заводом, расположившемся на Цокуровском лимане в центральной части Таманского полуострова.

Однако человеческие ресурсы Черноморского казачьего войска имели ограниченный характер, даже несмотря на прибытие партий переселенцев из-за Буга и других мест к своим куреням вплоть до начала XIX в. Населения в Черномории не хватало для полноценного обеспечения охраны государственной границы и несения военной службы в приграничных районах. Поэтому и

---

¹ Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. Издание «Вестника казачьих войск» неофициальное. СПб., 1901. С. 5.

развернулся масштабный процесс переселения казаков из Малороссии. Почему именно оттуда? Ответ находим в документе из фондов ГАКК, датированном 19 апреля 1820 г., который цитирует Е.А. Дикий, где, в частности, говорится: «Малороссийские губернии, изобилующие населением в сравнении с количеством крайне недостаточным земель им принадлежащих, не только не могут потерпеть в хозяйственных отношениях от переселения двадцати пяти тысяч душ, но напротив получить должны существенные выгоды, если бы число поселян, им принадлежащих, несравненно значительнее водворилось на землях полуденной (т.е. южной. – *авт.*) части России. Кроме вышеизложенных выгод в отношениях хозяйственных, правительство достигнет весьма важной цели прочного обеспечения границ своих посредством сего воинского поселения, без коего следовало бы содержать регулярное войско с немалыми издержками и значительною потерей людей в климате, весьма пагубном для тех, кои к оному не привыкли...»¹ Существенными условиями для переселения новых людей на земли Черноморского казачьего войска являлись: принцип добровольности переселения и обязательное происхождение кандидатов на предстоящий переезд из казачьего сословия.

Рассуждая о заселении Черномории, Л.Я. Апостолов² обращает внимание на ряд обстоятельств, с которыми столкнулись переселенцы. В климатическом отношении Черномория, особенно её северная часть, отличалась более холодными зимами, более засушливым и жарким летом, недостатком водных источников. Переселенцам приходилось обживать практически пустынную местность, тратить на это громадные физические и душевные силы. Среди переселенцев наблюдалась высокая, не естественная смертность, основными причинами которой являлись: во-первых, недостаток продовольствия, ибо его производство в необходимом для проживания объёме ещё только предстояло

---

¹ Дикий Е.А. Наш Павловский район: краеведческие очерки. Краснодар, 2019. С. 24.

² Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Репринт изд. (1897 г.). Краснодар, 2010. С. 234–235.

наладить; во-вторых, очень плохое качество питьевой воды, в-третьих, климатические условия отнюдь не баловали переселенцев и не способствовали сохранению жизненных сил.

В 1808–1811 гг. (фактически с 1809 г.) предпринимается попытка двукратно увеличить количество населения за счёт государственной организации переселения в Черноморию 25 тысяч семейств из числа малороссийских казаков, проживавших в Черниговской и Полтавской губерниях (численность жителей по отдельным селениям на 1807 г. приводится в приложении 1). Осуществить намеченный план по исправлению демографической ситуации в регионе удалось практически в полной мере, ибо за три года, в 1809, 1810 и 1811 годах переселилось в Черноморское казачье войско «двадцать три тысячи восемьдесят восемь мужеска и восемнадцать тысяч шестьсот семьдесят две женска пола душ»¹.

К 1820 г. всё мужское население Черноморского казачьего войска насчитывало около 36 тыс. чел. «И вот это-то тридцати шеститысячное население, – писал В.А. Потто, – обязано было держать на службе одиннадцать конных и десять пеших полков, в числе шестнадцати тысяч строевых казаков. Очевидно, население выставить их не могло, и полки были в постоянном некомплекте»². По данным И.В. Бентковского, во всех селениях Черномории в 1821 г. проживало 64143 лиц обоего пола, в том числе, значилось 37090 мужчин и фиксировалось 27053 женщины. На военную службу при такой численности населения Черноморское казачье войско выставляло 11707 чел., или 31,5% мужского населения, что можно считать высоким уровнем отвлечения мужчин на воен-

---

¹ О умножении Черноморского войска переселением на земли, оному войску принадлежащие, 25000 Малороссийских казаков. Высочайше утверждённый [императором Александром I] доклад Управляющего Министерством Внутренних дел [графа Виктора Павловича Кочубея (1768–1834); он в министерской должности: 1802–1807, 1819–1821 гг.]. 19 апреля 1820 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXXVII. Ст. 28.241.

² Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 502.

ные надобности в условиях, когда на каждые 100 мужчин в Черномории приходилось 73 женщины¹. Черноморские казаки выполняли обстрижку по охране достаточно протяжённой границы по реке Кубань, общая длина которой составляла около 260 вёрст, но этим не исчерпывался объём их обязанностей, поскольку одновременно они принимали активное участие в русско-турецких и русско-персидских войнах, что обусловило катастрофическое снижение численности населения Черноморского казачьего войска.

Новая волна переселения последовала после указа от 16 апреля 1820 г. о направлении 25000 душ мужского пола в Черноморию из числа казаков Полтавской и Черниговской губерний мужского пола «от младенцев до дряхлых стариков»². Довольно массовым документом в истории переселения в Черноморию стали открытые листы, и выдались они с целью упорядочения переселенческого потока. К такому документу прикладывался персональный список всей группы³. Открытый лист требовал от местных чиновников по пути следования оказывать путникам всяческое содействие, сообщать по инстанции о прохождении организованной группы переселенцев, обеспечивать их надёжную охрану, следить за порядком внутри самой группы, выявлять заболевших. На ход и результаты переселения оказали значительное влияние три обстоятельства. Во-первых, плохая организация переселенческого дела, которая вносила сумятицу в переселенческие потоки и заметно снижала эффективность предпринимаемых мер. Во-вторых, в районах Черномории случился природный катаклизм, когда в регионе разразилась трёхлетняя засуха, на корню уничтожившая плоды кропотливых трудов казаков. К этой природной напасти летом 1821 г. добавилось нашествие саранчи. В-третьих, губернатор Полтавской губернии, действительный тайный советник П.В. Тутолмин и губернатор Черниговской губернии, действительный статский советник А.А. Фролов-Багреев решили ускорить процесс переселения, рассчитанного на срок в четыре года,

---

¹ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Издан[ие] 1881 года. Екатеринодар, 1881. С. 96. Паг.

² ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 1119. Л. 83.

³ ГАКК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–16об.

и улучшить экономическое положение дел в Малороссийском генерал-губернаторстве, объединявшем тогда две российские губернии и возглавлявшемся генерал-лейтенантом Н.Г. Репниным-Волконским. Они выполнили план переселения за один год, причём, в число переселенцев стремились включить побольше злостных неплательщиков недоимок, быстрее отправить в Черноморию значительную часть экономически несостоятельных бедняков, избавиться от немощных людей. В результате чиновники заметно улучшили социально-демографическую ситуацию в своих двух губерниях. А вот в местах приёма переселенцев не хватало места для прибывающих малороссиян, которых первоначально селили в хатах старожилов, а, соответственно, большая скученность людей обусловила рост заболеваемости. По сообщению смотрителя Каневского куренного селения, сотенного есаула Найдсона в период с декабря 1821 г. по август 1824 г. здесь умерли 84 переселенца, а родилось только 20 детей¹, то есть налицо отрицательная демографическая динамика.

Значительные изменения в казачьих куренных селениях Черномории произошли в 1828 г., когда из войсковой канцелярии поступило распоряжение Наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-майора А.Д. Безкровного об укрупнении поселений на основе объединения старых куренных селений, где наблюдалась сильная убыль населения, с новыми, более динамично развивающимися смежными поселениями. Так, например, Динское объединилось с Пластуновским, и теперь они стали одним куренным селением Пластуновским. Сергиевское соединилось с Платнировским, и они превратились в одно Платнировское куренное селение. Леушковское слилось в единое целое с Крыловским, и они образовали общее Леушковское куренное селение. Дядьковское интегрировалось с Кореновским и получилось одно Кореновское куренное селение. Березанское соединилось с Батуриным в общее Березанское куренное селение. А «дабы снятое с куреней название в войске сем не уничтожилось»², приняли решение дать их старинное наименование новым селениям.

---

¹ ГАКК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 174. Л. 342.

² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 536. Л. 8–11.

На этом волна поселенческих переименований вовсе не исчерпалась, а в новых названиях селений только отчасти учитывались старинные куренные прозвища¹. Сосыкское селение стало теперь Павловским, а Чернопротоцкое получило название Петровского куренного селения. Бывший отсёлок Леушковского куреня, селение Новотихеньское превратилось в Новолеушковское куренное селение. Бывший отсёлок Щербиновского куреня, образованный на правом берегу степной речки Ясени и названный селением Ясенское переименовали в куренное селение Новощербиновское. Сам же Щербиновский курень ранее войсковые власти водворили на место временного селения Чернобродского. Переименование Ясенского куренного селения, основу которого составляли прибывшие в 1821 г. переселенцы из малороссийских казаков, произошло по определению Войсковой канцелярии 9 июня 1827 г., и тогда же Щербиновский курень стал именоваться Старощербиновским². Но в столь масштабном переименовании куренных селений Новомышастовское, Новоекатеринославское и Новоольгинское селения сохранили названия.

В итоге укрепления человеческого капитала черноморских казаков в период с 1809 г. по 1826 г. на Кубань разновременно переселились 80 тыс. душ обоёго пола малороссийских казаков Черниговской и Полтавской губерний³. Это позволяет нам сделать вывод о коренном социально-демографическом обновлении казачества Черноморского казачьего войска в первой четверти XIX в., а также о радикальном изменении общественного лица Черноморья по сравнению с концом XVIII в., когда развернулось переселение на Кубань черноморцев. Заметное увеличение численности населения за счёт внешних демографических источников происходит в 1848 г., когда целенаправленно из

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1397. Л. 43–50; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 67.

² Ткаченко-Гильдебрандт В.А., Шкуро В.И. История одного куреня. Из казачьего прошлого станицы Старощербиновской Ейского отдела Кубанской области (1756–1918). URL: http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/staroshherbinovskaja_st/0-32 (дата обращения: 12.03.2023).

³ ГАКК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 169. Л. 297–298.

Малороссии в Черноморию прибывает новая партия переселенцев в количестве 2 тыс. казачьих семей¹.

Основная масса прибывавших на территорию Черномории переселенцев, особенно из состава первых двух потоков, оседала в старых куренных селениях черноморских казаков. Выходцами из Черниговской и Полтавской губерний заметно пополнилось население таких куреней как Ивановский, Калниболотский, Крыловской, Незамаевский, Стародеревянковский и др.² Лишь незначительный процент переселенцев стремился к основанию новых станиц, но в них, как правило, переходила и какая-то часть «старожилого» населения. К примеру, станицы Должанская и Камышеватская заселялись добровольцами из старых казачьих станиц Стародеревянковской, Старощербиновской, а также пополнялись новыми переселенцами из Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний³.

В результате заселение обширной территории Черномории первоначально не отличалось сколь-нибудь заметными успехами и широкими масштабами, ведь за первые десять лет после переселения здесь не появилось ни одного нового, выстроенного с нуля поселения с образованием новой казачьей общины. Суровые условия для обустройства в начальный период освоения Черномории обусловили уже в первые годы проживания на Правобережье Кубани настойчивые просьбы некоторых куренных обществ в Войсковое правительство о переселении куреней в более удобные места. Как писал Ф.А. Щербина, «были курени, менявшие по несколько раз свои места... такие как Деревянковский, Переяславский, Ирклиевский, Брюховецкий, Тимашёвский... очутились потом за десятки и даже сотни вёрст от места своего первоначального поселения»⁴.

Среди причин многочисленных жалоб казаков в войсковую канцелярию на неприемлемость занятого ими по жребию места для проживания, выделя-

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1290. Л. 8.

² ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8206. Л. 61об; Ф. 574. Оп. 1. Д. 422. Л. 30.

³ ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 451. Л. 81–82.

⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 57.

лись по частоте поступавших прошений и повторяемости излагаемых претензий к своему настоящему местонахождению: во-первых, существующие неудобства для эффективного развития хозяйства, что влекло за собой невозможность самообеспечения при проживании в данной местности, и, во-вторых, близость занимаемого места к черкесам, своими набегами разрушавшими казачьи хозяйства и похищавшими людей. Жалобы отдельных куреней, как правило, удовлетворялись в рамках направлявшихся в войсковую канцелярию прошений. При всей типичности изложенной ситуации по переселению казаков для понимания духа того исторического времени и стилистики объяснения предпринимаемых действий попробуем посмотреть на мир Черномории начала XIX в. глазами архивного документа, который обнаружен Е.А. Диким. Прочитаем прошение Переяславского казачьего куреня, поступившее в Войсковое правительство в 1800 г. и объясняющее причины настойчивой просьбы переяславских казаков по изменению для них нынешнего месторасположения куреня и переселению в иные пределы: «Куреня Переяславского общества, как известно оному правительству небезизвестно, поселено куренным своим селением при вершине речки Сасык Еи, где жительствуя с 1794-го года, претерпевает крайнейшие и нужды, первую, по малости и горкости в той речке воды, а вторую, по неурожаю, в разсуждении высоты степу, хлеба, и по неимению достаточных сенокосов. По таковым обстоятельствам и имеет намерение оным переселиться на избранное им, новым, именного Его Императорского Величества позволением, объявленного ему Григорьевским окружным правлением, при речке Великом Бейсуге, подле от данной умершим генерал-майором и кавалером Котляревским, на войсковую Святониколаевскую пустынь плотинной мельницы место, всходство какова реченного общества желания войсковому Черноморскому правительству представляя, покорнейше прошу о переводе оногo Переяславского селения в выше изъявленное место»¹.

---

¹ Дикий Е.А. Наш Павловский район: краеведческие очерки. Краснодар, 2019. С. 14.

В фондах ГАКК отложилось немало дел с просьбами от других куренных селений о переселении их на новые места, ввиду нехватки удобных для развития хлебопашества земель и неурожаев¹. Помимо вышеназванных, среди причин, побуждавших казаков отдельных куреней к переселению на новые места, также указывалась «скудность местности»: увы, большая и обильная природными ресурсами территория Черномории не везде и не всегда оказывалась столь благоприятной для проживания, как это представлялось её первооткрывателям. Это однозначно подтверждает приказ Екатеринодарского земского начальства от 27 декабря 1807 г. В нём прямо указывалось: «Состоящие по берегу р. Кубани селения и куренные общества имеют право переселяться на места, которые найдут выгодными к поселению»².

Топографические особенности местности также служили причиной отказа черноморских казаков от дальнейшего её освоения, ввиду невозможности беспрепятственно приступить к основным хозяйственным занятиям. Кошевой атаман войска верных казаков Черноморских и кавалер З.А. Чепега получил значительное количество прошений от Ведмедовского (Ведмидивского; Медвёдовского), Джерелиевского и Мышастовского куреней с просьбами об их непременно переселении в более благоприятные места, поскольку, как писали казаки, в нынешней местности они не могут свободно заниматься хлебопашеством, ввиду низинного характера занимаемых земель и постоянных от того наводнений, что, как мы понимаем, приводило не только к потерям возможного урожая, но и к утрате личного имущества.

Вместе с тем, следует обратить внимание на установленный войсковыми властями порядок переселения куреней на новые места, который детально описал Ф.А. Щербина. Всё начиналось с обстоятельного обращения куренного атамана в войсковую канцелярию с сообщением о желании казаков переселиться на новое место и обоснованием невозможности проживания на прежнем месте с указыванием на конкретные недостатки, не позволявшие казакам

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2832. Л. 2.; Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 6.

² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 172. Л. 10–11.

остаться в предписанном районе. Войсковая администрация направляла чиновника для проведения осмотра местоположения куреня и обязательного опроса его жителей. Если жители выказывали чиновнику упорное желание переселиться, и если старое место оказывалось действительно для казаков неудобным для постоянного проживания, содержало, как говорили в старину, инкомодиты великия, а новое место таких стеснений не имело, тогда войсковая канцелярия давала разрешение на переселение¹. Наиболее частым поводом для переселений куреней черноморских казаков, по мнению Ф.А. Щербины, становилось близкое расположение куренных селений к черкесам².

Подчеркнём, нельзя назвать административную реакцию войсковых инстанций на поступающие прошения куренных обществ о переселении из района ранее отведённого им участка на новое место однозначно положительной, встречались и случаи отказа в удовлетворении таких просьб. Так, после личного осмотра кошевым атаманом З.А. Чепегой хозяйственного состояния Васюринского куренного селения его жители получили отказ на переселение из отведённого им места. Желание Васюринского куреня переселиться куренным обществом на берега реки Бейсужек отражается в выписке из журнала Черноморского войскового правительства по войсковой экспедиции от 28 февраля 1800 г., где приводится обращение казаков. В прошении атамана Васюринского куреня, прапорщика И. Животовского, поданного 3 ноября 1799 г., отмечалось: «хотя и поселены от города Екатеринодара в 40 верстах подле речки Кубани, в котором места нет скотоводству, так и прочие заведения невозможны, потому что река Кубань состоит от селения Васюринского в 2-х верстах, хотя и есть состоящее подле оногo небольшое озеро, в котором вброд образуется топкое место, когда скот гоняют к водопою, он в грунте (скот) утопает, потом невозможно его вызволить. А сверх того, ещё от частых закубанских хищников на жителей нападения и воровство у них рогатого скота и лошадей, причиняемых обиды, которые ныне приводят к оскуднению»³.

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 57.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 12. Л. 2–2об, 14.

Войсковой атаман Черноморского казачьего войска, генерал-майор Т.Т. Котляревский 14 сентября 1799 г. в своём обращении к императору Павлу I, характеризуя Васюринскую и другие прикубанские селения, отмечал: «Поселены противу желания не на выгодных местах при реке Кубани. От частых лихорадок много людей умирает, а скот закубанские хищники часто воруют, у прочих селений гнилые и непригодные воды, испытывают нужду»¹. Очевидно, что атаман Т.Т. Котляревский реального положения в куренных селениях не знал, ибо во время атаманства проживал в Санкт-Петербурге, и руководствовался исключительно присланными ему бумагами.

Войсковой атаман Черноморского казачьего войска (1816–1827), полковник Г.К. Матвеев вник в ситуацию более обстоятельно, и 1826 г. о Васюринском селении он пишет следующее: «Земля самая удобнейшая, хлеб родит в довольном противу посева изобилии и разный, как-то рожь, пшеница, овёс, ячмень, просо и гречиха: хлебопашество и сенокос жители производят от селения в четырёх верстах. Земли хлебопахотной и сенокосной весьма довольно, кроме хлебопашества жители занимаются большей частью скотоводством, а некоторые и рыбной ловлей, как на р. Кубани, так и при Азовском море, водою довольствуются люди из вырытых колодцев»².

Таким образом, причиной отказа кошевого атамана З.А. Чепеги васюринцам в переселении на новое место оказались относительно неплохие условия для активного ведения хлебопашества и разведения скотоводства, наличие в распоряжении куренного общества водных пресных ресурсов, изобилующих рыбой, а от набегов закубанских горцев страдали и другие селения, ведь проживали казаки в приграничной полосе.

1 июля 1842 г. император Николай I Высочайше утвердил новое «Положение о Черноморском казачьем войске», а до этого войско пользовалось Положением, подтвержденным 26 апреля 1827 г., которое не могло решить многих ранее назревших и вновь возникших вопросов социально-экономического

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 12. Л. 13.

² Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы / сост. Н.В. Малеева, и др.; редкол.: В.В. Горковенко и др.. Краснодар, 2006. С. 414.

характера. Центральная власть стремилась унифицировать управление и приблизить его к общероссийскому законодательству. Положение 1842 г. разработали вскоре после принятия Положения об управлении Донским казачьим войском, поэтому в нём часто встречается такое выражение, как «по образцу войска Донского».

Основными поселенческими структурами на момент принятия «Положения» являлись станицы и хутора. В ведомости об общем числе станиц и хуторов в Черноморском казачьем войске за 1843 г. по трём утверждённым (с 1842 г.) округам в Ейском отделе перечислено 19 станиц и 587 хуторов, в Екатеринодарском – 20 станиц, 747 хуторов, в Таманском – 20 станиц, 656 хуторов¹.

Тем самым, возникшая ещё со стародавних времён куренная система на рубеже XVIII – XIX вв. полностью разворачивается в Черноморском казачьем войске, расположившемся на Правобережье Кубани. В Полном собрании законов Российской империи, в докладе Военной коллегии от 13 ноября 1802 г. «Об устройстве Черноморского войска» отмечалось: «Ныне существующий внутренний сего Войска воинский распорядок, основан будучи на правилах прежнего Запорожского, состоит из Войскового коша, который есть главный стан войска, и под главным начальством Войскового (Кошевого) Атамана составляют его 40 Куреней, тех самых наименований, какие существовали в Войске Запорожском, с чинами и служителями по росписи в 1792 году Июня в 30-й день означенными»².

В 1809 г. в официальных документах Черноморского казачьего войска отказываются от слова «курень» в названии поселений, и курени именуются куренными селениями. По мнению Н.Ф. Бугая, переход к названию «куренные селения» обуславливался ростом численности населения в куренях (поселениях) и расширением их хозяйственно-экономической деятельности³.

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1706. Л. 13об.

² Об устройстве Черноморского войска. Высочайше утверждённый [императором Александром I] доклад Военной Коллегии. 13 ноября 1802 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XXVII. Ст. 20.508.

³ Бугай Н.Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины до начала XX вв. Тула, 2007. С. 70.

В Черноморском казачьем войске долгое время все курени, разместившиеся ближе к реке Кубани, располагали большим пахотным клином, и на каждого казака приходилось до 30 десятин. Однако с ростом народонаселения в войске казачьи наделы неизбежно стали уменьшаться. Для решения проблемы малоземельным станицам в малозаселённой части войска начали выделять дополнительные наделы, но приписывали такие наделы к юртам ближайших станиц¹. Получили свои дополнительные земельные наделы в Кугоейской степи такие малоземельные станицы, как Пашковская, Сергиевская, Старокорсунская и др.²

Таким образом, при наличествующих исторических формах поселений в Черноморском казачьем войске курень как социально-экономическая система вначале заменил первичные (временные) слободки, но не противодействовал хуторам, затем обеспечил рост куренных селений до уровня крупных кубанских станиц, базисных центров развития всей Черномории.

2.3. Образование и укоренение поселений линейных казаков

Казаки-линейцы, ставшие неотъемлемой частью кубанского казачества, проживали в Баталпашинском, Кавказском, Лабинском, в части Екатеринодарского и Майкопском отделах Кубанской области, образованной в 1860 г. Свое название линейцы ведут от системы кордонных линий, служивших опорными позициями для закрепления российского влияния на Кавказе, и сюда направлялись различные группы переселенцев и воинские подразделения для военно-хозяйственного обустройства на длительный срок и поселения на вечные времена. Процесс заселения Линий и процесс освоения территорий Закубанья исторически лишь частично совпадают в 1840–1860-е гг., иначе говоря, заселение Линий представляет собой более раннее историческое явление, которое

---

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3326. Л. 3.

² Памятная книжка Кубанской области на 1877 год. Екатеринодар, 1877. С. 88.

характеризуется активным участием казачества в созидательном строительстве, подталкиваемым к переселению на новые рубежи кавказского фронта российским государством.

Согласно данным Б.Е. Фролова¹, кордонные линии на Кубани представляют собой не обособленное историческое явление, а выступают частью длительного исторического процесса по созданию Россией протяжённой полосы кавказских укреплений, когда русские войска в XVIII–XIX вв. вели боевые действия, и стремились таким способом закрепить достигнутые победы.

Черноморское казачье войско, начиная с октября 1793 г., принялось за обустройство Черноморской кордонной линии, пролежавшей от берегов Чёрного моря (от Бугазского лимана) по правобережью реки Кубань до Воронежского редута (точнее до поста Изрядный источник), расположенного в 17 верстах ниже впадения реки Лабы в реку Кубань, иначе говоря, черноморцы приняли на себя охрану основной части Правобережья Кубани, Соседний участок (от поста Изрядный источник и далее на восток), или правый фланг Кавказской линии начинают укреплять донские переселенцы, в военно-организационном отношении составившие Кубанский казачий полк. Этот участок со временем получил название Старая Линия, а всю Кавказскую укреплённую линию разделили на три основных фрагмента: левый фланг, центр, правый фланг, и уже с последним состыковывалась Черноморская кордонная линия, первые годы своего существования также называвшаяся Кубанской, или сокращённо именовавшаяся Черноморский кордон. С 1830 г. Черноморская кордонная линия по новому военно-организационному делению считалась правым флагом Кавказской укреплённой линии.

В тот же исторический период, когда черноморцы активно заселяли западную часть Правобережья Кубани, развёртывалось освоение преимущественно казаками восточной части обозначенного субрегиона, происходило укрепление Кубанской кордонной линии, при этом водворение новых поселе-

---

¹ Фролов Б.Е. Казачество Кубани: военно-энциклопедический словарь. Краснодар, 2014. С. 100–101.

ний на Кубанской (Старой) линии, на равнинных территориях по правую сторону реки Кубани вдоль её течения осуществлялось исключительно в военных целях. Новый этап функционирования Кавказской кордонной линии непосредственно связан с именем русского полководца, генерал-поручика Ивана Васильевича Гудовича (1741–1820). Гудович направляет в январе 1792 г. императрице Екатерине II свои соображения о необходимости проведения насущных преобразований и улучшений Кавказской линии, которую на протяжении от устья реки Терек, впадающей в Каспийское море, и до реки Кубани он считал крайне неустроенной, а потому требовавшей осуществления коренных преобразований. По его мнению, приграничное пространство на всём протяжении от Григорополисского редута до самого устья реки Кубани, как и в восточном направлении до реки Терека, весьма слабо защищено и остаётся совершенно открытым для внешнего воздействия неподконтрольных горских народов. Поэтому И.В. Гудович настойчиво предлагал усилить Кубанскую линию вооружённым населением и устроить двенадцать новых станиц, непременно привязать их к местам расквартирования уже посёлённых Волжского и Хопёрского казачьих полков и расположить пограничным вектором от реки Малки и до крепости Прочный Окоп. А далее, в направлении от крепости Прочный Окоп и до самого устья реки Кубань обязательно поселить донских казаков и образовать таким способом новую линию, «которая служила бы постоянным оплотом против вторжения закубанских горцев»¹. Чтобы эта линия «не оберегала бы пустых земель и лесов», И.В. Гудович считал полезным переселить из внутренних губерний России в Прикубанский край 10 тыс. малоземельных государственных крестьян, которые бы занимались земледелием и значительно удешевили бы в материально-финансовом плане довольствие кавказских войск провиантом и фуражом.

---

¹ Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801–1901 / Под руководством начальника штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта Н.Н. Белявского, составлен в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора В.А. Потто. Кн. 3: Том III: Часть 1: Время Алексея Петровича Ермолова: 1816–1826 / Сост.: В.А. Потто, Н.С. Аносов, В.И. Томкеев. Тифлис, 1901–1908. С. 6.

Тем самым, укрепление государственной границы на Кавказе, с точки зрения И.В. Гудовича, зависело: от увеличения плотности заселения приграничных территорий, ускоренного образования на них новых казачьих станиц и надёжности их военного укрепления; от хозяйственного обустройства осваиваемого пространства и проведения фортификационных работ; от снижения конфликтности взаимоотношений русских поселенцев с соседними горскими народами; организации самообеспечения размещаемых воинских подразделений, в том числе, за счёт переселения в Прикубанье новых партий населения.

Так по инициативе генерала-аншефа И.В. Гудовича на берегах рек Терека и Кубани возникает череда новых российских укреплений и казачьих станиц, заметно упрочившая Кавказскую кордонную линию. Под защитой её укреплений, в обширных и плодородных прикубанских степях переселенцы из различных уголков России основывали поселения и налаживали хозяйство. Процесс этот начался после объявления в 1783 г. русла реки Кубань государственной границей Российской империи, и тогда возводятся такие важные военные укрепления как редут Григорополис (1784 г.), крепость Прочный Окоп, Темнолесский ретраншемент (заложен на высшей точке Ставропольской возвышенности, горе Стрижамент в 1789 г., в районе лесного букового урочища Тёмный лес) и др.

Вновь создаваемый участок Кавказской линии планировалось заселять находившимися на воинской службе в этом районе донскими казаками, подчинявшимся в то время генерал-аншефу И.В. Гудовичу. Поэтому имперская власть сочла возможным обратиться к донскому казачеству, чтобы организовать заселение новых, кавказских рубежей. В именном Высочайшем указе императрицы Екатерины II от 9 мая 1792 г., Наказному атаману Войска Донского, генерал-поручику А.И. Иловайскому говорилось: «Обращая матернее попечение наше на спокойствие и безопасность верных подданных наших и на закрытие пределов наших Кубанских от набегов необузданных соседних горских народов, повелели Мы командующему в том краю войсками нашими ге-

нералу Гудовичу произвести вновь на линии построение нужных к ограждению оной крепостей и редутов, а для вящего усовершения той линии завести на оной вновь казачьи станицы, в которые по исчислению до трёх тысяч семей потребно. К такому поселению назначили Мы употребить шесть донских полков под начальством его находящихся, которые и должны быть в полном пятисотном комплекте»¹. Но намерение имперских властей оставить донцов на постоянное поселение (не менее 200 семей в каждую станицу) вызвало сильнейшее недовольство и социальное брожение среди казаков. Реализация важнейших государственных планов по военно-хозяйственному укреплению Кавказской линии и по основанию в тех местах, как минимум, 12 новых станиц сдерживалась нежеланием донцов перемещаться на беспокойные пограничные рубежи. Донские казаки вовсе не хотели покидать уже давно обжитые места Тихого Дона и переселяться в неизвестные дали к негостеприимным берегам Кубани. Началось массовое бегство казаков, окончивших положенный срок службы, из воинских частей, располагавшихся на Кавказе. Дело дошло до ухода в родные станицы донских казачьих полков в полном составе, и, как описывал сложившуюся ситуацию И.Л. Дебу, «опасаясь лишиться навсегда отечественной земли, все 6 полков, в мае 1792 года, оставили своих старшин и, захватив полковые знамёна, самовольно ушли на Дон, где подняли бунт, усмирённый уже силой оружия»² и получивший название в истории Есауловский бунт 1792–1794 гг.

Весьма беспокойная социальная ситуация складывалась и в самих донских поселениях, где в 5 станицах казаки упорно отказывались исполнять полученное Высочайшее повеление, и даже войсковое начальство никакими уговорами не могло склонить донцов к повиновению. Тогда власти решили в срочном порядке расположить армейские батальоны близ следующих 5 донских станиц: Верхне-Чирская, Есауловская, Кобылянская, Нижне-Чирская,

---

¹ Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского: Грамоты. Новочеркасск, 1864. С. 295.

² Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах: 1816–1826. СПб., 1829. С. 169.

Пятиизбянская. 5 марта 1794 г. правительство Войска Донского с удовлетворением доносило начальствующему генерал-аншефу И.В. Гудовичу: «Все станции войска Донского, повинуюсь Высочайшей воле на переселение Кубанское казакам наряды учинили, дабы тем успокоя их, донести к отправлению должной службы со всяким повиновением»¹. Так только лишь в 1794 г. под воинским конвоем удалось переселить на Кубань тысячу семей донских казаков (всего 4701 душа) в основном из станиц наиболее сопротивлявшихся переселению. На кавказские пограничные рубежи потянулись многочисленные казачьи подводы со всем домашним скарбом и животными. В записке неизвестного автора отложившейся в ГАРФ, отмечалось: «Уходили на всю жизнь, большей частью не суждено им было вернуться на Тихий Дон»².

Донские казаки основали на Кавказской линии при уже существующих там военных укреплениях на большом пограничном пространстве протяжённостью 300 вёрст вдоль среднего течения реки Кубань следующие станицы: Воровсколеская, Григорополисская, Кавказская, Прочноокопская, Темнолесская, Усть-Лабинская. Хозяйские дворы переселенцев в образованных 6 станицах строили по единому поселенческому образцу на прямоугольных земельных участках длиной 20 сажень (42,7 метра) и шириной 15 сажень (32,0 метра), а вокруг возводились ограждения. Для каждой вновь водворяемой станицы отдельно отводилось 1 000 квадратных сажень (4552,25 м², или примерно 0,5 гектара) для устройства поселенческого кладбища.

В конце 1795 г. командующий на Кавказе, генерал-аншеф И.В. Гудович издал приказ, где подводились итоги произведённого переселения, и в этой связи подчёркивалось, что поскольку «поселённые на Кубани, переведённые с Дону, семейные казаки обзавелись хозяйством и исправились, то по сему составить из поселённых казаков полк»³. Так из казаков 6 новых водворённых

---

¹ Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1914. Т. XIX. С. 459.

² ГАРФ. Ф. 649. Оп.1. Д. 519. Л. 47.

³ Колесников В.А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григорополисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь, 1995. С. 19.

станци – Воровсколесской, Григорополисской, Кавказской, Прочноокопской, Темнолесской и Усть-Лабинской – образовали Кубанский конный полк.

Некоторое время водворяемые в конце XVIII – начале XIX вв. станицы особо не укреплялись, и лишь с 1802 г. поселения стали обносить рвами, валами, колючим терновником, а вокруг церквей строили деревянные или каменные ограды с бойницами. На выездах из станиц сооружали крепкие ворота, к которым приставлялись на ночь фиксирующие закрытие ворот рогатки, и, соответственно, на въездах в станицы постоянно находилась стража¹.

В 1802 г. на малозаселённый участок Кавказской укреплённой линии в промежутке между Усть-Лабинской крепостью и крепостью Кавказской прибывают на постоянное поселение бывшие екатеринославские казаки, о чём документальные свидетельства приводит Е.Д. Фелицын². В хронологический период 1802–1804 гг. образуются станицы Казанская, Ладожская, Темижбекская и Тифлисская, основанные казаками Воронежского полка бывшего Екатеринославского войска, сформированного в 1788 г. из крестьян, старообрядцев, мещан, и прибывшего на Кубань в составе 3277 человек. Здесь же заметим, что с начала XIX в. на Кубани стали возникать крестьянские земледельческие селения. В 1804 г. у Воронежского редута создаётся станица Воронежская. В результате активного водворения новых казачьих станиц на Кавказской укреплённой линии из состава населения 5 станиц (Воронежская, Казанская, Ладожская, Темижбекская и Тифлисская) формируется Кавказский казачий полк. В 1819 г. во избежание чересполосного владения земельными угодьями и для предотвращения возможных земельных споров Кавказского казачьего полка с Кубанским к Кавказскому казачьему полку причисляется станица Усть-Лабинская, а взамен к Кубанскому казачьему полку относится станица Темижбекская. Теперь станицы распределялись между полками следующим образом:

---

¹ Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о посёлённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах: 1816–1826. СПб., 1829. С. 288.

² Фелицын Е.Д. Переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского войска и образование из них, в 1802 году, Кавказского конного полка // Кубанский сборник. 1894. Т. 3. С. 1–33. Паг.

Кавказский казачий полк составляли станицы: Воронежская, Казанская, Ладожская, Тифлисская, Усть-Лабинская; Кубанский казачий полк объединял станицы: Воровсколескую, Григорополисскую, Кавказскую, Прочноокопскую, Темижбекскую, Темнолесскую.

В начале XIX в. на всём пространстве к северу от Кубани образовались почти все крупные селения, но при этом водворённые поселения Правобережья Кубани на протяжении от Тамани до станицы Воронежской находились в составе Черноморского казачьего войска. Станицы вверх по течению реки Кубань (среднее и верхнее течение) от станицы Воронежской (включительно) вошли в состав Кубанской кордонной линии как неотъемлемой части Кавказской укреплённой линии, и, соответственно, проживавшие и служившие здесь казаки именовались линейцами, хотя Кавказское линейное казачье войско как обособленное казачье формирование образуется лишь в 1832 г. Название линейцы в отношении казаков распространилось далеко за пределы Кубани, а в самом же историческом регионе Кубани оно относилось к казакам, находившимся на военной службе и проживавшим в поселениях на Старой (Кубанской) линии, а позже и обустроившихся на Новой (Лабинской) линии. Общая численность населения на Старой (Кубанской) линии составляла в начале XIX в., как и всего казачьего населения на территории Черномории, около 25 000 человек¹.

В 1817 г. при осуществлении военной инспекции крепости Прочный Окоп командующий Отдельным Грузинским корпусом, главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, и в то же время чрезвычайный и полномочный посол России в Персии, генерал-лейтенант А.П. Ермолов посетил и близлежащую станицу. По его мнению, выбранное место для водворения станичного поселения возле нынешней крепости оказывалось совершенно непригодно для проживания людей: «Кубань наполняла водой и чрез окна входила в жилища: болезни и смуты

---

¹ Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 23. Тифлис, 1897. С. 225.

превосходили вероятие»¹. Генерал приказал перенести станицу Прочный Окоп на новое место, на более высокий правый берег реки Кубань на расстояние в четыре версты вниз по течению. Тем не менее, на прежнем месте расположения станицы, вдоль прорубленной по приказу А.П. Ермолова лесной просеки сохранилось небольшое поселение, в котором продолжали проживать казаки-линейцы, не желавшие покидать свои обустроенные усадьбы и назвавшие бережённое первопоселение Старой станицей. В статистической ведомости Военного Правления Кубанского казачьего войска за 1861 г. кратко зафиксировано: «Станица Прочноокопская устроена в 1794 г., а после наводнения р. Кубани в 1817 г. переселена в другое место ниже по течению р. Кубани в 4-х верстах, и в 1820 г. по плану тесными дворами огорожена кругом плетнём сорвом, находится в хорошем состоянии»². Всего в Прочноокопской числилось 443 семейств, 3526 жителей. В станице находились следующие учреждения: военно-ссудная комиссия, бригадное, полковое и станичное управление, сотенная и батарейная канцелярия, лазарет, гауптвахта, станичная почтовая станция, училище 2-й Кубанской бригады и питейный дом. В военно-организационном отношении станица Прочноокопская входила в состав 2-й бригады Кубанского казачьего войска и обеспечивала безопасность государственной границы Российской империи. В 1840-е гг. станица являлась важным перевалочным пунктом, поскольку сюда прибывали казаки из других станиц – Дона, Старой линии, Полтавской губернии и т.д., а уже отсюда они следовали по маршруту дальше, на новую Лабинскую линию. После прибытия на Линию донские казаки получали двухгодичную льготу, ибо в этот период они воинскую службу не несли, а обзаводились хозяйством и обустраивали свои жилища.

Постоянные войны России с соседними странами, Турцией и Персией, непрекращающиеся военные столкновения с горцами и ежедневное обеспечение

---

¹ Записки А.П. Ермолова, 1798–1826 / [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Фёдорова]. М., 1991. С. 302.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 162. Л. 179.

защиты государственной границы Российской империи требовали привлечения значительных материальных средств и человеческих жертв со стороны линейцев (так же, как и со стороны черноморцев), а между тем численность казаков-линейцев оставалась по-прежнему крайне мала. Причинами такого положения вещей являлись не только высокая смертность в результате сохранения конфликтной обстановки, но и выполнение основных военно-хозяйственных задач для функционирования Кубанской кордонной линии по созданию эшелонированной обороны государственной границы и формированию воинских частей постоянной готовности. Непрерывная служба по охране достаточно протяжённой границы по реке Кубань на большом расстоянии в 365 вёрст заметно истощала силы линейного казачества. Бывали случаи, когда для охраны линии выставлялись даже малолетние подростки 16-летнего возраста, поскольку взрослых мужчин в станицах не хватало. Весь этот комплекс причинно-следственных связей побуждал военное руководство заботиться об увеличении населения на Кубанской кордонной линии путём водворения новых станиц.

В начале 1820-х гг. Кубанская кордонная линия охватывала всё среднее течение реки Кубань, включая часть её верховий, на протяжении от устья реки Большая Лаба (левого притока реки Кубань) до укрепления Каменный мост. Сформировавшаяся кордонная линия как цепь ключевых крепостей, отдельных укреплений, фортов, редутов, пикетов, наблюдательных постов и постоянных поселений в оборонительно-пограничном плане логически делилась на три участка. Первый (Баталпашинский) участок пролегал от укрепления Каменный мост до крепости Невинный мыс (при которой в октябре 1825 г. возникла станица Невинномысская; ныне это город в Ставропольском крае) и захватывал территориальное пространство устья реки Малый Зеленчук и устья реки Большой Зеленчук (левые притоки реки Кубань). В результате водворения в верховьях реки Кубань новых стационарных поселений хопёрских казаков в течение 1825–1827 гг. значительно упрочились российские позиции в предгорьях Кавказа, и образовавшаяся цепь казачьих станиц довольно плотно и достаточно надёжно прикрывала Кубанскую кордонную линию. Кубанская

кордонная линия к середине 1830 г. состояла из Усть-Лабинского, Прочно-окопского, Баталпашинского и Ставропольского участков, и насчитывала 13 укреплений, 58 постоянных постов. К осени 1827 г., основываются станицы Барсуковская, Невинномысская, Беломечётская, Баталпашинская на Кубани, станицы Бекешевская и Карантинная (с 1835 г. Суворовская) на Куме.

Новые станицы нередко возникали в районе небольших линейных укреплений, как например, станица Баталпашинская основывается на месте Баталпашинского укрепления, причём, Баталпашинский участок Кубанской кордонной линии считался самым опасным из-за постоянных набегов горцев. С наступлением вечерних сумерек люди здесь укрывались в хорошо укрепленных станицах, обнесённых двумя рядами плетней и имевших по четырём углам в постоянной готовности батареи пушек. Естественно, такая напряжённая конфликтотенная ситуация между российскими поселенцами и горцами не могла не волновать региональное военное руководство, поскольку она заметно сдерживала освоение новых приграничных территорий. В 1831 г. вторично на Кавказскую укрепленную линию возвращается русский полководец, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов (1785–1838) по прозвищу Горский Ганнибал, когда он назначается командующим войсками Кавказской линии и Черномории и начальником Кавказской области. Вельяминов грамотным руководством значительно укрепил Кавказскую линию и сумел организовать надёжную оборону от постоянных набегов горцев на Кубанской кордонной линии.

В 1832 г. Алексей Александрович представил свой план покорения Северного Кавказа российскому императору Николаю I, получивший название «Об усилении Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых близлежащих казённых селений». Основопологающая идея военно-хозяйственного проекта А.А. Вельяминова заключалась в создании плотного массива русских (казачьих) поселений для покорения Северного Кавказа. По мнению А.А. Вельяминова, для скорейшего «покорения Кавказа нужны не укрепления, а казачьи станицы, которые, постепенно двигаясь вперёд, вытеснят, наконец, горцев с плоскостей и займут все их посева и пастбища». Как считал Алексей Александрович, «станицы – те же

укрепления, кои, несмотря на обширность довольно значительную, требуют для обороны гораздо менее пехоты, а в продолжение некоторого времени совсем не будут иметь нужды в оной. Кроме того, станицы представляют ещё ту выгоду, что каждая из них может вмещать в себе человек 200 и более казаков, чего в мелочных укреплениях иметь невозможно. Наконец, поселением сих станиц отнимаются у горцев значительные пастбища, отчего они лишаются своих лошадей, т.е. одного из главнейших средств делать набеги на границы наши с успехом». Сверх этого, Вельяминов находил «нужным многие места занять собственно укреплениями. Самые станицы селить в местах просторных, изобильных лугами и пашнями, а укреплениями занять входы в ущелья или устроить их в самых теснинах, дабы возбранить, по мере возможности, проезды в сих убежищах, своевольство и безначалия»¹. Тем самым, ядром поселенческого пространства, без чего оказывалось невозможно укрепиться России на Кавказе, Вельяминов считал станицу.

Он неоднократно направлял доклады императору Николаю I и постоянно при этом подчёркивал важность поселенческого подхода к освоению региона. Как полагал А.А. Вельяминов, необходимо безостановочно продвигаться вперёд на новые территории, пусть даже понемногу, но завоёвывать новые земли и, главное, бесповоротно заселять новые территориальные пространства, для чего активнее привлекать казаков и направлять на Северный Кавказ переселенцев из внутренних российских губерний. Проект А.А. Вельяминова заключался в осуществлении целого комплекса конкретных мер, которые предполагали: активное строительство новых русских военных укреплений непосредственно на землях горцев; лишение непокорных народов исходной продовольственной базы за счёт изъятия у них лучших низинных пастбищ и сокращения таким способом наличествующего поголовья овец; уменьшение тем же самым способом численности лошадей, необходимых горцам для совершения захват-

---

¹ Вельяминов А.А. Способ ускорить покорение горцев (мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 67.

нических набегов; водворение на отторгнутых у горцев земельных угодьях новых казачьих станиц; целенаправленное выжигание в назидательных целях тех горских аулов и урожая с полей, где население оказывало какое-либо сопротивление; полное разоружение горцев, которые согласились подчиниться российским властям¹.

Тем самым, центральным элементом военно-хозяйственного проекта А.А. Вельяминова выступало создание большого количества поселенческих структур (прежде всего, станиц), которые он считал лучшей и надёжной опорой на новых российских территориях. Начиная с 1832 г., обустройству Кавказского линейного войска Вельяминов отдавал бесконечно много сил, и в итоге ему удалось заметно нарастить численность войска за счёт перевода русского населения в казачье сословие и путём изменения статуса казённых поселений и обращения их в казачьи станицы. В результате по Высочайшему указу от 2 декабря 1832 г.² ряд крестьянских селений преобразуются в станицы, и к Кубанскому казачьему полку причисляются следующие селения: Дмитриевское, Новоалександровское, Новотроицкое, Расшеватское, Успенское. К числу поселений Старой линии также прикрепляются образовавшиеся из крестьянских селений следующие станицы: Архангельская, Ильинская, Каменнобродская, Новодонецкая, Новомалороссийская, Новомарьевская, Рождественская, Сенгилеевская и Старомарьевская³.

Военно-хозяйственный проект А.А. Вельяминова не был единственным вариантом окончательного завоевания Российской империей формально присоединённой территории Северного Кавказа. В 1832 г. генерал-адъютант, генерал от инфантерии, светлейший князь Варшавский, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, представил свой план колонизации горцев Северо-Западного

---

¹ Вельяминов А.А. Способ ускорить покорение горцев (мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 67–68.

² Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казённых селений. Именной [Указ императора Николая I], данный Сенату. 2 декабря 1832 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. VII. СПб., 1833. Ст. 5796.

³ ГАСК. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 467. Л. 4, 28, 30.

Кавказа, ключевой идеей которого выступали миграционные процессы. Согласно его плану, следует «принимать меры к увеличению народонаселения путём привлечения выходцев из внутренних губерний страны, переселять в Анапу малороссийских казаков»¹. В 1830 г. граф И.Ф. Паскевич предложил там заранее выстроить 100 домов для переселенцев².

С 13 сентября 1831 г. главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области и командиром Отдельного Кавказского корпуса становится генерал от инфантерии, генерал-адъютант, барон Г.В. Розен. По его поручению исполняющий должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса, генерал-майор В.Д. Вольховский формирует в январе 1834 г. на основе предложений И.Ф. Паскевича и А.А. Вельяминова «Общий план успокоения Кавказа и проект переформирования пехоты Отдельного Кавказского Корпуса».

Генерал-фельдмаршал, князь Варшавский, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский в письме военному министру Российской империи, генерал-адъютанту и кавалеру, графу А. И. Чернышёву 24 марта 1834 г. излагает свои критические замечания в отношении представленного императору Николаю I проекта «Общий план успокоения Кавказа и проект переформирования пехоты Отдельного Кавказского Корпуса». Однако в нём содержатся важные идеи А.А. Вельяминова, касающиеся обустройства Кавказской укрепленной линии: «Первоначально завладеть всеми низменностями, на коих Горцы имеют своё хлебопашество, и по мере вытеснения их переводить туда станицы кавказских Линейных и Черноморских казаков. Потом занять особыми укреплениями вершины рек и ущелья чрез кои ведут пути из гор, для воспрепятствования хищникам делать грабежи, и посредством особых наблюдательных отрядов пресечь горцам всякое сношение с Турками по берегу Чёрного моря. Кажется, что второй период сих предприятий должен по справедливости быть первым, ибо невозможно выселять казачьи станицы на места с коих вытесним неприязненные

---

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 8.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 344.

нам племена, доколе выходы главных ущелий не будут заняты и защищены нами»¹.

Как правомерно полагал граф И.Ф. Паскевич, надо «решить трудный вопрос: возможно ли в одно время подвинуть вперёд всю нашу линию, на протяжении с лишком 800 вёрст? Если бы, наконец, это и было возможно, то редуты сей новой линии, выставленные вперёд на такой значительной длине, не будут иметь между собой соединения, по чрезвычайно пересечённому местоположению страны, и Горцы озлобленные своим стеснением всегда найдут возможность прорываться между редутами и делать в тылу разбои. Нынешняя пограничная черта с Горцами на Кубани и Сундже конечно твёрже всякой другой, которую можно надеяться приобрести впереди, однако же, мы видели, когда в 1826 году поселения казачьи были передвинуты с большой дороги только на некоторых пунктах, то и тогда уже для удержания Границы и отражения набегов в тылу сделались потребны большие усилия и особенная, непрерывная бдительность, что мало-помалу вовлекло в необходимость увеличить охранную стражу и резервы на Кубани»².

Граф И.Ф. Паскевич со знанием дела рассуждает о военно-хозяйственных трудностях водворения линейных станиц: «Для заселения низменностей, с коих будут вытеснены Горцы, назначается учредить по главнейшим рекам 34 станицы линейных казаков, для заведения коих, с небольшой обороною, исчислено до 14 ½ миллионов руб., и от 6-ти до 7 лет времени. Средства сии также чрезмерно отягчительны, не говоря уже о других неудобствах, которые неминуемо повлечёт за собою сие новое переселение Линейных казаков. Они должны будут не токмо бросить дома и сады свои, устроенные с такими трудами и усилиями в течении многих лет, но даже лишатся при этом и хороших пашен, ибо продвигаясь далее в горы, найдут нередко землю, где хлеб с трудом созревает. Итак, Правительство встретит необходимость не только содержать казаков казённым провиантом, но даже отпускать паёк их жёнам и детям. Одним словом, я лично видел, до какой степени и первое переселение Линейных

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 510.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 513.

казаков с большой дороги на Кубань привело их в нищету и расстройство; повсюду во время моего проезда подавали просьбы на разорение от подобного переселения; новое же переселение в конец истребит столь нужных людей, которые в том краю можно сказать они составляют надежнейший оплот противу горцев»¹.

Но И.Ф. Паскевич поддержал проект Г.В. Розена в той части, где речь шла о форштадтах: «Я совершенно разделяю мнение Генерал-Адъютанта барона Розена, которое, впрочем, также основано на моём прежнем предположении, чтобы женатых нижних чинов, которые захотят там селиться, по выслужении 10-ти летнего термина [срока. – *авт.*], увольнять от фронтовой службы и давать им места для посёлков, с производством, как им, так и их жёнам обыкновенной дачи провианта, а детям их по полупайку. Нижних чинов сих, я полагал бы, в каждом из имеющих вновь отстроиться редутов поселять по одной роте. Они будут там хорошою охранною стражею и вместе с хозяйственными колониями, которые в последствии положат начало основанию Военных поселений в том краю»². Заметим, предложение о форштадтах вписывалось в логику обустройства Кавказской укрепленной линии, которую отстаивал и проводил в реальную жизнь А.А. Вельяминов.

В 1820-е – 1830-е гг. на Старой (Кубанской) линии происходит ряд существенных административно-территориальных преобразований, обусловленных стремлением избежать ненужной чересполосицы в земельных угодьях, для чего некоторые станицы перераспределяются между полками. В конце 1830-х гг. в состав девяти полков Кавказского линейного казачьего войска в общей сложности входило 88 казачьих станиц Кавказской области.

С июля 1833 г. Баталпашинским участком протяжённой Кубанской кордонной линии, неотъемлемой составной части Кавказской укрепленной линии командовал полковник, барон Г.Х. фон Засс (1797–1883), одна из легендарных личностей Северо-Западного Кавказа. Именно барону Зассу обязаны своим

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 514–515.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 515.

возникновением многие населённые пункты на Кубани, в том числе: город Армавир (1839 г.), станица Вознесенская (1841 г.), станица Зассовская (1839 г.; бывшее Арджинское укрепление, Лабинская (1841 г.), Урупская (1841), Чамлыкская (1841 г.). В 1835 г. Засс назначается командующим всей Кубанской укрепленной линией, и по свидетельству Д.В. Раковича, «Местопробывание Засса, крепость Прочноокопская, повергало в ужас не только закубанцев, но и всех проезжающих. Она окружена была высоким валом с частоколом по гребню, на котором во многих местах торчали головы черкесов»¹. По предложению Г.Х. фон Засса начинается устройство новой Лабинской кордонной линии, проект которой он тщательно подготовил ещё в 1836 г. Кроме редутов, постов и укреплений начали появляться казачьи станицы, чтобы «стать прочною косою у подножия гор»².

В феврале 1837 г. император Николай I утвердил представленный ему проект сооружения Новой кордонной линии, получившей своё название Лабинской по главному речному топониму, где теперь планировалось развернуть масштабное военно-оборонительное строительство. Казалось бы, сбылась мечта барона фон Засса. Но возведение новых опорных пунктов по реке Лаба начинается только в 1840 г. Соответственно прежняя передовая линия укреплений по реке Кубань стала с этого времени именоваться Старой линией, одновременно составлявшей часть общей Кавказской кордонной линии, на которой несли военную службу вплоть до её упразднения в 1860 г. Кавказское и Черноморское казачьи войска.

В 1848 г. происходит очередное поселенческое укрепление Старой (Кубанской) линии за счёт управленческого перевода русского населения в казачье сословие и путём изменения административного статуса казённых поселений и обращения их в казачьи станицы³. В подчинение Кавказскому линей-

---

¹ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 / под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1900. С. 150.

² Акты, собранные Кавказскою Археологической комиссией (АКАК). Тифлис, 1884. Т. 9. С. 399.

³ ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 158. Л. 19, 39–40.

ному войску перешли следующие селения Тихорецкой волости Ставропольского уезда Ставропольской губернии: Новопокровское, Новорождественское, Терновобалковское и Тихорецкое¹. Кроме того, в названиях населённых пунктов Старой (Кубанской) укрепленной линии были увековечены имена русских исторических деятелей², которые в той или иной степени способствовали усилению позиций Российской империи на Кавказе и в Причерноморье, в частности, станицы Григорополисская и Суворовская.

Повседневная жизнь в прикубанских станицах по всему течению реки Кубань очень заметно отличалась, поскольку на правом фланге Кавказской укрепленной линии (изначально составлявшем нижнее течение Кубани) борьба с непокорными горцами оказывалась всё же относительно менее кровопролитной, нежели на других пограничных участках по главной региональной реке, а посему станицы Черноморского казачьего войска жили несколько иной реальной жизнью и не в таком напряжённом ежедневном ритме, нежели существовали линейные станицы. Казаки-линейцы извечно опасались постоянного нападения горцев, частых хитроумных вылазок неприятеля, хорошо знавшего местность; линейцы территориально группировались в сравнительно крупные станицы, чтобы вместе надёжно противостоять активной внешней угрозе. Линейная станица в архитектурно-планировочном отношении отличилась достаточно чётким зонированием поселенческого пространства, и это планировочное однообразие наблюдалось в каждом поселении линейных казаков. В центре линейной станицы на единственной площади находилась станичная церковь, а по направлению к указанной серединной площади пролегли несколько строго параллельных улиц с небольшими прямыми переулками. В черноморских станицах при всех многократных призывах военных властей к определённому порядку жилищного обустройства какой-либо чёткой планировки поселения практически не наблюдалось, и всякий местный

---

¹ ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 158. Л. 54.

² Самовтор С.В. Этнические аспекты топонимики Краснодарского края. URL: http://gostagay-0.ucoz.ru/publ/stati_po_istorii/ehnicheskie_aspekty_toponimiki_krasnodarskogo_kraja/2-1-0-4 (дата обращения: 12.03.2021).

домохозяин селился исключительно там, где его душа почему-то вот так возжелала. Однако дома черноморских казаков, любивших кейфь (приятное безделье и отдых. – *авт.*), гораздо чище и лучше были устроены, чем на Линии¹.

Повседневную жизнь и привычный быт казаков линейных станиц предметно описал в своих воспоминаниях генерал от кавалерии С.А. Венеровский (1828–1907), проживавший в станице Пшехской и отдавший большую часть своей жизни военной службе на Кубани. Генерал отмечал: «Станицы в это время представляли из себя укрепленные лагеря, или скорее маленькие крепостцы. Так, со всех сторон они были обнесены глубокими рвами и обложены со всех сторон терновыми кустами; на четырёх углах стояли батареи. Ворот в каждой станице было 5, одни – вели в степь, двое – на реку, а остальные выходили в соседние станицы. У ворот и при канавах-рвах всегда стояли часовые, пропускавшие только два раза в день: при восходе и заходе солнца, при исполнении всяких хозяйственных нужд, выгона скота и т.д. Тяжело жилось в станицах, всё свободное население было занято службою, вся же хозяйственная часть была возложена на стариков, больше на женщин. Они должны были заготавливать сухари, печь хлеб для войск, возить раненных и больных и исполнять много других тяжёлых мужских работ»².

Среди русских военачальников на Кавказской укрепленной линии, во многом административно регулировавших жизнь линейных станиц, нередко попадались люди, стремившиеся понять и облегчить жизнь казаков-линейцев. Так, атаман Кавказского линейного войска, генерал-майор Ф.А. Круковский «очень хорошо знал, что под нарядными доспехами казаков нельзя увидеть домашних рублиц и с особым участием следил за хозяйственным бытом казаков в станицах. Он производил смотры станицам без всяких приготовлений, врасплох, не терпел встреч и проводов, совершая объезды, и в большей части верхом, не пропуская случая осмотреть засеянные поля и скошенные луга. Сворачивал в сторону, чтобы взглянуть на станичное стадо. А если в станице

---

¹ Живописная Россия. Т. 9: Кавказ / под ред. П.П. Семёнова. СПб.; М., 1883. С. 153.

² Мемуары и воспоминания генерала от кавалерии С.А. Венеровского. СПб., 1908. С. 6.

встречал хату неприглядную, неподдержанную заходил в неё и расспрашивал о житье-бытье»¹.

С 1840 г. управление гражданской частью в Кавказской области и Черномории в административно-правовом плане осуществлялось начальником Кавказской области, который являлся одновременно командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории, а также наказным атаманом Черноморского казачьего войска. Территорию правого фланга Кавказской укрепленной линии (в период до 1830 г. объединявшего среднее и нижнее течение Кубани) по характерной специфике хозяйственного развития в кубанской региональной историографии условно делят на три основные зоны². В первую зону входили исконные казачьи станицы черноморских казаков, основанные вдоль Правобережья Кубани (нижнее течение) с конца XVIII в. Ко второй хозяйственной зоне (среднее течение реки Кубань) относилась вся территория, населенная прибывшими, прежде всего, с Дона, казаками, а также переехавшими сюда на жительство однодворцами и крестьянами, причисленными к линейным казакам. К третьей военно-хозяйственной зоне принадлежали станицы закубанской Лабинской (Новой) линии.

Итак, процесс образования линейных станиц и иных форм поселений на кордонных линиях Кубани во многом обусловлен военно-политической обстановкой на отдельных участках приграничной полосы, состоянием обустройства поселенческих структур и развитием системы укреплений на конфликтной кавказской части границы Российской империи. Образование линейных станиц и иных поселений на Кубанской кордонной линии представляет собой взаимообусловленный исторический процесс, историческую форму позитивной казачьей коллаборации, когда развитие поселенческих структур прямо пропорционально зависело от военно-организационных задач по формированию новых казачьих воинских подразделений в приграничной полосе и наоборот водворение новых поселений в зоне кавказского фронта завер-

---

¹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

² Ратушняк В.Н. История кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 60.

шалось созданием новых казачьих полков. Безусловно, проживание в укрепленных местах являлось тяжёлой повседневной ношей для людей и накладывало свой отпечаток не только на менталитет линейных казаков, но и придавало их пограничным поселениям характерный, довольно строгий архитектурно-планировочный вид.

В целом же, подводя итоги по второй главе, прежде всего, отметим, что водворение Черноморского казачьего войска в историческом регионе Кубани неотделимо от изначального процесса межевания земель, под которым мы понимаем целый комплекс исторических сюжетов: во-первых, отстаивание черноморскими казаками своего исконного права на вечное владение землёй, ибо она им была пожалована в качестве главной привилегии российской императрицей Екатериной II; во-вторых, установление и закрепление административно-территориальных границ Черноморского казачьего войска не только на принципиальном уровне пожалования земель в вечное владение, но и проведение демаркации государственной границы и размежевания земельных угодий с соседними провинциями Российской империи; в-третьих, нормативное регулирование поземельных отношений внутри самого войска с выделением категорий земель (осуществление первичного кадастра) и институализация межевых процедур с созданием Межевой комиссии Черноморского казачьего войска; в-четвёртых, определение и закрепление базисного казачьего надела, или так называемой 30-ти десятиной пропорции, и поиск его оптимальных размеров; в-пятых, преодоление острых земельных конфликтов, обусловленных проведением межевых работ в отношении юртовых земельных дольств и офицерских земельных участков. В итоге постепенно складывается стройная система казачьего землевладения и землепользования в Черноморском казачьем войске. И здесь мы целенаправленно стремимся к документальной достоверности, выступающей для нас модусом конструирования давней исторической реальности.

В выборе оптимальной поселенческой структуры к пониманию преимущественного положения станицы имперские и войсковые власти, сами казаки

пришли далеко не сразу, а первыми поселениями черноморских казаков на Кубани оказались казачьи слободки, а ещё хутора и заимки. Изучение антропологии малых поселений позволяет в полной мере оценить их значение в развитии казачьих поселенческих структур. Свою историческую роль выполнили, но процесс расселения 40 куреней нельзя связывать исключительно с 1794 г., ибо он растянулся во времени по разным для куреней причинам (хозяйственным, конфликтогенным, природно-климатическим и др.), вплоть до 1809 г. Если курени прибыли на Кубань по большей мере как военные общины казаков, то с расселением по территории региона, зафиксированного на вечные времена за Черноморским казачьим войском, они превращались в поселенческие куренные общества, и сами куренные общества прочно связывались с конуретным поселением, а с 1809 г. в официальный лексикон входит понятие «куренное селение». Пополнение человеческого капитала куренных селений в первой половине XIX в. обеспечивалось за счёт трёх базисных источников: добровольного переселения казачьих куреней и их жителей на новые места, вынужденной внешней миграции из российских губерний и показачивания части населения казённых селений с преобразованием их в станицы и переводом местных жителей в казачье сословие.

3. ВОЕННО-КАЗАЧИЙ ИМПЕРАТИВ В ЗАСЕЛЕНИИ ЗАКУБАНСКОГО КРАЯ

3.1. Изначальные традиции природопользования переселенцев-казаков в Закубанье

Целеустремлённое освоение новых имперских территорий и заселение предгорий Кавказа в середине и во второй половине XIX в. представителями различных российских социальных групп сталкивались с труднопреодолимыми препятствиями адаптации переселенцев. Новые поселенцы отчаянно сражались с морившим их голодом, поскольку устойчивое продовольственное снабжение удалось наладить не сразу, терпеливо боролись с утомлявшей их жаждой, ведь при относительном водном изобилии требовалось найти и освоить безопасные источники водопотребления, а в близлежащих густых лесных массивах водилось множество разных диких зверей, наносивших нередко тяжёлый ущерб домашнему хозяйству.

Направляя в Закубанье новых переселенцев из различных регионов России, имперские власти полагали, что богатый природными ресурсами горно-предгорный край станет привлекательным регионом в проводимой переселенческой политике, о чём предметно сообщалось в «Высочайшем рескрипте наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанту, графу Евдокимову» от 24 июня 1861 г. Одновременно в рескрипте подчёркивалось: «Переселение вперёд наших линий, конечно, не может не быть тягостным; но это переселение есть жертва, приносимая верноподданными для блага Отечества... Честь выполнения этого славного дела принадлежит преимущественно казакам Кубанского войска... Желая, чтобы заселение передовых пространств клонилось к собственному же их благу... Обширные земли, которыми они теперь владеют, состоят большею частию из степных пространств, во многих местах маловодных и почти везде безлесных; новые-же земли, отводимые

им в предгорьях Кавказа, богаты водами, пастбищами, лесами. Земли эти впоследствии, при трудолюбивом и смышлённом населении, могут доставить Войску полное благоденствие»¹.

Планомерное заселение обоих склонов главного Кавказского хребта русским населением, преимущественно казаками, начинается с 1861 г. на исходе продолжительной Кавказской войны 1817–1864 гг., датировка которой и сегодня остаётся предметом дискуссий. Динамика водворения новых казачьих станиц в Закубанье на этом историческом этапе военного противостояния с горцами характеризовалась семикратным приростом поселенческих структур и выглядела следующим образом: в 1861 г. всего насчитывалось 17 станиц, в 1862 г. к ним добавилось ещё 28 станиц, в 1863 г. появилась 21 новая станица, в 1864 г. дополнительно обустроились 54 станицы².

В довольно короткий временной срок казаками осуществлялось возведение многочисленных станиц, когда по-прежнему сохранялась серьёзная военная опасность, а посему вокруг вновь образуемых станиц первоначально сооружались высокие земельные валы для защиты поселения от внезапных нападений горцев. Насыпка высокого земельного вала получалась по времени довольно длительной и весьма трудоёмкой военно-фортификационной операцией, и, если в степных районах Правобережья Кубани этого избежать практически не удавалось, то в Закубанье нашли вполне достойный выход. Начальник Натухайского округа, генерал-майор П.Д. Бабыч потребовал заменить насыпаемые земляные валы древесным плетнём, чтобы значительно уменьшить трудоёмкость возведения военно-фортификационного сооружения, ускорить по времени обустройство казачьих поселений, но не в ущерб качеству оборонительных элементов защиты станиц, и как оказалось, замена земляных валов древесным плетнём, действительно, заметно интенсифицировала процесс строительства существенного объекта для водворения станичных по-

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 383. Л. 3–4.

² ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 745. Л. 151.

селений в Закубанье, обеспечивавшего не менее надёжную защиту от внезапных нападений противника и, что важно, предполагавшего широкое использование практически подручного и доступного природного материала¹.

Казалось бы, в реальном распоряжении закубанских поселенцев находились практически неистощимые природные ресурсы лесных строительных материалов, и никаких проблем с возведением жилья у них никогда не будет по определению. Однако лесоматериалы в достаточно большом объёме поселенцы в основном использовали для совершенно других целей, о чём свидетельствуют документы архивного дела № 259 «Об устройстве станиц в 1862–1863 гг.» фонда 325 «Штаб Адагумского отряда Кубанского казачьего войска» Государственного архива Краснодарского края. Лесные строительные материалы в массовом порядке направлялись для неотложного сооружения таких нужных путей сообщения как прочные деревянные мосты через многочисленные реки и речушки Закубанья, для безотлагательной прокладки основных коммуникаций того времени в виде лежневых дорог, особенно в заболоченных местах, где требовалось укладывать в основание проезжей части множество хвороста и даже применять мощные брёвна, то есть гатить, облагораживать и облегчать путь для людей, лошадей и повозок. Из добываемого леса казаки сооружали востребованные в оборонительных целях платформы и люки в устраиваемых ими станицах. Деревянные платформы являлись, прежде всего, составной частью укреплённой позиции станичных орудийных батарей, в которой земляная насыпь хорошо прикрывала пушки и орудийный расчёт, а сами же пушки устанавливались на деревянную основу, что обеспечивало надёжность и всепогодность в использовании орудия. Деревянные люки встраивались в защитный земляной вал и/или в высокий мощный плетень и прикрывали амбразуру для ведения стрельбы отдельными стрелками от шальных пуль и проникновения противника. Деревянные колья вбивали вокруг поселенческого пространства станиц для усиления устойчивости защитного плетня, который поднимался на высоту не менее 2-х аршин (1,5 метра), и служил вполне

---

¹ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 259. Л. 7.

надёжной защитой для поселенцев при всей кажущейся ветхости такого оборонительного сооружения. Лесные строительные материалы широко применялись в различных хозяйственных работах по обустройству возводимых станиц. Подручные и легкодоступные природные древесные материалы поселенцы использовали при проведении межевых работ, когда для обозначения межевых границ земельных участков необходимо было возвести вполне обычный частокол. Деревянным частоколом обносили вокруг и станичные бастионы, представлявшие собой миникрепости по углам общего станичного оборонительного сооружения. При таких больших объёмах привлечения лесных строительных материалов казакам приходилось надолго выезжать для их предварительной заготовки достаточно далеко от места расположения возводимого станичного поселения и тратить немало физических усилий не только на сам процесс доставки, но и на подготовительную обработку добываемого леса нужного качества¹.

Подручные и легкодоступные природные древесные материалы казаки использовали в сигнальных целях для быстрого информирования казачьего общества о срочных новостях и в защитных целях при неожиданном нападении противника. Поверх ограждавшего по кругу станицы древесного плетня закубанскими поселенцами непременно прикреплялся колючий кустарник, что служило дополнительной защитой от проникновения неприятеля. При постройке постоянного казачьего поста обязательно сооружалась из дерева высокая вышка для часового, из древесных материалов строилась турлучная казарма, возводилась конюшня, рубился из дерева простейший сарай для орудия. Между станицами и в местах удобных для переправы через реки казаки обустроивали с помощью подручных и легкодоступных природных древесных материалов по два таких поста, и на каждом посту размещалось по 30–40 и более казаков для дневных конвоев и ночных секретов (залог и разъездов), где в примитивных жилищах казаки проводили немало времени.

---

¹ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 259. Л. 71.

В архивных документах сохранились «сведения об устройстве усадеб» за кубанских поселенцев в домах различного типа, в том числе и рубленых, то есть изготовленных из местных, природных лесных материалов. По сообщению командира 24-го конного полка (сформированного лишь в 1862 г.), подполковника Е.Г. Шульги, 25 семейств из Хопёрской бригады Кубанского казачьего войска в станице Каменно-Мостской стали воздвигать в 1864 г. 19 новых жилых домов. К июлю месяцу 1864 г. «из этого числа домов: срубленных 9-ть оканчиваются, 10-ть начали, а на прочие заготовлен лес, но по недостатку плотников не начинали строиться»¹. Тем самым, причина недостаточно активного использования природных лесных материалов в жилищном строительстве при водворении новых станиц в Закубанье заключалась в остром дефиците специалистов обычного профиля: не хватало плотников для обработки заготавливаемого леса и его использования при возведении жилых домов.

В жилищном строительстве кубанских станиц отмечались специфические этнонациональные традиции жилищного обустройства, когда, к примеру, прибывшие переселенцы из Дагестана, называемые в архивном документе «Дзень-Амские поселяне»², строили более привычные для них сакли, представлявшие собой прочное каменное сооружение и вполне комфортное жилище. Как отмечается в архивном сообщении, в июле 1864 г. в станице Каменно-Мостской «сакли на манер грузинских оканчиваются, а 7 ещё не начинали строиться, выготовляют лес исподовый»³. Эта группа новых жителей Закубанья оказалась более привержена каменному жилищному строительству, хотя она также использовала природные лесные материалы, что называется подручного характера, то есть не заготавливала для сооружения жилищ мощных брёвен⁴, а вырубала для своих нужд подлесок.

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 10.

² Их К.К. Гейнс называет «Эзень-Амские поселяне». – См.: Гейнс К.К. Пшехский отряд с 1862 по 1864 гг. // Военный сборник. 1866. Т. XLIX. С. 40. Паг.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 10.

⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1321. Л. 1об, 10, 10об. С 1920 г. станица Царская называется станицей Новосвободной (ныне в Майкопском районе Адыгеи).

Благодаря сохранившемуся детальному сообщению командира 24-го конного полка Кубанского казачьего войска, подполковника Е.Г. Шульги, мы знаем о характерной приверженности хопёрских казаков к возведению деревянных жилищ. В станице Сахрайской¹ в 1864 г. хопёрцы «все строят дома рубленые, некоторые оканчиваются»². А вот «Даховские поселенцы» станицы Сахрайской оказались склонными к строительству более простых по технологии сооружения жилых домов («один рубленный, а прочие турлучные»). Крупная группа новых жителей Закубанья в количестве 59 семейств, принадлежавших к сообществу Эзень-Амских переселенцев, в станице Сахрайской развернула достаточно бурную деятельность по строительству жилья: «Из этого числа один строит рубленный дом, 54 оканчивают сакли и 4 заготавливают лес, но по болезни приостановили постройку»³. Иначе поступили в отношении строительства своего жилья на новом месте переселенцы из Оренбургского казачьего войска: они в августе 1864 г. все «устроили временные балаганы, по окончании коего приступят к постройке домов»⁴. Всего 105 семей оренбургских казаков пополнили казачьи станицы 27-го конного полка, из них 30 семей водворились при впадении реки Гунайка в реку Пшиш и основали станицу Оренбургскую⁵. Другие семьи расселились по населённым пунктам: 35 семей отправились в станицу Владикавказскую, расположенную на берегу реки Псекупс, 16 семей обжились в станице Хребтовой⁶, 4 семьи нашли себе место жительства в посёлке Адыгако (или Адыгакский)⁷.

---

¹ Станица Сахрайская располагалась на реке Сахрай (левый приток реки Дах, впадающей левым притоком в реку Белая) и входила в состав 22-го полка Абадзехского военного округа. В 1867 г. станицу Сахрайскую расформировали «вследствие недостатка земли годной для хлебопашества и сенокоса». Казаков переселили в станицу Царскую.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 10.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 10–10 об.

⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 71–72.

⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 252–254.

⁶ Станицу Хребтовую и станицу Фанагорийскую Псекупского конного полка Высочайшим повелением от 10 июня 1869 г. как самостоятельные поселения упразднили. – ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 163. Л. 32.

⁷ Шкуро В.И. Формирование населения Северского района в период его первоначального заселения (II-я половина XIX века) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6): Материалы регион. науч.-практ. конф., станица Крепостная, 14–16 мая 1999 г. Краснодар, 2000. С. 60.

Как отмечается в архивных документах, несмотря на сильный падёж скота и болезни «переселенцы довольно усердно устраиваются на новых местах»¹. Однако станица Оренбургская, основанная в долине реки Гунайка и названная по региональному происхождению её основателей, переселенцев из числа оренбургских казаков, просуществовала недолго, до 1867 г. Причинами краткосрочности существования станицы Оренбургской являлись малочисленность станичного населения и высокая смертность её обитателей. Высокий уровень заболеваемости сопровождал весь начальный период заселения территориальной зоны ответственности 27-го конного казачьего полка, причём, во всех станицах люди сильно болели лихорадкой и тифом. Больше всего умерло поселенцев в станицах Абхазской, Куринской и Оренбургской. По мнению Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Ф.Н. Сумарокова-Эльстона, болезнь свирепствовала среди жителей не от того, что станицы возведены во вредных для здоровья местах, а от обстоятельств жизни, сопряжённых с весьма невыгодным положением, вследствие постоянно влажной погоды. Кроме этого, «причиной сильной болезни, не меньше могло быть переселение, в особенности, из разных мест России, как-то государственных крестьян и Оренбургских казаков, которые преимущественно больше других переселенцев болели и умирали»².

В путевых заметках И.И. Орехова «По северному склону Западного Кавказа» имеется любопытное упоминание о станице Оренбургской. Следуя через станицу, путники обратили внимание на её бедность: «Солнце сильно припекало, когда мы проезжали станицу Оренбургскую. Нам захотелось пить, и мы попробовали спросить у жителей молока, но его в целой станице не нашлось ни стакана. «Тут не токма-што молока, а и хлеба не добудете», – отвечали нам, а одна, дряблая с виду, но козыристая на словах старуха дала нам практиче-

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1517. Л. 254.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1517. Л. 254об.

ский совет подоить воробья, потому-мол, что у них-де в станице, в эком сладком месте, ни одной коровёнки не имеется»¹. Процитированный фрагмент путевых заметок свидетельствует о крайне бедственном положении станицы Оренбургской, и, очевидно, по этой самой причине станицу упразднили, а население бывшего станичного поселения распределили по другим населённым пунктам. Бедственное положение станицы обуславливалось, на наш взгляд, четырьмя обстоятельствами: во-первых, длительностью переезда из отдалённого района Российской империи, на что растрчивалась большая часть ресурсов; во-вторых, сложным процессом акклиматизации людей к новым природно-климатическим условиям, сопровождавшимся высоким уровнем заболеваемости и соответственно смертности; в-третьих, чрезмерным падежом домашнего скота, более привычного к иным условиям содержания; в-четвёртых, низкой продуктивностью хозяйствования на новых землях, приводившей к зависимости от казённого снабжения, а его устойчивость и полнота снижались неорганизованностью местных инстанций и удалённостью основанных населённых пунктов от баз снабжения. Вышеназванные обстоятельства сдерживали жилищное строительство, возведение более или менее капитальных жилых строений, влиявших на благосостояние населения станиц.

О масштабном использовании природных древесных строительных материалов в жилищном строительстве и успешном заселении выделенных территорий Закубанья докладывал 1 июля 1864 г. вышестоящему начальству командир 23-го Псекупского полка, полковник И.Д. Попко. В его рапорте отмечается: «Водворение переселенцев идёт деятельно. В строительных материалах недостатка нет». Однако заготовка и доставка материалов сопровождались некоторыми трудностями для поселенцев. Им отводились определённые делянки леса, где они могли брать строительный материал только под присмотром конных разъездов, как указывалось, «чтобы ездили за оным вместе и составляли

---

¹ Орехов И.И. По северному склону Западного Кавказа. (Из путевых заметок) [27-го февраля 1870 года, г. Тифлис] // Военный сборник. СПб., 1870. Т. LXXV: [1870, № 10 (октябрь)]. Отд. 1. С. 325.

надёжное прикрытие, а не раскидывались бы поодиночке, по всем окрестностям»¹. Среди прибывавшего в Закубанье населения встречалось очень мало профессиональных вольных плотников, а в строящихся станицах ощущался крайний недостаток рабочей силы, поэтому в целях оказания помощи поселенцам привлекались для выполнения различных трудовых операций воинские подразделения полка.

Такие же тенденции и исходные возможности в хозяйственном обустройстве поселенцев на новом месте подтверждает 1 июля 1864 г. в своём рапорте и командир 24-го конного полка, подполковник Е.Г. Шульга: «Нынешняя станица Сахрайская за присоединением к имеющимся уже 97 семьям, ещё 10 или 11-ть семейств будет иметь достаточно пахотной земли и сенокосных лугов по речкам Мефедзь, Гечь, Сахрай и Дахо; а у Каменно-Мостской станицы слишком много полей по [склонам горы] Унакас; леса строительного у обеих станиц не только в изобилии, но даже в излишестве находится...»². Летом 1864 г. Наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанту Ф.Н. Сумарокову-Эльстону из 24-го конного полка подполковник Е.Г. Шульга докладывал: «Независимо от занятий по домоустройству, все жители деятельно убирали хлеба, засеянные горцами, и заготавливали сено на зиму; первого многие заготовили с избытком, но все без исключения будут иметь семена для посевов будущего года; сена же хотя не будет в избытке, но полагаю, что не встретится в нём, собственно для жителей, и особой крайности»³.

Проанализированный комплекс архивных источников позволяет глубже вникнуть в проблемы жилищного строительства с использованием природных материалов, вне всякого сомнения, существенно влиявшие на развитие поселенческих структур в Закубанье. Отчётливо прослеживаются четыре линии причинно-следственных связей, объединяемых общим началом природопользования, сложившегося в осваиваемых районах Закубанья. Во-первых, для постройки добротного рубленого дома необходима предварительная подготовка

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 396. Т. 1. Л. 106 об.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 33.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1511. Л. 42.

древесины: её надобно заготовить заранее, спервоначалу хорошо просушить, а уж потом приступать к обработке и изготовлению деревянных строительных конструкций.

Во-вторых, поселенцы прибыли на новое место в начале лета, и на них практически сразу и всей массой навалилось множество хозяйственно-жителейских проблем. Прежде всего, нужно было обзавестись хоть каким-либо жильём, пусть и временной, но какой-то крышей над головой. Судя по изученным документам, поселенцы делали выбор в пользу строительства именно турлучного дома. Постройка турлучного дома, с точки зрения технологии возведения доступного жилья, оказывалась относительно простой трудовой операцией, и, что немаловажно, сооружение турлучного жилья получалось малозатратным делом, ибо не требовало привлечения значительной рабочей силы, а за счёт применения простейших подручных материалов турлучное строение становилось довольно дешёвым строительным объектом. Для поселенцев Закубанья начала 1860-х гг., помимо сооружения жилья, совершенно не терпела никакого отлагательства уборка урожая колосовых культур, посеянных ушедшими горцами, ибо полученный хлеб становился надёжной гарантией продовольственной безопасности, как с позиций ежедневного пропитания поселенцев, так и в плане проведения будущего сева семенами районированной местной (естественной) селекции. Одновременно нельзя было отложить на какой-то маломальский срок косьбу разной травянистой растительности на альпийских и пойменных лугах, иначе скот поселенцев остался бы без необходимых запасов сена в холодное время года, когда на подножные корма рассчитывать никак не приходилось.

В-третьих, процесс строительства бревенчатого, рубленого дома (избы) требовал наличия некоторых специальных профессиональных знаний, умений и навыков, которыми обладали далеко не все плотники. Одно дело – произвести первичную обработку имеющегося в распоряжении плотника лесного материала, распилить должным образом заготовленные брёвна, или доски, хорошо обтесать спиленное дерево, поставить деревянный забор, соорудить хо-

зайственную ограду земельного участка. Совершенно другое дело – суметь соединить сложную деревянную конструкцию, каковой был рубленый дом, который при всей кажущейся внешней простоте такого жилого здания предполагал применение профессиональных навыков и наличие опыта по возведению комбинационных деревянных строений, начиная от первичного (нижнего) сруба и заканчивая установкой стропил на крыше дома.

В-четвёртых, для строительства обычного бревенчатого, рубленого дома (избы) требовалось подобрать вполне определённые породы деревьев, если будущий хозяин не хотел потратить своё время зря на возведение жилья. Необходимо было предварительно подготовить отдельные древесные конструкции, правильно оценить качественное состояние древесины для будущего дома, для чего надо иметь опыт работы с различными древесными породами. Однако породы деревьев в Закубанье явно отличались от тех, с которыми поселенцы ранее часто сталкивались, и в местных широколиственных лесах росли бук, граб, дуб, каштан, липа, а среди хвойных пород отмечались привычные ель, пихта, сосна, отчасти знакомый тис.

Для новых жителей Закубанья оказывалось проще добыть и быстрее продать сырые лесоматериалы, нежели кропотливо заниматься обработкой дерева, для чего требовались хорошие профессиональные навыки. Современник тех времён и автор путевых заметок Алексей Полтавцев в «Кубанских областных ведомостях» сетовал на неполное использование древесины в жилищном строительстве и в изготовлении бытовых деревянных изделий и товаров: «Но больше всего поражает вас то, что, несмотря на расположение станиц в лесной местности, не встречается даже единичных обывателей, которые бы употребляли свой лес на какие-нибудь поделки, хотя бы сколько-нибудь было заметно стремление жителей извлекать больше пользы из растущего богатства – леса. Нигде вам не попадаются на глаза самые простые деревянные работы: не увидите, чтобы приготовили хотя бы простые повозки, бороны, оконные рамы, и прочие мелкие и незатейливые деревянные поделки. Даже странным кажется, что, живя в лесу, в некоторых станицах дома турлучные, в комнате не на чем сесть; оконные рамы везут из города, даже на что уже ложка и та покупается в

городской лавке, привезённая из России»¹. Кстати, автор этих строк оставил и другие интересные заметки².

Вырубки лесов приобрели колоссальные и нередко катастрофические масштабы, и к концу XIX в. руководство Кубанской области отчаянно забило тревогу, стало значительно больше уделять внимания борьбе с хищническим уничтожением лесных ресурсов и начало активно поддерживать лесоразведение. В приказе Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-майора Я.Д. Маламы от 9 сентября 1892 г. отмечалось: «В последнее 20-летие, население Кубанской области сделало всё, чтобы уничтожить лес, оголеть от растительности почву, осушить воду и вызвать несвоевременные засухи»³. Придавая важное значение лесоразведению, Войсковое правительство Кубанского казачьего войска обязало «всеми мерами стараться разводить общественные рощи на таких возвышенных местах, которые будут покрыты лесами и станут защитой от жгучих ветров»⁴.

Кроме того, в конце 1895 г. Начальник Кубанской области и Наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-майор Я.Д. Малама разослал несколько специальных циркуляров отдельским атаманам с целью сберечь леса от бесконтрольной и незаконной вырубки. В атаманском циркуляре от 20 ноября 1895 г. отмечалось: «Жители нагорных станиц, хуторов и селений допускают сдирать кору с молодых стоячих на корню дубовых и липовых деревьев и вырубать молодые деревца тиса, пихты, сосны и ели. В виду серьезного вреда, причиняемого благосостоянию населения той местности, от такого хищнического пользования лесом, прошу атаманов отделов пояснить населению убыточность такой эксплуатации своих богатств и, по примеру станиц Кабардинской, Даховской, Хадыженской, Самурской, Беслинеевской и Баговской, кои постановили приговоры о воспрещении рубки молодых деревьев ценных пород,

---

¹ Полтавцев Алексей [без отчества]. Путевые наброски // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1881. № 15. 11 апреля. С. 5–6.

² Полтавцев А. Впечатления и очерки Кавказа. Харьков, 1897.

³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2399. Л. 17.

⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2399. Л. 17.

– постановить и представить в областное Правление на утверждение общественные приговоры о безусловном воспрещении всякому: а) рубки молодых деревьев (тоньше 6 вершков [или 26,67 сантиметров. – *авт.*] на высоте груди) сосны, ели, пихты, тиса, липы; б) порчи путём сдирания коры и другими способами стоящих (сырорастущих) деревьев, не назначенных к рубке в установленном порядке, и в) установлении штрафа за нарушение этих постановлений и о взыскании таковых по приговорам станичных судов»¹. Тем самым, расчёт делался на самоорганизованность станичных обществ, способность приостановить хищническое пользование лесными ресурсами, на сохранение лесных ресурсов, которые истощались.

Однако прекратить бездумное пользование лесными богатствами не получалось, поэтому в атаманской директиве подчёркивалось: «Лесное хозяйство в юртах станиц и хуторов Закубанского края ведётся самым хищническим способом. Несмотря на неоднократные предписания... о разделе лесных площадей на очередные участки, в видах обеспечения населения лесными материалами не только в настоящем, но и в будущем, а также для большого удобства в отношении надзора за правильностью лесных заготовок, – многие общества уклоняются от упорядочения лесного хозяйства, некоторые же, постановив приговоры об ограничении площади рубок очередными участками, продолжают безнаказанно пользоваться лесом на всей площади юрта, нарушая порядок пользования лесом, установленный ими же самими»².

Информация о хищническом характере использования лесов в Кубанской области достигла высших имперских инстанций, в регион прибыла специальная комиссия, и результаты работы её отражены в архивном деле «Отчёт генерал[-лейтенанта М.А.] Нарбут и полковника [чиновника для особых поручений V класса при Военном министре А.Н.] Боронка и доклад [военного министра, генерала от инфантерии П.С.] Ванновского и [начальника Главного управления казачьих войск, генерал-лейтенанта В.А.] Бунакова великому князю [наследнику цесаревичу] Николаю Александровичу [Августейшему

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 4135. Л. 179.

² ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 4135. Л. 179.

Атаману всех Казачьих войск] о результатах ревизии Кубанского казачьего войска (копии) с препроводительным письмом [П.С.] Ванновского», обнаруженного нами в Государственном архиве Российской Федерации. Состав комиссии свидетельствует о серьёзности намерений высших инстанций разобраться в ситуации. В докладе П.С. Ванновского о результатах ревизии Кубанского казачьего войска, представленном в 1892 г. наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, в частности, подчёркивалось: «Станичные леса в Кубанском войске до 1888 года подвергались беспощадному хищническому истреблению, вследствие чего во многих станицах, преимущественно близких к рынкам сбыта, превратились в непригодные пространства, состоящие из пней и обрубков или поросли». В 1888 г. были выработаны временные Правила о лесах общего владения Кубанского казачьего войска и казачьих станиц, которые имели цель сохранить от истребления леса, тем не менее, многие станицы неохотно подчинялись этим правилам. Особенное упорство в этом отношении проявило общество станицы Пензенской Екатеринодарского отдела, несмотря на все увещевания и разъяснения войскового начальства. Властям пришлось даже прибегнуть к высылке из станицы 6 казаков-подстрекателей. Кроме того, в материалах ревизии отмечалось, что такой хищнический способ пользования практикуется в Кубанской области и в отношении лесов горского населения и частных владельцев¹.

Неумеренная рубка лесов волновала региональные власти даже в тех отделах Кубанской области, где недостатка в лесных массивах не испытывали, например, в Майкопском отделе. Там в 1905 г. атаман Майкопского отдела, генерал-майор П.И. Косякин организовал ревизию станиц и селений отдела. При личном посещении станицы Курджипской (ныне в Майкопском районе Республики Адыгея) атаман предметно отмечал: «Лесных угодий в станичном юрте – 908 дес., из них заказника – 500 дес., остальной лес на лесоуборочные участки не разбит, курджипс(ц)ы вовсе и не думают о том, как и чем будут жить их дети и внуки. Рубят лес свой они беспощадно, и все добрые советы

---

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 429. Л. 10.

урегулировать рубку леса, чтобы его хватило не только им, а всему потомству, отклоняют, полагая по своему невежеству, что им советуют не добро, а зло. Благодаря беспорядкам в лесном хозяйстве, больше пользуются лесом пьяницы и бездельники, отдавая свой лес иногородним»¹.

Лес, а также иные природные строительные материалы, активно использовались и при храмовом строительстве. Заселение Закубанья казачьими станицами сопровождалось заметным распространением здесь влияния Русской Православной церкви. Только за два года, в 1860–1862 гг. в Закубанском крае возвели 38 новых станиц, в каждой из которых непременно сооружалась церковь. В 1860 г. имперское правительство утвердило десятилетний план строительства 50 церквей, и его финансирование обеспечивалось на паях с Кубанским казачьим войском².

Поселенцы закубанских станиц достаточно быстро освоились в новой для них горно-лесистой местности и научились отлично использовать в довольно больших объёмах неисчислимые природные дары окрестных лесов, о чём нам достоверно позволяют судить многочисленные публикации газеты «Кубанские областные ведомости», естественно, расположенные в неофициальной части первого печатного издания Кубани. В региональном печатном органе неоднократно помещались заметки, рассказывающие о несметном изобилии фруктов и прочих лесных съедобных даров в горно-лесистом Закубанье, а авторы этих краеведческих публикаций писали не только о том, что местное население активно использует лесные дары в своей обыденной жизни, но и приводили интересные рецепты заготовки необходимых зимних запасов. Дикорастущие фруктовые деревья обеспечивали приличный доход, но наибольшую прибыль жителям Закубанья приносили лесной орех (лещина), грецкий орех и каштаны. Иное семейство собирало за сезон от 100 до 200 пудов орехов

---

¹ ГАКК. Ф. 105. Оп. 2. Д. 42. Л. 23об.

² Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в). Сборник документов (К 2000-летию христианства). Краснодар, 2001. С. 152.

и продавало по цене от 75 копеек до 1 рубля 25 копеек¹. Ещё одним распространённым промыслом поселян являлось бортничество, связанное с поиском гнёзд диких пчёл и откачиванием мёда.

«Лесные растения широко применялись в традиционной медицине кубанских казаков», ибо тогда система централизованного медицинского обслуживания населения ещё не сложилась, и народной ветеринарии, поскольку чаще обращаться к специалистам по лечению животных начали только лишь к концу XIX в. В Закубанье получило заметное распространение выжигание древесного угля, ведь именно на таком топливе хорошо работали кузнечные горны. Древесный уголь люди использовали как простейший антисептик и издревле известное органическое удобрение, а также как бытовое топливо. «Из дерева изготавливали различные изделия» производственного и бытового характера с целью последующей продажи: земледельческие орудия, посуду, корыта, оси для повозок, колёса, дуги, гребни, прялки и др.² В повседневном быту кубанские казаки пользовались достаточно широким спектром естественных растительных красителей, приготавливаемых из многочисленных даров местной природы, ибо развитого промышленного химического производства красок не существовало.

Итак, массовое появление российских поселенцев в Закубанье связано с процессами выстраивания целостной системы природопользования. Причём, во-первых, поселенцам предстояло акклиматизироваться в непривычных для них природных условиях, хозяйственно обустроить свой многообразный быт на новых российских территориях. Во-вторых, возведение новых военных укреплений и практически одновременное строительство многочисленных казачьих станиц обуславливалось преимущественно военными соображениями, строительства многочисленных фортификационных сооружений, широкого

---

¹ Старые черкесские сады: ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников, 1864–1914: в 2-х т. / сост., вступ. ст. и примеч. С.Х. Хотко. М., 2005. Т. 1. С. 181.

² Семенцов М.В. Из опыта использования лесных растений в хозяйстве и быту кубанских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14): Материалы Северо-Кавказской науч. конф., Краснодар, 22 ноября 2008 г. Краснодар, 2009. С. 71.

привлечения казачьего населения. В-третьих, создание коммуникационных, транспортных путей предопределило массовую вырубку вековых лесов в Закубанье: вначале требовались широкие просеки для строительства большого количества грунтовых дорог.

Новым поселенцам пришлось в ускоренном порядке научиться использовать новые технологии в военном и гражданском строительстве, связанные, во-первых, с обработкой и изготовлением комбинационных деревянных строительных конструкций; во-вторых, с сочетанием насущных задач гражданского хозяйственного обустройства и военно-оборонительных целей в противостоянии с непокорёнными горами; в-третьих, с привлечением специалистов узкопрофессиональных групп, прежде всего, плотников, и иных профессионалов, ибо простых умений и навыков поселенцев для работы с лесными и каменными строительными материалами оказывалось совершенно недостаточно; в-четвёртых, с пониманием особенностей природных богатств Закубанья, и речь шла не только об особенностях деревообработки при использовании местных древесных пород, но и о широком вовлечении в развёртываемый хозяйственно-бытовой и лечебно-профилактический оборот природных водных источников, полезных ископаемых и др.

3.2. Создание сети кордонных линий и военно-политическое руководство процессом освоения Закубанского края

Для освоения новых территорий в Закубанье использовалась оборонительно-наступательная стратегия, когда с помощью создаваемых укреплённых поселенческих структур осуществлялось продвижение и удержание очередных российских рубежей в закубанских пространствах. Подчеркнём, такая оборонительно-наступательная стратегия жила на военно-народной системе управления, которую широко применяли князь М.С. Воронцов и князь А.И. Барятинский по отношению к Кавказу с привлечением выходцев из числа

миноритарных (малых) народов¹. Императорские власти опирались, прежде всего, на переселяемые славянские контингенты населения и создаваемые ими поселенческие структуры. Это отчётливо понимали и горцы. «Укрепление – это камень, – говорили они, – брошенный в поле: дождь и ветер уничтожают его; станица – это растение, которое вживается в землю корнями и понемногу застилает, и охватывает поля»². Поставленная нами научная проблема об использовавшейся имперскими властями стратегии заселения Закубанья имеет три ключевых аспекта: военно-организационный, гражданско-поселенческий и социально-демографический.

По окончании русско-турецкой войны 1828–1829 гг. по Адрианопольскому мирному договору 2 сентября 1829 г. к России отошла большая часть восточного побережья Чёрного моря, и к империи присоединился Северо-Западный Кавказ. Имперские власти решили на этих завоёванных территориях формировать новую российскую провинцию под названием «Закубанский край», подчинённую в управленческом отношении кавказским военным администраторам. Название «Закубанский край» (область) прописано в утверждённом 23 марта 1830 г. императором Николаем I проекте, переданном им Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющему гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области, генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу. Это проект Петербургского комитета об управлении кавказскими горцами³.

В географическом отношении речь шла о территории Закубанской равнины, или Прикубанской наклонной равнины. В глобальном масштабе она простиралась от реки Кубань и Кубано-Приазовской низменности до самого подножья Кавказских гор, с характерным наклоном в направлении с юга на

---

¹ Гранкин Ю.Ю. Система имперского управления Кавказом как путь к цивилизованному компромиссу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 30–35. Законодательно система военно-народного управления впервые закрепляется в Положении «Об управлении Кавказской армии» 1 апреля 1858 г. – См.: ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Отд. 1-е [1858 г.]. СПб., 1860. Ст. 32938.

² Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 96–97.

³ Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа). Статья вторая // Военный сборник. 1893. № 4 (апрель). С. 328–329, 334–335.

север, от горных вершин Кавказа к самой реке Кубань. Особенностью Закубанской равнины являлось наличие множества левых притоков реки Кубань, рассекавших наклонную плоскость на ряд естественных водораздельных плато, в свою очередь, по топографической конфигурации вектором вытянутых на север и северо-запад.

Название Закубанский край официально просуществовало в период с 1830 г. по 1865 г., когда после приостановления «заселения Закубанского края» министерский чиновник И.И. Тихеев (1837–1902; будущий тайный советник и директор Департамента земельных имуществ, сенатор) сообщал в Министерство государственных имуществ Российской империи о численности казачьего населения Закубанского края, достигшего 37326 душ, 244 офицерских семей, 137 охотников-переселенцев из числа офицеров и 8800 охотников-переселенцев из числа офицеров¹. В июне 1865 г. на территории расселения горцев создаются 5 военно-народных округов: Зеленчукский, Лабинский, Псекупский, Урупский и Эльбрусский (Карачаевский). С 1869 г. бывший Закубанский край в административно-территориальном отношении постепенно унифицируется с остальными губерниями Российской империи. В 1876 г. были основаны два уезда: Закубанский уезд с центром в местечке Горячий Ключ и Кавказский уезд с центром в селении Армавир.

Заселение Закубанского края начинается с создания Лабинской (Новой) кордонной линии, когда в феврале 1837 г. российский император Николай I утвердил представленный ему для рассмотрения проект сооружения Новой кордонной линии, получившей название Лабинской, причём, эту инициативу настойчиво тогда продвигал командующий Кубанской кордонной линией, генерал-майор Григорий Христофорович фон Засс, который и подготовил ещё в 1836 г. проект сооружения Новой линии, представлявшей собой первый этап заселения Закубанья. Однако к масштабному осуществлению этого военно-хозяйственного проекта приступили лишь в 1841 г. В обосновании необходимости переноса передовых рубежей за Кубань Засс подчёркивал: «Предложенная

---

¹ Записка по делу о разграничении земель Закубанского края между казной и Кубанским казачьим войском: [С прил.]. СПб., [1888]. С. 59.

мною Лабинская линия, имеет главной целью удобство защиты при сокращении кордона. И с тем вместе упрочение за нами покорных закубанских горцев, которые будучи тогда отрезаны нашею линиею от непокорных, нашлись бы возможными прекратить с ними непозволительные связи и принять прочную оседлость»¹. Проект Г.Х. фон Засса впервые публично обсуждался на совещании в Ставрополе осенью 1837 г. Несмотря на очевидную важность его воплощения, обсуждение проекта затянулось на несколько лет. Заметим, идею о наступательном продвижении за Кубань ещё в 1820-х гг. высказывал командир Отдельного Кавказского корпуса, управляющий гражданской частью в Кавказской губернии, генерал от инфантерии А.П. Ермолов, но в ту пору такая мысль казалась слишком смелой. Генерал Г.Х. фон Засс конкретизировал и концептуально обосновал проект, в своевременности которого сомневались имперские власти. Он предлагал заселить казачьими станицами всё пространство между реками Кубань и Лаба в направлении от Тамовского аула до места впадения Лабы в Кубань в районе станицы Усть-Лабинской. В пояснительной записке к проекту Засс полагал возможным устроить вначале три опорных военных укрепления и заселить промежутки между ними казачьими станицами с водворением по 150–200 семейств. Проект поддерживали барон Г.В. Розен и генерал-лейтенант А.А. Вельяминов.

В первоначальном варианте проекта Г.Х. фон Засса предполагалось сразу поселить 8 казачьих станиц, но по причине сокращения больших расходов решили ограничиться только четырьмя: «Если же поселить четыре станицы на линии сообщений, и именно: первую – на Урупе при Ново-Георгиевском укреплении; вторую – на Чамлыке при Ново-Донском укреплении; третью – на этой же речке, там, где ныне строится пост на прямом сообщении Прочно-Окопской крепости с Махошевским укреплением, и четвёртую – при укреплении у Махошевской просеки, то эти станицы, находясь на открытой плоскости Закубанья, во взаимной связи между собою представят твёрдый оплот против

---

¹ ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

хищнических предприятий неприятеля и совершенно упрочат сообщения наши, что весьма полезно и необходимо»¹.

В 1841 г. император Николай I принимает решение о начале целенаправленного российского продвижения на Западный Кавказ и осуществлении активного заселения территории Закубанья с восточного направления. При этом ставится вполне конкретная цель достижения верховьев реки Лаба уже в первый год заселения новых мест, чтобы отделить с юга часть прикубанских ногайцев, присягнувших Российской империи. Через 20 лет Лабинская кордонная линия разделяется на две самостоятельные части: Верхне-Лабинскую кордонную линию на протяжении от станицы Псемёнской до станицы Владимирской и Нижне-Лабинскую кордонную линию на протяжении от станицы Владимирской до устья реки Лаба. Обеспечение функционирования Лабинской кордонной линии возлагалось на Лабинский линейный казачий полк, образованный по указу императора Николая I от 25 марта 1841 г. «О сформировании особого полка из переселяемых на Лабинскую линию 4 станиц Кавказского линейного казачьего войска»².

Лабинская кордонная линия располагалась южнее Усть-Лабинской крепости на закубанском пространстве, и при её обустройстве первоначально планировалось возвести три форта: Зассовский, Махошевский, Темиргоевский (и они появляются осенью 1840 г.), но всего построили шесть фортов: Георгиевский, Зассовский, Махошевский, Михайловский, Новодонецкий, Темиргоевский. Первоначально задумывалось заселить всего лишь четыре станицы казаками Кавказского линейного войска, и они водворяются в мае 1841 г. по полковому принципу³. Однако на этом образование новых станиц не закончилось. В итоге водворили станицы в следующем порядке (с севера на юго-восток), вверх по течению реки Лаба: Некрасовскую, Новолабинскую, Тенгинскую, Воздвиженскую, Курганную, Лабинскую, Чамлыкскую, Урупскую (положив-

---

¹ Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы – очерки по истории Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. С. 47.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XVI. Отд. 1-е (1841 г.). СПб., 1842. Ст. 14393.

³ Орлов П.П. Памятка кубанского казака. Екатеринодар, 1914. С. 26.

шую начало Урупской кордонной линии), Вознесенскую и др. Последними заложены в 1861 г. станицы Лабинской линии стали станицы: Ахметовская, Каладжинская, Псемёнская. Станица Каладжинская выросла на правом берегу реки Большая Лаба на месте одноимённого военного укрепления, появившегося ещё в 1853 г., у подножья Чёрных гор. Южнее по течению реки Большая Лаба сформировались станицы Ахметовская и Псемёнская.

В Закубанье изменяется само представление о кордонной линии: рубятся широкие лесные просеки, прокладываются дороги, возводятся мосты, узловые пункты устраиваются далеко не всегда на речных берегах, линия закрепляет российское присутствие не только вдоль, но и поперёк течений рек, укреплённая станица становится самым важным пунктом в утверждении переселяемого населения на новых территориях.

Помимо Лабинской кордонной линии для управления осваиваемыми закубанскими пространствами создаются два округа: Лабинский и Верхне-Кубанский. В соответствии с Положением «Об управлении Кавказской армии» от 1 апреля 1858 г. правое крыло Кавказской линии разделялось на 3 части (Черноморию, Лабинский округ и Верхне-Кубанский округ), которыми командовали (управляли) «ближайшие военные начальники»¹. Лабинский округ как орган управления просуществовал довольно продолжительный период, в течение 1858–1863 гг.². Полное упразднение Лабинской (Новой) линии произошло в 1864 г., когда она выполнила своё военно-хозяйственное (историческое) предназначение. Начиная с 21 мая 1864 г., в течение года после окончания Кавказской войны кордонные линии постепенно упраздняются по причине утраты их стратегического значения³. Разберёмся в системе существовавших кордонных линий, ведь вопрос малоизучен в историографии, а, главное, с линиями связано водворение казачьих поселений.

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Отд. 1-е [1858 г.] СПб., 1860. Ст. 32938. § 51.

² Основные административно-территориальные образования на Кубани (1793–1985 гг.): справочник / сост.: А.С. Азаренкова и др. Краснодар, 1986. С. 20.

³ ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 52. Л. 18.

1. Абадзехская кордонная линия формируется, начиная с весны 1861 г., на территориальном пространстве между укреплением Майкоп и станицей Лабинской, на котором планировалось построить, как минимум, 6 казачьих станиц. Абадзехская кордонная линия к ноябрю 1861 г. включала: станицу Кужорскую, станицу Нижне-Фарскую, Айрюмский укрепленный пост (судя по всему, это был по значимости и по конструктивному устройству мощный форт), и, кроме того, согласно архивным данным, на линии располагались ещё 13 казачьих постов¹.

Устройство Абадзехской кордонной линии, возведение новых казачьих станиц за рекой Лабой и перенесение передовых рубежей на реку Белую дало возможность упразднить часть полков на «задних» линиях². В Указе императора Александра II «О разделении Лабинской и устройстве вновь Абадзехской кордонных линий» от 14 ноября 1861 г. отмечалось: «По развитию наших военных действий и поселений за Лабою, устроить особую кордонную линию на прямом сообщении станицы Лабинской с Майкопом. Линии этой, состоящей из 13-ти постов и двух станиц: Нижне-Фарской и Кужорской присвоить название Абадзехской. По исключительному положению ее в настоящее время, подчинить её Начальнику Абадзехского отряда; непосредственно же заведывать ею Штаб-Офицеру Сводного полка, расположенного на линии»³. В октябрь-ноябре 1861 г. Абадзехским (Нижне-Абадзехским) отрядом командовал генерал-майор И.Е. Тихоцкий 2-й. Он причастен к образованию следующих закубанских станиц: Белореченской, Пшехской, Севастопольской и Царской (Верхне-Фарская, Александровская; ныне Новосвободная).

На 14 августа 1862 г. в состав 1-го участка Абадзехской кордонной линии входили: пост Пятивёрстный, пост Чохракский, пост Джигиакский, пост Нижне-Фарский, станица Нижне-Фарская, пост Пшахаксий (между станицами Нижне-Фарской и Махошевской), станица Махошевская, пост Угушукский (между станицами Махошевской и Псефирской), станица Псефирская, пост

---

¹ ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 45. Л. 13.

² ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 45. Л. 13об.

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVI. Отд. 2-е [1861 г.]. СПб., 1863. Ст. 37628.

Кабардинский (при речке Федяко, впадающей в реку Ходзь). Во 2-й участок объединили: пост Замукский, пост Кхятльский, пост Анзоровский, пост Кужорский, станицу Кужорскую, пост Айрюмский, пост Ульский, пост Верхне-Гиагинский, пост Вюстшатский¹.

2. Абинская кордонная линия сформировалась весной–осенью 1863 г. в результате строительства станиц Адагумским отрядом и формирования Абинского казачьего полка. К числу станиц образованного в сентябре 1863 г. Абинского конного полка относились: Абинская, Антхырская, Грузинская, Ильская, Мингрельская, Хабльская, Шапсугская, Эриванская. Для обеспечения надёжной охраны от возможных нападений горцев станиц Абинского полка и организации безопасного между ними сообщения устроили две кордонные линии, получившие название Абинская и Хабльская. Командир Абинского конного полка, подполковник В.Е. Фролов одновременно являлся начальником сразу двух, Абинской и Хабльской кордонных линий. Штаб-квартира Абинского конного полка располагалась в станице Хабльской. По распоряжению от 15 апреля 1864 г. командующего войсками в Кубанской области, генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, Абинская кордонная линия упразднялась².

Тем не менее, согласно «Ведомости кордонных и внутренних линий в Кубанской области с показанием числа войск для кордонной службы, а также для исполнения полицейских и военно-административных обязанностей в период времени с 1 ноября 1864 года по 1 апреля 1865 года», сохранялась внутренняя линия Абинского конного полка Кубанского казачьего войска с боевым охранением³. Очевидно, русское командование таким способом решало проблему обеспечения внутренней безопасности закубанских поселений, находившихся в поселенческой юрисдикции Абинского конного полка, что, несомненно, способствовало их должному укоренению в нужных местах и дальнейшему хозяйственно-экономическому развитию.

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 309.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 148. Л. 2–2об.

³ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 34).

3. Адагумская кордонная линия первоначально выстраивалась по инициативе князя А.И. Бяратинского вдоль течения реки Адагум от устья к истокам и далее (в период 1857–1860 гг.) солдатами Крымского пехотного полка под командованием полковника И.О. (Шаликашвили) Шаликова. 25 мая 1857 г. закладывается Нижне-Адагумское укрепление в нижнем течении реки Адагум, но работы по его дальнейшему обустройству сдерживались вспыхнувшей локальной эпидемией болотной лихорадки (малярии, или же по-казачьи называемой «корчий»). Тем не менее, к 1 декабря 1857 г. удалось окончить строительство Нижне-Адагумского укрепления и мостового Суровского укрепления. К 1 ноября 1858 г. практически завершается возведение Константиновского укрепления, а 6 августа 1859 г. начинает действовать каменный форт на реке Кобза (Хобза, левый приток реки Адагум)¹. И это сделало Адагумскую кордонную линию военно-поселенческой реальностью в закреплении новых закубанских территорий.

Адагумская кордонная линия пролегла от Новороссийска (от укрепления Константиновского, у Цемесской бухты) в направлении Крымского укрепления и далее простиралась к Копыльскому посту на берегу реки Кубань (до поста Охранного по реке Кубани, по мнению И.М. Скибицкой²). Линия завершается строительством в основном к 1860–1861 гг. Адагумская кордонная линия, по свидетельству Д.А. Милютин, отрезала натухайцев от шапсугов и убухов³.

В 1862 г. Адагумская кордонная линия как «система новых станиц Адагумского конного полка и устроенных между ними промежуточных укреплений и постов»⁴ разделяется на две отдельных кордонных линии, получивших название Адагумской и Анапской, причём, каждая из них, в свою очередь, со-

---

¹ Протасов М.Д. История 73-го Пехотного Крымского Его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича полка. Тифлис, 1887. С. 11, 12, 19, 22, 28.

² Скибицкая И.М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. С. 86.

³ Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860–1862 / подгот. текста и коммент. Л.Г. Захаровой и др.; под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1999. С. 119.

⁴ ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

стояла из двух участков. Но подчеркнём, главными опорными пунктами каждой кордонной линии выступали водворённые в Закубанье новые казачьи станции. В составе первого участка Адагумской кордонной линии на 14 августа 1862 г. находились следующие поселения и укрепления: 1) станция Новороссийская с укреплением Константиновским; 2) отдельный пост Георгиевский; 3) станция Неберджайская с укреплением Неберджайским; 4) станция Нижне-Баканская; 5) отдельный укреплённый пост Баканский; 6) башня Извещательная; 7) станция Крымская. К этому участку причислялся укреплённый Абинский лагерь. Второй участок объединял 4 поста: Адагумский; Георгиевский; Охранный; Славянский¹. Оба участка Адагумской и двух участков Анапской кордонных линий находились в подчинении командира Адагумского конного полка, полковника (генерал-майора с 1883 г.) П.И. Крюкова², а он, в свою очередь, подчинялся начальнику Адагумского отряда, генерал-майору П.Д. Бабьчу. По распоряжению от 15 апреля 1864 г. командующего войсками в Кубанской области, генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, Адагумская кордонная линия после 4 лет успешного функционирования упраздняялась³.

Наряду с Адагумской кордонной линией создали ещё одну военно-организационную (окружную) структуру, чтобы увязать процесс водворения казачьих станций на закубанских территориях с переходом под крыло имперской власти покорённых народов. Высочайшим указом императора Александра II от 31 марта 1860 г. учреждался Натухайский округ «по примеру округов, существующих для управления покорными туземцами на левом крыле Кавказской линии, что ныне именуется Терская область»⁴. Начальником образованного Натухайского военного округа стал генерал-майор Кубанского казачьего

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. [С. 310].

² ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 2об–3.

³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 148. Л. 2–2об.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXV. Отд. 1-е [1860 г.]. СПб., 1862. Ст. 35644.

войска П.Д. Бабыч, причём, одновременно Павел Денисьевич являлся и начальником Адагумского отряда¹.

В Натухайском военном округе создаётся в 1862 г. Адагумский казачий полк, который занимается строительством новых станиц, укреплённых постов и дорог между ними. В состав полка территориально вошли 11 станиц (в алфавитном порядке)²: 1) Анапская, 2) Благовещенская, 3) Варениковская, 4) Верхне-Баканская, 5) Гостагаевская, 6) Крымская, 7) Натухаевская, 8) Неберджаевская, 9) Нижне-Баканская, 10) Новороссийская и 11) Раевская.

4. Анапская кордонная линия выделяется в 1862 г. из состава Адагумской кордонной линии. Согласно Указу императора Александра II, первый участок Анапской кордонной линии на 14 августа 1862 г. включал следующие поселения и укрепления (в порядке их фиксирования в ПСЗРИ): 1) пост Цемесский; 2) станица Раевская; 3) станица Верхне-Баканская; 4) пост Средне-Баканский; 5) пост Бенепсинский; 6) станица Анапская; 7) укрепление Анапа с посёлком; 8) станица Благовещенская с постом Джемитейским. Второй участок объединял следующие поселения и укрепления: 1) станица Натухайская; 2) пост Психягский; 3) станица Гостагаевская (Гостагаевская); 4) пост Чикупский; 5) станица Варениковская³. Анапская кордонная линия после двух лет своего функционирования упраздняялась⁴.

5. Белореченская кордонная линия как самостоятельное фортификационно-поселенческое сооружение создаётся, начиная с 16 октября 1861 г., по личному указанию графа Н.И. Евдокимова, и она пролегла по берегам реки Белой. В её состав входили следующие ключевые станицы (указываются нами в порядке их расположения с севера на юг): Белореченская, Ханская, Майкопская, Абадзехская, Даховская, причём, последняя (водворённая уже в конце

---

¹ Тмутараканский Л. Бабыч Павел Денисович. Генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска. 1801–1883 г. (Библиографический очерк) // Кубанский сборник на 1914 год. Т. 19. Екатеринодар, 1914. С. 677.

² Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1909 год. Т. 14. Екатеринодар, 1908. С. 381–382, 383, 384.

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 310.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 148. Л. 2–2об.

апреля 1861 г.) замыкала кордонную линию. Белореченская кордонная линия образовалась одновременно с формированием 25-го конного полка Кубанского казачьего войска.

25-й конный полк в организационно-штатном отношении делился на четыре бригады (1, 2, 3 и 4) и комплектовался личным составом из числа желающих перебраться на новые, предназначенные к заселению места. По количественным параметрам полк включал: 4 штаб-офицера, 12 обер-офицеров и 1597 казаков, причём, все офицеры и казаки уже имели на тот момент свои семейства¹. Все они, офицеры и рядовые казаки, явились первооснователями 25-го конного полка Кубанского казачьего войска и первопоселенцами Белореченской кордонной линии. Они одновременно 1 мая 1862 г. заложили на Белореченской кордонной линии сразу 4 новых станицы: Белореченскую, Махошевскую, Псефирскую, Егерухаевскую². Четвёртая станица Егерухаевская (с 1867 г. это станица Тульская) расположилась на правом берегу реки Белая и получила своё первое название по этнониму егерукаевцев, местной субэтнической группы адыгов, а второе название ей дали в честь одного из полков, участвовавших в Кавказской войне – (72-го) Тульского пехотного полка, имеющего запутанную и бурную полковую историю, в том числе, службы на Кавказе, со старшинством от 30 августа 1769 г. В количественном отношении в станице Егерухаевской всего поселились 120 казачьих семей³.

В пространственном отношении земельные отводы новых казачьих станиц 25-го конного полка Кубанского казачьего войска с северной стороны и с восточного направления соприкасались с территориями, заселёнными уже покорёнными горцами, которые расположились по реке Ходзь, по левому берегу самой Лабы и частично в низовьях реки Белой, впадающей в реку Кубань. Удачное географическое положение станиц 25-го конного полка обеспечивало переселенцев плодородными землями и обильными водными источниками. Станичные жители довольно быстро укоренили свои усадьбы на новом месте,

---

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 89.

² ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 89об.

³ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 89об.

и скоро они уже не уступали по уровню хозяйственного благоустройства станциям Старой Линии по Кубани.

На 14 августа 1862 г. в состав Белореченской кордонной линии входили четыре участка. Первый участок: пост Нижне-Гиагинский, пост Псенафинский, пост Белореченский, пост Курганский. Второй участок: станица Белореченская, пост Быстрый, станица Ханская, пост Шалукский. Третий участок: укрепление Майкоп, пост Крепостной, пост Пшакский, станица Егерукаевская, пост Егерукаевский, пост Чхафизепский, пост Усть-Фюнтфский. Четвёртый участок: станица Абадзехская, пост Первый Кожохский, пост Второй Кожохский, пост Каменноостровский, пост Мишокский, станица Даховская, пост, предполагаемый к возведению в верховьях реки Белой, Замковый¹.

Исторической наследницей Белореченской кордонной линии стала Внутренняя линия 1-й (Кавказской) бригады, обслуживаемая 25-м конным полком Кубанского казачьего войска. В период с 1 ноября 1864 г. по 1 апреля 1865 г. она делилась на два участка². Полагаем, русское командование таким способом решало проблему обеспечения безопасности территорий Закубанья, что, несомненно, способствовало укоренению станичных поселений в ключевых местах сложившихся коммуникаций и их дальнейшему хозяйственно-экономическому развитию.

6. Береговая кордонная линия являлась исторической предшественницей Шапсугского берегового пешего батальона (полка), образованного 3 ноября 1864 г., или же батальон вначале как раз-таки и обслуживал эту кордонную линию, которую позже упразднили, поскольку функционально её изначальное предназначение выполнял теперь Шапсугский береговой пеший батальон (полк). Береговая кордонная линия располагалась на Южном склоне Главного Кавказского хребта, в прибрежной полосе. На рубеже 1864–1865 гг. в её состав входили: пост Кабардинский, станица Адербийская, пост Мезибский, пост

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 310.

² РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (обозначен лист с началом документа, далее архивные листы не указаны, поскольку это микрофильм. Это кадр 36).

Михайловский, станица Береговая, станица Пшадская, пост Текосский, станица Вуланская, пост Бжидский, станица Джубгская, станица Дефанская, пост Тенгинский, станица Ново-Михайловская, станица Ольгинская, станица Небугская, станица Вельяминовская, пост Туапсинский¹. Частично она повторяла бывшую Черноморскую береговую линию.

7. Верхне-Кубанская кордонная линия начиналась в месте впадения реки Лаба в реку Кубань и пролегла вверх по реке Кубань и оканчивалась в 150 верстах от истока реки Кубань у станицы Баталпашинской. Выше этой станицы по направлению к верховьям течения реки Кубань и её левых притоков она связывалась отдельными постами со станицами Урупской кордонной линии². Исторической преемницей Верхне-Кубанской кордонной линии на рубеже 1864–1865 гг. можно считать, внутреннюю линию 4-й (Хопёрской) бригады, в которую входили казачьи воинские команды, располагавшиеся в следующих населённых пунктах и на отдельных постах: станица Невинномысская, пост Усть-Невинский, станица Беломечётская, пост Яман-Джалга, пост Жмурин, пост Баталпашинский, пост Усть-Тахтамышевский, пост Усть-Джегутинский, пост Ямановский, пост Николаевский, пост Хумаринский, пост Бекешевский, пост Кановальский, пост Суворовский, пост Надзорный, пост Суруклинский, станица Воровсколеская³.

8. Верхне-Лабинская кордонная линия появляется в 1861 г. в результате разделения Лабинской кордонной линии на две части: Верхне-Лабинскую кордонную линию и Нижне-Лабинскую кордонную линию. Верхне-Лабинская кордонная линия (располагавшаяся в верховьях реки Лаба) функционировала на протяжении территориальной полосы в направлении от станицы Псемёнской до укрепленного поста Мефодьевского и станицы Владимирской, подчинялась командиру 7-й бригады Кубанского казачьего войска и делилась на два

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 33).

² Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Материалы для истории колонизации Западного Кавказа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 2.

³ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 38).

участка: первый подчинялся командиру 23-го полка, а вторым командовал командир 22-го полка¹.

В 1862 г. в поселенческую юрисдикцию 23-го конного полка вошли следующие станицы: Андрюковская (основана в 1861 г.), Ахметовская (1861), Каланджинская (1861), Отважная (1859), Переправная (1861), Преградная (1860), Псемёнская (1861), а также посёлок Псебайский (1862). В 1862 г. в поселенческую юрисдикцию 22-го конного полка вошли следующие станицы: Бесстрашная (основана в 1859 г.), Владимирская (1851), Вознесенская (1841), Зассовская (1853), Подгорная (1858), Упорная (1859)². По состоянию на 14 августа 1862 г. Верхне-Лабинская кордонная линия опиралась на ряд укрепленных (стационарных) постов: Ахметгорский, Ахмыловский, Башильбаевский, Бесстрашный, Березенский, Берзендыкский, Вознесенский, Гальтукский, Извещательный, Казыльбековский, Каланджинский, Коксу, Магишпарский, Мефедьевский, Окартский, Осторожный, Переправный, Преградный, Синюшкин, Сухо-Лабинский, Тамовский, Теснинский, Упорный, Урупский, Харский, Шелуховский, а также на два военных укрепления: Псебайское и Шедокское³.

Согласно служебно-нормативным положениям приказа № 58 по Кубанскому казачьему войску от 8 октября 1863 г., Верхне-Лабинская кордонная линия была образована из группы станиц и укрепленных военных постов, вытянувшихся вдоль горной полосы между верховьями реки Ходзь (левого притока реки Лаба) и верховьями реки Уруп (левого притока реки Кубань)⁴. В период с 1 ноября 1864 г. по 1 апреля 1865 г., функционировала Верхне-Лабинская внутренняя линия, располагавшаяся на юго-востоке Кубани, в полосе дислокации 7-й бригады Кубанского казачьего войска⁵.

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVI. Отд. 2-е [1861 г.]. СПб., 1863. Ст. 37628.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 474. Л. 214а–214в (с оборотом).

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 309.

⁴ Приказ по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным № 58 от 8 октября 1863 г. // Библиотека ГАКК. Инв. № 7983. Приказы по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным за 1863 г.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 35).

9. Геленджикская (Ольгинско-Геленджикская) кордонная линия начинает сооружаться 4 августа 1834 г., когда из Ольгинского редута выдвинулся специальный отряд с целью построить Абинское военное укрепление (в месте примерно на полпути к Геленджику). Руководил строительством этой кордонной линии командующий войсками Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, хотя лично он возражал против осуществления обозначенного военно-хозяйственного проекта и предлагал сразу строить Черноморскую береговую линию, и, кстати, ещё в 1831 г. по его инициативе построили Геленджикское военное укрепление, после чего этот проект застопорился. Новые укрепленные пункты на Ольгинско-Геленджикской кордонной линии возводились вплоть до 1837 г., пока имперские власти не приняли окончательное решение о последовательном строительстве Черноморской береговой линии. Ольгинско-Геленджикская кордонная линия, увы, так и не оправдала изначальных ожиданий, и была упразднена в начале Крымской войны¹. Но вокруг сооружения и функционирования данной кордонной линии с целью обеспечения покорения горцев в этом районе шли длительные дискуссии с участием императора Николая I, о чём детально пишет С.О. Жупанин².

Геленджикская кордонная линия не стала источником для роста новых поселенческих структур. Служба в гарнизонах укреплений всё время оставалась крайне тяжёлой. Более того, Абинское военное укрепление считалось ссылочным местом, и пребывание в нём являлось наказанием более суровым, чем арестантские роты³. С 1837 г. внимание военных властей переключается на обустройство Черноморской береговой линии, и какие-либо капитальные

---

¹ Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг.: дис... канд. ист. наук. Армавир, 2004. С. 198.

² Жупанин С.О. Геленджикская укрепленная линия. К истории планирования и создания // Научное наследие Ф.А. Щербины: Казачество и история Кавказа: сборник материалов XV междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 26–27 февраля 2015 г. Краснодар, 2015. С. 62–77.

³ Акимченков Г.Ф. Геленджикская кордонная линия: к истории Абинского укрепления // Историко-археологический альманах. (Армавирского краеведческого музея). Армавир; М., 2002. Вып. 8. С. 161.

работы на Геленджикской укрепленной линии уже не осуществлялись. Доставка грузов для возведения Черноморской береговой линии по Геленджикскому маршруту сходилась на нет. И хотя в период своего существования Геленджикская (Ольгинско-Геленджикская) кордонная линия не обеспечила формирование населённых пунктов, но позже на местах её бывших укреплений возникают три станицы: Абинская (с 1863 г.), Геленджикская (с 1864 г.), Шапсугская (с 1863 г.), а также селение Кабардинка (с 1869 г.).

10. Даховская кордонная линия начинает формироваться в 1861 г. Отправной точкой здесь следует считать производство в полковники и назначение командиром 75-го Севастопольского пехотного полка 30 октября 1861 г. Василия Александровича Геймана, готовившего продвижение войск в Даховскую долину. 26 апреля 1862 г. он во главе Нижне-Абдзехского отряда в результате успешно проведённой военной операции в сложных горных условиях входит в Даховскую котловину. Эту дату можно считать исходной в основании станицы Даховской, обустройство которой продолжалось, наряду со стычками с горцами, вплоть до 12 июля включительно.

Важность укоренения новых казачьих поселений в Даховской долине заключалась в крайне выгодном географическом положении этой закубанской территории для правого крыла русских войск. Она открывала прямой путь к верховьям реки Белой, но отсюда же существовали горные проходы к рекам Малая и Большая Лаба. Иначе говоря, Даховская долина представляла собой стратегический ключ к целой «высокогорной стране» Большого Кавказа. Закрепление на рубеже Даховской долины давало возможность примкнуть Белореченскую линию левым флангом к Главному Кавказскому хребту. Поэтому водворение в долине новых российских поселений имело принципиальное значение, ибо оно значительно облегчало доступ в горные общества, располагавшиеся к западу от реки Белой, поскольку тогда создавалась военно-материальная база для дальнейшего продвижения русских войск и вытеснения непокорных горцев¹.

---

¹ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / археография док. и сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003. С. 199.

Даховская кордонная линия в военно-административном отношении состояла из двух участков и объединяла фортификационные сооружения и укрепленные поселенческие территории на всем протяжении от укрепления Псебайского до станицы Даховской. В состав 1-го участка на 14 августа 1862 г. входили: пост Нагорный, расположенный между укреплением Псебайским и станицей Баговской; пост Баговский между речками Ходзь-Зишхо и Ходзь-Бгундж, истоками реки Ходзь; станица Баговская; пост Гурмайский (на реке Гурмай, выше станицы Баговской); пост Ирисский (в Ирисском ущелье); станица Промежуточная; пост Коноковский между станицами Промежуточной и Губской; пост Бесленевский между станицами Промежуточной и Переправной; станица Баракаевская; станица Губская; пост Кунактаусский (между станицами Губской и Хамкетинской). В составе 2-го участка объединялись: пост Псефирский (между станицами Псефирской и Хамкетинской); станица Хамкетинская; станица Царская (с 1920 г. она называется Новосвободная); пост Этокский (близ станицы Царской); пост Хогуарский (при впадении речки Хогуар в реку Фарс); пост Ширванский (у горы Физиаби-Куаш); пост Жешукский; пост Угловой; пост Лагерный; станица Севастопольская¹.

Конкретной даты упразднения Даховской кордонной линии установить не удалось, но исторически по времени она однозначно сменилась Даховской внутренней линией, причём, количество охраняемых мест на этой линии сильно не изменилось по сравнению с прежней, Даховской кордонной линией. С 1 ноября 1864 г. по 1 апреля 1865 г. Даховская внутренняя линия располагалась на Северном склоне Главного Кавказского хребта. В состав 1-го участка линии входили: станица Губская, пост Конактауский, станица Баракаевская, Хамкетинская башня, станица Хамкетинская, пост Алеркушский, станица Царская, пост Этокский, пост Жешукский, пост Угловой. В составе 2-го участка Даховской внутренней линии находились следующие охраняемые места: станица Севастопольская, пост Усть-Фюнтфский, станица Абадзехская, пост Наблюдательный, пост Северный, блокгауз Каменноостский, станица

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 309–310.

Даховская, пост Сюгский, пост Аруаньский, укрепление Хамышейское, пост Гузериписьский¹.

11. Зеленчукская кордонная линия сооружается в течение 1858–1861 гг. в верховьях сразу трёх рек Лабы, Урупа и Зеленчука, и она формируется в результате появления следующих казачьих станиц: Зеленчукской (заложена 19 апреля 1859 г. в месте впадения в реку Большой Зеленчук её правого притока, реки Хуса-Кардоник); Кардоникской (основана 19 апреля 1859 г. восточнее станицы Зеленчукской, в междуречье реки Аксаут и её правого притока, реки Кардоник); Сторожевой (водворена 1 июля 1858 г. при впадении левого притока, реки Бижгон в реку Кяфар, левого притока реки Большой Зеленчук); Преградной (появилась 3 мая 1860 г., на реке Уруп)². Из состава Зеленчукской кордонной линии, Кисловодской кордонной линии и Баталпашинского участка Кубанской кордонной линии дважды формировался Верхне-Кубанский округ (в 1858–1861 гг. и в 1864–1865 гг.)³.

12. Кубанская кордонная линия наступательным образом складывалась и функционировала в 1801–1835 гг. Она активно использовалась при освоении Закубанья. По состоянию на 14 августа 1862 г. на этом направлении речь шла о четырёх кордонных участках четырёх бригад Кубанского казачьего войска. Кордонный участок 1-й бригады состоял из следующих постов: Редутский, Баксаровский, Воронежский, Усть-Лабинский, Паромный, Десяти-Бродский, Ладовский, Саломатин, Тифлиссский, Кадушкин, Казанский. Кордон 2-й бригады включал посты: Кавказский, Темижбекский, Воровской, Григорипольский, Царицынский, Прочно-Окопский, Камышеватский. Кордон 3-й бригады объединял посты: Новинькой, Убежный, Закубанский № 3-го, Паромный (у станицы Николаевской), Николаевский, Закубанский № 2-го, Борсуковский, Донской, Егорлыкский, на станции Егорлыкской, Рождественский, на станции

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 34).

² Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1904. Т. 12. С. 668.; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. XXI. Отд. 2. С. 73.

³ Основные административно-территориальные образования на Кубани (1793–1985 гг.): Справочник / сост.: А.С. Азаренкова и др. Краснодар, 1986. С. 20.

Русской, Разгонный (в г. Ставрополь). В кордон 4-й бригады входили следующие посты: Невинномысский, Усть-Невинский, Беломечётский, Яман-Джалгинский, Жмурин, Баталпашинский, Усть-Тахтамышевский, Усть-Джегутинский, Ямановский, Верхне-Николаевский, Хумаринский, Башня у Каменного моста, Конивальский, Бекешевский, Суворовский. Кроме того, на сообщении внутренних станиц с бригадным штабом 4-й бригады располагались посты: Надзорный, Суруклинский, Воровсколесский¹. Поэтому не случайно, Т.Х. Кумыков, ссылаясь на архивный отчёт графа Н.И. Евдокимова о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1 июля 1863 г. по 1 июля 1864 г., указывает на существование четырёх отдельных кордонных участков: Усть-Лабинского, Прочно-Окопского, Ставропольского и Баталпашинского, и каждый обслуживали по две сотни казаков². Подчеркнём, перечисленные постоянные посты, будучи мини-поселениями, являлись ключевыми звеньями общественной безопасности более крупных поселений.

13. Мало-Лабинская кордонная линия существовала одновременно с Лабинской, до её разделения на Верхне-Лабинскую и Нижне-Лабинскую, и окончательно сформировалась летом 1861 г. после закладки сразу 11 станиц³. Однако сама идея Мало-Лабинской кордонной линии исторически родилась значительно раньше. В конце 1855 г. Наказный атаман Кавказского линейного казачьего войска, генерал-майор Николай Александрович Рудзевич поставил перед главным штабом Его Императорского Величества вопрос о переносе постов Лабинской линии «вглубь Кавказа» (непосредственно в предгорные районы), чтобы вплотную приблизить войска к району предстоящих боевых действий. Проектом предполагалось к 1860 г. заселить земли, простиравшиеся вдоль реки Малая Лаба, а также пространство между этой рекой и рекой Уруп, десятью станицами в течение 4 лет. Переселенческий план Н.А. Рудзевича получил Высочайшее одобрение императора Александра II, и в следующем,

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отделение третье [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 308.

² Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 81.

³ ГАКК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об.

1856 г., официально началось строительство Мало-Лабинской линии. В мае того же года в рамках указанного плана заложили военное укрепление Псебай.

Однако, не дожидаясь окончательного решения вопроса в Санкт-Петербурге, в Закубанье начались масштабные работы по устройству Мало-Лабинской линии. 24 июня 1855 г. переселенцы из числа казаков Старой Линии приступили к постройке первых землянок и рытью колодцев на новом месте и заложили на левом берегу реки Уруп станицу Без(с)скорбную. Вокруг нового поселения вырыли глубокий оборонительный ров, и это являлось крайней жизненной необходимостью, ведь в те годы казачки даже белье стирали в бурных водах Урупа под надёжной охраной, ибо на правом берегу реки располагались воинственные горцы, в любой момент готовые совершить дерзкое нападение. Всего в станице Безскорбной поселись 266 семей (232 семьи малороссийских казаков и 34 семьи линейных казаков)¹. Переселенцы из Полтавской и Черниговской губерний прибывали в эту часть Закубанья несколькими небольшими партиями и заметно пополняли число станичников. В 1856 г. на левом берегу реки Уруп водворяется вторая новая станица Попутная, где обжились 3 офицерских, 6 урядничих и 115 казачьих семей из Кавказского линейного казачьего войска и 170 семей малороссийских казаков; кроме того, станицу доселили 15 семьями малороссийских крестьян².

Заселением Мало-Лабинской линии характеризуется новый этап колонизации территории Закубанья (1855–1857 гг.). В общей сложности на Мало-Лабинской линии возникают 4 станицы: Бесскорбная, Попутная, Родниковская, Отрадная. Подчеркнём, в рассматриваемый период (в 1857 г.) три Лабинских полка в военно-организационном отношении составляли 2-ю бригаду Кавказского линейного казачьего войска, располагавшуюся на Лабинской кордонной линии. Каждый из полков состоял из 6 станиц и 6 сотен. Так, в 1-й Лабинский полк вошли такие станицы как: Некрасовская, Ново-Лабинская, Воздвиженская, Петропавловская, Темиргоевская и Тенгинская. В составе 2-го Лабинского полка значились станицы: Константиновская, Курганная, Лабинская,

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2035. Л. 39.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2035. Л. 44, 45; Ф. 318. Оп. 2. Д. 338. Л. 30.

Зассовская, Михайловская и Родниковская. 3-й Лабинский полк составили: Бескорбная, Владимирская, Вознесенская, Попутная, Урупская, Чамлыкская. Командовал 2-ой бригадой Кавказского линейного казачьего войска генерал-майор А.С. Войцицкий. Одновременно он же считался начальником всей Лабинской кордонной линии¹.

14. Нижне-Кубанская кордонная линия официально существовала с 16 мая 1861 г., но до этого она называлась Черноморской кордонной линией, когда представляла собой российскую государственную границу, охраняемую Черноморским казачьим войском (с 23 мая 1793 г.), куда курени черноморских казаков, а затем и станицы отправляли воинские контингенты. Однако с началом активного освоения Закубанского края меняется функциональное предназначение кордонной линии, которая становится опорной полосой, откуда стартовали многочисленные военные экспедиции на новые территории. Первым начальником кордонной линии стал генерал-майор Я.Г. Кухаренко. В момент своего максимального развёртывания Черноморская кордонная линия (будущая Нижне-Кубанская) существовала как извилистая линия казачьих постов (кордонов), пикетов («бикетов») и батарей («батареек») по правому берегу реки Кубань. По данным на 1844 г. все посты (основные укрепления) в военно-территориальном отношении делились на пять частей². В 1850 г. стараниями полковника Я.Г. Кухаренко ряд укреплений 5-й части переносятся с самой реки Кубани на её рукав, реку Кара-Кубань, где возводятся 4 поста и 10 батарей. С 1 апреля 1858 г. Черноморская кордонная линия, согласно § 52 Положения об управлении Кавказской Армией, реформируется и делится на три участка: первый участок охватывал места в направлении от Чёрного моря до Славянского поста, второй участок занимал пространственную полосу от Славянского поста до Тенгинской батареи, и к третьему участку относились

---

¹ ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д.29. Л. 3–4об; Андреев А.О. Создание и упразднение Лабинской кордонной линии в 1839–1865 годах, с кратким обзором дел архивного фонда ГКУ ГАКК «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии» // Отрадненские историко-краеведческие чтения: Материалы междунар. науч. конф., посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной Отрадненского района Краснодарского края. Армавир, 2017. С. 78.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 705. Л. 3–3об, 10–10об.

укрепления от Тенгинской батареи до поста Изрядного¹. Каждый участок (отделение), в свою очередь, делился на две дистанции². Местопребыванием начальника Нижне-Кубанской кордонной линии был г. Екатеринодар. Нижне-Кубанская кордонная линия по состоянию на 7 сентября 1861 г. делилась на 2 участка. К первому участку относились посты: Великолагерный, Мариинский, Екатериновский, Ольгинский, Атаманский, Ханьковский, Сторожевой и Андреевский. Во второй участок входили посты: Редутский, Воронежский, Малолагерный, Павловский, Екатеринодарский, Подгорный и Хомутовский³.

В Государственном архиве Краснодарского края, в фонде 261 «Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска» имеется дело № 21 «О подкреплении войсками Нижне-Кубанской кордонной линии в зиму 1861/1862 гг.», где конкретизируется информация по отдельным кордонным постам этой линии, позволяющая не только зафиксировать военно-организационные моменты, но и выяснить, сколько казаков получили временное поселенческое пристанище во всё ещё пограничной территории, в полосе кубанского фронта, и где конкретно они проживали и служили на кордонной линии. Согласно «Ведомости кордонным постам и резервам 1-го участка Нижне-Кубанского кордона с показанием в них войск»⁴, все стационарные кордонные посты 1-го участка Нижне-Кубанской кордонной линии можно разделить на две условные группы. К одной группе относились более охраняемые и многолюдные по своему составу кордонные посты. Ко второй группе относились малолюдные кордоны. С завершением Кавказской войны прежнее военно-пограничное значение Нижне-Кубанской кордонной линии утрачивается, поэтому в 1864 г. она упраздняется.

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Отд. 1-е [1858 г.]. СПб., 1860. Ст. 32938.

² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 705. Л. 37–37об.

³ О разделении Нижне-Кубанской кордонной линии на два участка. Указ императора Александра II, объявленный в приказ по военному ведомству. 7 сентября 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVI. Отд. второе [1861 г.]. СПб., 1863. Ст. 37397.

⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 21. Л. 79.

15. Нижне-Лабинская кордонная линия возникает в 1861 г. после разграничения Лабинской кордонной линии на 2 самостоятельные части: Верхне-Лабинскую кордонную линию и Нижне-Лабинскую кордонную линию. Нижне-Лабинская кордонная линия функционировала на протяжении от станции Владимирской до устья реки Лаба, и в неё входили следующие станции: Лабинская (образованная в 1841 г. на правом берегу реки Лаба при Маховшевском укреплении, в предгорьях Главного Кавказского хребта), Курганная, Темиргоевская, Воздвиженская, Тенгинская, Новолабинская, Некрасовская. На 14 августа 1862 г. линия включала посты: Бродовый, Зассовский, Джигитинский, Меркушев, Средоточный, Николаевский (Сухой Кут), Закубанский, Темиргоевский, Васильевский, Алпатовский, Анзоровский, Михайловский, Егерукаевский, Родниковский, Константиновский, Ново-Георгиевский, Недреманный, Мостовой¹. Нижне-Лабинская кордонная линия упразднена в марте 1864 г.²

16. Пшехско-Курджипская кордонная линия закладывается в конце сентября 1862 г. Даховским отрядом под командованием полковника В.А. Геймана по приказу графа Н.И. Евдокимова. К числу станций этой линии относились основанные в 1863 г. станция Курджипская и станция Дагестанская, расположенные на реке Курджипс, левом притоке реки Белой. В 1863–1867 гг. в состав Пшехско-Курджипской линии входила станция Нижегородская. Для службы на Курджипско-Пшехской линии в 1863 г. создаётся 26-й конный полк Кубанского казачьего войска.

Пшехская кордонная линия простиралась от водоразделов бассейнов рек Белой и Курджипса до истоков реки Тхухи (или Тухи, верхнего притока реки Пшехи) и водораздела реки Пшехи и реки Пшиш. Затем продолжалась через верховья Пшиша до раздела вод этой реки с рекой Псекупсом. Тем самым, она

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отделение третье [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. [С. 309].

² Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / археография док. и сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003. С. 199.

огибала своими военными постами Тубинскую котловину, почему и была переименована в Тубинскую кордонную линию¹. Что касается станичных поселений, то в ноябре 1864 г. к моменту переименования Пшехской кордонной линии в Тубинскую кордонную линию включались (в алфавитном порядке) станицы: 1) Апшеронская; 2) Дагестанская; 3) Кубанская; 4) Курджипская; 5) Нижегородская; 6) Прусская; 7) Пшехская, 8) Самурская; 9) Тверская; 10) Хадыженская (называвшаяся также укрепление Хадыжи); 11) Ширванская². Вместе с тем, шёл трудный процесс образования новых станиц.

17. Пшишская кордонная (передовая) линия заложена осенью 1862 г. по указанию командующего войсками в Кубанской области, графа Н.И. Евдокимова, чтобы прикрыть уже созданные новые коммуникации и обеспечить дальнейшие наступательные действия в направлении верховьев реки Курджипс и реки Пшиш. Опорной станицей для создания Пшишской кордонной линии выступила станица Пшехская, которую основательно обустроивал Пшехский отряд. Кордонная линия сформировалась в 1863 г. и с мая месяца входила в зону ответственности 24-го полка с размещением полкового правления в станице Пшехской. Кроме того, к полку относились станицы (в алфавитном порядке): 1) Андрюковская; 2) Губская; 3) Ирискская; 4) Малолабинская; 5) Переправная и 6) Ходзская³.

На завершающем этапе Кавказской войны Пшишская кордонная линия, судя по количеству привлекаемых для её охраны войск, считалась одной из наиболее конфликтогенных кордонных линий и участков в Кубанской области. К концу лета 1863 г. Пшишскую кордонную линию обслуживали: 12 рот пехоты и 8 казачьих сотен, а также им придавалось 6 орудий⁴. Согласно приказу по Кубанскому казачьему войску № 76 от 2 декабря 1863 г. (с местом

---

¹ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / археография док. и сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003. С. 199.

² РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 34).

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVI. Отд. 1-е (1861). СПб., 1863. Ст. 37004.

⁴ Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 80. Что касается количества орудий, то не стоит забывать также об орудиях, являвшихся неотъемлемой частью станичных оборонительных систем, создававшихся при водворении станиц в Закубанье.

издания приказа в станице Пшехской) о новом устройстве кордонов в восточной части Закубанского края¹, начальником Пшишской кордонной линии, простиравшейся в территориальном пространстве от поста Псинчагишского до укрепления Хадыжи, и части Пшехского кордонного участка, пролежавшем в направлении от поста Куданурт до поста Амбошского включительно, назначили командира Тверского драгунского полка, Георгиевского кавалера, полковника, князя З.Г. Чавчавадзе (1825–1905). Ему подчинялись в военно-административном отношении казачьи станицы, водворившиеся по рекам Пшеха и Пшиш, отнесённые к поселенческой юрисдикции 26-го конного полка Кубанского казачьего войска. В состав Пшишской кордонной линии в 1863–1864 гг. входили следующие станицы: Апшеронская, Бжедуховская, Габукаевская, Гурийская, Дагестанская, Кубанская, Курджипская, Нижегородская, Пшехская, Пшишская, Самурская, Тверская, Хадыженская. Тем самым, Пшишская кордонная линия имела предгорный характер.

18. Тихая кордонная (резервная) линия² была проведена немного позади, в относительном тылу Кубанской кордонной линии, считалась Ставропольским кордонным участком Кубанской линии, и к 1839 г. состояла из ряда разгонных (перемещающихся) постов по Черкасскому тракту, полевых постов вокруг Ставрополя и новообразованных станиц, кордонных постов на реке Кубань или близ неё. Линию обслуживал Ставропольский линейный казачий полк, который дислоцировался, по данным К.В. Скибы, в следующих станицах: Барсуковская, Бешпагирская, Каменнобродская, Михайловская, Надежда (село), Николаевская, Новомарьевская, Рождественская, Сенгилеевская, Спицевская, Старомарьевская, Татарская, Темнолесская³.

---

¹ Приказ по Кубанскому казачьему войску № 76 от 2 декабря 1863 г. Станица Пшехская // Библиотека ГАКК. Инв. № 7983. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1863 г.

² Более детально о Тихой линии см.: Кузнецов И.В. Тихая линия. Историческое сказание о ставропольских казаках. Ставрополь, 1997.

³ Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004. С. 203.

19. Туапсинская кордонная линия являлась исторической предшественницей Шапсугского берегового пешего батальона (полка), образованного 3 ноября 1864 г. Она располагалась на Южном склоне Главного Кавказского хребта в направлении от прибрежной полосы в сторону Майкопа по речным долинам, вначале реки Туапсе, а затем реки Чилипси. В состав кордонной линии входили: станица Чилипсинская и станица Георгиевская¹. Судя по всему, Туапсинская кордонная линия имела непосредственную связь с Береговой кордонной линией, в составе которой находился пост Туапсинский, и откуда прибывали казачьи команды, но поскольку Туапсинская кордонная линия уходила в сторону от моря, поэтому её посчитали возможным отделить в военно-административном отношении. С другой стороны она прикрывала подходы к морскому побережью и к Береговой кордонной линии.

20. Тубинская кордонная линия являлась достаточно протяжённой при расположении на Северном склоне Главного Кавказского хребта и делилась на три отдельных участка. 1-й (Курджипский) участок включал: пост Нижегородский, пост Кудинетовский, станицу Курджипскую, пост Хокодзский, станицу Дагестанскую, станица Прусскую, пост Бедануковский, станицу Нижегородскую, пост Псийский, пост Чентараукский, пост Передовой. Второй (Пшехский) участок объединял: пост Пшехский, станицу Пшехскую, пост Тубинский, станицу Кубанскую, пост Эцкпцокский, пост Яшский, станицу Апшеронскую, пост Амбожский, станицу Ширванскую, пост Гунайский, находившийся на сообщении из станицы Ширванской в укрепление Хадыжи, пост Аминовский, пост Османовский, станицу Самурскую, пост Хатуковский, пост Маратуковский, пост Цыцский, пост Нижне-Тубинский. Третий (Пшишский) участок включал: станицу Тверскую, пост Схалюкский, пост Сериежский, укрепление Хадыжи, пост Мирной, пост Шебсинский, пост Тукский, пост Ашабшинский, укрепление Гойтх². Как мы полагаем, Тубинская внутренняя (кордонная) сложилась после реформирования и частичной ликвидации ряда

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 33).

² РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр № 34).

других кордонных линий, в частности, Даховской, Пшехско-Курджипской, Пшишской.

21. Убыхская кордонная линия начата строительством Даховским отрядом русских войск 4 апреля 1864 г., и считалась временным сооружением, имела важный прибрежный пост Кубанский (в устье реки Дагомыс, впадающей в Чёрное море), где располагался продовольственный склад для обеспечения питанием всей кордонной линии. Пролегала в направлении от устья реки Дагомыс вверх по её течению до самых истоков, далее шла через перевал к среднему течению реки Шахе, потом петляла вдоль левого и правого берега вверх по течению реки Шахе вплоть до аула Бабукова. После поста Кубанского располагались следующие укрепленные посты: 1) на расстоянии в три с небольшим километра от Кубанского построили пост Догомуковский на левом берегу реки Дагомыс Восточный; 2) также на левом берегу реки Дагомыс Восточный, в четырёх километрах против течения выше Догомуковского водворили пост Эль-Мурзинский, близ аула убыхского старшины Эль-Мурзы; 3) Каскадный установили на правом берегу реки Дагомыс в трёх километрах выше Эль-Мурзинского; 4) Убыхский заложили в двух с половиной километрах от Каскадного, у водораздела между двумя речными Дагомысами (Восточным и Западным); 5) Высокий появился на водоразделе между рекой Дагомыс и рекой Шахе, в пяти километрах от Убыхского поста; 6) Шахинский разместился на левом берегу реки Шахе и 7) пост Вербный построили в праздничное Вербное воскресенье на правом берегу реки Шахе в трёх километрах выше моста через реку¹, где у транспортного перехода соорудили небольшой заградительный тет-де-пон, представлявший собой предмостное оборонительное укрепление.

22. Урупская кордонная линия формируется в основном в течение одного пятилетия 1855–1860 гг. в составе 12 станиц: 24 июня 1855 г. и в августе 1856 г. заселяются станицы Бесскорбная и Попутная, в 1857 г. водворяется ста-

---

¹ Ворошилов В.И. История убыхов (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времён до середины XIX века). Майкоп, 2006. С. 143.

ница Отрадная, в 1858–1860 гг. образуются сразу 9 станиц: Бесстрашная, Исправная, Надёжная, Передовая, Преградная, Подгорная, Спокойная, Сторожевая и Удобная. Но первая значимая станица на реке Уруп основывается ещё 29 июня 1841 г. и получает по гидрониму характерное название Урупской, которая собственно и положила начало Урупской кордонной линии.

Тем самым, строительство Урупской кордонной линии окончательно завершается только к 1860-м гг.¹ Южная часть Урупской кордонной линии выделяется в Зеленчукскую кордонную линию с окончанием строительства её четырёх основных станиц. 8 апреля 1858 г. Урупская кордонная линия переходит под начало (военно-хозяйственную юрисдикцию) 3-й Урупской бригады Кавказского линейного казачьего войска, которой командовал, терский казак по происхождению, подполковник Евпл Филиппович Семёнкин (1916–1895). 19 апреля 1859 г. Е.Ф. Семёнкин как начальник Урупской кордонной линии определил места для строительства станиц Зеленчукской и Кардоникской, заложенных в этот же день солдатами Литовского пехотного полка². В 1860 г. он возглавил сводный Урупский отряд для строительства на реке Уруп станицы Преградной и лично руководил строительством в период с апреля 1860 г. по январь 1861 г.³

На 14 августа 1862 г. в состав Урупской кордонной линии входили посты: Орлов (Урупский), Джамботовский, Казминский, Попутный, Державный, Эрсаконский, Больше-Тенгинский, Верхне-Тенгинский, Переправный, Джегановский, Непобедимый, Надзорный, Кувинский, Надёжный, Каменноостровский, Быгский, Кефарский, Бижгонский, Кара-Бижгонский, Зеленчукский,

---

¹ Петрова-Хорина Н.Н. «...Гей, гей, урупцы, храбрые вы молодцы!». Станица Отрадная на «новой линии» // Научное наследие Ф.А. Щербини: казачество и история Кавказа. Сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 152, 153.

² Павлюк К.К. История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка: 1809–1909 гг. Одесса, 1909. Т. II. С. 217–218.

³ Гусев А.К. Станица Преградная Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска: краткий исторический очерк. СПб., 2007. С. 79, 86, 87.

Башня, Мостовой, Аксаутский, Джарский¹. Что касается ликвидации Урупской кордонной линии, то достоверно известна дата сокращения наряда войск на эту линию по Высочайшему повелению императора Александра II 15 марта 1863 г. Одновременно уменьшается необходимый воинский резерв линии с шести сотен до четырёх сотен, а также упразднялись военные посты: Джамботовский, Джарский Джеганокский, Кара-Бижгонский, Надёжный, Непобедимый, Попутный².

23. Хабльская (Хабле-Пшадская) кордонная линия функционировала по единому алгоритму с Абинской кордонной линией в целях обеспечения надёжной охраны от возможных нападений горцев станиц Абинского полка и организации безопасного сообщения между поселениями. Она включала 2 военных поста: Сергиевский и Алексеевский, а также в неё входили две станицы: Грузинская и Хабльская, в которых дислоцировалась 1-я бригада Северского драгунского полка³. Как отмечается в архивных документах, устроенная часть Хабле-Пшадской линии и кордона объединяла следующие военные посты: Аушецкий, Сухо-Хабльский, Пшецисский. Сюда же относились станицы: Хабльская, Абинская, Шапсугская и Ахтырская. Кроме того, на этой линии существовали промежуточные военные посты между реками Адагумом и Абином, Абином и Ахтырём⁴. Каждый пост занимали 30 конных казаков, но на некоторых военных постах Хабле-Пшадской линии ещё дополнительно находились пластуны. Занятие Хабле-Пшадской кордонной линии давало возможность уменьшить выделение личного состава из Адагумского полка для содержания кордонов⁵. По распоряжению от 15 апреля 1864 г. командующего войсками в

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3-е [1862 г.]. Приложение. СПб., 1865. К Ст. (№) 38572. С. 308–309.

² О сокращении наряда войск на Урупскую кордонную линию и упразднении некоторых постов на этой линии. Указ императора Александра II, объявленный в приказе Военного Министра. 15 марта 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 1-е [1863 г.]. СПб., 1866. Ст. 39376.

³ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 274. Л. 185.

⁴ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 274. Л. 54.

⁵ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 274. Л. 8.

Кубанской области, генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, Хабльская кордонная линия упраздняялась¹.

24 и 25. Шапсугская и Шебская кордонные линии обслуживались воинскими подразделениями Джубгского отряда, о чём свидетельствуют материалы Государственного архива Краснодарского края, привлечённые нами из фонда № 327 «Штаб [Закубанского] Джубгского отряда Войскового дежурства Кубанского казачьего войска». В территориальном отношении Шапсугская кордонная линия простиралась от перевала Шипсукотх до берега Чёрного моря и находилась под начальством майора Саранчова. Шебская кордонная линия проходила в направлении от станицы Ильской до перевала Шипсукотх. Шебская кордонная линия как военно-административная структура упраздняется в марте 1864 г, а вот Энемский пост присоединили к Шапсугской кордонной линии².

Исторической преемницей Шебской кордонной линии, стала Шебская внутренняя линия. Она включала следующие места дислокации воинских команд: пост Шебанский, редюит Тхамехинский, станицу Ставропольскую, пост Фёдоровский, пост Шебсинский, пост Азипский, станицу Ильскую, пост Убинский, пост Афипский, укрепление Григорьевское, укрепление Дмитриевское, пост Чебийский, пост Супский³.

26. Южная кордонная линия была заложена зимой 1863 г., и в её состав входили 7 военных постов: Джубгский, Чекупсинский, Михайловский, Геленджикский, а названия ещё 3 укреплённых постов в архивном деле приведены неразборчиво⁴.

В целом, по данным Т.Х. Кумыкова, обобщившего информацию о кордонных линиях и участках, к концу лета 1863 г. во всей Кубанской области

---

¹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–2об; Петрова-Хорина Н.Н. Приурूपье моё, суровое и прекрасное. 1856–2011. 155-летию Попутной и другим станицам Урупско-Лабинской линии посвящается. Краснодар, 2011. С. 148.

² ГАКК. Ф. 327. Оп. 1. Д. 41 Л. 14.

³ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 35–36).

⁴ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 274. Л. 185об.

насчитывалось 18 кордонных линий и участков¹. Но уже 1 июля 1864 г. из 18 кордонных линий и участков осталось только лишь 5 укрепленных рубежей: 1) Береговая кордонная линия; 2) Верхне-Лабинская кордонная линия; 3) Даховская кордонная линия; 4) Тубинская кордонная линия; 5) Урупская кордонная линия². Но, согласно «Ведомости кордонных и внутренних линий в Кубанской области с показанием числа войск для кордонной службы, а также для исполнения полицейских и военно-административных обязанностей в период времени с 1 ноября 1864 по 1 апреля 1865 года», заверенной подписью генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, указывается 17 кордонных и внутренних охраняемых полковых линий, причём, Тубинская кордонная линия имела 3 отдельных участка, а Даховская кордонная линия делилась на 2 отдельных участка³.

Для устройства надёжных кордонных линий в Закубанье генерал-майор Г.И. Филипсон, получивший 6 июля 1855 г. назначение на должность Наказного атамана Черноморского казачьего войска, все бывшие под его начальством войска распределил по 9 отрядам. Самым крупным, по свидетельству И.И. Кияшко⁴, являлся Адагумский отряд. Наименования отрядов постоянно изменялись, отряды переименовывались, и установить точную историческую картину довольно сложно. Тем не менее, в источниках встречались следующие названия: Абадзехский, Верхне-Абадзехский, Верхне-Лабинский, Даховский, Джубгский, Майкопский, Нижне-Абадзехский и др. По состоянию на 1863 г. в подчинении начальника Кубанской области оставалось 6 отрядов: Адагумский, Даховский, Джубгский, Мало-Лабинский, Пшехский, Хамышейский⁵.

---

¹ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / археография док. и сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003. С. 198.

² Там же.

³ РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 34).

⁴ Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1909 год. Т. 14. Екатеринодар, 1908. С. 380.

⁵ Приказ по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным № 61 от 21 октября 1863 г., город Ставрополь // Библиотека ГАКК. Инв. № 7983. Приказы по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным за 1863 г.

Ключевой фигурой по подготовке перспективных планов и осуществлению конкретных мероприятий по освоению пространств Закубанья, безусловно, являлся князь А.И. Барятинский, назначенный 22 июля 1856 г. главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и утверждённый 26 августа 1856 г. в должности Кавказского наместника с одновременным производством в генералы от инфантерии. В годы наместничества на Кавказе князя А.И. Барятинского завершается присоединение Кавказа к России, оперативно решались назревшие вопросы освоения включённых в состав империи территорий, развернулся процесс создания новых казачьих станиц, реформировалось административное управление подопечными территориями. По инициативе князя происходит военно-административная реформа. Указом императора Александра II от 8 февраля 1860 г. устанавливалось: «1. Правое крыло Кавказской линии именовать впредь Кубанской областью. 2. Левое крыло Кавказской линии именовать впредь Терской областью. 3. Всё пространство, находящееся к северу от главного хребта Кавказских гор и заключающее в себе означенные две области, Терскую и Кубанскую, так и Ставропольскую губернию, именовать впредь Северным Кавказом»¹. «Государь Император, согласно представлению Главнокомандующего Кавказской Армией [князя А.И. Барятинского. – *авт.*], Высочайше повелеть соизволил именовать впредь: Командующего войсками правого крыла – Начальником Кубанской области, а Командующего войсками левого крыла – Начальником Терской области, с сохранением собственно по военной части прежних наименований Командующих войсками первому – Кубанской и последнему – Терской областей»². «Государь Император, согласно представлению Главнокомандующего Кавказской

---

¹ О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанской и Терской областями, а всё пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Министром Юстиции [графом Виктором Никитичем Паниным (1801–1874)]. 8 февраля 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXV. Отд. 1-е [1860 г.]. СПб., 1862. Ст. 35421.

² О переименовании Командующих войсками правого и левого крыла Кавказской армии Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказ Военного Министра [генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета (1794 – 1871)]. 23 мая 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXV. Отд. 1-е [1860 г.]. СПб., 1862. Ст. 35822.

Армией [князя А.И. Барятинского. – *авт.*], Высочайше повелеть соизволил: Для большего единства управления, сообразно с настоящим положением Северного Кавказа и с общей системой администраций, сделать в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного следующие изменения: 1. **Черноморскому казачьему войску именоваться «Кубанским казачьим войском».** В состав Кубанского казачьего войска обратить первые шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска, в полном составе, с землёй, которой они доселе пользовались, со всеми войсковыми и общественными заведениями и зданиями, в районе этих бригад находящимися [выделено нами. – *авт.*]... 8. Звание Наказного Атамана Кубанского войска присвоить Начальнику Кубанской области и Командующему там войсками, а управление войском возложить на Начальника Штаба, с теми правами и властью, которые по существующему войсковому положению предоставляются ему во время отсутствия Наказного Атамана из пределов войска»¹. Заметим, нормативные положения императорского указа от 19 ноября 1860 г. можно рассматривать как предмет самостоятельного исследования.

По инициативе князя А.И. Барятинского начинается второй этап заселения пространств Закубанья, предполагавший занятие передовыми казачьими станицами и укреплениями всей Нагорной полосы (карту указанного субрегиона см. в приложении 7) на протяжении от ранее занятых россиянами верховий реки Лабы вплоть до Черноморского побережья. В отзыве военному министру Д.А. Милютину 29 декабря 1860 г. № 29 для всеподданнейшего доклада князь А.И. Барятинский подчёркивал: «Единственное надёжное средство для прочного утверждения нашего владычества в Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооружённым казачьим населением по обеим сторонам хребта, учреждение опорных пунктов и военных путей, водворение туземного горского населения на богатых равнинах прикубанских и

---

¹ О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Военным Министром [генерал-адъютантом Николаем Онуфриевичем Сухозанетом (1794 – 1871)]. 19 ноября 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXV. Отд. 2-е. [1860 г.]. СПб., 1862. Ст. 36327.

введение правильного за ним надзора и управления. Всякая другая система может иметь временные выгоды, но решительно не ведёт к прочному утверждению нашему в этом крае»¹.

Российский император Александр II одобрил инициативы генералов А.И. Барятинского, Д.А. Милютина, Н.И. Евдокимова по усилению темпов колонизации русским элементом закубанских земель, и в этой связи 18 июня 1858 г. предметно замечал, что переселение русского населения должно быть «соразмерно с поземельным довольствием»². Как пишет И.В. Бентковский, активное выполнение «Высочайше утверждённого плана о колонизации обоих склонов Главного хребта русским населением, преимущественно казаками», началось в 1861 г.³ Тем самым, речь шла о четвёртом этапе закрепления за Российской империей Закубанского края.

Следует здесь отметить позицию военного министра Российской империи Д.А. Милютина (полностью разделявшего взгляды князя А.И. Барятинского и графа Н.И. Евдокимова в отношении завершения Россией войны на Кавказе), изложенную им в записке на имя российского императора Александра II перед его назначенной встречей с черкесской депутацией в августе 1861 г. Тогда Милютин писал: «Мы должны настойчиво продолжить заселение края казаками, ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что, только вытеснив туземцев с гор и заняв их место казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нём спокойствие и не опасаться уже потерять Кавказ при первом разрыве с морскими державами»⁴.

---

¹ Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Материалы для истории колонизации Западного Кавказа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 4–5.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 12. Д. 84. Л. 3.

³ Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Материалы для истории колонизации Западного Кавказа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 1.

⁴ Всеподданнейшая записка управляющего Военным Министерством, ген[ерал]-ад[ъютанта] [Д.А.] Милютина, от 29 августа 1861 года // Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1904. Т. 12. С. 933.

В фонде 252 «Войсковое хозяйственное Правление Кубанского казачьего войска» Государственного архива Краснодарского края сохранилось предписание генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского от 2 апреля 1861 г. за № 507¹. В нём детально излагаются руководящие указания по переселению кубанских казаков из внутренних (степных) станиц на передовые кордонные линии и, главное, определяется масштаб предстоящего переселения, в котором планировалось задействовать в общей сложности от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ народонаселения бывшего Черноморского казачьего войска. В предписании фиксируется положение о равном участии всех станиц в переселении в Закубанье, за исключением приморских и расположенных при лиманах и вблизи реки Кубань. После определения общей потребности в переселенцах вся тяжесть и обязанность заселения передовых линий уже не лежала на одних только жителях Ейского округа, а равномерно распределялась между всеми жителями внутренних станиц Кубанского казачьего войска.

Согласно приказу от 18 апреля 1861 г. № 19 по Кубанскому казачьему войску², Главнокомандующий Кавказской армией, князь А.И. Барятинский после рассмотрения прошений, поданных его сиятельству обществами станиц Кубанского казачьего войска: Александровской, Грушевской, Конеловской, Круглолесской, Сергеевской, Спицевской и Щербиновской и назначенных к переселению в этом году, принял решение с учётом значительного числа казачьих семейств, необходимых для заселения предгорий по обоим скатам Кавказа от реки Лабы до города Анапы. Приказ № 19 от 18 апреля 1861 г. определял более гибкий порядок переселения³, постепенно по трём округам отдельным бывшего Черноморского казачьего войска, по распределённой войсковым начальством разрядке, указывал на три варианта отбора переселенцев: добровольный, по общественному приговору, по итогам жребия, делал исключение для прибрежных морских и около лиманных станиц, для пограничных

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2236. Т. 3. Л. 453.

² ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

³ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 26 об.

прикубанских станиц. Последнее объяснимо интересами безопасности и экономической выгоды. Для шести бригад бывшего Кавказского линейного казачьего войска устанавливался полковой принцип переселения, начиная с более тыловых частей, постанично, с заботой о сохранении имущества всех казаков и заслуг пожилых казаков, не подлежавших переселению, фиксировался окончательный характер проведения переселенческих акций для линейцев. Переселенцам предписывалось после прихода на новое место жительства одновременно с войсками начинать устраивать свои усадьбы и станичные ограды. «Между местами, назначенными к водворению новых станиц, есть такие, – отмечалось в приказе, – которые по свойству окружающей местности требуют применения к ним казачьего хозяйства, тогда по желанию переселенцев дозволить им бросить жребий, для определения, в каком месте, кто должен водвориться»¹.

Так, в июле 1865 г. поступило распоряжение Главнокомандующего армией «осмотреть положение всех новых станиц, с той целью, чтобы те из них жители коих ещё не обстроились и которые расположены на местах вредных для здоровья поселян, перевести на другие места или, по крайней мере, уменьшить в них население, образовав новые станицы и посёлки и применяясь при этом главнейшим образом к удобствам жизни, а не к потребностям войны»². Через несколько лет после заселения Закубанья, в 1867 г. великий князь Михаил Николаевич лично посетил предгорные станицы и детально их осмотрел. Около месяца понадобилось для начальственного объезда Кубанской области наместнику Кавказа, поэтому он сумел подробно ознакомиться с расположенными в ней войсками, посетить казачьи полки, побывать во вновь заселённых станицах северного склона Кавказских гор и в поселениях Черноморского округа. Об итогах своей большой инспекционной поездки великий князь высказал несколько оценочных суждений: «Все эти части найдены мною в должном порядке. ...Вновь заселённые станицы Северного склона гор и Черноморского округа, по-видимому, также постепенно приходят в лучшее состояние и

---

¹ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1725. Л. 65.

принимают более благообразный вид, а уменьшение в них болезненности доказывает, что люди мало по малу свыкаются с климатическими и другими местными условиями края... Если ещё и встречаются местности, в которых эти утешительные явления недостаточно высказались, то Я вполне уверен, что энергии опытных начальников и терпение, и настойчивость переселенцев в близком будущем преодолеют все препятствия...»¹.

Командующий правым флангом Кавказской укрепленной линии Н.И. Евдокимов быстро понял, что без дальнейшего продвижения в Закубанье и строительства новых поселений между рекой Лабой и рекой Белой невозможно отстаивать российские интересы, оставаясь на прежней кордонной линии с малыми силами, и в этом плане он нашёл общий язык с наместником Кавказа, князем М.С. Воронцовым. Генерал инициировал строительство важного Белореченского укрепления, которое, несмотря на сильное заболевание лихорадкой, Н.И. Евдокимову удалось окончить к осени 1851 г.², а затем он продолжил усиливать позиции по реке Малая Лаба, завершая осенью 1853 г. строительство Лабинской линии. Весной 1854 г., исправляющий должность наместника Кавказа, генерал от кавалерии Н.А. Ред получил развёрнутые напутственные инструкции от стареющего и заболевшего светлейшего князя М.С. Воронцова. В этом послании высоко оценивались заслуги Николая Ивановича: «Правым флангом заведывает старый и опытный Кавказский воин, генерал-майор Евдокимов, он несколько лет служил и отличился в Дагестане, а с тех пор, как командует правым флангом, я более и более удостоверяюсь, что он вполне достоин этой важной должности»³. В сентябре 1854 г. Н.И. Евдокимов составил

---

¹ О путешествии Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией через округ Псекупского казачьего полка в мае 1867 г. // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 25. 1 июля. С. 99.

² О путешествии Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией через округ Псекупского казачьего полка в мае 1867 г. // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 25. 1 июля. С. 84.

³ Всеподданнейшее письмо кн[язя М.С.] Воронцова от 1 марта 1854 года (Инструкция генералу [от кавалерии Н.А.] Реду) // АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 95.

и представил собственноручную записку «О предложениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии»¹, где изложил свои стратегические замыслы по освоению Закубанского края. Документ являлся результатом целеустремлённого военного самообразования генерала и его практического опыта в покорении Западного Кавказа.

Как считал Н.И. Евдокимов, «система медленного завоевания страны, едва ли не составляет исключительное средство для Закубанского края. Она состоит в последовательном водворении поселений наших по плодоносным долинам рек, вытекающих с Кавказского хребта... Для этой цели, посредством которой разобщаются покорные племена от непокорных и тем окончательно упрочиваются за нами покорённые участки земель, нам необходимо заниматься вырубкой лесов и устройством выгодных путей от известной полосы до другой»². Согласно предлагавшемуся плану Н.И. Евдокимова, требовалось: 1) устроить русские поселения «по плодоносным долинам рек, вытекающим с Кавказского хребта», перенести укрепления и учредить кордонную линию по реке Малая Лаба; 2) продолжить обустройство «новой линии по реке Белой», продолжать рубку просек и прокладку дорог «по вершинам рр. Андрюка, Большой Лабы и Урупа, для свободного движения войск вдоль горного хребта до укрепления Надёжинского»; 3) вытеснить «немирных» горцев с пространства между Большой и Малой Лабой, выстроить мост через реку Лабу у Каланджинского укрепления и возвести два укрепления и два поста на реке Малая Лаба³.

---

¹ Записка ген[ерал]-м[айора] [Н.И.] Евдокимова о предположениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии // Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1888. № 10–12. С. 169–196.

² Записка генерал-майора Н.И. Евдокимова о предположениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии. – Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1888. Т. 60. № 10–12. С. 199.

³ Записка генерал-майора Н.И. Евдокимова о предположениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии. – Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1888. Т. 60. № 10–12. С. 200; Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, 2019. С. 93.

Подходы Н.И. Евдокимова к завоеванию Западного Кавказа во многом были схожи с позицией генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова¹, что свидетельствует не только о знакомстве Николая Ивановича с теоретическими трудами своего заслуженного предшественника, но и о значимости собственного обобщённого опыта практической политики по освоению Закубанского края, прекрасно продемонстрированного Н.И. Евдокимовым.

Как считал А.А. Вельяминов, для скорейшего покорения горцев необходимо было поселить станицы, ведь «станицы – те же укрепления, кои, несмотря на обширность довольно значительную, требуют для обороны гораздо менее пехоты, а в продолжении некоторого времени совсем не будут иметь нужды в оной. Кроме того, станицы представляют ещё ту выгоду, что каждая из них может вмещать в себе человек 200 и более казаков, чего в мелочных укреплениях невозможно»². Станицы, по его мнению, необходимо «селить в местах просторных, изобильных лугами и пашнями, а укреплениями занять входы в ущелья или устроить их в самих теснинах, дабы возбранить, по мере возможности, проезды в сих убежищах, своевольство и безначалия»³. Вместе с тем, как правомерно заключает Ю.Ю. Клычников, «без подкрепления силовой составляющей культуртрегеры были обречены, и те, кто знал местный фронт не понаслышке, иллюзий не испытывали»⁴. Собственно говоря, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов также это отчётливо понимал.

В докладе императору граф Н.И. Евдокимов сурово определил перспективы завершения кампании в Закубанском крае сроком пять лет при решительном силовом давлении на противника с потерей одного поколения в войсках и

---

¹ Вельяминов А.А. Способ ускорить покорение горцев (Мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 67–77; Вельяминов А.А. Замечания на меморию подполковника [Карла Ивановича] Бюрно // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 58–66.

² Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 113.

³ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 113.

⁴ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, 2019. С. 92.

полной утратой боеспособности подразделений, что им считалось вполне восстановимо. Вначале такая нерадостная перспектива, по справедливому заключению Ю.Ю. Клычникова, обескуражила самодержца, но после личных бесплодных переговоров с горцами царь убедился в исключительной правоте Н.И. Евдокимова¹.

Общая же стратегия заключалась в сохранении высоких темпов колонизации Закубанского края, которую последовательно и неуклонно отстаивал граф, несмотря на все неизбежные издержки, связанные с болезнями и эпидемиями, боевыми и бытовыми потерями. Он выступал последовательным сторонником переселения всех конфликтных горских обществ в Турцию, считая это залогом снижения кровопролития, и прямо заявлял: «Первая филантропия – своим; я считаю вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов»². Замирение на Кавказе – это важный путь к укреплению горячо любимой России: вот о чём постоянно думал и к чему долго и неуклонно стремился Н.И. Евдокимов, и здесь, по его мнению, не всегда стоило себя ограничивать в средствах достижения поставленной цели.

По обобщённым данным на 1865 г. в Закубанском крае обустроились 111 новых станиц, а всего «въ предгорьях западнаго Кавказскаго хребта водворилось: 38,110 душ казаков, 161 офицерское семейство, 132 офицерския семьи, добровольно переселившися, и 9,658 казачьих семейств, тоже добровольно переселившихся»³. Статистика по отдельным формам поселений в рамках военно-административного деления Кубанского казачьего войска по состоянию на 1864 г. приводится в приложении 3.

Итак, закрепление за Российской империей Закубанского края происходило в пять последовательных этапов. Первый этап – 1828–1841 гг. – сооруже-

---

¹ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, 2019. С. 169–172.

² Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 139.

³ Записка по делу о разграничении земель Закубанского края между казной и Кубанским казачьим войском: [С прил.]. СПб., [1888]. С. 18.

ние Лабинской (Новой) кордонной линии – начинается со строительства первых укреплений на Левобережье Кубани и завершается водворением четырёх ключевых станиц: Лабинской, Чамлыкской, Вознесенской, Урупской. Второй этап – 1841–1855 гг. – развитие Лабинской кордонной линии – сопровождается возведением новых укреплений и новых станиц. Третий этап – 1855–1861 гг. – закладка новых кордонных линий (Адагумской, Зеленчукской, Урупской), разработка планов покорения всего Северо-Западного Кавказа. Четвёртый этап – 1861–1864 гг. – появление множества (большинства) кордонных линий, массовое заселение казаками и российскими переселенцами Закубанского края, окончание Кавказской войны. Пятый этап – 1864–1870 гг. – завершение первичного массового заселения территории Закубанья, постепенное свёртывание системы военно-гражданского управления станичной жизнью, ликвидация региональных кордонных линий, переход на самоуправленческие начала местной жизни.

Тем самым, гражданско-поселенческий аспект в покорении Северо-Западного Кавказа как неконтролируемой внутренней территории и освоении Закубанского края в качестве новой российской провинции имеет вполне самостоятельное значение, хотя и неотделим от общего процесса закрепления за Российской империей новых земель, в котором свою роль также играли военно-организационное и социально-демографическое направления, связанные с ведением боевых действий, достижением военно-стратегических и геополитических целей, реализацией военно-тактических задач, с переселением и выселением горских народов, и т.д. Собственно базисным результатом водворения десятков станиц стало образование Кубанской области, охватывавшей Левобережье и Правобережье Кубани от речных истоков до морского побережья. Военно-политическим итогом явилось создание Кубанского казачьего войска. И при всей неразрывности этого исторического движения, локомотивом которого являлось черноморское и линейное казачество, в каждой из его составных частей наличествуют свои особенности, которые формировались до принятия Высочайшего решения о вышеназванных административных преобразованиях

и развивались по мере становления региональных государственно-правовых институтов.

Руководство процессом освоения Закубанского края, обеспечивавшееся целой плеядой талантливых кавказских военных администраторов, характеризовалось коадаптацией имперского управленческого комплаенса. Такой подход к управленческой деятельности отвечал велению времени и необходимости выбора наиболее эффективных решений по укреплению позиций России на Северо-Западном Кавказе. Речь шла об анализе и контроле предпринимаемых регуляторных действий во фронтальном регионе Кубани, определении возможных рисков при освоении Закубанского края и поступках управленцев в рамках правового поля с поддержкой имперских инстанций. Требовалась разработка мер по формированию ответственного поведения казаков и казачьих поселенческих сообществ с учётом исторически сложившихся казачьих традиций и этических норм, что мы и наблюдаем в директивных документах, например, войсковой администрации. В итоге и формируется целостная система комплаенса, иначе говоря, предпринимаемые организационные усилия кавказских военных администраторов позволили создать стройную (адекватную задачам) систему управления, которая обеспечила заселение Закубанского края в основном к середине 1860-х гг.

3.3. Строительство, укрепление и поименование новых станиц в Закубанье

Первыми переселенцами в Закубанье являлись казаки Кавказского линейного казачьего войска, целенаправленно выселенные за реку Кубань и в большей своей части отправленные по неизведанному маршруту на основании приговоров станичных обществ. Как считал русский путешественник и талантливый военный географ, объехавший весь Кавказ, генерал-майор М.И. Венюков

(1832–1901), это были самые буйные казаки, которых станичники хотели удалить от себя подальше в опасный край¹, причём, они до такой степени хорошо обжились на новых местах, что когда в 1854 г. планировали упразднить Лабинскую линию, то эти казаки напрочь отказались идти назад, на правый берег Кубани. Общее число первых переселенцев, основавших опорные станицы Вознесенскую, Лабинскую, Урупскую и Чамлыкскую, насчитывало 6600 человек².

Возникавшие новые станицы в Закубанском крае в военно-административном отношении жёстко связывались с полковой военной организацией. Кроме того, что сюда направлялись для поселения казаки из определённых полков, сами станицы становились основой для функционирования вновь создаваемых полков, и личный состав этих полков занимался, наряду с несением воинской службы, возведением станичных поселений. Эта тенденция хорошо прослеживается, в частности, в микроистории первых опорных станиц Лабинской кордонной линии в Закубанье.

В 1840-е – 1850-е гг. заселение Закубанского края шло довольно медленными темпами и ограничивалось преимущественно пространством между Лабой и Кубанью. В 1843 г. основываются станицы Воздвиженская, Некрасовская и Тенгинская. С 1845 по 1857 гг. возникло 12 станиц (в алфавитном порядке): 1) Без(с)скорбная; 2) Владимирская; 3) Зассовская; 4) Константиновская; 5) Курганная; 6) Михайловская; 7) Ново-Лабинская; 8) Отрадная; 9) Петропавловская; 10) Попутная; 11) Родниковская и 12) Темиргоевская. В 1858 г.

---

¹ Венюков М.И. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими в 1841, 1860 и 1863 годах // Известия Императорского Русского географического общества. 1864. Т. 1. С. 2.

² Венюков М.И. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими в 1841, 1860 и 1863 годах // Известия Императорского Русского географического общества. 1864. Т. 1. С. 2.

водворены станицы: Исправная, Передовая, Подгорная, Спокойная, Сторожевая и Удобная, с общим населением в 11 тыс. чел.¹ В итоге процессов переселения к началу 1860-х гг. оказалось занято всё пространство между реками Кубанью и Лабой².

Станицы заселялись, прежде всего, казаками линейных полков, женами солдатами и унтер-офицерами регулярных войск, дислоцированных на Кавказе и прослужившими от 15 до 20 лет. Кроме того, добровольно поселялись государственные крестьяне из разных российских губерний – Воронежской, Курской, Полтавской и др., но они зачислялись при этом в казачье сословие. Переселенцам полагались государственные льготы, и им выделялась материальная помощь в размере 72 рублей 42 копеек серебром³. В общей сложности, в вышеназванные станицы предназначалось к переселению 1715 семейств, в том числе: 1) 15 офицерских семейств; 2) 300 семей донских казаков; 3) 500 семей линейных, малороссийских казаков; 4) 400 семей государственных крестьян из внутренних губерний Российской империи; 5) 500 семей женатых нижних чинов регулярных войск⁴. В дальнейшем в эти станицы доселили ещё по 30 семейств в каждую. В 1859 г. в Закубанский край прибывают из России 352 семьи государственных крестьян и 297 семейства донских переселенцев. В результате в этом году завершается заселение 5 станиц 3-й Урупской бригады Кавказского линейного казачьего войска: Бесстрашной, Зеленчукской, Карда(о)никской, Отважной, Упорной. В 1860 г. достигают предполагавшихся плановых показателей по заселению ещё две станицы 3-й Урупской бригады: Надёжная и Преградная, и тогда же в этих двух станицах всего насчитывалось 6 офицерских семейств, 200 семейств линейных казаков и 400 семейств женатых нижних чинов⁵.

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 940. Л. 320.

² Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 227.

³ ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 618. Л. 1–1об.

⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 618. Л. 5об.

В истории переселения линейцев и черноморцев в Закубанский край отдельным сюжетом является попытка одномоментного переселения целого полка и станиц в полном составе на новое место. Долгое время считалось, что эта военно-тактическая и организационно-хозяйственная ошибка лежит исключительно на совести графа Н.И. Евдокимова. Как аргументированно доказал профессор Ю.Ю. Клычников, изначально сама идея переселения казаков целыми полками и станицами в Закубанский край принадлежала генерал-лейтенанту Г.И. Филипсону, и такой план поддержало совещание кавказских военных администраторов в городе Владикавказе, состоявшееся у наместника Кавказа, главнокомандующего Кавказской армией, генерал-фельдмаршала, князя А.И. Барятинского в конце лета 1860 г. Неудавшаяся история переселения в полном составе Хопёрского полка и казачьего населения целых черноморских станиц заставила кавказскую военную администрацию отказаться от неразумной затеи, но трудное решение первым принял граф Н.И. Евдокимов.

1-й Хопёрский казачий полк считался самым богатейшим из числа полков, поселённых в Ставропольской губернии, и состоял из людей по большей части зажиточных и старых ветеранов кавказских сражений. При переселении Хопёрского полка в Закубанский край расчёт делался на состоятельность казаков, которые, как богатые люди, могли обойтись небольшим материальным пособием, и для них переезд не стал бы очень затратным делом. Штаб-квартира 1-го Хопёрского полка 6-й Хопёрской бригады Кавказского линейного казачьего войска находилась в станице Александровской. Казаки узнали о намерениях властей переселить полк в полном составе и возмутились, но граф Н.И. Евдокимов не отказался от ранее намеченного общего плана переселения, командировал целый отряд с артиллерией для усмирения казаков. Казаки станицы Александровской принуждались к отправке на передовую линию, оставив свои семьи и имущество. «Свидетели рассказывают сцены, как вели за конвоем целый полк седых усачей, снискавших общее уважение своею неза-

пятнанною военною славою, и как расставались с ними жёны и дети, ими покинутые»¹. Как утверждал Н.И. Воронов: «Подполковник Абазин просверливал стену, вкладывал казацкие бороды и потом просверленное загвоздивал»². Конфликт разгорался нешуточный, поскольку сопротивлявшихся казаков-хопёрцев поддержали черноморские станицы, также недовольные попытками всеобщего переселения.

Жребий первого массового переселения в Закубанский край выпал на черноморские станицы Старощербиновскую и Канеловскую. Казаки этих и многих других станиц заволновались, стали писать письма и направляли своих делегатов в Екатеринодар, их прошение поддержали войсковые офицеры. Старощербиновское станичное правление представило в штаб Кубанского казачьего войска рапорт от 28 февраля 1861 г., подписанный всеми штаб- и оберофицерами, урядниками и казаками станиц Старощербиновской и Канеловской³, в котором станичники выражали просьбу об освобождении их от переселения на передовую линию с изложением различных неудобств и просили объяснить, как поступить с церквями и с общественным хлебом, имеющимся в запасных магазинах, можно ли брать свой скот – лошадей, рогатый скот и овец⁴. В ответ на общественную просьбу станичников последовал ответ начальника штаба Кубанского казачьего войска, генерал-майора Л.И. Кусакова от 26 марта 1861 г., где жителям обеих станиц объявлялось, поскольку «в число обязанностей Кубанского, Терского, Донского, Азовского и других казачьих войск заключается в заселении передовых линий империи, то и казаки бывшего Черноморского казачьего войска не могут быть от этого освобождены, и просьба их не может быть уважена»⁵. Тем самым, последовал довольно формальный отказ на поданное прошение станичников.

---

¹ Воронов Н.И. Победа графа [Н.И.] Евдокимова над сапёрным казачьим полком // Колокол. Лондон, 1861. 1 июля. Л. 102. (С. 859).

² Воронов Н.И. Распятие казачьих бород // Колокол. М., 1962. Т. 4. С. 876.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1. Л. 350–360.

⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 413. Л. 4.

⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 413. Л. 81.

Кроме того, в полученном разъяснении отмечалось: «1. Всех бездетных отставных урядников и казаков, в семействах которых нет, не только детей, но даже и других родственников, которые на основании войскового Положения должны нести войсковую или внутреннюю службу, исключить из списка переселенцев, даже если они назначены к переселению.

2. Исключить из списка переселенцев отставных урядников и казаков, в семействах которых, кроме малолетних детей, нет ни одного взрослого работника, имеющего от роду 17 лет.

3. Не только родные дети урядников и казаков, но пасынки и внуки, их братья, племянники и другие родственники, записанные по станичным посемейным спискам, хотя бы некоторые из них жили особыми дворами, составляя одно общее семейство, ни в коем случае не должны быть разделены при предстоящем переселении.

4. Те, которые должны переселиться на передовую линию, не только могут оставить здесь весь гулевой скот, а для присмотра за скотом и уборки хлеба оставить по своему усмотрению тех членов своих семейств, без которых они могут обойтись при устройстве себе домов на новом месте.

5. Отставные штаб- и обер-офицеры, как и вдовы, освобождаются от переселения на передовую, если сами того не пожелают»¹.

Согласно статистическим сведениям на момент переселения двух станиц Ейского округа, население в станице Конеловской составляло 369 дворов, включая и хуторян станичного юрта. В результате перемещения на передовые линии 320 семейств станицы Ко(а)неловской в ней оставалось бы менее трети от общего наличествующего количества жителей. Согласно распоряжению графа Н.И. Евдокимова № 1836 от 20 марта 1861 г. предписывалось принять за правило, чтобы при назначении переселенцев на передовую линию на старом месте оставалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ жителей в каждой станице².

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 413. Л. 4.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 413. Л. 153.

Общие правила для переселения кубанских казаков из внутренних станиц на передовые линии излагались в предписании¹ генерал-фельдмаршала, князя А.И. Барятинского от 2 апреля 1861 г. за № 507. Из состава бывшего Черноморского войска для перемещения на передовую линию требовалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ народонаселения Черномории. Причём, в этом переселении должны были принять равное участие все станицы, за исключением приморских и расположенных при лиманах и вблизи реки Кубань. После определения потребности в переселенцах вся тяжесть заселения передовых линий уже не являлась обязанностью только жителей Ейского округа, а равномерно распределялась между всеми жителями внутренних станиц Кубанского казачьего войска. В фонде 252 «Войсковое хозяйственное Правление Кубанского казачьего войска» в Государственном архиве Краснодарского края мы обнаружили ведомость о числе народонаселения в станицах Кубанского казачьего войска, жители которых назначены для поселений на передовые линии в 1861 г. (Приложение 2). Этот исторический документ раскрывает планируемые масштабы массового переселения бывших черноморских казаков в Закубанский край.

Тем не менее, депутация от казаков 1-го Хопёрского полка и от бывших казаков-черноморцев обратилась с настоятельной просьбой об отмене препорученного по приказу графа Н.И. Евдокимова переселения полка в полном составе и переселения целыми станицами, или, по крайней мере, отсрочки и вознаграждения казаков за покидаемые ими усадьбы, отправилась на встречу лично к наместнику Кавказа. Князь А.И. Барятинский принял депутацию казаков и объявил о том, что отсрочки от переселения не может быть, переселение не может быть ни отменено, ни отложено, но всё же он пообещал некоторые облегчения. Однако ж казаки, ввиду отъезда фельдмаршала с Кавказа, усомнились в наличии Высочайшей воли на переселение целыми станицами, ведь ранее такого никогда не бывало. Слухи и кривотолки об этом произвели в предназначенных к переселению станицах очень сильное волнение, и казаки

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2236. Т. 3. Л. 453.

решили не исполнять поступившего приказания, пока не им будет предъявлен подлинный царский указ¹.

Ввиду протеста казаков, князь А.И. Барятинский согласился с предложением Г.Д. Орбелиани о том, чтобы вместо переселения станиц целиком рассрочить на 3 года выселение станиц до половины семейств в каждой станице. Фельдмаршалом была также одобрена мысль о предоставлении новым закубанским станицам исключительной льготы в виде наделения их земельными участками не в общинное, а в частное владение каждого казачьего семейства (заметим к 1856 гг. на Кубани преобладало общинное землевладение)². Указанная льгота в поземельных отношениях нарушала прежнее казачье общежитие и способствовала в недалёком будущем переселению за Кубань массы охотников (добровольцев).

Кроме того, в Государственном архиве Ставропольского края (персональный фонд 377 И.Д. Попко) обнаружен приказ³ по Кубанскому казачьему войску от 18 апреля 1861 г. № 19, в котором излагается решение генерал-фельдмаршала, князя А.И. Барятинского о переселении казаков после рассмотрения прошений, поданных его сиятельству станичными обществами станиц Кубанского войска: Александровской, Грушевской, Ко(а)неловской, Круглолесской, Сергиевской, Спицевской и Щербиновской, «назначенных к переселению в этом году и, имея в виду значительное число казачьих семейств, необходимых для заселения предгорий по обоим скатам Кавказа от Лабы до Анапы⁴.

Пока велась переписка между вышестоящим начальством и казаками, граф Н.И. Евдокимов развернул деятельную подготовку к предстоящему переселению за Кубань. Отряды прорубали просеки через леса, устраивали дороги, мосты, готовили места для водворения новых закубанских станиц⁵.

---

¹ Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Я.А. Гордин. СПб., 2000. С. 600.

² Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 120.

³ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

⁴ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 26об.

⁵ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 129.

Между тем, дело принимало серьёзный оборот, в правительственных верхах поговаривали даже о бунте казаков. Возмущённые казаки намеревались отправить депутацию в Петербург, и такое заявление несколько насторожило Н.И. Евдокимова, дальше тянуть было нельзя. И тогда своим решением он приостановил переселение 1-го Хопёрского казачьего полка в полном составе. К тому же, вместо планируемых ранее 17 станиц, он был вынужден ограничиться лишь 8-ю и отложить переселение на будущую весну. По свидетельству И.Д. Попко, «как само распоряжение выселить их (казаков) со своей земли, так и краткость срока данного для проведения выполнения этого приказа привели в содрагание всё казачье сословие, от которого до сего времени никто ещё не требовал таких огромных жертв»¹.

Всего же предполагалось в 1861 г. переселить в новые станицы Закубанского края до 3 500 семейств казаков, для чего планировалось в бывшем Кавказском линейном казачьем войске отправлять на новые места казаков целыми станицами, начиная с внутренних полков Хопёрской и Кубанской бригад, а в бывшем Черноморском войске осуществлять переселение по округам и назначать ежегодно известное число семейств, вначале из Ейского округа Кубанской области, как наиболее отдалённого от пограничной реки Кубань, в направлении за которую теперь разворачивалось массовое переселение.

С опорой на исторические источники можно выделить следующие причины неожиданного упорства казаков в их нежелании исполнять распоряжение властей: во-первых, реальные трудности при переселении целых станиц, в которых многие казаки уже успели заметно улучшить своё благосостояние и достаточно развить своё хозяйство; во-вторых, поспешность в начале переселения, когда от казаков буквально требовалось через три дня отправиться в Закубанский край; в-третьих, несоблюдение некоторых обычных формальностей в процессе переселения, в частности, заблаговременного объявления о переселении и о подготовке к передвижению на новые места; в-четвёртых, при ссылке на Высочайшее повеление никто из ответственных должностных лиц

---

¹ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

не мог предъявить полученный из столицы рескрипт, который желали видеть казаки¹, но показывать казачьему сообществу было нечего, ибо такого документа не существовало.

«Они никак не могли себе усвоить мысли, – пишет известный кубанский историк П.П. Короленко, – чтобы по распоряжению одного кавказского начальства, без всякого приготовления бросать целые станицы, дома и прочие обзаведения, забирать семейства, жён и детей, и идти за Кубань, в какие-то неведомые горные места, на поселение между враждебных черкесов, противу которых они более полувека боролись с оружием в руках»². Против переселения целыми станицами выступила казачья старшина бывшего Черноморского казачьего войска, и по прибытии графа Н.И. Евдокимова в Екатеринодар ему вручили дерзкое заявление с подписями 93 «панов», о том, на каких условиях черноморцы согласятся на планируемое переселение³. Естественно, никакого удовольствия это графу не доставило.

Итак, граф Н.И. Евдокимов принял непростое для себя единоличное решение и объявил хопёрским казакам, что переселения целым полком не будет и целыми станицами черноморцев перемещать в Закубанье не начнут. Казаки начали успокаиваться, а граф после доклада в Тифлис о происшествии вместе с подчинёнными за неделю разработали новый план колонизации предгорий Западного Кавказа, и этот документ достаточно быстро попал в Петербург к императору и был утверждён им без особых изменений. 1 августа 1861 г. полученный рескрипт императора Александра II (подписанный 24 июня 1861 г.) торжественно огласили в станице Михайловской близ Ставрополя. Подлинный текст документа «Высочайший рескрипт наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанту, графу Евдокимову» от 24 июня 1861 г.

---

¹ Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II 1855–1880. Исторический очерк начальника Военно-Исторического отдела Штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта Ивана Сильвестровича Чернявского. СПб., 1898. С. 29.

² Короленко П.П. Переселение на Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Екатеринодар, 1910. С. 325.

³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 126.

[подписан в Царском селе] по поводу приостановки переселения казаков в нынешнем году и восстания казаков 1-го Хопёрского полка, с изложением мер, способствующих быту казаков, зачитал лично перед собравшимися подчинёнными и казачьими депутациями граф Н.И. Евдокимов¹. В рескрипте подчёркивалось: «Объявить вверенному Вам Кубанскому казачьему войску, что в награду за постоянное доблестное служение оному престолу и Отечеству предоставляются в пользование войску освобождаемые от горских племён в предгорьях Западного Кавказского хребта новые, в особо указанных пределах, щедро наделённые дарами природы земли, которые и имеют быть постепенно заселены казаками сего войска»².

«Высочайший рескрипт наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанту, графу Евдокимову» от 24 июня 1861 г. «о дарованных переселенцам новых облегчениях и льготах» произвёл на казаков благоприятное воздействие. Он был обнародован с большой торжественностью в первых семи бригадах Кубанского казачьего войска (бывших линейных), во всех станицах одновременно, вначале в церквях, потом в станичных правлениях. Так, в станице Новолеушковской многие казаки добровольно пожелали переселиться на новые земли. Об этом сообщил помощник командующего войсками в Кубанской области, генерал-майор Н.А. Иванов в письме Начальнику Кубанской области и командующему всеми войсками в этой области, генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту, графу Н.И. Евдокимову: «...21 августа 1861 года из Екатеринодара. Я только вчера вечером возвратился в Екатеринодар из объезда частей Ейского и Екатеринодарского округов. Отдельные от дворянства беседы мои с простым народом, результатом которых везде оказалось выражение совершенной готовности идти на переселение, куда прикажут и когда прикажут, заставили дворянство призадуматься, оно ясно увидело особенность своих интересов от народных. Дело переселения из Черномории я считаю поконченным, ожидая только приказания по сему от В. С–ва (Вашего Сиятельства. – *авт.*). Станица Ново-

---

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 146.

² ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

Леушковская (Ейского округа) просится вся на переселение. Я не мог ответить народу толькона два вопроса – где именно будут их селить и в каком числе от каждой станицы; посему не благоугодно ли будет В. С–ству разрешить эти вопросы»¹. Очевидно, что Н.И. Евдокимов благосклонно ответил на это письмо, поэтому в письме Н.А. Иванова от 27 августа 1861 г. за № 5, направленном из Екатеринодара, читаем: «Собственноручное письмо Ваше от 24 августа и другое, касающееся переселения Ново-Леушковской станицы я имел честь сейчас получить и немедленно приказал решение Ваше сообщить обществу этой станицы, что его, конечно, крайне обрадует»². Судя по всему, казаки станицы Ново-Леушковской получили высокие заверения в поддержке проявленного стремления к переселению в Закубанский край.

Однако, в целом же, волнения казаков успокоились лишь ко времени приезда на Кубань императора Александра II на Кубань в сентябре 1861 г., который лично убедился в верности казаков. Тем не менее, только в середине следующего года было принято решение «о переселении казаков за Кубань на передовые линии со всех станиц сего войска: по охоте, жребию и назначению обществ в таком числе, в каком окажется надобность»³. Кроме черноморцев, туда переселялись казаки из других казачьих войск, отставные солдаты и государственные крестьяне. Переселенцам предоставлялись широкие права и льготы на новых местах.

В итоге «Высочайший рескрипт наказному атаману Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанту, графу Евдокимову» от 24 июня 1861 г. рассеял все сомнения, а провозглашённые рескриптом для переселенцев выгоды, привлекли тысячи охотников, как из числа линейных казаков, так и из числа бывших черноморских казаков. Это дало возможность в течение лета 1861 г. заложить 11 новых станиц и таким образом не только упрочить окончательно Кубанскую и Лабинскую кордонные линии, но и устроить ещё на левом берегу реки Лабы несколько станиц. Первым переселенцам рескрипт гарантировал в

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 640. Л. 3.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 640. Л. 3–3об.

³ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.

«частную, вечную и потомственную собственность определённое количество земли». Иначе говоря, рескрипт давал постоянную «прописку» в Кубанской области новым группам населения. Нормы рескрипта от 24 июня 1861 г. стали правовым основанием для разработки и принятия «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России»¹, утверждённого 10 мая 1862 г. Российское государство всячески стремилось заинтересовать всех желающих свободно переселяться в районы Закубанья, в том числе предоставляя определённые правовые гарантии.

Переселенцы пользовались при водворении на новых местах перечнем льгот, основанных на Высочайших повелениях, подписанных в разное время и увеличивавшихся по количеству и объёму оказываемых материально-финансовых преференций, сословно-правовых исключений и обеспечительных мер. Причём, среди казаков существовало три подгруппы переселенцев: 1) направлявшиеся по жребию; 2) отправлявшиеся по приговорам станичных сборов; 3) «охотники» (сами изъявившие желание к добровольному переселению в Закубанский край). Сверх индивидуального пособия каждому переселенцу на основании решения Военного совета, утверждённого 17 декабря 1835 г., отпускались денежные средства на непредвиденные расходы и на общественные постройки из расчёта на каждую станицу из 300 дворов по 1 500 руб. серебром².

Среди важных государственных льгот, оказываемых закубанским переселенцам, следует обратить внимание на выделение денежных средств для приобретения вооружения. В воспоминаниях генерал от кавалерии С.А. Венеровский пояснил, как обеспечивала эта государственная льгота безопасность переселенцев. По его свидетельству, при обустройстве закубанских станиц в каждой из них полагалось иметь по 300 дворов³, причём, двор составляли трое

---

¹ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России: [утверждено 10-го мая 1862 года: с приложением других материалов]. СПб., 1862. [118] с., разд. паг.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1. Л. 136.

³ Мемуары и воспоминания генерала от кавалерии С.А. Венеровского. СПб., 1908. С. 69. Эта цифра подтверждается архивными материалами. (О переселении казаков 17 внутренних станиц на передовую линию в 1860 г. // ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1. Л. 136).

мужчин, способных носить оружие, так что если войска, или сотню вывести из станицы, всё же оставалось население, способное обороняться. По распоряжению Кубанского войскового начальства, поступающие в состав строевых сотен «будут вооружены хорошим оружием заграничного изготовления, по особому распоряжению и расчёту, что же касается до не служащих казаков, то им будет выдано старое оружие безвозмездно из войскового арсенала для того, чтобы они могли составить боевую силу новых станиц»¹. Кроме того, «назначить в местах небезопасных от нападения неприятеля надёжный конвой, отводить бесплатно в станицах квартиры во время их ночлега, отводить пастбищные места везде, где они будут останавливаться, назначить как от станиц, так и от местных войск необходимое число подвод бесплатно для своза заболелых»².

Все прибывающие переселенцы снабжались провиантом из ближайших магазинов на длительное время. Причём, как указывалось в руководящем распоряжении, если «между местами, назначенными к водворению новых станиц, есть такие, которые по свойству окружающей местности требуют применения к ним казачьего хозяйства, то по желанию переселенцев дозволить им бросить жребий для определения, в каком месте, кто должен водвориться»³.

В архивных документах сохранились имущественные описи усадеб черноморских казаков (с таксировкой хозяйственных обретений), подлежащих переселению в Закубанский край, составленные специальной оценочной комиссией, что позволяет нам сегодня достаточно детально проанализировать хозяйственно-экономический уровень развития кубанских станиц. В частности, по станице Новолеушковской в 1861 г. зафиксированы материально-финансовые итоги по казачьим усадьбам, которые определили наличие имущества у урядника Ф.А. Янченко на общую сумму 71 руб. У урядника Л.М. Карасюка собралось хозяйственных ценностей на 34 руб. 20 коп., казак С.С. Ка-

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 396. Т. 1. Л. 135.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 397. Л. 94.

³ ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

лашный нажил всего имущества на 25 рублей, более зажиточным оказался казак Х.Х. Жиценко, развивший свою предприимчивую жилку до суммы имущества в 181 руб.¹ Заметим, что в состав будущих казаков-переселенцев в большей мере попадали люди победнее. Один из чиновников, посетивших Закубанье, отмечал экономический упадок станиц и сообщал в рапорте, «что приговор общества не мог пасть на людей зажиточных»².

Чтобы по-настоящему оценить уровень зажиточного казачьего хозяйства в станице Новолеушковской, мы обратили внимание на имущественную опись казачьей усадьбы Т.С. Савченко. Прежде всего, этот новолеушковский казак имел рубленый дом, выстроенный из двухвершковых досок, к которому пристроил на столбах сени и кладовое помещение размером в длину $13 \frac{3}{4}$ аршин (9,8 метра) и в ширину 7 аршин (5 метров). Потолок в своём жилом доме хозяин сделал многослойным: основу потолка составляли деревянные доски, на них выстлали камыш, а затем эту конструкцию обмазали глиной. В доме имелась обычная печь из глины, крыша была покрыта камышом. Общая оценочная стоимость основного хозяйского дома (где проживала казачья семья) составляла 30 рублей. В казачьей усадьбе Савченко числился амбар, выстроенный из двухвершковых досок и по размерам в длину достигавший $7 \frac{1}{2}$ аршин (5,3 метра) и имевший ширину $4 \frac{3}{4}$ аршин (3,4 метра). Сам амбар был покрыт камышом, общая оценочная стоимость амбара составляла 40 рублей. У казака имелся свой пчельник, выстроенный из вершковых досок и покрытый камышом. Оценочная стоимость пчельника таксировалась на уровне 3 рублей. Имелся сад. Оценочная стоимость сада составляла 80 рублей. Вся казачья усадьба казака Савченко была огорожена дощатым забором, в котором насчитывалось 89 досок, закреплённых на 60 деревянных столбах средней прочности. Оценочная стоимость деревянной ограды составляла 28 рублей. Итоговая имущественная оценка казачьей усадьбы зажиточного новолеушковского казака Савченко таксировалась на уровне 426 рублей серебром³.

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 640. Л. 6–6об.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1458. Л. 124–125.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 640. Л. 15.

Из проанализированного архивного документа не следует, что названный зажиточный казак Савченко действительно отправился по программе переселения в Закубанский край, ибо у него имелась возможность этого избежать. В архивных материалах мы встречали немало указаний на многочисленные случаи, когда зажиточные казаки нанимали желающих вместо них переселиться за определённую сумму. Например, урядник станицы Пашковской Тарас Чуб нанял вместо себя казака этой же станицы за 70 рублей, пару волов с возом, 15 мешков зерна, 20 столбов (брёвен) дубового леса и два воза сена¹. Факты замены «жеребьёвых» переселенцев нами зафиксированы по многим станицам.

Наиболее массовым переселением новых жителей на новые территории Закубанского края сопровождались четвёртый и пятый этапы. С осени 1861 г. войска приступили к устройству оград для новых закубанских станиц. Все эти необходимые работы были исполнены в течение зимы 1861–1862 гг., а к маю месяцу 1862 г. переселенцы уже заняли новые станицы. Подготовка к заселению казачьими станицами пространства между реками Лабой и Белой со стороны Лабинского округа являлась важным мероприятием в Закубанье. Новые станицы рассматривались кавказскими военными администраторами как опорные пункты для дальнейшей колонизации края².

В 1864 г. происходит качественное изменение в процессе довершения первичного массового заселения новыми контингентами людей территории Закубанья, начинается постепенное свёртывание сложившейся в крае системы военно-гражданского управления станичной жизнью. Более того, кавказскими военными администраторами объявляется ликвидация региональных кордонных линий и в станицах развёртывается переход на самоуправленческие начала местной жизни. Новые станицы в 1864 г., как отмечается в архивных документах, теперь будут создаваться мирным путём, а не теми военными средствами, какими они возводились в предыдущие годы.

---

¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 974. Л. 86–87.

² Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II 1855–1880. Исторический очерк начальника Военно-Исторического отдела Штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта [Ивана Сильвестровича] Чернявского. СПб., 1898. С. 35.

Водворение новых станиц, их административное устройство полностью возлагалась на Кубанское казачье войско и на Наказного атамана, Начальника Кубанской области, генерал-лейтенанта, графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона, которому предстояло выбирать места для возводимых новых станиц. В служебном рапорте Наказному атаману Кубанского казачьего войска от начальника штаба войск Кубанской области, генерал-майора Николая Николаевича Забудского¹ от 5 апреля 1864 г. отмечалась характерная черта того времени, что возведение и заселение «станец в нынешнем году будет иметь совершенно мирный характер». Станицы будут возводиться без артиллерийского вооружения, без оград, которые жители могут устроить сами в более свободное для них время, по приговорам станичных обществ. Распределение переселенцев по станицам возлагалось на усмотрение полковых командиров. Для межевания территории будущих станиц командировались 2 офицера и 4 топографа. При разбивке мест под станицы обращалось внимание и на удобства расположения станиц в хозяйственном отношении, с соблюдением лишь некоторых правильных очертаний. Требовалось «указать переселенцам новых станиц покосные, пастбищные и пахотные места, а также места, где они должны брать строительный материал, дабы они приблизительно знали границы своих юртов, и чтобы между ними не было столкновения»².

В строительстве, укреплении и поименовании новых станиц в Закубанье на 4-м и 5-м этапах переселения активно участвовали отдельные казачьи части, и с ними связаны отдельные исторические сюжеты, которые вместе с тем имеют прямое отношение к формированию в Закубанье кордонных линий, а они, в свою очередь, становились мощными укрепленными рубежами только с появлением станиц, ключевых пунктов кордонных линий.

---

¹ Детально о нём см.: Колосовская Т.А. Штрихи к портрету военного исследователя-кавказоведа Н.Н. Забудского // История и архивы. 2021. № 1. С. 37–51.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 396. Т. 1. Л. 106об.

Абинский конный полк сформировали в Кубанском казачьем войске согласно именному указу императора Александра II, объявленному в приказе военного министра от 3 сентября 1863 г.¹, и полк подчинялся начальнику Натухайского военного округа. Командир Абинского конного полка, подполковник В.Е. Фролов одновременно являлся начальником Абинской и Хабльской кордонных линий. Полк был образован на основании § 56 Высочайше утверждённого 10 мая 1862 г. «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Тем же приказом от 3 сентября 1863 г. присваивались наименования станицам, водворённым в 1863 г. и вошедшим в состав Абинского конного полка². В полковой округ Абинского конного полка включили следующие станицы: 1) Абинскую; 2) Антхырскую; 3) Грузинскую; 4) Ильскую; 5) Мингрельскую; 6) Хабльскую; 7) Шапсугскую; 8) Эриванскую. В целом, во всех 8 станицах Абинского конного полка население состояло из 13 офицерских семейств и 1292 семей нижних чинов³.

Строительство этих станиц ещё ранней весной 1863 г. начали войска Адагумского отряда, уже имевшие опыт обустройства станиц, ведь в 1862 г. отряд выстроил станицы Адагумского казачьего полка⁴. Из числа водворённых в 1864 г. на северном склоне Западного Кавказа 24 новых станиц к Абинскому конному полку в конце августа 1864 г. причислили ещё четыре станицы: Азовскую, Дербентскую, Северскую, и Папайскую. Из них сформировали 6-ю строевую сотню полка⁵.

После активной фазы освоения территории Закубанского края происходит переформирование Абинского конного полка. В 1866 г. личный состав

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 2-е [1863 г.]. СПб., 1867. Ст. 40026.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 2-е [1863 г.]. СПб., 1867. Ст. 40026.

³ Новые казачьи поселения в Закубанском крае // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. 6. Тифлис, 1866. С. 21.

⁴ ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 259. Л. 34–35.

⁵ Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1909 год. Екатеринодар, 1908. Т. 14. С. 431–432.

полка вошёл в 4-й сборный полк, названный в 1870 г. Полтавским¹. С 1 января 1871 г., с введением нового административного устройства в Кубанской и Терской областях Абинский конный полк был упразднён². Больше под таким наименованием он не комплектовался.

Адагумский казачий полк сформировали в марте 1862 г. одновременно с 24-м и 25-м полками, причём, из названных трёх полков по указу императора Александра II от 14 августа 1862 г. образовалась новая 8-я бригада Кубанского казачьего войска³. Командовал Адагумским казачьим полком, полковник П.И. Крюков. Однако основные военно-административные распоряжения и приказы в полк поступали от командующего войсками в Кубанской области, генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, и принятый им план освоения Закубанского края (утверждённый в 1861 г. императором Александром II) приводился в действие с особой настойчивостью и беспощадной суровостью.

В зону военно-административной ответственности Адагумского казачьего полка вошли вновь построенные 11 станичных поселений. Для заселения станиц в Натухайском округе, станиц Адагумского казачьего полка, согласно приказу исполняющего обязанности Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-майора Н.А. Иванова от 28 марта 1862 г. № 6440, выделялись следующие группы переселенцев. Из Кубанского казачьего войска выдвигались по разрядке переселенцы из трёх округов: из Таманского округа отобрали 9 офицерских и 528 казачьих семейств, из Екатеринодарского округа отправлялись 7 офицерских и 288 казачьих семейств, из Ейского округа направлялись 3 офицерских и 684 казачьих семейств, или в общей сложности насчитывалось 19 офицерских и 1500 казачьих семейств. Из Азовского казачьего войска к переселению назначили 2 офицерских и 200 казачьих семейств, и 110 женатых нижних чинов делегировались из регулярных войск⁴.

---

¹ ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9327. Л. 2; Д. 8407. Л. 3; ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 2-е [1863 г.]. СПб., 1866. Ст. 40026.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.] СПб., 1874. Ст. 48876.

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38572.

⁴ ГАКК. Ф. 350. Оп. 2. Д. 51. Л. 1.

В числе переселенцев на передовые линии нередко встречались и церковнослужители, главной обязанностью которых являлась повседневная духовная забота о переселенцах, исполнение христианских треб верующих, а также строительство в каждой возводимой станице Закубанского края православного храма. Первоначально церковнослужители назначались «по вызову или по охоте». Священникам выдавалось по 285 рублей в качестве единовременного денежного пособия и выплачивалось годовое жалование в размере 200 рублей 70 копеек, а причетникам полагалось по 51 рублю 43 копейки из войсковых сумм Кубанского казачьего войска¹.

Немаловажное значение уделялось безопасности возводимых станиц Адагумского казачьего полка, для чего делались типовые фортификационные сооружения и использовались близлежащие укрепления. К примеру, станица Крымская располагалась в самом укреплении таким образом, чтобы вся ограда этого укрепления служила защитой для самой станицы. Ещё в 1850-е гг. один из полков регулярных войск – Крымский пехотный полк построил крепостное укрепление на левом берегу реки Адагум. Крепость в честь этого полка стала называться Крымской, и она создавалась как опорный пункт на кордонных местах. Первыми поселенцами нововозведённой в 1862 г. станицы являлись солдаты регулярных войск Кавказской армии и черноморские казаки, в общей сложности тогда насчитывалась 201 семья².

Что касается выбора мест для закладки станиц Константиновской и Раевской, то он измерялся не только военными, но и хозяйственными выгодами. По мнению военного руководства, «станцию Константиновскую удобнее поставить по направлению и выходу из Суджеской бухты в сторону турецкому укреплению Суджук-Кале вблизи нынешнего укрепления, т.к. у бывшего турецкого укрепления больше открытых пространств, а у форта Раевского где-нибудь в вершинах Сукко или Озерейка, в 2–3 верстах от форта»³. Станица Константиновская преобразуется из военного укрепления Константиновского

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 152. Л. 3.

² ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 48. Л. 42.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 395. Л. 109.

в тот момент, когда станица Новороссийская переводится в статус города. В «Проекте положения об устройстве станицы Новороссийской и посёлка Анапского от 7 июня 1866 г.» поясняется: «По образовании городов Новороссийска и Анапы, станица Новороссийская и посёлок Анапский упраздняются, всё пространство юртовых земель, принадлежащих станице и посёлку, изымаются из казачьего ведомства и отводятся городу. Казакам станицы и посёлка предоставляется право: или причислится в городское сословие Новороссийска и Анапы, или же воспользоваться правами и преимуществами переселятся в другие казачьи станицы Адагумского и Абинского полков, которые имеют в станицах этих полков родственников и земли»¹.

Процессы влияния военных условий на жизнедеятельность и характер ведения хозяйства населением станиц Адагумского казачьего полка, даже к окончанию Кавказской войны, оставались весьма существенными, а потому для обеспечения охраны и безопасности станиц были выработаны особые правила функционирования станиц. Атмосфера военного управления явно преобладала, а простота военной дисциплины брала верх над традиционной казачьей волей. Общинная жизнь закубанских станиц долгое время находилась под сенью сурового русского военного приказа и всецело подчинялась установленному русским командованием военному распорядку.

При возведении станичных оград в каждой сооружаемой станице устраивался, наряду с фортификационными укреплениями, редюит (общий станичный окоп) таких размеров, чтобы в нём мог удобно помещаться не только военный гарнизон, предназначенный для защиты станицы, но и в случае надобности и все жители с семьями и частью имущества². Редюит, как правило, располагали в углу станичной ограды, или в середине одного из фасадов, или внутри станицы. Особое внимание обращалось на устройство бруствера, ибо это последнее убежище жителей и гарнизона в случае военной опасности.

После заселения станиц Адагумского полка в актуальную повестку встал вопрос об организации землепользования, для чего потребовалось не прежнее

---

¹ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 507. Л. 17.

² ГАКК. Ф. 352. Оп. 2. Д. 259. Л. 19.

формальное наделение землёй станиц, а проведение первичного межевания земель. Благодаря хозяйственной съёмке земель, мы сегодня знаем точные размеры пространства, занимаемого станицами Адагумского казачьего полка, ограничившегося с востока Адагумской кордонной линией, с севера доходившего до берегов реки Кубань, с запада и юга упиравшегося в берега Чёрного моря на протяжении от устья реки Кубань до укрепления Константиновского. Причём, с другой стороны Адагумской кордонной линии начинались земли, занятые станицами и юртами станиц 23-го конного полка, размежёванными в 1861 г., и станиц 24-го конного полка, т.е. пространства, ограниченные с востока водоразделом между рекой Лабой, с одной стороны, и реками Уруп и Чамлык, с другой¹.

Переселенцы станиц Адагумского казачьего полка вели интенсивную борьбу с естественными природными ограничениями в предгорьях Северо-Западного Кавказа, которые препятствовали развитию хозяйства. Поэтому активная хозяйственная деятельность населения обеспечивала бурный экономический рост. Переселенцы перенесли в Закубанский край свои обычаи землепользования и начали довольно активно развивать скотоводство, которое в отличие от пашенного земледелия, требовало в местных природно-климатических условиях несравнимо меньших физических усилий и экономических затрат. Инициативная экономическая деятельность переселенцев способствовала хозяйственному обустройству поселений. Отметим, что при поселении в Закубанском крае офицерским семьям выделялись земельные участки размером 40 сажень в длину и 15 сажень в ширину, или 600 квадратных сажень, казачьим семьям отводились по 300 квадратных сажень земли² (или же 0,27 и 0,14 гектара на усадьбу, или 27 соток и 14 соток на усадьбу).

Постепенно росла общая численность населения в станицах Адагумского казачьего полка, и, согласно отчёту о состоянии Адагумского казачьего полка за 1867 г., количество населения во всех станицах составляло 13408 человек. На территории полка функционировало одно полковое училище с 1 учителем

---

¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 499. Л. 2об.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 396а. Т. 2. Л. 301.

и 19 учениками, действовало 11 станичных школ, в которых работали 11 учителей¹. Однако хлебопашество в полку находилось в первобытном состоянии, лишь понемногу появлялись земледельческие орудия «на немецкий образец» (очевидно, в этом случае речь шла о немецком, или, как его ещё называли, колониистском плуге), распашка земли производилась плугами и ралами. Объёмы земледельческого производства оставались невелики, переселенцы сеяли рожь, пшеницу, овёс, ячмень, просо и лён.

Адагумский конный казачий полк в результате проведения очередной военно-административной реформы упраздняется 30 декабря 1870 г., в соответствии с приказом № 308 по Кавказскому военному округу².

В строительстве и обороне военных укреплений на Адагумской кордонной линии активно участвовал Крымский пехотный полк, сформированный на Кубани 17 апреля 1856 г. Одновременно полк занимался возведением закубанских станиц. 25 мая 1857 г. крымцы закладывают в нижнем течении реки Адагум Нижне-Адагумское укрепление, и к 1 декабря этого же года завершают его строительство, наряду с Суровским мостовым укреплением. В сооружённые военные укрепления солдаты завозят необходимое для оборонительных целей вооружение, формируют военные и продовольственные запасы. В 1857 г. крымцы построили дорогу от Суровской переправы до места, где предполагалось воздвигнуть центральное укрепление на реке Адагум, вначале по месту расположения называвшееся Верхне-Адагумское. Построенное в период с 2 мая по 5 ноября 1858 г. укрепление положило начало станице Крымской. В промежуток времени с 20 апреля по 1 ноября 1858 г. Крымский пехотный полк практически завершает у Цемесской бухты возведение Константиновского укрепления, по существу представлявшего собой укреплённый район, включавший 3 военных укрепления, 2 постоянных поста и 2 батареи. Неберджавское военное укрепление крымцы построили в течение 21 апреля – 25 июня 1860 г. Туда перевели войска, предназначенные для предстоящих новых военных действий против шапсугов. Добровольных переселенцев в новые

---

¹ ГАКК. Ф. 350. Оп. 1. Д. 111. Л. 91–93.

² Энциклопедия Кубанского казачества / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013. С. 7–8.

закубанские места оказывалось немного, в основном сюда переезжали «жеребьёвые» казаки, поселявшиеся в Закубанье по жребью. Переселенцы прибывали из черноморских казачьих станиц: Крыловской, Кущёвской, Уманской, Шкуринской.

Главной задачей Крымского полка в 1861 г. являлась прокладка удобной и безопасной дороги для движения даже малых воинских колонн от укрепления Григорьевского к укреплению Крымскому. Отряд занимался разработкой дороги по Неберджайскому ущелью, между укреплениями Крымским и Константиновским. В сентябре он разделился на несколько эшелонов и занял разные места между Псебедахской переправой и Константиновским укреплением, где 21 сентября 1861 г. имел честь приветствовать Государя Императора Александра II.

В июне 1862 г. весь Адагумский отряд действовал под начальством командира Крымского пехотного полка полковника, барона Н.А. Фитингофа, который отметил этот период своего командования окончательным устройством станиц Ильской, Шапсугской, Эриванской и Грузинской, переселением натухайцев на указанные им места, строительством трёх постов на реке Азипс и реке Убин. Однако месторасположение станицы Эриванской оказалось не совсем удачным, поэтому уже через два года после основания поселения недовольные станичные жители отправили в 1865 г. прошение в Екатеринодар с ходатайством о желательном переселении.

После окончательного покорения Закубанского края, завершившегося по официальной версии церемониальными плацпарадными торжествами 21 мая 1864 г. в урочище Кбаадэ, часть войск Кубанской области распределили преимущественно для военно-дорожных работ по рекам Малой Лабе, Мзымте, Пшехе, Пшишу, Туапсе, Псекупсу и Пшаде. Другая часть войск, в том числе и Крымский пехотный полк, способствовала устройству новых 55 станиц на пространстве между Пшишем и Илем, для связи Абинского казачьего полка с 26-м конным полком Кубанского казачьего войска, и на южном склоне Кавказского хребта, от Геленджика до Туапсе. Крымский пехотный полк, продол-

жая ратную службу на Кавказе, просуществовал с 1 апреля 1866 г. под названием 73-й пехотный Крымский Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича полк до 1917 г. (его шефом являлся сын великого князя Михаила Николаевича, известного наместника Кавказа).

Псекупский конный казачий полк Кубанского казачьего войска с особым полковым управлением был сформирован по приказу военного министра Российской империи, графа Д.А. Милютин от 3 ноября 1864 г.¹ Командиром Псекупского конного казачьего полка назначили полковника Ивана Диомидовича Попко. В состав полкового округа Псекупского конного казачьего полка вошли (в алфавитном порядке) следующие 16 станиц: 1) Афипская; 2) Бакинская; 3) Владикавказская; 4) Ключевая; 5) Ново-Дмитриевская; 6) Псекупская; 7) Пятигорская; 8) Смоленская; 9) Собер-Оашская; 10) Ставропольская; 11) Супская; 12) Тхамашинская; 13) Фанагорийская; 14) Хребтовая, 15) Чибийская; 16) Шабановская.

Устройство и заселение станиц Псекупского полка началось весной 1864 г.², а к переселению назначалось 16 офицерских семей, 8 священников, 349 семейств 2-й бригады Кубанского казачьего войска, 424 семьи из бывшего Черноморского казачьего войска и 544 семей государственных крестьян³. Итого планировалось переселить 1620 казачьих семей (такая общая цифра указана в архивном деле, но произведённый нами арифметический подсчёт даёт цифру 1341). Первыми переселенцами станицы Ключевой стали: 53 семьи из 2-й бригады Кубанского казачьего войска, 76 семейств из различных округов бывшей Черномории, 12 семейств государственных крестьян из разных губерний Российской империи. К 25 августа 1864 г. переселенцы построили в станице 67 рубленых домов. К 1 января 1865 г. в станице всего насчитывалось

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 1–7.

² Для всех новых станиц, образованных в 1864 г. в районе дислокации 27-го и Псекупского конных полков Кубанского казачьего войска, назначили дополнительную военную поддержку для несения сторожевой службы из числа строевых сотен Кубанского казачьего войска: 1-го и 5-го конных полков, 1-й и 6-й бригад. – РГВИА. Ф. 846. Д. 6696. Ч. 14. Л. 83 (кадр 38).

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 128. Л. 64.

153 двора, проживало 863 жителя казачьего сословия, наличествовало 851 жителей неказачьего сословия, функционировало 5 торговых лавок, работали 2 кузницы, действовала 1 мельница, использовалась 1 общественная баня¹.

Благодаря личным усилиям И.Д. Попко сохранилась масса свидетельств не только о самом полку, но и колоссальное количество исторической информации о казаках, Черноморском казачьем войске, казачьих станицах, Закубанье и пр. В каждую станицу Псекупского конного казачьего полка назначались начальник станицы (офицер), станичные судьи и писари. Ввиду недостатка офицеров, некоторым из них поручалось заведование двумя и более станицами, поэтому постановлением Войскового Правления Кубанского казачьего войска № 466 от 9 июня 1864 г. предписывалось утверждать на должности станичных начальников «способнейших из местных урядников»².

Начальник станицы Шабановской, прапорщик А.Ф. Мистергазе при поддержке полковника И.Д. Попко открыл 10 января 1865 г. в станице начальную школу, где обучалось 4 казака строевого состава, девять мальчиков и четыре девочки. Занятия для мальчиков проводил сам прапорщик Мистергазе, а девочек учила его жена Прасковья Васильевна. 16 февраля 1865 г. в наёмном обывательском помещении заработала полковая школа в станице Ключевой. К концу 1867 г. в станицах Псекупского полка действовало уже восемь начальных школ, появились начальные учебные заведения в станицах: Афипской, Владикавказской, Ключевой, Фанагорийской, Хребтовой, Чибийской. Учащимся преподавалось «Родное слово» (по учебной книге выдающегося русского педагога и писателя Константина Дмитриевича Ушинского), они пользовались кратким учебником русского языка известного преподавателя русского языка в военно-учебных заведениях Н.Г. Минина, изучали библейскую историю со 107 картинками протоиерея И. Базарова.

Высочайшим повелением от 10 июня 1869 г. упразднялись станицы Фанагорийская и Хребтовая Псекупского конного казачьего полка, а «из числа 125-ти семейств первой и 57-ми семейств второй станицы, ныне же переселить

---

¹ ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 391. Л. 85.

² ГАКК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 9. Л. 3об.

99 семейств в другие станицы Псекупского конного полка, а остальные затем 83 семейства расселить в те полки Кубанского войска, где, по местным соображениям, это будет признано наиболее удобным, но с тем, чтобы всё это переселение было произведено без всяких со стороны казны и войска пособий»¹. Принятое решение обуславливалось сложными местными природно-климатическими условиями, на которые многократно жаловались командованию полка жители двух станиц.

Основателями 25-го конного полка 8-й бригады Кубанского казачьего войска считаются казаки-охотники из состава первых четырёх бригад (1-й, 2-й, 3-й и 4-й) Кубанского казачьего войска, которые вместе с семьями вызвались переселиться на новые места в Закубанский край. Общая численность казаков-охотников с семьями составляла 1 597 человек. В число поселений 25-го полка с 14 августа 1862 г. входили следующие станицы: Белореченская, Егерухаевская, Кужорская, Махошевская, Нижнефарская, Псефирская, Ханская². С 3 сентября 1862 г. к ним присоединяется Келермесская³. Полковая штаб-квартира располагалась в укреплении Майкоп. Административно-территориальное расположение станиц 25-го конного полка: во-первых, ограничивалось с севера и востока землями покорных горцев, поселённых по реке Ходзь, на левом берегу Лабы и частично в низовьях реки Белой; во-вторых, с юга земельные угодья 25-го полка размежёвывались с землями казаков 24-го конного полка, и в-третьих, с запада к отведённой территории подходили земли 26-го конного полка. Земли в пределах территориального пространства 25-го конного полка отличались плодородием, изобиловали лесом и водными источниками. Жители станиц обустроили свои усадьбы настолько удобно и прилично, что они не уступали старым станицам, поселённым по реке Кубани. «Земледелие развивается с успехом, жители с окончанием провиантской от казны дачи не только не нуждаются в продовольствии, но и продают хлеб на сторону», – писал командир полка, полковник А.Т. Макаров⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1-е [1869 г.]. СПб., 1873. Ст. 47215.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38572.

³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 2-е [1863 г.]. СПб., 1867. Ст. 40026.

⁴ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 89–90об.

26-й конный полк Кубанского казачьего войска сформировали согласно именному указу императора Александра II, объявленному в специальном приказе военного министра Российской империи Д.А. Милютин от 3 сентября 1863 г.¹ Этот полк был образован на основании § 56 Высочайше утвержденного 10 мая 1862 г. «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Дислоцировался 26-й конный полк не в одном месте, а образовывал отдельный округ с особым полковым правлением и с системой военно-гражданского обустройства по примеру некоторых полков Терского казачьего войска. В 1866 г. 26-й конный полк стал 24-м полком Кубанского казачьего войска.

В состав полкового округа 26-го конного полка вошли (в алфавитном порядке) 12 закубанских станиц: 1) Апшеронская; 2) Бжедуховская; 3) Гобукаевская; 4) Дагестанская; 5) Курджипская; 6) Нижегородская; 7) Пруская (ныне Безводная); 8) Пшехская; 9) Пшишская; 10) Самурская; 11) Тверская; 12) Ширванская. Штаб-квартира 26-го конного полка Кубанского казачьего войска размещалась в станице Апшеронской². Однако, согласно данным канцелярии наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска, в составе 26-го конного полка на 1865 г. значились следующие станицы: Апшеронская, Бжедуховская, Габукаевская, Дагестанская, Курджипская, Кушинская, Нижегородская, Пруская (ныне Безводная), Пшехская, Пшишская, Самурская, Ширванская. А вот станица Тверская относилась по административной подчинённости к другому, 27-му конному полку Кубанского казачьего войска³.

Вокруг заселения перечисленных выше станиц складывались разные поселенческие сюжеты, в частности, с водворением станицы Пшехской случилась своя микроистория. Решение о поселении на Кубани в 1862 г. станицы Пшехской Главнокомандующий Кавказской армией принял после утверждения всех мероприятий по поселению 22 станиц, и уже произошло распределе-

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 2-е [1863 г.]. СПб., 1867. Ст. 40026.

² Новые казачьи поселения в Закубанском крае // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. 6. Тифлис, 1866. С. 22.

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2905. Л. 33об.

ние плановых переселенцев. Но, как оказалось, в 1862 г. Войско Донское отправило лишних 82 семейства. Кроме того, поступило сообщение из Уральского казачьего войска о планируемой отправке 35 семейств уральских казаков, а ещё дополнительные прошения о переселении пришли от казаков станицы Рождественской. Так неожиданно образовался поселенческий контингент для водворения станицы Пшехской на левом берегу реки Пшеха. Как следует из письма начальника Главного штаба Кавказской армии, генерал-майора Свиты Его Императорского Величества А.П. Карцова от 18 июля 1862 г. командиру 8-й бригады, подполковнику А.Д. Есакову, солдаты Пшехского отряда под началом генерал-майора И.Е. Тихоцкого 2-го уже приступили к разбивке плановых мест для размещения станиц и заготовке сена для будущих переселенцев¹. Поэтому Ивана Егоровича можно считать отцом-основателем целого ряда закубанских станиц, поскольку он в ходе военной кампании 1861–1862 гг. командовал Пшехским отрядом, не лишне вспомнить настоящего боевого генерала, основная часть военной карьеры которого связана с Кавказом.

12 станиц 26-го конного полка располагались по берегам и в долинах рек, причём, они делились, с точки зрения своего месторасположения, на три группы. Первая группа из четырёх станиц (Габукаевская, Бжедуховская, Пшишская, Тверская) находилась в равнинной, переходящей в горно-лесистую местности по правому берегу реки Пшиш, вдоль дороги, пролегающей по речной долине и ведущей в землю малых шапсугов и убыхов. Вторая группа из четырёх станиц, в которую входили в географическом направлении с севера на юг: Кубанская, Апшеронская, Ширванская, Самурская. Эти четыре станицы в горно-лесистой местности вытянулись вдоль речной долины реки Пшеха: Кубанская и Апшеронская водворились по левому берегу, а Ширванская и Самурская разместились по правому берегу. Третья группа станиц (Прусская, Дагестанская, Курджипская, Нижегородская) уходила своеобразным пространственным ответвлением на восток².

---

¹ ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 1020. Л. 67.

² РГВИА. Ф. 330. Оп. 7. Д. 308. Л. 5.

По информации командира полка, подполковника Александра Васильевича Пистолькорса¹, датированной июлем 1865 г., среди станиц в зоне ответственности полка, нет населённых мест вредных для здоровья жителей, поэтому переводить их в другие места или уменьшать в них количество населения и тем самым образовывать новые станицы и посёлки нет никаких причин. Такую свою позицию по отношению к изменению состава и расположения поселенческих структур на территории полка его командир обосновывал следующими обстоятельствами. Во-первых, уже имеющиеся горные станицы полкового округа и так имеют самое ограниченное количество населения. Во-вторых, численность жителей горных станиц сократилась в результате повышенной смертности людей в предшествующем (1864) году. В-третьих, если разбить существующие горные станицы на отдельные посёлки, то тогда не будет никакой возможности исполнять общественные повинности и вообще какие-либо служебные обязанности. В-четвёртых, жители горных станиц из-за особенностей горной и дикой местности и малочисленности населения очень много претерпевают разорения от хищных зверей. Не проходит ни одной ночи, чтобы не была утащена волком овца, свинья или телёнок. Если же расселить существующие горные станицы на посёлки, то в таком случае население неминуемо лишится всего своего скота. Как полагал командир полка, со временем жители горных станиц хорошенько ознакомятся с особенностями местностями, и в результате обустройства всё большего числа людей в горных условиях они сами не упустят выгоду занять наиболее удобные места в районе своего поселения.

Деятельность А.В. Пистолькорса в трудное время первоначального формирования полка определялась устройством полковой службы, сложной организации штаб-квартиры и процесса заселения закубанских станиц. На нём лежала персональная ответственность за благоустройство 12 закубанских станиц, прикреплённых к полковому округу 26-го конного полка, и повседневная

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1725. Л. 70.

забота о сотнях переселенцев. 5 января 1863 г. командующий войсками Кавказской армии, Наместник Его Императорского Величества на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич писал: «Поселения настоящего 1863 года имеют для нас неимоверную важность, можно сказать, что это есть последний трудный шаг в колонизации Закубанского края. Полки (26-ой и Адагумский) должны прикрыть прочным образом лежащие сзади их станицы и представить надёжный оплот в самом своём населении. Необходимо густо заселить сказанные полки и тем исправить недостатки довольно жидкой колонизации пространства»¹.

Повседневная жизнь первых поселенцев станиц 26-го конного полка складывалась тяжело, им приходилось быстро приспосабливаться к проживанию в экстремальных горных условиях, людей страшно изматывала малярия. В этой сложнейшей военно-хозяйственной обстановке подполковник А.В. Пистолькорс проявил себя как умелый администратор, который заботился о строительстве хороших дорог, прочных мостов, об обеспечении безопасности людей, о здоровье переселенцев, организации просвещения детей и взрослых. За полтора года, в период с 12 апреля 1863 г. по 1 октября 1864 г., Александр Васильевич издал 25 детализированных приказов, касающихся благоустройства жителей вверенных ему 12 закубанских казачьих станиц, где в бывших землях абадзехов поселились 1325 семейств нижних чинов и 13 офицерских семейств. Приведём несколько примеров правомерного администрирования командира полка, демонстрирующих его реальную заботу о подчинённых.

Пистолькорс настрого запрещал переселенцам рыть землянки, поскольку жизнь в них подрывала здоровье людей, но приказывал возводить деревянные дома с большими окнами для очищения воздуха. Станицы 26-го конного полка со всех сторон окружающего пространства граничили со строевым лесом, и это давало возможность строить переселенцам такие дома, чего и добивался Александр Васильевич. Командир полка следил за заготовкой сена на зиму для

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 857. Л. 45.

прокорма рабочего скота и заботился об обеспечении безопасности станичников во время покоса. Это позволяло сохранять тягловую силу и соответственно решать другие хозяйственные вопросы.

Предписания А.В. Пистолькорса наполнены предметным беспокойством о санитарном состоянии станиц: « Дохлый скот, ... околевших кошек и собак» отвозить подальше от станиц и «зарывать в землю», или строго смотреть за тем, чтобы каждое семейство имело в своём дворе глубоко выкопанное «отхожее место», чтобы в домах жителей деревянные полы чаще вымывались, а земляные усыпались сухим песком или вымазывались коровьим навозом, дома чаще проветривались, а помои и другие нечистоты выливались подальше от крыльца»¹.

Первые месяцы среди переселенцев наблюдалась высокая смертность детей и женщин не только от непривычных инфекций, но и от банальных простуд, поэтому командир полка строго приказывал мужьям покупать жёнам какую-нибудь обувь и шерстяные чулки, поскольку даже глубокой осенью можно было встретить на улице босых женщин. Ещё А.В. Пистолькорс заботился о строительстве бань, развитии приусадебного огородничества, предписывал переселенцам собирать в лесах и есть черемшу, на казённые деньги закупал квашеную капусту, и тем самым спасал жителей станиц от заболеваний цингой.

Александр Васильевич с потрясающей настойчивостью изыскивал материально-финансовые средства для устройства библиотек и станичных школ, чтобы «мальчики и девочки непременно ежедневно ходили в школу», и никто не имел права исключать из школы своего ребенка без разрешения командира полка. Избранный обществом учитель, по мнению Пистолькорса, должен был получать достойную плату за труд. В ст. Апшеронской его заботами построили полковую школу не только для детей, но и для взрослых казаков.

---

¹ Кириллов П.О. К истории колонизации Закубанского края // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1902. Т. IX: [1903 год]. С. 90–91.

В прощальном приказе по 26-му конному полку А.В. Пистолькорс подводил итоги своей хозяйственной и военной деятельности. При этом своих подчинённых он называл «братцами-товарищами» и сожалел о том, что, отправляясь к новому месту службы, ему не удалось окончательно устроить их хозяйство и порадоваться их будущему благосостоянию.

По мнению командира 26-го конного полка, две горные станицы из состава полка, станицы Кушинская и Тубинская поселили неудачно в местах настолько вредных для здоровья, насколько весьма неудобных в общежитии, в особенности для переселенцев, которые привыкли жить на равнинных территориях, что нам потребовалось детально разбираться в сложившейся ситуации. Во-первых, в двух станицах насчитывалось очень незначительное количество жителей, всего 389 чел. обоего пола (вместо положенных 600 переселенцев). Во-вторых, безусловно, можно было как-то людям прокормиться и на поселённых местах, но к этим станицам почему-то своевременно не проложили хорошую дорогу, поэтому жители не имели колёсного сообщения и с большим трудом приобретали для себя всё необходимое: пищу, одежду и пр. В-третьих, серьёзные проблемы для населения создавала значительная отдалённость станиц от других населённых пунктов, в особенности, станицы Тубинской. Неудобства в получении товаров первой необходимости усиливались с осени, продолжались всю зиму и весну, когда сильно затруднялся подвоз неотложных грузов. В-четвёртых, у жителей из-за постоянной непролазной грязи и изнурительных условий существования на половину пал скот. В-пятых, посеянный в станицах Кушинской и Тубинской весной 1865 г. хлеб до июля месяца не дал никаких всходов, плохую всхожесть семян показали в бытовых огородах овощи, а также оказался очень низкий весенний травостой, что не давало надежды на заготовку сена на зимний период. От такого нерадостного положения вещей жители станиц чрезвычайно упали духом и решительно не рассчитывали в текущем (1865) г. собрать свой хлеб. Чтобы каким-то образом улучшить повседневный быт населения станиц Кушинской

и Тубинской, жители просили об оказании им помощи в налаживании доставки из Прусского магазина крайне необходимого провианта¹. В отношении названных станиц приняли кардинальные меры по их упразднению и расселению, а полк расформировали в 1870 г.

27-й конный полк Кубанского казачьего полка создаётся 13 ноября 1864 г., но заселение его станиц началось ещё весной 1864 г. Штаб-квартира полка находилась в станице Хадыженской. В общей сложности 1757 чел. обоего пола размещались в 20 небольших станицах. При формировании полка в него вошли следующие категории переселенцев: 600 семейств линейных казаков; 200 семейств донских казаков; 273 семьи черноморских казаков; 191 семейство оренбургских казаков; 300 семей государственных крестьян, 17 семей временно обязанных крестьян Войска Донского; 186 семейств женатых нижних чинов регулярных войск². Территорией дислокации полка стали берега рек бассейна Левобережья Кубани: Апчас, Марта, Пшеха, Пшиш, Цеце.

В пространственном отношении 27-й конный полк граничил с востока с 26-м конным полком, на юге его участок доходил до Тубинского перевала, с запада его зона ответственности простиралась до Пшишского перевала и до территории Шапсугского берегового пешего батальона. Занимавшаяся полком местность на протяжении от границы Псекупского полка до Хадыжей (станция Хадыженской) представляла собой относительно ровную земную поверхность, и на этом участке располагалось множество хороших и удобных полей для ведения земледелия. А вот вверх до перевала территория получалась более гористая, и земли здесь для занятий хлебопашеством оказывалось недостаточно. Как следует из сохранившегося отчёта командира 27-го конного полка, полковника Д.М. Степура-Сердюкова, в 1865 г. урожай в новых станицах вышел очень плохой. В результате: «Жители имеют состояние самое незавидное. Богатый хозяин имеет 5 лошадей, 20 голов рогатого скота и 100 овец. Высокая смертность объясняется скудностью пищи, а жители, которые, кроме

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1725. Л. 54.

² ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 84.

ржаного хлеба, не совсем иногда качественного, и жидкой кашицы, ничего не имели»¹.

Формирование большого количества станиц в Закубанском крае не всегда сопровождалось должным обустройством поселений. Поэтому в июле 1865 г. поступило распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией, великого князя Михаила Николаевича: «Осмотреть положение всех новых станиц, с той целью, чтобы те из них жители, коих ещё не обстроились и которые расположены на местах вредных для здоровья поселян, перевести на другие места или, по крайней мере уменьшить в них население, образовав новые станицы и посёлки и применяясь при этом главнейшим образом к удобствам жизни, а не к потребностям войны»². Очевидно, до кавказского начальства всё же доходила какая-то негативная информация о неблагоприятном положении дел в заселённых закубанских станицах, где переселенцы явно страдали из-за непривычных для них природно-климатических условий, которые приводили к неблагоприятным последствиям.

С самого начала заселения станиц 27-го конного полка Кубанского казачьего войска, во всех населённых пунктах переселенцы сильно болели лихорадкой и тифом, но больше всего людей от эпидемий умерло в станицах Абхазской, Куринской и Оренбургской. Трудно предположить, какие именно из станиц 27-го конного полка оказались поселены в местах исключительно вредных для здоровья переселенцев, к тому же, половина станиц находилась в горной местности. По мнению Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта, графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона болезнь свирепствовала среди жителей вовсе не от того, что водворённые станицы расположены во вредных для здоровья людей местах, а от жизненных обстоятельств, обусловленных весьма невыгодным положением дел, вследствие постоянно влажной в прошлом (1864) году погоды. Из-за отсутствия в горах положительно никаких дорог, переселенцы не имели никакой возможности по причине постоянных проливных дождей устроить для себя

---

¹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 88об.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1725. Л. 65.

заблаговременно добротные жилые дома. Кроме этого, причинами высокой заболеваемости являлось переселение людей из совершенно различных мест России, в частности, государственных крестьян и оренбургских казаков, которые больше других переселенцев болели и умирали. С учётом изложенных выше обстоятельств, как правомерно считал Феликс Николаевич, год от года переселенцы в закубанских станицах должны постепенно свыкнуться со здешним климатом и новыми жизненными условиями, поэтому нынешние эпидемии вовсе прекратятся, а люди станут меньше болеть¹.

Отдельным и то же время взаимосвязанным историческим сюжетом в освоении Закубанского края можно считать фрагмент социальной реальности, который мы обозначаем как историческая топонимия, а если учитывать особенности исследуемой проблемы, то речь идёт казачьей ойконимии. Образование многочисленных станиц в Закубанском крае поставило в актуальную повестку дня вопрос о наименовании новых населённых пунктов, о чём детально пишет С.В. Самовтор².

В целом же, подводя итоги освоения закубанских территорий, следует отметить значительный прирост казачьего населения. В 1865 г. в Кубанской области, за исключением дислоцированных на её территории регулярных войск, фиксировалось всего 286426 душ мужского пола и 270193 душ женского пола. Преобладающую часть населения Кубанской области составляли казаки, в том числе, 218752 душ мужского пола и 211288 душ женского пола, из них дворян – 2413 душ мужского пола и 2408 душ женского пола. Наибольшее число жителей проживало в Екатеринодарском округе, и в нём насчитывалось (вместе с городом) 30121 душ мужского пола и 29035 душ женского пола. В Ейском округе Кубанской области численность населения достигала 29252 душ мужского пола и 28855 душ женского пола. Таманский округ по двум категориям населения наличествовало 29222 душ мужского пола и 27972 душ женского

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1725. Л. 65.

² Самовтор С.В. Топонимика Закубанья (К вопросу о переименовании ряда кубанских станиц в 1867 г.) // Археология и краеведение Кубани. Материалы Первой студенч. науч. конф. Краснодар, апрель 1993 г. Краснодар, 1993. С. 26–28.

пола. На территории дислоцирования 1-й бригады Кубанского казачьего войска проживало 20893 душ мужского пола и 20666 душ женского пола. Самым малочисленным по количеству населения субрегионом считался район дислоцирования Шапсугского берегового пешего батальона, где статистически исчислялось всего 2058 душ мужского пола и 1825 душ женского пола¹.

В фонде 252 «Войсковое хозяйственное Правление Кубанского казачьего войска» Государственного архива Краснодарского края мы обнаружили сводные данные² о числе селений в Кубанском казачьем войске по состоянию на 1 января 1864 г. (Приложение 3), которые раскрывают масштабы поселенческого обустройства Закубанского края в сравнении с традиционными округами бывшего Черноморского казачьего войска, в частности, показывают количественные параметры появления новых станичных поселений.

О существенном преобладании казачьего элемента среди переселенцев в Закубанском крае свидетельствуют следующие обобщающие данные. В период с 1862 г. по 1864 г. в Закубанский край всего переселили 13443 семьи³, из них направили туда 147 офицерских семейств Кубанского казачьего войска. Из бывшего Черноморского казачьего войска в Закубанье обрели новое место жительства 3850 семей, из Кавказского линейного казачьего войска переехали 4490 семей, из Азовского казачьего войска переместились 1051 семей, из Войска Донского в Закубанский край прибыли 1008 семей, из Оренбургского казачьего войска добрались 425 семей, из Уральского казачьего войска на новых землях поселилось 83 семей, и, кроме того, в Закубанье водворились 1338 семей государственных крестьян⁴.

---

¹ Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемый Кавказским отделом Императорского Русского географического общества / под ред. Н.И. Воронова. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 58. Паг.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 940. Л. 245.

³ Но по подсчётам И.В. Бентковского в Закубанье всего было переселено 14 396 семей, правда, эта обобщающая цифра взята за период с 1861 по 1864 гг. – См.: Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Материалы для истории колонизации Западного Кавказа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 76.

⁴ Пономарёв В.П. Очерки истории основания закубанских станиц в середине XIX века. Краснодар, 2007. С. 70.

Одним из итогов переселения черноморских казаков в Закубанский край стало существенное изменение повседневных алгоритмов станичной жизни. Описывая прикубанские станицы Елизаветинскую и Пашковскую, И.Д. Попко подчёркивал, «что во время Кавказской войны обороняться умеют, ныне же по разрушенным станичным оградкам и бастионам пользуются своим близким соседством с г. Екатеринодаром, чтобы добыть копейку на его базарах и поправить понемногу своё состояние. На этом поприще едва ли опередят их промышленно деятельные аулы Козеть, Бжегокай и даже Тахтамукай, покрывающий своими арбами 10-вёрстное шоссе от Екатеринодарского моста до гребня болотной прикубанской полосы»¹. «Прежде бывало», – писал Иван Диомидович, – когда «зайдёшь к казаку в хату, видишь, скорее всего, ружьё наготове с патронами и подсошки, а теперь на том месте самовар да поднос, на котором ярко намалёваны розы с яблоками. Не достаёт только рога изобилия»². Действительно, прежняя военная опасность, угроза внезапного нападения противника относительно быстро уходила в небытие, поэтому к 1863 г. земли для кордонных постов ниже Кубанской линии уже не отводились, и число их ежегодно уменьшалось, а по нижней Кубани и они вовсе были сняты³.

Таким образом, активное строительство и укрепление новых станиц в Закубанском крае связано с третьим этапом переселения и освоения закубанских территорий, причём, военно-казачья колонизация региона развивалась с двух сторон: с запада и с востока. Основной отправной точкой для выдвижения вглубь Закубанья выступала Лабинская кордонная линия, и действовал полковой (отрядный) принцип продвижения на новые территории и образования закубанских станиц. Однако первая попытка развернуть в 1861 г. массовое переселение казаков исключительно на основе выполнения ими обязанностей военной службы не удалась: 1-й Хопёрский казачий полк и черноморские станицы Старощербиновская и Канеловская отказались переселяться в полном

---

¹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

² ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 4.

составе, причём эта позиция нашла поддержку среди казачьей старшины. Потребовалась более основательная проработка плана переселения с предоставлением системы льгот и привилегий, чтобы казаки приняли новую реальность и включились в процесс переселения.

Появление большинства кордонных линий с обустраиваемыми станицами исторически приходится на период 1861–1864 гг., когда развёртывается массовое заселение казаками и российскими переселенцами Закубанского края и завершается Кавказская война. Военно-административный характер первичного массового заселения территории Закубанья продолжается и в течение следующего этапа 1864–1870 гг., но этот процесс уже переходит под контроль наказного атамана Кубанского казачьего войска и войсковой администрации Кубанской области. Одновременно начинается постепенное свёртывание системы военно-гражданского управления станичной жизнью, происходит ликвидация региональных кордонных линий, осуществляется переход на самоуправленческие начала местной жизни.

В освоение территориальных пространств Закубанского края большой вклад внесли отдельные казачьи части, приложившие немало усилий для возведения и обустройства новых станиц. Им пришлось преодолеть немало всяких трудностей, связанных с акклиматизацией разных групп переселенцев, с организацией снабжения и постоянной борьбой с непривычными природно-климатическими явлениями. С занятием западных предгорий Кавказа окончилась многолетняя социально-демографическая модернизация исторического региона Кубани. Казаки основательно закрепились в Закубанском крае, и теперь вся Кубанская область оказалась покрыта глобальной поселенческой сетью казачьих станиц.

4. ТОПОХРОННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ХУТОРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

4.1. Складывание архетипа казачьего хуторского мира на Кубани

Среди первых форм казачьих поселенческих структур в историческом регионе Кубани широкое распространение получили хутора. Как отмечал Ф.А. Щербина, «одновременно с заселением Черномории куренными селениями возникли и другие формы поселений – хутора, зимовники и коши, некоторые из которых появились даже раньше, чем куреня»¹. Масштабирование хутора при освоении территории на Кубани связано с двумя разнонаправленными историческими тенденциями: с одной стороны, это небольшие поселения, состоявшие из одного домовладения, представлявшие собой первозахватную заимку, временный кош, одиночное жилое строение с хозяйственным обустройством, а с другой стороны, большое поселение с десятками, сотнями, порой и тысячами дворов, становившееся протостаницей, и даже в отдельных случаях превращавшееся на Кубани в город.

На этапе заселения Черномории вплоть до середины XIX в. преобладала первая историческая тенденция, когда маленькие поселения хуторского образца буквально бисером рассыпались по осваиваемой территории, и первоначально никто не контролировал этот процесс свободного расселения черноморских казаков на пожалованных им землях. В целом, можно выделить три первичных потока в образовании хуторов как поселенческих структур на Правобережье Кубани.

Во-первых, это хутора так называемых «таманских казаков», когда после общевойсковой высадки на Таманском полуострове черноморские казаки селились не только компактно группами, чтобы лишь временно перезимовать и затем уже двинуться дальше вглубь Черномории, но и находили себе вполне уютные местечки для отдельного поселения, что и подтверждают материалы

---

¹ Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891. С. 9.

первой переписи¹. Размещались «таманские казаки» вокруг своей первой столицы, селились при Старом Темрюке, располагались у реки Кубани и у реки Чёрная Протока.

Во-вторых, хутора основывали черноморские казаки, прибывшие на Правобережье Кубани так называемым северным, сухопутным коридором и прошедшие до этого районы Северного Причерноморья, через Дон добравшись до берегов реки Ея и её притоков, а потом двинувшиеся ещё дальше, вглубь войсковой территории. Этот переселенческий поток постепенно оседал бесчисленными хуторами по всей Черномории, и долгое время никто не имел никакого представления о том, сколько, а, главное, где казаки заложили свои первые хутора.

В-третьих, в мае – июне 1793 г. кошевой атаман войска верных казаков Черноморских Захарий Алексеевич Чепега отправился с тысячной командой казаков в общем направлении от устья реки Лабы вниз по течению реки Кубани с целью проведения демаркации российской государственной границы. По заданному направлению З.А. Чепега установил пограничные кордоны и добрался до Карасунского Кута, где разбил на правобережье Кубани с Войсковым правительством военный лагерь². Из команды кошевого атамана нашлись казаки, готовые поселиться отдельными хуторами на новых землях, захватывать свои заимки.

Инициативные черноморские казаки свободно водворялись по берегам степных кубанских рек отдельными хуторами, и, как первооснователи, ничем не были стеснены. Эта хозяйственная система вполне отвечала природно-климатическим условиям Правобережья Кубани, ведь «земли степных рек и бассейнов» мало чем отличались от привычных днепровских степей, поэтому традиция ведения хуторского хозяйства быстро прижилась в новых условиях, и в первые десятилетия в Черномории наблюдается заметный рост численности

---

¹ Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы / сост. Н.В. Малеева и др.; редкол.: В.В. Горковенко и др. Краснодар, 2006. С. 35, 76, 94, 139, 288.

² Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 3. С. 607.

хуторов. Если в 1809 г. в Черномории регистрировалось лишь 66 хуторов, то в 1821 г. их количество уже достигало 1776 хозяйств, а к середине XIX в. насчитывалось 3000 хуторов¹.

Рост численности хуторов, с одной стороны, отражал тенденцию поселенческой индивидуализации в использовании форм поселений черноморскими казаками при освоении территории Правобережья Кубани. С другой стороны, основание хуторов означало значительное расширение прав собственности черноморского казачества на землю, и являлось подтверждением его заслуг и большого значения для продвижения государственных интересов на российском имперском Юге. Именно свободное пользование земельными участками, обретение заимок, обустройство хуторов на общевойсковой земле способствовали появлению законодательно закреплённого правила. Войско получило исключительное право выдавать «открытые листы» (владельческие акты, билеты) на вечное пользование землёй, и, тем самым, легализовать существовавшие казачьи заимки, что и отразили характерные исторические источники.

Подчеркнём, в Черноморском казачьем войске землевладение стало военно-войсковым, и все возникавшие споры решались согласно законодательству военного времени. Своими действиями Войсковое правительство по выдаче «открытых листов» фактически вводило частную собственность на земли, принадлежащие всему войску, ибо подтверждало право старшин и казаков на вечное спокойное владение зафиксированными в войсковых актах дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, виноградниками и рыболовными заводами. Устанавливаемый порядок землепользования с легализацией заимок неизбежно подталкивал к формированию частной собственности на войсковых землях. Казачьим старшинам предоставлялись значительные привилегии, позволялось поселять при хуторах родственников и вольнонаёмных, «определять им земли» по свободно прилагаемой штатной росписи. Кроме того, теперь разрешалось в частновладельческих хуторах селить совершенно посторонних людей, не принадлежащих по гражданско-правовому статусу к

---

¹ Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 238–240.

Войску. И чем больше по занимаемой площади хозяину хутора принадлежала заимка, тем больше требовалось работников для обслуживания развёрнутого в ней хозяйства.

Малолюдность заселяемых казаками земель, постоянная занятость преобладающей части казачьего населения военной службой и, наконец, минимальные затраты труда на единицу площади занимаемых угодий по сравнению с земледелием – всё это создавало благоприятные условия для развития скотоводства в только что присоединённом к России крае. Обилие пустующих земель никак не совпадало с количеством прибывшего населения, и это отложило свой отпечаток на особенностях причерноморского землевладения. На первых порах преобладало скотоводческое направление. Первоначальное господствующее положение скотоводства оказало глубокое культурно-историческое воздействие на черноморских казаков. Оно повлекло за собой формирование особой системы расселения, отвечающей запросам скотоводческого быта. Скотоводческое хозяйство имело неразрывную связь с хутором.

Вольное землепользование, предоставляемое и отчасти гарантированное государством¹, для черноморских казаков приобретало особую форму владения земельным участком. Владения, во-первых, срочного (полученного по разрешению и принятого сразу к использованию данного диспозитивного права), во-вторых, владения пожизненного (казак рассчитывал на владение свободно приобретённым земельным участком на всю свою жизнь), в-третьих, владения потомственного (черноморцы стремились любыми путями закрепить за собой полученную землю и передать владение ею своему потомству). Фактически с превращением заимки в хутор устанавливалось частно-корпоративное право собственности на землю (старозаимочные земельные участки), производное от общей государственной собственности, но статусно понимаемое казаками гораздо выше.

---

¹ Тмутараканский Л. Об экономическом социальном значении поземельного владения Кубанского казачества // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 193–194.

Противоречие между куренями и хуторами сложилось практически сразу, поскольку богатым, зажиточным казакам оказывалось выгодно уходить на хутора. Таким способом они освобождали себя от разных войсковых повинностей, получали большую свободу для развития своего хозяйства.

Черноморцы оседали вольно в степях между реками Еей и Кубанью и создавали свои «футора», где им заблагорассудится, мало, чем отличавшиеся от запорожских зимовников. Войсковое правительство даже в октябре 1793 г. не знало ни точного количества переселенцев, ни числа мест их проживания. Поэтому там приняли решение провести «вернейшую» перепись казачьего населения по куреням, поручив это важное дело полковому есаулу Миргородскому, которому кошевой атаман З.А. Чепега в направленном ордере от 28 марта 1793 г. сообщал: «Как уже не малое количество на всемилостивейшее пожалованную войску Черноморскому землю с разных Екатеринославского наместничества и других мест сего войска старшин и казаков с их семействами переселилось[,] и поселились на оной в разных местах селениями и хуторами. О числе же оных я и войсковое правительство настоящего сведения не имеет...»¹.

Свободное пользование казачеством земельными угодьями на общевойсковой земле закрепило нормативное правило «Порядка общей пользы», согласно которому Войско имело исключительное право выдавать открытые листы «на вечное спокойное владение дворами, хуторами, мельницами». Параграф 23 дословно гласил: «... вышеописанным старшинам и казакам на вечнопокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, виноградными и рыболовными заводами владение выдать открытые листы, с тем, чтоб до оногo, кроме хозяина и законного его наследия, ко владению никто права не имел, да и землѐю не утеснял»². Таким образом, владельцами хуторов становились панство (старшины) и зажиточные казаки. И это вполне объяс-

---

¹ Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 3. С. 692.

² Щербина В.А. Земли частного владения лиц войскового сословия в Ейском отделе Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. 1894. Т. 3. С. 5. Паг.

нимо, ведь для эффективного ведения хуторского хозяйства непременно требовались: орудия труда, рабочий скот, а также немалые материальные средства для найма работников, поскольку казаки несли постоянную военную службу и не всегда могли уделять достойное внимание своему хозяйству.

Всем, кому становилось по разным причинам тесно в курене, могли получить от этого общества письменное, подкреплённое бесчисленными рукоприкладствами, дозволение свободно выселиться в поле, «сесть хутором»¹. Среди владельцев хуторов оказывались и предприимчивые рядовые казаки, о чём свидетельствует прошение казака Незамаевского куреня З.Н. Белковца. Он писал: «Имея жительство с давнего времени в курень Незамаевский собственным домом, я расплодил рогатого скота до 60 штук, с которым бывшем в затруднении на дальнейшее время. Помещаясь в том курене без угнетения себя жителей к поддержанию скотоводства, доставляющие единственный способ поддержания в службе в семейственном быту, я купил ничтожной постройки хутор. Хутор из одного плетнёвого домика и будки»². В такой ситуации хозяйственному казаку хотелось расширить свои владения.

Расширение масштабов хозяйственной деятельности в хуторах подпитывало потребность в увеличении числа рабочих рук для ведения хозяйства. Дополнительную рабочую силу хозяева хуторов стремились заполучить любыми средствами, включая и незаконные. В этом стремлении многие из них проявляли поразительную изобретательность ради достижения цели. Помимо широко распространённого укрывательства беглых крепостных в хуторах и кошах, маскировки их в качестве своих родственников, зачисления в казаки и т.д., отдельные владельцы умудрялись записывать в казачье сословие даже захваченных в плен во время польского похода 1794 г. повстанцев, а затем использовать их практически бесплатный труд в своём хуторском хозяйстве.

Хуторяне, поселившись отдельно, первоначально несли общественные повинности наравне с прочими жителями. Но уже в начале XIX в. многие хутора оказались устроены в таких местах, что административное воздействие

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1229. Л. 150.

² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1229. Л. 23.

властей не достигало их границ. Чтобы как-то вовлечь хуторское население в орбиту своего управленческого влияния, администрация требовала перевести хуторских жителей в курени. Такие распоряжения поступают из войсковой канцелярии в 1800, 1801, 1802, 1803 и 1804 гг. Поводами для переселения хуторян в курени нередко служили неблагонадёжность переселяемых и почти всегда необходимость привлечь хуторян к отбыванию общественных повинностей в куренях. Так, в мае 1801 г. Ейское сыскное начальство сообщало в войсковую канцелярию, что хуторяне не несут никаких повинностей, и просило разрешения на переселение их в курени. Само собой разумеется, подобные распоряжения вовсе не касались тех хуторов, на которые войсковая канцелярия выдавала владенные акты, подтверждавшие право собственности их владельцев. В качестве наиболее жёсткой меры воздействия на хуторскую самостоятельность предлагалась даже ликвидация хуторов. Однако намеченные для сноса хутора не относились к числу тех, которые были фундаментально обустроены в удобных местах¹.

Любопытно мнение А.П. Ермолова о черноморских хуторах, которое он изложил в письме от 6 мая 1821 г. войсковому атаману Черноморского казачьего войска, полковнику Г.К. Матвееву: «По близости к куреням найдутся хутора чиновникам принадлежащие. Не каждый из таковых употребляет в пользу свою количество земли умеренное и, захватив излишнее, отъемлет у поселянина необходимое. Вы, атаман, поручите войсковой канцелярии войти в ближайшее рассмотрение сего обстоятельства и, как большая часть подобных хуторов, не имеет не только издержек стоящих заведений, ниже сколько-нибудь прочных, то польза частная не должна быть предпочитаема пользе общей, и паче ещё, когда удаление хуторов, распространяя выгоды куреней, доставит средство умножить жителей в оных и тем утвердить безопасность границы»².

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. С. 626.

² ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1. Л. 107.

С другой стороны, экономическому развитию хуторского хозяйства мешал уравнительный порядок в пользовании земельными угодьями. Старозаимочные земельные участки сосредоточились в руках немногих лиц, а при распределении войсковой земли на пропорциональные участки, войсковые обыватели, имевшие большие стада, не могли поместиться на частных, в собственность полученных участках. Они, по Высочайшему положению (1842 г.), оплачивали войску, говоря современным языком, небольшой пастбищный сбор за огромные пространства пастбищ и сенокосов, которыми пользовались по существу на правах бессрочной и нерасторжимой государственной аренды. Широкая распространённость по сути частного землевладения на войсковых землях и стремление войсковых обывателей уйти от налогов сужали налогооблагаемую базу, а Черноморское казачье войско теряло немалую часть законных доходов, выдавая «пастбищные билеты» («владенные акты») на приблизительно указанные земельные участки.

В исследованных архивных коллекциях исторических документов вплоть до конца XIX в. не указывались точные размеры площади хуторских земельных владений, и кубанские хутора регистрировались тогда по совершенно иным критериям: по количеству имеющегося на хуторах скота, по наличию построек и фруктовых садов и даже по примерным оценкам войсковых чиновников наличествующего хозяйственного состояния и общественного поведения. К примеру, в архивном деле «Ведомость о хуторах офицеров и имениях при них» (по состоянию на 1833 г.), находящемся в архивном фонде 250 «Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска» Государственного архива Краснодарского края, пересчитанные хутора строго дифференцировались по пяти отграничивающим и оценочным критериям: хутора с жителями благонадёжного поведения, хутора значительного скотоводства, хутора знатного хуторского обзаведения, хутора с жителями неблагонадёжного поведения и хутора с малозначительным обзаведением. Так, в Екатеринодарском округе Черноморского казачьего войска, согласно произведённым нами подсчётам по вышеуказанной ведомости из обнаруженного архивного дела, всего регистрировалось

659 хуторов с хозяевами благонадёжного поведения и одновременно располагавших значительным хуторским скотоводством, а также отмечалось ещё 272 хутора с жителями неблагонадёжного поведения¹.

Как правило, хуторские владения не обмежёвывались, а устанавливались лишь примерные границы хутора (на берегу такой-то речки, возле копаней в такой-то балке, и т.п.), что позволяло хозяевам таких поселений чувствовать себя достаточно свободно в хозяйственно-экономическом плане, в том числе, активно используя в этих целях свой наличествующий социально-правовой статус. Расширение землевладения «с нравом вольной заимки» просуществовало почти пятьдесят лет, поскольку до 1842 г. захват территорий оставался главным способом завладения земельными участками. И здесь преуспевали те, у кого имелась возможность частного отчуждения властных функций. Не случайно именно войсковые старшины (панство) оказывались первыми и наиболее крупными владельцами земель. Формировался социальный слой крупных землевладельцев, сосредоточивших в своих руках десятки тысяч десятин лучших земель и разводивших тысячи голов лошадей, крупного рогатого скота, десятки тысяч овец².

Именно хутора открывали широкие возможности для развития на Кубани степного скотоводства, в свою очередь, это отдаляло хутора от коренных поселений, от куреней и станиц. С другой стороны, расположение хуторов вдали от станиц и наличие больших земельных участков облегчало переход к трёхпольному и далее к концу XIX в. к многопольному севообороту и более эффективному хлебопашеству. Кроме того, в отдалённых степных хуторах проще становилось заниматься лесоразведением, позволявшем не только благоустраивать новые территории, но и влиять на результаты земледельческого труда. Хутора давали возможность их владельцам обзавестись большими плодовыми садами, иметь вольные лошадиные табуны.

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 684. Л. 122–150, 155–225.

² Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX вв. Пятигорск, 1967. С. 84.

С другой стороны, экономическому развитию хуторского хозяйства мешал уравнительный порядок в пользовании земельными угодьями. Старозаимочные земельные участки сосредоточились в руках немногих лиц, а при распределении войсковой земли на пропорциональные участки, войсковые обыватели, имевшие большие стада, не могли поместиться на частных, в собственность полученных участках. Они, по Высочайшему положению, оплачивали войску огромные пространства пастбищ и сенокосов, которыми пользовались, по существу, на правах государственной аренды.

Войсковая администрация Черноморского казачьего войска с начала XIX в. предпринимала неоднократные попытки административно-правовым порядком как-то воспрепятствовать росту числа хуторских хозяйств. Одним из способов противодействия стало принятие решений войсковыми властями о запрещении офицерским семьям и малоимущим казакам обзаводиться хутором. Этот вариант решения проблемы оказывался эффективным лишь на непродолжительный промежуток времени, а затем всё возвращалось на круги своя. К тому же, запреты офицерским семьям и малоимущим казакам обзаводиться хутором подогревали социальное недовольство в отношении хуторских владений казачьей верхушки. Хуторские владения казачьей верхушки зачастую мешали станичным жителям пользоваться войсковой землей, ибо прав на нее у хуторян оказывалось гораздо больше, чем у станичников. Многочисленные хуторские поселения окружали кубанские станицы, большая часть последних имела выход в поле только в одну сторону, и «нередко бывало выносить плуг и косу в поле за десять вёрст»¹. Дело даже доходило до того, что некоторые кубанские станицы вынужденно арендовали у состоятельных хуторян земельные участки для последующего наделения ими казаков, проживавших в станицах.

Тем не менее, система хуторского земледелия признавалась юридически, и при всех издержках хуторское хозяйство приносило несомненную экономическую выгоду, ибо оно обеспечивало развитие главной отрасли в Черномории

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1701. Л. 30–31.

– скотоводства. Поэтому, несмотря на очевидные проблемы, порождаемые системой хуторского земледелия, многие государственные деятели считали необходимым оставить неизменным сложившееся положение вещей.

Ф.А. Щербина первым классифицировал кубанские хутора и выделил две основные группы: панские и куренные. Характерной особенностью «панских» земель являлось их причисление к юртам ближайших станиц, когда большие земельные участки граничили с наделами простых казаков, из-за чего часто возникали явно неравные ссоры и годами длились непростые судебные тяжбы.

Между тем войсковая канцелярия стремилась уплотнить существующие хутора с помощью подселения в них дополнительных переселенцев. И здесь также проявлялось неравное положение панских хуторов и куренных хуторов с учётом их совершенно разных экономических возможностей по приёму у себя дополнительных переселенцев. В результате, в этот список внесли 525 хуторов, из которых 144 хутора принадлежали чиновникам, 5 хуторами владело духовенство и 376 хуторов находилось в собственности казаков¹.

Первые масштабные попытки общего подсчёта количества хуторских хозяйств были предприняты в 1821 г. по распоряжению командира Отдельного Грузинского корпуса, управляющего по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии, генерала от инфантерии А.П. Ермолова. В результате мы сегодня имеем возможность представить общую картину о распространённости хуторских поселений на всей территории Черномории в привязке по каждому из наличествовавших куреней с их точным поименованием. Как следует из изученных нами окружных рапортов за 1821 г., всего насчитывалось 389 чиновничьих, 118 урядничих и 1256 казачьих хуторов².

«Панские» хутора – эти экономически мощные хозяйства являлись многоотраслевыми. Им не угрожала ликвидация со стороны войсковой администрации, т.к. там имелись значительные строения, плодовый сад, плотина и мельница. В хуторе могло начитываться до 200 голов рогатого скота и

---

¹ Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. ... С. 87.

² ГАКК Ф. 249. Оп. 1.Д. 797. Л. 6–12.

1000 овец¹. Во многих хуторах Черномории сложилась традиция по разведению плодовых садов. В результате из 1351 хуторов, насчитывавшихся в четырёх округах Черномории в начале 30-х гг. XIX в., 512 хуторов имели сформированные сады².

По критерию происхождения можно выделить три вида хуторов. Во-первых, по определению многодворные хутора, когда они возникали на выгодных местах в торговых и промысловых целях. Во-вторых, в основном изначально малодворные хутора, сформировавшиеся в результате переселения избыточного населения из станиц на дополнительно выделенные земельные участки. В-третьих, однодворные хутора («панские»), образовавшиеся на частновладельческих землях. Они возникали как результат предприимчивости отдельных лиц и разрастались по мере роста состоятельности первоначальных владельцев хуторов.

Войсковые власти проводили политику консолидации хуторских поселений и преобразования малодворных хуторов во многодворные. Ещё в конце XVIII в. предпринимаются первые попытки войсковой администрации по созданию вместо мелких, довольно разрозненных казачьих хуторов более крупных поселений. 3 августа 1799 г. наказной войсковой атаман Черноморского казачьего войска, генерал-майор Т.Т. Котляревский писал в войсковое правительство: «В проезд мой через Темрюкские гирла счёл я крайне необходимо нужным поселить при оных, по левой стороне течения их, селение на том самом месте, где уже прапорщик Демьян Поночёрный, равно и прочие старшины и козаки, зачали домостроительством обзаводиться, которое место для селения признано мною весьма удобное и во всём выгодное, как для желающих поселиться в оном жителей, так и пособием их обеспечена быть может приезжающим чрез оные гирла при случае Генералитетов и других больших господ, тоже по казённым и войсковым делам курьеров и прочих частных людей»³.

---

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 474. Л. 152.

² Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX вв. Пятигорск, 1967. С. 145.

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 732. Л. 12.

По статистическим данным 1855 г., в Черноморском казачьем войске было по отдельным округам следующее количество хуторов и зимовников: в Ейском округе числилось 798 хуторов и 16 зимовников; в Екатеринодарском округе имелось 1060 хуторов и 25 зимовников, в Таманском округе насчитывалось 1255 хуторов и 18 зимовников¹. Примечательны сведения из Памятной книжки Кубанской области на 1881 г.², в которой приводится численность хуторов по отделам и станицам Кубанской области с указанием количества лошадей, рогатого скота и овец, что характеризует развитие скотоводства и коневодства в хуторах.

Большое влияние кубанские хутора испытали в результате осуществления государственной политики по целенаправленному переселению на Кубань новых групп переселенцев из Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний Российской империи в течение 1809–1811 гг., 1820–1825 гг. и 1845–1850 гг. В итоге население Кубанской области к 1860 г. увеличилось более чем в 7 раз и составило 180 тыс. чел.³

В целом же, общей тенденцией, несмотря на разновекторное существенное влияние внешних и внутренних факторов, оставался заметный количественный рост кубанских хуторов. При этом в округах Черноморского казачьего войска хутора делили по критерию социальной принадлежности владельцев на три группы: чиновничьи, урядничие, казачьи. Эта классификация, наиболее полно отражает три тенденции в количественном росте кубанских хуторов и свидетельствует о наличии трёх основных социальных групп в казачьей среде, способных, безусловно, в разной степени обеспечить функционирование хуторской системы хозяйствования. Именно в преимущественном развитии многодворного хутора выказывала свою заинтересованность войско-

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1299. Л. 12.

² Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. ... С. 101.

³ Шевченко Г.Н. Социально-экономическое развитие Кубани в конце XVIII – первой половине XIX века // По страницам истории Кубани. Краеведческие записки. Краснодар, 1993. С. 71–78.

вая администрация, в том числе под воздействием высоких военных и гражданских чиновников, управлявших макрорегионом Кавказ и его отдельными частями от имени Российской империи.

4.2. Социально-экономическое обособление и административно-правовое положение кубанских хуторов

Первоначальное регулирование поземельных отношений на Кубани полностью основывалось на грамотах и указах российской императрицы Екатерины II, фиксировавших отведение земель черноморским казакам. Согласно первой грамоте, земля казакам передавалась в дар, как вечная потомственная собственность¹. Земля жаловалась Черноморскому казачьему войску, то есть общине, а вовсе не её отдельным членам. Причём, жаловалась земля в «вечное владение», а не в исключительную собственность, то есть без предоставления права распоряжения. Это был первый государственный акт, который устанавливал право собственности казачества на черноморские земли. Однако, казачество больше и чаще вначале своего проживания на Кубани руководствовалось устоявшимися традициями и обычаями, нежели действовавшим российским законодательством. Земельные порядки трактовали: вся земля Черноморского казачьего войска есть коллективная собственность всего войска, и порядок её использования определяется на основе давних казачьих обычаев. Казаки имели традиционные понятия о пользовании землёй. Неограниченные земельные захваты хуторов вызывали серьёзную обеспокоенность куреней.

Ситуацию в противостоянии куренных поселений и хуторов смягчило введение окружного гражданского суда. Созданный на основе «Порядка общей пользы» (1794 г.) окружной гражданский суд в основном сосредоточился на проблемах взаимодействия хуторов и куренных общин в области поземельных отношений. В результате произвольные захваты земельных угодий, являвшихся пожалованной войсковой собственностью, удалось приостановить.

---

¹ Щербина Ф.А. История земельной собственности у казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 90.

Первое мощное наступление на институт войсковой земельной собственности оказалось отражено с помощью его нормативного закрепления в пожалованных грамотах и с использованием административно-судебных процедур. Рядовая часть хуторян (казаки и урядники) не могли не признавать исключительность войсковой собственности на землю. В хозяйственных условиях, когда в куренях хватало свободной земли, добровольный возврат в станицы не казался рядовой части хуторян очень стесняющим их условием для наведения порядка в поземельных отношениях, поэтому они в основном обратно переселились в станицы, хотя далеко не все. Исключительное право на проживание в хуторах оставили только для панов-офицеров, но земельные угодья при этом ограничились скромными участками, непосредственно прилегающими к хуторам. Войсковые чиновники также были вынуждены сократить свои земельные аппетиты, без чего не представлялось возможным укрепить институт войсковой земельной собственности. Казалось бы, рядовая казачья масса выиграла в этом случае, поддержав исключительное право войсковой собственности на землю, а, соответственно, признав ведущую роль казачьей общины в распределении земельных дольностей. Однако оставшиеся хутора с жилыми постройками, фруктовыми садами, с прилегающими водными источниками и земельными участками стали точкой опоры для развития хуторского землевладения и землепользования.

Существование «нрава вольной заимки» и неизбежность введения регулирования поземельных отношений между общинами и хуторами Ф.А. Щербина прокомментировал следующим образом: «Обычай вольной заимки был первым по времени юридическим правилом, в силу которого возникали хуторские формы, и выражался он в полнейшей неотъемлемости заимщиков со стороны общины. При обилии пустующих земель члены общины приобретали хуторские заимки, где и как хотели. Случаи столкновения единичных интересов в общинах требовали регулирующих правил и ограничений. В простейшем

виде эти ограничения выражались в форме постановления общественных приговоров»¹.

Окончательное же закрепление жалованных казачеству прав на землю произошло при российском императоре Александре I. В его жалованной грамоте от 31 мая 1803 г. земельная собственность Черноморского казачьего войска характеризовалась следующим образом: «Населяемый сим (Черноморским) войском остров Тамань да будет в вечном и неотъемлемом владении оногo во всех тех пределах, которые по учинённому размежеванию ему представлены, и вследствие того все состоящие на всей земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли должны навсегда остаться в точном и полном распоряжении войска»².

Основной тип владения землёй определялся в грамоте императора Александра I как вольная заимка. Казачья старшина (панство) могла себе позволить завести на этих землях огромное хуторское хозяйство, располагала для ведения хозяйственной деятельности необходимыми орудиями труда, содержала большое количество рабочего скота и была обеспечена материально-финансовыми средствами для развития хуторского землепользования. Земельные участки вне пределов станичных юртов по большей мере принадлежали войсковым чиновникам и казачьим старшинам. Кроме того, казачьим старшинам предоставлялись существенные привилегии «яко вождям-наставникам и попечителям общих сего войска благ»³.

Ситуация в Черноморском казачьем войске с поземельными отношениями нуждалась в оперативном нормативном регулировании. Но войсковым властям гораздо легче было принять запретительные меры в отношении хуторов. Вот почему поступил строжайший приказ наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерала от кавалерии Н.С. Завадовского, на основании которого войсковая канцелярия направила по всем четырём войсковым

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. I. Гл. V. Хозяйственный быт и внутренняя жизнь черноморцев. С. 126.

² Короленко П.П. Черноморцы. СПб., 1874. Приложение 14.

³ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. СПб., 1858. С. 54.

округам 19 ноября 1839 г. распоряжение № 31256, где приказывалось упразднить хутора из-за ненадёжности хозяев и «помалозначенного» обзаведения, ибо там могли проживать только сами хозяева и не более того. К наступлению весны 1840 г. эти хутора подлежали ликвидации¹.

В условиях неурегулированности поземельных отношений, претензий войсковых властей к хуторянам, выделившимся из куренных обществ, казаки жаловались в вышестоящие инстанции вплоть до императора на сложности хуторского обустройства, которое как нельзя лучше соответствует их потребностям, возможностям несения службы и наличию заслуг. Административно-правовой прессинг наказного атамана Н.С. Завадовского и исполнительское чиновничье рвение войсковой канцелярии по ликвидации хуторов вызвали буквально поток жалоб. В фонде войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска Государственного архива Краснодарского края сохранилось архивное дело № 1229 «О ломке хуторов и переселении их владельцев в куреня», материалы которого нами впервые вводятся в научный оборот. Оно полностью состоит из жалоб казаков на неправомерные действия войсковых чиновников в отношении владельцев хуторов.

К примеру, возьмём типичную жалобу казака Екатеринославского куреня Алексея Никифоровича Трояна в 1838 г. «Всепресветлейший, державнейший великий государь император Николай Павлович, самодержец Всероссийский, государь всем. Просит Войска Черноморского конно-артиллерейской 10-й батареи рядовой куреня Екатеринославского Алексей Никифоров, сын Троян в следующем. Жительствуя постоянно собственным домом в курене Екатеринославском с давнего времени приобрёл милоствленными трудами рогатого скота более 70 голов, овец 400 голов, лошадей 3 шт., с коим в вышеупомянутый курень помещаться никак немочь, почему для содержания сего в 1828 г. выстроил так уже собственными трудами хутор с дозволения куренного общества, с расстоянием от куреня Екатеринославского в 8 верстах, который упрочен хорошей стройкой, садом по небезприпятственное жительство»².

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1229. Л. 1.

² ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1229. Л. 8.

Непосредственная реакция самого Н.С. Завадовского на жалобы отражена в том же архивном деле, где имеется запись, датируемая 22 февраля 1839 г., следующего содержания: «При переселении по распоряжению моему (т.е. ген[ерала] Завадовского) и войсковой канцелярии хуторов: одних по неблагонадёжности, а других по несостоятельности, теперь многие хозяева оных, являясь ко мне, жалуются, что они, после как были назначены к переселению, обзавели себя прочно, много скота и овец»¹.

Перенесённые на Кубань черноморскими казаками общинные порядки в области поземельных отношений со временем перестали соответствовать складывавшейся реальной ситуации в закреплении землевладения и организации землепользования. Казачьи традиции и обычаи оказывались недостаточными для урегулирования поземельных отношений, требовалась дополнительная нормативная регламентация. К тому же, численность Черноморского казачьего войска значительно возросла, да и пожалованная территория являлась немаленькой, а Российское государство остро нуждалось не только в усилении военной организации, но и в существенном наращивании потенциала войска в целях дальнейшего освоения приобретённых земель. Хутора же создавались, прежде всего, представителями командного состава Черноморского казачьего войска. Поэтому любая попытка нормативного регулирования не могла не учитывать интересы войсковых чиновников и командиров.

В 1842 г. выходит «Положение об управлении Черноморского казачьего войска»², в котором земля по-прежнему объявлялась общеказачьей коллективной собственностью. Но реальное землепользование уже не отвечало фиксируемому равноправию казаков на землю. Положение фактически закрепило сложившееся землевладение казачьей верхушки. Оно ознаменовало собой переломный момент в утверждении частного землевладения, в укреплении индивидуализированного права на земельные участки в Черноморском казачьем

---

¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1229. Л. 43.

² Положение о Черноморском казачьем войске. Утверждено императором Николаем I и вступило в силу 1 июля 1842 г. СПб., 1842.

войске при наличии войсковой собственности на землю. Представление об общинной природе казачьего землепользования столкнулось с индивидуализированной частной собственностью хуторян, причём, их позиции оказались сильнее, что опосредованно признало Положение при определении размеров земельных участков.

Государство определило «меру поземельных довольствий» (порядок распределения земельных наделов) в Черноморском войске и установило по образцу «Положения об управлении Донского Войска» от 26 мая 1835 г. нормы пожизненного землепользования «служащим и отставным: генералу тысяча пять сот десятин, штаб-офицеру четыреста и обер-офицеру по двести десятин, нижним чинам по тридцати десятин на душу»¹.

В Положении (§ 455) имелась существенная оговорка, когда наряду с предоставлением земельных участков генералам, штаб-офицерам и обер-офицерам в пожизненное пользование, они получали землю на основе «общего станичного права». Иначе говоря, им отводилось $2/3$ от установленных норм из числа пахотных и сенокосных угодий, а $1/3$ оставалась в общем станичном пользовании в качестве пастбищ. В отношении рядовых казаков распределение производилось следующим образом. Вначале определялась площадь общего юртового земельного довольствия станицы, а затем земля распределялась по мужским душам на отдельные земельные пай. Земельный надел-пай предоставлялся казаку не на основе права частной собственности на землю, а лишь на правах пользования и частичного распоряжения ею. Как правомерно отмечали Е.Д. Фелицын и Ф.А. Щербина при комментировании введённых норм Положения 1842 г.: «Земля отдавалась в таком размере дворянству [или, как говорили в те исторические времена на Кубани, панству. – *авт.*] только в пожизненное пользование, т.е. до тех пор, пока не умирал последний из живых

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение о Черноморском казачьем войске. 1 июля 1842 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XVII. Отд. 1-е [1842 г.]. СПб., 1843. Ст. 15809. § 453.

наследников лица, получившего в пользование участок»¹. Тем не менее, Положение 1842 г. имело большое значение для правового упорядочивания казачьего землевладения. При отводе земельных участков теперь придерживались установленных данным нормативно-правовым актом норм земельного довольствия. Поэтому всякий новый земельный захват уже становился правонарушением, а соответственно подлежал устранению. Однако реализовать данную правовую норму оказалось не так просто, поскольку требовалось проведение нового размежевания ранее уже поделённых войсковых земель.

Принятый российским правительством порядок распределения земельных наделов без согласования с атаманом Кавказского линейного войска фактически «нарушил казачью равноправность на землю»². Первое «Положение о кавказском линейном казачьем войске» утверждается только лишь 14 февраля 1845 г.³ Согласно Положению 1845 г., вся территория Кавказского линейного войска делилась на 17 полковых округов, а Главное войсковое управление учреждалось в г. Ставрополе.

Общая численность Кавказского линейного казачьего войска после принятия Положения 1845 г. возросла до 90 тыс. человек. Каждой сотне из указанных полков примерно соответствовала одна казачья станица. Главной задачей существования войска являлась «охрана Кавказской линии от набегов и вторжений горских народов и участие в военных экспедициях». Каждому из 17 названных полков отводились земельные участки по норме, установленной еще генералом от инфантерии А.П. Ермоловым. Положение 1845 г. также определяло в административно-правовом порядке перенос в течение двух лет тех казачьих хуторов, что входили в состав юртов не своих станиц. Однако этот порядок, установленный рассматриваемым нормативно-правовым актом, так и не был соблюден, а остался лишь на бумаге.

---

¹ Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Сборник кратких сведений о войске / Изданный под редакцией действительного члена Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицына. Воронеж, 1888. С. 99–100.

² История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. В 2-х ч. Тифлис, 1900. (Гл. 2. Положение о Кавказском линейном войске). С. 347–348.

³ Положение о Кавказском линейном казачьем войске. [Утверждено императором Николаем I и вступило в силу 14 февраля 1845 г.]. СПб., 1845.

Согласно § 404 Положения 1845 г., «мера поземельных довольствий определяется в Кавказском линейном казачьем войске следующая: 1) В полках правого фланга Кавказской линии: 1 и 2-го Кавказских, 1 и 2-го Кубанских, 1 и 2-го Лабинских, 1 и 2-го Ставропольских, и 1 и 2-го Хопёрских – штаб-офицерам по 300 десятин, обер-офицерам по 60 десятин и нижним чинам по 30 десятин на душу. 2) В полках центра: а) 1 и 2-го Волгских и Горском – штаб-офицерам по 300 десятин, обер-офицерам по 60 десятин и нижним чинам по 30 десятин на душу; б) в Владикавказском – штаб-офицерам по 300 десятин, обер-офицерам по 60 десятин и нижним чинам по 15 десятин на душу; в) в Моздокском – штаб-офицерам по 400 десятин, обер-офицерам по 100 десятин и нижним чинам по 50 десятин на душу. Из сего исключаются станицы: Курская и Луковская, отчисленные от Горского полка в Моздокский. Казаки сих станиц наделяются по 30 десятин на душу. 3) В полках левого фланга линии: Гребенском и Кизлярском – штаб-офицерам по 400 десятин, обер-офицерам по 100 десятин, а нижним чинам: в Гребенском – по 36 десятин, а в Кизлярском – по 21 десятине. В Кизлярском полку недостаток поземельных довольствий заменяется выгодами от промышленности: виноделия и садоводства»¹. Количество земель по правовым нормам § 405 зависело от полкового округа, определяемого § 5, и фиксировалось в особом расписании, приводившемся в первом и втором приложениях к Положению 1845 г. Иначе говоря, станичное самоуправление к распределению поземельных довольствий практически отношения не имело.

Поскольку землеустройство линейных казаков всецело зависело от военно-административных распоряжений войскового начальства и предопределялось наличием военной опасности, то хуторов здесь образовывалось гораздо меньше, чем в Черномории. При этом тот же наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска, генерал-лейтенант С.С. Николаев в течение более чем одиннадцатилетнего управления линейным войском вплоть до самой своей смерти на этом посту (31 октября 1837 г. – 16 февраля 1849 г.) проявлял

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение о Кавказском линейном казачьем войске. 14 февраля 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XX. Отд. 1-е [1845 г.]. СПб., 1846. Ст. 18739. § 404.

исключительную заботу о внутреннем благоустройстве войска, не забывая о чёткой строевой организации всех подчинённых ему действующих частей.

В 1860 г. учреждается Кубанское казачье войско и формируется Кубанская область с территорией площадью свыше 81 тыс. кв. км. С 1861 г. развивается заселение предгорий Северо-Западного Кавказа казаками образованного Кубанского войска.

«Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России»¹, утверждённое 10 мая 1862 г., внесло существенные коррективы в правовое регулирование поземельных отношений на Кубани. Из описания его нормативных установлений следует, что вводилось индивидуальное наследственное владение выделенными земельными участками без предварительного согласия казачьей общины. Устройство новых кубанских хуторов, правда, требовало вначале принятия приговора станичного сбора, но эти приговоры опять-таки утверждались войсковым начальством. Право собственности на землю ограничивалось лишь условием невозможности перехода к лицам невойскового сословия². При наличии государственной поддержки индивидуальных форм землевладения и землепользования в Закубанье станичный сход вряд ли бы выступил против заведения хутора, когда жизнедеятельность линейцев и так достаточно строго регламентировалась в военно-административном порядке. Особые правила в землепользовании в районах Закубанья устанавливались для разведения садов и лесных рощ. Насажённые сады и лесные рощи находились в пользовании своих владельцев, но занимаемая насаждениями земля в правовом отношении оставалась собственностью станичного общества.

Как гласил § 136 Положения от 10 мая 1862 г.: «Если кто из местных жителей, офицеров или казаков, имея на казачьей земле хутор или усадьбу в

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38256.

² Иваненко Н.С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель // Известия общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). Екатеринодар, 1902. Вып. 3. С. 117–133.

станции, а также сады, рощи, мельницы и другие хозяйственные заведения, пожелал бы приобрести в свою собственность землю, этими заведениями занимаемую, или им обработанную не более однакоже пропорции, определённой по званию его, то она исключительна, без всякой конкуренции и аукциона, продаётся хозяевам усадеб и никак не выше нормальной цены, во уважение тех затрат и трудов, какие на таковую землю им положены»¹.

Высочайше утверждённое 21 апреля 1869 г. российским императором Александром II мнение Государственного Совета «О поземельном устройстве в казачьих войсках» установило три основные категории войсковых земель. К первой категории войсковых земель относились юртовые станичные земли («на отвод станицам»), то есть для наделения казаков земельными паями, согласно принятой пропорции. Во вторую категорию войсковых земель входили земельные участки, получаемые офицерами и войсковыми чиновниками за выполнение обязанностей воинской и иной службы («на надел генералов, штаб- и обер-офицеров и чиновников войскового сословия»). В третью категорию войсковых земель зачислялись общевойсковые расходные и запасные земли («на разные войсковые надобности»)². Три категории войсковых земель сохранялись до установления советской власти на Кубани.

Казачьи офицеры и чиновники после своего выхода в отставку получали землю в потомственное владение. Наряду с нормативно введённым паевым земельным довольствием (по 30 десятин на душу), данным актом (в соответствии с пунктом 8) разрешалось устройство новых хуторов и посёлков: «Заведение новых хуторов и посёлков в пределах станичных юртов дозволяется по

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38256. § 136.

² О поземельном устройстве в казачьих войсках. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета. 21 апреля 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1-е [1869 г.]. СПб., 1873. Ст. 46996.

приговорам полных станичных сборов, с утверждением войскового начальства»¹. Особые правила вводились для разведения фруктовых садов и лесных рощ, хотя в главном своём нормативном требовании они повторяли установления «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», утверждённого 10 мая 1862 г., когда насаженные сады и лесные рощи находились в пользовании своих владельцев, но занимаемая насаждениями земля в правовом отношении оставалась собственностью станичного общества.

Наконец, «Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск»², Высочайше утверждённое 23 апреля 1870 г., стало законодательной основой для введения в действие вышеуказанной нормы Положения 1842 г., согласно пункту 2 нового нормативно-правового акта, хотя с некоторыми особенностями. В обозначенном пункте читаем: «Размер поземельного надела определяется: а) произведённым на службе: генералам – по тысяче пяти сот, штаб-офицерам – по четыреста и обер-офицерам – по двести десятин каждому; б) произведённым при отставке: генералам – по восьми сот, Войсковым старшинам – по триста и хорунжим – по сто десятин каждому; в) офицерам гвардии – наравне с соответствующими войсковыми чинами; г) классным чиновникам не ниже IV класса – наравне с генералами, не ниже VIII класса – наравне с штаб-офицерами, а остальным – наравне с обер-офицерами»³.

Отведённые генералам и офицерам земельные участки передавались им в потомственную собственность. Ими могли владеть, как настоящие владельцы, так и те, кому они передались. Подчеркнём, земельные участки жаловались генералам и офицерам взамен пенсионного обеспечения в денежной форме.

---

¹ О поземельном устройстве в казачьих войсках. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета. 21 апреля 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1-е [1869 г.]. СПб., 1873. Ст. 46996.

² Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск. 23 апреля 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 1-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48275.

³ Там же.

Выделение указанных земельных участков производилось из общей площади земель станичных юртов, в которых под офицерские участки могла отводиться только 1/10 часть общего земельного довольствия станицы. На разведение садов и лесных роцц при хуторах и в станицах полагалось передавать в собственность чиновников не более 5 десятин земли, и эти целевые земельные площади не принимались в расчёт при определении размеров потомственных земельных участков.

Вместе с тем, согласно Положению от 23 апреля 1870 г., допускалось дальнейшее развитие частной собственности на землю и официально, правовым порядком разрешалось поселение на территории Кубанского и Терского казачьих войск лиц невойскового сословия. Положение 1870 г. внесло юридические изменения в существовавшие формы казачьего землевладения. Наряду с общинной собственностью на земельные участки однозначно закреплялась личная, потомственная собственность на землю. Все эти законодательные нововведения, а также обилие на Кубани свободных земель вызвали мощный миграционный поток иногороднего населения в южно-российский регион. Население Кубанской области в период с 1861 по 1904 гг. увеличилось на 1855 тыс. чел. Основной прирост в количестве 1237,5 тыс. чел. пришёлся на долю переселенцев, численность которых возросла за указанный промежуток времени в 237 раз (с 5243 до 1 242 750 чел.)¹.

Таким образом, несмотря на определённые коллизии, в итоге осуществлённого правового регулирования российское государство закрепило исключительный правовой статус общины как основного распорядителя юртовой станичной земли и сословные права казака на казачий земельный надел-пай. К числу указанных прав относились: право на проведение переселения хуторов; право на осуществление их сноса при определённых обстоятельствах; право на изменение размеров используемых хуторами земельных наделов в натуре; право на установление налогообложения хуторов и право на введение

---

¹ Петров В.И. Освоение территории Кубани и население Кубанской области во второй половине XIX века // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы восьмой междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. Армавир, 2012. С. 100.

прочих ограничений в порядке землепользования хуторов. Как видно из обобщённых приговоров общин, со стороны хуторов наблюдались перегибы с обеспечением индивидуальных прав хуторян в ущерб интересам казачьих общин, станичных обществ, поэтому они использовали в отношении хуторов императивные средства и сложившийся разрешительный тип нормативного регулирования жизнедеятельности кубанских хуторов.

Вместе с тем, в приговорах общин отчётливо прослеживается расширительное нормативное толкование общественных интересов в целях притеснения хуторов в порядке землепользования. Заметим, что общины располагали действенным санкционным, административно-правовым механизмом в достижении своих целей в отношении хуторов. Так, требование об обязательном исполнении принятых ими приговоров подкреплялось вероятностным начислением штрафов, обеспечивались обращениями станичных обществ к вышестоящему начальству.

Однако, глобального, массового противостояния между хуторами и общинами не наблюдалось, ибо и общины, и хутора являлись, образно говоря, птенцами из одного гнезда, имя которому казачье землевладение и землепользование. Сами общины создавали хутора для освоения пустующих земель, да и за счёт средств хуторов решались многочисленные общественные задачи. Кроме того, существовала реальная возможность при значительном увеличении численности казаков присоединить такой разросшийся кубанский хутор к уже существующим населённым пунктам, и хуторяне зачастую сами шли по этому пути. На основе обустроенного кубанского хутора нередко создавался новый населённый пункт.

В начале XX в. основная часть земельных площадей, находилась в составе станичных (юртовых) земель, то есть составляла 78,4% земельного фонда Кубанской области¹. Фактическое землевладение казачьей старшины заведомо превышало рассмотренные нормы, причём, земли ей принадлежали лучшие

---

¹ Титоренко М.Ф. Из истории землепользования у кубанских казаков. URL: <http://slavakubani.ru/agriculture/history-of-land-relations/iz-istorii-zemlepolzovaniya-u-kubanskikh-kazakov/> (дата обращения: 14.07.2016).

земельные участки на исключительных правах потомственной и пожизненной собственности.

Важным общегосударственным актом, определившим землеустройство в России по форме и содержанию, явилось «Положения о землеустройстве», утверждённое 29 мая 1911 г.¹ Данный законодательный акт послужил правовой основой для оформления прав на приобретаемые земельные участки. Это являлось актуальной проблемой для Кубани, поскольку здесь шёл процесс освоения новых земель, прежде всего, за счёт переселявшихся жителей из Центральной России. Кроме того, урегулированные вопросы межевания земельных участков позволяли Крестьянскому Поземельному Банку приобретать земли и на условиях кредитования предлагать их крестьянству².

В высших органах власти Российской империи неоднократно обсуждался вопрос о распространении на казачество правовых норм столыпинского законодательства: Указа от 9 ноября 1906 г. и закона от 14 июня 1910 г., направленных на утверждение индивидуального землепользования. Как отмечал в этой связи И.Е. Гольдентул: «По мнению Думы, военному министру необходимо принять меры к применению Положения о землепользовании в казачьих войсках с тем, чтобы перейти к подворному владению, а подворные и отрубные участки, которыми казаки пользовались на общинном праве, передать им в собственность»³. Однако Военное ведомство нисколько не спешило с решением вопросов реформирования казачьего землепользования. Здесь остановились лишь на введении ограничений на право станичных обществ противодействовать образованию новых хуторов. Впрочем, повернуть вспять процесс развития хуторских хозяйств на Кубани община не могла. Закон 1911 г. давал право на отчуждение общинных земель при образовании хутора с помощью процедуры голосования. Российским государством поощрялось образование

---

¹ Закон о землеустройстве 29 мая 1911 г. и изданный на основании сего закона Наказ землеустроительным комиссиям от 9 июня 1911 г. Бесплатное приложение к «Известиям Главного Управления Землеустройства и Земледелия». СПб., 1911.

² Мушегян С.В. Особенности землеустройства на Кубани // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 373–374.

³ Гольдентул И.Е. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Краснодар, 1924. С. 31.

хуторских хозяйств, и они признавались наиболее лучшей формой землеустройства. К тому же, одной из составных частей аграрной Столыпинской аграрной политики являлась организация переселенческого движения, что не могло сказаться на увеличении количества переселенцев на Кубани. Процесс правового регулирования землеустройства оказался прерван Великой войной (1914–1917 гг.). Заметим, что, в целом же, столыпинское аграрное законодательство на казачьи земли не распространялось, но Кавказской администрацией предпринимались неоднократные попытки хотя бы частичного его применения на подведомственной территории.

Итак, в развитии кубанских хуторов, наблюдались пять векторов исторической эволюции. Во-первых, кубанский хутор стал значительно более благоустроенным, нежели в начале переселения запорожских казаков, и отмечалось его заметное хозяйственное обрастание. Во-вторых, часть кубанских хуторов, которые не смогли отстоять свою социально-экономическую самостоятельность, ликвидировались: или по воле высокого начальства, или же по инициативе станичных (куренных) обществ. В-третьих, сокращение количества свободных земель в прикубанских степях и проводившееся размежевание земельных угодий вынуждали отводить земельные участки далеко от месторасположения хутора. Это естественным образом подталкивало людей к дальнейшему переселению, причём многие станичные общества поощряли этот процесс оказанием хозяйственной помощи, выдачей денежных средств, выделением зерна из общественных станичных фондов. В-четвёртых, по мере экономического развития Кубанской области существенно расширились арендные отношения хуторян с прибывавшим иногородним населением. В-пятых, хуторской повседневностью стали затяжные споры хуторян со станичными обществами по поводу отделения хуторов.

4.3. Хозяйственно-культурный уклад хуторян: артефакты и интерпретации

Разнообразие и обилие земельных и лесных угодий на осваиваемых территориях Кубани, их естественные, природные богатства способствовали развитию хозяйственной деятельности казачьего населения в создаваемых кубанских хуторах. Причём, занятие земледелием для казаков представляло собой предмет насущного повседневного труда, а вовсе не получения денежного богатства. На своих земельных участках они возделывали достаточно широкий перечень сельскохозяйственных культур: пшеницу, ячмень, овёс, лён, просо, коноплю, рапс (его позже заменили подсолнечником). В системе хуторского земледелия применялись простейшие севообороты. В качестве сельскохозяйственных культур для поддержания такого севооборота кубанские земледельцы непременно использовали: фасоль, горох, чечевицу, мак. В каждом казачьем домовладении стремились развести фруктовый сад (как говорили, посадить родючего дерева), у отдельных хозяев имелась своя пасека.

Хуторяне из числа запорожских казаков во многих своих делах уповали на Бога, и часто молились в надежде на ниспослание божественной помощи. Для того чтобы себя прокормить и создать кое-какой запас на случай неурожайного года, каждая семья кубанских хлеборобов должна была трудиться с раннего утра до позднего вечера. Ранней весной, в марте-апреле, земледельцы начинали тяжёлую по своему напряжению распашку земельного клина, отведённого под яровые культуры, а затем и под озимые культуры. Посев возделываемых сельскохозяйственных культур долгое время производился исключительно ручным способом.

На текущий сезон осуществления сельскохозяйственных работ, чтобы добиться желаемого урожая, казачьи семьи переселялись жить в поле. Они располагались в примитивных временных жилищах, без всяких удобств, ибо в те времена об этом мало кто заботился¹. Более зажиточные казаки строили хаты

---

¹ Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск, 2016. С. 46.

и иные хозяйственные постройки, в том числе для содержания рабочего скота. В разгар проведения сельскохозяйственных работ в кубанских хуторах (равно как и в станицах) оставались на хозяйстве одни только старики, да ещё больные люди. Даже детей обычно забирали с собой в поле, где они находились вместе со своими родителями и по мере возможности помогали им в нелёгком хлебоборбском труде. Во второй половине мая традиционно начинался сенокос, когда важно было своевременно заготовить сено для прокорма домашних животных в холодное время, поздней осенью и зимой. Сено вручную косили мужчины, а подбирали с помощью ручных орудий труда (деревянных граблей и вил) и сушили его преимущественно женщины. Половозрастное разделение труда превратилось в культурно-хозяйственную традицию хуторских казаков на Кубани.

Производимое большое количество молока на хуторах подлежало разной степени переработки и последующего потребления кубанскими хуторянами. Как описывал Ф.А. Щербина свои впечатления об этом процессе при посещении хутора Г.Л. Миргородского, «меня особенно интересовало и часто забавляло потребление молочных продуктов в двух видах – в виде сыра, как называли черноморцы собственно творог, и сыворотки. Творога, особенно весной и летом, на хуторе было так много, что его буквально некуда было девать; не в силах были потреблять его в виде вареников, сырников и пирожков вся семья Миргородского, вся прислуга при ней и огромный штат наёмных рабочих»¹.

Длительное время земледелие в кубанских хуторах играло вспомогательную роль. Преобладавшая на Кубани заимочная форма землевладения и землепользования, о которой ранее мы уже писали, отвечавшая хозяйственно-экономическим интересам владельцев хуторов, не способствовала эффективному земледелию. Отсутствие чёткого размежевания земельных участков в большей мере отвечало возможностям экстенсивного животноводства, нежели земледелия. Беспорядочное землепользование приводило к быстрому истощению

---

¹ Щербина Ф.А. Собрание сочинений. Т. 3. С. 353.

почвы, а постоянное распахивание всё новых и новых участков требовало гораздо больших усилий, по сравнению с разведением скота. Всё это в совокупности с низким уровнем развития агротехники не обеспечивало высоких урожаев. По красноречивой характеристике В.А. Голобуцкого, территория Черномории в 40-е гг. XIX в. представляла собой довольно унылую и совершенно безрадостную картину¹.

Хуторское хозяйство, как правило, располагалось на относительно небольшом расстоянии, примерно 10–20 вёрст от станицы. По архивным материалам узнаём, например, что собой представляла в 1862 г. самая богатая в приазовских окрестностях усадьба казака Я. Филиппова-Воловина, хутор которого находился в 10 верстах от станицы Стародеревянской при Албашевском лимане². Центральной постройкой казачьего хутора являлся хозяйский жилой саманный дом, состоявший из одной жилой комнаты («дом из самана об одном покое»), кладового помещения и сенцев. В доме имелся добротный тёплый потолок турлучно-древесного типа («дощатый настлан камышом»). В жилище наличествовало трое дверей: одни двери вели прямо с улицы в сенцы, вторые двери открывали вход из сенцев в основное жилое помещение и третьи двери позволяли из сенцев попасть в кладовку. Крыша хозяйского жилого дома была покрыта камышом. Основными хозяйственными строениями хутора являлись: новая будка, сооружённая на столбах, а также новый навес, зафиксированный на столбах и покрытый камышом. Состоятельность хозяина кубанского хутора подчёркивала ветряная мельница³.

Рядовые хуторяне по определению не были жёстко привязаны к земле прочными отношениями исключительной частной собственности, выделяемые им земельные участки находились в долговременном пользовании, и, вместе с тем, на новых осваиваемых территориях Кубани хуторяне практически не оставались без земельных наделов для ведения своего хозяйства. В силу этих особенностей наличествующих поземельных отношений, сформировался

---

¹ Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956. С. 231.

² Описание и оценка усадеб урядников и казаков станицы Стародеревянской, идущих на переселение за Кубань в 1862 г. // ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 637.

³ ГАКК Ф. 252 Оп. 2, Д. 637, Л. 83.

простейший имущественный комплекс, никак не затруднявший дальнейшее их передвижение по осваиваемой территории. Традиционную казачью охоту к перемене мест не сдерживало даже жильё, которое сводилось к турлучной хате – мазанке¹, а у некоторых хуторян долгое время и такого жилья вообще не бывало, поскольку проживали в землянках.

В монографиях С.Д. Багдасарян и Н.А. Гангур подробно описано турлучное жильё, характерное для кубанских хуторов, равно как и саманные дома². Саманные жилые постройки сооружались из крупного сырцового кирпича, изготовленного вручную из смеси глины, соломы, навоза, половы³. Причём, саманные кирпичи скреплялись между собой специальным глиняным раствором, в который для крепости могли добавить иные составные части, прежде всего, песок, добываясь также необходимой эластичности раствора, в зависимости от степени жирности глины. Возведённые из самана стены также обмазывались с двух сторон глиняным раствором, а после высыхания они забеливались, хотя это делалось не всегда, и во многом это зависело от желания и материальных возможностей хозяина.

Во многих кубанских хуторах в качестве постоянного жилья возводились также литые и/или вальковые дома. Литые дома строились путём ручной забивки подготовленного вязкого глиняного раствора в заранее сооружённую деревянную опалубку необходимых размеров, устроенную на земляной площадке, выбранной хозяином под строительство дома. После окончательного затвердевания глины, деревянную опалубку просто разбирали. А далее готовые стены выравнивались глиняным раствором, как и в случае с турлучными

---

¹ Примечательно, что донские казаки из верхне-донского хутора Грачёв мазанкой называли грязнулю. Там гутарили так: «Ана мазанка, грязнуля» (Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18000 слов и устойчивых словосочетаний. М., 2003. С. 27).

² Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015. С. 117–118, 118–120; Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества. Краснодар, 2009. Т. 1. С. 188.

³ Так саман определяется в целом ряде изданий. См.: Большой толковый словарь донского казачества... С. 470; Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион. С. 206; Семенцов М.В. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения (13). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Материалы Северо-Кавказской науч. конф. Краснодар, 2007. С. 109.

хатками. Однако вальковые дома при наличии каменного фундамента и постоянного ежегодного ухода за состоянием постройки оказывались прочнее и теплее, нежели турлучные.

Н.Н. Филиппов в своих записках оставил любопытные воспоминания о черноморских хуторах. «Обыкновенно хутора эти, – отмечает автор, – принадлежащие казакам и войсковым чиновникам, т.е. офицерам, с неизменными своими белыми мазаными стенами, крытыми большими соломенными или камышовыми крышами, которые издали легко смешать с такими же высокими стогами сена, разбросанными по степи поблизости станицы. С приближением к ней, хутора всё более сближаются друг с другом, и самая станица представляет довольно оригинальную смесь, без всякого порядка рассеянных хуторов, со всеми их принадлежностями, т.е. с бесчисленными стогами сена, бурьяна и камыша. Между этими хуторами нет определённых улиц и площадей, но расстилаются вместо того огромные неправильные пустопорожние пространства, покрытые, то густым и колючим бурьяном, то непроходимой грязью. В ином месте хаты сбиты в кучу, а вдали от них на юру стоят одинокие хаты, открытые со всех сторон»¹.

Сторонний наблюдатель обратил внимание на наличие двух видов хуторов: хуторов рядовых казаков и хуторов казачьих офицеров, и, хотя найти сразу заметное отличие между ними сложно, но Н.Н. Филиппов постарался описать офицерский хутор, обращая внимание на примечательные детали хуторского хозяйства. Своё описание офицерского хутора он начинает с представления хозяйского жилого дома, затем переходит к выяснению деталей двора усадьбы, указывает на типичные хозяйственные обзаведения, пишет о достаточно старинных орудиях труда, мимоходом сообщает о прилегающем огороде с характерной посадкой огородных культур, потом переходит к усадебному фруктовому саду.

---

¹ Филиппов Н.Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. СПб., 1857. С. 86.

«Хутора казаков и офицеров, – отмечал Николай Николаевич, – почти не различаются между собой. Офицерский хутор обыкновенно состоит из небольшой одноэтажной, с маленькими окнами, хаты с выбеленными стенами, и покрытой толстым слоем, ровно разложенного и ровно обрезанного по краям, камыша. На крыше – одна или две трубы, сплетённые из хвороста и обмазанные глиной. С фасада хаты отделяются поступью или выступом, это таким образом называемое крылечко на двух столбиках с камышовой кровелькой. Над входом в неё развешаны для сушки связки, красного как коралл, стручкового перца и съёжившихся яблок. Небольшой двор перед хатой обнесён земляным или камышовым забором. Большая часть двора занята огромными стогами сена и бурьяна, запасённого на зиму и правильными кучами просушенного кизяку. Под камышовым навесом одна или две телеги, да скудные земледельческие орудия – малороссийский неуклюжий плуг, устройство которого ничем не улучшилось со времени скифов, да грубо устроенная борона. Далее за навесом и стогами вскопано несколько чернозёмных грядок, засаженных капустой, стручковым перцем, да ещё кое-какой зеленью. Несколько яблонь и груш или абрикосовых деревьев довершают незатейливое хозяйство хуторянина»¹.

В описаниях хутора Н.Н. Филиппов подчёркивает приверженность черноморских казаков строить хутор на берегу речки или пруда, чтобы у хозяина хуторского владения всегда была возможность поудить рыбу, ибо именно рыба составляет настоящее богатство Черноморья. Наряду с рыболовством, хуторские черноморские казаки, по свидетельству Н.Н. Филиппова, занимались земледелием, причём, он наблюдал и элементы огородничества, и хлебопашества, а также в небольших масштабах разведённое скотоводство. «Около двора с его крышами, стогами и вербами, составляющими тесную кучку посреди гладкой степи, – пишет путешественник, – небольшой участок, занятый баштаном, на котором расстилаются по земле своими плетеобразными зелёными стеблями и широкими, как лапы, листьями арбузы, дыни, тыквы, ка-

---

¹ Филиппов Н.Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. СПб., 1857. С. 87.

бачки, огурцы, и между ними возвышаются огромные подсолнечники с растопыренными как крылья листьями. Другой участок занят посевом ржи и пшеницы, далее в степи пасётся несколько штук овец, принадлежащих тому же хуторянину»¹.

Первоначально казачий хутор на Кубани состоял, как правило, из однокомнатного плетнёвого дома турлучного типа, имевшего всего лишь одно жилое помещение. Вторым, но не отапливаемым и нежилым помещением в таком жилом доме служили сенцы как входная часть в плетнёвый дом, выполняявша, с одной стороны, роль теплового (ветрозащитного) тамбура, а, с другой стороны, использовавшаяся в хозяйственных целях для хранения продуктов питания и различной домашней утвари, а также части временно не носимой одежды. На полках в сенцах размещалась масса всевозможных вещей, и, как говорится, там было практически всё, разве не доставало только «чёрта лысого» Третьим помещением в плетнёвом доме являлась небольшая кухня, где осуществлялось приготовление пищи, прежде всего, в осенне-зимний период, а в летнее время пользовались дворовой печью.

Ранние кубанские хутора располагали амбаром, представлявшим собой отдельно стоящее большое холодное складское строение прямоугольной формы с двускатной крышей турлучного типа, или сооружённое из дерева. Амбар предназначался в хуторском хозяйстве для хранения собранных запасов зерновых и других сельскохозяйственных культур. Внутри амбары, в зависимости от насущных потребностей хуторянина, делились на отделения, называемые засеками. Кроме того, в ранних кубанских хуторах у хозяев также имелся в распоряжении сарай прямоугольной формы с такой же двускатной крышей того же турлучного или деревянного типа, меньших размеров, чем амбар, спектр хозяйственного использования которого оставался достаточно широким: от содержания домашних животных до хранения домашней утвари, не помещавшейся в плетнёвом доме.

---

¹ Филиппов Н.Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. СПб., 1857. С. 87.

Со временем кубанские хутора стали разрастаться, как по количеству имеющихся домовладений, так и по численности самих хуторских поселений. В архитектурно-планировочном отношении хутора обычно формировались в идущую в одном каком-нибудь направлении улицу, если жителей в хуторе было мало, или же хутора расстраивались на несколько прямых улиц, когда численность населения заметно увеличивалась¹.

В жилищах хуторян западных, да и восточных районов Кубани достаточно отчётливо прослеживались традиции населения степных районов мало-российских губерний, что обуславливалось единым этническим составом черноморского казачества, проживавшего не только в западных районах Кубани, но и проникавших далее, в западные территории региона.

Описание большого хуторского дома приводит в своих воспоминаниях Ф.А. Щербина, когда он делится впечатлениями о пребывании на хуторе Г.Л. Миргородского. Как подчёркивает известный кубанский исследователь, «по удобствам казачьей и притом хуторской жизни, какие преобладали в то время в Черномории, я попал в лучшее по обстановке помещение, в каком не приходилось мне жить. Тогда в домашней казачьей обстановке не было ещё ни электричества, ни газового освещения. На столе горела небольшая керосиновая лампочка, и стояли две сальные незаезженные свечи в медных подсвечниках. Медные подсвечники считались также предметами роскоши, а сальные свечи у всех были свои, самодельные, и приготавливались едва ли не в каждом дворе из лоя [топлёного сала. – авт.]. Я разделся и с удовольствием улёгся в чистой и мягкой, чуть ли не из пуха, постели, на какой я не спал ещё в своей жизни. Матрацев или тюфяков не было ещё в употреблении и тогда в Черномории, хотя и были «сенники» и «соломенники» – нечто вроде огромных мешков, набитых сеном или соломой»².

---

¹ Гангур Н.А. Материальная культура кубанского казачества. В 2-х т. Краснодар, 2009. Т. 1. С. 129.

² Щербина Ф.А. Собрание сочинений. Т. 3. С. 350.

В разраставшихся кубанских хуторах множилось и количество хозяйственных построек, отличавшихся по размеру, форме и хозяйственному предназначению. Наиболее распространёнными, помимо амбара, являлись три вида хозяйственных построек: повети, сараи и будки¹.

В кубанских хуторах немаловажное значение придавалось школьному образованию хуторских детей. В этой связи весьма примечателен общественный приговор № 56 жителей хутора Болгова от 20 мая 1908 г. В нём жители просят открыть «министерскую школу», «так как дети хуторян остаются совершенно без всякого образования, ввиду того что церковно-приходская школа, которая удовлетворяла запросы хуторского населения закрыта за неимением средств». Хуторяне пришли к общему мнению, «не жалея средств распространять народное образование, потому что в образовании и просвещении наша сила, в невежестве – слабость. Сознавая великое значение школы в жизни человека, мы не можем оставить детей хутора Болгова без школы, которых насчитывается 100 человек. Оставить их без школьного образования – равносильно тому, что наказывать их, наказывать жестоко, на всю жизнь. Конечно, некоторые родители пожелают видеть своих детей грамотными и отдадут проходящим невеждам, которых так много бродит по хуторам. Мы не желаем видеть своих детей нравственными уродами, а желаем, чтобы они росли церкви на пользу, родителям на утешение, Царю и Отечеству на Величие и Славу». Несмотря на своё сложное материально-финансовое положение, хуторяне из Болгова целенаправленно построили в хуторском поселении не только приходской храм, общественный хлебный магазин, капитальное здание хуторского правления, но и единогласно постановили отпускать необходимые средства из общей хуторской казны на содержание «министерской школы»².

Итак, хозяйственно-культурный уклад хуторян Кубани во многом предопределялся их основными промыслами, в качестве которых выступали скотоводство и земледелие. Из региональных особенностей по возделыванию

---

¹ Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества. Краснодар, 2009. Т. 1. С. 188.

² ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 572. Л. 147.

сельскохозяйственных культур следует выделить склонность хуторян на Кубани к выращиванию, помимо зерновых, масличных и технических культур. И, конечно же, нельзя не отметить стремление хуторских домовладельцев к разведению фруктовых садов. В традиционный набор сельхозорудий кубанских хуторян входили: тяжёлый двухколёсный плуг, рало, деревянная борона с железными зубьями, мотыга, серп, коса, ручные грабли.

Линейцы для предпосевной обработки почвы преимущественно использовали тяжёлый двухколёсный плуг, получивший широкое распространение на Дону и в малороссийских губерниях России¹. Такой плуг позволял обеспечить хорошее переворачивание почвенного пласта, причём вспашка осуществлялась на должную глубину. Однако большой вес двухколёсного плуга требовал соответствующей тягловой силы. Богатые казаки могли себе позволить использовать при вспашке четыре пары волов, и, естественно, за счёт качественной вспашки почвы добивались лучших урожаев. Бедные казаки объединяли усилия в применении живого и мёртвого инвентаря (волово и плугов), чтобы вспахать свой земельный участок. Такая традиция «супруги» сохранялась довольно продолжительное время.

Многое в обработке почвы и ведении посевных работ зависело от хозяйственных навыков конкретного земледельца. О большой разнице на Кубани в обработке земледельцами полей на рубеже 1870–1880-х гг. свидетельствовали современники, когда писали: «Способ возделывания земли самый патриархальный: кто, где и чем хочет, тот и пашет, и всё основано на ничем не сообразной рутине»².

На Кубани использовался при обработке почвы немецкий, или, как его ещё называли, колонистский плуг. Правда, его не сразу восприняли местные земледельцы. Эту ситуацию описывает в воспоминаниях Ф.А. Щербина, когда

---

¹ Шевченко Г.Н. Социально-экономическое развитие Кубани в конце XVIII – первой половине XIX века // По страницам истории Кубани. Краеведческие записки. Краснодар, 1993. С. 80–81.

² О полеводстве в районе Кавказского уезда (Из памятной книжки участкового пристава) // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1881. № 33. 22 августа. С. 2.

он со своими друзьями в окрестностях кубанской станицы Бриньковской попытались продемонстрировать, как им казалось, очевидные преимущества немецкого плуга.

«Воно може оця німчура, – говорив Ф.А. Щербине бывший казак-артиллерист, тыча пальцем в плуг, – и добра штука, та тільки малого хвасону. От наш, скажим, плуг: поставиш його на землю, все одно, як орудію на лафет, пустиш в ход, то він вириває такі скиби землі, як богатырський кінь ногами. А це, кажу, може й добрий марафет, та він схожий не на плуг, а скоріше на штрикалку»¹. Профессионализм пахаря земли кубанской подчёркивался прозвищем «плугатырь». Отличным плугатырём зарекомендовал себя Ф.А. Щербина, когда он работал в конце 1860-х – начале 1870-х гг. в станице Бриньковской. А на сенокосе Щербина проявил себя лучшим косцом («водил перед»)².

Самым главным домашним животным у кубанских казаков являлась лошадь, как они приговаривали: «Казак без коня - что костёр без огня». Лошадей обычно делили на три группы: рабочие лошади, выездные лошади, лошади для продажи (если хуторянин занимался их разведением). Но особой когортой у казаков всегда считались боевые кони, которых изначально готовили для воинской службы, и в этой системе подготовки имеется немало своих премудростей. Казаки очень берегли лошадей, скажем, боевого коня старались не портить иной упряжью, кроме боевого седла с принадлежностями. Коней стремились использовать по большей мере на лёгких хозяйственных работах. Лошадей применяли также в транспортных целях. Только состоятельные казаки-хуторяне, имевшие несколько лошадей, могли себе позволить делить лошадей на вышеуказанные группы: одни – для воинской службы, другие – для транспортных экипажей, третьи – для хозяйственных работ, а уж каких-то лошадей и продавали. Поэтому у состоятельных хуторян содержалось несколько косяков лошадей, чтобы отобрать животных для нужных целей. Скажем, в экономии

---

¹ Щербина Ф.А. Собрание сочинений. Т. 3. С. 76.

² Чумаченко В.К. Памяти «козачего діда» // Кубанский казачий вестник. Краснодар, 2008. 11 октября (№ 40). С. 4–5.

«Хуторок» (5 хуторов) барона Р.В. Штейнгеля на 1 октября 1898 г. содержалось 424 рабочих и гулевых лошадей¹.

На Кубани целенаправленно, прежде всего, для ведения военных действий была выведена своя черноморская порода лошадей. Она появилась в результате скрещивания приведённых запорожскими казаками в конце XVIII в. лошадей черкасской породы с местными горскими породами. Черноморская порода вобрала в себя лучшие качества черкесской, ногайской, кабардинской, карабахской и других пород лошадей. Она стала поистине общерегиональной гордостью Кубани, широко поставлялась в кавалерийские части русской армии, особенно в конно-артиллерийские подразделения; попадала она и в армии иностранных государств. Известные кубанские коннозаводчики сколотили немалые капиталы на разведении именно черноморской породы лошадей, известность которой шагнула очень далеко за пределы края. О замечательных качествах черноморской породы лошадей неоднократно и довольно много писали известные кубанские исследователи и краеведы².

В многочисленных песнях кубанских казаков³ конь часто упоминается исключительно как верный друг казака-воина, он искренне, с любовью называется «ветроногим»: так в народном фольклоре воспеваются его быстрота, подчёркивается выносливость лошади и привязанность коня к казаку-хозяину. О своевременной подготовке конского состава для насущных нужд воинской службы заботились войсковые власти. Причём, следует

---

¹ Котов П.Н. Описание кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгель. М., 1900. С. 14.

² Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. СПб., 1858. С. 58; Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. С. 103, 115; Винская Т.Н. «Ах, кони, мои кони...». Исторические реалии и перспективы развития коневодства на Кубани // Твёрдовские чтения – III. Сборник материалов 3-й междунар. науч.-практ. конф. по рекреации, туризму и краеведению. Краснодар, 2012. С. 129-134; Щербина Ф.А. Собрание сочинений. Т. 3. С. 359–360.

³ Например, в старинной казачьей песне есть такие слова: «Отаман идэ // Цей коня вэдэ, // Гэй, под билаю то бэрэзою // Головку кладэ, // Отаманэ наш, // Та порадь же нас: // Гей, уси кони посидланы, // А твий стоить так». А позже пели вот так: «И беги ты, мой конь, // По дороженьке. // Да не слушай, мой конь, // Где Кубань-речка шумит. // Не давайся, мой конь, // Неприятелю, // Только дайся, мой конь, // Отцу, родной матери» (Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. 2: Песни линейных казаков / в ред. В.Г. Захарченко. Краснодар, 1995. С. 57, 108).

отметить, что к концу XIX в. главным поставщиком строевых лошадей для боевых подразделений Кубанского казачьего войска выступает частное табунное коневодство хуторского типа, которому оказывалась весьма существенная поддержка.

Под выпас табунов частных коннозаводчиков на Кубани войсковые власти, к примеру, в 1907 г. на льготных условиях выделили из числа войсковых земель 6385 десятин пастбищных угодий в Красногорской степи для 5 табунов лошадей, принадлежавших полковнику Ивану Гавриловичу «Свидину, урядникам Михею Исаеву, Степану Калаушину, Назару Юрченко и казаку Фёдору Фёдорову». В указанных пяти табунах содержалось «28 жеребцов-производителей и 260 маток, преимущественно кабардинского типа». На тех же льготных условиях на Ахтарских и Ачуевских войсковых приозёрных землях общей площадью 22032 десятин находились 12 табунов лошадей, являвшихся собственностью отставного генерал-майора Василия Саввича Скакуна, вдовы есаула Анны Гарькуши, урядников Самуила Чёрного, Василия Журавля, Каленика Ольховика, казака Нестора Цыганка, Гавриила Пальчика, Ефима Таранца, Акима Чикало, Гурия Сергиенко и обществ станиц Приморско-Ахтарской и Брюховецкой. В названных 12 табунах содержалось «62 жеребца-производителя и 715 маток, преимущественно черноморской породы». Всего же, по состоянию на 1 января 1908 г. войсковому сословию по всей Кубанской области принадлежало 412679 лошадей, или в среднем 69 лошадей на 100 душ мужского пола войскового сословия. Для содержания казачьих строевых лошадей (для службы в боевых подразделениях) в Кубанском казачьем войске наличествовало в 1907 г. 122 табуна, «принадлежащих казакам второй очереди и приговорительного разряда старшего возраста»¹.

Кроме того, войсковая администрация поддерживала развитие подворного коневодства. В этих целях власти выделяли средства на выплату премий

---

¹ Мартыненко Д.М. О состоянии области и войска за 1907 год. Извлечение из отчёта Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска [генерал-лейтенанта Н.И. Михайлова], под редакцией Д.М. Мартыненко // Кубанский сборник. 1909 год / Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1908. Т. XIV. С. 147, 148, 149.

за выращивание лучших лошадей-трёхлеток, а также ежегодно кредитовали строительство общественных конюшен. Войско даже целевым образом оплачивало частным владельцам лошадей проезд (прогоны) при поездках за общественными производителями для сохранения породы.

Строевая лошадь («верхового сорта») продавалась на ярмарках семи отделов Кубанской области в течение 1907 г. в ценовом диапазоне 121–150 руб. Наиболее дёшево строевых лошадей предлагали в Майкопском отделе, а наиболее дорогие приобретались в Темрюмском отделе, или в среднем получалось по 139 руб. за лошадь¹. А стоимость коня для кубанского казака, направленного служить в элитную воинскую часть, в Собственный Его Императорского Величества Конвой, доходила до 400 руб.².

В качестве мощной тягловой силы, способной обеспечить обработку подобных земельных участков, использовались именно волы, очень выносливые и неприхотливые в условиях кубанских степей животные. «Более точное определение материального обеспечения всех казаков показывают цифры о числе имеющихся у них рабочих волов, – правомерно писал К.Н. Чёрный. – Цифры эти могут дать основательное понятие о достатках казаков потому, что, кроме богачей, благосостоянием для остальных служит хлебопашество, которое производится не иначе, как посредством волов, и что только тот казачий двор можно считать обеспеченным, который владеет достаточным количеством волов для обработки земли»³.

Безусловно, приведённый выше перечень ручных орудий труда и сельскохозяйственных орудий с использованием живого тягла не мог обеспечить получения очень высоких урожаев. Скажем, урожай пшеницы в среднем по Кубанской области достигал 60–70 пудов с одной десятины (примерно 10–12 центнеров с гектара.

---

¹ Мартыненко Д.М. Указ соч. С. 152.

² Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922–23 гг. / под ред. В.И. Смирнского. Краснодар, 1924. Ч. 1. С. 46.

³ Чёрный К.Н. Ейский уезд. (Статистическое описание) // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1883. Т. I. С. 413.

– авт.). Тогда это считалось довольно высоким показателем урожайности на Кубани при выращивании пшеницы¹.

Однако именно на Кубани раньше других российских регионов стали использовать сложные сельскохозяйственные машины, например, паровые молотилки. Они появились на Кубани в 1870-х гг., а уже в 1890-х гг. их насчитывалось около 1150. В целом же, к началу XX в. на долю Кубани приходилось из каждых 100 сложных сельхозмашин, имеющихся в России: 20 паровых молотилок, 12 сеялок, 10 жатвенных машин². Применение сложных сельскохозяйственных машин в сочетании с новейшими агротехническими приёмами буквально в разы повысило урожайность зерновых культур на Кубани. В результате производство товарного хлеба на Кубани возрастает с 0,2 млн. пудов (3277 тонн) в 1888 г. до 1,6 млн. пудов (26208,8 тонн) в 1913 г.³

В сельскохозяйственном производстве на Кубани в конце XIX – начала XX вв. активно применялись локомобили. В крупных хуторских хозяйствах могли себе позволить иметь даже несколько локомобилей. В известной кубанской экономии «Хуторок» барона Р.В. Штейнгеля на 1 октября 1898 г. насчитывалось 6 локомобилей мощностью 10 лошадиных сил и 3 локомобилиа мощностью 6 лошадиных сил⁴. Локомобили как паровые двигатели широко использовались в сельском хозяйстве до тех пор, пока их окончательно не вытеснили двигатели внутреннего сгорания, трактора и комбайны.

В кубанских хуторах наличествовал довольно широкий спектр орудий труда, но среди них преобладали в течение длительного исторического периода простейшие приспособления, облегчавшие преимущественно ручной труд хуторян. Обновление орудий сельскохозяйственного производства долгое время шло медленными темпами. Хуторянами применялся именно комплекс

---

¹ Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска... [по годам]. Екатеринодар, 1892–1916: Отчёт... за 1907 год. Екатеринодар, 1908. С. 109.

² Шкарлупина Г.Д. Капиталистическая модернизация на Северном Кавказе в пореформенный период (1861–1917): дис... канд. ист. наук. Армавир, 1999. С. 195.

³ Жинкин А.В., Паламарчук О.Т. Кубань: история, экономика, культура. Краснодар, 2001. С. 295.

⁴ Котов П.Н. Описание кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгель. М., 1900. С. 46.

простейших средств осуществления производственных операций, в частности, использовались: рало, каменные катки, ручной цеп и др. Как только возможности экстенсивного развития земледелия исчерпались примерно к последней четверти XIX в., стали гораздо быстрее внедряться более совершенные орудия труда, хотя рядовой хуторянин должен был в них ещё поверить, о чём свидетельствует история с немецким плугом, в которой живейшее личное участие принял Ф.А. Щербина.

Хозяйственное обустройство кубанских хуторов неизбежно приводило к социальному расслоению казачества, что отчётливо видно на примере социально-экономического обследования хутора Сосыкский станицы Полтавской, где сформировались три категории домохозяйств: богатые, середняцкие и бедняцкие. Материалы обследования обозначены как «Сведения об экономическом благосостоянии казаков Кубанского войска, Ейского отдела, Сасыкского хутора, состоящегося из 60 домохозяев, кои разделены на три категории: богатого, средняго и беднаго состояния; в среднем выводе за 12 марта 1899 года»¹. К I категории домохозяев (кого тогда считали богатыми казаками) относились те, кто имел три паевых казачьих надела земли, в том числе: 30 десятин пахотного клина, 7,5 десятин сенокосных угодий, 7,5 десятин для выпаса домашнего скота («толочная земля»). Свой тройной надел в 30 десятин пахотной земли богатый казак сам же и обрабатывал. Нехватку пахотных земельных угодий для развития своего хозяйства он восполнял путём аренды дополнительных земельных участков у своих же хуторян. В результате ещё 20 десятин пахотной земли и 5 десятин сенокосов богатый казак арендовал, прежде всего, у бедных казаков. При этом хозяйстве значилось: 4 рабочих лошади; 2 косяка лошадей, 2 пары рабочих волов; 4 дойных коровы; 6 голов гулевого скота, 20 овец. Во II категорию (казаков-середняков) включали тех, у кого насчитывалось два паевых казачьих надела земли, в том числе: 20 десятин пахотного клина, 5 десятин сенокосных угодий, 5 десятин для выпаса домашнего скота («толочная земля»). Свой двойной надел в 20 десятин пахотной земли казак-

---

¹ ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 606. Л. 2–3об.

средняк обрабатывал самостоятельно. В результате получал урожай зерновых культур объёмом 80 четвертей. В хуторском хозяйстве казака-средняка содержалось: 3 рабочих лошади; 1 пара волов; 2 коровы; 4 головы гулевого скота и 2 телка; 2 свиней. Овец в таком хозяйстве обычно не имелось. К III категории относили казака-бедняка, в распоряжении которого находился один паевой казачий надел земли, в том числе: 10 десятин пахотного клина, 2,5 десятины сенокосных угодий, 2,5 десятины для выпаса домашнего скота («толочная земля»). Одну половину своего надела, или 5 десятин пахотной земли, казак-бедняк обрабатывал самостоятельно. Ещё 5 десятин пахотной земли казак-бедняк сдавал в аренду из расчёта по 5 руб. в год за каждую десятину. В аренду также передавалась половина имевшихся в распоряжении казака-бедняка сенокосных угодий (1,25 десятины) из расчёта по 2 руб. в год за десятину. В хуторском хозяйстве казака-бедняка получали урожай зерновых культур объёмом 20 четвертей (примерно 2,3 тонны. – *авт.*). При таком урожае зерновых культур хлебных излишков никак не выходило. Полученное зерно делилось на две части: продовольственное и семенное, а соответственно использовалось для внутреннего потребления в семье казака-бедняка и для обеспечения будущего посева.

В отношении проведения обработки земельных участков в хуторах существовали разные подходы у хуторского населения. Многие арендаторы, да и богатые казаки сами обрабатывали свои земельные участки. Однако часть землевладельцев и землепользователей прибегали к услугам наёмных работников, причём, нанимали батраков с расчётом на их дешёвую рабочую силу. Батраков привлекали в основном из числа иногородних, которые проживали в тех же хуторах. К примеру, на землях хуторского поселения (частного владения площадью 1244 десятины) генерал-майора Кубанского казачьего войска Алексея Михайловича Дорошенко в Ейском уезде, на обоих берегах реки Сосыка, проживало оседлым образом в 44 домах 110 мужчин и 101 женщина, великороссов по происхождению и раскольников по вероисповеданию¹.

---

¹ Сборник сведений о Кавказе. Т. VIII: [Кубанская область. Списки населённых мест по сведениям 1882 года]. Тифлис, 1885. С. 159–160 (№ 1569 в таблице).

После переселения на Кубань к таким исконным видам хозяйственной деятельности запорожского казачества как скотоводство, коневодство и рыболовство добавилось ещё и земледелие. На период проведения сельскохозяйственных работ казачьи семьи перебирались в полевые временные жилища: шалаши (коши), землянки, и пр., а более зажиточные казаки выстраивали на дальних земельных участках хаты и хозяйственные постройки для содержания скота. К примеру, как указывал П.О. Кириллов в описании станицы Новоминской, датированном 1883 г., летом каждый казак со всем своим имуществом переселялся на свой «кош», зимовник или хутор, и оттуда приезжал в станицу только на воскресенье¹. Более того, решение насущных вопросов общественной хуторской жизни оказывалось невозможно без развития аренды в земельных отношениях, в том числе внутри хуторских поселений. Именно аренда земельных участков становилась одним из важнейших (если не самых главных) источников получения дохода для хуторских обществ, повышая уровень хозяйственного обустройства самих хуторов.

Своеобразным полюсом и вершиной экономической эволюции кубанских хуторов являлись мощные латифундии (или, как тогда их называли, «экономии») преуспевающих кубанских землевладельцев, скотопромышленников и коннозаводчиков. Их имена превращались в символы хозяйственного благополучия Кубани, порой возвышая не только собственные фамилии, но и обозначая товарные знаки качества кубанского сельскохозяйственного производства такие, как, например, «мазаевские овцы». Вместе с тем, на Кубани стали фактом исторической действительности хутора-имения с многоотраслевым хуторским хозяйством.

В административном отношении кубанские хутора получают собственные имена как отдельные поселения. Постепенно развивается административно-территориальное обустройство хуторов, они ведут свою общественную жизнь, создают собственные общественные учреждения. Наиболее предпри-

---

¹ Кириллов П.О. Новоминская станица (Статистическое описание) // Кубанский сборник / Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1883. Т. I. С. 41.

имчивые хуторяне, такие как жители хутора Русского станицы Новомарьевской, даже обеспечивают свой хутор телефонной связью. Знаковой тенденцией в приобретении нового административно-правового статуса хуторов явилось переименование хуторов в станицы. Под многочисленными предложениями (историческими, династическими, отдалённости, и пр.) хутора стремились обрести самостоятельность, отмежеваться от «коренных» станиц не только в хозяйственном, но и в административном отношении. Такой административный путь стал для хуторов своеобразным способом отстаивания и укрепления хуторской системы землевладения и землепользования.

Таким образом, проанализированный хозяйственно-культурный уклад (более детально рассмотренный в третьей главе нашей монографии¹) хуторян свидетельствует о самодостаточности хуторского мира на Кубани, где всё продумано, где неспешная эволюция соответствует не только самым насущным ежедневным потребностям хуторян, но и отвечает общим тенденциям: возрастания экономического благополучия хуторских обществ, заметного улучшения бытовых условий проживания в хуторах, интенсификации хозяйственно-производственной деятельности с расширением спектра основных промыслов, формирования многодворного хуторского поселения с благоустройством отдельных хуторских усадеб.

---

¹ Федина И.М. Поселенческая повседневность черноморских казаков. Краснодар, 2023.

5. ПОСЕЛЕНЧЕСКОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

5.1. Российские проекты освоения восточного берега Чёрного моря

Активное проникновение Российской империи на Кавказ в конце XVIII в., укрепление государственной границы по реке Кубань поставило в повестку дня вопрос о закреплении российского влияния на северо-восточном побережье Чёрного моря, что обеспечивало дальнейшее продвижение российских интересов на Восток и делало более устойчивой уже существовавшую границу в Черномории. Первым укреплённым пунктом, откуда начинается расширение российского влияния на северо-восточном побережье Чёрного моря, становится Анапа, где Россия постепенно наращивает своё присутствие, особенно, после победы в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

В 1828 г. российский император Николай I Высочайше соизволил «поселить в крепости г. Анапы и в окрестностях 500 семейств малороссийских казаков»¹. В 1831 г. командующим войсками Кавказской линии и Черномории назначается генерал-лейтенант А.А. Вельяминов 3-й (1785–1838), сподвижник А.П. Ермолова. По его инициативе началось активное строительство укреплений на Черноморском побережье Кавказа. Это произошло после заключения 2 (14) сентября 1829 г. Андрианопольского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1828–1829 гг. между Россией и Османской империей. Тогда к Российской империи перешло всё восточное побережье Чёрного моря, начиная от устья Кубани и до пристани Святого Николая (в районе города-крепости Батуми, который оставался под турецким владычеством) с крепостями Анапа, Суджук-Кале (Южный район современного города новороссийск и район известного памятного места Малая земля) и Поти (Сванетия), а также к России на Южном Кавказе отошли города Ахалцихе и Ахалкалаки (армянские города в Джавахетии).

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 27.

Процесс российского освоения восточной части Черноморского побережья можно разделить на четыре последовательных периода (о трёх первых периодах более детально см. нашу монографию¹). Первый период с 1828 г. до 1836 г. связан с появлением российских военных укреплений и первых постоянных поселений на восточном берегу Чёрного моря. Второй период с 1837 г. до 1855 г. обусловлен развёртыванием строительства и функционированием Черноморской береговой линии (от Анапы до Батуми), а затем её почти полной вынужденной ликвидацией в годы Крымской войны. Третий период с 1856 г. до 1870 г. приводит к возобновлению процесса заселения восточного побережья Чёрного моря, направления сюда переселенческих потоков, в том числе, из Азовского казачьего войска, казаки которого расселяются по территории Кубани, а само войско упраздняется в 1865 г. Завершается третий период расформированием Шапсугского берегового пешего батальона (полка). Четвёртый период связан с существованием Черноморского округа, но это уже совсем другая история.

В мае 1831 г. генерал-фельдмаршал, граф И.Ф. Паскевич-Эриванский оставляет должности главноуправляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, будучи отправленным для подавления мятежа в Польшу. Его сменяет на занимаемых должностях генерал от инфантерии, генерал-адъютант, барон Г.В. Розен. В 1832 г. барон представил проект по заселению натухайских земель императору Николаю I и получил Высочайшее одобрение. Это дало старт колонизации земель на участке от крепости Анапа до устья р. Кубани, которая продолжалась с 1836 по 1846 гг. Тем не менее, император не поддержал положение проекта о невозможности селить русских людей на территории непокорных горцев. Из этого следовал отказ от сооружения в Анапе помещений для переселенцев, но Николай I распорядился переселить в Анапу для начала 69 семейств мастеровых - малороссийских казаков².

---

¹ Федина И.М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар, 2022.

² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

В отношении барона Г.В. Розена к исполняющему обязанности военного министра Российской империи, графу Александру Ивановичу Чернышёву от 22 января 1832 г. отмечаются сложности подобного переселения, связанные с «рядом неудобств». Поэтому барон предлагал «увольнять поселяющихся при наших укреплениях на берегу Чёрного моря от службы на несколько лет для обзаведения хозяйством». Для привлечения торгующего класса он считал полезным «освободить тех купцов и мещан, которые в оные поселятся, на известное время от платежа податей и исправления повинностей». Таким способом, по его мнению, возможно достижение полезной цели заселения берега Чёрного моря без больших для правительства расходов. Проявляя заботу о назначенных к переселению 69 семействах мастеровых казаков, барон предлагал их поселить не в Анапе, а в Геленджике, где «было безопаснее, и доставлять мясную и винную продукцию, дабы поддержать силы их на новом для них месте»¹.

Гораздо масштабнее мыслил генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, подготовивший в 1833 г. перспективный проект российского освоения восточного побережья Чёрного моря, ключевым элементом которого являлась цепь военных укреплений под названием Черноморская береговая линия. Эту Линию он считал неотъемлемой частью его глобального плана покорения Кавказа, но рациональность и продуманность плана стали понятны значительно позже, и идеи А.А. Вельяминова результативно применили на Северном Кавказе князь А.И. Барятинский и граф Н.И. Евдокимов. По проекту освоения восточного побережья Чёрного моря предполагалось планомерное устройство военных укреплений рядом с устьями всех более или менее крупных рек, впадающих в акваторию Чёрного моря на всём протяжении морского побережья от устья реки Кубань до устья реки Риони (район Поти). Основополагающая цель проекта А.А. Вельяминова заключалась в предотвращении налаженного снабжения противостоящих России в Кавказской войне воинственных горцев военным снаряжением и поставками продовольствия со стороны Чёрного моря, а

---

¹ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

также устранение любых их контактов с Османской империей, стремившейся непременно разжечь военный конфликт и не терявшей своих надежд на восстановление прежнего геополитического присутствия на Северном Кавказе.

Система выстроенных военных укреплений обеспечивала охрану войсками береговой линии от незаконного проникновения на российскую территорию всяких чужестранных элементов. Береговая оборона усиливалась по проекту генерала А.А. Вельяминова крейсирующими вдоль побережья на всём протяжении российской морской границы военными кораблями. Возведение и оборудование Черноморской береговой линии требовало по предварительному расчёту не менее 6 тысяч человек из числа пехотных подразделений, и, по мнению генерала, понадобилось бы привлечь одну тысячу казаков, оснастить построенные укрепления 24 орудиями и для создания необходимых фортификационных сооружений направить две роты военных строителей. Общая стоимость этой части проекта генерала А.А. Вельяминова оценивалась суммой в 14 млн. рублей. Естественно, возведение военных укреплений сопровождалось бы заселением новых российских территорий переселенцами и появлением под надёжной защитой новых населённых пунктов, закрепляющих российское присутствие в Восточном Причерноморье.

Имперское правительство, с одной стороны, хотело бы оперативно освоить новую береговую зону и укрепить российское присутствие в восточной части Чёрного моря, для чего предлагалось, во-первых, «принять меры к привлечению иностранных европейских торговцев с уменьшенной пошлиной»; во-вторых, перспективы виделись в «учреждении портов»; в-третьих, планировалось «привлечение торговцев и промышленников» из самой России¹. С другой стороны, дело приостанавливали необходимость увеличения военных расходов и инициативы разных кавказских военных администраторов (бывших и действующих). Кроме того, в Санкт-Петербурге опасались конфликта с западными державами, демонстрировавшими крайнее недовольство

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 28об.

положениями Андрианопольского мирного договора между Россией и Османской империей и усилением позиций Российской империи в решении Восточного вопроса. Поэтому необходимость сооружения Черноморской береговой линии для полного утверждения России на Северо-Западном Кавказе была признана, но масштабные работы развернулись лишь в 1837 г.

Тем не менее, А.А. Вельяминову удалось возвести в 1831 г. Геленджикское военное укрепление. Ряд мер предприняли и в Санкт-Петербурге. Так, 5 апреля 1832 г. журнальным постановлением Комитета Министров было разрешено «допускать казённых крестьян, мещан, купцов и разного звания людей водвориться в Анапе, Геленджике и др[угих] местах северо-восточного берега Чёрного моря, где имеются наши заведения, не требуя от них, до совершенного усмирения края, примерно на 25 лет, ни подушных податей, ни пошлин за право торговли и не делая разыскание о паспортах тех лиц, которые явились бы без указанных видов»¹.

Император Николай I уже тогда высоко оценивал перспективы освоения Геленджикской морской бухты и Суджук-Кальской морской бухты, рассчитывая иметь там не только военные укрепления, но и торговые порты. Прочитав «Пояснительную записку к проекту об устройстве гражданского управления на северо-восточном берегу Чёрного моря»: «В 1832 г. Государь Император, признавая полезным поощрять поселения Русских на восточном берегу Чёрного моря, особенно при бухтах Суджук-Кальской и геленджикской, Высочайше соизволил разрешить поселение там не только казаков, но и казённых крестьян с освобождением их от повинностей. Для привлечения же туда торгового класса, купцов и мещан, которые поселятся на восточном берегу, не требовать никаких податей за право торговли и дозволить оную, как им, так и другим лицам свидетельств, впредь до устройства края»².

С 1835 г. по Высочайшему повелению распространялась «на Закубанский край сила Указа от 13 апреля 1833 г. относительно прекращения приписки лиц,

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 27–27об.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 43об.

не имеющих законных видов. На основании сих правил производится приписка лиц разного звания к Анапе, Новороссийскому и др[угим] местам, занятым нашими войсками»¹. Тем самым, население Анапы, как и всего «северо-восточного берега Чёрного моря», сформировалось из двух частей: из самостоятельно прибывших сюда лиц и «из переселённых туда же за счёт казны малороссийских казаков».

В заселении восточного берега Чёрного моря, прежде всего, русским населением имперское правительство видело залог укрепления здесь российских позиций, освоения новых территорий, присоединённых к Российской империи, гарантированное «развитие мирных сношений с горцами, населяющими прилегающие к оному земли»². Первым шагом в этом направлении по освоению края правительством рассматривалось поселение в окрестностях Анапы ещё в 1828 г. «500 семейств малороссийских казаков»³. Однако направление сюда больших контингентов переселенцев отнюдь не решало всех насущных проблем.

Взятая 12 июня 1828 г. в результате штурма десантного отряда под командованием контр-адмирала, князя А.С. Меншикова крепость Анапа находилась в совершенно удручающем состоянии. Как свидетельствует сохранившийся в Российском государственном военно-историческом архиве документ «Исторический и статистический обзор закубанских поселений в окрестностях Анапы с ведомостями о количестве населения, имуществе и провианте», датированный 3 октября 1847 г. – 10 января 1848 г., крепость, хотя и имела некоторые каменные строения, но преимущественно с земляными крышами, да и те на поверку оказались разбиты бомбами и ядрами. Турлучные строения и сооружения из глинобитного кирпича представляли собой сплошь одни развалины, поэтому их вскоре разобрали для проведения благопотребного капитального ремонта других уцелевших зданий. Более основательно застроенной являлась северная часть крепости Анапа, находившаяся в непосредственной

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 27об.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 43.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 43.

близости у морской бухты, поскольку этот участок поселения отличался строениями и лавками, сложенными из глинобитного кирпича. В общей сложности здесь до момента взятия крепости русскими войсками насчитывалось около 50 подобных сооружений, которые теперь требовали срочного капитального ремонта. Юго-восточная половина Анапы и вовсе не имела никаких особых строений. Почти везде во дворах турецкой постройки встречались добротные колодцы, обложенные камнем, но вода из них употреблялась лишь для водопоя домашнего скота, поскольку обладала горьковато-солончатой привкусом. Поэтому прежние жители Анапы пользовались пресной водой из местной речки Анапки, или же привозили питьевую воду из вырытых пресных колодцев за речкой Анапкой¹.

Вошедшая в состав Российской империи крепость получала недостаточное («бедное») финансирование, как для размещения местного гарнизона и военного госпиталя, так и для развития торговли русского купечества, равным образом и для водворения сюда новых поселян. Прежде всего, Анапа испытывала острую нехватку строительных материалов, несмотря на изобилие в окрестных лесах строевого леса и камня в пределах горных кручей с ущельями, простиравшихся в юго-восточном направлении до Сухум-Кале и Геленджика. В лесных предместьях Анапы хватало необходимого для строительства леса: дубов, ясеней, береста (малого вяза) и сосен, но горцы долго не соглашались поставлять востребованные природные богатства для построек в Анапу. Только с 1838 г. они начали выменивать, понуждаемые неурожаем хлебов, на соль и другие продукты питания очень нужные в крепости строительные материалы. Ранее всё необходимое для проведения строительных работ, включая и деловую древесину, доставляли в Анапу из Ростова-на-Дону морским путём². Бутовый камень недалеко от самой крепости обнаружили только в 1832 г., но, к сожалению, он состоял из песчаника, который под неизбежным влиянием влажного воздуха разрушался и особой прочностью не обладал. Также отсутствовала в близлежащей местности глина должного качества,

---

¹ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 5об.

чтобы изготавливать пользовавшийся большим спросом в крепости строительный кирпич. Весь обозначенный комплекс причин сильно сдерживал развитие жилищного строительства в Анапе, препятствовал возведению здесь новых частных домов для переселенцев.

План перспективного использования внутренней территории крепости Анапы утвердил ещё в 1831 г. генерал от инфантерии, барон Г.В. Розен. Однако этот план долгое время по большей мере оставался лишь на бумаге, поскольку требовалось на местности чётко обозначить улицы и кварталы, определить плановые участки под частную застройку, а заниматься этими важными мероприятиями реально начали только в 1841 г.

До 1838 г. жители крепости Анапа при осуществлении капитального ремонта или при строительстве нового жилья закупали частями строевой сосновый лес, привозимый с прочими предметами из России, или при необходимости рубили вербовый или ольховый лес, произрастающий вдоль протоков реки Кубани. Для отопления своих жилищ местное население обычно использовало дрова, а их неизбежная заготовка осуществлялась исключительно под военным прикрытием в близлежащих лесных участках вверх по течению реки Анапки, поскольку такое важное житейское дело почти всегда сопровождалось нападениями горцев. Император Николай I во время посещения Анапы в 1837 г. весьма критично оценивал крепость, где очень медленными темпами велось восстановление после разрушений в результате русского штурма турецких позиций в 1828 г.

Устройство Геленджикского военного укрепления в 1831 г. заметно оживило торговую деятельность в Анапе, хотя по-прежнему преобладающая часть продовольствия для пропитания гарнизона крепости, состоявшего из двух полков, доставлялась казённым морским транспортом из Керчи и Тамани. В начале 1832 г. в крепости Анапа, кроме гарнизона и военной администрации, также находились ещё три категории населения: небольшое количество лиц гражданского ведомства, русские торговцы с небольшим капиталом (по всей видимости, маркитанты), а также анатолийские турки, греки и армяне.

Как правомерно и убеждённо считал назначенный 21 сентября 1837 г. начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии, генерал-майор Н.Н. Раевский-младший, построенные русскими укрепления должны выступать не только в качестве защитных фортов от нападений горцев, но и быть торговыми и культурными центрами для них, где бы они свободно общались с русскими и даже находили необходимую помощь и защиту¹. Вначале Н.Н. Раевский, а вслед за ним Л.М. Серебряков, искали «умиротворения посредством сближения и торговли», и «такая позиция, надо сказать, приносила большой успех в налаживании связей с горцами»².

По проекту генерал-фельдмаршала, графа И.Ф. Паскевича-Эриванского в Анапу предполагалось переселить до 1000 семей малороссийских казаков из Черниговской и Полтавской губерний Российской империи, но впоследствии этот план отложили по соображениям местных неудобств. Правительство ставило задачу направить переселенцев мастерами для устройства жилищ в Анапе, но местные условия не позволяли заготовить материалы для строений из окрестных лесов. Прибывшие малороссийские казаки не знали ни плотницкого дела, не обладали умениями ведения каменных работ и оказались сплошь одними хлебопашцами, поэтому постройку жилых домов вынужденно производила гарнизонная инженерная команда. В результате её производственных усилий в Анапе к осени 1832 г. удалось построить 22 дома на каменном фундаменте, рассчитанных на поселение сразу двух семей, для чего внутреннее пространство жилого здания разделялось деревянными перегородками³.

Таким образом, первый период российского освоения Черноморского побережья начинается в 1828 г. и сопровождается появлением первых российских поселений на восточном берегу Чёрного моря, строительством первых

---

¹ Проект, составленный генералом Н.Н. Раевским в 1838 г., о поселении на восточном берегу Чёрного моря прибрежных казаков // Кубанские областные ведомости. 1890. № 50. 15 декабря.

² Плиева Э.Г. Л.М. Серебряков и Черноморская береговая линия // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. Анапа, 2000. № 4. С. 115.

³ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

военных укреплений, разработкой проектов заселения побережья Восточного Причерноморья, восстановлением крепости Анапа.

5.2. Поселенческая стратегия возведения Черноморской береговой линии и станиц Закубанского поселения

В 1837 г. Россия учреждает вдоль восточного побережья Черноморскую береговую линию, представлявшую собой полосу прибрежных крепостей и фортов. Закрепление российского присутствия на новых присоединённых землях, когда в силу природно-географических особенностей субрегиона восточного побережья Чёрного моря пришлось это делать путём создания системы военных укреплений с помощью высадки морских десантов. Такой алгоритм кардинально отличался от алгоритма освоения Закубанского края, и первое время приносил не столь заметные результаты.

Черноморская береговая линия строилась долго, слишком специфической оказалась задача по возведению прибрежных крепостей и фортов, не имевших между собой сухопутной связи. Первые укрепления Линии в виде небольших фортов в местечках Геленджик, Гагра и Ба(о)мборы возводятся ещё в 1830–1831 гг. В начале 1840-х гг. Черноморская береговая линия имела четыре отделения: 1) станица Николаевская, форт Раевского, крепость Анапа, крепость Джемитея, станица Витязевская, форт Новороссийский, укрепление Кабардинское; 2) укрепление Геленджикское, укрепление Новотроицкое, укрепление Тенгинское, форт Вельяминовский, форт Лазарева; 3) укрепление Навангинское, укрепление Головинское, укрепление Святого Духа, укрепление Гагра, укрепление Бо(а)мборы, укрепление Пицунда, крепость Сухум-Кале, форт Марамба, укрепление Дранда, укрепление Илори; 4) крепость-порт Редут-Кале, форт Поти, форт Святого Николая.

Однако основные места созданных военных укреплений Черноморской береговой линии в будущем позволили сформировать гражданские поселения, в чём и заключается её непреходящее историческое значение, хотя это стало понятно через большой временной промежуток. Естественную хозяйственно-

экономическую эволюцию субрегиона сильно нарушили: Кавказская война, Крымская война, мухаджирство. В развитии прочных торгово-экономических связей видел перспективу подчинённой ему территории первый начальник Черноморской береговой линии, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший.

К середине 1840-х гг. в Закубанском поселении близ Анапы водворилось 2471 душ мужского пола и 1775 душ женского пола. Сверх указанного количества населения оставалось «ещё и не водворённых 250 семейств и до 400 человек одиноких»¹. Малороссийские казаки, прибывшие на закубанские земли, образовали переселенческое ядро в образованных за Кубанью станицах. Первая из группы станиц, поименованная Благовещенской, расположилась на Джеметейском мысе, между Кизил[ь]ташским и Кубанским лиманами, напротив Кизилташского лимана. Вторую станицу назвали Витязев(ск)ой в честь майора Н.М. Витязя, а разместилась она вдоль дороги в 10 верстах от Анапы. Войсковое Правление предложило также поселить в 6 верстах от Анапы на Большом зелёном мысе в устье речки Анапка станицу Николаевскую (ныне – Анапская). Станицы оказались удобны для заселения, поскольку располагались недалеко от Анапы. Анапское правление попросило у командующего войсками Кавказской линии и Черномории, генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова помощи для охраны от нападений горцев: по три крепостных орудия на поселение; предполагалось также обезопасить станицы военным прикрытием, выдать новым поселенцам оружие и порох.

С наступлением весны 1836 г. началось обустройство станиц Благовещенской и Николаевской. Благовещенская расположилась на возвышенности, примерно в 200 метрах от Кизилташского лимана, а Николаевская строилась на возвышенности в 320 метрах от береговой полосы. Для заселения двух станиц Анапское правление выбирало преимущественно большие семьи с многочисленным скотом. Для устройства жилищ одни переселенцы занялись заготов-

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 27об–28 (архивное дело датировано: 25 сентября 1846 г. – 7 ноября 1849 г. Сам документ «Пояснительная записка к проекту об устройстве гражданского управления на северо-восточном берегу Чёрного моря» даты не имеет).

кой леса, другие люди вели распашку земель, обработку огородов. Благовещенскую строили как военное укрепление, обнесли рвом и разместили два крепостных орудия. Для жителей Николаевской станицы отмежевали огородные участки, выгоны для скота и участки пахотной земли. Первая обработка полей производилась сохой и плугом, причём, распашка плугом считалась более подходящей для высоких урожаев. После благоустройства Благовещенской и Николаевской, согласно воле фактического наместника Кавказа, барона Г.В. Розена, в 1837 г. заложили станицу Витязев(ск)ую, чтобы с её помощью «сблизить транспортную дорогу из Бугаза через Джеметею в Анапу и овладеть водными сообщениями Кизилташского лимана, упрочить безопасность станицы Благовещенской»¹. Витязев(ск)ая насчитывала 200 дворов, но 110 семейств², имела выгодное расположение в сухопутном и в водном отношении, поскольку находилась на расстоянии не более 1,5 вёрст от Джеметейской дороги и 9 вёрст от Анапы, с одной стороны был Кизилташский лиман, и тремя сторонами она обращалась к равнине. Для устройства станицы назначили военно-рабочую роту, а также привлекли одиноких закубанских поселян, возвращавшихся с временных заработков и назначаемых для рубки в протоках лозы и строевого леса, который доставлялся плотами из кубанских проток. Жилища поселян строились по примеру Благовещенской и Николаевской, возводились турлучные и даже каменные дома. Близ Николаевской станицы, в 5 верстах от крепости, добывался поселянами Николаевской и Александровской станиц камень лучшего качества³.

Поселяне, способные носить оружие, получали от казны ружья и патроны. Местные огороды и конопляники отводились для жителей в ближайших к станице и удобных местах. Недалеко располагался и станичный выгон для скота. Поселяне занимались хлебопашеством, хотя обширность степи, пересечённой многими балками в разных направлениях, курганы и терновые места близ глубокой Витязевой балки, делали опасным хлебопашество даже при

---

¹ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 25 об.

² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 26.

³ Новицкий Г.В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 22.

усиленных конвоях с полевыми орудиями. Поэтому с восходом солнца выезжали казачьи разъезды по окрестным местам и выставляли пикеты вблизи черкесских земель, а потом вывозили из станицы одно полевое орудие с пешей командой. Орудия располагали недалеко от того места, где проводились полевые работы или пасли скот. Сверх того, каждый поселянин имел при себе заряженное ружьё.

Однако, несмотря на все эти предосторожности, строились сигнальные укрепления и редуты. Так, в станице Витязев(ск)ой возвели сигнальный редут, а на самом возвышенном месте в версте от крепостного кургана разместили крепостное орудие и 15 человек команды. Сигнальный редут служил для наблюдения, прикрытия полевых работ и станичных табунов, а также для контроля за Джеметейской и Анапской дорогами. В 1838 г. по предписанию командира Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющего гражданской частью и пограничных дел в Грузии, Армении и Кавказской области, генерал-лейтенанта Е.А. Головина, устроили станичный ров с насыпью и четыре бастиона с 4-мя крепостными орудиями. Станицы, находящиеся в близком соседстве с горцами, жили военным лагерем, окружались рвом и огораживались терновником, на бастионах располагались орудия. Одна лишь станица Благовещенская имела естественные преграды, поскольку защищалась лиманами. О Благовещенской известный кавказский воин, генерал-майор Г.В. Новицкий писал: «Станица, во всём подобна русским деревням»¹.

Необходимое количество зерна для засева полей заимствовалось из магазина (общего склада) станицы и общественного Анапского магазина. Вооружение и патроны поселяне получали из казённых запасов. В первый год поселения жители Благовещенской дома и дворы строили по плану, сооружали турлучные и из сырцового кирпича жилища, большинство домов возвели уже к осени. Те же, кто не успел построить себе кров к зиме, размещались на зимние квартиры у жителей той же станицы².

---

¹ Новицкий Г.В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 36.

² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 31.

С увеличением семей в Благовещенской расширилось хлебопашество и огородничество, одновременно развивались разные сельские промыслы. В начале 1838 г., согласно Высочайшему соизволению, для исполнения разных христианских треб, в Закубанское поселение назначили двух священников с казённым содержанием, одному из которых поручили окормлять станицы Витязев(ск)ую и Благовещенскую, а другого направили в Николаевскую.

Через 7 лет после заселения, когда жители Благовещенской значительно умножили свои семейства и своё сельское хозяйство, они попросили местное начальство об отводе земельных участков для некоторых многолюдных семей и ближайших родственников в целях устройства новых жилищ с прочими домашними службами. Но довольно тесные плановые места внутри станичного окопа (поселения) и военные обстоятельства не позволяли расширить территорию поселения, ведь, кроме проездных улиц, не предусматривалась даже станичная площадь. А поскольку турлучные строения располагались довольно скучено, то всегда имелась опасность, особенно при сильных ветрах, что поселение может пострадать от нечаянного пожара.

В 1841 г. за территорией станицы Благовещенской, в том месте, где соединяются лиманы Кизилташский и Кубанский, на Благовещенской стрелке поселили 9 семейств, и посёлок назвали Благовещенским. Заселение косы семейными людьми вместе с одинокими поселянами как лучшими стрелками и охотниками, с одной стороны, сблизило и обеспечило водное сообщение станицы Витязев(ск)ой с Бугазом и Благовещенской, а, с другой стороны, ограждало станицу Благовещенскую от возможного покушения горцев, ведь её жители по своим промысловым делам постоянно объезжали все верхние протоки Кубани, часто посещая даже Андреевский и иные Черноморские посты. Поселяне, водворившиеся возле лимана, кроме рыбного промысла, доставляли водным путём строевой лес и дрова для своих потребностей. Растущий камыш по берегам Кизилташского лимана обеспечивал жителей материалом для устройства крыш, разных строений и служил топливом для обогрева домов. Постоянное сообщение со станицей Благовещенской в летнее время предоставляло многие выгоды закубанским поселянам.

С началом водворения населения в этих станицах многие закубанские семьи, даже занимаясь торговым промыслом в Анапе, оседали и устраивали здесь свои жилища. Ещё с 1833 г. Анапское временное правление причислило к закубанским поселянам разного рода лиц, не только имеющих так называемые «письменные виды» на жительство, но и при отсутствии таковых. Поселяне, хлебопашцы разных станиц, равно как и малороссийские, и анапские жители привлекались местным начальством для устройства форта Раевского, перевозки разных снарядов, материалов и провианта, с выгодной платой от казны. А ещё за эту работу закубанским поселянам разрешалась вырубка дубового строевого леса и заготовка дров. Такие случайные заработки и промыслы становились хорошим подспорьем и на удивление удваивали состояние поселян в течение последующих лет.

В станице Витязев(ск)ой водворилось более 200 семей, включая воинский гарнизон для обеспечения безопасности проведения полевых работ. Однако при ограниченности размеров станицы поселяне не имели «строения приличного для молитвословия», которое производилось в казарме. Однако в 1838 г. построили молитвенный дом из сырцового кирпича на каменном фундаменте размером 9 ½ сажень (20,27 метра) в длину и до 4 сажень (8,53 метра) в ширину, с дощатым потолком и полом, с камышовой крышей.

В 1839 г. поступило распоряжение от Анапского правления об исправлении станичных рвов, бастионов, насыпи с постановкой новых плетней с бойницами, а также починкой сигнальных редутов. Эти меры считались необходимыми для сбережения станиц от частных набегов горцев и их нападений на работавших в поле поселян. Охрану поселений усилили одной сотней 19-го Донского казачьего конного полка, а для постоянного сообщения с фортом Раевским прикомандировали в 1840 г. 2 батальона егерского Виленского полка, расквартировавшихся у жителей в станицах Витязев(ск)ой, Николаевской и частично в Анапе. В инструкции для воинских начальников станиц Закубанского поселения отмечалось, что «в районе Закубанского поселения ближний

и дальний разьезды должны быть всегда»¹. В документе подробно прописывались действия поселян во время сельскохозяйственных работ и даже выгула скота на пастбище. Так, повозки поселян и безоружные люди обязывались следовать до места работ и расставлялись в таком порядке, какой указывался начальником прикрытия. Выпускали скот из станиц тогда, когда проверили местность разьезды, а следование скота на пастбище осуществлялось лишь под прикрытием. Причём, полагалось пасти скот на местности компактно. Возвращение поселян с сельскохозяйственных работ и скота с пастбища регламентировалось теми же правилами предосторожности: строго по барабанному бою или иному сигналу все следовали колоннами в станицу². Начальник станицы лично выезжал, проверял наличие прикрытия и ведение работ. От него во многом зависел успешный ход работ и безопасность поселян.

В 1840 г. станицы Николаевская и Витязев(ск)ая пополняются населением, соответственно, по 115 и 220 семей, причём, без всякой помощи казны, переселенцы обустроивались на свои собственные средства. А с размещением в станице Витязев(ск)ой 10-го Донского казачьего конного полка станице отвели ещё земельный участок 300 квадратных сажень (1365,7 м²). Затем свободный квартал застроили казармами и цейхгаузами (складами) и прочими батальонными службами, устроили новые бастионы, а весь ров нового окопа [общего защитного станичного укрепления. – *авт.*] до 200 сажень (426,72 метров) огородили по насыпи плетнём с бойницами на протяжении 200 сажень. Кроме того, станице Витязев(ск)ой проживали вооружённые татары, но они для защиты от нападения имели только плетнёвую ограду, за которой располагались их бытовые постройки. Для охраны своих жилищ и имущества татары каждую ночь выставляли охрану³.

---

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1613. Л. 8об.

² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1613. Л. 14–14об.

³ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 164. Л. 6об.

В 1840 г., назначенный Высочайшим указом от 14 апреля председателем комитета для введения за Кавказом нового гражданского управления¹, военный министр, граф А.И. Чернышёв прибыл в Анапу. Он вникал во все подробности быта местных жителей, посетил станицу Николаевскую, находившуюся в 6 верстах от Анапы. Это посещение стало для него любопытным и памятным, поскольку здесь он впервые увидел кавказское военное поселение. Позже опытный царедворец А.И. Чернышёв отмечал: «Это не то, что сёла и деревни нашей благословенной России, где всякому жить привольно и свободно. На Кавказе, каждая станица мирных жителей обнесена глубоким рвом, высоким палисадником, замкнута крепкими воротами, и женщины, отправляющиеся за водой к ближайшему ручью, всегда вооружены. Денно и ночью все настороже от внезапного набега хищных горцев. Такова жизнь на Кавказе»².

В 1843 г. малороссийские поселяне в количестве 130 семей, водворённые в Анапе ещё в 1832 г. и занимавшиеся хлебопашеством на ближайшей к Анапе долине, стали убеждать местное начальство о переводе их из Анапы на жительство в какую-либо станицу. Вот-де, кроме земледелия, они не знали никаких других ремёсел, а потому им жить в Анапе трудно, ведь в летнее время из-за малочисленности Анапских колодцев и изобилия скота у жителей, часто испытывали недостаток воды. К тому же, ближайшие уголья, ими «беспрестанно распахиваемые», не приносили надёжного урожая³. Все эти доводы малороссийские поселяне представили Анапскому начальству, которое разрешило основать новую станицу, Суворовскую⁴. Предполагалось водворить здесь не более 160 семейств, но Анапское правление ходатайствовало о поселении ещё 47 семей харьковских переселенцев. По начальственному мнению, эти семейства по жизненным устоям и хозяйственным занятиям подходили для поселения, поскольку являлись в основном хлебопашцами. Поэтому они для станицы

---

¹ Архив князя А.И. Чернышёва: Жизнеописание, Всеподданнейшие доклады и переписка князя Александра Ивановича Чернышёва // Сборник Императорского Русского исторического общества. В 148 т. СПб., 1905. Т. 122. С. 252.

² Там же. С. 258.

³ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 33.

⁴ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об.

Суворовской могли быть полезны, и «обещают совершенное согласие их общего жития в одной и той же станице»¹. Кроме турлучных домов, Анапское правление рекомендовало жителям строить дома из сырцового кирпича, ввиду хорошего качества местной глины и песка². Станица Суворовская возводилась ускоренными темпами на площади 37 тыс. квадратных саженей (168433,25 м², или 17 гектаров, в среднем 682 м² на семью), с устройством станичного гарнизона. Бесперывный сплав леса, заготовка кирпича и камыша для строений, быстрое устройство жилищ казённых и частных, заготовка сена, как жителями, так и гарнизоном, уборка хлебов малороссийскими поселянами возле Анапы, молотьба хлебов, их доставка в новую станицу вместе с иным имуществом из Анапы в Суворовскую способствовали стремительному водворению станицы.

С появлением станицы Суворовской весь Кизилташский лиман, а также посёлки на Счастливом острове, на Стрелке и Благовещенскую станицу удалось обезопасить от нападений горцев. Торговые выгоды приносили сообщения с укреплением на Варениковской пристани и с Темрюком. В марте 1849 г. Анапское правление ходатайствует перед начальником Черноморской береговой линии, генерал-лейтенантом А.И. Будбергом о расширении территории станицы «до 220 погонных саженей [10,3 гектара], так чтобы на добавочной плоскости могло поместиться четыре линии новых кварталов для водворения до 130 семей [до 30 соток на семью. – *авт.*] и чтобы в первой линии близ новых ворот оставалось просторное место новой кирпичной казармы»³. Вместе с тем, планировалась просторная станичная площадь длиной до 80 саженей (170,69 метров), на которой предполагалось возвести станичную церковь и устраивать здесь же сборы войск при объявлении тревоги.

В 1844 г. к северо-востоку от крепости Анапа основывается Алексеевское военное укрепление (ныне на этом месте располагается одноимённый город-

---

¹ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 7. Л. 5об.

² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 39.

³ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 70. Л. 16.

ской микрорайон). Укрепление назвали в честь наказного атамана Черного казачьего войска Алексея Даниловича Бескровного, который успешно командовал казачьим авангардом русской армии при штурме крепости Анапа в 1828 г., за что получил чин генерал-майора и орден Святого Георгия 4-й степени. При укреплении существовал посёлок из 44 домов, и его в 1846 г. переименовали в станицу Александровскую в честь начальника Черноморской береговой линии, генерал-лейтенанта Александра Ивановича Будберга¹.

С водворением станиц в Закубанском поселении жители трудились в основном на хлебной ниве и привозили в Анапу свои продукты исключительно на продажу. Внутренняя торговля в поселениях долгое время не развивалась, за исключением молочных лавок с разными необходимыми припасами для поселян. А ещё получило распространение ремесло, например, изготовление деревянной посуды, сапожничество, выделка овчин, гончарное дело. Некоторые станичники знали кирпичное, столярное, кузнечное ремесло, поэтому нанимались для частных построек в Анапу и Черноморию. Рыбным промыслом в небольших размерах занимались жители станиц Витязев(ск)ой, Суворовской и Благовещенской с посёлками. В станицах с ограниченными пахотными, сенокосными и огородными угодьями и имевших большие семейства жители вынужденно отправлялись по паспортам и билетам, выдаваемым от Анапского правления ежегодно, на заработки в соседнюю Черноморию, Ставропольскую губернию, или даже в Ростов-на-Дону, в особенности, в неурожайные годы. Отхожий промысел кормил в год от 250 до 400 человек. Постоянная опасность нападений горцев заставляла поселян не допускать полной зрелости хлебов, а заниматься уборкой значительно раньше, что создавало лишние трудности.

Согласно § 29 Высочайше утверждённого императором Николаем I «Положения о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Чёрного моря» от 15 декабря 1846 г.: «Закубанские поселяне, живущие теперь

---

¹ Новицкий Г.В. Анапа и Закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 32.

и водворяемые впредь в станицах, находящихся на пространстве, ограничиваемом берегом Чёрного моря и устьями Кубани, между Варениковскою пристанью, фортами: Гостогоаем и Раевским и Анапою к морю, освобождаются на 15, а поселённые уже и желающие впредь селиться за сими фортами на Черноморской береговой линии, – на 30 лет от податей, воинского постоя и прочих повинностей, кроме земских, кои обязаны отправлять на общем положении»¹. Любопытна и льгота в § 30, которая гласит: «Закубанские поселяне, по судопроизводству, освобождаются на 15 лет от употребления гербовой бумаги»². Такой перечень льгот, безусловно, привлекал новых страждущих к перемене мест селиться и натурализоваться в Закубанском поселении даже с учётом повседневных опасностей.

Вместе с тем, несмотря на всю суровость жизни в Закубанском поселении, здесь решались и обычные мирские дела, о чём свидетельствует «Дело о запрещении Черноморскому духовенству венчать закубанских поселян без свидетельств», датированное 1846–1851 гг., обнаруженное нами в фонде 135 «Ставропольская духовная консистория» Государственного архива Ставропольского края. Вот фрагмент из документа: «С учреждением Закубанского поселения с 1833 г. причислялись к Анапе поселяне обоего пола: не только прибывшие сюда по письменным видам, но и не имевшие никаких видов, т.е. бродяги. В последствии времени обнаружилась потребность вступления взаимно между ними и посторонними лицами в брачные обязательства.

Первые, т.е. прибывшие сюда по письменным видам, в которых была означена свобода от брачного состояния, получали на то от Правления надлежащие дозволения, а последние, т.е. из бродяг обоего пола, кто поселянам не может доказать формально безбрачия своего, не могли оформить брак, но, с другой стороны, можно дозволить заключать браки вдовам-поселенцам, коих мужья умерли в поселениях или крепостях, и солдатским вдовам и доче-

---

¹ Высочайше утверждённое Положение о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Чёрного моря. Именной [указ императора Николая I], данный Сенату. 15 декабря 1846 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXI. Отд. 2-е. СПб., 1847. Ст. 20707. § 29.

² Там же. § 30.

рям выходить замуж за вдовцов, жены которых умерли в поселениях, и за молодых поселенцев, которые пришли при своих отцах без жён, и при том в таких молодых летах, что не могли ещё быть женаты»¹. Иначе говоря, существовала в Закубанском поселении проблема при заключении браков, ввиду отсутствия у новобрачных надлежащих документов, удостоверяющих их личность. Станичное правление свободно поддерживало заключение браков при наличии документов, но сложнее обстояло дело при отсутствии документов. Тем не менее, в правлении считали возможным разрешать заключение браков вдовам умерших поселян, солдатским вдовам и их дочерям, а также достигшим брачного возраста молодым поселенцам, прибывшим в малолетстве на поселение с отцами. Такими способами «бродяги» получали вполне законную возможность натурализоваться путём заключения брака с лицами, имеющими «письменные виды» в Закубанском поселении, а местное станичное руководство, естественно, рассчитывало на пополнение населения.

К 1 января 1852 г., в 5 станицах (Александровской, Николаевской, Витязев(ск)ой, Суворовской, Благовещенской с посёлками) и посёлках проживало 5412 человек (3053 душ мужского пола и 2359 женского пола)². Как отмечал известный российский публицист, управленец и геополитик Николай Александрович Шавров, «кроме казаков в этой местности было поселено и немало «вольных людей», которые приписывались к казачеству – станицы закубанские и причерноморские по преимуществу были заселены вольными людьми, которые всегда аттестовались как пьяницы и низкого уровня нравственности люди, что, однако, не мешало им превратиться с течением времени в богатое, трудоспособное население и совершенно слиться с казачеством»³. Примечательно, что существовал проект в середине 1840-х гг. образования особого Казачьего полка из жителей Анапского Закубанского поселения⁴.

---

¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 284. Л. 1–1об.

² Новицкий Г.В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 33.

³ Шавров Н.А. Русская колонизация на Кавказе. Северный Кавказ // Вопросы колонизации: периодический сборник. СПб., 1911. № 8. С. 121.

⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 353. Л. 27–49.

И ещё. Согласно изученным архивным данным, во-первых, фиксируются секретные предписания министра внутренних дел Российской империи, тайного советника Д.Н. Блудова от 22 марта и 5 апреля 1832 г. относительно заселения северо-восточного берега Чёрного моря и причисления в Анапе казаков Черноморского войска и Войска Донского, а также лиц торгового сословия и казённых крестьян; во-вторых, действовал указ Правительствующего Сената о заселении северо-восточного берега Чёрного моря, позволявший причисление лиц торгового класса и казённых крестьян по установленным видам с дарованием 25-летней льготы от воинских обязанностей и казённых повинностей и опубликованный на территории всей Российской империи в губернских газетах¹. Это способствовало росту переселенческого потока, когда крестьяне практически целыми семьями преимущественно из Воронежской, Екатеринославской, Тамбовской губерний в 1833, 1834, и 1835 гг. направлялись на новые места. Причиной миграционного всплеска стали неурожаи хлебов в вышеназванных губерниях². Вся эта ситуация с переселением крестьянского населения сильно озаботила имперские власти. Кроме того, по особому Высочайшему повелению, переданному в исполнение генерал-адъютанту, барону Г.В. Розену, изменялось отношение государственных инстанций к люмпенизированным слоям общества. В частности, на основании указа Правительствующего сената от 13 апреля 1837 г. прекращалась приписка бродяг к Астраханскому и Кавказским казачьим войскам, которая ранее приравнивалась к их ссылке в Сибирь, а поэтому, естественно, выбор найденными бродягами делался в пользу отнесения к казачьему сословию. Теперь же из числа таких лиц при их обнаружении властями наиболее способных полагалось отправлять на военную службу («отдавать в роты»)³.

Тем самым, люмпенизированные элементы общества больше не попадали в казачье сословие в результате полицейско-административных мероприятий по розыску лиц с асоциальным, делинквентным поведением. Соответственно,

---

¹ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 10.

² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 15.

³ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 15.

заселение северо-восточного Причерноморья осуществлялось различными группами населения, а не только преступниками и беглыми лицами, как считают некоторые исследователи. С началом Крымской войны поселения были переселены вглубь территории Черноморского казачьего войска.

5.3. Казачьи поселенческие модели в освоении Черноморского побережья

Отдельную страницу в заселении восточного побережья Чёрного моря составляет история о переселении Азовского казачьего войска, напрямую связанная с формированием и функционированием Черноморской береговой линии, когда потребовалось обеспечить непосредственный контроль побережья для защиты государственных интересов России. Как считал известный кубанский историк Ф.А. Щербина, «азовские казаки представляли собой типичную военную казачью дружину. Они имели жалованную грамоту на знамя за «храбрость и усердие, оказанные при переправе через Дунай 27 мая 1828 года»¹. Такой военный символ требовал от казаков доброй службы. И правительство им нашло её на Черноморском побережье.

Азовское казачье войско состояло из бывших запорожских казаков, происходивших из Задунайской Сечи. Они перешли из турецкого подданства под крыло Российской империи, и в 1832 г. правительство сформировало из их числа Азовское казачье войско, территориально расположившееся на Азовском побережье между Бердянском и Мариуполем. Костяк войска составили две станицы Никольская и Покровская², к которым добавился ряд других поселений (станицы Новоспасовская, Петровская, Стародубовская), в том числе образованных за счёт переселенцев из Черниговской губернии. Главным военно-хозяйственным занятием для азовских казаков являлось каперство, когда они на военных баркасах постоянно курсировали вдоль восточных берегов

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 351.

² На момент создания Азовского казачьего войска в станицах Никольской и Покровской насчитывалось 9,5 тыс. чел.

Чёрного моря и отлавливали турецких контрабандистов, пытавшихся переправить партии товаров в обход российских таможенных постов. Азовское казачье войско находилось под начальством Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и управлялось наказным атаманом и войсковой канцелярией.

Правительство же рассматривало различные варианты переселения Азовского казачьего войска на передовые линии. Вопрос о переселении азовских казаков на Кавказ, до его окончательного решения в 1862 г., был представлен несколькими нереализованными проектами.

Первый проект. В 1837 г. император Николай I в ходе личного осмотра Черноморской береговой линии, «изъявил Высочайшую волю водворить на правом мысе Геленджикской бухты азовских казаков»¹. Однако командовавший в то время Черноморским флотом, вице-адмирал М.П. Лазарев, зная волю императора, но, «опасаясь, чтобы азовцы, переселившись на Геленджик, в соседство враждебных горцев, не сделались жертвою войны с непокорными племенами черкесского народа, находил с своей стороны весьма полезной одну только их службу на гребной флотилии у восточных берегов Чёрного моря. Особенно он восторгался бывшими уже тогда в деле азовскими баркасами, которые при искусном управлении козаков-мореходов, каковыми считались азовцы и черноморцы, и прочной конструкции были весьма устойчивы в воде. Лазарев полагал вместо наёмных судов завести постоянную свою гребную флотилию из мелких судов для сообщений между береговыми укреплениями и на этих судах назначить службу Азовскому войску, которое предполагалось переселить на береговую линию»².

Второй проект. В 1838 г. начальник 1-го отделения Черноморской береговой линией, генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский с учётом мнения императора Николая I и вице-адмирала М.П. Лазарева «проектировал из азовцев и других переселенцев образовать войско береговых казаков, поселив

---

¹ ГАКК. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 3об–4.

² Короленко П.П. Азовцы. Ч. V // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. XXXIV: [Год десятый. Август 1891 г.]. Киев, 1891. № 8. С. 177.

их по всему восточному берегу Чёрного моря в более удобных местах при береговых укреплениях, до пределов Абхазии, с назначением этим козакам одной морской службы во флоте при береговой линии»¹. Так прикрывались морские (сухопутные) границы Российской империи, что в тех исторических условиях являлось актуальной военно-политической задачей. Однако в Петербурге и Тифлисе проект Николая Николаевича не получил одобрения.

Тем не менее, из казаков сформировали «26 крейсерных команд, находящихся при морских станциях восточного берега Чёрного моря»². По существу, речь шла о небольших военно-морских базах с активными охранно-разведывательными и таможенными функциями и каперстве азовских казаков. Внутренняя служба азовских казаков включала в себя три элемента: часть казаков из числа служащих (чиновников) привлекалась для нужд внутреннего управления, другая часть казаков входила в учебную команду, и третья часть казаков составляла внутреннюю команду. На военную службу азовские казаки призывались по строгой очередности, и ориентировались в этом деле на правила «Положения об управлении Донского Войска» от 26 мая 1835 г., изложенные в главе шестой «О порядке очередей» (§ 277 – § 304)³.

Вопрос о переселении Азовского казачьего войска на Кавказ поднимался также в 1843, 1844, 1851, 1857 гг. Местом поселения азовских казаков предлагалась территория в окрестностях Анапы, занятая в тот период враждебно настроенным племенем натухайцев. Планировалось создать из азовцев (с добавлением других переселенцев) новое казачье войско под названием «Закубанское казачье войско». В частности, с такой идеей выступал в 1843 г. начальник Черноморской береговой линии, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества А.И. Будберг (1796–1876), и он предложил «проект о водворении азовских козаков в окрестностях Анапы в натухайских землях, образовав из них Закубанское козачье войско. В представленных по этому предмету

---

¹ Короленко П.П. Азовцы. Ч. V // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. XXXIV: [Год десятый. Август 1891 г.]. Киев, 1891. № 8. С. 177–178.

² ГАКК. Ф. 252. Д. 617. Т. 1. Л. 55.

³ Положение об управлении Донского войска. Ч. 1, 2 и 3 с прил. к наказу гражданскому управлению штатами и общ. прил. СПб., 1835. С. 92–102.

Будбергом соображениях были усмотрены важные недостатки, из которых главнейшими считались: назначение для поселения азовцев слишком большого пространства земли, занятой неприятелем, и выбор для некоторых станций мест неудобных для этой цели по недостатку воды»¹. Вполне разумное предложение оказалось не принято.

Третий проект. В 1850 г. появился новый проект переселения казаков Азовского казачьего войска на Черноморское побережье Кавказа. Власти предполагали поселить на окружающих Анапу богатых равнинах воинственное народонаселение и «тем удостоить твёрдую опору как правому флангу Кавказской линии, так Черноморской береговой, последствия которой неисчислимы вообще для прочных успехов наших в этом краю». Причиной выбора азовцев стала особенность их военной службы, накопленный практический опыт морской лодки и знание языка неприятеля: «Азовские казаки привлечены к морю и знакомы с восточным берегом. Многие из них знают турецкий язык»². Азовские морские команды представляли серьёзную угрозу для турецких контрабандистов, а также для мореплавания турецких судов в годы Крымской войны 1853–1856 гг., хотя плавали они на небольших лодках и не имели мощного вооружения на борту³.

Подчеркнём, задачи социального проекта по переселению азовских казаков заключались в осуществлении колонизации закубанских земель, в организации каботажного судоходства, в развитии торговли на новых землях и в обеспечении безопасности прибрежных территорий. Реализовать обозначенные задачи власти полагали возможным в результате переселения казаков в окрестности Анапы, одновременного увеличения численности Азовского казачьего войска и продолжения военной каперской службы азовских казаков в

---

¹ Короленко П.П. Азовцы. Ч. V // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. XXXIV: [Год десятый. Август 1891 г.]. Киев, 1891. № 8. С. 178.

² ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 28об.

³ Павлов К.А., Ключков О.Б. Азовские казаки на охране Черноморского побережья Кавказа 1853–1865 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9. № 1/1. С. 75–78.

районе восточных берегов Чёрного моря. Конечной целью выступало ограничение проникновения небольших парусных турецких судов (кочерм) на новые присоединённые российские земли, ибо кочермы служили не только для транспортных каботажных перевозок, но и для высадки компактного десанта, а такое неприятельское сторожевое око следовало отодвинуть подальше от российской государственной границы.

Проект переселения Азовского казачьего войска 1850 г. получил одобрение российского императора Николая I, который повелел: «Спросить азовских казаков, не пожелают ли они переселиться в окрестности Анапы, и в случае согласия послать депутатов от Азовского казачьего войска для подробного обзора местности, которая может быть отведена казакам под поселение»¹. Когда азовским казакам объявили весть о переселении, из них только 664 мужчин изъявили желание и готовность перебраться к Анапе. Тем не менее, распоряжение об отправке депутатов для осмотра мест под переселение выполнили, и под прикрытием небольшого отряда начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии, свиты Его Величества вице-адмирал Лазарь Маркович Серебряков (Арцатагорцян) водил депутатов Азовского войска по всему внутреннему пространству земель.

После осмотра мест будущего устройства станиц депутаты от азовских казаков признали хорошее качество новых земель, оценили большие выгоды при их обработке переселенцами, согласились с преимуществами новых земель по сравнению со своим старым местом жительства. Но депутатов не устроил размер территории, отведённой под переселение всего Азовского казачьего войска, поскольку для привычного азовским казакам скотоводства требовались широкие степные просторы. Тем не менее, в итоге депутаты решили, если не хватит земельного пространства для скотоводства, то можно жить хлебопашеством на хороших землях, да и новые занятия не помешает освоить. Выгоды может принести рыбная ловля в лиманах и рукавах Кубани,

---

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 29.

развитие каботажного судоходства и торговли. Глава экспедиции вице-адмирал Л.М. Серебряков предложил оборудовать укрепление на господствующей высоте Султановского кургана, обустроить рядом небольшое поселение, что позволило бы переселенцам не только контролировать окрестности, но и вести постоянное наблюдение за дорогой на Анапу.

Вскоре идею с переселением Азовского казачьего войска признали нецелесообразной, и император Николай I отложил возможное решение вопроса. Более того, в качестве переселенцев даже рассматривались другие социальные группы: «Было бы чрезвычайно полезно вызвать и поселить в этих местах особенно по берегу Чёрного моря между Анапой и Новороссийском черноморцев, или албанских греков христианской веры»¹. Однако под предлогом сложностей с поиском новых охотников для переселения и неоправданного выделения средств имперские власти решили повременить с осуществлением и этого социального проекта.

Четвёртый проект. Новый виток в обсуждении имперского проекта по переселению азовских казаков инициировал князь А.И. Барятинский. В 1857 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом намеревался соединить Азовское казачье войско с Черноморским казачьим войском. Наказный атаман Новороссийского (бывшего Дунайского) казачьего войска, генерал-майор Иван Егорович Гангарт (1808–1875) хлопотал по просьбе казаков, чтобы их селили в одной местности и целыми станицами. Но командование посчитало вредным такое поселение в военном и административном отношении.

29 декабря 1860 г. в отзыве главнокомандующего Кавказской армией, князя А.И. Барятинского военному министру, генерал-адъютанту Николаю Онуфриевичу Сухозанету говорилось: «Азовское казачье войско давно уже предполагалось сполна переселить на Кавказ и это можно с особенной пользой сделать для занятия станицами восточного берега Чёрного моря при устье

---

¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 34.

главных рек»¹. Ведь азовские казаки могли успешно обживать Черноморское побережье и эффективно бороться с турецкой контрабандой.

Актуальность этих военно-хозяйственных задач изложена в статье Н.И. Воронова «Плавание у восточных берегов Чёрного моря», где он, во-первых, отмечал бедственное положение гарнизонов черноморских укреплений, славившихся «вредным климатом и также постоянною изолированностью от всего остального мира»; во-вторых, подчёркивал, что на Черноморском побережье «есть места удобные для пристаней, но пароходы не заходят ни в одну из них»; в-третьих, акцентировал внимание на алгоритме действий неприятеля, когда «к местам бывших фортов теперь пристают, часто безнаказанно, турецкие кочёрмы, отчасти с военной контрабандой... Особенно приметен был целый ряд этого незатейливого, но чрезвычайно лёгкого турецкого каботажа; одна за другой, белея своими маленькими парусами, пробирались они у скалистых берегов. В случае появления нашего крейсера, кочёрмы удобно втаскиваются на берег, а при попутном ветре они работают до десяти узлов, так что угнаться за ними под силу не всякому крейсеру», замечая при этом, что «за весь день плавания, кроме движения нескольких кочерм, мы не заметили никакой жизни у этих берегов Кавказа»².

В начале 1861 г. азовским казакам определили новые места для постоянной дислокации в районе кавказских предгорий, где территории для переселения примыкают с востока к предгорьям долины реки Шугу, реки Псебепс и вершин Гостагая, с южной стороны подходит горное пространство, состоящее из глубоких, но богатых долин Сукко, Дорси, Озерек, Месха. С одобрения императора Александра II и по предложению генерал-фельдмаршала, князя А.И. Барятинского переселение планировалось начать в мае 1861 г., и в течение 5-6 лет завершить его с учётом военных обстоятельств и с применением двух вариантов: вызова казаков-охотников для переселения и направления казаков по жребию³.

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1. Л. 15 об.

² Воронов Н.И. Плавание у восточных берегов Чёрного моря (Из путевых заметок о Южной России) // Public Domain». 1861. С. 12, 13, 14.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 1об.

При обсуждении проекта «Положения об управлении Азовского казачьего войска» в феврале 1862 г. и поступивших предложений от главнокомандующего Кавказской армией, генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта Григория Дмитриевича Джамбакуриан-Орбелиани (продолжавшего линию князя А.И. Барятинского) о переселении азовских казаков на Кавказ, Военное министерство пришло к положительному заключению: переселение необходимо «как в видах общей пользы государственной для окончательного умиротворения Кавказа, так и улучшения быта азовских казаков»¹.

Предложения главнокомандующего Кавказской армией, генерал-адъютанта Г.Д. Орбелиани очерчивали масштабы возможного переселения в течение трёх лет. По его мнению, с весны 1862 г. требовалось поселить 100 семей азовских казаков в район Анапы и 100 семей близ Константиновского укрепления (в районе Новороссийска). В 1863 г. намечалось водворить ещё 400 семейств по станицам в долинах реки Сукко и реки Озерейка, на месте бывшего Кабардинского укрепления и даже в окрестностях Геленджика. В 1864 г. предполагалось расселить не менее 200 семейств по морскому берегу южнее Геленджикской бухты. А, если же Азовское войско смогло бы выслать для переселения 800 семейств, то планировалось принять меры к переселению, никоим образом не откладывая начатое дело до весны 1864 г. Более того, Военное министерство во главе генерал-адъютантом с Д.А. Милютиным «не находило никаких препятствий к удовлетворению служивым азовским казакам, изъявившим добровольное желание переселиться на Кавказ, и брать с собой всех без исключения, целыми станичными обществами»².

Итак, к переселению в предгорья Северо-Западного Кавказа назначались казаки из Азовского казачьего войска в составе 8 офицерских семейств и 800 семейств простых казаков³. Добровольно переселиться на земли Закубанья изъявило желание большинство азовских казаков станиц Никольской и

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 1.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 2. Л. 407.

³ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из

Покровской (заселённых бывшими запорожцами), а также станицы Стародубовской (заселённой бывшими малороссийскими казаками Черниговской губернии). Жители Петровской станицы (посада Петровского), заселённой бывшими мещанами, и Новоспасской станицы, заселённой бывшими казёнными крестьянами, в большинстве своём переселяться не захотели, а пожелали перейти в гражданское ведомство¹.

По предписанию графа Н.И. Евдокимова, в каждой станице специально назначенные офицеры должны были сразу же по прибытии переселенцев указывать обозначенные им места для усадеб, «чтобы долго табором около станиц не стояли, как это иногда случалось с переселенцами новых станиц в прежние годы, и не становились объектом нападения горцев²».

Предполагаемый район для расселения на необустроенном Черноморском побережье воспринимался казаками не очень удобным для проживания из-за природных условий, ведь они ранее там бывали неоднократно³, как говорится, по долгу своей морской службы. Чтобы заинтересовать азовских казаков в переселении и не вызывать возможных конфликтов на этой почве, Военное министерство решило предоставить большие материальные льготы. Для добровольцев из числа служивших офицерских и казачьих семейств предлагалось выделение земельных участков «в частную собственность, вечную и потомственную, в таком размере, который по местным условиям окажется возможным» (то есть по «нраву вольной заимки»). Потомственным дворянам и отставным казакам за безупречную двухлетнюю службу в Азовском войске сулили наделение правом на приобретение по установленной цене свободных земель Кубанского казачьего войска в полную собственность в размере соответственно 200 и 30 десятин для офицеров и казаков. Казачий земельный

России. 10 мая 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38256. § 4.

¹ Короленко П.П. Азовцы. Ч. V // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. XXXIV: [Год десятый. Август 1891 г.]. Киев, 1891. № 8. С. 183, 185.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 359. Л. 21.

³ Дукмасов И.А. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887. С. 29.

надел-пай по общему правилу Азовского казачьего войска получали: 1) малолетние казаки, достигшие совершеннолетнего возраста; 2) старики, выслужившие срок; 3) казаки, получившие увечья; 4) вдовы с малолетними детьми. Кроме того, каждому семейству из государственной казны на хозяйственное обзаведение отпускались денежные средства: офицерам в размере 285 рублей 71 ½ копеек и казакам по 107 рублей 14 ½ копеек. Азовские казаки освобождались на трёхлетний период от несения земских повинностей, получали путевое довольствие (деньги на проезд) и провиант на новом месте (то есть продовольственное снабжение для них осуществлялось за государственный счёт). Причём, в течение нескольких лет предполагалась раздача провианта всем членам семейств, исходя из нормы порционного довольствия по 1-й категории в размере 8 рублей 16 копеек на одного человека. Казакам обещали освобождение от любой иной службы, кроме необходимой защиты своих станиц, а офицерам гарантировали выплату жалования по чину из усиленного оклада (то есть с надбавкой за сложность и напряжённость выполняемой военной службы). Простым обывателям станиц Азовского казачьего войска также предлагалось добровольно переселиться на Кавказ и Черноморское побережье. Разработанный комплекс льготных условий для переселенцев, по мнению Военного министерства, подталкивал к тому, чтобы всё население Азовского казачьего войска охотно «примется за устройство своё на Кавказе»¹.

В Государственном архиве Краснодарского края отложилась любопытная переписка Военного министерства с Кавказским начальством о том, каким путём будут следовать азовские казаки на места поселений. Предлагался сухопутный маршрут до г. Ставрополя, но всё же более целесообразным сочли морскую переправу на пароходах. С этой целью Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, граф А.Г. Строганов предписал начальнику Константиновской морской станции (г. Керчь), капитану 1-го ранга А.И. Завадовскому прибыть в город Бердянск к 1 апрелю 1862 г. с тремя паровыми шхунами и корветом для осуществления перевозки азовских казаков со всем их

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 4об.

имуществом на Кавказский берег. Чтобы не лишать станичников десятилетиями нажитого «живого имущества», скот решили перегонять сухопутным путём, избрав из среды казаков 20–30 чел. надёжных и семейных людей¹.

Император Александр II придавал большое значение переселенческой политике на Кавказе, поэтому он повелел Кавказскому начальству обращать внимание на выбор мест для поселения азовских казаков: «Его Величеству будет крайне прискорбно, если они будут водворены на местах совершенно не выгодных для казачьего быта»². Ответственность за расселение азовских казаков на новых местах возложили на генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, занимавшегося тогда покорением территории Западного Кавказа и поддерживавшего проект переселения на новые земли азовских казаков³.

Переселяемые азовские казаки имели на вооружении и хорошо владели холодным оружием, и могли приобрести огнестрельное оружие, для чего из специально предоставляемых средств государственной казны выделялись денежные средства в размере 15 рублей на человека. Нарезные ружья Азовскому казачьему войску отпускались со складов Тульского оружейного завода⁴.

В 1862 г. началось переселение азовских казаков, и в приморские станицы Натухайского округа прибыло 100 семейств. Они поселились при Суджук-Кальской бухте, около Константиновского укрепления. На месте бывшей станицы Николаевской, около укрепления Анапы расположились ещё 50 семейств, и в районе станицы Благовещенской, на берегах Кизилташского лимана разместились также 50 семей. Среди переселенцев преобладали казаки станицы Покровской и станицы Никольской Азовского казачьего войска. В том же, 1862 г. два офицерских семейства прибыли в приморские станицы Константиновскую и Анапскую (формально считавшуюся городом уже с 1846 г.). Новые места поселения азовских казаков изобиловали разными угодьями, множеством покосов, хорошими пастбищами, пахотными землями и

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 169.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 2. Л. 408.

³ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, 2019. С. 177–178.

⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 2. Л. 408об.

питьевой водой. Возводимые станицы азовских казаков прикрывались от неприятеля передовыми казачьими станицами, что позволило переселенцам безопасно устраивать свой быт. В станицах Анапской и Константиновской подразделения Адагумского полка уже возвели круговую ограду. В районе станицы Анапской вблизи моря находилось множество разрушенных в результате Крымской войны зданий, поэтому сооружение новых жилищ происходило быстрыми темпами¹. Переселенцы в станицу Благовещенскую получили широкие пространства для хозяйственного обустройства («по примеру русской деревни»), но от них взамен ожидали добросовестного несения береговой службы, то есть выполнения функций каперства в стычках с шустрými турецкими подданными, плававшими на кочермах.

В 1863 г. 509 семейств азовских казаков расселились в станицах Абинской, Хабльской, Грузинской и Ильской. В 1864 г. прибыли 339 семейств азовских казаков и поселились в станицах Азовской, Дербентской, Папайской (с 1867 г. переименована в станицу Убинскую) и Северской. В 1865 г. на Кубань переселялись лишь единичные семьи «охотников»². Тем самым, имперские власти настойчиво проталкивали важный для них переселенческий проект и расселяли азовских казаков в ещё не до конца обжитых местах Северо-Западного Кавказа.

В связи с начавшимся в 1862 г. переселением азовских казаков на Кавказ, уже в первый год переселения общее число служащих чинов в Азовском казачьем войске уменьшилось до того состояния, что их осталось меньше, чем требовалось «для отправления внешней службы в числе не более 1/3 строевого состава нижних чинов». Поэтому, согласно приказу № 1856 от 13 ноября 1862 г. было разрешено содержать в учебной команде вместо 38 человек только 19 нижних чинов и одного офицера (т.е. половинный состав)³.

На основании представления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, командующего войсками Одесского военного округа, генерала

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 167.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1517. Л. 426.

³ ГАКК. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 4об.

от инфантерии Павла Евстафьевича Коцебу (1801–1884) в отношении переселяемых на Кавказ и остающихся на прежних местах жительства азовских казаков, император Александр II разрешил 6-го февраля 1863 г. переселенцам продавать свои усадьбы вместе с земельными участками в частную собственность посторонним лицам (не принадлежавшим к Азовскому казачьему войску) с правом пользования общими пастбищами. Продажу прочей казачьей земли решили отложить до Высочайшего утверждения указа «Об упразднении Азовского войска», но ликвидацию войска наметили производить постепенно по мере переселения азовских казаков на Кавказ¹.

Решение об упразднении Азовского казачьего войска последовало 11 октября 1865 г. При этом часть азовских казаков осталась жить на прежнем месте, на положении гражданских лиц (поселян) у Азовского моря, а другую часть расселили в кубанских станицах. Процесс ликвидации войскового образования завершился в августе 1866 г. закрытием войсковой канцелярии. В 1866 г. «после объявления положения об упразднении Азовского казачьего войска, оставшиеся в станице Покровской 23 семейства из бывших запорожцев не пожелали поступить в податное состояние и выхлопотали себе позволение отправиться за Кубань к своим братьям, куда с Высочайшего соизволения и отправились весной 1866 года. Из них 21 семейство поселилось в азовских станицах Абинского полка, а 2 семейства водворены в Адагумском полку»². Согласно приказу Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Михаила Павловича Бабица от 6 сентября 1911 г., 9 станицами, образованными казаками бывшего Азовского казачьего войска в результате его переселения на Кавказ в период 1862–1866 гг., считались: Абинская, Азовская, Анапская, Благовещенская, Дербентская, Ильская, Северская, Убинская и Холмская³.

Другой поселенческой историей, связанной с освоением восточного побережья Чёрного моря, является образование Шапсугского берегового пешего

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1278. Л. 145.

² Короленко П.П. Азовцы. Ч. V // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Т. XXXIV: [Год десятый. Август 1891 г.]. Киев, 1891. № 8. С. 193.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 266.

батальона (полка). Его формирование и отнесение к нему закубанских станиц закреплено в Высочайшем повелении от 3 ноября 1864 г., объявленном в приказе военного министра Российской империи «О водворении в Кубанской области 54-х новых станиц и формировании двух новых конных казачьих полков и одного берегового пешего батальона». В военно-административном документе отмечалось: «Государь Император, утвердив сделанные Его Императорским Высочеством, Главнокомандующим Кавказской армией распоряжения для водворения в нынешнем году в Кубанской области 54-х новых станиц, Высочайше повелеть соизволил, сформировать из них, согласно представлению Его Императорского Высочества 2 новых конных казачьих полка: № 27-го и Псекупский, с особыми полковыми Управлениями и Шапсугский береговой пеший батальон»¹.

Как подчёркивалось в рапорте начальника главного штаба Кавказской армии, генерал-майора Свиты Его Императорского Величества А.П. Карцова, указанные 54 станицы будут возводиться исключительно мирным путём². Полномочия по освоению станиц береговой полосы возлагались на войсковое начальство в лице Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта, графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона. Войсковое Правление самостоятельно определяло места для водворения будущих поселений и до мельчайших деталей регулировало любые новые постройки казаков. Например, издавались приказания, инструкции и указания о расположении проектируемых станиц. Причём, строго следовать прилагаемой дорожной карте, в которой излагалось приблизительное расстояние между станицами, считалось необязательно. Предоставлялось право изменять указанное расположение станиц, т.е. «передвигать их несколько выше или ниже по местным обстоятельствам»³. На усмотрение наказного атамана увеличивалась или уменьшалась численность

---

¹ О водворении в Кубанской области 54-х новых станиц и формирование из них двух новых конных казачьих полков и одного берегового пешего батальона. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912)]. 3 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2-е [1864 г.]. СПб., 1867. Ст. 41410.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 25.

³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 200.

семей, дворов в строящихся черноморских станицах. По распоряжению Наказного атамана Ф.Н. Сумарокова-Эльстона для планировки причерноморских станиц назначены три топографа, которым поручалось при «разбивке мест под станицы обратить особенное внимание на удобство расположения станиц в хозяйственном отношении с соблюдением правильности очертаний»¹.

Изначально предполагались к формированию и водворению в составе Шапсугского берегового пешего батальона (штаб-квартира батальона намечалась в станице Джубгской) следующие станицы: «Адербийская, Геленджикская, Пшадская, Береговая, Вуланская, Дефанская, Джубгская, Новомихайловская, Ольгинская, Небугская, Вельяминовская, Георгиевская и Чилипсинская»². Отчасти эти станицы водворялись на местах прежних военных укреплений Черноморской береговой линии.

По мнению И.А. Дукмасова, на основании «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 22 мая 1862 г. существовала возможность для трёх вариантов получения земельных участков при заселении побережья. Первый вариант предполагал вызов «охотников» с наделением им удобной земли на каждое семейство. Второй вариант связан с отводом земель на основании сельскохозяйственного устава и с наделением 50 десятин на каждого переселенца с некоторыми обязательствами. Третий, наиболее либеральный, путь указывал на продажу земельных участков в частные руки³.

В станицы Шапсугского берегового пешего батальона (полка) поселялись штаб-, обер-офицеры, урядники и казаки из разных округов Кубанской области, воинских соединений, крестьяне малороссийских губерний. Специфиче-

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 75.

² О водворении в Кубанской области 54-х новых станиц и формирование из них двух новых конных казачьих полков и одного берегового пешего батальона. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)]. 3 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2-е [1864 г.]. СПб., 1867. Ст. 41410.

³ Дукмасов И.А. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887. С. 5.

ские особенности формирования черноморских станиц накладывали определённый отпечаток на особенности их повседневной жизни. Во вновь устраиваемых станицах берегового батальона переселенных сюда, в силу военной повинности казачества и отчасти добровольно или по жребию к заселению назначили: «7 офицерских семей, 3 семьи священников, 300 семей бывших черноморских казаков, 125 семейств первых четырёх бригад Кубанского казачьего войска, 31 семья женатых нижних чинов, 156 государственных крестьян и 2 семьи охотников, подавших докладные записки»¹.

Предписанием командующего войсками в Кубанской области, генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова начальнику Натухайского военного округа, генерал-лейтенанту П.Д. Бабычу за № 3452 от 25 декабря 1863 г. требовалось в 1864 г. приступить к заселению побережья Чёрного моря «примерно на пространстве от Джугбы до Геленджика, тем числом семейств, какое окажется возможным там поселить»². В 1864 г. предполагалось водворить на этой территории от 500 до 700 казачьих семейств, причём, размеры самих станиц могли быть гораздо меньшими, чем размеры станиц, возводимых на северном склоне Кавказского хребта, и заключать в себе от 25 до 75 дворов³. Новый полк, подчинённый начальнику Натухайского военного округа, был назван Шапсугским береговым полком (впоследствии это Шапсугский береговой пеший батальон). Первоначально штаб-квартира Шапсугского берегового пешего батальона Кубанского казачьего войска располагалась в станице Береговой, а с 1865 г. она находилась в станице Джубгской⁴. Территориально батальон занимал Шапсугскую кордонную линию, сформированную осенью 1863 г. под начальством майора Саранчова и пролегавшую полосой в направлении от перевала Шипсукотх до берега Чёрного моря. Военный резерв этой кордонной линии формировался из состава 1-й колонны Джубгского отряда, откуда выделялись 6 рот пехоты, располагавшиеся у Тхамахинского редута. Части войск, расположенные на постах кордонной линии, по всем служебным

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 261.

² ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³ ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 1–3.

вопросам входили в подчинение начальника линии¹. Шапсугская кордонная линия включала первоначально три поста: Дефановский, Джубгский и Тенгинский. Согласно отчёту о состоянии Кубанского казачьего войска за 1868 г. в составе Шапсугского берегового пешего батальона несли воинскую службу пластунская и баркасная команды². Территориально батальон охватывал полосу черноморского побережья от Геленджикской бухты до устья реки Туапсе, и на этом расстоянии, помимо необходимых военных укреплений и постоянных постов, первоначально планировалось возвести 12 новых казачьих станиц.

Постоянный военный пост Тенгинский в устье горной реки Шапсухо и на берегу Тенгинской бухты Чёрного моря основывается в 1864 г. после прибытия сюда Шапсугского отряда под командованием Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-майора, графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона. Начиная с 1864 г., на Тенгинском военном посту существовал провиантский магазин интендантского управления Кавказской армии. С 1866 г. Тенгинский пост находился в составе самостоятельного в административном отношении Черноморского округа, но с 21 марта 1888 г., присоединённого к Кубанской области.

Командир вновь образованного Шапсугского берегового пешего батальона (полка), известный кавказский воин, Георгиевский кавалер, полковник (с 2 января 1864 г. он генерал-майор) Ф.С. Левашёв (1822–1899) сообщал в управление Натухайского военного округа рапортом № 177 от 5 июля 1864 г. о числе поселян полка по 14 станицам³: 1) Адербиевская приняла 141 чел.; 2) в Береговой поселились 335 чел.; 3) в Вельяминовской обрели жизненное пристанище 444 чел.; 4) в Вуланскую заселились 360 чел.; 5) в Геленджикской обосновалось 350 чел.; 6) в Георгиевской насчитывалось 366 чел.; 7) в Дефанской водворились 239 чел.; 8) в Джубгскую прибыли 361 чел.; 9) в Небутской население составляло 338 чел.; 10) Новомихайловская стала местом житель-

---

¹ ГАКК. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

² ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8689. Л. 21.

³ ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 18. Л. 8–9.

ства для 266 чел.; 11) в Ольгинской обустроились 297 чел.; 12) Пшадская состояла из 110 чел.; 13) в Туапсинской обжились 285 чел.; 14) в Челепсинскую (Чилипсинскую на берегах реки Чилипси) переселились 178 чел. Особо подчеркнём, что большинство якобы новых станиц Шапсугского берегового пешего батальона образовалось на местах прежних военных укреплений бывшей Черноморской береговой линии.

В момент формирования станиц их население составляло всего лишь 4256 человек. Если в Закубанском крае считалось нормой для создания станицы не менее 300 семей, то в станице Вельяминовской значилось лишь 60 семей, в станице Джубгской поселилась 51 семья, в станицах Береговой, Дефанской, Новомихайловской и Ольгинской обустроилось по 50 семей, в станицах Адербийской, Георгиевской, Небугской, Туапсинской, Чилипсинской водворились по 40 семей, в станице Геленджикской проживало 30 семей, в станице Пшадской прижились 24 семьи¹.

Из всех станиц Шапсугского берегового пешего батальона особо выделялась крупная станица Геленджикская. Она по исходным местным условиям обладала заметными преимуществами перед другими станицами, находившимися в поселенческой юрисдикции батальона, заключавшимися, прежде всего, в наличии доступных и добротных строительных материалов, необходимых для устройства, в том числе, полковых зданий. В окрестностях станицы Геленджикской произрастал хороший строительный лес, что обеспечивало благоприятные перспективы для быстрого возведения требующихся объектов жилого и хозяйственного назначения, и местность расположения станичного поселения характеризовалась здоровым климатом, а, соответственно, снижалась вероятность санитарных потерь (от голода, заболеваний и эпидемий) среди переселенцев. Существовала в заложенном поселении запасная бухта для стоянки судов, и имелись удобные местные сообщения с другими станицами и посёлками², и это исходным образом гарантировало не только устойчивость

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1528. Л. 3.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1517. Л. 273.

внешних коммуникаций, но и благоприятно влияло на развитие поселенческих структур самой станицы Геленджикской.

Новые станицы Шапсугского берегового пешего батальона заселялись по полковому принципу, когда в конкретное поселение направлялись переселенцы из определённой части Кубанского казачьего войска (полкового округа), поэтому не требовалось много времени на социально-психологическую адаптацию людей на новом месте и организацию выполнения военно-служебных обязанностей, ведь переселение на северо-восточное побережье Чёрного моря не ограничивалось хозяйственным обустройством, и в обязанности Шапсугского берегового пешего батальона (полка) входило несение береговой службы. Кроме того, переселение хорошо поощрялось российским государством в материальном плане, и переселенцы пользовались значительными преимуществами и льготами, получая немалые безвозвратные пособия.

В период заселения станиц Шапсугского берегового пешего батальона они постоянно пополнялись, кроме казачества, различными группами населения, главным образом, выходцами из внутренних губерний России путём зачисления в казачье сословие. И осваиваемая полоса Черноморского побережья, нуждающаяся в контроле и заселении, всё больше увеличивалась и протянулась вплоть до границ Абхазии. Добровольный характер заселения непременно подчёркивался в дореволюционной литературе. Современные исследователи акцентируют внимание на принудительном принципе переселения, когда на причерноморские земли отправлялись «порочные элементы» из кубанских полков. Этим ссыльным казакам выдавали денежное пособие на обзаведение хозяйством, устанавливали казённый продовольственный паёк, наделяли земельными участками из расчёта по 20 десятин на мужскую душу и освободили от несения воинской повинности¹. Эта точка зрения нами опровергнута в предшествующем параграфе.

18 ноября 1870 г. Высочайше утверждается Положение Кавказского комитета «О присоединении к Черноморскому округу занимаемого Шапсугским

---

¹ Аничкина Л.Н. Из истории заселения Черноморского побережья Кавказа (1864–1917 гг.) // Краевед Черноморья. Альманах. Туапсе, 1997. С. 5–11.

батальоном Кубанского казачьего войска пространства земли по северо-восточному берегу Чёрного моря», объявленное Сенату Российской империи министром юстиции, генерал-прокурором, графом К.И. Паленом (1830–1912) 30 ноября 1870 г. В сообщении об этом событии отмечалось: «Государь Император, согласно представлению Его Императорского Высочества Наместника Кавказского великого князя Михаила Николаевича и положению Кавказского комитета, в 18-й день Ноября сего года, Высочайше соизволил повелеть: занимаемое Шапсугским батальоном Кубанского казачьего войска пространство земли по северо-восточному берегу Чёрного моря, между входящими в состав Черноморского округа прибрежными поселениями и городами Новороссийском и Анапой, присоединить к этому округу»¹. Тем самым, на территории северо-восточной части побережья Чёрного моря объявлялась новая административная реформа, когда с 1 января 1871 г. вводилось гражданское управление, и «жители станиц Шапсугского берегового пешего батальона Кубанского казачьего войска» (всего 12 станиц), «принадлежащие к казачьему сословию, обращаются в гражданское состояние и, вместе с жителями Кабардинского и Армянского посёлков, причисляются к обывателям Черноморского округа»².

На этот момент в составе батальона значились (в алфавитном порядке) 12 станиц: 1) Адербийская; 2) Береговая; 3) Вельяминовская; 4) Вуланская; 5) Геленджикская; 6) Георгиевская; 7) Дефанская; 8) Джубгская; 9) Небугская; 10) Новомихайловская; 11) Ольгинская; 12) Пшадская, а также 2 посёлка: Армавирский (Армянский) и Кабардинский. Население станиц сформировалось большей частью из лиц, добровольно явившихся по вызову правительства, а

---

¹ О присоединении к Черноморскому округу занимаемого Шапсугским батальоном Кубанского казачьего войска пространства земли по северо-восточному берегу Чёрного моря. Высочайше утверждённое [императором Александром II] положение Кавказского комитета, объявленное Сенату Министром Юстиции 30-го того же ноября. 18 ноября 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 2-е [1868 г.]. СПб., 1873. Ст. 46457.

² Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о перечислении в гражданское ведомство Шапсугского пешего берегового батальона Кубанского казачьего войска. 18 октября 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48819.

небольшую часть казаков переселили сюда по жребии станичных обществ Кубанского казачьего войска. Всего среди населения Шапсугского берегового пешего батальона фиксировалось 629 семейств общей численностью 4157 чел., и в среднем каждая станица состояла из 54 семей, или 346 душ обоого пола¹. Согласно § 3 Положения от 18 октября 1870 г. на 10-летний срок жители 12 станиц и 2 посёлков получили следующие льготы: «а) дома жителей станиц и посёлков освобождаются от натурального воинского постоя. Из сего изъемяются лишь те случаи, когда воинские нижние чины будут, по требованию обстоятельств, находиться в станицах или посёлках собственно для надобности сих поселений. В этих случаях жители не освобождаются от отправления, на общих основаниях, постоянной повинности; б) жители станиц и посёлков освобождаются от крепостных, канцелярских и гербовых пошлин и от употребления гербовой бумаги, как по судопроизводству в правительственных учреждениях Черноморского округа, так и по делам и актам всякого рода, когда эти акты совершаются на недвижимые имущества, в пределах округа находящихся; в) жителям станиц и посёлков предоставляется право производить свободно, без всякого платежа акциза, рыбный промысел в водах Чёрного моря на всём пространстве берега в пределах округа, с соблюдением установленных правил и с тем, чтобы занимающиеся сим промыслом лица устраивали на прибрежьях свои заведения не иначе, как с разрешения подлежащих начальств и в точности выполняли указанные правила в отношении сохранения чистоты на устраиваемых жиротопнях; г) жители станиц и посёлков могут производить торговлю и промыслы не только в Черноморском округе, но и в пределах всей Кубанской области. Сверх сего, лицам этим предоставляется отпускать за границу всякого рода товары и оттуда выписывать товары, к ввозу дозволенные; содержать склады для оптовой продажи привозимых или отвозных товаров или для розничного и мелочного торгоа; содержать для отпускной торговли фабричными, заводскими и ремесленными изделиями, конторы и склады вне своих заведений и, наконец, учреждать конторы и склады для производства

---

¹ Дондуков-Корсаков А.М. Записка о настоящем положении Черноморского округа и о предположениях по будущему его устройству. Тифлис, 1889. С. 5. Паг.

отпускной торговли всякого рода произведениями собственно своего сельского хозяйства. Все сии действия означенные жители совершают по одним льготным свидетельствам, без получения установленных Правилами 9 февраля 1865 года (41779) свидетельств и билетов и без платежа пошлин, за исключением пошлин, определённых таможенными постановлениями. Но если бы кто из этих лиц пожелал торговать и заниматься промыслами в других местах, в сём пункте не поименованных, то подчиняется действию общих законов; д) жители станиц и посёлков могут устраивать, с разрешения подлежащих властей, на пространстве всего Черноморского округа, на землях частных, городских, войсковых и казённых, мануфактуры, фабрики и заводы, не подвергаясь за сие никаким денежным сборам в казну, но подчиняясь, однако, действию общих постановлений в отношении заключения условий с владельцами и обществами земель, на коих предпринимается устройство мануфактурных, фабричных и других заведений; е) жители станиц и посёлков освобождаются от платежа подателей и отправления денежной и натуральной рекрутской повинности»¹. Тем самым, имперские власти хотели придать территории мощный импульс торгово-промышленного развития, всячески поддержать предпринимательскую инициативу укоренившегося населения в плане дальнейшего хозяйственного освоения северо-восточного побережья Чёрного моря.

Согласно § 2 Положения от 18 октября 1870 г., «Офицеры названных станиц [бывшего Шапсугского берегового пешего батальона. – *авт.*] с семействами, а также вдовы и сироты их, причисляются к дворянству Ставропольской губернии: потомственные дворяне – к потомственному, а личные – к личному; урядники же и казаки тех станиц с семействами, равно вдовы и сироты их, причисляются к сословию крестьян-собственников» (по существу, коренных кубанских крестьян). «Офицеры, которые пожелали бы остаться в казачьем сословии, должны заявить о том в течение шести месяцев со дня утверждения настоящего Положения и, в случае согласия военного начальства, обязаны, по указанию его, переселиться в станицы Кубанского казачьего войска

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48819.

без всяких пособий, но оставшись в войсковом сословии, не могут пользоваться правами, сим Положением предоставляемыми»¹. Что касается преемственности в военно-организационном отношении, то вместо бывшего Шапсугского берегового пешего батальона в Черноморском округе сформировали Береговой полк.

В освоении восточного побережья Чёрного моря большие надежды имперское правительство возлагало, наряду с привлечением других групп переселенцев, именно на Кубанское казачье войско. Поскольку в Петербурге считали казачьи общины способными энергично и дружно справиться с нелёгкой задачей освоения территории, ведь казаки – это люди, закалённые в нужде и лишениях, а поэтому они могут вступить в тяжёлую борьбу с природой. Расчёт делался не только на должное материальное благосостояние, но и на нравственные устои казаков. Станицы Кубанского казачьего войска, водворяемые на Черноморском побережье, предназначались, прежде всего, для несения береговой и мореходной службы. Как отмечал И.Д. Попко, узкие долины, которыми изрезана приморская полоса, отводимая для размещения береговых полков, представляет больше хозяйственных удобств для мелких населённых пунктов, чем для больших поселений. Поэтому водворение береговых казаков допускается малыми посёлками и хуторами, из которых образуются казачьи станицы численностью от 150 до 300 дворов². Каждая станица получала в общинное владение землю, называемую общинным юртом. Количество земли определялось числом станичных жителей из расчёта на одну душу мужского пола от 20 до 30 десятин, с учётом общего количества земельных угодий и выгод местного расположения земельных участков. К юртам казачьих станиц, прилегающих к морю, причислялись и сопредельные морские рыбные заводы.

Казаки и флотские чины, переселившиеся по собственной воле на южный склон Кавказского хребта и вошедшие в состав населения береговых полков, сверх общинного пользования получали в свою личную станичную собствен-

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48819.

² ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 12. Л. 84об.

ность от 5 до 10 десятин удобной земли. Казаки, разводившие при своих домохозяйствах сады и местные рощи, получали землю, отведённую под полковые сады и рощи, в свою личную потомственную собственность. Примечательно, что в состав населения береговых полков поступали преимущественно охотники¹. В первый год водворения, с весны и до поздней осени, они занимались исключительно устройством своих жилищ.

В целом же, в историческом плане существование причерноморских станиц сопровождалось утверждением местной системы хозяйствования. Хозяйственное обустройство причерноморских станиц в различных исторических формах выступало залогом жизненного благополучия казаков, но следует признать, что далеко не все усилия властей оказались продуктивными. Зачастую затраченные средства практически не приносили ожидаемого результата, и Черноморское побережье ещё долго оставалось пустынным, несмотря на самые разные способы привлечения переселенцев. Имперские власти пытались решить эту насущную проблему преимущественно с помощью административно-территориальных преобразований.

---

¹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 12. Л. 88.

6. ТРАНСФОРМАЦИЯ КУБАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

6.1. Административно-территориальные реформы культурно-исторического пространства кубанских поселений во второй половине XIX в.

Поселенческие структуры в историческом регионе Кубани представляли собой пространственно-временной и коммуникативный континуум, где протекала повседневная жизнедеятельность формирующегося кубанского казачества, постоянно стоявшего перед выбором социальности или атомарности в поселенческом обустройстве и одновременно вовлечённого в круговорот объектно-центрированной социальности, связанной со становлением войсковых институтов, в административном локусе ориентированных на крупные центры социального притяжения в развивающемся историческом регионе, в качестве которых выступали вначале куренные селения (курени), а затем уже в большей мере эту важную коммуникативную роль выполняли казачьи станицы.

Исходным посылом в таком толковании исторического процесса освоения пространства исторического региона Кубани является идея о коммуникативных связях фактов, событий и явлений в истории, разработанная в современной российской историографии П.В. Уваровым¹. С этих позиций поселенческая структура как историческое бытие представляет собой пространство переживания человеком базисных социальных реалий и обретения определённости существования, «когда для него вполне ясным становится смысл существования и значимые параметры действительности». Отсюда предельно допустимы всего только два коммуникативных формата поселенческой структуры: станица и хутор, но мобилизационные возможности аккумулируются именно в станице (курене, куренном селении), а не в хуторе (коше, заимке), а, соответственно, определённая оперативная матрица укоренения казачества

---

¹ Уваров П.Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности: автореф. дис... д-ра ист. наук. Челябинск, 2010.

как социальной группы на территории исторического региона Кубани заключается в станице.

Длительное время роль станиц (куренных селений) предопределялась их опорно-сторожевым статусом в историческом регионе Кубани, который не менялся в течение всей первой половины XIX в., что подтверждается различными историческими источниками, в том числе красноречивыми путевыми заметками великого русского поэта А.С. Пушкина. Он проезжал в августе 1820 г. по дорогам Кубани и с дороги писал своему брату Льву Сергеевичу: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы – любовался нашими казаками: вечно готовы драться; в вечной предосторожности...»¹.

Станицу второй половины XIX в. охарактеризовал свидетель того времени Н.И. Воронов следующим образом: «Станица – далеко не русский уездный город, она значительно уступает ему во всём, что касается выгод и степени общежития. Занимая по большей части четырёхстороннее пространство земли, обнесённое канавою и плетнём из терновника, она напоминает древние русские городки или крепости, которые строились для удержания неприятельских набегов. По углам станицы обыкновенно располагалось по орудию, огорожа из колючего терновника местами прорезывается, представляя таким образом маленькие амбразуры для ружейной пальбы. Для въезда в станицу устраиваются деревянные ворота, при которых содержится караул. С таким устройством станица вполне удовлетворяет местным военным предосторожностям. На четырёхстороннем пространстве станицы помещается сотня – другая дворов, образующих небольшие кварталы, с прямыми улицами и переулками. В центре обыкновенно находится небольшая площадь, и на ней деревянная церковь. Весной, осенью и зимой улицы и переулки покрываются невероятной грязью, летом она засыхает, оставляя ухабы и нечистоты. Хорошо ещё, если турлучные избы с соломенными крышами закрываются зеленью садов и палисадников, не то наружность их навевает грусть на любого проезжающего.

---

¹ Горлова И.И., Манаенков А.И., Лях В.И. Культура кубанских станиц, 1794–1917: Исторический очерк. Краснодар, 1993. С. 82.

На южной линии Черноморья местность по крайней мере разнообразится живописными берегами Кубани, уединённость станичной жизни нарушается звуками почтовых колокольчиков, с ними появляются новые лица, привозятся нестаничные новости. На южной линии Черноморья проезжий может полюбоваться на здешнюю жизнь. На севере Черноморья – степная гладь, и тишь, и глушь. Здешние станицы, не имея надобности в военных предосторожностях, превращаются в посёлки, часто грязные и бедные; однообразной жизни станичных обитателей уже не нарушают военные тревоги»¹.

В источниках XIX в. мы вовсе не случайно обнаруживаем эмоционально-оценочные характеристики кубанской станицы, в частности, в издании «Живописная Россия» отмечалось: «Среди травяных степей, по берегам мутной Кубани, по высокому гребню жёлто-бурого Терека, по сочным долинам Урупа, Лабы, Белой, или Сунжи стоят станицы Кубанских и Терских казаков, стоят громадные слободы русских поселенцев.... Хороши стоят там слободушки!». И далее: «Люди как звери, как птицы, должны здесь сбиваться в многочисленные станицы, чтобы отбиваться и от разбоя людей, и от стихий природы, чтобы найти в самих себе, не рискуя дальним переездом, всё необходимое для скудной и суровой жизни своей в пустой степи... Станица – это далеко не наше простое русское селение. Кубанская или Терская станица – это отрадный оазис среди пустыни, такой же необходимый, такой же редкий, такой же страстно желанный... В станице вы уже чувствуете присутствие силы и безопасности... Тут не только ночлег путнику, кусок хлеба голодному, но и военная стоянка, всегда готовая к отпору, к защите, к возмездью... Ещё не так давно, станицы обносились валами и частоколами; в сторожевой пушке у бревенчатого собора чугунный арбуз постоянно дожидался своей очереди, а с вышек не сходили часовые, озиравшие окрестность. До сих пор везде за Кубанью, за Терекком, вы встречаете эти своеобразные казацкие вышки на трёх громадных дубах, на крытой площадке которых торчит всем знакомая в папaxe и

---

¹ Воронов Н.И. Из Черноморского края // Русский вестник. М., 1856. Т. 6. С. 55–59.

бурке, с ружьём за плечом фигура казака...»¹. Тем самым, в исторических источниках фиксируется социальный поселенческий надлом, произошедший к моменту образования Кубанского войска, когда станица превращается в гражданское селение.

Исторической особенностью кубанских станиц является изначальное государственное и региональное регулирование принятия архитектурно-планировочных решений для будущих казачьих поселений, начиная с момента расселения куреней. Такая управленческая практика продолжается и в более поздние времена, предопределяя коммуникационную роль станиц. Планы застройки казачьих поселений составлялись и утверждались по образцам, изданным в 1832 г., и при этом они предусматривали строгое расположение дворовых мест, улиц и площадей, а также соблюдение иных условий, предписанных для казённых селений Сводом законов Российской империи (издание 1842 г., т. XII, Уставы строевые, раздел 7). Вместе с тем, типовые архитектурно-планировочные проекты застройки казачьих поселений допускали учёт местных обстоятельств в расположении казачьих станиц, принимали во внимание насущные нужды казаков, соотносились с их образом жизни и иными локальными традиционно-поселенческими условиями. Власти твёрдо боролись с самозастройкой и требовали на разрабатываемых поселенческих планах точно обозначать все существующие постройки, в том числе и те строения, которые будут подлежать переносу из-за несоответствия утверждённым архитектурно-планировочным решениям и нарушения проведённых линий для размещения строительных объектов. Эти нормы излагались в Высочайше утверждённых 21 января 1851 г. российским императором Николаем I Правилах о порядке составления, утверждения и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках².

---

¹ Живописная Россия. Т. 9: Кавказ / под ред. П.П. Семёнова. СПб.; М., 1883. С. 149.

² Правила о порядке составления, учреждения и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих областях. СПб., 1851. С. 3.

Можно говорить об осуществлении государственной градостроительной политики в отношении казачьих станиц, направленной на усиление коммуникационной роли этих казачьих поселений. Это напрямую вытекает из установленного российским государством процедурного порядка утверждения перспективных архитектурных планов развития казачьих станиц. Во-первых, на Высочайшее утверждение представлялись перспективные архитектурные планы казачьих станиц, имевших знаковый административный войсковой статус в казачьей области, таких казачьих станиц, где находились войсковые присутственные места, например, войсковые правления или войсковые канцелярии, то есть речь шла о войсковых и окружных административных центрах. Во-вторых, на Высочайшее утверждение направлялись перспективные архитектурные планы многолюдных и торговых казачьих станиц, располагавшихся на торговых трактах. Российское государство таким административным регулированием стремилось добиться коммуникативного эффекта за счёт целенаправленного обеспечения пространственной доступности казачьих хозяйственно-экономических центров и рассчитывало создать на казачьих территориях опорные пункты региональной торговли в привязке к существующей дорожной инфраструктуре. Привлекательные многолюдные станицы, с точки зрения российских властей, могли как нельзя лучше выполнить именно такую коммуникационную роль в казачьем регионе. В-третьих, перспективные архитектурные планы остальных станиц утверждались главными местными начальниками, и тем самым, местные власти имели свою зону административной ответственности за развитие поселенческих структур в казачьем войске.

При планировании жилой застройки казачьих станиц преимущества в строительстве жилья получали, прежде всего, хозяева, способные возвести в нужном месте добротный жилой дом, а, соответственно, любой сторонний наблюдатель при виде таких жилых строений делал практически однозначный вывод о высокой степени зажиточности казачьей станицы, о консолидации в ней предприимчивых хозяев. В пространственном отношении размещение добротных жилых домов власти утверждали в районе центральной станичной

площади и вдоль главных улиц, и такое продуманное архитектурно-планировочное решение как раз-таки и придавало характерный казачий бренд кубанской станице. Первокласность жилых строений дополнялась строгостью расположения станичных кварталов и центральной площади казачьего поселения, в соответствии с нормативно утверждёнными государством правилами жилищного строительства и хозяйственного обустройства¹.

И.Д. Попко осуществил сравнительно-исторический анализ казачьих станиц на Юге России и выделил по уровню социальной организации три варианта, три системы станичного обустройства: донскую, кавказскую и черноморскую, но отдавал предпочтение кавказской системе станичного обустройства. По его мнению, «донская система благодетельна для казака в гражданском быту. Сменившись со службы, он совершенно выходит из-под влияния строевых властей, он не принадлежит более строго и становится в независимое положение действительного гражданина. Он знает, что пока дойдёт до него очередь по станичному списку никто не оторвёт его от домашних занятий. Он уверен в своём завтрашнем дне и может усердно приложить руки к сельскому труду». Иначе обстояло дело с черноморской системой станичного обустройства, считал И.Д. Попко, поскольку «черноморская система не даёт казаку той гражданской независимости, как донская. Привязанный в домашнем быту к своей строевой части казак не уверен в своём завтрашнем дне, и потому меньше предприимчив, менее трудолюбив по части сельского хозяйства. Полки и батальоны формируются из разных станиц через полосицу одного округа. Влияние строевых властей во время домашней льготы казаков доста-

---

¹ Глава I. О гражданском хозяйстве Черноморского казачьего войска. Ст. 424–444; Глава 4. О войсковых доходах и расходах, и о поземельных довольствиях Кавказского Линейного казачьего войска. Ст. 476–498: Раздел Второй. О благоустройстве в селениях казачьих войск Черноморского, Новороссийского, Кавказского линейного, Астраханского и Сибирских. Ст. 424–605 // Свод уставов о благоустройстве в казачьих селениях [1835–1855]. Ст. 1–605. Приложения. П. 1–34 // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный [Текст]: Издание 1857 года. СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2: Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казённых и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. Ст. 424–444; 476–498.

точно ослаблено, во-первых, тем, что люди разбросаны через полосицу по разным станицам. Оттого люди одной станицы служат в разных строевых частях. Неудобство, которое Черноморское войско, поселённое на линии, испытывало именно от своего окружного устройства. Линейные прикубанские станицы подвержены нападению неприятеля. Для защиты обессиленных линейных станиц вызывались из задней полосы льготные части, и эти вызовы делались всегда зимой, то люди должны были испытывать на открытой линии все невзгоды и страдания зимнего бивуакирования. Этого не могло бы быть, если бы войско имело не окружное, а кавказское поселенное устройство». С точки зрения И.Д. Попко, «кавказская система вольного устройства проста и естественна, в ней сохранялась старинное устройство, меньше бюрократизма, и по этой системе жили и служили старшинные казаки. Люди одной станицы служили в одном полку»¹. В оценке И.Д. Попко кавказской системы поселения казачества очевидны привязанности автора, но, если посмотреть на проблему с другой стороны, то каждая из трёх систем по-своему устраивала казаков.

Тем не менее, в целом кубанские станицы как поселенческие структуры получили достаточно сильный импульс развития, и во второй половине XIX – начале XX в. они во много раз превышали размеры русских крестьянских селений. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в кубанских степных станицах насчитывалось в среднем по одной тысяче и более хозяйств, а в предгорных станицах числилось до 400 дворов. В 1890-е гг. в состав Кубанской области входило 212 станиц, 60 посёлков, 29 крестьянских селений².

К началу 1870-х гг. исторический регион Кубани складывается как единое и одновременно как гетерогенное социальное и административно-территориальное пространство. Единым его делало образование Кубанской области и Кубанского казачьего войска, а в остальном ещё предстояло немало потрудиться, чтобы достичь того состояния территории, которая вошла в россий-

---

¹ ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–4.

² Корсакова Н.А. Материальная культура казачьего населения Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // По страницам истории Кубани (краеведческие очерки). Краснодар, 1993. С. 178.

скую историю и социальную практику как историко-культурный феномен Кубань. В дискурсивных конструкциях цивилизационного пространства исторического региона Кубани, возникавших из сложного переплетения геополитики, географии, власти, казачьих воинских подразделений и экономики, достаточно быстро выкристаллизовался и трансформировался российский регион со своими социальными, политическими и культурными иерархиями. Цементирующим элементом при этом выступали поселенческие образования, прежде всего, казачьи станицы, игравшие ключевую роль в конструировании региональной идентичности. При этом консолидировалось и само казачество, поскольку благожелательное существование в полегосударственной власти неизбежно приводило его к нормативно-правовому фиксированию прав и обязанностей и, соответственно, усилению сословных черт¹. Тогда на Кубани существовали три пересекающиеся территориальные поселенческие пространства: 1) территория казачьих традиций; 2) бывшая зона боевых действий; 3) территория иногородних. Эти три поселенческих понятия отражали, с одной стороны, реальные социальные границы в уже сложившемся историко-культурном пространстве, а, с другой стороны, критерии, по которым выявляется принадлежность к ним, одновременно содержат в себе указание на определённые непространственные культурные символы, нормы, ценности (героические и/или мифологические предки, религиозные святыни, «места силы», память войны, семейные истоки, хозяйственный опыт и т.д.).

Пересечение трёх территориальных поселенческих пространств Кубани хорошо заметно в очередной административно-территориальной реформе, когда 20 января 1866 г. в Кубанской области «всё туземное население» делится «на 5 округов: Псекупский, Лабинский, Эльборусский [Карачаевский. – *авт.*] Зеленчукский и Урупский», и в них образуются «Военно-Окружные Управления, по примеру существующих в Терской и Дагестанской областях»². По большому счёту, это было попыткой имперских властей трансформировать

---

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 82.

² Высочайше утверждённое [императором Александром II] временное Положение об управлении горцами Кубанской области. 20 января 1866 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLI. Отд. 1-е [1866 г.]. СПб., 1868. Ст. 42913. Пункт 1.

зону боевых действий, административным стремлением введения её в пространство территории казачьих традиций.

На основании общероссийского нормативно-правового акта «Положение об общественном управлении в казачьих войсках»¹, утверждённого императором Александром II 13/25 мая 1870 г., во всех казачьих поселениях Кубанского казачьего войска (равно как и в других казачьих войсках, кроме Уральского) вводилось новая система местного управления. Предусматривалось две ступени ведения местных дел: станичное общество и поселковое управление, а, соответственно, основными видами казачьих поселений определялись в казачьих регионах станицы и посёлки. Такое нормотворческое ограничение видов поселенческих структур обуславливалось стремлением имперских властей закрепить сословные отличия казачества от невойскового населения, хотя при этом не исключались иные виды поселений, что и подтверждает социальная практика.

Согласно исходным нормативным установлениям Положения «1. Станичное общество составляется из всех без различия сословий жителей станицы с принадлежащими к ней посёлками и поселениями других наименований. Составленное на сём основании росписание станичных обществ по каждому казачьему войску утверждается Военным Советом. 2. Станичное управление в каждом станичном обществе составляют: а) Станичный Сход; б) Станичный Атаман со Станичным Правлением и в) Станичный Суд». «53. Поселковые управления учреждаются в казачьих посёлках, выселках, хуторах, заимках и других наименований поселениях, имеющих не менее 30-ти дворов и находящиеся не в дальнем одни от других разстоянии, соединяются в одно поселковое общество, либо присоединяются к другим обществам, с согласия сих по-

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об общественном управлении в казачьих войсках. 13/25 мая 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 1-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48354.

следних... 54. Поселковое общественное управление составляют: 1) Поселковый Сход и 2) Поселковый Атаман»¹. Тем самым, ведущая роль в формируемом общественном управлении казачьих войск принадлежала станице.

С 1 января 1871 г. вводится новое административное устройство в Кубанской области². После Высочайшего утверждения представленных наместником Кавказа, великим князем Михаилом Николаевичем и рассмотренных Государственным Советом Российской империи предложений о новом устройстве Кубанской и Терской областей, император Александр II, «признав нужным, по сему Высочайшему указу, прежде всего, привести в исполнение приложенные к нему Высочайше утверждённые правила об отчислении к Ставропольской губернии 13-ти станиц Кубанского и Терского казачьих войск», которые «уже обращены в гражданское состояние и присоединены к составу Ставропольской губернии»³.

Вместо упразднённых 30 декабря 1869 г. прежних административных единиц (округов) в Кубанской области образовывались 5 уездов: Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Майкопский и Темрюкский. Перекраивалось поуездное рассредоточение станиц Кубанской области, как основных населённых пунктов на поселенческих территориях, и процесс этот растянулся на целых три года: распределение населённых мест Кубанской области по уездам утверждается только в 1873 г.⁴

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об общественном управлении в казачьих войсках. 13/25 мая 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 1-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48354.

² О распределении должностей в учреждениях Кубанской и Терской областей. Распоряжение Его Императорского Высочества Наместника Кавказского с Высочайшего разрешения [императора Александра II], объявленное Сенату Министром Юстиции [тайным советником, генерал-прокурором, графом Константином Ивановичем Паленом (1830–1912)] 26 января 1871 г. 6 ноября 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48876.

³ О распределении должностей в учреждениях Кубанской и Терской областей. Распоряжение Его Императорского Высочества Наместника Кавказского с Высочайшего разрешения [императора Александра II], объявленное Сенату Министром Юстиции [тайным советником, генерал-прокурором, графом Константином Ивановичем Паленом (1830–1912)] 26 января 1871 г. 6 ноября 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48876.

⁴ Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873. С. 214–232.

Баталпашинский уезд в географическом отношении занимал юго-восточную часть Кубанской области и в административно-территориальном плане с севера гранил с Кавказским уездом самой Кубанской области и со Ставропольской губернией, с запада территориально соприкасался с Майкопским уездом Кубанской области, с юга ограничивался линией горных вершин Главного Кавказского хребта и с востока имел сухопутную границу с Терской областью.

В уезде имелось: 27 станиц, 7 селений, 34 аула, 3 посёлка, 2 колонии (поселения). Среди всей совокупности поселенческих территорий в количественном отношении в уезде явно преобладали станицы и аулы, что вполне логично объясняется водворением линейных станиц во фронтальном регионе взаимодействия казачьей общности, целенаправленно сформированной здесь российским государством, и горцами, осваивавшимися в новой социальной реальности после окончания Кавказской войны. В 1873 г. в Баталпашинском уезде в общей сложности проживало 172329 человек, но в 1881 г. в нём числилось только 146503 человек, что объяснялось изменением административных границ уезда в территориальных пределах Кубанской области. Площадь территории Баталпашинского уезда составляла 17079 кв. вёрст, или в соотносимом варианте она занимала 19,84% всех земель Кубанской области¹. Основная часть населения Баталпашинского уезда принадлежала к казачьему сословию. Размер душевого надела в казачьих станицах колебался в пределах от 20 до 30 дес., к примеру, в ст. Баталпашинской в 1873 г. на мужскую душу приходилось 27,5 дес. земли, а в ст. Усть-Джегутинской казачий надел-пай превышал средние значения и достигал 34,9 дес.² Общая площадь земельных угодий в Баталпашинском уезде составляла 1778901 дес.³

Наличествующий производственно-промышленный потенциал Баталпашинского уезда ориентировался, прежде всего, на переработку местного сельскохозяйственного сырья. В 1871 г. на территории уезда действовали: 2 вино-

---

¹ Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873. С. 240. Паг.

² ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 635. Л. 114.

³ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 59. Л. 237–238.

куренных завода, 91 кожевенных и овчинных заводов, 427 мельниц, 1 салотопенный завод, 10 маслобоен, 3 кирпичных завода. Всего насчитывалось 534 предприятия, на них трудились 815 рабочих, которые выпускали продукции на общую сумму 379 227 рублей¹. Большинство перечисленных выше предприятий территориально находились в казачьих станицах.

Ейский уезд. Уездное управление находилось в г. Ейске, отсюда и данное название уезда. Ейский уезд занимал северо-западную часть Кубанской области. В административно-территориальном плане с северной стороны он граничил с землями Екатеринославской губернии и Области Войска Донского, с восточной и южной сторон к нему примыкала территория Кавказского, Екатеринодарского и Темрюкского уездов Кубанской области, и с запада земли Ейского уезда выходили на берега Азовского моря. Площадь территории Ейского уезда составляла 11278,5 кв. вёрст, или 13,44% общего количества земель Кубанской области². В состав Ейского уезда входили: г. Ейск с населением 26274 чел., 30 станиц с населением 89 448 чел. и две колонии с немецким населением.

Все станицы Ейского уезда по критерию общего количества населения К.Н. Чёрный разделил на 4 группы. К первой группе станиц относились Староминская, Старощербиновская и Уманская, имевшие примерно 6–7 тыс. жителей. Ко второй группе принадлежали ст. Должанская и Новодеревянковская с населением от 4000 до 5500 чел. В третью группу входили станицы: Камышевская, Конеловская, Кущёвская, Новолеушковская, Новощербиновская, Стародеревянковская, Шкуринская, где проживало от 3000 до 3800 чел. В четвёртой группе объединялись станицы: Батуриновская, Бриньковская, Ирклиевская, Копанская, Крыловская, Павловская, Старолеушковская, Ясенская, насчитывавшие от 1600 до 2600 жителей³.

---

¹ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1036. Л. 422.

² Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 51. Паг.

³ Чёрный К.Н. Ейский уезд. Статистическое описание // Кубанский сборник. 1883. Т. 1. Екатеринодар, 1883. С. 362.

Внешний архитектурно-планировочный вид станиц Ейского уезда красноречиво указывал на неограниченный простор освоенных жителями земель, ведь, кроме приморских станиц Должанской и Камышеватской, остальные поселения располагались по берегам рек и представляли собой длинную извилистую линию растянутых по берегам степных речек дворов. В центре каждой станицы находилась общая площадь поселения с выстроенной на ней церковью, а кварталы хозяйских усадеб не только занимались различными строениями, но и отмечалось множество зеленеющих садов почти в каждом дворе¹. Однако каменных и деревянных домов насчитывалось в ейских станицах немного, в основном хозяева строили саманные и турлучные дома под камышовой крышей. Большая часть домов в станицах состояли из одной или двух комнат с глиняными полами и просторными сенями. При этом дома, устраиваемые станичниками «с присінками» (с пристроенными сенями, порой с чуланчиком), имели вполне опрятный наружный вид.

В составе населения Ейского уезда к 1 января 1881 г. среди идентифицируемых групп жителей преобладали казаки (68,2%, или 81454 чел.). Вторую по численности группу составляли крестьяне и мещане (23,72%, или 28244 чел.), третья группа населения обозначалась общим термином «войска» (3,6%, или 4311 чел.) и четвёртая группа населения относилась к немцам-колонистам (0,78%, 924 чел.). Остальные 4482 чел. по группам в источнике информации не делились².

К основным хозяйственным занятиям жителей Ейского уезда относились: земледелие (в местных хозяйствах производились: озимая пшеница, рожь, овёс, ячмень, гречиха, иные яровые хлеба), рыболовство, коневодство, скотоводство и овцеводство, причём, существовала специализация по выращиванию тонкорунных овец.

---

¹ Чёрный К.Н. Ейский уезд. Статистическое описание // Кубанский сборник. 1883. Т. 1. Екатеринодар, 1883. С. 394.

² Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 51.

Отдельно следует остановиться на развитии рыболовного промысла в Ейском уезде, где в промышленных масштабах велась заготовка вяленой азовской рыбы, поэтому вовсе не случайно зимой и весной рыба в вяленом и замороженном виде поставлялась с приазовских рыбных промыслов даже к столу Его Императорского Величества, что свидетельствовало о высоком качестве получаемого продукта. В течение всего года рыбу можно было свободно купить практически во всех торговых точках Ейского уезда, причём, прежде всего, свободно приобрести живую рыбу, содержащуюся в особых рыболовных садках. Местные предприниматели успешно наладили массовое производство чёрной и красной икры, которая в специальных бочонках увозилась во все губернии Российской империи и отправлялась за границу, что позволял сделать Ейский морской порт¹.

Екатеринодарский уезд граничил с северной стороны с Ейским и Кавказским уездами Кубанской области, с востока он размежёвывался с землями Кавказского и Майкопского уездов Кубанской области, к югу от него находился Закубанский уезд и к западу от Екатеринодарского уезда располагался Термюкский уезд. Получалось, что Екатеринодарский уезд занимал центральную часть Кубанской области, но в географическом отношении территория уезда несколько смещалась в северо-западном направлении. Река Кубань разделяла Екатеринодарский уезд на две неравные части: большая из них, фиксированная к северу от речной долины Кубани, представляла собой сплошную равнинную местность, на которой водворились казачьи станицы, посёлки и хутора, другая же, меньшая, часть Екатеринодарского уезда простиралась к югу от реки Кубани, и её территория находилась во владении поселённых там черкесских обществ².

Уезд включал: 1 город, 37 станиц (из них две с поселковым управлением), 2 посёлка (оба посёлка причислены к станицам), 1 местечко. Среди поселенческих структур явно преобладали станицы, а их концентрация и численность

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 28. Л. 45об.

² Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / сост. действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 43.

населения по мере приближения к Екатеринодару заметно увеличивались. При дифференциации всех земельных угодий Екатеринодарского уезда на отдельные категории, в состав уезда входили: 1) наделы казачьих станиц; 2) земли горских обществ; 3) участки офицеров и чиновников войскового сословия; 4) Высочайше пожалованные земли за отличия по службе на Кавказе отдельным лицам; 5) земли самого города Екатеринодара. Уезд занимал территориальное пространство общей площадью 10304,5 кв. вёрст, что составляло 12,35% всей территории Кубанской области. На 1 января 1881 г. население Екатеринодарского уезда (без учёта жителей самого города) насчитывало 84537 мужчин и 81781 женщин. Преобладающими по численности среди отдельных групп жителей являлись представители казачьего сословия, объединившие 53323 мужчин и 53 074 женщин, всего 106397 человек, или 64% общей численности населения уезда. Горское население составляло в уезде 20476 чел., 12%¹.

В числе основных хозяйственных занятий жителей Екатеринодарского уезда на первое место выходило земледелие, а также местные хозяева заметно тяготели в своих сельскохозяйственных устремлениях к скотоводству и овцеводству. Земледелие носило в уезде не просто товарный, а исключительный экспортный характер, что предопределило функционирование в городе Екатеринодаре множества хлебных контор, которые целенаправленно скупали зерновой хлеб, собирали большие партии зерна и отправляли грузовым транзитом по реке Кубань в Темрюк, откуда через торговые порты Керчи и Одессы богатые кубанские урожаи обильным потоком текли за границу.

В 1870-е гг. Екатеринодарский уезд становится центром маслобойного производства на Кубани, вследствие получения местными домохозяевами высоких урожаев масличных растительных культур. В результате количество перерабатывающих предприятий, использующих продуктивное сельскохозяйственное сырьё, постоянно росло. Так, если в 1872 г. в уезде функционировало

---

¹ Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 43.

только 70 маслобойных заведений, то в 1875 г. их общая численность возросла до 85 заводов, а в 1878 г. в уезде работала уже 91 маслобойня¹.

В целом же, в Екатеринодарском уезде местная перерабатывающая промышленность получила значительное развитие. В 1878 г. здесь работали: 2 мыловаренных завода с годовым хозяйственным оборотом 1 575 руб., действовало 18 кирпичных заводов с объёмом выпуска продукции на общую сумму 26150 руб., функционировало 27 кожевенных заводов с годовым хозяйственным оборотом 17500 руб., существовали 20 чембарных производств с объёмом выпуска продукции (грубой ткани) на общую сумму 1500 руб., работал один рыболовный завод с годовым экономическим оборотом 1400 руб. Кроме того, в Екатеринодарском уезде получили большой хозяйственный импульс кузнечные, бондарные, гончарные, овчинные заведения, перемалывали урожай зерновых культур 22 водяных и 220 ветряных мельниц². Активно развивалась в Екатеринодарском уезде ярмарочная торговля. Кроме трёх екатеринодарских ярмарок, крупные ярмарки проводились в станицах Березанской, Васюринской, Кореновской, Медвёдовской, Новомалороссийской, Роговской и Старовеличковской³.

Майкопский уезд в географическом отношении занимал самую южную часть Кубанской области, и в административно-территориальном плане граничил с северной стороны с Кавказским и Екатеринодарским уездами, с востока размежёвывался с Баталпашинским уездом Кубанской области, с юга соприкасался с Черноморским округом и с западной стороны ограничивался частью Закубанского уезда и частью Екатеринодарского уезда Кубанской области. При классификации земельных угодий Майкопского уезда на категории установлено, что в состав уезда входили казённые земли нагорной полосы Закубанья, казённые лесные дачи: Андрюковская, Белореченская, Даховская и Махошевская, земли горских обществ из 22 аулов, земля г. Майкопа, наделы

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 206а. Л. 511об.

² ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 196. Л. 74.

³ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 196. Л. 85.

казачьих станиц и посёлков, владельческие участки и участки казачьих офицеров, земля двух сельских обществ и одной слободки¹. В Майкопском уезде проживало 130311 чел., в том числе, к казачьему сословию относились 66125 чел. (48% населения уезда), насчитывалось 31466 черкесов (24% населения), остальные жители идентифицировались как иногородние или как иностранные граждане. Население уезда к 1 января 1888 г. составляло 130311 чел., из них 70583 мужчин и 63728 женщин. Преобладающей частью населения Майкопского уезда считались казаки (66125 чел., 48% населения). Горские народы составляли 24% населения, к крестьянам и мещанам относились 22%².

Одним из главных хозяйственных занятий населения уезда являлось земледелие, а также большое значение имело скотоводство и овцеводство. К хозяйственным особенностям уезда и способам получения дополнительного заработка жителями относилось пчеловодство. Но по сравнению с жителями других уездов области только население Майкопского уезда занималось широкомасштабным сбором лесных фруктов и переработкой лесных даров с целью производства пищевых продуктов на продажу. В уезд целенаправленно приезжали скупщики из России для вывоза природных даров и продуктов их переработки с последующей продажей приобретённых по сходной цене продовольственных товаров оптом и в розницу за пределами Кубанской области. Совокупный торговый оборот всех ярмарок Майкопского уезда по статистическим данным на январь 1883 г. составлял 105400 руб.³ Майкопский уезд также являлся центром винокуренной отрасли в Кубанской области, что обуславливалось наличием здесь хорошей сырьевой базы. Сбыт изготовленного спирта осуществлялся в Кубанской области и в Ставропольской губернии⁴.

---

¹ Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / Составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 88.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 28. Л. 110.

⁴ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 9. Л. 117.

Темрюкский уезд в географическом отношении занимал северо-западную часть Кубанской области и в административно-территориальном плане граничил с восточной стороны с Екатеринодарским и с Закубанским уездами Кубанской области, с севера он соприкасался с землями Ейского уезда Кубанской области и выходил на побережье Азовского моря, с запада имел только морскую границу, пролежавшую по побережью Азовского моря, берегам Керченского пролива и Чёрного моря, с южной стороны земли уезда оканчивались на побережье Чёрного моря и отграничивались горным хребтом Маркотх, отделявшим Темрюкский уезд от Черноморского округа. При дифференциации всех земельных угодий Темрюкского уезда входили земельные наделы станиц, офицерские земельные участки, Ачуевский рыболовный завод, принадлежавший всему Кубанскому казачьему войску. Земельные наделы населения уезда тянулись от станицы Таманской до Темрюкского городского выгона, затем простирались от станицы Курчанской до Ачуевского рыболовного завода. В общей сложности Темрюкский уезд занимал пространство 10439 кв. вёрст, или 1087329 дес.¹

В Темрюкском уезде имелись следующие формы поселений: 1 город, 39 станиц (из них две с поселковым управлением), 10 посёлков (из них 9 причислены к станицам), 1 селение, 1 рыболовный завод. Среди поселенческих структур преобладали станицы, причём, сформировавшиеся в рамках двух векторов развития: из бывших куреней черноморских казаков и результатов проникновения в Закубанье и освоения Левобережья Кубани и предгорий Северо-Западного Кавказа. Общая численность населения уезда по состоянию на январь 1881 г. достигала 99376 чел., из них фиксировалось 51509 мужчин и 47867 женщин. Если дифференцировать жителей уезда по основным категориям населения, то представителей казачьего сословия насчитывалось 69114 человек (69,5% численности всего населения); иногородних, имеющих оседлость, значилось 18574 чел. (18,7 %); иногородних, не имеющих оседлости,

---

¹ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 196. Л. 11.

сосредоточилось в уезде 11688 чел. (11,8 %) ¹. Значительная доля иногородних в составе населения Темрюкского уезда объяснялась предоставлением им права собственности на землю и соответствующего хозяйственного обустройства в соответствии с Высочайше утверждённым 29 апреля 1868 г. мнением Государственного совета «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» ².

Хозяйственные занятия населения Темрюкского уезда имели достаточно широкий спектр, прежде всего, жители тяготели к земледелию и скотоводству. Товарный характер выращивания зерновых и технических культур обуславливал масштабную торговлю хлебом и возделываемым льном, шедшим на изготовление тканей и выработку масла. Урожай зерновых культур и производимый лён сбывались в трёх станицах Темрюкского уезда: Крымской, Новонижестеблиевской и Таманской. Природно-климатические и хозяйственно-экономические условия позволяли населению уезда также заниматься и другими важными промыслами, приносящими жителям немалый доход, к числу которых относились: извозничество, садоводство, пчеловодство, рыболовство, коневодство, а ещё и лесной промысел. На особом положении, в силу прибрежного характера территории уезда и наличия на ней большого количества лиманов и речных русел, находилось рыболовство. В 1873 г. в Темрюкском уезде насчитывалось 193 рыболовных заведения, годовой оборот которых составлял 154 тыс. руб., а трудилось на них 3 тыс. чел. ³

Полную статистическую картину поселенческих структур в регионе позволяет представить ведомость о числе селений в Кубанской области за 1874 г.,

---

¹ Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 61.

² О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 18 июня. 29 апреля 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1-е [1868 г.]. СПб., 1873. Ст. 45785.

³ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 196. Л. 19.

хранящаяся в архивных коллекциях Государственного архива Краснодарского края¹ (см. Приложение 4).

Однако после распределения станиц и иных поселенческих образований между пятью уездами Кубанской области процесс перекраивания поселенческого пространства на этом не остановился. Границы между отдельными станичными юртами и в целом между уездами постоянно менялись и уточнялись, из одного уезда в другой передавались как единичные населённые пункты, так и сразу несколько станиц. 27 января 1876 г. в Кубанской области «сверх ныне существующих» учреждаются «ещё два новые уезда: Закубанский и Кавказский»². Закубанский уезд включал: 31 станицу, 5 посёлков и 2 местечка. Среди поселенческих структур уезда явно преобладали станицы, причём, большая часть из них водворилась в нагорной полосе Закубанья, что определило название уезда, для которого наиболее актуальной проблемой являлось развитие межпоселенческих коммуникаций. В составе уезда оказались и два примечательных для истории Кубани местечка (Горячий Ключ и Григорьевское). Кроме того, в составе Закубанского уезда фиксировалось 181 хуторов и плантаций на владельческих и юртовых землях³. В Кавказский уезд входили: 27 станицы, 17 казачьих посёлков и иных поселений, 3 немецкие колонии⁴. Среди поселенческих структур заметно преобладали станицы, а наличие других типов поселений свидетельствовало о проникновении и укоренении на территории уезда больших масс иногороднего населения. Также сказывалось немаловажное обстоятельство, связанное с лучшей обжитостью северной части Кавказского уезда и/или ближнего Прикубанья.

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 441. Л. 77.

² Об учреждении в Кубанской области двух новых уездов и усилении состава областных и уездных полицейских учреждений в Кубанской и Терской областях. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. 27 января 1876 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 1-е [1876 г.]. СПб., 1878. Ст. 55514.

³ Памятная книжка Кубанской области. Издание 1881 года / составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. С. 71.

⁴ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 28. Л. 88.

В апреле 1883 г. главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков обращается в имперские инстанции с предложением о целесообразном изменении, говоря современным языком, административного комплаенса Кубанской и Терской областей¹. В течение нескольких лет проходило обсуждение этого вопроса кавказским начальством и Особым совещанием при Главном Управлении казачьих войск, рассматривались различные проекты административных преобразований в этих областях. Предполагалось, согласно первоначальному проекту, разделить Кубанскую область на семь отделов, вместо семи уездов, существовавших с 1876 г. При этом принималось во внимание то обстоятельство, чтобы каждый полковой округ, предназначенный для формирования конных полков, не был бы разделён между соседними отделами, а Закубанская полоса, где проживало самое бедное казачье население, распределялась между отделами равномерно, и таким способом обеспечивалось бы формирование пеших пластунских батальонов, служба в которых не требовала от казака больших расходов на снаряжение². Как мы полагаем, ходатайство князя А.М. Дондукова-Корсакова о необходимости административных преобразований обуславливалось насущными потребностями совершенствования военно-организационной структуры Кубанской области, стремлением подчеркнуть первостепенность её казачьей составляющей и желанием сделать отдельные части Кубанского казачьего войска более самостоятельными социально-экономическими единицами, по возможности выровнять внутренние административно-территориальные части Кубанской области по базисным показателям между собой.

В результате с 21 марта 1888 г. «Кубанская область состоит из семи отделов: Ейского, Темрюкского, Екатеринодарского, Майкопского, Кавказского, Лабинского и Баталпашинского»³, и это деление Кубанской области на семь

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 88. Л. 141.

² ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 88. Л. 165.

³ Высочайше учреждённое [императором Александром III] Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа. 21 марта 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. VIII [1888 г.]. СПб., 1890. Ст. 5077.

отделов просуществовало до 1920 г. Причём, с той же даты «Черноморский округ, оставаясь в составе административных частей Закавказья, подчиняется в порядке управления, стоящего на ступени губернского, Начальнику и областным учреждениям Кубанской области»¹.

Чтобы представить общую социально-демографическую картину по всем отделам Кубанской области мы обратились к данным отчёта Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Я.Д. Маламы за 1898 г.², на основе которых получилась следующая таблица (см. Приложение 5), демонстрирующая статистическими средствами место и роль казачества к концу XIX в. в Кубанской области.

Итак, во второй половине XIX в. в Кубанской области постепенно складывается своя внутренняя система административно-территориального деления. Имперские властные практики фронтального пространства в условиях Кавказской войны уступают место бюрократическому управлению, и модель военного управления отходит на второй план, но полностью от неё отказаться не могли из-за особенностей казачьего региона, где организация воинской службы являлась неотъемлемой частью сферы компетенции войсковых органов управления. В этом прослеживается идеологическая приверженность консерватизму, и, как правомерно замечает Н.Н. Великая, «взаимодействие казаков с властью привело не только к выполнению ими пограничной службы, но и к трансформации их внутренней структуры, самоуправления, хозяйственных занятий. Различные стороны взаимодействия с государством воспринимались казаками неоднозначно. Охрана границ рассматривалась как священный долг, вмешательство государства во внутреннюю жизнь вызывало протесты, облекавшиеся в разные формы неповиновения, побег, жалобы. Культивирование лояльности к государственной власти, введение в общее социально-правовое

---

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. VIII [1888 г.]. СПб., 1890. Ст. 5077. Пункт 3.

² Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Составил Генерального штаба подполковник Г. Корольков. Тифлис, 1900. С. 4.

пространство с чётким определением прав и обязанностей придавали казачеству всё больше черт сословности»¹. Цементирующим элементом при этом выступали поселенческие идеократические образования, прежде всего, казачьи станицы, игравшие ключевую роль в конструировании региональной идентичности. Они сознательно сооружались и укреплялись как центры властного притяжения поселенческих территорий, как реперные точки российского присутствия, особенно, на новых обживаемых пространствах Кубанской области. Имперские и войсковые власти заботились об усилении поселенческой территории казачьих традиций. Причём, целенаправленно изменялась ситуация и на поселенческой территории регионального кубанского фронта, в районах бывшей зоны боевых действий. Базисным поселенческим образованием в обозначенной зоне выступила казачья станица.

6.2. Модернизация станичных и иных поселенческих структур в последней трети XIX – начале XX вв.

Модернизация станичных и иных поселенческих структур в последней трети XIX – начале XX вв. приводит к мультимодальности ключевого станичного поселенческого образования для создания единого культурного артефакта кубанского поселения. Если ранее черноморская и, особенно, линейная станица рассматривались в качестве укрепленного позиционного района, то модернизационный прорыв в обозначенный исторический период изменяет принципы поселенческого миромоделирования. На Кубани формируется развитый станичный юрт, когда станица выступает поселенческим административным центром со своей социально-поселенческой ролью, что представлено нами в рамках критического дискурс-анализа станичной реальности исторического региона Кубани. Принцип географического детерминизма в дифференциации поселенческих территорий Кубани уступает место экономико-отрас-

---

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 82–83.

левому критерию, когда поселенческая стратегия развития зависит не исключительно от месторасположения станицы, скажем, в числе закубанских поселений, а моделируется базисным промыслом, основным видом сельскохозяйственной продукции, транспортными возможностями, преимущественными торговыми операциями и др. Отсюда следует появление в процессе модернизации региональных социальных звёзд притяжения в поселенческом пространстве Кубани, причём, не все такие станицы, равно как и иные кубанские поселенческие структуры, одновременно являлись административными центрами.

Модернизация станичных и иных поселенческих структур в последней трети XIX – начале XX вв. вовсе не исключала количественного роста станичных поселений, а вот факторами этого процесса зачастую выступало население старожильных станиц. И здесь мы наблюдаем два вектора развития: во-первых, увеличение численности (плотности) населения самих поселений, и, во-вторых, нарастание множественности поселенческих структур, прежде всего, станиц и хуторов. Модернизация поселений сопровождалась процессом означивания большой группы поселенческих объектов в культурно-территориальном пространстве исторического региона Кубани через наделение их тем или иным именем. Это обуславливалось стремлением местных сообществ к изменению поселенческого статуса, который открывал бы больше возможностей для развития поселения, способствовал росту его кратического потенциала, улучшал бы региональное брендинг путём обращения к образам известных героев и мифологизации топонимических наименований поселений. В обозначенном процессе большую роль играл административный ресурс отдельных должностных лиц, занимавшихся социальным менеджментом в историческом регионе Кубани, и желание войсковых властей целенаправленно подыграть имперским ставленникам и отстоять какие-то местные интересы. Глобальные поселенческие трансформации претерпели далеко не все станицы и хутора, но это вовсе не исключало появление в них заметных эволюционных изменений. Тем самым, модернизация поселенческого пространства явно назрела, и она оказалась неизбежной даже в тех поселениях, где историческая повседневность казалась неспешной.

Обратимся к истории крупнейших казачьих поселений Кубанского казачьего войска. Например, станица Баталпашинская являлась экономическим и культурным региональным центром на Верхней Кубани в начале XX в. и относилась к числу крупнейших кубанских станиц. В станице размещались важные административные, промышленные, хозяйственные и социальные учреждения: правление Баталпашинского отдела, кредитное товарищество, типография, электростанция, поташный, пивоваренный, кирпичный, два лесопильных завода (куда сплавлялся сосновый лес по реке Теберда, первому левому притоку Кубани) и четыре кожевенных предприятия, четыре хлебные ссыпки, два склада земледельческих орудий, четыре вальцовые и одна паровая мельницы. Существовали войсковая больница, действовала аптека, работали три аптечных магазина, около 60 чел. занимались различными торговыми операциями¹. Жители любовно её называли Пашинкой.

Станица Уманская (с 1934 г. – Ленинградская) являлась одним из региональных торгово-промышленных рынков, где функционировало 40 мельниц, в том числе одна из них паровая. Нельзя сбрасывать со счетов и существование Уманского полкового округа, что считалось немаловажным обстоятельством. Характерной фигурой казачьего населения станицы середины и конца XIX в. являлся казак среднего достатка. Хозяйственное процветание станицы обуславливалось прокладкой Ейской железной дороги в течение 1908–1911 гг. (завершение строительства дороги произошло только в 1914 г.) с веткой до станичного поселения. Ейская железная дорога пересекала реку Сосыка и соединялась с Владикавказской железной дорогой, главной железнодорожной магистралью Северного Кавказа. Пришедшая в станицу железная дорога имела большое значение для дальнейшего экономического развития ст. Уманской и соседних с нею станиц и хуторов, ведь с начала XX в. здесь шла довольно бойкая торговля хлебом. В станице появились высокопроизводительные частновладельческие предприятия: паровая мукомольня, свечной завод, шерстобитня, маслобойные и другие промышленные заведения.

---

¹ Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 135.

С перенесением сюда административного центра всего Ейского отдела станица стала ещё более заметно расти, и её население непрерывно увеличивалось. В Уманской даже действовал свой электробиограф (кинотеатр), работал книжный магазин, функционировали 3 аптекарских магазина, существовали несколько столовых, баня и «масса торговых предприятий»¹. Ежегодно, в феврале в станице проводилась Обретенская ярмарка, где шла оживлённая и бойкая торговля. Среди предприимчивого люда появились различного рода скупщики товаров, в том числе, сельскохозяйственной продукции. Административный статус способствовал тому, что на улицах ст. Уманской фланировало множество офицеров и казачьих чиновников (зарождалась своя «военная аристократия»), и местному обывателю не всегда было понятно: толи они по важному делу шествуют, толи просто прогуливаются, ради отдохновения от праведных забот. Наиболее зажиточные станичные жители отправляли своих детей учиться в учебные заведения Киева, Харькова и даже Санкт-Петербурга и Москвы. В Уманской стали быстрее развиваться коммуникационные связи, и здесь открыли собственную почтово-телеграфную контору. Забурлила общественная культурная жизнь, и сюда даже из Екатеринодара приезжали труппы актёров и солировали на местных подмостках столичные певцы. Станица росла и превращалась в маленький многолюдный и довольно оживлённый уездный городок. Кроме того, в станице издавна существовала военно-ремесленная школа². К 1911 г. в Уманской появилось много предпринимателей, коммерсантов и промышленников, о чём издававшаяся в Ейске газета «Кубанская речь» красноречиво резюмировала: «Уманская приобретает популярность как торговый и промышленный центр. В станице уже существует несколько фирм из Ейска, в том числе, братьев Тихоновых и Черчепова»³.

Станица Кавказская с 1888 г. по 1924 г. станица являлась административным центром Кавказского отдела вначале Кубанской области, а затем с марта

---

¹ Архив муниципального образования Ленинградский район (АМОЛР). Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 12. Л. 60б.

² Архив муниципального образования Ленинградский район (АМОЛР). Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–5.

³ Кубанская речь. 1911. № 268. 25 марта. С. 3.

1920 г. – Кубано-Черноморской области. Земельный простор, высокое плодородие местных почв, лёгкий сбыт сельскохозяйственной продукции привлекли в станичный юрт множество переселенцев из внутренних губерний России. Жизнь станичников заметно изменилась с развёртыванием строительства Владикавказской железной дороги. Как свидетельствовал А.Д. Ламонов, «в начале июля 1875 г. прошёл первый пассажирский поезд. Вся станица вышла на вал посмотреть двигавшийся поезд, остались дома только старики, смотревшие на пар как на нечистую силу»¹. Более того, первое время станичники выражали большое недовольство железной дорогой, поскольку «шум двигающегося поезда, пар и свистки паровоза пугали животных, которые неслись во все стороны, случалось в этом случае, что от возов и повозок оставались обломки, и пассажиры их получили более или менее тяжкие увечья, приходилось и на рельсах находить трупы домашнего скота»². Возле станицы со временем в 1897 г. образовалась на линии Кавказская–Передовая железнодорожная станция Гетмановская, а основной железнодорожный узел возник возле юртового хутора Романовского, где основалась станция Кавказская Владикавказской железной дороги, во многом своим функционированием предопределившая быстрый поселенческий и экономический рост хутора.

Основными занятиями станичников являлись земледелие и скотоводство, но немалый доход им приносила аренда земельных участков, ведь прогрессирующий хутор Романовский и все земли, прилегавшие к железной дороге, входили в состав станичных юртовых земель. Строительство железнодорожной станции и активное заселение хутора Романовский способствовали хозяйственному укоренению здесь иногороднего населения, состоявшего в основном из торговцев, промышленников и рабочего люда, ставшими основными арендаторами паевых наделов казаков на вполне выгодных условиях. Местная (кустарная) промышленность в конце XIX в. была представлена рядом неболь-

---

¹ Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794 – 1894 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 10. Паг.

² Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794 – 1894 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 10. Паг.

ших предприятий: действовали 3 кирпичных завода, работали в станице 2 кузницы, функционировали 9 бондарных мастерских, перерабатывали зерно на 21 мельнице. Повседневная торговля велась в 15 лавках, а в воскресные дни обычно собирался громкоголосый станичный базар, но, кроме того, бывала и сезонная ярмарка.

По своему внешнему виду в конце XIX в. отдельская станица Кавказская представлялась довольно опрятным городком¹, расположенным на правом берегу реки Кубань. Нахождение станицы в семи верстах от Владикавказской железной дороги обеспечивало ей большие возможности для развития активной хлебной торговли и местной промышленности. Из всех кавказских станций самой оживлённой и богатой хлебом считалась железнодорожная станция Кавказская, с которой в одном только 1875 г. вывезли 2321 тыс. пудов товарного хлеба². Высокий уровень агропромышленного развития станичного юрта и коммуникационные возможности обеспечили существенный прирост населения. В конце XIX в. в станице насчитывалось 940 жилых домов казаков и 396 жилых домов иногородних³. К 1913 г. в станице среди торгово-промышленных предприятий ведущее место занимали молочное производство с годовым оборотом в 11100 рублей, а также смешанная торговля мануфактурными, швейными товарами с годовым оборотом в 97500 рублей⁴.

Станица Славянская образована на берегу реки Протока в дельте Кубани в 1865 г., но административным центром Таманского отдела она стала только в 1897 г. В газете «Кубанские областные ведомости» за 1894 г. в рубрике «По областям» сохранилась примечательная зарисовка неизвестного современника о станице: «Станица Славянская – эта одна из лучших, красивейших и важнейших станиц области. Вся она тонет в зелени, будучи расположенной над красивой, широкой судоходной Протокой, окружена живописными рощами, вет-

---

¹ Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 296.

² ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 782. Л. 30об.

³ Кубанская справочная книжка на 1894 г. Екатеринодар, 1894. С. 66.

⁴ Кубанский календарь на 1913 год. Екатеринодар, 1913. С. 692.

ряками и хуторами. Немалым украшением её служит большой красивый винокурный завод и два конкурирующих рядом стоящих моста, Полтавский и Славянский»¹.

Станица являлась важнейшим узловым транспортным пунктом на общекубанском дорожном тракте от Екатеринодара до Тамани и Темрюка, и на большаке от Екатеринодара до Крымской и Новороссийска. Сплав хдеба по реке Кубани значительно поднял значение станицы. Славянская не потеряла ключевого значения срединной кубанской станицы и успешно развивалась даже с проведением важной железнодорожной ветки Владикавказской железной дороги Екатеринодар – Новороссийск в 1888 г., несмотря на то, что станица на длительный срок (25 лет) осталась в стороне от большого пути своего времени. В газете «Кубанские областные ведомости» правомерно подчёркивалось, что «силы Славянской заключаются в богатой земледельческой окрестности, для которой станица является центральным пунктом и складочным местом»².

В начале XX в. станица Славянская превратилась в крупного международного экспортёра зерна, поскольку пшеница всегда являлась основной культурой в хозяйствах местных станичников, а накопленный ими уникальный земледельческий опыт по её выращиванию обеспечивал достаточно стабильные урожаи. Сельское хозяйство в целом считалось ведущей отраслью местной экономики, и земледельческий труд являлся основным занятием станичного населения, численность которого в 1913 г. составляла 25 тыс. человек³.

Кроме прибыльных зерновых культур, прежде всего пшеницы, для частных потребительских целей станичники также успешно выращивали лён, коноплю, бахчевые культуры и овощи. С 1910 г. в хозяйских огородах всё чаще

---

¹ Станица Славянская. (По областям) // Кубанские областные ведомости. 1894. № 45. 18 июня. С. 3.

² Станица Славянская. (По областям) // Кубанские областные ведомости. 1894. № 45. 18 июня. С. 3.

³ Славянский район: история и современность / авт.-сост. Д.А. Решмет. Краснодар, 2017. С. 88.

стала появляться сахарная свекла. Активно местные жители возделывали подсолнух, поэтому в станице имелось 4 маслобойни, а производимое на них подсолнечное масло не только потребляли в станице, но и вывозили даже за пределы Кубани. Рост индустриальной и разночинной частей станичного населения обусловил открытие в 1911 г. станичной хлебопекарни. С 1913 г. станица Славянская превращается в крупного поставщика продуктов животноводства (шерсти, кожи, мяса).

Местная промышленность в основном была представлена предприятиями, обеспечивавшими переработку больших объёмов производимой в станичных окрестностях сельскохозяйственной продукции. В 1915 г. в станице по-прежнему функционировали 4 маслобойни, осуществляли помол зерна 4 паровые и 32 ветряные мельницы, производил вино-водочные изделия винокурный завод, выделывали кожи 2 кожевенных завода, изготавливали различные металлические изделия и занимались текущим ремонтом сельскохозяйственных орудий 30 кузниц, а также работал ряд других ремесленных и торговых предприятий¹.

3 июня 1891 г. принимается новое, общероссийское «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск»². Согласно пункту 1 этого нормативно-правового акта: «Общественное управление станиц казачьих войск составляют: 1) станичное управление и 2) хуторское управление»³.

Помимо общероссийских критериев деления станиц с точки зрения организации общественного управления (на окружные или отдельные, а также юртовые), на Кубани существовали региональные подходы к классификации станичных поселений и дифференциации станиц на отдельные разряды. Насколько нам удалось документально установить, ещё в 1847 г. войсковой архитектор Елисей Денисович Черник предложил войсковым властям делить

---

¹ Славянский район: история и современность / авт.-сост. Д.А. Решмет. Краснодар, 2017. С. 86.

² Высочайше утвержденное [императором Александром III] Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. 3 июня 1891 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XI [1891 г.]. СПб., 1894. Ст. 7782.

³ Там же. Пункт 1.

станичные поселения на 3 разряда. Он обратился в Войсковое Правление Черноморского казачьего войска с рапортом к начальнику войскового штаба, исправляющему должность Наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-лейтенанту Г.А. Рашпилю в сентябре 1847 г. В своём рапорте он подчёркивал: «Во избежание излишних трудов составления чертежей и сметы для станичных запасных общественных хлебных магазинов, а также для сокращения переписки Войскового Правления, полагаю станицы разделить на 3 разряда по народонаселению, по потребности и сообразно этому составить проект, причислив каждую станицу к своему разряду»¹. Войсковое Правление в результате рассмотрения рапорта Е.Д. Черника пришло к заключению, «что сообразно народонаселению станиц Черноморского войска, Правление войсковое полагает разделить оные на постройку в них запасных хлебных магазинов»². Но кубанские станицы разделили не на предложенные 3, а на 4 поселенческих разряда. В 1-й поселенческий разряд входили станицы с численностью населения от 263 до 500 душ мужского пола, обязанных отдавать добровольный внос в станичный запасной магазин хлеба. Во 2-й поселенческий разряд относили станицы с самооблагаемым населением в количестве от 500 до 1000 душ мужского пола. К 3-ему поселенческому разряду принадлежали станицы с численностью обязанных от 1000 до 1500 душ мужского пола. В 4-й поселенческий разряд включали станицы с параметрами облагаемых лиц от 1500 до 2000 и выше душ мужского пола. В результате сложилась предметная поселенческая картина.

Согласно критерию классификации войскового архитектора Е.Д. Черника, к 1-му поселенческому разряду причислили следующие станицы Черноморского казачьего войска: Ахтанизовская (314 облагаемых душ мужского пола), Батуриная (334), Вышестеблиевская (499), Гривенский черкесский аул (в статусе станицы; 263), Новокорсунская (496), Новолеушковская (393), Павловская (467), Старотитаровская (369), Тамань (314), Татарская Ада (281).

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 766. Л. 1.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 766. Л. 3.

Ещё 2 станицы, приписанные к этому разряду, зафиксированы в архивном документе неразборчиво для чтения.

Ко 2-му поселенческому разряду относили следующие станицы Черноморского казачьего войска: Березанская (936 душ мужского пола), Динская (602), Дядьковская (524), Елизаветинская (727), Иркилевская (851), Канеловская (782), Крыловская (788), Куцевская (831), Марьинская (828), Нововеличковская (849), Новодеревянковская (882), Новоджерелиевская (928), Переясловская (905), Пластуновская (850), Старовеличковская (972), Стародеревянковская (960), Староджерелиевская (927), Старолеушковская (689), Староминская (608), Тимашёвская (928), Шкуринская (760).

К 3-му поселенческому разряду принадлежали более населённые станицы: Брюховецкая (1002 облагаемых душ мужского пола), Васюринская (1132), Екатериновская (1071), Ивановская (1450), Калниболотская (1139), Кореновская (1135), Медвёдовская (1122), Незамаевская (1153), Новоивановская (1035), Новотитаровская (1344), Новощербиновская (1041), Петровская (1388), Платнировская (1350), Поповичевская (1101), Рогивская (1289), Старокорсунская (1042), Староминская (1439), Старонижестеблиевская (1421), Уманская (1207).

К 4-му поселенческому разряду причислили самые населённые станицы Черноморского казачьего войска: Екатеринодарская (3677), Каневская (1522), Кисляковская (1523), Новомышастовская (1739), Новонижестеблиевская (1635), Пашковская (1561), Полтавская (1572), Старощербиновская (2078)¹.

Войсковое Правление Черноморского казачьего войска, помимо представленного деления на 4 разряда всех станиц, распорядилось, чтобы комиссия снабдила войскового архитектора Е.Д. Черника точными сведениями о количестве запасного хлеба, наличествующего по документам в каждой станице².

Ещё одну поселенческую классификацию кубанских станиц по состоянию на конец XIX в. представил Л.Я. Апостолов³, согласно которой следовало

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 766. Л. 3–4.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 766. Л. 4об.

³ Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Репринт изд. (1897 г.). Краснодар, 2010. С. 309.

делить все станицы на следующие 4 группы. Первую группу составляли станицы бывшей Черномории. Они имели очень привлекательный вид по своим, кажущимся бесщётными, садам и опрятным домикам, огороженным деревянными решётчатыми заборами. Чем ближе к реке Кубани, тем расположение станиц становилось всё более правильным в архитектурно-планировочном отношении, и сады оказывались всё более многочисленными. Все черноморские станицы окружались большим количеством ветряных мельниц. Вторая группа. Это степные станицы, находившиеся к северо-востоку и востоку от реки Кубани, не учитывая станиц, расположенных по самой реке Кубани. Степные станицы во внешнем обустройстве лишены зелени, в дома в них выглядят очень некрасивыми и неопрятными. Заборов у домовладений или совсем нет, или же их заменял вал из соломы, а иногда оградой служила даже земляная канава. Дворы по своему виду грязные и неустроенные, но обработка земли в станичных юртах велась лучше, чем в Черномории, так что эти станицы считались одними из самых богатых в области. Третья группа. Это станицы по реке Кубани и все остальные станицы к югу от реки Кубани, до Нагорной полосы включительно. Они очень походили по своему внешнему виду на черноморские станицы, только дома здесь представлялись путникам более бедными, в особенности в Нагорной полосе. Четвёртая группа. Это станицы, находившиеся на Таманском полуострове. Среди них особо выделялась станица Таманская, которая резко отличалась по своему облику от других прибрежных станиц. Дома в ней стояли с двухскатными крышами, покрытыми морской травой и землёй, встречалось здесь много каменных домов, заборы были выстроены каменные и земляные.

Станицы в Кубанской области по численности населения и масштабам территории поселения представляли собой громадные населённые пункты, многие из них имели вид настоящих городов¹. Более половины станиц (120 поселений) насчитывали от 5 до 10 тыс. жителей, в 24 станицах проживали по 10 тыс. жителей, а ещё в 7 станицах (Вознесенская, Гиагинская, Лабинская,

---

¹ Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 293.

Староминская, Старощербиновская, Уманская, и Урупская) значилось более 10 тыс. человек. В Нагорной полосе Закубанья размеры станиц гораздо меньше, а 6 станиц (Каменноосткая Красногорская, Нижегородская, Нижнебаканская, Нефтяная, Прусская) населяют по 2000 чел.

Заметно отличаясь по территориальным параметрам, станицы были одна на другую очень похожи по внешнему виду. Общим прототипом для всех кубанских станиц по базисному архитектурно-планировочному решению служил город Екатеринодар, с которым станицы имели много схожих черт¹. В центре кубанской станицы располагалась главная площадь, посредине площади находилась церковь, окружённая оградой и садом. В тех станицах, где было выстроено две церкви, там существовало и две площади. Именно на площади сооружали здание школы, как правило, лучшее здание станицы. Тут же занимали своё место станичное правление, общественные здания, магазины, лавки и пр. Одна из станичных улиц, пересекающих главную площадь, где также располагались более лучшие постройки, чем в других местах, обычно называлась улицей Красной². Во многих кубанских станицах и сегодня сохранилась улица Красная в качестве центрального варианта социальной коммуникации. На Кубани многие станицы могли себе позволить содержать за свой счёт почтовые и даже телеграфные конторы.

Анализ метаобщности кубанских станиц позволяет нам отформатировать представления о поселенческой траектории развития станичных образований. Исторически формируясь как большая и вследствие этого сложная по своему строению социокультурная общность, кубанская станица приобретала в

---

¹ Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 294.

² В этом случае слово «красный» по своему значению употреблялось не для фиксирования внимания на определённом цвете. Здесь подразумевался переход сразу к трём языковым архетипическим сюжетам в интерпретации понятия «красный»: к синонимическому ряду со словами «превосходный», «лучший», «показательный», к синонимическому ряду со словами «главный», «старший», «центральный» и к синонимическому ряду со словами «передний», «парадный», «приёмный». И в этих значениях слово «красный» этимологически выкристаллизовывается из глубин русской культуры, и оно понятно только истинному русскому человеку. Его сложно точно перевести на другой язык. Суждения о контекстуальном значении слова «красный» основаны на этимологических находках В.И. Даля. – См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 187–188.

процессе развития важные организационные уплотнения (политические, административные, торгово-экономические, демографические, культурные), причём, не только в официальных центрах, внутрирегиональных столицах Кубанской области, но и на территориальной «периферии». Такие социальные звёзды, субрегиональные центры поселенческого притяжения обладали своей особой социокультурной самостью, проистекающей из разной совокупности обстоятельств, но при известных отличиях казачьи станицы являлись базисными поселениями в историческом регионе Кубани.

Наряду со станицами, имеющими свою длительную предысторию, в последней трети XIX в. появляются совершенно новые кубанские станицы. Рассмотрим два примера, характеризующих обозначенную историческую тенденцию. В 1873 г. по распоряжению правительства поселены в Кубанской области две новые станицы под наименованием Копанская и Ясенская из переселенцев казачьего сословия малоземельных станиц Темрюкского и Екатеринодарского уездов. Примечательно, что переселение в конце XIX в. проходило уже на средства самих переселяющихся с помощью тех казачьих обществ, по желанию которых производилось выселение. Общее число переселенцев в Копанскую и Ясенскую составило 1369 чел. Станицу Копанскую образовали 229 дворов с населением в 694 чел. и станицу Ясенскую заложили 227 дворов с населением в 675 чел. Переселенцы обеих станиц обладали достаточными материальными средствами для поселения на новом месте и дальнейшего существования. Средства их заключались в имеющемся у казаков хлебе, в количестве достаточном для нового урожая, уже разведённом поголовье скота и наличных деньгах, необходимых для возведения домов и других построек на отведённых поселенческих территориях¹. Детали планируемого переселения излагаются в рапорте Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта М.А. Цакни на имя помощника Главнокомандующего Кавказской армией и Кавказского наместника, великого князя Михаила Николаевича генерал-адъютанта, князя

---

¹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 312. Л. 60.

Д.И. Святополк-Мирскому от 13 марта 1872 г., обнаруженном нами в одной из архивных коллекций Государственного архива Краснодарского края¹. Атаман испрашивал в направленном донесении «разрешение на учреждение в Кубанском казачьем войске двух новых поселений, вызвав для того желающих из других станиц без всяких от казны и войска пособий, и на присвоение этим поселениям наименования: водворяемому на месте бывшей станицы Татарской Ады – «станция Новоаданская Ясенская», а на Копанской балке – «станция Копанская», с причислением их к Ейскому полковому округу»². Обращает на себя внимание первоначальное название станицы Ясенской – Новоаданская Ясенская, в котором войсковой начальник стремился сохранить историческое название прежнего поселения, основанного ногайцами, демонстрируя сложившиеся на Кубани коммеморативные практики в региональной топонимике.

В целом же, в модернизации станичных и иных поселенческих структур в последней трети XIX – начале XX вв. мы наблюдаем пять базисных тенденций общественного развития. Первая тенденция связана с административно-территориальными преобразованиями поселенческого пространства и стремлением имперских властей к его максимальному введению в плоскость территории казачьих традиций. Этот внешний фактор поселенческой трансформации всё более и более выдвигал станицу на первый план в результате организационных уплотнений поселенческого пространства. В итоге появляется группа кубанских станиц, за которой закрепляется характерная социально-поселенческая роль административных центров исторического региона Кубани. Вторая тенденция заключалась в изменении традиционной дифференциации кубанских станиц на четыре группы (черноморские станицы, степные станицы северо-востока, прикубанские станицы, таманские станицы), во внутренней модернизации поселенческих образований, прежде всего, станиц, когда буквально на глазах менялась вся жизнь станичных сообществ: хозяйственно-экономическая, коммуникационно-организующая, культурно-образовательная.

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2283. Л. 48.

² ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2283. Л. 48.

В тех станицах, где эти процессы развивались более успешно, появлялись возможности для занятия более значимой социальной ниши: центра хлебной торговли, транспортного узла, лидера нефтяной провинции, основного пункта табаководства, ядра рыболовного промысла и др. В результате сформировалась группа кубанских станиц, принявших на себя роль региональных социальных звёзд притяжения в поселенческом пространстве. Третья тенденция заключалась в количественном росте поселенческих образований, когда по-прежнему продолжалось создание совершенно новых станиц. Причём, инициатива исходила и обеспечивалась населением старожильных станиц. В результате появлялись на карте исторического региона Кубани новые станичные поселения и иные поселенческие структуры. Четвёртая тенденция выражалась в упорядочении поселенческого пространства путём переименования поселений, которые одновременно меняли свой текущий социально-поселенческий статус с более низкого уровня (хутора, посёлка) на более высокий уровень (станицы). Безусловно, отчасти обозначенная тенденция административно стимулировалась войсковыми властями Кубанского казачьего войска, но и нельзя также отрицать стремление самого населения к изменению поселенческого статуса, причём, непременно с исторической подкладкой. В результате неизбежно росло количество кубанских станиц. Пятая тенденция касалась поселений, которые не выдвинулись на какие-либо передовые позиции, но это вовсе не закрывало для них перспективные возможности модернизационного развития. Эти обычные станицы и посёлки сохранились и до настоящего времени. Объединяющим началом обозначенных тенденций являлась модернизация поселенческого пространства, и она оказалась неизбежной даже в тех поселениях, где повседневность казалась неспешной.

Приведённые нами поселенческие истории призваны продемонстрировать мультимодальность ключевого для региона станичного поселенческого образования с помощью различных ресурсов авторского историописания: конкретно-фактологических, хозяйственно-экономических, коммуникационно-организующих, культурно-образовательных. При этом станица остаётся репо-

зиторием, где хранятся и поддерживаются культурные коды исторического региона Кубани, формируется единый культурный артефакт региональной социальной общности, рождается историко-пространственная концепция «казачий мир Кубани», актуальность которой ни в коей мере не исчерпана и сохраняется до наших дней.

6.3. Иногороднее крестьянство и казачество в кубанских поселениях во второй половине XIX – начале XX вв.

Иногородние крестьяне стали прибывать на Кубань с момента старта заселения исторического региона. Имперские власти и местная войсковая администрация боролись с потоками беглецов на войсковые земли, но, понимая, что вернуть их обратно с Кубани они по большому счёту не смогут, зачисляли беглецов в казаки¹. С другой стороны, стремясь разрешить земельный вопрос в центральных регионах России, имперские власти поощряли переселение в Предкавказье государственных крестьян. В 1804–1811 гг. сюда целенаправленно переселили из Полтавской и Черниговской губерний более 23 тыс. мужчин и более 16 тыс. женщин, а спустя десять лет, в 1821–1825 гг., прибыли ещё 40 тыс. мужчин². Так основательно пополнялись в силу известных причин поредевшие ряды черноморского казачества, существенно возрастал человеческий капитал Черноморского казачьего войска.

По определению Л.М. Мельникова, «иногородними в станицах Кубанской области называют всех, кто, не будучи приписан к казачьему сословию,

---

¹ Беликов А.В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. // Вестник Адыг. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 2. С. 65.

² Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. СПб., 1858. С. 45.

живет, однако, на войсковой территории либо *постоянно*, в качестве квартирантов и домовладельцев, либо *временно*, в качестве пришлых рабочих, явившихся сюда на летние заработки»¹.

Как вполне справедливо отмечал В.С. Шамрай в начале XX в., возникновение «вопроса об иногороднем населении Кубанской области» следует отнести ещё к первым годам поселения на Кубани черноморских казаков. Однако «увеличивающийся с каждым годом наплыв в Черноморию иногороднего элемента, сплетение интересов последних с интересами войсковых жителей, сознание Войскового правительства, что нельзя оградить Черноморию... от пришлого элемента заставили войсковую администрацию, с одной стороны, понуждать низшие органы к недопущению иногородних водворяться на войсковой земле, а, с другой стороны, ходатайствовать перед высшим начальством о допущении в интересах войска водворения того же самого элемента и о предоставлении им прав пользования войсковыми угодьями. Но все ходатайства успеха не имели и первоначальный порядок водворения «иногородних» на войсковой земле (т.е. контрабандный) продолжался до 1862 г.»².

Точную цифру количественного пополнения состава Черноморского казачьего войска только за счёт беглых крестьян установить сегодня довольно сложно, но о достижении потока беглых крестьян значительных масштабов свидетельствует сам факт учреждения властями специальных розыскных команд по установлению места нахождения беглых крестьян и неоднократные предписания войсковой администрации окружному начальству, куренным, затем станичным обществам об обязательной высылке за пределы войска беглых крестьян. Однако давние казачьи традиции – не выдавать беглых, а также определённая заинтересованность казачьей администрации в ускорении роста

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 73.

² Шамрай В.С. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлечённым из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией действительного члена-секретаря С.В. Руденко. Т. VII: [1901 г.]. Екатеринодар, 1901. С. 75, 79.

народонаселения, закономерно обуславливали невыполнение получаемых предписаний¹.

По инициативе исправляющего должность начальника штаба Черноморского казачьего войска (с 11 мая 1841 г.), исправляющего должность Наказного атамана Черноморского казачьего войска и командующего Черноморской кордонной линией (с 1842 г.), генерал-майора Г.А. Рашпиля в 1846 г. вышло предписание Наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-лейтенанта Н.С. Завадовского о взимании с иногородних (крестьян) платы за выпас скота и кошение сена на Куго-Ейском участке войсковой «пустопрожней» земли, и получаемая плата с иногородних поступала в войсковую казну. В 1849 г. вышеназванные правила о дополнительном налоге распространяются и на «все прочие случаи отвода иногородним людям войсковых сенокосных и пастбищных земель»². В результате Войсковое правительство приобретало новую существенную доходную статью, а станицы получали новый источник для обеспечения общественного благоустройства.

Все административные, военные и аграрные реформы в Кубанском казачьем войске в 60–70-х гг. XIX в. подчинялись главной задаче – заселению и хозяйственному освоению земель Кубанской области. Такой подход имперских властей определялся текущими потребностями России, её политикой на Северном Кавказе. Заметим, до 1861 г. постоянная оседлость невойскового населения на казачьей территории не допускалась.

Высочайше утверждённое императором Александром II «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. ситуацию изменило кардинальным образом. Иногородние теперь имели возможность селиться в станицах на правах постоянных жителей. Они получили: право усадебной оседлости за уплату посажённых денег, право пользоваться общим с

---

¹ ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 336. Л. 3.

² Очерки истории Кубани с древнейших времён до 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 227.

казаками выгоном, а также приобрели «прав гражданских, казачьему сословию принадлежащих». В тоже время жителям казачьих станиц разрешили сдавать в аренду предоставленные им земельные паевые наделы, передавать их лицам невойскового сословия на срок юртового передела. С притоком иногородних (крестьян) на казачьи земли их основная масса не обеспечивалась землёй, и вынуждена была арендовать участки казачьих станичных, паявых, земель войскового запаса.

Согласно правовой норме пункта 2 § 140 Положения от 10 мая 1862 г., «Лица неказачьего сословия, с приобретением в Кубанской казачьем войске земли посредством покупки, владеют ею на общих правах частной собственности, без зачисления в казачье сословие и с сохранением прежних своих сословных прав. Они могут заводить на своей земле усадьбы, хутора, сады и всякого рода торговые и промышленные заведения на основаниях, гражданскими законами определённых»¹.

Заметим, уже с образованием Кубанской области в 1860 г. приток переселенцев из крестьян центральных губерний России, составлявших на Кубани преобладающую часть иногороднего населения, заметно усилился, что обеспечивало экономический рост и активное формирование арендных отношений. Общая площадь территории Кубанской области составляла 8,12 млн. десятин (или 94 360 км²; 82 909 кв. вёрст), а к началу XX в. в области проживало 1 922 773 чел.² Увеличение населения активизировало спрос на землю, и если где-то ещё оставались целинные степи, то они довольно быстро распахивались прибывавшими переселенцами. При этом структуру земельного фонда представляли две крупные категории землевладельцев: «около 70% земельного фонда Кубанской области принадлежало казачеству, составлявшему менее по-

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38256. § 140. П. 2.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. [СПб.], 1905. Кн. 65: Кубанская область. С. VIII, 73.

ловины населения, 12% – частным владельцам. Местные крестьяне-старожилы, проживавшие уже на Кубани и составлявшие около 9% населения, располагали только 0,8% земли»¹.

Однако казачеству запрещалось продавать свои земельные участки (наделы). Впрочем, жизнь не стояла на месте, поэтому уже через короткий промежуток времени пришлось думать, как совершенствовать законодательство в отношении иногородних (подразумевались, прежде всего, крестьяне), ведь благосостояние какого достигали на Кубани «пришельцы из внутренних губерний в 60–70 гг. привлекло новые массы лиц из малоземельных губерний»². В такой обстановке готовился закон 1868 г.

Поскольку будущий закон 29 апреля 1868 г. являлся общим для всех казачьих войск России, Главное управление казачьих войск поручило внимательно рассмотреть новый законопроект всем войсковым начальствам и внести свои предложения. В подготовленный законопроект вошли следующие положения: о запрещении приобретения недвижимой собственности лицами невойскового сословия на всех войсковых и станичных землях; об ограничении количества голов скота при реализации права бесплатного выпаса на общественных выгонах; об ограничении возведения уже проживавшими в станицах крестьянами жилых построек без согласия станичных обществ; об увеличении земских, общественных повинностей и посажённой платы. Все войсковые администрации казачьих войск России признали необходимость принятия административно-правовых мер по ограничению числа иногородних крестьян в казачьих станицах и присоединились к подготовленному законопроект³.

---

¹ Петров В.И., Жинкин А.В. Хозяйственно-экономическое развитие Кубани и переселенческий процесс в регионе во второй половине XIX в. // Вестник Академии знаний 2013. № 1(4): [январь-март]. С. 170.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 5об.

³ Матющенко П.П. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терек в период контрреформ в России // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в.: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1987. С. 73–85.

Тем не менее, особенно большой приток переселенцев на Кубань отмечался после опубликования 18 июня 1868 г. Высочайше утверждённого императором Александром II мнения Государственного совета от 29 апреля 1868 г. «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск». В первом пункте этого Постановления вводилось следующее правило: «Во всех без изъятия казачьих войсках Русские подданные не войскового сословия имеют право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При сём земля под означенными строениями, оставаясь собственностью войска, или же городского или станичного общества, находится в постоянном пользовании приобретателя, со взносом ежегодно в войсковые, городские или станичные суммы установленной посажённой платы»¹. А с учётом Положения от 10 мая 1862 г. иногородние могли «также покупать не только казачьи усадьбы, но и пустопорожные места под строения и сады в городах и станицах, не причисляясь к казачьему сословию»². Другими словами, легитимизировалось в казачьих регионах оседлое иногороднее крестьянство, способное приобрести, хотя и с оговорками, имущество в собственность.

С принятием вышеназванного постановления Государственного совета от 29 апреля 1868 г. открывалась для поселения иногородних (крестьян) большая территория в Закубанье, получившая в исторических источниках того времени название Нагорной полосы, простиравшейся от реки Афипс до истоков реки Малая Лаба с общей площадью около 450 тыс. десятин. Всем водворившимся (иногородним крестьянам) отводились земельные наделы до 30 десятин на одну семью, и предоставлялся ряд льгот, в частности: свобода от постоя (расквартирования, стоянки воинских частей или отдельных военнослужащих в

---

¹ О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 18 июня. 29 апреля 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1-е [1868 г.]. СПб., 1873. Ст. 45785.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 8.

частных, гражданских домах), освобождение от платежа податей и отмена рекрутской повинности на срок в течение 15 лет¹.

К водворению допускались не только русские, но и с особого разрешения Главнокомандующего Кавказской армией, иностранные подданные христианских исповеданий. Льготные условия водворения в Нагорной полосе вызвали широкий прилив туда переселенцев, и все лучшие земли оказались очень быстро заняты. В 1877 г. дальнейшее заселение полосы было приостановлено, «до приведения в известность площади казённых земель и лесов», оставшихся незанятыми². Тем не менее, приток новых переселенцев продолжался. Высочайшим Указом 28 декабря 1889 г. император Александр III пожаловал Нагорную полосу в вечную собственность Кубанскому казачьему войску. При этом о поселенцах, уже водворившихся в Нагорной полосе, общей численностью 930 семейств в Указе не упоминалось³.

Но императорский Указ торжественно провозглашал: «Ныне, во внимание к засвидетельствованному перед Нами Военным Министром стеснённому положению Кубанского казачьего войска в отношении земельного довольствия и к понесённым войском трудам и лишениям при заселении указанных предгорий, орошённых кровью храбрых Кубанцев, а также в ознаменование особого Нашего благоволения к войску и в награду за постоянное доблестное служение его Престолу и Отечеству, Мы признали за благо закрепить за войском в вечную собственность, находящиеся в его пользовании земли за рекою Кубанью, занятые им на основании Положения 10 мая 1862 года, и, сверх того, Всемилостивейше пожаловать ему в таковую же собственность расположенные среди его земель две казённые лесные дачи: Махошевскую и Белореченскую, а также лежащую на северном склоне главного Кавказского хребта, вдоль границы Черноморского округа, так называемую, Нагорную полосу, ограниченную с севера землями Кубанского войска и казённой Даховской лесной дачей, а с востока верховьями реки Малой Лабы.

---

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2156. Л. 75.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2156. Л. 75.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2156. Л. 76.

Означенные земли и лесные дачи повелеваем отвести Кубанскому казачьему войску, с исключением таковых из казённого ведомства и оклада»¹.

При последующем рассмотрении вопроса о землеустройстве иногородних Военное министерство, с одобрения Военного Совета, признало необходимым выделить из общего состава поселенцев те семьи, которые до 1889 г. причислились к местным сельским обществам и чьи права на 30-десятинные наделы представлялись бесспорными. Указанное решение затронуло насущные интересы 396 семейств, и они получили, согласно Положению Военного Совета 30 сентября 1898 г., свои наделы в собственность без всякого за это вознаграждения в пользу Кубанского казачьего войска, то есть они признавались коренными кубанскими крестьянами. Остальные поселенцы, которые не вошли в состав местных сельских обществ в срок до 1889 г., признавались лишь войсковыми арендаторами. Военный совет посчитал возможным закрепить за ними землю, издавна находящуюся в их пользовании, но не иначе, как на условиях предоставления войску равноценного количества земли из свободного запаса казённых земель за рекой Малой Лабой Кубанской области. Таких арендаторов первоначально числилось всего 543 семьи, но ко времени возбуждения Военным министром в январе 1908 г. вопроса о землеустройстве иногородних поселенцев Нагорной полосы их оказалось 327 семей, остальные 207 семейств выселились в разные местности внутри России и на Черноморское побережье или умерли².

К началу 1908 г. численность русских поселенцев, подлежащих определению статуса землеустройства на занятой ими земле, составляла 191 семейство³. Однако, из-за возникших разногласий между Главным управлением землеустройства и земледелия (это бывшее Министерство земледелия и государственных имуществ, до 6 мая 1905 г.) и Военным министерством по этому вопросу, 12 февраля 1908 г. землеустройство иногородних поселенцев Нагорной

---

¹ Об отводе Кубанскому казачьему войску земель и лесных дач, с исключением таковых из казённого ведомства и оклада. Именной [Указ императора Александра III], данный Сенату. 28 декабря 1889 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. IX [1889 г.]. СПб., 1891. Ст. 6481.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2156. Л. 147.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2156. Л. 147.

полосы Кубанской области передали в особую межведомственную комиссию под председательством члена Государственного Совета, товарища министра финансов, управляющего Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками, гофмейстера А.В. Кривошеина, одного из ведущих участников проведения в жизнь Столыпинской аграрной реформы, бывшего начальника Переселенческого управления Министерства внутренних дел (1902–1905). Комиссия признала наиболее целесообразным вариантом решения вопроса оказание содействия этой группе русских переселенцев со стороны Крестьянского поземельного банка в покупке земли у Кубанского казачьего войска за цену, отвечающую арендным платежам за эту землю, и с выдачей в ссуду полной покупной цены. Этот же порядок Комиссия посчитала возможным распространить и на водворившихся до 1889 г. в Нагорной полосе Кубанской области одну дворянскую семью и 115 семей иностранных поданных, при условии принятия последними российского подданства.

На этом основании Совет Министров на заседании 14 апреля 1909 г. решил земельное обустройство иногородних поселенцев Нагорной полосы Кубанской области произвести при содействии Крестьянского поземельного банка. Утвердили вариант приобретения у Кубанского казачьего войска, состоящей в пользовании этих поселенцев и необходимой для поземельного их устройства земли, с выдачею им ссуды в полном размере покупной цены. После чего Начальник Кубанской области М.П. Бабич приказом от 26 марта 1910 г. № 169 назначил комиссию для проведения тщательного осмотра и последующей оценки использования земель Нагорной полосы Кубанской области. Как установила областная комиссия, основными хозяйственными занятиями жителей Нагорной полосы являлись земледелие и лесной промысел. Земледелие в пределах Нагорной полосы отличалось целым рядом негативных характеристик: существовала его сильная зависимость от бедности почв, наблюдался явный переизбыток атмосферной влаги и имелись трудности охраны посевов от многочисленных вредителей. Среди посевов сельскохозяйственных культур у населения заметно преобладала кукуруза, которая давала здесь наиболее удовлетворительные урожаи зерна и обеспечивала в достаточном

объёме хозяев соломой. Средний урожай кукурузы по году обычно составлял в Нагорной полосе 60 пудов с дес. (примерно 10,7 центнеров с гектара в современном пересчёте). В структуре посевных площадей земледельцев кукуруза занимала около половины земельных угодий в каждом хозяйском дворе. Гораздо меньшее значение имели посевы пшеницы, средняя урожайность которой сохранялась на уровне 30 пудов с дес. (примерно 5,4 центнеров с гектара в современном пересчёте), и только в благоприятные годы урожай пшеницы повышался до 40–50 пудов с дес. (примерно до 8,9 центнеров с гектара в современном пересчёте). Огородничество у переселенцев Нагорной полосы не получило сколь-нибудь заметного развития, и существовало только в пределах удовлетворения собственных потребностей поселян. Также незначительную роль в Нагорной полосе Кубанской области играло табаководство. Скотоводство тоже не носило товарного характера по причине недостатка кормов. Важное место в хозяйственно-экономической жизни населения Нагорной полосы занимал лесной промысел. Он давал поселенцам приличную заработную плату, а, следовательно, и возможность приобрести за деньги необходимый для повседневного пропитания хлеб. Лесной промысел заключался в товарной поставке жердей, палок, драни, клёпки, а также в осуществлении сбора в близлежащих лесах диких груш, их последующей сушки и поставке для продажи в город. Лесной промысел обеспечивал хороший дополнительный заработок, и в среднем на одну семью он составлял 40 руб. в год¹.

Таким образом, постановление Государственного совета от 29 апреля 1868 г. юридически оформило фактическое существование новой социальной группы на казачьих территориях. В итоге официально и окончательно на Кубани и в казачьих землях появились иногородние, и с этого времени понятие стало часто фигурировать и быту, и в официальных документах. Заметим, формально по законодательному акту от 29 апреля 1868 г. поселенческие льготы для иногородних заметно сокращались. «Так, возведение иногородними новых построек на войсковой, городской и станичной земле, бывшие по закону

---

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 2156. Л. 183.

от 10 мая 1862 г. свободным, допускалось только с разрешения войскового начальства или согласия городских и станичных обществ по принадлежности»¹. Правда, в реальной социальной практике на эти вещи по-прежнему закрывали глаза, если маячила материальная выгода. Посажённую плату с иногородних полагалось взимать во всех местностях, причём, устанавливались разряды, которые периодически пересматривались. «Такое разделение должно было производиться через каждые 5 лет, с утверждения Военного совета и посажённая плата должна изменяться каждые 5 лет». Тем самым, «гражданскому населению уже не давалось той свободы селиться на казачьих землях, какую оно пользовалось по закону от 10 мая 1862 г.»².

Как признавали станичные атаманы и сельские хозяева Лабинского отдела 21 февраля 1908 г., «с 1869 года иногородние начинают появляться в большом количестве, и начинается продажа усадебных мест казаками без спроса у обществ, сами общества, пожалуй, даже поощряют это дело, т.к. в пользу общества берётся посажённая плата, чем пополняется общественная касса. Но посажённая плата не страшит иногородних, т.к. закон 1868 г. разрешает им пользоваться выгоном и пастбищным местом.

С 1874 года появляется Владикавказская железная дорога, и начинает перевозить рабочих. С этого времени начинается наплыв иногородних, заселяя разные станицы. Казаки начали с ними родниться, давать в приданое дома и поместья, а больше всего прельщались и прельщаются деньгами, и каждый старается продать, и продают по настоящее время свои поместья. В силу всего сказанного и получился тот миллион иногородних, которых теперь насчитывают в Кубанской области и которых, очевидно, мы сами любезно принимали и принимаем, прельщаясь их деньгами. Кто же в этом виноват?»³.

С 1880-х гг. Военным министерством и местной казачьей администрацией стали приниматься решительные меры к ограничению притока иногородних (крестьян) в Кубанскую область. Так, начальник Кубанской области и

---

¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1313 Л. 34об.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 11, 11об.

³ Журнал 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г. Армавир, 1908. С. 34.

Наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант Н.Н. Кармалин в 1881 г. циркулярно строго предписывал станичным и поселковым правлениям отводить городовикам плановые места для постройки на них жилых и других строений только с разрешения казачьих сходов¹. Как писал Л.М. Мельников, постепенно происходит ревизия действующего российского законодательства, причём, корректировка нормы пункта первого положения «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29 апреля 1868 г., которое нередко в литературе называют законом, произошла не публичным образом, а подзаконным порядком через административную рассылку, где указывалось на Высочайшее повеление от 13 мая 1883 г.² Как мы предполагаем, за этим изменением об обязательности наличия согласия станичного или хуторского общества на приобретение любого недвижимого имущества иногородними в землях казачьих войск стоит ходатайство Главноначальствующего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, Георгиевского кавалера, генерала от кавалерии, князя А.М. Дондукова-Корсакова, но прямых свидетельств нами пока не обнаружено.

Аргументация такого подхода детально излагается в подзаконных актах, в частности, «в инструкции, составленной Кубанским областным правлением в руководство станичным и хуторским обществам Кубанского войска, находим в § 19 следующее указание: «Так как с приростом казачьего населения размер паевого довольствия год от года уменьшается, потребности-же казаков к отбытию воинской повинности, напротив, увеличиваются, то станичный сбор, на обязанности которого лежит забота об улучшении благосостояния местных жителей, должен в предупреждение ещё большего стеснения в земельном довольствии, *принимать меры к ограничению наплыва посторонних лиц*. В этих видах необходимо: во-первых, *быть крайне осмотрительным при*

---

¹ Долгополов К.В. О притеснениях иногородних в кубанских станицах во второй половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 43.

² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 111.

выдаче лицам, не принадлежащим к обществу, разрешений на занятие мест в станичном юрту под какие бы то ни было постройки, не увлекаясь временными, иногда ничтожными выгодами; во-вторых, внушать гражданам, чтоб при отдаче в аренду своих земельных паёв они оказывали предпочтение своим станичникам пред другими; в-третьих, не допускать самовольного занятия общественной земли для каких-бы то ни было надобностей, а тех граждан, которые продали свои усадьбы, лишать права на получение новых; в-четвёртых, в случае нарушения кем-либо прав общественной собственности, в чём-бы оно ни проявилось, не оставлять таких нарушителей безнаказанными, а своевременно предъявлять к ним иски в подлежащих судебных учреждениях о восстановлении нарушенного владения»¹. Но, несмотря на такое начальствующее распоряжение, в некоторых населённых пунктах переселенцы всё же приобретали участки земли. Например, в посёлке Ахтарском (тогда посёлок станицы Бриньковской) казаки без разрешения поселкового общества продавали мигрантам свои плановые места².

21 марта 1888 г. утверждается новая система управления Кубанской областью и Черноморским округом³, «резко изменившая бытовую строй гражданского населения этих областей и передавшая лиц невойсковых сословий в них под управление чинов военного ведомства»⁴. На этом основании помощник главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, Георгиевский кавалер, генерал-адъютант С.А. Шереметев 1-й (1836–1896), в недавнем прошлом Начальник Кубанской области и Наказный атаман Кубанского казачьего войска (1882–1884), «почётный старик» станицы Баталпашинской Кубанского казачьего войска,

---

¹ Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 111–112.

² Долгополов К.В. О притеснениях иногородних в кубанских станицах во второй половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 43.

³ Высочайше учреждённое [императором Александром III] Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа. 21 марта 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. VIII [1888 г.]. СПб., 1890. Ст. 5077.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 14.

приказом № 194 от 2 июля 1888 г. «строжайше запретил деление станичных земель на пай, предписав, чтобы станичная земля была непременно в общинном каждой станицы, хутора и посёлка владении, и чтобы для обработки сие станицы держались в делении на участки только между своими станичниками, прежнего, освящённого времени порядка и обычая [т.е., как объяснено в его приказе № 255 от 11 августа 1889 г. – *авт.*], если переделы пахотных и сенокосных земель производились станичными обществами не каждый год, а раз в 3–4 года, то чтобы и на будущее время сохранён был тот же порядок, но с тем условием, чтобы земли эти не выходили из рук казаков и не сдавались в долгосрочную аренду иногородним». Также предписывалось, «чтобы даже такие земли, которые требовали непосильных для казаков затрат и трудов, как например, земли, расчищающие от лесов, а ровно земли высшей культуры, каковы табачные и др. плантации не выходили из казачьих рук, для чего рекомендовалось сдавать из доли. Войсковое начальство требовало не возводить в станицах новых построек без разрешения станичных властей и исправно платить посажённую плату за свои усадьбы»¹.

Согласно Высочайше утверждённому 13 мая 1893 г. мнению Государственного Совета (кстати, в томе XIII третьего собрания ПСЗРИ отсутствующего), «не только те из иногородних лиц, которые купили в пределах казачьего войска земельные усадьбы в собственность и проживали в этих станицах и хуторах в своих домах, но и те, которые жили здесь, не владея недвижимостью, обязаны были нести по месту своего жительства все земские повинности». Кроме того, «пользоваться же станичными пастбищами и сенокосными местами с промышленной целью не иначе, как с дозволения обществ за особую плату в станичный доход»².

В целом, запретительные и ограничительные административные меры, проводившиеся, прежде всего, войсковым и Кавказским начальством и направленные в отношении иногородних Кубани преследовали вполне кон-

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 14–15об.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 13об.

кретную цель – «избавить войсковое казачье население от иногородних, принудив их репрессированными мерами уйти от казачьих земель, стесняя их в устройстве быта, сельскохозяйственных и промышленных занятий»¹.

Созванная 9 декабря 1917 г. Кубанская краевая Рада 13 декабря провела совместное заседание с открывшимся в Екатеринодаре съездом иногородних Кубанской области. Объединённым съездом, получившим название 2-го общеобластного съезда представителей казаков, иногородних и горцев (13–21 декабря 1917 г.), была принята резолюция, отвергнутая 2-м съездом иногородних, – о непризнании власти Совнаркома. За это явное конъюнктурное политическое решение иногородние получили приличную компенсацию в виде равного с казаками представительства в Законодательной Раде (по 46 чел.) и в Правительстве (по 5 чел.).

Ещё в октябре 1917 г. Кубанская краевая Рада при обсуждении вопроса о коренном населении Кубанской области признала коренным иногородним населением две группы населения. Во-первых, к ним региональные законодатели отнесли горцев, и, во-вторых, в эту категорию включили крестьян, имеющих земли в общинном пользовании и приписанных к Кубанской области². Коренных иногородних уравнивали в гражданских правах и несении обязанностей, как в вопросах управления, так и осуществления самоуправления Кубанской областью. Согласно принятым Радой решениям, коренное иногороднее население могло осуществлять управленческие функции наравне с казачеством, а вот «право пользования землёй и вытекающие из этого права обязанности осуществляются коренным населением с момента разрешения этих вопросов в законодательном порядке»³.

В этой связи обратимся к сюжету о прениях по вопросу о коренном иногороднем населении и горцах, которые 1 октября 1917 г. на своём заседании

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 22.

² Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 годы. Сборник документов. В 6 т. / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2016. Т. 1: [1917 год]. С. 60.

³ Там же. С. 16.

Кубанская Рада открыла повторно. Эти прения отражают политическую и экономическую остроту для Кубани обсуждавшейся социальной проблемы «иногородние и казачество: против/вместе».

От имени Лабинского отдела представитель отдельской группы членов Рады, войсковой контролёр и член Лабинского исполкома (местного органа Временного правительства) Д.Е. Скобцов заявил, что Лабинский отдел желает заключения соглашения казаков с коренным населением при условии уравнивания в правах и обязанностях. Владение землёй, оставаясь неприкосновенным до Учредительного собрания, после этого распределяется между казачьим, коренным и иногородним населением. Горцы остаются территориально обособленными.

Представитель Таманского отдела, хоровой дирижёр, этнограф, исследователь культуры адыгов Г.М. Концевич признал коренным населением казаков и горцев.

Представитель Баталпашинского отдела Д.Ф. Диденко указал на разнообразие состава населения Кубанской области: казаки, горцы и иногородние. Согласно его заявлению, Баталпашинский отдел не согласен на выделение горцев в особый округ, поскольку земля в Кубанской области принадлежит всему населению. Немцев-колонистов, переселившихся до 1870 г., надо также считать коренным населением, а остальных немецких колонистов, прибывших позже, к коренному населению не относить.

Председатель Кубанского войскового правительства, полковник А.П. Филимонов изложил позицию Войскового правительства, которое, приглашая коренное иногороднее население и горцев, имело в виду совместно с ними защищать как экономические, так и политические права, не исключая и того, что принять их, если бы они пожелали, в войсковое сословие¹.

---

¹ Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 годы. Сборник документов. В 6 т. / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2016. Т. 1: [1917 год]. С. 60.

Отдельно остановимся на вопросе о росте численности иногородних (соответственно и, прежде всего, иногороднего крестьянства), чтобы, как говорится, с цифрами в руках раскрыть особенности этого исторического процесса на Кубани, когда доля иногороднего населения неуклонно росла.

До издания «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. доля иногородних в Кубанской области не превышала 5–6 тыс. чел.¹ В Положении гарантировалось право земельного владения, и число иногородних в области стало увеличиваться. К 1868 г. их насчитывалось уже 24 тыс. чел.² Безусловно, на увеличении притока иногородних существенно сказались отмена крепостного права и окончание Кавказской войны, сопровождавшееся жалованием земель за службу на Кавказе. Эти два фактора действовали в регионе, по заключению крупного эксперта в области сельского хозяйства, тайного советника А.Ф. Раева, вплоть до конца 1880-х гг.³

Согласно постановлению Государственного совета «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29 апреля 1868 г., ещё раз подчеркнём: «Во всех без изъятия казачьих войсках Русские подданные не войскового сословия имеют право приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При сём земля под означенными строениями, оставаясь собственностью войска, или же городского или станичного общества, находится в постоянном пользовании приобретателя, со взносом ежегодно в войсковые, городские или станичные суммы установленной посажённой платы»⁴.

---

¹ Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / Труды Кубанского областного статистического комитета; под редакцией [и с предисловием] действительного члена комитета Л.В. Македонова. Екатеринодар, 1906. С. 577.

² Военно-статистическое обозрение Кубанской области / составил Генерального штаба подполковник [Георгий Карпович] Корольков (1863–1936). Тифлис, 1900. С. 203.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 1об.

⁴ О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром

Тем самым, закон давал возможность получить усадебную оседлость и привлекать в Кубанскую область массу переселенцев. Через 5 лет «после издания этого закона количество иногородних в области увеличивается *более чем в 10 раз*: в то время как в 1868 году иногородних числилось 24819 душ обоего пола, в 1873 году их числится *уже около 256000 душ*»¹. Соответственно, вопрос об упорядочении положения иногороднего крестьянства явно обострялся.

В дополнение к постановлению Государственного совета от 29 апреля 1868 г., позволившему «приобретать в казённых поселениях усадебные оседлости» иногородним и способствовавшее увеличению их численности в Кубанской области, 23 апреля 1870 г. Высочайше утверждается «Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск». Первый пункт этого нормативно-правового акта и примечание к нему красноречиво гласят: «Генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам и семействам их, кои, на основании действовавших до сего времени постановлений (Уст[авов] о благоустр[ойстве] в казач[ьих] селен[иях]), приобрели, до дня обнародования на месте настоящего Положения, право на наделение срочными участками, предоставляются таковые в потомственную собственность на условиях, определённых в сём Положении.

Примечание. Приобретшие на основании настоящего Положения земельные участки в потомственную собственность генералы, штаб- и обер-офицеры и классные чиновники и семейства их, доколе состоят в войсковом сословии, не лишаются права на довольствие сверх того землёю из станичных наделов,

---

П] мнение Государственного Совета, опубликованное 18 июня. 29 апреля 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1-е [1868 г.]. СПб., 1873. Ст. 45785.

¹ Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 77.

согласно Высочайше утверждённому 21 апреля 1869 года (46996) Общему Положению¹ о поземельном устройстве в казачьих войсках»². Тем самым, наконец-то завершился длительный процесс, начавшийся при императоре Николае I с принятием Уставов о благоустройстве в казачьих селениях³, и в итоге на Кубани появились новые частные имения с довеском наделов из земельного довольствия станичных юртов, а для новых имений требовались работники, которые верстались из числа иногородних крестьян.

С этих пор наплыв иногородних на Кубань пошёл ещё более быстрыми темпами, и стала меняться внутренняя структура народонаселения. Согласно официальному отчёту Наказного атамана Кубанского казачьего войска Я.Д. Маламы, численность иногороднего населения на Кубани возросла в период с 1 января 1885 г. по 1 января 1896 г. практически в 2 раза, и поднялась с уровня 392 491 чел. до 738 594 чел. при общем количестве народонаселения Кубанской области в 1 712 978 чел.⁴ О динамике роста численности иногороднего населения в станицах Кубани свидетельствуют данные, помещённые в сборнике «Военно-статистическое обозрение Кубанской области» и показывающие, как к концу XIX в. иногороднее население стало на Кубани преобладающей частью жителей региона⁵.

Достаточно детализированную ситуацию в отношении расселения и численности иногороднего крестьянства по его отдельным категориям в разрезе всех семи отделов Кубанской области по состоянию на 1893 г. представляет

---

¹ О поземельном устройстве в казачьих войсках. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета. 21 апреля 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1-е [1869 г.]. СПб., 1873. Ст. 46996.

² Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск. 23 апреля 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 1-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48275.

³ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный [Текст]: Издание 1857 года. СПб., 1857. Т. 12. Ч. 2: Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казённых и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. Ст. 424–444; Ст. 476–498.

⁴ Живописная Россия. Т. 9. Кавказ / под ред. П.П. Семёнова. СПб.; М., 1883. С. 149.

⁵ Военно-статистическое обозрение Кубанской области / составил Генерального штаба подполковник [Георгий Карпович] Корольков (1863–1936). Тифлис, 1900. С. 204.

«Ведомость о наделении в Кубанской области с показанием в пунктах числа коренных жителей и числа иногородних, имеющих оседлость по отделам»¹, обнаруженная нами в архивных коллекциях Российского государственного исторического архива. К 1900 г. в результате постоянного притока переселенцев на Кубань число иногородних впервые превысило общее число кубанских казаков, По данным Л.И. Футорянского, удельный вес невойскового населения на войсковой территории в 1900 г. достигал в Кубанском казачьем войске 55,4%, а к 1913 г. представители «невойскового сословия» составляли 57,2% населения Кубанской области². Общее же число жителей области выросло до 3 050 391 чел., или увеличилось более в 1,5 раза³. В приложениях к записке тайного советника А.Ф. Раева по состоянию на 1893 г. в 406 населённых пунктах Кубанской области фиксировалось 275 964 иногородних лиц мужского пола⁴. Кубань со всей очевидностью теряла своё казачье лицо: регион считался казачьим, а большинство населения к казачьему сословию уже не относилось.

Следует обратить внимание на военные, экономические и культурно-хозяйственные обстоятельства роста численности иногороднего населения на Кубани, о чём выразительно говорили участники 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г., стремясь объяснить причины количественного прироста в регионе иногороднего населения. На съезде, в частности, подчёркивалось: «С 1875 года нам понадобились работники, косари, чабаны и прочий люд; тем более 1877–1878 гг. отвлекли на войну почти всё мужское население Кубани. А с 1880-х гг., когда мы занялись хлебопашеством в больших размерах и начали франтить по-господски, нам понадобились машинисты, шляпницы, салопницы и проч[ие] специалисты; мы их приласкали и вознаградили: но чем? Усадьбами, но, конечно, не даром, за деньги»⁵.

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29 (1 разряд). Д. 18818. Л. 35–36.

² Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 50–51.

³ Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967. С. 21–24.

⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 40об.

⁵ Журнал 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г. Армавир, 1908. С. 34.

Тем самым, вначале иногородние выступали на Кубани как необходимая дополнительная рабочая сила, затем они вовремя заменили выпадающее мужское население в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., потом экономический рост, прежде всего, сельскохозяйственного производства, привёл к заметному обогащению коренного населения и изменению структуры его культурно-бытовых потребностей, удовлетворение которых происходило опять-таки за счёт привлечения иногороднего населения, но уже в качестве узких специалистов. Однако рос и уровень благосостояния иногороднего населения, оседавшего на Кубани, обустривавшего свой быт и приобретающего постоянное жильё зачастую у того коренного населения. Как подчёркивал И.Е. Гольдентул, на Кубани сложились два главных социальных класса: казаки и иногородние¹.

В целом, крестьяне на Кубани делились на четыре социальные группы. Первая группа – коренное крестьянство, или «вечняки» – это крестьяне, которые вместе с казаками осваивали новое территориальное пространство, проживавшие среди них, но не относившиеся к войсковому сословию и не облагавшиеся никакими дополнительными податями, попадавшие в категорию первопоселенцев, а потому не избегавшие показачивания. К вечнякам относились лица, имевшие оседлость на казачьей земле, проживавшие на протяжении, как правило, не менее чем двух поколений и дольше на Кубани в станицах, городах и сёлах. Попробуем выяснить количественные параметры социальной группы вечняков в составе крестьянства Кубани.

О вечняках Н.Т. Лихницкий дословно пишет так: «Коренные крестьяне (многие из них «вечняки»), хозяйственно-крепкие, составлявшие 22,1% [на 1916 г.]»². Эту же самую цифру мы обнаружили в рукописи Н.Т. Лихницкого, которая хранится в фонде Р-411 «Коллекция документов по истории революционного движения и Гражданской войны на Кубани и Черноморье (1920–

---

¹ Гольдентул И.Е. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. Репринт. изд. 1924 г. Краснодар, 2009. С. 53.

² Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. С. 12–13.

1991 г.)» Государственного архива Краснодарского края, в деле 341 «Рукопись Лихницкого «Классовая борьба и кулачество на Кубани»¹, к сожалению, не датированном, но попадание рукописи в фонды ГАККа вряд ли можно считать случайностью. Автор неоднократно бывал на Кубани и хорошо был знаком с предметом своего научного интереса, занимался в Краснодарском архиве, подчинённом Кубанскому окружному архивному бюро. Николай Тихонович Лихницкий 16 лет после комиссарского прошлого в годы Гражданской войны вплоть до ареста 21 августа 1936 г. работал научным сотрудником Северо-Кавказского музея горских народов (г. Ростов-на-Дону)², поэтому его суждения об иногородних вполне компетентны.

Тем самым, вечняки – это устойчивая социальная группа хозяйственно-крепких крестьян, составлявших более одной пятой части крестьянства Кубани. Причём, они достаточно широко использовали наёмный труд в своих развитых крестьянских хозяйствах, нанимая немало батраков из числа беднейших слоёв всё тех же иногородних крестьян. Однако данное нами определение не даёт «исчерпывающей картины экономической мощи коренников»³ и социально-экономическому расслоению иногородних Кубани.

В этой связи мы обратимся к рукописи «Земледелие в Кубанской области», сохранившейся в Государственном архиве Краснодарского края, автором которой является Б.М. Городецкий (1874–1941). Это известный кубанский архивист начала 1920-х гг.⁴, русский и советский библиограф (секретарь Русского библиографического общества), учёный-историк, краевед-кавказовед, статистик (действительный член Кубанского областного статистического комитета), литературовед и редактор (журнал «На Кавказе», журнал «Кубанская школа», газета «Кубанская мысль»).

---

¹ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 341. Л. 13–14.

² Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сборник документов. В 2-х т. Т. 2: май 1918 – март 1920 / отв. ред. О.М. Морозова. Ростов н/Д, 2020. С. 512.

³ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 341. Л. 14.

⁴ Золотарёва И.Д. Б.М. Городецкий и его вклад в развитие архивного дела на Кубани (1920–1922 гг.) // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 3–12.

Изначально учёный избрал для характеристики сословного состава населения Кубанской области традиционное дихотомическое деление всего населения региона на войсковое и невойсковое. Однако при референции казачества он видел в казаках иные черты, кроме воинских, ибо «давно следовало бы различать казаков не только по костюму, по красоте той или иной военной формы, но и по жизни, по степени её культурных проявлений»¹. По заключению Б.М. Городецкого, с 1863 г. войсковое начальство изменило отношение к иногородним и признало необходимым ходатайствовать о допущении водворения иногородних в казачьи станицы в интересах самого войска. Это ходатайство было удовлетворено, и 29 апреля 1868 г. последовал закон, определивший основание, на которых лица, не принадлежавшие к составу Кубанского казачьего войска, могли приобретать в казачьих станицах усадебные постройки и пользоваться для выпаса скота общественным выгоном². Как справедливо заключает Борис Митрофанович, «законом 29 апреля 1868 г. «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск»³, опубликованным 18 июня 1868 г.) на Кубани создаётся особый класс сельских обывателей, которых стали официально именовать «иногородними», имеющими оседлость», получившими её путём приобретения в собственность усадебных построек в пределах казачьих станиц. Однако в социальной практике, в обыденной речи закрепилось понятие-слово «иногородние» (или как говорят на Кубани «городовики»), а на разный социально-правовой статус двух обозначенных групп крестьянства далеко не все обращают внимание.

Термин «иногородние» употреблялся по отношению к пришлому населению не только на повседневном уровне, но также использовался в законода-

---

¹ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 13.

² ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 7.

³ О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 18 июня. 29 апреля 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1-е [1868 г.]. СПб., 1873. Ст. 45785.

тельных актах и в научной литературе. Закон 29 апреля 1868 г. сыграл огромную роль в деле заселения земельных пространств исторического региона Кубани, поскольку слух о возможности селиться в казачьих станицах неказакам быстро распространился по России и в Кубанскую область массами начали стекаться переселенцы из южных, преимущественно малороссийских губерний. Рост численности невойскового населения всё заметнее становился с каждым годом. В 1878 г. количество иногородних обоего пола достигло 112 тыс. чел., или 17,9% всего населения Кубанской области¹.

С течением времени часть иногородних благополучно устроилась на казённых землях, а часть из них начала приобретать земельные участки или на собственные средства, или же при содействии банков, занимавшихся финансово-кредитными операциями с земельными участками. В итоге на территории Кубанской области образовалась социальная группа иногородних, получившая официальное наименование «коренных жителей невойскового сословия». В донском казачьем говоре такая часть иногородних обозначалась словом «вечняк», или «иногородний, которому земля давалась на вечное пользование», или как говорили казаки «Вичняки побогачи нас были»². Судя по констатации Н.Т. Лихницкого, термин «вечняки» также имел широкое хождение на Кубани в начале XX в., наряду с обозначением зажиточных казаков «горлодёрами», или дословно по Н.Т. Лихницкому: «кулацкая верхушка станицы ("горлодёры")»³, причём, на Дону это выражение не употреблялось, правда, встречается слово «горлохват», производное от глагола «горлохватчичать»,⁴ в значении «крикун». Очевидно, что слово «вечняк» попало на Кубань вместе с переселявшимися сюда донскими казаками, о масштабах его общерегионального распространения можно спорить, но это не отменяет постановки вопроса

---

¹ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 14.

² Большой толковый словарь донского казачества: Около 18 000 слов и устойчивых словосочетаний. М., 2003. С. 75.

³ Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. С. 11.

⁴ Большой толковый словарь донского казачества... С. 114.

о коренном кубанском крестьянстве, хотя процесс его социального обособления шёл гораздо сложнее, нежели на Дону, где крестьяне укоренились исторически в более ранние времена.

Особое внимание Б.М. Городецкий обращал на формирование в Кубанской области самостоятельных селений оседлого иногороднего крестьянства, где уже ввели общественное устройство, согласно «Общему Положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.¹ Но к коренному населению Кубани, помимо оседлого иногороднего крестьянства, Б.М. Городецкий относит горские (черкесские) племена, обитавшие в пределах Кубанской области. В свою очередь, иногороднее население Кубанской области он делит на 3 группы: коренных жителей; иногородних, имеющих оседлость, и иногородних, не имеющих оседлости. Соответственно, громадное большинство, как коренного, так и пришлого населения Кубанской области состояло из станичных и сельских обывателей, преимущественно по своим основным хозяйственным занятиям, относящимся к земледельцам. «Жажда земледельческого труда, – писал Б.М. Городецкий, – гнала на Северный Кавказ население ближайших губерний, где земельная теснота не давала возможности работать хозяину-земледельцу, хотя по условиям своей жизни в Кубанской области иногородние не всегда имели возможность заниматься земледелием»². Поэтому иногородние вынужденно обращались к другим видам труда, и, кроме хозяйского земледелия, в станицах и селениях можно насчитать значительное число наёмных рабочих, хотя другие промыслы у населения служили лишь подспорьем к земледелию.

Войсковое сословие (казаков) по роду занятий исследователь делил на 2 группы: 1) привилегированный класс, куда относились военные и гражданские чиновники и лица частных квалифицированных профессий, живущие преимущественно в городах; 2) казаков-«станичан», проживающих в станицах

---

¹ Высочайше утверждённое [императором Александром II] Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 г. Положение сие опубликовано при указе Правительствующего Сената, 2 марта 1861 г. (см.: в этом же томе, № 36650) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVI. Отд. 1-е. [1861 г.]. СПб., 1863. Ст. 36657.

² ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.

и занимавшихся своим хозяйством. К первой группе войскового сословия относилось 8,6 тыс. человек, а ко второй группе принадлежало 1252,8 тыс. человек¹. Иными словами, по мнению Б.М. Городецкого, существовал социальный раскол на две разновеликие группы казаков: несколько тысяч одних против 1,25 млн. других. В этой связи правомерно суждение Н.Н. Великой: «В условиях, когда казак и воин в течение многих столетий являлись однопорядковыми явлениями, процесс классовообразования был затруднён даже с усилением роли производящих отраслей хозяйства и связанным с этим имущественным расслоением»².

Иногородние в сословном отношении делились Б.М. Городецким по состоянию на 1913 г. на следующие группы (в порядке убывания численности): 1) крестьян (1035,5 тыс. чел.); 2) мещан (302,2 тыс.); 3) туземцев-земледельцев (136,4 тыс.); 4) дворян (12,7 тыс.); 4) купцов (4,4 тыс.); 5) почётных граждан (2,9 тыс.); 6) духовных нижних чинов; 7) иностранцев и прочих (до 186,0 тыс.)³. Тем самым, преобладающий частью иногороднего населения Кубани, как следует из приведённых данных, являлись крестьяне.

Интересующие нас поселения по отдельным видам в статистических профилях по всем отделам Кубанской области, по данным Б.М. Городецкого, помещены отдельно (см.: приложение 6)⁴. Эти обобщающие данные позволяют сделать вывод, что в казачьем регионе – в Кубанской области – по состоянию на 1913 г. преобладающими формами поселения в количественном отношении выступали крестьянские поселения и хутора, но, как правомерно замечает Б.М. Городецкий, крестьянские поселенческие образования гораздо меньше по поселенческой территории и количеству проживающего населения, и к тому же они разбросаны преимущественно по обширным степям всей Кубанской области, а не сосредоточены в каком-либо одном отделе. Поэтому они особо не выделяются на масштабном поселенческом ландшафте Кубанской

---

¹ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 16.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 92–93.

³ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 16.

⁴ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 20.

области в отличие от станиц. Наоборот, очень многие казачьи станицы за последние годы экономического подъёма Кубани разрослись до поселенческих размеров больших уездных российских городов. В числе таких станиц: Баталпашинская, Крымская, Кореновская, Лабинская, Славянская, и др.¹

Вся совокупность крестьянских поселений Кубанской области дифференцируется Б.М. Городецким на три группы. К первой группе крестьянских поселений он относит поселения с самостоятельным управлением (73 населённых пункта), в которых проживали, главным образом, коренные жители из числа иногородних (имеющих оседлость). Ко второй группе крестьянских поселений принадлежали хутора, где сосредотачивались преимущественно арендаторы частновладельческих участков (137 населённых пунктов с жителями, не имеющими оседлости). В третью группу крестьянских поселений входили так называемые крестьянские поземельные товарищества (всего 445 объединений). Речь в данном случае идёт об иногородних крестьянах, которые приобрели собственную долю (инкорпорированный земельный участок) в составе того или иного земельного товарищества².

Вторая группа – казённые крестьяне, организованно переселённые российским государством, причём, обычно с целью будущего поверстания их в казаки, что и проделывалось имперскими властями неоднократно. Здесь же заметим, что в Российской империи существовал и обратный процесс расказачивания целых поселений казачества на Кубани в казённые крестьяне, да и далеко не все из них становились казаками после переселения.

К примеру, «в 1831 г. признано было необходимым усилить бывшее Кавказское линейное войско новыми лицами. Чтобы не искать до сего людей далеко, решено было обратиться в казаки местных крестьян, и 37 крестьянских сёл с населением 67.000 душ обращены были в военное ведомство с переименова-

---

¹ ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 21.

² ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 22.

нием в казаки. Опыт показал, что ни военное ведомство не потеряло, ни крестьяне не заявляли протеста»¹. Значительная часть из них в восточных войсковых соединениях Кубанского казачьего войска вошла в состав Кубанской области. Как нам удалось достоверно установить и документально подтвердить, встречались случаи совершенно обратного свойства, проведения имперскими властями прямого и масштабного расказачивания, когда казаки становились крестьянами. Так, «в 1869 г. по Высочайшему повелению 29 декабря 13 казачьих станиц Терского и Кубанского казачьих войск признано было нужным обратиться в гражданское ведомство и причислить их к Ставропольской губернии, то и было исполнено. Казаки стали крестьянами, и от военных занятий перешли к мирной жизни»². Социальная управленческая бинарность «показачивание – расказачивание» стала базисной тенденцией в поселенческом обустройстве на Кубани.

Сильный толчок переселенческому движению в Кубанскую область давали изменения в действующем российском законодательстве и распоряжения высшего Кавказского начальства. В частности, «статьей 6 Правил о преобразовании общественного управления бывших государственных крестьян (Особое приложение к Т. IX Свода Законов; издание 1876 г.) было предоставлено крестьянам и людям, обязанным по закону избирать род жизни в течение 3-х лет, считая этот срок с 18 января 1866 г., приписаться к тем сельским обществам, водворяемым на казённых землях, в которых душевой надел превышал в уездах малоземельных восьмидесятинную и многоземельных – 15-ти десятинную пропорцию на наличное число душ»³.

Процитируем дословно упоминаемую правовую норму (пункта «Б» статьи 6) указанного выше Положения: «В течение трёх лет со времени утверждения настоящего постановления, нуждающиеся в земле крестьяне и люди, обязанные по закону избрать род жизни, могут быть приписываемы к тем сельским обществам, водворённым на казённых землях, в которых душевой надел

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 25об.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 26.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 2–2об.

превышает: в уездах малоземельных 8-ми и многоземельных 15-тидесятичную пропорцию на наличное число душ, без испрошения на принятие их согласия сих обществ. Но подобная приписка приостанавливается, когда общество представит доказательство о неблагонадёжности приписывающегося лица»¹.

Третья группа – переселившиеся крестьяне, или оседлые иногородние, которые сумели не только самостоятельно прибыть на Кубань, но и правдами, или неправдами закрепиться в казачьих поселениях, с жизненными перипетиями обустроить своё жильё, завести собственное хозяйство, однако вынужденных нести дополнительную материально-хозяйственную нагрузку за возможность проживать в станицах и хуторах на Кубани. Именно эта часть иногороднего крестьянства являлась наиболее активной группой сельского населения, привносила на Кубань предпринимательский опыт, передовые формы и методы ведения хозяйства, что и позволяло данному сообществу быстро перейти к оседлости и развернуть борьбу за свои права, за отнесение к статусу коренного населения Кубани.

На 2-м съезде станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 февраля 1908 г. один из ораторов говорил: «В 1884 году казаки уже начали сознавать тягость иногородних. Я сам был поражён появлением массы сельскохозяйственных машин и других улучшений. Но культура создавалась самими казаками, освободившимися от войны. Казаки начали жаловаться, что их стесняют иногородние, отказываются платить даже на содержание пожарного обоза и предъявляют претензии на многие права. Замечено, что казаки-родственники иногородних хуже снаряжаются на службу. Объясняю это влиянием чуждой среды»². Тем самым, социальное противостояние «казаки и иногородние» на Кубани носило не только экономический (о чём уже сложилась многочисленная историография), но и культурный

---

¹ О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 15 февраля. 18 января 1866 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. ХLI. Отд. 1-е [1866 г.]. СПб., 1868. Ст. 42899. П. 6 «Б».

² Журнал 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г. Армавир, 1908. С. 19.

характер, постепенно перерастая в политическое противоборство, в область отстаивания своих прав иногородними (крестьянами).

Среди иногороднего крестьянства «оседлые, имевшие меньше земли и занимавшиеся промыслами», в 1916 г. секторально составляли в общей массе 46,1%¹. Оседлая часть иногороднего крестьянства способствовала формированию на Кубани земельного рынка, активно покупала и продавала земельные участки, развивала своё крестьянское хозяйство. Как отмечается в архивных документах, «иногородние проживают как в казачьих станицах, так и в селениях и аулах, подчиняющихся общему Гражданскому управлению. Нельзя утверждать, что все иногородние находились в бедственном положении, если это было так, то эти массы иногородних [были бы готовы] к переселению в другие места»². Подчеркнём, по текущему состоянию на 1893 г. в Кубанской области «во многих станицах число иногородних превышает число коренных жителей, так, например, в станице Лабинской всего насчитывалось 6833 душ м.п. [мужского пола], в том числе, казаков – 17% и иногородних – 83%, из коих 53% оседлых и 30% не имеющих оседлости»³.

Согласно § 109 Положения от 10 мая 1862 г., «Лица, не принадлежащие к казачьему сословию (иногородние), получившие чрез покупку казачьих усадеб или пустопорожных мест право оседлости в Кубанском войске, обязаны вносить ежегодно, вперёд, до 1 января, за находящуюся под их усадьбами землю посажённую плату: в городе Екатеринодаре – по 5 коп[еек] за квадратную сажень с обращением одной половины сих денег в городской доход, а другой в войсковую сумму; в станицах же и посёлках – по 2 коп[ейки], из коих одна половина поступает в войсковой доход, а другая половина в станичные суммы.

§ 110. Купчие крепости на усадьбы, проданные казакам или лицам постороннего ведомства, совершаются крепостным порядком, на общем основании,

---

¹ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 341. Л. 13–14.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 47.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 49.

но на простой бумаге и без всяких пошлин. Само собой разумеется, что иногородние, приобретшие усадьбы, могут тоже продавать их другим себе подобным или лицам казачьего сословия. Но при такой вторичной продаже взыскиваются уже узаконенные пошлины в пользу казны.

§ 111. Обязанность иногородних вносить посажённую плату за купленные усадьбы никогда не прекращается; но если случится, что эти самые усадьбы перейдут опять в руки лиц казачьего сословия, то сии последние освобождаются от взноса означенной платы.

§ 112. Кроме определённой посажённой платы, иногородние владельцы усадеб освобождаются от всяких повинностей, исключая взноса определённых законом денег за право торговли на общем основании и повинностей по состоянию их в гражданском ведомстве.

§ 113. Иногородним, приобретшим усадьбы Кубанского казачьего войска, предоставляется право пользоваться общим выгоном наравне с прочими жителями, для собственного домашнего скота (не свыше 15 штук крупного и 30 [голов] мелкого). Если же кто из них встретит надобность в пользовании пастбищными местами с промышленной целью, а также и сенокосными местами, то это может быть дозволено самими станичными обществами за особую, по взаимному соглашению, плату в станичный доход»¹.

Однако на практике для иногородних крестьян в Кубанской области войсковыми властями вводилось множество различных ограничений материально-хозяйственного и социально-культурного характера, о которых мы ещё поговорим отдельно.

Прибывавшим в массовом количестве в 1860-е – 1870-е гг., свободным переселенцам «легко было устроиться и обзавестись хозяйством в казачьих областях» на Кавказе, в том числе, на Кубани. «Нередко они устраивали свои хозяйственные дела здесь лучше, чем в своих губерниях. В дальнейшем посажённая плата была не высока от 1 до 3 коп. за кв[адратную] саж[ень], арендные

---

¹ Речь идёт о «Положении о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России», Высочайше утверждённым 10 мая 1862 г. императором Александром II // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 1-е [1862 г.]. СПб., 1865. Ст. 38256. § 109–113.

цены полевых и пастбищных земель были низки. Иногородние, благодаря их трудолюбию, терпению и настойчивости, успевали извлекать из этих земель, отличавшихся большей частью благодатною почвою, выгоду, которая с избытком покрывала их расходы, а это давало им возможность с каждым последующим годом более расширить круг своих сельскохозяйственных занятий и захватывать казачьи наделы»¹.

Сразу не заметно, но достаточно быстро «дело дошло до того, что иногородние жители станиц делались фактическими эксплуататорами большей части казачьих земельных наделов в ущерб казакам и обязанностям их государственной службы. Такому переходу станичных земельных наделов в руки иногородних лиц содействовал в значительной степени и установившийся у казаков с конца 1860-х гг. обычай делить станичные земли на подворные пай, на более или менее продолжительные сроки. Зажиточные казаки, а, в большинстве случаев, иногородние, пользуясь этими обычаями, стали скупать наделные пай у бедняков, нуждавшихся в деньгах, и ленивцев, не питавших расположение к тяжёлому сельскохозяйственному труду»². Вот здесь и заключались истоки быстрого роста численности социальной группы оседлых иногородних на Кубани, и, соответственно, одна из коренных причин антагонизма «казаки и иногородние: против/вместе». Подчёркиваем, не только в силу традиционного казачьего общественного монополизма, но также из-за социально-экономического усиления иногородних и ставшего нередким их количественного преобладания в казачьих поселениях.

Четвёртая группа – мигрировавшие крестьяне, или «квартиранты», не имевшие своего жилья, устраивавшиеся на любую временную работу, нанимавшиеся в батраки, в подсобные рабочие на хлебных скупках и т.д., и мечтавшие когда-нибудь обрести постоянное место жительства на Кубани. Они представляли собой наиболее маргинальную часть иногороднего крестьянства, сложно идентифицируемую по основным занятиям, да собственно уже

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 12.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 12об.

утративших связь со своим сословием, за исключением батраков, нанимавшихся к зажиточным сельским хозяевам. Эти «иногородние живут здесь не один десяток лет и порвали всякие связи с обществами, в которых они числятся приписанными и из которых вышли»¹. В 1916 г. «так называемые квартиранты, не имеющие оседлости, батрачившие и у казаков, и у зажиточных иногородних», составляли 31,8% иногороднего крестьянства Кубани².

Среди самостоятельно мигрировавших неоседлых крестьян в районы Кубани встречалось немало беглых крестьян, разного рода личностей, образно говоря, со сложной человеческой судьбой и жизненными разворотами, причём, отнюдь не относившихся к преступному элементу. В исторических документах они прямо называются «беспаспортные люди».

В «Записке о беспаспортных людях, проживающих в Кубанском казачьем войске» от 9 февраля 1865 г., № 196, адресованной статс-секретарю Его Императорского Величества и управляющему делами Кавказского комитета, состоящему при Первом отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, тайному советнику Н.В. Гулькевичу (1817–1876), детально проясняется ситуация с обозначенной категорией иногородних на Кубани. Обозначенную записку о «беспаспортных людях» подготовил известный российский реформатор, военный министр, генерал-адъютант Д.А. Милютин, и в ней детально описывается одна из подгрупп самостоятельно мигрировавших неоседлых крестьян на Кубани, сосредоточившихся на рыбных промыслах и утративших возможность легального проживания.

Военный министр Д.А. Милютин получил большое письмо от Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, великого князя Михаила Николаевича о том, «что побережье Азовского моря, принадлежащее ККВ [Кубанскому казачьему войску] издавна занято рыболовными заводами. Заводы сии устроены большей частью среди недоступных болот, покрытых камышом. С самого основания их служили и теперь служат убежищем всякого рода бродяг. Привольная жизнь и возможность укрыться от преследования постоянно

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 1об.

² ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 341. Л. 13–14.

привлекают туда известный класс людей, какие до сего времени против них со стороны местного начальства оказываются недействительными, ибо при помощи обыкновенных полицейских средств нет возможности сделать внезапный обыск в этих труднодоступных местностях при чуткости и осторожности бродяг, успевающих по малейшей тревоге сбежать в камыши, или в открытое море»¹.

Очевидно, неоднократные попытки властей повлиять на этих людей оказывались безуспешными, поэтому в документе отмечается: «Для достижения цели необходимо предпринять ряд экспедиций целыми отрядами не только с сухого пути, но и со стороны моря. Большинство этих безызвестных приморских обитателей состоит просто из беспаспортных людей, не совершивших никакого другого преступления»². Тем самым, власти понимали, что загнанные в жизненный тупик люди в большинстве своём надёжно спрячутся от навязчивых «поисковиков», хотя их делинквентное поведение не составляет большой общественной опасности для Азовского прибрежного района.

Социальное происхождение названных «бродяг» оказывалось вполне даже пристойным: «Люди эти приходят на заработки большей частью с паспортами преимущественно из малороссийских губерний, и уже на заводах при разгульной жизни и беспечности, просрочивая принесённые паспорта и не заботясь о получении других, делаются беспаспортными, некоторые из них и не по своей воле, а по недобросовестности своих хозяев, или так называемых атаманов заводов, которые, нуждаясь в рабочих руках, с умыслом не переменяют вверенных им наёмниками паспортов и держат таким образом в своих руках опасующихся правосудия виновных за свою беспечность»³.

Местные власти в Азовском прибрежном районе Кубани (Ейского отдела и ближайших станиц) довольно хорошо владели информацией о ситуации с «беспаспортными людьми», но кардинально решить её не могли, а отчасти и

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29. Л. 2–2об.

² РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29. Л. 2об.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29. Л. 3.

не хотели этого делать, и при этом прекрасно знали об общественных настроениях, царящих внутри самой группы: «Многие из таковых беспаспортных людей давно желали бы явиться начальству и принести раскаяние, но боялись наказаний, определённых законом; со времени освобождения помещичьих крестьян из крепостной зависимости желание это, как осведомилось местное начальство, общее и почти нет сомнения, что, если бы людям было обещано прощение за бродяжничество, то они явились бы к ближайшему начальству ККВ и объявили о своём родопроисхождении»¹.

Вот таких людей командующий войсками в Кубанской области, Начальник Кубанской области и Наказный атаман Кубанского казачьего войска, генерал-адъютант, генерал-лейтенант Ф.Н. Сумароков-Эльстон рассчитывал успешно поверстать в кубанские казаки, о чём и доложил наместнику Кавказа, великому князю Михаилу Николаевичу. Военный министр Д.А. Милютин эту идею показавания своеобразной части иногородних поддержал, наряду с предложениями великого князя Михаила Николаевича: «Разделяя мнение командующего войсками Кубанской области, что означенные люди, привлечённые к морю, были бы нам весома полезны на северо-восточном берегу Чёрного моря, где и сами они, насколько известно по слухам, желали бы поселиться, Его императорское Высочество, Главнокомандующий Кавказской армией полагает: 1. Объяснить, что им будет даровано прощение, если они в течение 3-х месяцев со дня публикации добровольно явятся к местному начальству и сами, кроме вины в просроченном паспорте или в неимении его не совершили никаких других преступлений, что они будут водворены на жительство по их желанию: или в местах родины, или на северо-восточном берегу Чёрного моря с зачислением в Кубанское казачье войско. 2. По получении удовлетворительных ответов из мест жительства означенных людей, дозволить семействам явиться на родину по особым письменным видам (специальным пропускам на предмет благонадёжности и разрешения для переселения. – *авт.*), выданным войсковым правлением на простой бумаге, с тем, чтобы они в известный срок

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29. Л. 3об.

возвратились с семьями для зачисления в Кубанское казачье войско, если не встретится особых препятствий со стороны властей. Не имеющих же семейств водворить во вновь поселённых станицах по побережью Чёрного моря немедленно»¹.

В целом же, объяснение такого стремления имперских властей к водворению «беспаспортных людей» на северо-восточном побережье Чёрного моря вполне понятно, ведь даже в 1893 г. свободных земель в Черноморском округе насчитывалось не менее 10 тыс. десятин². Имперские власти рассчитывали не только натурализовать беспаспортных людей на Кубани и непременно поверстать их в казаки для поселения в станицах северо-восточного побережья Чёрного моря, но и предлагали серьёзным образом стимулировать этот социально-демографический процесс, для чего намеревались ввести определённые льготы: «Всем этим поселенцам предоставить место от службы и провиантское довольствие, тем, кто будет поселены в новых станицах на 3 года, наравне с прочими переселенцами, а водворённым в станицах, уже устроенным дать льготу на 2 года и провиантское довольствие в виде взаимообразной выдачи на первый год. Путевое довольствие выдавать семейным людям, выступившим в путь с места жительства, на том же основании, как и государственным крестьянам, по распоряжению местного губернатора»³.

Итак, на фоне широко обсуждаемой в научной литературе и публицистике проблемы расказачивания остаётся менее изученным, но весьма актуальным для Кубанского казачьего войска, для исторического региона Кубани сюжет о показачивании представителей иных сословий, административного перевода, прежде всего, иногороднего крестьянства в казачье сословие. Одним из вариантов показачивания иногороднего крестьянства является натурализация беспаспортных людей, работавших на рыболовных промыслах Кубани и скрывавшихся от административного ока властей по причине утраты документа, удостоверяющего личность.

---

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29. Л. 4–4об.

² РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 51об.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 29. Л. 5об.

Согласно постановлению Государственного совета «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29 апреля 1868 г., оседлые лица невойскового сословия (иностранцы) официально получили следующие права. Во-первых, приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не спрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества (что и влекло за собой право на оседлость). Причём, земля под этими строениями оставалась в собственности войска или городского или станичного общества, но находилась в постоянном пользовании приобретателя. За эту землю полагался ежегодный взнос в войсковые, городские или станичные суммы в виде установленной посажённой платы. На возведение новых (в пределах казачьих войск) построек на войсковой, городской или станичной земле, лица невойскового сословия испрашивали разрешение войскового начальства или согласие городских и станичных обществ, по принадлежности, обязываясь при этом вносить в войсковые, городские или станичные суммы установленную посажённую плату за землю, которая будет находиться под строением. Для приобретения в собственность существующих и возведение новых строений в имения частных землевладельцев, в пределах казачьих войск, лица невойскового сословия входили в соглашение только с самими земледельцами на общих законных основаниях. Против продажи казаками иностранцам своих усадеб выступали некоторые казачьи социальные институты. В частности, свой протест высказал 2-й съезд станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области (февраль 1908 г.), где «предложили сделать распоряжение прекратить продажу усадеб казакам иностранцам, предоставив лишь это право иностранцам, пока не получится выморочное имение, которое возвратится обратно казачьему обществу»¹.

Во-вторых, введённая для иностранцев переселенцев посажённая плата подлежала нормативному регулированию. В отношении посажённой платы

---

¹ Журнал 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г. Армавир, 1908. С. 34.

взымаемой с лиц, владеющих на войсковой, городской или станичной земле строениями, все местности в казачьих войсках разделялись на разряды, соответственно с развитием местной торговли и промышленности. Размер посажённой платы по разрядам местностей устанавливался только по решению (после утверждения) Военного совета на основании представлений главных местных начальников казачьих войск на пятилетний срок. Предел ежегодной посажённой платы определялся в 5 копеек с квадратной сажени. Тем самым, у иногородних существовало право требовать установления строго определённой посажённой платы.

В-третьих, отдельно оговаривались условия для священников. Дома священников невойскового происхождения, выслуживших в войсках и имеющих право на пенсию, освобождались от посажённой платы, установленной для лиц, владеющих в казачьих войсках строениями, если священники живут в этих домах. Правом этим наделялись также вдовы священников и сироты их до достижения совершеннолетия¹.

В-четвёртых, кроме вышеперечисленных, у иногородних имелось ещё ряд существенных прав: право продажи своих усадеб казакам или таким же иногородним, как и они; право вступать в члены местной общины, но с ограниченными возможностями (участвовать только в тех сходах и только по тем делам, что касались их законных прав и интересов); право на потомственное пользование землёй; право пользоваться общим выгоном для своего домашнего скота.

Нередко законные права иногородних (крестьян) ограничивались на местном уровне станичными обществами, которые явно притесняли некоренное население. В результате «иногородние жители казачьих станиц подчинялись произволу станичных обществ. Руководствуясь личностными интересами, могли пойти ещё дальше. Известны факты, когда станичные общества не позволяли живущим на станичных землях иногородним возводить какие-

---

¹ О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 18 июня. 29 апреля 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1-е [1868 г.]. СПб., 1873. Ст. 45785.

либо новые постройки в своих усадьбах и запрещали производить самые необходимые исправления в существующих постройках, как например, починку раскрытых или повреждённых бурей крыш, повалившихся заборов и т.п.»¹.

Концентрация иногороднего крестьянства и иных лиц из числа иногородних на территории Кубанской области не являлась равномерной. Значительная масса иногородних проживала в городах и в крупных станицах, и они считались центрами иногороднего населения, хотя существовали и целые территории, куда устремлялись иногородние, образовывались и отдельные поселения иногородних. Разберёмся в этой ситуации с расселением иногородних в пределах Кубанской области более детально, чтобы понять на каких поселенческих территориях они сосредотачивались, в каких именно поселениях иногородние (крестьяне) стали большинством, какие поселения образовывали сами иногородние.

С ростом притока переселенцев в некоторых станицах Кубанской области наблюдался подавляющий перевес иногороднего населения над казачьим населением. Например, в кубанских станицах Лабинская и Крымская казачье население составляло менее 20%². Соответственно, они в конце XIX в. выступали в качестве региональных центров иногороднего населения. Продолжалась и активное освоение крестьянами территории Закубанского края, где наряду с казаками, поселилось немало иногородних, в том числе, в отдельных поселениях. В 1893 г. в Нагорной полосе Кубанской области насчитывалось уже 33 посёлка, легально заселённых государственными крестьянами и занимавших в общей сложности 27000 десятин³.

Региональной территорией притяжения иногороднего населения в последней трети XIX в. становится Тамань. В станицу Таманскую прибывали и заселялись иногородние поселенцы, рассматривая Тамань в будущем как городское поселение. Поэтому она являлась центром внимания торговцев и

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 17.

² Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 234.

³ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18818. Л. 49.

предпринимателей из различных уголков Российской империи. Согласно Высочайше утверждённому 12 августа 1870 г. императором Александром II Положения Кавказского комитета: «Лица невойскового сословия, владеющие недвижимой собственностью в части станицы Таманской, прилегающей к морской пристани, между бывшими крепостями Турецкой и Фанагорией и вглубь на одну версту, через покупку усадеб у лиц войскового сословия, переселившихся в предгорья Западного Кавказа, и чрез женитьбу на казачьих вдовах и девицах, получают земли, находящиеся под их усадьбами, в полную потомственную собственность, без оплаты пошрины»¹. В результате действия этого социального лифта на Кубани появился один из региональных центров иногороднего населения.

По утверждённому в 1874 г. Наместником Его Императорского Величества на Кавказе и командующим Кавказской армией, великим князем Михаилом Николаевичем плану распределения земель бывших 3 округов Черномории, «вся окружавшая станицу Таманскую местность была формальным порядком размежеванная в наделе казаков и войсковых чиновников той же станицы, причём, не только не было проектировано место для предполагаемого городского поселения, но и вся площадь занятая поселением лиц иногородних не была исключена из общего юртового надела станицы»². «Водворившиеся прочно лица разных сословий и приобретших земли в собственные дворовые участки были лишены пользоваться не только выгоном, но и той частью государственной земли, которая предназначалась для построек. Между тем, все лица стремились приобретать в собственность усадебные места и возводить на них постройки, надеясь на образование города»³.

---

¹ О правах лиц невойскового сословия на приобретение оседлости в станице Таманской Кубанского казачьего войска. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение Кавказского комитета, опубликованное 10 сентября. 12 августа 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. 2-е [1870 г.]. СПб., 1874. Ст. 48640.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1524. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1524. Л. 2.

В том же плане распределения земель 1874 г. отмечалось: «Лица невойскового сословия, купившие усадьбы у лиц, не принадлежащих к числу невойскового сословия, которые впредь будут покупать усадьбы у лиц войскового сословия в районе станицы Таманской, приобретают землю, находящуюся под их усадьбами, но в уплате войсковые суммы по 5 копеек за кв[адратную] сажень, в той же части станицы Таманской отводятся желающим свободные места под постройки в полную собственность с платою по 10 коп[еек] за каждую сажень, с тем чтобы одному лицу вновь отводимо не более 400 кв[адратных] сажень. Желающие приобрести землю в поселении могли подать объявление в станичное правление, которое засвидетельствовало о свободности места и о пространстве оно, представляет в Войсковое хозяйственное Правление Кубанского казачьего войска. Вся поземельная выкупная плата составляет запасной капитал на устройство городского поселения»¹. Тем самым, за счёт иногородних рассчитывали пополнить будущий городской бюджет в обмен на выкуп земельных участков и получение правового статуса городских жителей.

Таманское станичное общество, пользуясь своим правом на владение всей землёй для поселения иногородних, взымало с них в пользу станицы следующие сборы: за выпас скота на общественном станичном выгоне; за места, занимаемые на базарной площади и находящиеся в черте их поселения; за право извозничества при перевозке зернового хлеба из магазина к пристаням, состоящим в той же черте. Такие условия для иногороднего населения привели, по заверению иногородних, к затруднительному положению, ведь ограничивалась для них возможность держать даже одну дойную корову для надобности семьи, поскольку дома и усадьбы стали опахиваться до самих ворот, чтобы увеличить сборы с иногородних в пользу станичного общества.

Вопрос об устройстве быта лиц невойскового сословия Таманской станицы детально обсуждался в Кубанском областном Правлении, о чём в журнале Кубанского областного Правления от 19 февраля 1890 г. зафиксировано следующее: «Личным расследованием атамана Темрюкского отдела в ноябре

---

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1524. Л. 5.

1889 г. выяснено, что на местности, отведённой в 1870 г. для образования города, занято 224 плановых участка. По ходатайству просителей о наделении их выгоном для скота выяснилось, что вся площадь, предназначавшаяся для города, заключала в себе 221 десятину, 1600 сажень из них свободной от построек земли и около 100 десятин, в числе которой 50 дес[ятин] удобной для выгона, а остальное – песок, лишённый растительности»¹.

Согласно выводам Темрюкского атамана: «Предоставление этой непригодной для выгона земли иногородним привело бы к неудобным последствиям, т.к. поселенцы мало нуждались в выгоне, т.к. из 75 домохозяев, 39 не занимаются хлебопашеством, а остальные путём аренды казачьих паёв располагаются далеко от места жительства. Поэтому, если упомянутый участок передать в их пользование, то они употребят его на возведение новых построек и тем привлекут новых поселенцев, а с увеличением числа поселенцев неудобства для них только будут возрастать»². Тем самым, казачье население не проявляло никакой заинтересованности в приезжих новых переселенцах, не хотело обратного преобразования станицы Таманской в городское поселение, а городской статус Тамань утратила ещё в 1849 г. Однако, слухи о преобразовании обратно в город привлекли в станицу Таманскую дополнительное иногороднее население.

В статье Л.В. Бурькиной приводятся статистические данные о численности населения Тамани в период с 1804 по 1858 гг. Так, если в 1848 г. в городском поселении Тамань всего фиксировалось 698 человек, то уже через 10 лет, в 1858 г. общее количество жителей выросло в 14 раз и составляло 9773 человек³. В 1870 г. насчитывалось 200 усадеб иногородних поселян, располагавшихся в отдалённости от станицы Таманской. Причём, поселенцы эти были приписаны к разным городам и селениям Российской империи⁴.

---

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1524. Л. 6.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1524. Л. 1.

³ Бурькина Л.В. Формирование гражданских поселений на Северо-Западном Кавказе в 40-е – 50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 18.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1524. Л. 3об.

Высказывая мысль о региональных центрах притяжения иногороднего населения на Кубани, мы на основе изучения разнообразных исторических источников, включая архивные материалы, утверждаем, что расселение иногородних не обошло практически ни одного населённого пункта Кубани, а также однозначно существовало стремление иногородних к созданию только своих поселений. К примеру, в управление государственных имуществ Кубанской области и Черноморской губернии 4 марта 1892 г. поступило прошение крестьян, проживавших на казённом земельном участке Ахтырь Черноморского округа, о разрешении им устроить мельницу. Причём, крестьяне после переселения в эту местность не причислялись в поселяне, и они просили отвести им также участок земли на законном основании для образования на нём своего поселения¹.

Итак, большую часть иногородних на Кубани представляли иногородние крестьяне, которые, в свою очередь, делились на четыре социальные группы: вечняки (кубанские коренные крестьяне), казённые крестьяне (часто переходящие в казачье сословие), оседлые (иногородние крестьяне, имеющие оседлость), «квартиранты» (иногородние крестьяне, не имеющие оседлости). Причём, положение иногородних оказывалось противоречивым: с одной стороны, они были необходимы для казаков, так как оживляли промышленность и торговлю края, без них казаки, отвлекаемые военной службой, не в состоянии были бы обработать свои земли, но с другой стороны, казаки чувствовали себя стеснёнными громадной массой иногородних, которые, порой, не имея ни пяди собственной земли, жили относительно неплохо. Отсюда возникал резкий антагонизм между казаками и иногородними на Кубани, выражающийся нередко в стеснительных административных и материально-хозяйственных мероприятиях против пришлых категорий населения.

В итоге формировалась социальная дискуссионная панель на институционализированной площадке «иногородние vs/сop [«против/вместе»] казачество». Это означало наличие на Кубани во второй половине XIX – начале

---

¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18707. Л. 4.

XX вв. длительно существующей общественной ситуации постоянных споров между иногородними и казаками, причём, не только на бытовом уровне, но и на различных публичных мероприятиях, в рамках общественных объединений, партий, съездов и т.п. По общей логике социального развития получалось так: иногородние представляли прогрессивную, развивающуюся часть местного сообщества, а казаки в массе своей выступали в качестве поборников традиций, защитников старых порядков, хотя о правомерности такой логики можно спорить. Базисная проблема, касающаяся изучаемых нами исторических форм поселений, заключалась в том, что, по мере хозяйственно-экономического укрепления иногородних, часть из них превращалась в консервативную часть местного сообщества. Бывшие нищие, прежде всего, за счёт колоссального труда и хозяйственной инициативы становятся зажиточными (вечняками), коренниками, оседлыми (вариантов здесь предостаточно!), поэтому подчиняют/угнетают таких же иногородних, как они сами были в недалёком прошлом. Их вполне устраивает социальный порядок, когда они могут подчинить в своих интересах даже казаков. Такая вот получается общественная борьба нового со старым, которая развивается по культурно-цивилизационному кругу, причём, как говорится, все оказываются в одной лодке, в большинстве своём живут в одних и тех же поселениях, становящихся ареной социального противостояния, с одной стороны, и формой организации культурно-хозяйственного пространства, с другой.

Таким образом, иногородние являлись вторичной социальной группой среди переселенцев в исторический регион Кубани и сумели в достаточно короткий исторический срок в массе своей занять достойное место в региональном сообществе. Анализ потерь и приобретений в многостороннем взаимодействии «казаки и иногородние: против/вместе» составляет бесценный исторический опыт, который нам оставили наши предшественники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего историко-сопоставительного и кросс-культурного исследования, подчеркнём, что цель и задачи диссертационной работы достигнуты, по каждому параграфу и каждой главе обобщения и выводы сделаны, поэтому в заключение, как и полагается в этой части диссертации, мы сосредоточим своё внимание на оценочных сюжетах общего порядка.

Итак, историческая повседневность, выступающая в качестве направления исторического познания и методологических рамок для настоящего диссертационного проекта, – это совокупность пространственно-временных множеств, одним из которых является поселенческая повседневность казачества и иных переселенцев на Кубань в конце XVIII – начале XX вв. В авторском понимании поселенческой повседневности в историческом регионе Кубани на первый план выходят исторические формы поселений и поселенческий уклад казачества и иных переселенческих сообществ, в топохронологической последовательности рассматриваемых нами с хозяйственно-экономических, культурно-этнических, мобилизационно-демографических, ментально-поведенческих позиций.

Исследуемый исторический период конца XVIII – начала XX вв. во многом детерминирован, если использовать устоявшиеся в литературе оценки, фронтальным положением исторического региона Кубани. Однако авторское видение диссертанта заключается в обозначении указанного выше хронологического отрезка времени более точным и шире масштабированным понятием исторической полосы экстраординарных социальных потрясений и конфликтов. К ним в изучаемый нами исторический период относятся: войны, межэтнические столкновения, миграции и связанные с ними демографические потери, изменения природно-климатического и социального ландшафта, политические потрясения, череда административно-территориальных реформ в регионе, стихийные бедствия, действия многочисленных российских чиновников, управлявших Кубанью и Кавказом в целом, и др. Это внешняя историко-культурная среда, в которой складывались формы поселений и поселенческий

уклад исследуемых социальных групп (казачества и иных переселенческих сообществ) Кубани.

Мы поставили на первый план авторского исторического повествования исторические формы поселений, поскольку они упорядочивают жизненный мир всех категорий переселенцев, включая казачество, определяют ежедневную среду обитания мигрировавших людей, задают алгоритмы организации социального пространства, воспринимаются укореняющимся населением на Кубани как место силы, как малая родина на всю оставшуюся жизнь. Поселенческий уклад кубанского казачества демонстрировал на всём протяжении рассматриваемого исторического периода с конца XVIII в. по первые два десятилетия XX в. удивительное многообразие форм своего исторического существования: от простейшего зимовника и коша до промышленного центра, превращавшегося в город, с точки зрения поселенческой структуры.

В диссертации выявлены, описаны и сделаны выводы и обобщения, в том числе, в порядке методологической саморефлексии, по следующим основным историческим формам казачьих поселений на Кубани: слободка, кош, зимовник, хутор, курень, куренное селение, станица, посёлок. Но казаки могли также проживать в селениях, посадах и городах. Кроме того, нами рассмотрены формы военных и полувоенных поселений: пост, укрепление (шанец, фельдшанец, форт), крепость, порт. Причём, нередко формы поселений исторически отличались подвижным состоянием, скажем, первичный военный пост превращался со временем в станицу, равно как и существовала немалая вероятность исчезновения поселения вообще. Малые формы поселений зачастую имели временный характер, скажем, люди могли жить на посту до момента утраты военной необходимости, но даже в таких непростых условиях они обустроивались и стремились придать месту своего пребывания жилой вид. А ещё переселенцы на Кубань, в том числе казаки, проживали в иных, реже встречающихся в общей массе поселенческих структур формах поселенческих образований, к которым относятся: колония (где жили в основном немцы и эстонцы), деревня, село, слобода, дачный (курортный) посёлок, урочище, казённая лесная дача, местечко, имение (латифундия, владельческий

участок), рыбзавод (наиболее известен Ачуевский). Почти три четверти века на Кубани просуществовала заимочная форма землепользования (естественно, с водворением хутора), и «нрав вольной заимки» долго владел умами черноморских казаков. Тем не менее, в качестве базисных исторических форм поселений на Кубани диссертантом выделяются станица и хутор, эти особые миры в историческом регионе.

Проанализированные исторические формы поселений, с авторской точки зрения, закономерно подлежат типологизации, и, прежде всего, для нас важна та типология, когда вся совокупность исторических форм поселений делится на два глобальных типа: казачьи поселения и неказачьи поселения. Означает ли это, что в неказачьих поселениях не могут проживать казаки? Нет. Но очевидно: казаки там не будут составлять большинства населения, при этом коммеморативными практиками в историческом регионе Кубани в качестве казачьих поселений закрепились станица и хутор. Как мы фиксируем, исторические формы поселений при всеобщем охвате логично делятся на малые и большие. Если в группу малых поселений, согласно этой типологии, входят: слободка, заимка, кош, зимовник, и пр., то к группе больших поселений, в частности, могут быть отнесены: станица, посёлок, посад. Вполне естественна типология, когда исторические формы поселений мы полагаем возможным разделить на временные и постоянные. К примеру, в качестве временного поселения существовали на Кубани кош и зимовник, хотя в разряд временных поселений попадали и куренные селения. Достаточно вспомнить историю многократного переселения Мышастовского куреня. Самым прочным постоянным поселением являлась станица, что признавали и горцы, теснимые казаками, особенно при освоении Закубанского края. Консолидация исторических форм поселений в отдельные типы вовсе не исключает их дифференциации на отдельные виды. По критерию происхождения, к примеру, можно выделить три вида хуторов. Во-первых, по определению многодворные хутора, когда они возникали на выгодных местах в торговых и промысловых целях. Во-вторых, в основном изначально малодворные хутора, сформировавшиеся в результате пе-

реселения избыточного населения из станиц на дополнительно выделенные земельные участки. В-третьих, однодворные хутора («панские»), образовавшиеся на частновладельческих землях. Они возникали как результат предприимчивости отдельных лиц и разрастались по мере роста состоятельности первоначальных владельцев хуторов. Видовое разнообразие станиц наиболее рационально рассматривать с помощью функционального критерия. Во-первых, часть станиц неизбежно превращались в административные центры (округов, уездов, отделов), и со временем они становились городами, скажем, та же станица Баталпашинская. Во-вторых, среди кубанских станиц немало встречается поселений, которые приобрели заметную социальную динамику, благодаря развитию торгово-экономических отношений, к примеру, станица Лабинская. В-третьих, ряд кубанских станиц возвысились в результате реализации транспортно-коммуникативной функции, что произошло со станицей Темрюкская. В-четвёртых, на Кубани немало насчитывается станиц, никогда не претендовавших на какой-то особый статус и остававшихся обычными юртовыми станицами. В этой связи мы изучили историческую поселенческую траекторию станицы Александровской (ныне в Каневском районе Краснодарского края). Станицы также можно дифференцировать на большие, средние и малые по численности населения, но в зависимости от субрегиона количественные параметры здесь будут заметно отличаться, что детально нами рассмотрено в тексте диссертации. Поэтому сравнивать станицы по критерию многолюдности нужно через призму субрегиональных отличий, к примеру, такой масштабированный анализ приемлем для Закубанского края. В ходе научного поиска видового своеобразия кубанских необходимо иметь в виду историческую изменчивость функциональной роли станиц, особенности динамики поселенческого развития, воздействие внешних факторов (к примеру, прокладки транспортных коридоров), и пр.

Нами изучены исторически существовавшие типологизации кубанских станиц. Так, по инициативе войскового архитектора Е.Д. Черника в 1847 г. в целях стандартизации сооружения общественных магазинов Войсковое Правление провело обследование станиц, и получилась следующая типологизация

кубанских станиц по четырём поселенческим разрядам. В 1-й поселенческий разряд входили станицы с численностью населения от 263 до 500 душ мужского пола, обязанных отдавать добровольный внос в станичный запасной магазин хлеба. Во 2-й поселенческий разряд относили станицы с самооблагаемым населением в количестве от 500 до 1000 душ мужского пола. К 3-ему поселенческому разряду принадлежали станицы с численностью обязанных от 1000 до 1500 душ мужского пола. В 4-й поселенческий разряд включали станицы с параметрами облагаемых лиц от 1500 до 2000 и выше душ мужского пола.

Согласно критерию классификации войскового архитектора Е.Д. Черника, к 1-му поселенческому разряду причислили следующие станицы Черноморского казачьего войска: Ахтанизовская (314 облагаемых душ мужского пола), Батуриная (334), Вышестеблиевская (499), Гривенский черкесский аул (в статусе станицы; 263), Новокорсунская (496), Новолеушковская (393), Павловская (467), Старотитаровская (369), Тамань (314), Татарская Ада (281). Ещё 2 станицы, приписанные к этому разряду, зафиксированы в архивном документе неразборчиво для чтения. Ко 2-му поселенческому разряду относили следующие станицы Черноморского казачьего войска: Березанская (936 душ мужского пола), Динская (602), Дядьковская (524), Елизаветинская (727), Ирклиевская (851), Канеловская (782), Крыловская (788), Кущёвская (831), Марьинская (828), Нововеличковская (849), Новодеревянковская (882), Новоджерелиевская (928), Переясловская (905), Пластуновская (850), Старовеличковская (972), Стародеревянковская (960), Староджерелиевская (927), Старолеушковская (689), Староминская (608), Тимашёвская (928), Шкуринская (760). К 3-му поселенческому разряду принадлежали более населённые станицы: Брюховецкая (1002 облагаемых душ мужского пола), Васюринская (1132), Екатериновская (1071), Ивановская (1450), Калниболотская (1139), Кореновская (1135), Медвёдовская (1122), Незамаевская (1153), Новоивановская (1035), Новотитаровская (1344), Новощербиновская (1041), Петровская (1388), Платнировская (1350), Поповичевская (1101), Рогивская (1289), Старокорсунская (1042), Староминская (1439), Старонижестеблиевская (1421), Уманская

(1207). К 4-му поселенческому разряду причислили самые населённые станции Черноморского казачьего войска: Екатеринодарская (3677), Каневская (1522), Кисляковская (1523), Новомышастовская (1739), Новонижестеблиевская (1635), Пашковская (1561), Полтавская (1572), Старощербиновская (2078).

Вместе с тем, вся совокупность крестьянских поселений Кубанской области начала XX в. дифференцируется Б.М. Городецким, как нам удалось установить в ходе изучения его исторического наследия, на три группы. К первой группе крестьянских поселений он относит поселения с самостоятельным управлением (73 населённых пункта), в которых проживали, главным образом, коренные жители из числа иногородних (имеющих оседлость). Ко второй группе крестьянских поселений принадлежали хутора, где сосредотачивались преимущественно арендаторы частновладельческих участков (137 населённых пунктов с жителями, не имеющими оседлости). В третью группу крестьянских поселений входили так называемые крестьянские поземельные товарищества (всего 445 объединений).

С точки зрения поселенческих структур весь рассматриваемый нами исторический период конца XVIII – начала XX вв. можно разделить на два больших этапа: 1) этап генезиса кубанских поселений и 2) этап модернизации кубанских поселений. При этом формы поселений выступали в нашем понимании как драйверы социокультурного развития и экономической модернизации исторического региона Кубани.

В историческом описании кубанских поселений, помимо ранее заявленных в разделе о категориально-понятийном аппарате изучения поселенческого обустройства казаков Кубани и Черноморья (§ 1.3) научных инструментов, мы использовали инновационный планиграфический метод и, соответственно, планиграфический анализ, методика которого разработана автором в рамках реализации принципа историзма. Это позволило нам представить результаты научного поиска в трёхмерном пространстве: историческая форма поселения в его конкретном виде; поселение, относящееся к определённому субрегиону

в рамках исторического региона Кубани; поселение, несущее в себе характерные приметы исторического времени. Безусловно, далеко не все поселенческие истории можно превратить в трёхмерную научную инсталляцию из-за неполноты сведений в исторических источниках, но ключевые исторические формы поселений вполне можно представить в планиграфической проекции. Успешное документирование поселенческой истории с помощью различных видов исторических источников приводит нас к завершённому историческому сюжету тогда, когда собран информационный кейс сведений, относящихся к одному типичному кубанскому поселению, и мы имеем горизонтальный срез последовательно выстроенных событий и явлений в исторической повседневности данного поселения. Особенно важно здесь датировать ключевые вехи в бытовании поселенческого образования, чтобы сложилась общая историческая картина, а это, в свою очередь, зависит от правильно избранных методик авторского научного поиска. Планиграфический метод нередко требует работы с довольно значительным объёмом исходных исторических данных, в которых надо отыскать сведения о конкретном поселении, и в этом заключается особенность исследования поселенческой повседневности по сравнению с иными вариантами историописания, когда порой достаточно нескольких исторических фактов для изложения исторического сюжета. В поселенческой истории нельзя двигаться семимильными шагами, нельзя пропускать какие-то исторические периоды, ибо тогда она будет неполной. Чем больше удаётся собрать исторических свидетельств, тем лучше можно представить планиграфию поселенческого образования, тем более многоцветной будет история конкретного поселения.

Категория поселенческого уклада охватывает вещественную среду обитания переселенцев на Кубань (жилой дом, подворье, хозяйственные постройки и пр.), типичное отношение людей к этому ближнему окружающему повседневному овеществлённому миру, ежедневную организацию бытового пространства, где отчётливо прослеживаются эстетические вкусы хозяина (хозяйки), мирские идеалы восприятия своего бытования и социальные нормы

поселенческого обустройства, а также неразрывно связанную с ним сферу хозяйственно-производительных занятий. Социальные отличия и социальное неравенство достаточно хорошо проявляются в поселенческом укладе, поскольку предметы быта исторически иллюстрируют для нас образ жизни в кубанских поселениях разных категорий переселенцев, в том числе, казаков, и, конечно же, период конца XVIII – начала XIX вв. представляет один мир вещей, середина XIX в. демонстрирует уже иные стилевые особенности, а конец XIX – начало XX вв. рождает свою архитектуру, традиции убранства жилища, допускают более широкое проникновение в повседневный быт фабричной мебели; меняется одежда людей, виды и количество обуви, головные уборы, появляются другие причёски, и т.д. И мы вступаем в этнографическое исследовательское поле, которое в диссертации мы практически не затрагиваем, но для нас важно зафиксировать историческую трансформацию поселенческого уклада на Кубани в целом, жизненную среду переселенцев, когда преобладало натуральное хозяйство. Однако и тогда уже существовало (как и современную эпоху) обладание социально престижными вещами, скажем, мельницей о двух поставах, пчельником, фруктовым садом, вторым жилым домом, и т.д., хотя любая бытовая вещь в широком смысле этого слова несёт в себе исключительное человеческое тепло, формирует неповторимый домашний уют и порождает добрые личностные чувства.

В условиях господства натурального хозяйства кубанский переселенец, и казак в том числе, объединял в своей повседневной жизни различные хозяйственно-экономические роли: земледельца на кубанских чернозёмах, скотовода на кубанских степных просторах, устроителя садов, рощ, левад, умельца-ремесленника (ткача, гончара, постовала и пр.), мастера-строителя и т.д. Казак укоренялся на века, и в большинстве случаев не хотел никуда отступить с освоенного места, поэтому сделанные им лично и приобретаемые вещи (орудия труда, повозки, домашняя утварь, праздничная одежда и др.) рассчитывались на многократное использование, на передачу по наследству своим детям и внукам. Наряду с утилитарным отношением казака к миру вещей, в них он также вкладывал своё художественное восприятие вещи как таковой (хотя кустарное

произведение при всей неповторимости далеко не всегда очень уж искусно выглядит), любая домашняя вещь была частью его повседневного мироощущения, являлась глубинной песнью его души и отражала его миропонимание. В итоге на Кубани формировался неповторимый поселенческий уклад, во многом предопределяемый исторической формой поселения, в рамках которой казак жил, работал, творил, растил детей, готовился к военной службе и пр.

Исторические формы поселений и поселенческий уклад мы рассмотрели в рамках исторического региона Кубани, ибо обе обозначенные выше ключевые категории исследования по определению имеют вполне конкретную пространственно-географическую и временную привязку. Исторический регион Кубани сформировали, прежде всего, два военно-административных образования: Черноморское казачье войско и Кавказское линейное казачье войско. С одной стороны, это традиционная логика регионального исторического исследования, а, с другой стороны, сам исторический регион Кубани имеет собственную историческую эволюцию (охватывая также территории и за первичными пределами двух войск), которую мы не могли в диссертации не учитывать, раскрывая проблемы функционирования поселенческого уклада казачьих поселений, формирования историко-культурного ландшафта.

Черноморья с исторического момента своего образования выполняла очень важную функцию форпоста, призванного репродуцировать империю на дальних южных рубежах России. Понимание этого концептуального положения невозможно без развития и укрепления поселенческих структур. Осмелимся также утверждать, что Россия на Юге прирастала, перефразируя М.В. Ломоносова, именно казачьими станицами, и рост казачьих станиц фиксировался в правовом поле действовавшего российского законодательства, даже, более того, Высочайше одобрялись процессы имперского строительства путём образования и укрепления казачьих станиц и областей. При этом глобальной проблемой имперского строительства являлись диспропорции монокультурности и поликультурности, когда доминирование поселенческого станичного юрта неизбежно сталкивалось с инокультурными поселенческими образованиями, или же внутриселенческими инклюзиями, обусловленными

внутрироссийской адаптацией поселений и/или поселенческих образований индигенных народов и усилением миграционных процессов в направлении исторического региона Кубани.

Исторический регион Кубани, с одной стороны, выступает единым социогуманитарным, культурно-хозяйственным пространством, а, с другой стороны, в нём немалое значение имеют субрегиональные исторические феномены. Каждому крупному поселенческому феномену Кубани в настоящей диссертации отведено своё место (черноморские курени, линейные станицы, кубанские поселения, поселения северо-восточного побережья Чёрного моря), и при этом в каждом случае отслежены характерные формы поселений с присущим конкретно-историческим описанием. Подчеркнём, понятие исторического региона Кубани для нас несколько шире, нежели административные границы нынешнего Краснодарского края, ибо формирование исторического региона Кубани представляет собой довольно сложный исторический процесс, который нами рассмотрен через глобальную историю кубанских поселений со всем разнообразием их исторических форм.

Гносеологическим конструктом XIX в. и строителем нового мира на южных рубежах выступало кубанское казачество, по сути являвшееся имперским социально-демографическим проектом, подчеркнём, проектом, воспринятым самими казаками. Имперская власть чётко реализовала в историческом регионе Кубани при поддержке черноморского и линейного казачества глобальный социальный проект казачьей области, причём, на наш взгляд, для российского имперского истеблишмента эту традицию в социальном менеджменте укоренила императрица Екатерина II, и крайне символично, что она положила начало формированию Кубанской области, а поставил жирную запятую в этом процессе император Александр II, ибо реально Кубанское казачье войско и Кубанская область сформировались только к концу XIX в., после закрепления в имперском пространстве. На этом фоне история кубанских поселений представляет собой целостную совокупность микроисторий рассеянных и трудных идентичностей, которые переживали в течение девятнадцатого столетия слож-

ную поселенческую траекторию, и в результате выкристаллизовались характерные формы кубанских поселений, и поселенческое лицо Кубани представляли, прежде всего, станица и хутор. Причём, это поселенческие концепты с разным историческим происхождением, с различным антропогенным смыслом и вытекающей отсюда актуальной проблематикой – максимальной реализацией казачьей поселенческой свободы («нравом вольной заимки») и неотвратимым императивом войскового порядка в организации куреней (станиц) с неизбежной властью панства (старшины) и/или ограничительными рамками казачьей общины.

Антропогенный смысл поселенческого лица Кубани выражался в наличии большого количества групп российского казачества, переселившихся в исторический регион, а потому экстраполированный из более современной реальности исторический миф о едином кубанском казачестве, или состоящем из двух больших групп линейцев и черноморцев, является социальным проектом власть предержащих, хотя для простоты исторической картины и сокращения текста мы порой также писали об этом. Казачество на Кубани формировалось с конца XVIII в. и в течение XIX в. из числа переселенческого, в том числе, изначально неказачьего населения. Переселенцы – вот реальный исторический социальный статус казаков, и поселенческие истории позволяют отделить казаков от индигенных народов (как автохтонного населения) в историописании от прибывших на Кубань разных групп российского казачества (миграционного населения). Тем самым, казаки-переселенцы – это прибывшие люди, как казаки, так и ставшие казаками в результате переселения. Мы зафиксировали малороссийских казаков из Полтавской и Черниговской губерний, хопёрцев, азовских казаков, оренбургских и т.д. А если донских казаков, например, поделить на внутренние группы, то устанем считать, сколько всего переселилось групп, ведь на Дону казаков ещё до переселения на Кубань называли по многолюдным станичным юртам. Поэтому появление понятий «казачество Кубани» или «кубанское казачество» – это результат исторического процесса, а вовсе не его начало. Главное, поселившись на Кубани, казаки до-

статочно долго помнили, откуда именно они прибыли, как начиналась их поселенческая история, неизбежно происходила самокатегоризация через определение себя и фиксирования своей принадлежности к исходной группе переселенцев, а единое казачество Кубани формируется лишь к историческому рубежу XIX – XX вв. Тем самым, существовал ментальный посыл к укоренению на новых землях, водворению в кубанских поселениях, поэтому фигурировали слова «кубанцы», «кубанские казаки», что подчёркивали переселенцы уже во втором поколении, и эта историко-культурная тенденция присутствует в фольклоре во всех частях Кубани, в бывших черноморских, линейных и закубанских станицах. Но одновременно новое именование «кубанцами» не мешало казакам помнить о прошлом, и такие коммеморативные практики также имели место быть.

Взгляд соискателя-аналитика на поселенческий уклад кубанских казаков под углом зрения авторской концепции исторических поселений помог нам в диссертации очертить круг проблем, связанных с освоением исторического региона Кубани и воссоздать характерные алгоритмы образа жизни казаков, показать историко-культурный ландшафт пограничной территории. Так, кроме уже обозначенных выше параметров, поселенческий уклад включает: архитектурно-планировочные решения, поселенческое землеустройство, технологии возведения жилых, хозяйственных и общественных построек, характерный ландшафтный дизайн, и другие вещи, подчёркивающие антропологические свойства казачьего типа поселения и позволяющие адаптироваться во времени и пространстве, а, главное, реагировать на вызовы исторической эпохи. Поэтому, с нашей точки зрения, поселенческие казачьи образования должны быть помещены в пространство исторической повседневности, и тогда казачий поселенческий уклад – это самая настоящая традиционная народная культура, чьи глубинные истоки находятся именно в историческом регионе Кубани, чьи нарративы, мифологемы и ценности выступают ключевыми маркерами казачьей идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Неопубликованные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонды учреждений Военного министерства Российской империи

1. Ф. 38. Департамент Генерального штаба. [1819–1877 гг.]. Оп. 7. Д. 104.
2. Ф. 330. Главное управление казачьих войск. [1835–1917 гг.]. Оп. 5. Д. 267; Оп. 6. Д. 381; Оп. 7. Д. 308, Оп. 16. Д. 612.
3. Ф. 400. Главный Штаб Военного министерства. [1836–1919 гг.]. Оп. 25. Д. 2156, 2674, 4386, 5827, 8276, 10268, 12091, 12032.

Фонды органов местного военного управления Российской империи

4. Ф. 643. Кубанское казачье войско. [1788–1920 гг.]. Оп. 2. Д. 19, 33, 57, 85.
5. Ф. 788. Управления Кубанской области. [1778–1877 гг.]: Гражданская канцелярия командующего войсками правого крыла Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска. Оп. 1. Д. 7, 11, 22, 29, 55, 70, 75, 155, 159, 164.
6. Ф. 13454. Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных. [1771–1856 гг.]. Оп. 5. Д. 593, 658, 917, 918.

Коллекции военно-исторических и картографических документов

7. Ф. 414. Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи. [1735–1914 гг.]. Оп. 1. Д. 303.
8. Ф. 846. Военно-учёный архив. [1520–1918 гг.]. Оп. 16. «Кавказские дела». Д. 6288, 6696.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонды высших государственных учреждений Российской империи

9. Ф. 1268. Кавказский комитет. [1833–1882 гг.]. Оп. 1. Д. 52, 466-з; Оп. 2. Д. 353; Оп. 6. Д. 327; Оп. 12. Д. 84; Оп. 10. Д. 8, 29, 42, 152; Оп. 20. Д. 1114.

10. Ф. 1149. Департамент законов Государственного совета. [1812–1906 гг.]. Оп. 1. Д. 71; Оп. 3. Д. 7943; Оп. 12. Д. 118; Оп. 13. Д. 28, 84.

Фонды центральных государственных учреждений Российской империи

11. Ф. 381. Канцелярия министра земледелия. [1837–1917 гг.]. Оп. 29. Д. 18707, 18818.

12. Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов. [1802–1917 гг.]. Оп. 1. Д. 528; Оп. 6. Д. 366.

13. Ф. 1405. Министерство юстиции. [1803–1918 гг.]. Оп. 542. Д. 1524.

Фонды личного происхождения

14. Ф. 932. Дондуков-Корсаков Александр Михайлович. [1812–1890 гг.]. Оп. 1. Д. 317, 293.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонды личного происхождения

15. Ф. 601. Николай II. [1868–1918 гг.]. Оп. 1. Д. 429, 925.

16. Ф. 649. Михаил Николаевич, великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, наместник на Кавказе. [1832–1909 гг.]. Оп. 1. Д. 519, 520, 521.

17. Ф. 677. Александр III. [1845–1894 гг.]. Оп. 1. Д. 438, 511, 577.

18. Ф. 678. Александр II. [1818–1881 гг.]. Оп. 1. Д. 468, 530, 539, 543.

19. Ф. 1736. Фонд [Д. А.] Арцыбашева. [1803–1831 гг.]. Оп. 1. Д. 14.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

Фонды высших войсковых (региональных) казачьих учреждений

20. Ф. 249. Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1787–1917 гг.]. Оп. 1. Д. 276, 276-а, 239, 338, 474, 732, 797, 1290, 1701, 1706, 1808, 1867, 1909, 2112, 2259, 1924, 2358, 2830, 2832, 2905.

21. Ф. 250. Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1794–1842 гг.]. Оп. 1. Д. 1, 3, 15, 24, 30, 52; Оп. 2. Д. 12, 70, 172, 536, 684, 875.

22. Ф. 252. Войсковое хозяйственное правление Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1842–1888 гг.]. Оп. 1. Д. 766, 1192, 1271, 1339, 1366,

2497; Оп. 2. Д. 1, 128, 162, 163, 359, 380, 383, 395, 396, 397, 413, 474, 508, 617, 618, 637, 640, 684, 857, 940, 982, 1251, 1278, 1299, 1313, 1321, 1407, 1458, 1511, 1517, 1523, 1528, 1725, 1956, 2035, 2163, 2236, 2283, 2346; Оп. 5. Д. 163.

23. Ф. 257. Войсковое правление Кавказского линейного казачьего войска Правого фланга Кавказской линии. [1845–1860 гг.]. Оп. 1. Д. 23.

24. Ф. 260. Гражданская канцелярия командующего Правого фланга Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска. [1839–1859 гг.]. Оп. 2. Д. 80, 1613.

25. Ф. 396. Войсковой штаб Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области. [1818–1920]. Оп. 1. Д. 974, 1342, 8206, 8689.

26. Ф. 449. Кубанское областное правление, г. Екатеринодар Кубанской области. [1870–1920 гг.]. Оп. 6. Д. 572, 606.

27. Ф. 735. Войсковая канцелярия Азовского казачьего войска, посад Петровский. [1833–1865 гг.]. Оп. 1. Д. 3, 6, 7.

Фонды войсковых (внутрирегиональных) управленческих учреждений

28. Ф. 254. Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар Кубанской области. [1842–1870 гг.]. Оп. 1. Д. 216, 1174.

29. Ф. 318. Первое и второе казачьи отделения Кубанского казачьего войска штаба Кавказского военного округа. [1820–191(7)9 гг.]. Оп. 1. Д. 5, 29, 438; Оп. 2. Д. 1, 336, 338, 389, 1586, 2751.

30. Ф. 345. Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1821–1826 гг.]. Оп. 1. Д. 4, 169, 174.

31. Ф. 452. Гражданская канцелярия начальника Кубанской области, г. Екатеринодар. [1860–1870(2) гг.]. Оп. 1. Д. 507, 1036.

32. Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1870–1917 гг.]. Оп. 2. Д. 28, 1648, 2285, 2399, 4135; Оп. 3. Д. 88, 89; Оп. 7. Д. 206-а, 269, 312, 625.

33. Ф. 460. Кубанский областной статистический комитет Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, г. Екатеринодар Кубанской области. [1870–1916 гг.]. Оп. 1. Д. 9, 59, 196.

34. Ф. 574. Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертёжная [межевая комиссия] Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1847–1920 гг.]. Оп. 1. Д. 176, 257, 422, 499, 505, 635, 712, 782, 910, 1578, 3326.

35. Ф. Р-13. Ведомство Земледелия Кубанского краевого правительства, г. Екатеринодар Кубанской области. [1917–1920 гг.]. Оп. 1. Д. 138; Оп. 2. Д. 75, 119.

36. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и Гражданской войны на Кубани и Черноморье. г. Краснодар [1920–1991 гг.]. Оп. 2. Д. 341.

Фонды органов управления кордонными линиями

37. Ф. 261. Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1794–1864 гг. (1820–1869 гг.)]. Оп. 2. Д. 1, 21, 148, 705.

38. Ф. 325. Штаб Адагумского отряда Кубанского казачьего войска. [1856–1864 гг.]. Оп.1. Д. 259, 274.

39. Ф. 327. Штаб [Закубанского] Джубгского отряда Войскового дежурства Кубанского казачьего войска. [1863–1864 гг.]. Оп. 1. Д. 4, 41.

40. Ф. 347. Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии, станица Лабинская. [1839–1878 гг.]. Оп. 1. Д. 1, 14, 29, 40, 45, 48, 52.

41. Ф. 363. Канцелярия начальника Адагумской и Анапской кордонных линий Кубанского казачьего войска, станица Крымская. [1861–1863 гг.]. Оп. 1. Д. 8.

42. Ф. 389. Управление Натухайского военного округа, г. Екатеринодар Кубанской области. [1861–1864 гг.]. Оп. 1. Д. 18.

43. Ф. 696. Управление начальника Лабинского и Верхнекубанского округов правого крыла Кавказской линии, укрепление Майкоп. [1858–1863 гг.]. Оп. 1. Д. 1, 8, 15.

Фонды полковых правлений Кубанского казачьего войска

44. Ф. 350. Полковое правление Адагумского полка Кубанского казачьего войска, г. Анапа Кубанской области. [1861–1870 гг.]. Оп. 2. Д. 51, 111, 260, 346, 510.

45. Ф. 351. Полковое правление Псекупского полка Кубанского казачьего войска, станица Ключевая Кубанской области. [1864–(1870) гг.]. Оп. 1. Д. 9.

46. Ф. 352. Полковое правление Абинского полка Кубанского казачьего войска, станица Холмская Кубанской области. [1863–1870 гг.]. Оп. 1. Д. 117, 130, 230, 259, 596, 603, 691, 704.

Фонды станичных органов управления

47. Ф. 105. Линейное станичное правление Майкопского отдела Кубанской области, станица Линейная. [1864–1920 гг.]. Оп. 2. Д. 8, 42, 84.

Внутренние фонды архива

48. Ф. Р-1700. Управление по делам архивов Краснодарского края и Государственный архив Краснодарского края, г. Краснодар. [1920–2010 гг.]. Оп. 2. Д. 391, 451, 745, 1020, 1119.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

49. Ф. 70. Управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, г. Ставрополь. [1842–1857 гг.]. Оп. 2. Д. 158, 390.

50. Ф. 135. Ставропольская духовная консистория, г. Ставрополь. [1797–1929 гг.]. Оп. 1. Д. 588; Оп. 3. Д. 145; Оп. 4. Д. 284; Оп. 5. Д. 284; Оп. 26. Д. 823; Оп. 30. Д. 137.

51. Ф. 235. Кавказское наместническое правление, г. Екатериноград. [1759–1881 гг.]. Оп. 1. Д. 94.

52. Ф. 371. Статистический отдел Ставропольского губернского земства, г. Ставрополь. [1915 г.]. Оп. 1. Д. 11.

53. Ф. 1300. Комиссия наделения Кавказского линейного казачьего войска землями, г. Ставрополь. [1820–1853 гг.]. Оп. 1. Д. 492, 467, 491.

Фонды личного происхождения

54. Ф. 377. Попко Иван Диомидович, предводитель дворянства Ставропольской губернии (1819–1893). [1807–1889 гг.]. Оп. 1. Д. 4, 12, 16, 26.

Национальный архив Республики Адыгея

55. Ф. 1. Майкопская городская управа. [1869–1920 гг.]. Оп. 1. Д. 367, 368.

56. Ф. 11. Пшехское станичное правление. [1900 г.]. Оп. 1. Д. 1, 3.

57. Ф. 68. Атаман Майкопского отдела. [1904–1919 гг.]. Оп. 1. Д. 3.

Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики

58. Ф. 3. Управление атамана Баталпашинского отдела Кубанской области, ст[аница] Баталпашинская, Баталпашинского уезда, Кубано-Черноморской области. [1870, 1889, 1902–1903, 1907, 1913, 1917 гг.]. Оп. 2. Д. 2, 3, 4, 7.

59. Ф. 4. Баталпашинское станичное правление Баталпашинского отдела Кубанской области, ст[аница] Баталпашинская, Баталпашинского отдела, Кубано-Черноморской области. [1864–1894 гг.]. Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 53, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 64, 65, 66.

60. Ф. 5. Управление начальника Баталпашинского уезда Кубанской области, ст[аница] Баталпашинская Кубанской области. [1877–1887 гг.]. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4.

Муниципальное казённое учреждение

муниципального образования Ейский район «Архив»

(Краснодарский край)

61. Ф. Р-600. Коллекция документов по истории города Ейска и Ейского района. [2001–2004 гг.]. Оп. 1. Д. 26, 35, 40, 52.

62. Ф. Р-618. Коллекция документов по истории сельских поселений муниципального образования Ейский район. [1873–2015 гг.]. Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 5, 26, 32.

Архив муниципального образования Ленинградский район (АМОЛР)

(Краснодарский край)

63. Ф. Р-157. Коллекция документов по истории Ленинградского района, станица Ленинградская Краснодарского края. [1987–2013 гг.]. Оп. 1. Д. 12.

Управление архива муниципального образования

«город Новороссийск» (Краснодарский край)

64. Ф. 2. Новороссийская городская управа. [1893–1920 гг.]. Оп. 1. Д. 40.

65. Ф. 74. Коллекция обзоров Черноморской губернии. [1897–1915 гг.].
Оп. 1. Д. 1, 3, 10, 11.

Геленджикский историко-краеведческий музей (Краснодарский край)

66. Ф. 3. Д. 1, 6, 7, 15, 16, 16-а.

**Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына**

67. Документы о переселении казаков в Закубанье. Датировано: 1861 г. // инд. № КМ 5074/1-49 15 книга., инв. № 8478 /1-5, 8481 /1-8, 8601 / 1-5–20 и 21 книги.

**Старощербиновский историко-краеведческий музей
имени М. М. Постернак (Краснодарский край)**

68. Фрагмент основной музейной экспозиции: билет казаку Щербиновского куреня Матвею Ломаке на право владения хутором (1815 г.), выданный Черноморской войсковой канцелярией на устройство одного из хуторов по речке Ясени [оригинал исторического документа].

2. Опубликованные источники (документы и материалы)

2.1. Нормативно-правовые акты имперских инстанций

69. О приписке жителей города Чугуева и раскольничьих слобод в Екатеринославской Губернии к Казачьему корпусу, и о покупке у помещиков Херсонского и Елисаветградского уездов принадлежащих им селений. Именной рескрипт [императрицы Екатерины II], данный Екатеринославскому, Таврическому и Херсонскому Генерал-Губернатору Князю [Григорию Александровичу] Потёмкину-Таврическому. 14 января 1788 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее сокращённо – ПСЗРИ). Собр. 1-е. 1649–1825 гг. В 50 т. / под ред. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXII: [1784–1788 гг.]. № 15.902–16.738. – Ст. 16.605 (С. 1009–1010).

70. О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями, между Кубанью и Азовским морем лежащими. Именной [Указ императрицы

Екатерины II], данный Сенату. 30 июня 1792 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. 1649–1825 гг. В 50 т. / под ред. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXIII: [1789 – 6 ноября 1796 гг.]. – Ст. 17.056.

71. Об устройстве Черноморского войска. Высочайше утверждённый [императором Александром I] доклад Военной Коллегии. 13 ноября 1802 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. 1649–1825 гг. В 50 т. / под ред. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVII: [1802–1803]. – Ст. 20.508.

72. О умножении Черноморского войска переселением на земли, оному войску принадлежащие, 25000 Малороссийских казаков. Высочайше утверждённый [императором Александром I] доклад Управляющего Министерством Внутренних дел [графа Виктора Павловича Кочубея]. 19 апреля 1820 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. 1649–1825 гг. В 50 т. / под ред. М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXVII: [1820–1821]. – Ст. 28.241.

73. Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казённых селений. Именной [Указ императора Николая I], данный Сенату. 2 декабря 1832 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. VII: [1832 г.]. № 5055–5876. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – Ст. 5796.

74. Глава I. О гражданском хозяйстве Черноморского казачьего войска. Ст. 424–444 (С. 391–394); Глава 4. О войсковых доходах и расходах, и о поземельных довольствиях Кавказского Линейного казачьего войска. Ст. 476–498 (С. 400–403): Раздел Второй. О благоустройстве в селениях казачьих войск Черноморского, Новороссийского, Кавказского линейного, Астраханского и Сибирских. Ст. 424–605 (С. 391–420) // Свод уставов о благоустройстве в казачьих селениях [1835–1855]. Ст. 1–605 (С. 327–420). Приложения. П. 1–34 (С. 421–424) // Свод законов Российской империи, повелением государя

императора Николая Первого составленный [Текст]: Издание 1857 года. – Санкт-Петербург: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – Т. 12. Ч. 2: Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казённых и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. – С. 391–394 [Ст. 424–444]; С. 400–403 [Ст. 476–498].

75. Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение об управлении Донского Войска. Именной Указ, данный Сенату. 26 мая 1835 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. X. Отделение первое [1835 г.]. № 7717–8356. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – Ст. 8163 (С. 453–639). Приложения к Положению: ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. В 129 т. Т. X. Отделение второе [1835 г.]. № 8357–8738. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – Ст. 8163 (С. 75–213 приложений). Отдельное издание: Положение об управлении Донского войска [Высочайше утверждённое 26 мая 1835 г. императором Николаем I]: Ч. 1, 2 и 3 с приложениями к наказу гражданскому управлению Донского Войска штабами и общими приложениями. – Санкт-Петербург: Военная. типография, 1835. – [2], VIII, 544 с., 1 план.; 21.

76. Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение о размежевании земель Войска Донского, распубликованное 4 сентября. 31 июля 1835 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. X. Отделение первое [1835 г.]. № 7717–8356. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – Ст. 8356.

77. О воспрещении лицам гражданского и духовного ведомства строить и покупать в войске Донском дома и приобретать поземельные угодья. Именной [Указ императора Николая I], объявленный Наказному Атаману войска Донского [генерал-лейтенанту Максиму Григорьевичу Власову (1767–1848)]. 9 декабря 1840 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129

т. Т. XV. Отделение первое [1840 г.]. № 13044–14140. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. – Ст. 14031.

78. О сформировании особого полка из переселяемых на Лабинскую линию 4 станиц Кавказского линейного казачьего войска. Именной [Указ императора Николая I], объявленный в приказе Военного Министра [генерала от кавалерии, графа Александра Ивановича Чернышёва]. 25 марта 1841 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XVI. Отделение первое (1841 г.). № 14131–14986. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. – Ст. 14393.

79. Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение о Черноморском казачьем войске. 1 июля 1842 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XVII. Отделение первое [1842 г.]. № 15188–16047. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. – Ст. 15809. Отдельное издание: Положение о Черноморском казачьем войске. [Утверждено императором Николаем I и вступило в силу 1 июля 1842 г.]. – Санкт-Петербург: В типографии Департамента военных поселений, 1842. – 135 с.

80. Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение о Кавказском линейном казачьем войске. 14 февраля 1845 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XX. Отделение первое [1845 г.]. № 18573–19303. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. – Ст. 18739. Отдельное издание: Положение о Кавказском линейном казачьем войске. [Утверждено императором Николаем I и вступило в силу 14 февраля 1845 г.]. – Санкт-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1845. – 128 с.

81. Высочайше утверждённое Положение о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Чёрного моря. Именной [указ императора Николая I], данный Сенату. 15 декабря 1846 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXI. Отделение второе [1846 г.].

№ 20187–20767. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. – Ст. 20707.

82. Высочайше утверждённое [императором Николаем I] Положение о размежевании земель Черноморского казачьего войска. 12 апреля 1847 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXII. Отделение первое [1847 г.]. № 20768–21843. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. – Ст. 21103.

83. Высочайше утверждённые [императором Николаем I] Правила о порядке составления, утверждения и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках. 21 января 1851 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXVI. Отделение первое [1851 г.]. № 24781–25593. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. – Ст. 24859. Отдельное издание: Правила о порядке составления, утверждения и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках: [Высочайше утверждённые 21 января 1851 г.]. – Санкт-Петербург: Типография Департамента военных поселений, 1851. – 12 с.

84. О названии возведённых на правом крыле Кавказской линии двух укреплений: Шедокским и Псебайским. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказ Военного Министра [генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета (1794–1871)]. 7 марта 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 31573.

85. О переформировании четырёх станиц Кавказского казачьего пешего № 3-го батальона в конные. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказ Военного Министра [генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета (1794–1871)]. 8 апреля 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.].

№ 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 31705.

86. О распределении по Лабинским полкам станиц Лабинской бригады Кавказского линейного казачьего войска. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета (1794–1871)]. 19 мая 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 31855.

87. О дозволении зачислять в Черноморское казачье войско людей постороннего ведомства. Высочайшее утверждённое [императором Александром II] Положение Военного Совета, опубликованное 4 июля. 1 июня 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 31914.

88. О наименовании устроенных на правом крыле Кавказской линии двух станиц Кавказского линейного казачьего войска: на Урупе – Отрадную, а на Большой Лабе – Родниковскую. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Военным Министром [генерал-адъютантом Николаем Онуфриевичем Сухозанетом (1794–1871)]. 30 августа 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение второе (приложение). – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 32207а (см.: дополнение к Т. XXXII. С. 679).

89. Об устройстве на передовых Лабинских линиях четырёх новых станиц. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом Военным Министром [объявил главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом, генералу от инфан-

терии князю Александру Ивановичу Барятинскому (1815–1879) военный министр, генерал-адъютант Николай Онуфриевич Сухозанет (1794–1871)]. 16 ноября 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 32449.

90. О перечислении Стародеревянковской станицы Черноморского казачьего войска из Ейского военного округа в Екатеринодарский. Высочайше утверждённое [императором Александром II] положение Военного Совета, объявленное сенату Военным Министром [генерал-адъютантом Николаем Онуфриевичем Сухозанетом (1794–1871)]. 2 декабря 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 32514.

91. О наименовании Отдельного Кавказского Корпуса Кавказской Армией, а Главнокомандующего сим Корпусом Главнокомандующим Кавказской Армией. 6 декабря 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 32529.

92. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об Управлении иррегулярных войск. 16 декабря 1857 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXII. Отделение первое [1857 г.]. № 31349–32628. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. – Ст. 32533.

93. Высочайше утверждённое Положение об Управлении Кавказской Армии. Именной [Указ императора Александра II] указ, объявленный в приказ Военного Министра [генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета] 8 апреля 1858 г. 1 апреля 1858 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXIII. Отделение первое [1858 г.]. № 32629–

33350. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. – Ст. 32938.

94. О наименовании шести новых станиц между [реками] Лабой и Кубанью. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе по военному ведомству. 17 июля 1858 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXIII. Отделение второе [1858 г.]. № 33351–34004. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. – Ст. 33405.

95. О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанской и Терской областями, а всё пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Министром Юстиции [графом Виктором Никитичем Паниным (1801–1874)]. 8 февраля 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXV. Отделение первое [1860 г.]. № 33303–36058. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Ст. 35421.

96. Об учреждении Натухайского округа в Кубанской области. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции [графа Виктора Никитича Панина (1801–1874)]. 31 марта 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXV. Отделение первое [1860 г.]. № 33303–36058. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Ст. 35644.

97. О переименовании Командующих войсками правого и левого крыла Кавказской армии Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказ Военного Министра [генерал-адъютанта Николая Онуфриевича Сухозанета (1794 – 1871)]. 23 мая 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXV. Отделение первое [1860 г.]. № 33303–36058. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Ст. 35822.

98. О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Военным Министром [генерал-адъютантом Николаем Онуфриевичем Сухозанетом (1794 – 1871)]. 19 ноября 1860 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXV. Отделение второе. [1860 г.]. № 36059–36489. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Ст. 36327.

99. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 г. Положение сие опубликовано при указе Правительствующего Сената, 2 марта 1861 г. (см.: в этом же томе, № 36650) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVI. Отделение первое. [1861 г.]. № 36490–37190. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Ст. 36657.

100. О сформировании в Кубанском казачьем войске трёх новых конных полков и одной бригады, и об изменении состава бригад и полков сего войска. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)]. 13 мая 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVI. Отделение первое [1861 г.]. № 36490–37190. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Ст. 37004.

101. О новом устройстве Нижне-Кубанской кордонной линии. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)]. 16 мая 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVI. Отделение первое [1861 г.]. № 36490–37190. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Ст. 37014.

102. Об изменении границы между бывшими правым и левым крыльями Кавказской линии (ныне Кубанская и Терская области. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)]. 16 мая 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVI. Отделение первое [1861 г.]. № 36490–37190. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Ст. 37015.

103. О разделении Нижне-Кубанской кордонной линии на два участка. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)] по военному ведомству. 7 сентября 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVI. Отделение второе [1861 г.]. № 337191–37826. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Ст. 37397.

104. О разделении Лабинской и устройстве вновь Абадзехской кордонных линий. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)]. 14 ноября 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVI. Отделение второе [1861 г.]. № 337191–37826. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Ст. 37628.

105. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVII. Отделение первое [1862 г.]. № 37827–38621. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. – Ст. 38256. Отдельное издание: Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России: [утверждено 10-го мая 1862 года: с приложением других материалов].

– Санкт-Петербург: Типография Управления Иррегулярных войск, 1862. – [118] с., разд. паг.

106. О зачислении некоторых вновь водворённых станиц в состав полков №№ 24 и 25 восьмой бригады Кубанского казачьего войска и Адагумского полка; о присоединении Псебайского посёлка к № 23-го конному полку седьмой бригады сего войска и об изменении состава и распределения кордонов в Кубанской области. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912)]. 14 августа 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVII. Отделение первое [1862 г.]. № 37827–38621. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. – Ст. 38572; Т. XXXVII. Отделение третье [1862 г.]. Приложение. – К Ст. (№) 38572 [С. 308–310].

107. О сокращении наряда войск на Урупскую кордонную линию и упразднении некоторых постов на этой линии. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912)]. 15 марта 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVIII. Отделение первое [1863 г.]. № 39117–40024. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. – Ст. 39376.

108. О том, чтобы водворённую в Кубанской области в 1861 году, на левом берегу р[еки] Ходза, станицу Промежуточную переименовать в Бесленевскую. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912)]. 11 апреля 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVIII. Отделение первое [1863 г.]. № 39117–40024. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. – Ст. 39468.

109. О наименовании станиц, вновь водворённых в 1863 году в Закубанском крае, и о сформировании в Кубанском казачьем войске двух новых конных полков: Абинского и № 26. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912)]. 3 сентября 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XXXVIII. Отделение второе [1863 г.]. № 40025–40456. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – Ст. 40026.

110. О водворении в Кубанской области 54-х новых станиц и формирование из них двух новых конных казачьих полков и одного берегового пешего батальона. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказе Военного Министра [генерал-адъютанта Дмитрия Алексеевича Милютин (1816–1912)]. 3 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. Т. XXXIX. Отделение второе [1864 г.]. № 41319–41641. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – Ст. 41410.

111. Действующие в иррегулярных войсках Постановления, изданные с 1 января 1865 г. по 1 января 1878 г. Ч. 1–4. – Санкт-Петербург: Издание Главного управления иррегулярных войск, 1878. – Ч. 3: Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. Милиции. – XVI, 317 с.

112. О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 15 февраля. 18 января 1866 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. Т. XLI. Отделение первое [1866 г.]. № 42861–43602. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. – Ст. 42899.

113. Высочайше утверждённое [императором Александром II] временное Положение об управлении горцами Кубанской области. 20 января 1866 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. Т. XLI. Отделение

первое [1866 г.]. № 42861–43602. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. – Ст. 42913.

114. О наименовании «Курчанской» новой станицы, водворённой между станицами Анастасиевской и Ахтанизовской, на месте Курчанских хуторов. Именной [Указ императора Александра II], объявленный в приказ по военному ведомству. 24 августа 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLII. Отделение второе [1867 г.]. № 44895–45355. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. – Ст. 44922.

115. О переименовании станиц Кубанского казачьего войска. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции [генерал-прокурором, князем Сергеем Николаевичем Урусовым (1816–1883)] 10 октября 1867 г. Высочайшее повеление это также объявлено по военному ведомству в приказе Военного Министра [генерала от инфантерии Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)] от 29 сентября 1867 г. 13 сентября 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLII. Отделение второе [1867 г.]. № 44895–45355. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. – Ст. 44968.

116. О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета, опубликованное 18 июня. 29 апреля 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLIII. Отделение первое [1868 г.]. № 45356–46062. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – Ст. 45785.

117. О присоединении к Черноморскому округу занимаемого Шапсугским батальоном Кубанского казачьего войска пространства земли по северо-восточному берегу Чёрного моря. Высочайше утверждённое [императором

Александром II] положение Кавказского комитета, объявленное Сенату Министром Юстиции [тайным советником, генерал-прокурором, графом Константином Ивановичем Паленом (1830–1912)] 30-го того же ноября. 18 ноября 1868 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLIII. Отделение второе [1868 г.]. № 46065–46609. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – Ст. 46457.

118. О поземельном устройстве в казачьих войсках. Высочайше утверждённое [императором Александром II] мнение Государственного Совета. 21 апреля 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. Т. XLIV. Отделение первое [1869 г.]. № 46610–47357. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – Ст. 46996.

119. О размежевании земель Кубанского казачьего войска в трёх округах Черномории. Высочайше утверждённое [императором Александром II] положение Военного Совета, объявленное Сенату Военным Министром [генералом от инфантерии Дмитрием Алексеевичем Милютиным (1816–1912)] 24 мая 1869 г. 26 апреля 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLIV. Отделение первое [1869 г.]. № 46610–47357. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – Ст. 47011.

120. Об упразднении станиц Фанагорийской и Хребтовой Псекупского конного полка, Кубанского казачьего войска и о расселении жителей сих станиц. Именной [Указ императора Александра II], объявленный Сенату Военным Министром [генералом от инфантерии Дмитрием Алексеевичем Милютиным (1816–1912)] 21-го июня 1869 года. 10 июня 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLIV. Отделение первое [1869 г.]. № 46610–47357. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – Ст. 47215.

121. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников

Кубанского и Терского казачьих войск. 23 апреля 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLV. Отделение первое [1870 г.]. № 47862–48529. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – Ст. 48275.

122. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение об общественном управлении в казачьих войсках. 13/25 мая 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLV. Отделение первое [1870 г.]. № 47862–48529. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – Ст. 48354.

123. О правах лиц невойскового сословия на приобретение оседлости в станице Таманской Кубанского казачьего войска. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение Кавказского комитета, опубликованное 10 сентября. 12 августа 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLV. Отделение второе [1870 г.]. № 48530–49097. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – Ст. 48640.

124. Высочайше утверждённое [императором Александром II] Положение о перечислении в гражданское ведомство Шапсугского пешего берегового батальона Кубанского казачьего войска. 18 октября 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. XLV. Отделение второе [1870 г.]. № 48530–49097. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – Ст. 48819.

125. О распределении должностей в учреждениях Кубанской и Терской областей. Распоряжение Его Императорского Высочества Наместника Кавказского с Высочайшего разрешения [императора Александра II], объявленное Сенату Министром Юстиции [тайным советником, генерал-прокурором, графом Константином Ивановичем Паленом (1830–1912)] 26 января 1871 г. 6 ноября 1870 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г.

В 129 т. Т. XLV. Отделение второе [1870 г.]. № 48530–49097. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – Ст. 48876.

126. Об учреждении в Кубанской области двух новых уездов и усилении состава областных и уездных полицейских учреждений в Кубанской и Терской областях. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. 27 января 1876 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. В 129 т. Т. LI. Отделение первое [1876 г.]. № 55456–56149. – Санкт-Петербург: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1878. – Ст. 55514.

127. Высочайше учреждённое [императором Александром III] Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа. 21 марта 1888 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. 1 марта 1881 г. – 1913 г. В 33 т. Т. VIII [1888 г.]. № 4933–5685 и дополнения. – Санкт-Петербург: В Государственной типографии, 1890. – Ст. 5077.

128. Об отводе Кубанскому казачьему войску земель и лесных дач, с исключением таковых из казённого ведомства и оклада. Именной [Указ императора Александра III], данный Сенату. 28 декабря 1889 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. 1 марта 1881 г. – 1913 г. В 33 т. Т. IX [1889 г.]. № 5686 – 6504 и дополнения. – Санкт-Петербург: В Государственной типографии, 1891. – Ст. 6481.

129. Высочайше утвержденное [императором Александром III] Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. 3 июня 1891 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. 1 марта 1881 г. – 1913 г. В 33 т. Т. XI [1891 г.]. № 7340 – 8214 и дополнения. – Санкт-Петербург: В Государственной типографии, 1894. – Ст. 7782.

130. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск. Высочайше утверждённое [императором Александром III] 3 июня 1891 г. (Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства. 1891. № 73. Ст. 771). Издание «Вестника Казачьих войск» неофициальное. – Санкт-Петербург: Типография В. О. Киршбаума, 1901. – 32 с.

131. Закон о землеустройстве 29 мая 1911 года и изданный на основании сего закона «Наказ Землеустроительным комиссиям от 19 июня 1911 года». Бесплатное приложение к «Известиям Главного Управления Землеустройства и Земледелия». – Санкт-Петербург: Типография «Сельского вестника», 1911. – 166 с.

132. Законоположения и Правительственные распоряжения, касающиеся Кубанской области и Кубанского казачьего войска, и распоряжения областного начальства // Кубанская справочная книжка (далее — КСК) 1894 года. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, А. П. Сташевского, М. С. Попова и Э. Х. Килиуса и К^о, 1894. Паг. 5. – С. 1–143.

133. Архив князя А. И. Чернышёва: Жизнеописание, Всеподданнейшие доклады и переписка князя Александра Ивановича Чернышёва // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 1867–1916 гг. В 148 т. – Т. 122. – Санкт-Петербург: Типография А. И. Траншеля, 1905. – IX, 529, 11 с.

2.2. Макрорегиональные и войсковые документы

134. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). / Архив Главного управления Наместника Кавказского /. Издано под ред. председателя комиссии, действительного статского советника А. П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского 1866–1904. – Т. IX: [Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина, 1837–1842; Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Александра Ивановича Нейдгардта, 1842–1844]. – 1884. – XXXI, 1013 с.

135. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874) / Археографию документов провёл и составил сборник Т. Х. Кумыков. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 410 с.

136. Всеподданнейшая записка [императору Александру II] управляющего Военным Министерством, генерал-адъютанта [Дмитрия Алексеевича] Милютина, от 29 августа 1861 года // АКАК (Архив Канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе). – Т. 12: [Кавказ и Закавказье

за время управления генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала, князя Александра Ивановича Барятинского, 1856–1862]. – Тифлис: В Типографии Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904. – С. 932–933 [№ 803].

137. Всеподданнейшее письмо [императору Николаю I] князя [Михаила Семёновича] Воронцова от 1 марта 1854 года. [Приложена]: Инструкция ген[ералу от кавалерии Николаю Андреевичу] Реаду // АКАК (Архив Главного управления Наместника Кавказского). Издано под ред. председателя комиссии, действительного статского советника А. П. Берже. – Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. – Т. X: [Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, князя Михаила Семёновича Воронцова, 1844–1854]. – С. 92–93, 93–100 [№ 71].

138. Высочайший рескрипт [императора Александра II] наказному атаману Кубанского казачьего Войска, генерал-адъютанту, графу [Николаю Ивановичу] Евдокимову, от 24 июня 1861 года. – Царское Село // АКАК (Архив Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе). – Т. 12: [Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала, князя Александра Ивановича Барятинского, 1856–1862]. – Тифлис: В Типографии Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904. – С. 915–917.

139. Дмитренко, И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. В 4-х т. / И. И. Дмитренко. – Санкт-Петербург: Типография Отделения корпуса жандармов, 1896–1898. – Т. 1: [Кубанский край. Кавказская линия. Черноморское войско казачье. Хопёрские казаки. 1737–1801 гг. Документы извлечены из Московского отделения архива Главного штаба]. 1896. – XVI, 897 с.; Т. 2: [Бумаги [большой группы исторических деятелей:] императрицы Екатерины II, [Г.А.] Потёмкина-Таврического, [А.В.] Суворова-Рымникского [и других лиц]. 1787–1795 гг.]. 1896. – XXVII, 475 с.; Т. 3: [Войско Верных Черноморских казаков. 1787–1795 гг.]. 1896. – XL, 799 с.; Т. 4:

[Материалы по истории Кубанского казачьего войска. 1795–1799 гг.]. 1898. – 546 с.

140. Дондуков-Корсаков, А. М. Записка о настоящем положении Черноморского округа и о предположениях по будущему его устройству / А. М. Дондуков-Корсаков]. – [Б. и.; Тифлис?], 1889. – 13 с.

141. Журнал 2-го съезда станичных атаманов и сельских хозяев Лабинского отдела Кубанской области 20 и 21 февраля 1908 г. – Армавир: Типография «Союз», 1908. – 60 с.

142. Замечания генерал-майора [Иосифа Львовича] Дебу о состоянии Черномории и черноморских казаков // Отечественные записки: [Русский литературный журнал XIX в., выходивший (с перерывами) в Санкт-Петербурге в период 1818–1884 гг.]. – Санкт-Петербург, 1823. – Ч. 15. Кн. 40. – С. 195–223; Кн. 41. – С. 315–342.

143. Записка и. д. [исправляющего должность] Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска по ревизии станиц и селений Кубанской области: Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского отделов за время с 3 по 29 августа 1893 года / Я. Д. Малама. – Екатеринбург: [Б. и.], 1893. – 113 с.

144. Записки А. П. Ермолова, 1798–1826 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Фёдорова. – Москва: Высшая школа, 1991. – 462 с.

145. Записка по делу о разграничении земель Закубанского края между казной и Кубанским казачьим войском: [С прил.]. – Санкт-Петербург: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. – 60 с.

146. Записка генерал-майора Н. И. Евдокимова о предположениях, полезных для исполнения на правом фланге Кавказской линии // Ореус, И. И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) / И. И. Ореус // Русская старина. – Санкт-Петербург, 1888. – № 10–12. – С. 169–196.

147. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв.: сборник / сост.: Я. А. Гордин и др. – Санкт-Петербург: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 718 с.

148. Материалы по истории Кубанского казачьего войска. Доставлены П. П. Короленко из архива историка И. Д. Попки // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией действительного члена И. З. Садило. Т. XIII. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1908. – С. 1–102, разд. паг.

149. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов (К 2000-летию христианства) / Управление по делам архивов Краснодарского края; Государственный архив Краснодарского края; Государственный архив Ставропольского края. – Краснодар: ЭДВИ, 2001. – 728 с.

150. Приказ по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным № 58 от 8 октября 1863 г. // Библиотека ГАКК. Инв. № 7983. Приказы по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным за 1863 г.

151. Приказ по Кубанскому казачьему войску № 76 от 2 декабря 1863 г. Станица Пшехская // Библиотека ГАКК. Инв. № 7983. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1863 г.

152. Приказ по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным № 61 от 21 октября 1863 г., город Ставрополь // Библиотека ГАКК. Инв. № 7983. Приказы по войскам Кубанской области и к ней прикомандированным за 1863 г.

153. Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 годы. Сборник документов. В 6-ти т. / под ред. А. А. Зайцева. – Краснодар: Перспективы образования, 2016. – Т. 1: [1917 год]. – 356 с.

154. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): Сборник документов / сост.: В. П. Невская и др. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1985. – 287 с.

155. Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / сост., предисл., коммент. А. В. Гутерц. – Москва: Русский путь, 2003. – 740 с., XVI с.

156. Фелицын, Е. Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Издание Кубанского областного статистического комитета / Е. Д. Фелицын. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1904. – Т. 1. – 306 с.

157. Черноморье // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / Архив Главного управления Наместника Кавказского / Издано под ред. председателя комиссии, действительного статского советника А. П. Берже. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1866–1904. – Т. VIII: [Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии, генерал-адъютанта, барона Григория Владимировича Розена 1-го. 1831–1837 гг.]. / Издан под ред. председателя комиссии, действительного статского советника А. П. Берже. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – С. 835–843.

158. Шамрай, В. С. Исторические документы, относящиеся к положению иногородних в Черноморском (ныне Кубанском) казачьем войске / В. С. Шамрай // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией действительного члена-секретаря С. В. Руденко. – Екатеринодар: Типография И. Ф. Бойко, 1901. – Т. VII. – С. 89–175.

2.3. Справочно-информационные издания

159. Большой толковый словарь донского казачества: Около 18 000 слов и устойчивых сочетаний / редкол.: В. И. Дегтярёв и др. – Москва: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. – 608 с.

160. Ведомость о числе жителей в станицах, сёлах, посёлках, колониях и аулах Кубанской области с показанием количества земли, принадлежащей каждой населённой местности // Памятная книжка Кубанской области на 1875 год. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1874. – 266 с.

161. Виноградов, А. Россинский, Кирилл Васильевич / А. Виноградов // Русский биографический словарь. Т. XVII: [Романова – Рясковский] / Издаваемый Русским историческим обществом; под ред. Б. Л. Модзалевского. – Петроград: Типография акционерного общества «Кадима», 1918. – С. 162–164.

162. Военная энциклопедия. – Санкт-Петербург: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911–1915. – Т. 14: [Круковский Ф. А. – Линита] / под ред. К. И. Величко [и др.]. – Петроград: Товарищество И. Д. Сытина, 1914. – С. 321–640, [6] с., [13] л. ил.

163. Военно-статистическое обозрение Кубанской области / составил Генерального штаба подполковник [Георгий Карпович] Корольков (1863–1936). – Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. – 353 с.

164. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. / В. И. Даль. – Факсимильное издание. – Москва: Русский язык, 1978–1980. – Т. 1: [А–З], 1978. – 699 с.; Т. 2: [И–О], 1979. – 779 с.; Т. 3: [П], 1980. – 555 с.; Т. 4: [Р–V], 1980. – 683 с.

165. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Часть 1; Ставропольская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10; Восточный берег Чёрного моря. Департамент Генерального Штаба. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сёл, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) / сост. Н. Т. Михайлов. – Москва: Изд-во Надыршин, 2008. – 831 с.

166. Казачество. Энциклопедия / редкол.: А. П. Федотов (гл. ред.) и др. – Москва: Инфра-М, 2003. – 400 с.

167. Колесников, В. А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.) / В. А. Колесников. – Москва: Издатель А. Г. Надыршин, 2012. – 352 с.

168. Колосовская, Т. А. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь / Т. А. Колосовская, Д. С. Ткаченко. – Ставрополь: Издательство «Дизайн-студия Б», 2021. – 334 с.

169. Кубанская справочная книжка на 1891 г. – Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, 1891. – 999 с., разд. паг.

170. Кубанская справочная книжка на 1894 г. – Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, 1894. – 263 с.

171. Кубанский календарь на 1913 год. – Екатеринодар: Кубанское областное Правление, 1913. – 752 с.

172. Кубанское казачье войско 1696–1888 гг. Сборник кратких сведений о войске / Изданный под редакцией действительного члена Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицына. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1888. – 480 с.

173. Кубанско-Черноморский землевладельческий сборник / сост. начальник 2-го отделения Екатеринодарской казённой палаты В. С. Сазонов. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – 362 с.

174. Кубань и Черноморское побережье: справочная книга. – Екатеринодар: Кубань и Черноморское побережье, 1914. – 355 с.

175. Кубань и Черноморье: Краснодар и его окрестности: Экскурсионные маршруты по Кубанскому округу и Северо-Западному Кавказу / сост.: С. В. Очаповский, М. В. Клочков, Р. К. Войцик, Г. Г. Григор, Л. Я. Апостолов и др. – Краснодар: Главная типография Кубполиграфа, 1927. – XI, 167 с.

176. Лассота, Э. Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / Э. Лясота (Ласота) фон Штеблау; пер. и примеч. Ф. Бруна. – Санкт-Петербург: Типография П. П. Меркульева, 1873. – 95 с.

177. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / Труды Кубанского областного статистического комитета; под редакцией [и с предисловием] действительного члена комитета Л. В. Македонова. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1906. – 587, [3], III с.: табл.

178. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922–23 гг. / под ред. [и с предисл.] В. И. Смирнского; Кубанско-Черноморское областное статистическое бюро. – Краснодар: Кубанско-

Черноморская областная плановая комиссия, 1924. – Ч. 1: [Общий очерк. Территория. Население]. – 226 с.: карт., табл.

179. Обзор Кубанской области [по 1911 г. включительно]: По поручению Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта М. П. Бабыча / под ред. генерал-майора И. И. Кияшко; сост. войсковой старшина П. П. Орлов. – Екатеринодар: Типография «Рекорд», 1911. – 280 с.

180. Основные административно-территориальные образования на Кубани (1793–1985 гг.): Справочник / сост.: А. С. Азаренкова и др. – Краснодар: Книжное издательство, 1986. – 394 с.

181. Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска... [по годам] / Кубанский областной начальник. – Екатеринодар, 1892–1916: Отчёт... за 1895 год. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1896. – 111 с., [24] л.: табл.

182. Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска... [по годам] / Кубанский областной начальник. – Екатеринодар, 1892–1916: Отчёт... за 1901 год. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1902. – 153, [2] с., [27] л., табл.

183. Отчёт Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска... [по годам] / Кубанский областной начальник. – Екатеринодар, 1892–1916: Отчёт... за 1907 год. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1908. – 164, [1] с., [29] л. табл.

184. Памятная книжка Кубанской области на 1874 год, изданная от Кубанского Областного Правления. – Екатеринодар: В типографии Кубанского Областного Правления, 1873. – VI, 265 с.: табл., карт.

185. Памятная книжка Кубанской области на 1877 год / Издание Кубанского областного Правления. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1877. – 488 с.

186. Памятная книжка Кубанской области. Изда[н] 1881 года / составил действительный член Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицын. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1881. – 675 с., разд. паг.

187. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [Кн. 1–89] / Под ред. Н. А. Тройницкого / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Т. 65: [Кубанская область]. – Санкт-Петербург: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1905. – 263 с.

188. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы / сост. Н. В. Малеева, и др.; редкол.: В. В. Горковенко и др. – Краснодар: Диапазон-В, 2006. – 520 с.

189. Рашид-ад-Дин, Ф. Сборник летописей / Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани Рашид-ад-Дин. – Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – Т. 1. Кн. 1. – 248 с.

190. Ревизионный отчёт населённых пунктов Ейского отдела Кубанской области, произведённый в 1903 году атаманом Ейского отдела, полковником [Александром Яковлевичем] Кухаренко. – Ейск: [Б. и.]. 1903. – 134 с.

191. Сборник сведений о Кавказе / Изданный под ред. главного редактора Кавказского Статистического комитета Н. К. Зейдлица. – Тифлис: Типография Канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. – Т. VIII: [Кубанская область. Списки населённых мест по сведениям 1882 года. Составлены действительным членом Кубанского областного статистического комитета, есаулом Е.Д. Фелицыным]. – 728 с.

192. Сборник статистических сведений о Кавказе, издаваемый Кавказским отделом Императорского Русского географического общества / Сост. и изд. под ред. Н. И. Воронова. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. – Т. 1. – 653 с., разд. паг., 12 л. табл.

193. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион / отв. ред. В. М. Пелих. – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2009. – 262 с.

194. Списки населённых мест Кубанской области с указанием местоположения и числа жителей (по полам) // Памятная книжка Кубанской области на 1884 год. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1874. – Отд. 2. – С. 214–232.

195. Фелицын, Е. Д. Списки населённых мест Кубанской области по сведениям 1882 г. / Составлены действительным членом Кубанского областного статистического комитета, есаулом Е. Д. Фелицыным. – Тифлис: Кавказский статистический комитет, [1883]. В 2-х т. Т. 1 : [Ейский уезд. 1883]. – 156 с., Т. 2 : [Екатеринодарский уезд. 1883]. – 99 с.

196. Фролов, Б. Е. Казачество Кубани: военно-энциклопедический словарь / Б. Е. Фролов. – Краснодар: Платонов, 2014. – 256 с.: ил.

197. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): Справочник / ред. кол.: Е. И. Долгова (председатель), В. В. Белоконь, священник Е. Шишкин; сост. В. В. Белоконь. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. – 448 с.

198. Энциклопедия Кубанского казачества / под ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: Традиция, 2011. – 501 с.

2.4. Материалы периодической печати

Имперский период истории Кубани

199. Апостолов, Л. Я. Географический очерк Кубанской области / Л. Я. Апостолов // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК) / Издание Управления Кавказского учебного округа: [Российский журнал, издававшийся в изучаемый период с 1881 г. по 1915 г. в городе Тифлисе, в типографии Главного управления Наместника Кавказского]. Вып. 23. – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1897. – С. 1–305.

200. Арцыбашев, Д. А. Письмо из-за Кубани / Д. А. Арцыбашев // Северный Меркурий: [литературная газета, издававшаяся в 1830–1832 гг. сатириком М. А. Бестужевым-Рюминым и выходила 3 раза в неделю в Санкт-Петербурге]. – Санкт-Петербург, 1831. Т. 111. № 52. – 1 мая. – С. 209–211.

201. Близнюков, П. С. Станица Бесленевская, Кубанской области, Майкопского уезда / П. С. Близнюков // Сборник материалов для описания мест-

ностей и племён Кавказа (СМОМПК) / Издание Управления Кавказского учебного округа: [Российский журнал, издававшийся в изучаемый период с 1881 г. по 1915 г. в городе Тифлисе, в типографии Главного управления Наместника Кавказского]. – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1888. – Вып. 6. – С. 133–152.

202. Бороздин, К. М. Колонизация Кавказа / К. М. Бороздин // Наблюдатель. – Санкт-Петербург: А. П. Пятковский, 1885. – № 5. – С. 129–147.

203. Венюков, М. И. Очерк пространства между [реками] Кубанью и Белой. (Исследования и материалы). Июль, август. Ноябрь 1862 г. / М. И. Венюков // Записки Императорского Русского географического общества. – Санкт-Петербург: В типографии В. Безобразова и К°, 1863. – Кн. 2. – С. 1–71, разд. паг.

204. Верещагин, А. В. Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского побережья Кавказа: сообщение А. А. [Арсения Васильевича] Верещагина в заседании III отделения Вольного экономического общества в феврале 1878 г. / А. В. Верещагин // Труды Императорского Вольного экономического общества. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1878. – Т. 2. – Вып. 2 (июнь). – С. 198–218; Вып. 4 (август). – С. 496–514. Отдельное издание: Верещагин, А. В. Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского побережья Кавказа: Сообщение Императорскому Вольному экономическому обществу в заседании III Отделения в феврале 1878 г. / А. В. Верещагин. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1878. – 40 с.

205. Воронов, Н. И. Победа графа [Н. И.] Евдокимова над сапёрным казачьим полком / Н. И. Воронов // Колокол. – Лондон, 1861. – 1 июля. – Л. 102. (С. 859; отдел «Смесь»).

206. Воронов, Н. И. Распятие казачьих бород / Н. И. Воронов // Колокол. Лондон – Женева / предисл. М. В. Нечкиной, Е. Л. Рудницкой. С. V–XXIII]. – Факсимильное изд. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т. 4. – С. 876.

207. Воронов, Н. И. Из Черноморского края / Н. И. Воронов // Русский вестник. – Москва: Издание М. Н. Каткова, 1856. – Т. 6. – С. 55–59.

208. Дебу, И. Л. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии / И. Л. Дебу // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1821. – Ч. VIII. Кн. 18 (октябрь). – С. 86–104; 1822. – Ч. IX. – Кн. 22 (февраль). – С. 245–264; Кн. 23 (март). – С. 354–381; Ч. X. – Кн. 24 (апрель). – С. 50–59.

209. Есаул [псевдоним Ивана Диомидовича Попко]. Темрюк / И. Д. Попко // Военный сборник. – Санкт-Петербург: Военное Ведомство, 1860. – Т. 14, № 8 (август). – С. 439–464.

210. Живило, К. Т. Станица Расшеватская Кубанской области, Кавказского уезда / К. Т. Живило // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1888. – Вып. 6. – С. 41–98.

211. Золотаренко, В. Ф. Город Екатеринодар в 40-х гг. прошлого столетия: (Рукопись «Плач Василия при реке Кубани») / предисл. и примеч. Б. М. Городецкого) / В. Ф. Золотаренко // Известия Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). – Екатеринодар: [Б. и.], 1909. – Вып. 4. – С. 43–72.

212. Золотаренко, В. Ф. Краткая биография протоиерея черноморского войска Кирилла Россинского / В. Ф. Золотаренко // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1850. – Т. LXVI. Отд. V. – С. 1–12.

213. Иваненко, Н. С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель / Н. С. Иваненко // Известия Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). – Екатеринодар: [Б. и.], 1902. – Вып. 3. – С. 117–133.

214. Иванов, П. А. Переселение запорожцев на Тамань / П. А. Иванов // Киевская старина. – Киев, 1891. – Т. XXXIV: [июль–сентябрь 1891 г.]. – С. 133–141.

215. Из Баталпашинского отдела // Северный Кавказ (газета). – Ставрополь, 1891. – № 9 (592). – 25 августа.

216. Из Ейского уезда // Северный Кавказ (газета). – Ставрополь, 1887. – № 6. – 2 января.
217. Исследование экономического положения нагорных станиц // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1901. – № 131. – 19 июля.
218. Каменев, Н. Л. Несколько слов о колонизации Кавказа / Н. Л. Каменев // Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 1867. – № 39. – 7 октября. – С. 159.
219. Кобеляцкий, В. С. Станица Самурская, Кубанской области, Майкопского уезда / В. С. Кобеляцкий // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1888. – Вып. 6. – С. 99–122.
220. Козлов, Л. Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии / Л. Е. Козлов // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1906. – Кн. 25. – Вып. 7. – С. 3–137.
221. Короленко, П. П. Азовцы / П. П. Короленко // Киевская старина. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1891. – Т. XXXIV, № 7. – С. 53–74; Ч. IV–V. – Т. XXXIV. – № 8. – С. 171–194.
222. Короленко, П. П. Ведомость о русской колонизации Закубанского края на Западном Кавказе / П. П. Короленко // Кубанские областные ведомости (газета). – Екатеринодар, 1894. – № 27. – 9 апреля.
223. Короленко, П. П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа). Статья вторая / П. П. Короленко // Военный сборник (военный журнал). – Санкт-Петербург, 1893. – № 4 (апрель). – С. 328–350.
224. Короленко, П. П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли / П. П. Короленко // Известия Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). – Екатеринодар: Типография Областного Правления, 1899. – Вып. 1. – С. 53–63.
225. Костомаров, Н. И. «Черноморские казаки». (Разбор сочинения г. Попки) / Н. И. Костомаров // Основа. – Санкт-Петербург, 1861. – Август. – С. 1–8.

226. Кубанская область: Города, станицы, сёла и слободы. Общие выводы относительно промысловых занятий в Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис, 1889. – Вып. 8. – С. 1–395, разд. паг. 3.

227. Кухаренко Я. Г., Туренко, А. М. Исторические записки о войске Черноморском (Со времени поселения онога на всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год) / Я. Г. Кухаренко, А. М. Туренко // Киевская старина. – Киев, 1887. – Т. XVI. – С. 494–536; Т. XVII. – С. 721–747; Т. XVIII. – С. 125–151; Т. XVIII. – С. 335–378. Отдельное издание: Туренко, А. М. Исторические записки о войске Черноморском: [Со времени последнего онога на всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год] / А. М. Туренко. – Киев: Типография А. Давиденко, арендуемая Л. И. Штамом, 1887. – [2], 149 с.

228. М. В. (Венюков, М. И.). Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими: в 1841, 1860 и 1863 гг. (с 3 картами) / М. И. Венюков // Императорское Русское Географическое общество. Записки. – Санкт-Петербург, 1864. – Кн. 1. – С. 1–8.

229. Малама, П. Н. О переселении по Высочайшему повелению из Малороссии на Черноморские земли 25000 душ казаков 1820 года / П. Н. Малама // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. – Полтава: Электрическая типография Г. И. Маркевича, 1913. – Вып. 10. – С. 88–95.

230. Материалы для истории Кубанского казачьего войска, собранные Е.Д. Фелицыным // Кубанские областные ведомости (газета). – Екатеринодар, 1897. – № 93. – 1 мая; № 101. – 13 мая.

231. Некоторые заметки по станице Усть-Лабинской // Северный Кавказ (газета). – Ставрополь, 1887. – № 13. – 15 февраля.

232. Несколько казацких песен и поверий в ст[анице] Разшеватской, Кавказского уезда, Кубанской области. Записаны со слов казака Григория Турищева учителем Разшеватской школы К. Т. Живило // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис, 1883. – Вып. 3. – Отд. 2. – С. 91–100, разд. паг.

233. Новицкий, Г. В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) / Г. В. Новицкий // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис: В типографии канцелярии Наместника Кавказского, 1853. – Кн. 2. – С. 14–43.

234. Новые казачьи поселения в Закубанском крае // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1864. – Кн. 6. – С. 21–22.

235. О первоначальном завоевании (1792–1794) Верными Черноморскими казаками острова Тамани и земель по рекам Кубани, Лабы, и др. // Русский инвалид (газета). – Санкт-Петербург, 1829. – № 98.

236. О полеводстве в районе Кавказского уезда (Из памятной книжки участкового пристава) // Кубанские областные ведомости (газета). – Екатеринодар, 1881. – № 33 (часть неофициальная). – 22 августа. – С. 2.

237. Павловский, И. Ф. О переселении Полтавских казаков на Черноморье и Тамань в начале прошлого столетия / И. Ф. Павловский // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. – Полтава, 1915. – Вып. 13. – С. 155–159.

238. Передельский, Е. Ф. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней (г. Баталпашинск, 1882 г.) / Е. Ф. Передельский // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис, 1883. – Вып. 3. – Отд. 2. – С. 1–90, разд. паг.; Приложения к сборнику. С. 1–23: [Ноты песен, поющихся в станице Темижбекской. Записаны Е. Ф. Передельским]; С. 1–3: [Указатель к песням, поющимся в станице Темижбекской].

239. Переселенец [Каменев, Н. Л.]. О путешествии Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией чрез округ Псекупского полка, в мае 1867 года / Н. Л. Каменев // Кубанские войсковые ведомости (газета). – Екатеринодар, 1867. – № 24–25. – 1 июля. – С. 99.

240. Переселение в Кубанскую область из внутренних губерний России // Кубанские войсковые ведомости (газета). – Екатеринодар, 1867. – № 34. – 2 сентября. – С. 139.

241. Полтавцев А. Путевые наброски / А. Полтавцев // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1881. – № 15. – 11 апреля: [Неофициальная часть]. – С. 5–6.

242. Помандруйко (И.) [псевдоним И. Д. Попко]. Некоторые сведения о Черноморском казачьем войске // Русский инвалид. – Санкт-Петербург, 1855. – 3 апреля.

243. Проект, составленный генералом Н. Н. Раевским в 1838 г., о поселении на восточном берегу Чёрного моря прибрежных казаков // Кубанские областные ведомости (газета). – Екатеринодар, 1890. – № 50. – 15 декабря.

244. Промысловые занятия в некоторых пунктах Терской и Кубанской областей. Станицы, сёла и слободы. [Д. Бирюк, А. Панчиковский, Е. Ф. Передельский и др.] // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1889. – Вып. 8. – С. 34–387.

245. Пушкарёв, С. И. Краткий очерк портов северо-восточного берега Чёрного моря и торгового на этом берегу мореплавания / С. И. Пушкарёв // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис: В типографии канцелярии Наместника Кавказского, 1853. – Кн. 2. – С. 153–169, 277–296 (приложения к статье), 297 (карта земли Закубанских поселений).

246. Россинский, К. В. Речь об успехах развития образования, говорённая в день торжественного открытия в Черномории гимназии [17 мая 1820 г.] / К. В. Россинский // Соревнователь просвещения и благотворения. – Санкт-Петербург, 1820. – № 10. – С. 3–32. Отдельное издание: Россинский, К. В. Речь при открытии Черноморской гимназии в г. Екатеринодаре, говорённая 1820 г. мая 17, и просвящённая войску Черноморскому / К. В. Россинский. – Санкт-Петербург: Медицинская типография, 1820. – 32 с.

247. Россинский, К. В. Письмо к Председателю комитета по учёной части Императорского человеколюбивого общества от члена-корреспондента прото-

иерея Россинского от 16 января 1822 года / К. В. Россинский // Журнал Императорского человеколюбивого общества. – Санкт-Петербург, 1822. – Март. – С. 288–292.

248. Россинский, К. В. Извлечение из письма г. Члена-Корреспондента общества Войска Черноморского протоиерея и кавалера К.В. Россинского / К. В. Россинский // Соревнователь просвещения и благотворения. – Санкт-Петербург, 1820. – № 3. – С. 339–340.

249. Станица Кужорская Кубанской области // Северный Кавказ (газета). – Ставрополь, 1887. – № 22. – 19 марта.

250. Станица Славянская. (По областям) // Кубанские областные ведомости (газета). – 1894. – № 45. – 18 июня. – С. 3.

251. Станица Успенская Кавказского уезда // Северный Кавказ (газета). – Ставрополь, 1887. – 23 апреля. – № 47.

252. Фарфоровский, С. В. Литературная деятельность Попко / С. В. Фарфоровский // Труды Ставропольской учёной архивной комиссии, учреждённой в 1906 году. – Ставрополь, 1910. – Вып. II. – Отд. 1-й, п. 17. – С. 1–14, разд. паг.

253. Фарфоровский, С. В. Статистическое географическое описание г. Майкопа и Майкопского отдела / С. В. Фарфоровский // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа (СМОМПК). – Тифлис, 1910. – Вып. 41. – Отд. 1-й. – С. 1–64, разд. паг.

254. Фелицын, Е. Д. Краткий очерк заселения Кубанской области, с картой. (Пояснительная записка к 20-вёрстной карте Кубанской области). [Карта Кубанской области, составленная по новейшим сведениям 1882 года Е. Д. Фелицыным, действительным членом Кубанского областного Статистического комитета и членом-сотрудником Кавказского отдела Императорского Русского географического общества] / Е. Д. Фелицын // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. – Тифлис, 1884–1885. – Т. VIII. – С. 250–284 [текст статьи], 285 [карта]. Отдельное издание: Фелицын, Е. Д. Краткий очерк заселения Кубанской области: [Пояснительная

записка к 20-ти вёрстной карте Кубанской области] / Е. Д. Фелицын. – [Тифлис]: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, [1884]. – 35 с.

255. Черноморские казаки и г. Екатеринодар 90 лет тому назад // Северный Кавказ (газета). – Ставрополь, 1891. – № 5 (588). – 11 августа.

256. Чумаченко, В. К. Памяти «козачего діда» / В. К. Чумаченко // Кубанский казачий вестник [приложение к газете «Кубанские новости»]. – Краснодар, 2008. – № 40. – 11 октября. – С. 4–5.

257. Шавров, Н. А. Проекты колонизации восточного берега Чёрного моря / Н. А. Шавров // Северный вестник. – Санкт-Петербург, 1886. – № 7 (июль). – С. 20–48, разд. паг. Отдельное издание: Шавров, Н. А. Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания / Н. А. Шавров. – [Санкт-Петербург]: Типография Морского министерства, [1862]. – 88 с.

258. Щербина, В. А. Земли частного владения лиц войскового сословия в Ейском отделе Кубанского казачьего войска / В. А. Щербина // Кубанский сборник. Труды Областного статистического комитета, издаваемые под редакцией В. А. Щербины, действительного члена Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, Э. Х. Килиуса и Кубанского областного Правления, 1894. – Т. III. – С. 1–11, разд. паг.

259. Щербина, Ф. А. Колонизация Кубанской области / Ф. А. Щербина // Киевская старина. – Киев, 1883. – Год второй. Т. VII: [декабрь]. – С. 529–545, разд. паг.

Советский и постсоветский периоды истории

260. Аванесова, М. Вольная станица Пашковская. История станицы / М. Аванесова // Вечерний Краснодар. – Краснодар, 1997. – 4 июня. – С. 1.

261. Акинин, И. Хутор Лосево [Кавказский район] / И. Акинин // Советская Кубань. – Краснодар, 1995. – 31 июля.

262. Андреев, П. Станица Родниковская / П. Андреев // Советская Кубань. – Краснодар, 1983. – 1 февраля.

263. Васильев, Н. Ясенская: [Ейского района] / Н. Васильев // Советская Кубань. – Краснодар, 1982. – 20 октября.
264. Выскубов, С. Станица Старомышастовская: [Динской район] / С. Выскубов // Советская Кубань. – Краснодар, 1980. – 1 октября.
265. Герасименко, Б. Карта Кубани. Станица Новороссийская / Б. Герасименко // Казачьи вести. – Краснодар, 1999. – № 30–34 (246–250). – 13 августа. – С. 25.
266. Голышев, В. Меж высоких холмов затерялась... Станице Гладковской Крымского района – 95 лет / В. Голышев // Кубанские новости. – Краснодар, 1995. – 26 декабря.
267. Голышев, В. Хутора вы мои, хутора. Очерк по истории станицы Троицкой Крымского района / В. Голышев // Кубанские новости. – Краснодар, 1997. – 10 января.
268. 205 лет тому назад была основана станица Брюховецкая // Кубань сегодня. – Краснодар, 1999. – 25 сентября.
269. Долголёва, Л. Станица Бузиновская: [Выселковский район] / Л. Долголёва // Советская Кубань. – Краснодар, 1981. – 23 сентября.
270. Ерофеев, А. Станица Кирпильская Усть-Лабинского района / А. Ерофеев // Советская Кубань. – Краснодар, 1982. – 19 января.
271. Лукьяненко, В. Станица Ивановская / В. Лукьяненко // Советская Кубань. – Краснодар, 1981. – 19 мая.
272. Мальцев, В. Станица Натухаевская: [Анапского района] / В. Мальцев // Советская Кубань. – Краснодар, 1983. – 12 апреля.
273. Недвига, Н. Станица Привольная. Из истории станицы Привольной Каневского района / Н. Недвига // Кубанские новости. – Краснодар, 1996. – 1 марта.
274. Николаев, М. Станица Дмитриевская [Кавказский район] / М. Николаев // Советская Кубань. – Краснодар, 1980. – 19 июня.
275. Первые станицы Кубани // Кубань сегодня. – Краснодар, 1996. – 12 октября. – С. 4.

276. Пожидаев, Д. Станица Ладожская / Д. Пожидаев // Советская Кубань. – Краснодар, 1981. – 27 июня.
277. Прочноокопская. История старейшей кубанской станицы // Советская Кубань. – Краснодар, 1975. – 31 января.
278. Рыков, А. Станица Гривенская. Прошлое и настоящее станицы / А. Рыков // Советская Кубань. – Краснодар, 1980. – 12 июля.
279. Рыков, А. Станица Должанская: [прошлое и настоящее станицы Должанской Ейского района] / А. Рыков // Советская Кубань. – Краснодар, 1980. – 21 октября.
280. Станица Кирпильская // Советская Кубань. – Краснодар, 1975. – 31 января.
281. Трёхбратов, Б. А. Курень Кисляковский / Б. А. Трёхбратов // Кубанские новости. – Краснодар, 1999. – 28 августа. – С. 14.
282. Троян, А. Станица Старонижестеблиевская / А. Троян // Советская Кубань. – Краснодар, 1981. – 3 июня.
283. Филатов, П. Станица Вознесенская / П. Филатов // Советская Кубань. – Краснодар, 1982. – 16 июля.
284. Цветков, В. Станица Каневская / В. Цветков // Советская Кубань. – Краснодар, 1981. – 5 апреля.
285. Шкуро, В. И. Атаман – созидатель: (к 250-летию со дня рождения Ф. Я. Бурсака) / В. И. Шкуро // Родная Кубань. – Краснодар, 2000. – № 3. – С. 144.
286. Шкуро, В. И. «Белый генерал»: [О генерал-лейтенанте Кубанского казачьего войска П. Д. Бабыче] / В. И. Шкуро // Родная Кубань. – Краснодар, 2001. – № 1. – С. 142–144.
287. Шкуро, В. И. Герои России – кавказцы на службе в кубанских казачьих частях / В. И. Шкуро // Голос минувшего. Кубанский исторический (научно-образовательный) журнал. – Краснодар, 2008. – № 3–4. – С. 7–19.
288. Шкуро, В. И. Культурно-просветительский фонд имени Фёдора Щербины / В. И. Шкуро // Голос минувшего. Кубанский исторический (научно-образовательный) журнал. – Краснодар, 1999. – № 1–2. – С. 77.

289. Шкуро, В. И. Е. Д. Фелицын – офицер и учёный / В. И. Шкуро // Родная Кубань. – Краснодар, 1998. – № 2. – С. 142–143.

290. Шкуро, В. И. От корней запорожских: [К 60-летию В. Г. Захарченко; история его родной станицы Дядьковской] / В. И. Шкуро // Родная Кубань. – Краснодар, 1998. – № 1. – С. 26–27.

291. Шкуро, В. И. Ратная слава пашковских казаков / В. И. Шкуро // Родная Кубань. – Краснодар, 2010. – № 3. – С. 121–129.

292. Шкуро, В.И. Станица Князе-Михайловская / В. И. Шкуро // Кубанские новости. – Краснодар, 1996. – 22 февраля.

2.5. Эго-свидетельства россиян

(источники личного происхождения подданных Российской империи)

293. Барилко, И. Г. Переселение за Кубань Черноморского войска в 1860-м и 61-м годах по проекту князя А. И. Барятинского и Главнокомандующего правым флангом – Закубанским, графа Н. И. Евдокимова (Воспоминание) / И. Г. Барилко // Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1911. – 8 октября. – № 213.

294. Богаевский, А. П. Воспоминания генерала А. П. Богаевского: 1918 год. Ледяной поход. – Нью-Йорк: Музей Белого движения Союза Первоходников, 1963. 150 с. [Электронный текст]. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/bogaevsky_ap/index.html (дата обращения: 12.01.2023).

295. Вельяминов, А. А. Способ ускорить покорение горцев. Мемория генерал-лейтенанта [Алексея Александровича] Вельяминова, представленная в 1828-м году / А. А. Вельяминов // Кавказский сборник. – Тифлис: Печатано в типографии Окружного Штаба [Кавказского военного округа], 1883. – Т. VIII. – С. 67–71.

296. Венеровский, С. А. Мемуары и воспоминания генерала от кавалерии Стефана Александровича Венеровского / С. А. Венеровский. – Санкт-Петербург: Типография В. Д. Смирнова, 1908. – 240 с.

297. Венюков, М. И. К истории заселения Западного Кавказа, 1861–1863. Материалы и заметки / М. И. Венюков // Русская старина. – Санкт-Петербург:

Типография В. С. Балашева, 1878. – Т. XXII [девятый год]. Июнь. – С. 249–270, разд. паг.

298. Гейнс, К. К. Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Пшехский отряд: с октября 1862 по ноябрь 1864 года / К. К. Гейнс // Военный сборник. – Санкт-Петербург, 1866. – Т. XLVII: [№ 1, январь]. Отд. 2. – С. 3–58, разд. паг. (с картой); Т. XLVII: [№ 2, февраль]. Отд. 2. – С. 207–261, разд. паг.; Т. XLVIII: [№ 3, март]. Отд. 2. – С. 3–50, разд. паг.; Т. XLVIII: [№ 4, апрель]. Отд. 2. – С. 213–264, разд. паг.; Т. XLIX: [№ 5, май]. Отд. 2. – С. 3–40, разд. паг. Отдельное издание: Гейнс, К. К. Пшехский отряд: с октября 1862 по ноябрь 1864 года / [Соч.] К. К. Гейнса. – Санкт-Петербург: Типография Департамента уделов, 1866. – 251 с.

299. Драгун [псевдоним]. Несколько дней на Кубани. (Из путевых заметок, ведённых на Кавказе в 1853–1856 годах) / Драгун // Военный сборник. – Санкт-Петербург: В типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней стражи, 1861. – Год четвёртый. – Т. XVIII: [1861, № 3 (март)]. Отд. 2. – С. 151–188, разд. паг.

300. Желиховская, В. П. Кавказ и Закавказье: С картой Кавказа / В. П. Желиховская. – Санкт-Петербург: Типография доктора М. А. Хана, 1885. – 114 с.

301. Звягинцев, С. П. Записки по истории Кубани. Курс лекций, читанных на Кубанских офицерских курсах в г. Белграде в 1933 г. / С. П. Звягинцев. – Прага: Издание Кубанской казачьей станицы, 1941. – 65 с.

302. Зиссерман, А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе: (1842–1867) / А. Л. Зиссерман. Ч. 1–2. – Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1879. – Ч. 1: [1842–1851]. – 424 с.; Ч. 2: [1851–18(56)67], 1879. – 441 с. Современное издание: Зиссерман, А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе: 1842–1867 / А. Л. Зиссерман. – Москва: Кучково поле, 2014. – 374 с.

303. Зиссерман, А. Л. О фельдмаршале князе Барятинском. – О Лермонтове. Заметки / А. Л. Зиссерман // Русский архив. – Москва: В Университетской типографии [М. Н. Катков], 1885. – Год 23. – Кн. 2. – № 5. – С. 78–81.

304. Милютин, Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1856–1860 / под ред. Л. Г. Захаровой; / Д. А. Милютин. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 558 с.

305. Ольшевский, М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / вступ. ст. и коммент. А. Н. Лукирского / М. Я. Ольшевский. – Санкт-Петербург: Издание журнала «Звезда», 2003. – 606 с.

306. Осада Кавказа: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. и подгот. Я. А. Гордин. – Санкт-Петербург: Изд-во журнала «Звезда», 2000. – 683 с.

307. Орехов, И. И. По северному склону Западного Кавказа (Из путевых заметок) [27-го февраля 1870 года, г. Тифлис] / И. И. Орехов // Военный сборник. – Санкт-Петербург: Печатано в типографии Департамента уделов, 1870. – Год 13. – Т. LXXV: [№ 9 (сентябрь)]. – Отд. 1. С. 139–202, разд. паг.; Т. LXXV: [1870, № 10 (октябрь)]. – Отд. 1. – С. 299–344, разд. паг.

308. Полтавцев, А. [без отчества]. Впечатления и очерки Кавказа / А. Полтавцев. – Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1897. – 48 с.

309. Сбитнев, И. М. Воспоминания о Черномории: [обобщение воспоминаний первых казаков, переселившихся на Кубань] / И. М. Сбитнев // Украинский журнал. – Харьков, 1825. – № 11–12. Ч. 6. – С. 310–340.

310. Уварова, П. С. Кавказ: Путевые заметки / П. С. Уварова. Ч. [1]–3. Москва: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1887–1904; Ч. 1. Кавказ: Абхазия, Аджария, Шазшетия, Посховский участок. Путевые заметки; Ч. II. – Москва: Высочайше утверждённое Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1891. – 315 с., VIII.

311. Филиппов, Н. Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 года / Н. Н. Филиппов. – Санкт-Петербург: Типография Морского министерства, 1857. – 170 с.

312. Шпаковский, А. И. Записки старого казака. Пластуны на Лабинской линии / А. И. Шпаковский. – Санкт-Петербург: Православное изд-во «Са-

тись», 2018. – 282 с. [Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Военный сборник» (1870. № 7; 1871. № 4, 8, 11; 1872. № 3, 6, 8; 1873. № 2, 5, 10, 11; 1874. № 2, 3)].

2.6. Записки иностранных путешественников

(источники личного происхождения имперского периода истории)

313. Дюбуа, Ф. де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Ф. Дюбуа; перевод с французского издания 1839 г. Н. А. Данкевич-Пущиной; отв. ред. А.В. Фадеев. – Сухуми: Абгиз, 1937. – 180 с.

314. Кастильон, Г. «...В Москве не знают, что происходит на Кавказе»: письма к Гизо (24 апреля 1844 г. – 4 марта 1846 г.): документально-художественная литература / Г. Кастильон. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – 32 с.

315. Мариньи де Тэбу, Ж. В Э. Поездки в Черкесию / Ж. Мариньи де Тэбу. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 208 с.

316. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем.; отв. ред. Б. В. Левшин; сост. Н. К. Ткачёва / П. С. Паллас. – Москва: Наука, 1999. – 246 с.

3. ЛИТЕРАТУРА

3.1. Литература имперского периода истории

317. Абаза, К. К. Казаки: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе / сост.: К. К. Абаза. – Санкт-Петербург: В. Березовский, 1890. – III–VI, 334, [1] с.

318. Апостолов, Л. Я. Географический очерк Кубанской области. Репринт изд. (1897 г.) / Л. Я. Апостолов. – Краснодар: Традиция, 2010. – 306 с.

319. Арканников, Ф. Ф. Николаевская станица (Статистико-этнографическое описание) / Ф. Ф. Арканников // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 548–617.

320. Бентковский, И. В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Материалы для истории колонизации Западного Кавказа Иосифа Бентковского, почётного члена Кубанского областного и Нижегородского губернского и действительного члена-секретаря Ставропольского статистических комитетов / И. В. Бентковский // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 1–78.

321. Бентковский, И. В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год / И. В. Бентковский // Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1881. – С. 3–125. Паг. [441–561].

322. Воробьёв, Б. Земельный вопрос у казаков / Б. Воробьёв. – Санкт-Петербург: Типография «Бережливость», 1908. – 63 с.

323. Воронов, Н. И. Плавание у восточных берегов Чёрного моря (Из путевых заметок о Южной России) / Н. И. Воронов. – «Public Domain», 1861. – 16 с. – URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-voronov/plavanie-u-vostochnyh-beregov-chernogo-morya-24411400/> (дата обращения: 28.03.2023)].

324. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева. – Москва: Книга, 1991. – 573, [1] с.

325. Дебу, И. Л. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах: 1816–1826 / И. Л. Дебу. – Санкт-Петербург: Типография Карла Крайя, 1829. – 463 с.

326. Дмитренко, И. И. Десятилетняя волокита. К истории Хопёрских казаков: [Екатеринодар, 28 декабря 1896 года] / И. И. Дмитренко // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваем-

мые под редакцией А. С. Собриевского. – Екатеринодар: Типография Э. Х. Клиуса, А. П. Сташевского, И. Ф. Бойко и А. Тиля, 1899. – Т. V. – С. 3–11, разд. паг.

327. Дукмасов, И. А. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском / И. А. Дукмасов. – Москва: Университетская типография, 1887. – 40 с.

328. Живописная Россия. Т. 9: Кавказ / под ред. П. П. Семёнова. – Санкт-Петербург – Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1883. – 384 с.

329. Кириллов, П. О. К истории колонизации Закубанского края / П. О. Кириллов // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией действительного члена-секретаря С. В. Руденко. – Екатеринодар: Типография И. Ф. Бойко, 1902. – Т. IX: [1903 год]. – С. 71–112.

330. Кириллов, П. О. Новоминская станица. (Статистическое описание): [12 сентября 1882 г.] / П. О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 618–642.

331. Кириллов, П. О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание / П. О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография И. Ф. Бойко, 1902. – Т. IX: [1903 год]. – С. 113–158, 159 (карта-схема расположения станицы Рязанской).

332. Кияшко, И. И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска / И. И. Кияшко // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1908. – Т. XIV: [1909 год]. – С. 377–474.

333. [Колесников, В. П.] Казачье землепользование на Кубани и меры к его улучшению / В. П. Колесников. – Екатеринодар: Типография «Сотрудник», 1909. – 23 с.

334. Короленко, П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696–1896: (Исторический очерк) / сост. П. П. Короленко. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1896. – 96 с.

335. Короленко, П. П. Описание Черномории, составленное Якименко и Яриным в 1852 году: [11 ноября 1898 года] / П. П. Короленко // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией А. С. Собривского. – Екатеринодар: Типография Э. Х. Килиуса, А. П. Сташевского, И. Ф. Бойко и А. Тиля, 1899. – Т. V. – С. 13–32, разд. паг.

336. Короленко, П. П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Материалы для истории Кубанской области / П. П. Короленко // Кубанский сборник. 1911 год. Издание Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1910. – Т. XVI. – С. 263–575.

337. Короленко, П. П. Черноморцы / П. П. Короленко. – Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1874. – 288 с.

338. Котов, П. Н. Описание кубанского имения «Хуторок» барона В. Р. Штейнгель / П. Н. Котов. – Москва: Товарищество скоропечатня А. А. Левенсон, 1900. – 196 с.

339. Кофод, А. А. Хуторское расселение / А. А. Кофод. – Санкт-Петербург: Типография газеты «Сельский Вестник», 1907. – 72 с.

340. Ламонов, А. Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794–1894 гг.). 1897 г. / А. Д. Ламонов // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, Э. Х. Килиуса и А. П. Сташевского, 1897. – Т. IV: [1898]. – С. 1–28, разд. паг.

341. Ланд, Ф.Ф. Движение населения в городе Темрюке / Ф. Ф. Ланд // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 128–218.

342. Липинский, А. В. Троицкая станица (Статистическое описание) / А. В. Липинский // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 690–732.

343. Мартыненко, Д. М. О состоянии области и войска за 1907 год. Извлечение из отчёта Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска [генерал-лейтенанта Н.И. Михайлова], под редакцией Д. М. Мартыненко / Д. М. Мартыненко // Кубанский сборник. 1909 год. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1908. – Т. XIV. – С. 1–166.

344. Мельников, Л. М. Иногородние в Кубанской области / Л. М. Мельников // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография И. Ф. Бойко, 1900. – Т. VI. – С. 71–140.

345. Миронов, И. Ф. Станица Северская Екатеринодарского отдела Кубанской области, 1864–1914: (К пятидесятилетнему юбилею станицы) / И. Ф. Миронов. – Екатеринодар: Типо-литография С. И. Казарова, 1914. – 69 с.

346. Орлов, П. П. Памятка кубанского казака / П. П. Орлов. – Екатеринодар: Издание Войскового штаба Кубанского казачьего войска, 1914. – 38 с.

347. Павлюк, К. К. История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка: 1809–1909 гг. / К. К. Павлюк. – Одесса: Типо-Литография Штаба Одесского военного округа, 1909. – Т. II. – 400 с.

348. Попко, И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы / И. Д. Попко. – Санкт-Петербург: Типография П. А. Кулиша, 1858. – 315 с.

349. Потто, В. А. Кавказская война. Ермоловское время / В. А. Потто. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – Т. 2. – 688 с.

350. Прянишников, И. П. Материалы для истории Войска Донского: Грамоты. – Новочеркасск: В войсковой типографии, 1864. – 332 с.

351. Ракович, Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия: Юбилейный выпуск / сост.

Д. В. Ракович; под ред. В. А. Потто / Д. В. Ракович. – Тифлис: Военно-исторический отдел при Штабе Кавказского военного округа, 1900. – 396, 80 с., разд. паг.

352. Сталь, К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь // Кавказский сборник. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. – Т. XXI. – С. 60–98.

353. Старые черкесские сады: ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников, 1864–1914: [в 2-х т.] / сост., вступ. ст. и примеч. С. Х. Хотко. – Москва: ОЛМА-Пресс, 2005. – Т. 1. – 414 с.; Т. 2. – 444 с.

354. Стефанов, Т. Т. Город Ейск. Статистико-этнографическое описание / Т. Т. Стефанов // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 220–310, 311–319 (статистические приложения).

355. Тмутараканский, Л. (псевдоним Л. Т. Соколова). Об экономическом и социальном значении поземельного владения Кубанских казаков / Л. Тмутараканский // Кубанский сборник 1911 год: Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1911. – Т. XVI. – С. 193–315.

356. Тмутараканский Л. (псевдоним Л. Т. Соколова). Маленькая статистика за 1910 год (к потреблению спиртных напитков) // Кубанский сборник. 1912 год: Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1912. – Т. XVII. – С. 453–476.

357. Толстов, В. Г. История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. В 2-х ч. / сост. В. Г. Толстов; под ред. В. А. Потто. – Тифлис: Военно-исторический отдел при Штабе Кавказского военного округа, 1900–1901. – Ч. 1. – 291 с.; Ч. 2. – 367 с.

358. Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801–1901 / под руководством начальника штаба

Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта Н. Н. Белявского, составлено в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора В. А. Потто. Т. I: [Время К. Ф. Кнорринга 2-го, князя П. Д. Цицианова и графа И. В. Гудовича. 1801–1809 гг.]. – Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1901. – 308 с., разд. паг., портр., VIII; Т. II: [Время генерала от кавалерии А. П. Торماسова, генерал-адъютанта, маркиза Ф. О. Пауллуччи и генерала от инфантерии Н. Ф. Ртищева. 1809–1817 гг.] / Составил по поручению Военно-исторического отдела Генерального штаба капитан Н. С. Аносов. – Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1902. – 527 с., разд. паг., портр., XV, карта; Т. III, Ч. 1: [Время Алексея Петровича Ермолова. 1816–1826 гг.] / составили по поручению Военно-исторического отдела: генерал-майор В. А. Потто, Генерального штаба подполковник Н. С. Аносов и подполковник В. И. Томкеев. – Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1904. – 566 с., разд. паг., [12] л. ил., карт; Т. III, Ч. 2: [Время Алексея Петровича Ермолова. 1816–1826 гг.]. – Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1904. – [5], IV, 590, XVIII с., [9] л. ил., карт.; Т. IV, Ч. 1: [Время генерала от инфантерии А. П. Ермолова и генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича. Персидская война 1826–1828 гг.] / Сост.: генерал-майор В. А. Потто, Генерального штаба полковник П. И. Аверьянов и подполковник В. И. Томкеев. – Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1906. – 320 с., разд. паг., портр., XII, карта; Т. IV, Ч. 2: [Время И. Ф. Паскевича. Турецкая война 1828–1829 гг.] / сост.: Генерального штаба полковник Б. П. Веселовзоров и генерал-лейтенант В. А. Потто. – Тифлис: Электротпечатня штаба Кавказского военного округа, 1908. – 455 с., разд. паг., портр., XV, схемы, планы, карты.

359. Фадеев, Р. А. Кавказская война / Р. А. Фадеев. – Москва: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 634 с.

360. Фелицын, Е. Д. Кошетье, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьего войск. 1788–1888 гг. Краткие биографические сведения с портретами атаманов / Е. Д. Фелицын // Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг.: Сборник кратких

сведений о войске / изд. под ред. Е. Д. Фелицына. – Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1888. – С. 243–384.

361. Фелицын, Е. Д. Материалы для истории Северного Кавказа: Всеподданнейший доклад князя Г. А. Потёмкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волгского и Хопёрского казачьих войск / Е. Д. Фелицын // Кубанский сборник. Труды Областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, Э. Х. Килиуса и Кубанского областного Правления, 1894. – Т. III. – С. 1–10, разд. паг.

362. Фелицын, Е. Д. Переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского войска и образование из них, в 1802 году, Кавказского конного полка / Е. Д. Фелицын // Кубанский сборник. Труды Областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография А. П. Сташевского, Э. Х. Килиуса и Кубанского областного Правления, 1894. – Т. III. – С. 1–33, разд. паг.

363. Фелицын, Е. Д. Побег с Кубани трёх Донских полков в 1792 г., бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка / Е. Д. Фелицын // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, Э. Х. Килиуса и А. П. Сташевского, 1897. – Т. IV: [1898]. – С. 1–62, разд. паг.

364. Фелицын, Е. Д. Программа статистико-этнографического описания населённых мест Кубанской области / сост. Е. Д. Фелицын. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1879. – 54, 12, 4 с., 2 л. табл.

365. Чернощёков, Н. А. Землеустройство Кавказских казачьих войск / Н. А. Чернощёков // Столетие военного министерства 1802–1902. Землеустройство казачьих войск. Исторический очерк / гл. ред., генерал от кавалерии Д. А. Скалон; сост. статский советник Н. А. Чернощёков. – Санкт-Петербург: Типография Поставщиков двора Его Императорского Величества товариществ М. О. Вольф, 1911. – Т. XI. Ч. IV. [Гл. III]. – С. 150–227.

366. Чёрный, К. Н. Ейский уезд (Статистическое описание) / К. Н. Чёрный // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления и

Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 338–492, 493–501 (приложения).

367. Чернявский, И. С. Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II, 1855–1880. Исторический очерк начальника Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенанта Ивана Сильвестровича Чернявского / И. С. Чернявский. – Санкт-Петербург: Издано при содействии Военно-учёного комитета Главного штаба, 1898. – 61 с.

368. Шамрай, В. С. Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлечённым из дел Кубанского войскового архива / В. С. Шамрай // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография И. Ф. Бойко, 1901. – Т. VII. – С. 71–88.

369. Шахов, Д. В. Воронежская станица (Статистико-этнографическое описание): [30 августа 1880 г.] / Д. В. Шахов // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 643–689.

370. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар: Типография В. И. Исаева, 1891. – 208 с.

371. Щербина, Ф. А. История земельной собственности у кубанских казаков / Ф. А. Щербина // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления и Л. Нитче, 1883. – Т. I: [С картой Кубанской области]. – С. 88–123.

372. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар: Печатник, 1913. – Т. 1. – 736 с.; Т. 2. – 880 с.

373. Щербина, Ф. А. Кубанское казачество и его атаманы / Ф. А. Щербина, Е. Д. Фелицын. – Москва: Вече, 2007. – 338 с.

374. Щербина, Ф. А. Собрание сочинений / Ф. А. Щербина; сост., вступ. ст. и науч. ред. текста В. К. Чумаченко. – Краснодар: Книга и др., 2013. – Т. 3. Пережитое, передуманное и осуществлённое. – 446 с.

375. Эварницкий (Яворницкий), Д. И. История запорожских козаков. [с 22 рисунками] / Д. И. Эварницкий. – Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1892. – Т. I. – 542 с.

376. Эварницкий (Яворницкий), Д. И. История запорожских козаков / Д. И. Эварницкий. – Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1895. Т. 2. – 624 с.

3.2. Литература советского и постсоветского периодов истории

377. Акимченков, Г. Ф. Геленджикская кордонная линия: к истории Абинского укрепления / Г. Ф. Акимченков // Историко-археологический альманах. (Армавирского краеведческого музея). – Армавир; Москва: [Б. и.], 2002. – Вып. 8. – С. 158–162.

378. Акоева, Н.Б. Повседневная жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. / Н. Б. Акоева. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, 2011. – 243 с.

379. Акоева, Н. Б. Повседневная жизнь кубанского казачества на рубеже веков (конец XIX – начало XX в.) / Н. Б. Акоева. – Славянск-на-Кубани: Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт, 2006. – 170 с.

380. Александрова, В. П. История станицы Полтавской (Красноармейской). VI век до н.э. – 1945 г. / В. П. Александрова. – Новороссийск: [Б. и.], 2002. – 262 с.

381. Андреев, А. О. Создание и упразднение Лабинской кордонной линии в 1839–1865 годах, с кратким обзором дел архивного фонда ГКУ ГАКК «Штаб начальника Лабинской кордонной линии Правого фланга Кавказской линии» / А. О. Андреев // Отрадненские историко-краеведческие чтения: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной Отрадненского района Краснодарского края. – Армавир: Шурыгин В. Е.; ст-ца Отрадная, Краснодарский край: [б. и.], 2017. – Вып. V. – С. 77–80.

382. Андрияш, Н. А. Славянск-на-Кубани и Славянский район. Страницы истории / Н. А. Андрияш, Н. Л. Заболотный. – Краснодар: Советская Кубань, 1995. – 174 с.

383. Аничкина, Л. Н. Из истории заселения Черноморского побережья Кавказа (1864–1917 гг.) / Л. Н. Аничкина // Краевед Черноморья. Альманах. – Туапсе: Издание Туапсинского центра внешкольной работы «Юный турист-краевед», 1997. – С. 5–11.

384. Артюшина, Е. А. Исторический очерк станицы Усть-Лабинской. 1794–1917 / А. Е. Артюшина. – Краснодар: Краснодарские известия, 1999. – 88 с.

385. Багдасарян, С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / С. Д. Багдасарян. – Новочеркасск: Лик, 2015. – 312 с.

386. Барретт, Т. М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России / Т. М. Барретт // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. и авт. введения М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2000. – С. 163–194.

387. Басханов, А. К. Линейцы. Очерки истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области / А. К. Басханов, Н. Д. Егоров. – Лабинск; Никосия, 1996. – 392 с.

388. Беликов, А. В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. / А. В. Беликов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2007. – № 1. – С. 69–79.

389. Беловолов, В. Н. Сборник статей и очерков по истории станицы Уманской / В. Н. Беловолов. – Ленинградская: [Б. и.], 2002. – 61 с.

390. Бессчётнова, А. И. Станица Незамаевская, 215 лет / А. И. Бессчётнова. – Павловская: Кубанское полиграфическое объединение, 2009. – 253 с.

391. Бигдай, А. Д. Песни кубанских казаков. Т. 1: [Песни черноморских казаков] / А. Д. Бигдай; ред. В. Г. Захарченко. – Краснодар: Кн. изд-во, 1992. – 440 с.

392. Бигдай, А. Д. Песни кубанских казаков. Т. 2: [Песни линейных казаков] / А. Д. Бигдай; сост., предисл., музыкальная и текстологическая редакция, примеч. В. Г. Захарченко: Для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровождения и с сопровождением фортепиано. – Краснодар: Советская Кубань, 1995. – 508 с.

393. Бондарь, Н. И. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) / Н. И. Бондарь // Православие, традиционная культура, просвещение [К 2000-летию христианства; посвящается 125-летию со дня смерти кубанского просветителя, протоиерея К. В. Россинского]. Сборник научных статей на основе материалов научно-практической конференции, Краснодар, 15–16 декабря 2000 г. / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, М. В. Семенов. – Краснодар: Изд-во «Крайбиблколлектор», 2000. – С. 92–120.

394. Бродель, Ф. Время мира / Ф. Бродель. – Москва: Прогресс, 1988. – 679 с.

395. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. [В 3-х т.] / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. Т. 1: [Структуры повседневности: возможное и невозможное]. – Москва: Прогресс, 1986. – 622 с.

396. Бублик, Е. С. Летопись станицы Нововеличковской / Е. С. Бублик. – Краснодар: ЭДВИ, 2012. – 224 с.

397. Бугай, Н. Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины до начала XX в. / Н. Ф. Бугай. – Тула: «Гриф и К», 2007. – 598 с.

398. Бугай, Н. Ф. Старо-Титаровская: курень, куренное поселение, станица (1792 – начало XXI в.). В 2-х ч. / Н. Ф. Бугай. – Ч. 1: [Станица Старо-Титаровская, 1792–1917 гг.]; Ч. 2: [Станица Старо-Титаровская: от социального излома 1917 г. до начала XXI века]. – Москва – Тула: Гриф и К°, 2009. – 1024 с.

399. Булыгина, Т. А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» / Т. А. Булыгина // Человек на исторических поворотах XX века: сборник научных статей / редкол.: А. Н. Еремеева (отв. ред.), А. Ю. Рожков, и др. – Краснодар: Кубанькино, 2006. – С. 27–34.

400. Бурькина, Л. В. Об особенностях основания и социально-экономического развития станиц Майкопского отдела Кубанской области / Л. В. Бурькина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2011. – Вып. 3. – С. 140–151.

401. Бурькина, Л. В. Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII – 60-е г. XIX вв. / Л. В. Бурькина // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 2. – С. 20–24.

402. Бурькина, Л. В. Формирование гражданских поселений на Северо-Западном Кавказе в 40-е – 50-е гг. XIX в. / Л. В. Бурькина // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2006. – № 1. – С. 17–19.

403. Великая, Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. / Н. Н. Великая. – Ростов-на-Дону: [Б. и.], 2001. – 280 с.; карт., табл.

404. Венков, А. В. Донские казаки на Линии в XVIII – XIX веках / А. В. Венков // Баталпашинские чтения–2022. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 100-летию юбилею образования Карачаево-Черкесской Республики, 100-летию подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской при изъятии церковных ценностей, 190-летию образования Кавказского линейного казачьего войска. – Черкесск; Карачаевск: КЧГУ, 2022. – С. 52–61.

405. Волвенко, А. А. Казачество и власть накануне Великих реформ Александра II. Конец 1850-х – начало 1860-х гг. / А. А. Волвенко. – Москва: Центрполиграф, 2022. – 189 с.

406. Ворошилов, В. И. История убыхов: (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времён до середины XIX века) / В. И. Ворошилов. – Майкоп: Афиша, 2006. – 371 с.

407. Гангур, Н. А. Материальная культура Кубанского казачества: монография. В 2-х т. / Н. А. Гангур. – Краснодар: Традиция, 2009. – Т. 1: [Конец XVIII – середина XIX века]. – 288 с.: ил.; Т. 2: [Середина XIX – начало XX века]. – 272 с.: ил.

408. Годовова, Е. В. Методологические подходы в изучении повседневной жизни социальных общностей (на примере казачества) / Е. В. Годовова // Актуальные проблемы всемирной истории: Материалы Международной научно-теоретической конференции, Алматы, Казахстан, 19–20 ноября 2015 г. – Алматы [Казахстан]: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, 2015. – С. 75–78.

409. Годовова, Е. В. Новые подходы к изучению повседневности казачества / Е. В. Годовова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2013. – № 3 (41). – С. 321–328.

410. Годовова, Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. / Е. В. Годовова. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. – 382 с.

411. Голобуцкий, В. А. Запорожское казачество / В. А. Голобуцкий. – Киев: Изд-во Академии наук УССР, 1956. – 415 с., 8 л. факс., карт.

412. Гольдентул, И. Е. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. Репринтное издание 1924 г. / И. Е. Гольдентул. – Краснодар: Традиция, 2009. – 142, (1) с. [Выходные данные оригинала: Ростов-на-Дону, Краснодар, 1924].

413. Гомаюнов, С. А. Местная история: проблемы методологии / С. А. Гомаюнов // Вопросы истории. – Москва, 1996. – № 9. – С. 158–164.

414. Горлова И.И. Культура кубанских станиц, 1794–1917: Исторический очерк / И. И. Горлова, А. И. Манаенков, В. И. Лях. – Краснодар: Южная звезда, 1993. – 129 с.

415. Город Хадыженск и станица Кабардинская: юбилейные историко-краеведческие очерки / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. И. О. Тюменцева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 115 с.

416. Горожанина, М. Ю. Духовная культура черноморского и линейного казачества: сравнительный анализ / М. Ю. Горожанина // European Researcher (Европейский исследователь). – Сочи, 2011. – № 9. – С. 1253–1254.

417. Горожанина, М. Ю. История православия на Кубани / М. Ю. Горожанина. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – 483 с.

418. Горожанина, М. Ю. Православие в повседневной жизни кубанского казачества: конец XIX – начало XX вв. / М. Ю. Горожанина // Цивилизационные перемены в России: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции «Цивилизационные перемены в России», 19 февраля 2020 г. – Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2020. – С. 69–78.

419. Горожанина, М. Ю. Повседневная жизнь православного казачества Кубани XIX – начало XX вв. / М. Ю. Горожанина // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX – XXI вв.: сборник научных трудов. – Москва: Эдитус, 2020. – Вып. 2. – С. 200–207.

420. Горожанина, М. Ю. Проекты обустройства новых территорий на примере вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи / М. Ю. Горожанина // Астраханские Петровские чтения: материалы VI Международной научной конференции «Пётр Первый и имперские практики фронтального пространства» (г. Астрахань, 23–24 ноября 2021 г.): Сборник статей. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2022. – С. 71–81.

421. Горюнов, П. М. О казачьем вопросе (из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа) / П. М. Горюнов. – Новочеркасск: Издво Донского окружного комитета РКП(б), 1925. – 32 с.

422. Гранкин, Ю. Ю. Система имперского управления Кавказом как путь к цивилизованному компромиссу / Ю. Ю. Гранкин // Гуманитарные и юридические исследования. – Ставрополь, 2021. – № 1. – С. 30–35.

423. Григоренко, И. Н. Усть-Лабинск / И. Н. Григоренко. – Краснодар: Книжное издательство, 1979. – 78 с.

424. Громов, В. П. Дорогие мои земляки: штрихи к портретам пашковчан. К 215-летию Пашковской / В. П. Громов. – Краснодар: Традиция, 2009. – 208 с.

425. Громов, В. П. Записки атамана Громова / В. П. Громов. В 2-х т. – Краснодар: Платонов И., 2022. – Т. 1. – 558 [1] с.; ил., ил.; Т. 2. – 590 [1] с.: ил.

426. Громов, В. П. Кубанцы-участники Всероссийского Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 годов / В. П. Громов // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции (Краснодар, 10–11 февраля 2020 г). Якаевские чтения. – Краснодар: ИМСИТ, 2020. – С. 104–112.

427. Громов, В. П. Регалии Кубанского казачьего войска (к истории их судьбы в эмиграции) / В. П. Громов, Н. А. Корсакова // Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., станица Каневская Краснодарского края). – Краснодар; Кубанский государственный университет и др., 1999. – С. 106–109.

428. Громов, В. П. Ф. А. Щербина о взаимоотношениях казаков и горцев Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX вв. / В. П. Громов // Фёдор Андреевич Щербина и народы юга России: история и современность: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 26 февраля 2006 г.). – Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий, 2006. – С. 19–23.

429. Губский, Н. И. Моя малая родина: из истории хутора Ольгинского Абинского района Краснодарского края / Н. И. Губский. – Краснодар: Диапазон-В, 2014. – 318 с.

430. Гужин, Г. С. История заселения и хозяйственного освоения территории Краснодарского края с 1792 по 1917 гг. / Г. С. Гужин, Л. А. Гущина. – Краснодар: [Б. и.], 1993. – 137 с.: ил.

431. Гусев, А. К. Станица Преградная Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска: краткий исторический очерк / А. К. Гусев. – Санкт-Петербург: Амфора, 2007. – 184 с.: ил.

432. Дикий, Е. А. Наш Павловский район: краеведческие очерки / Е. А. Дикий. – Краснодар: Диапазон-В, 2019. – 403 с.

433. Долгополов, К. В. О притеснениях иногородних в кубанских станицах во второй половине XIX в. / К. В. Долгополов // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2011. – № 6. – С. 42–47.

434. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А. П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1977. – Т. 2. – 205 с.

435. Донецкий, М. П. В кубанской станице / М. П. Донецкий // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. – Ростов-на-Дону, 1928. – № 11. – С. 24–32.

436. Дорошенко, В. Г. Петровская моя родная: история о станичниках станицы Петровской / В. Г. Дорошенко. – Краснодар: Изд-во ТАКАХО, 2012. – 253 с.

437. Жинкин, А. В. Кубань: история, экономика, культура / А. В. Жинкин, О. Т. Паламарчук. – Краснодар: Периодика Кубани, 2001. – 460 с.

438. Жупанин, С. О. Геленджикская укрепленная линия. К истории планирования и создания / С. О. Жупанин // Научное наследие Ф. А. Щербины: Казачество и история Кавказа: сборник материалов XV международной научно-практической конференции, Краснодар, 26–27 февраля 2015 г. – Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, 2015. – С. 62–77.

439. Затолокин, В. П. Станица Келермесская. 100-летие Первой мировой и Гражданской войн / В. П. Затолокин, М. И. Крылов. – Майкоп: Магарин О. Г., 2017. – 411 с.

440. Зверев, К. В. Приморско-Ахтарск / К. В. Зверев. – Краснодар: Книжное издательство, 1981. – 78 с.

441. Зеленкова, А. М. Станица Тбилисская – страницы истории / А. М. Зеленкова. – Краснодар: Сполох, 2005. – 89 с.

442. Золотарёва, И. Д. Б. М. Городецкий и его вклад в развитие архивного дела на Кубани (1920–1922 гг.) / И. Д. Золотарёва // Отечественные архивы. – Москва, 2014. – № 3. – С. 3–12.

443. Игнатенко, В. П. Исторические данные о станице Новощербиновской. Сказание о земле казачьей / В. П. Игнатенко // О прошлом и настоящем. Альманах. – Новощербиновская: [Б. и.], 2007. – Вып. 1. – С. 26–27.

444. История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции): к 50-летию творческой деятельности Виктора Гавриловича Захарченко. Т. 1: [Кореновский район] / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин]. – Краснодар: Книга, 2015. – 335 с.

445. История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 2: [Горячключевской район] / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. – Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 367 с.

446. История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 3: [Усть-Лабинский район] / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. – Майкоп: ООО «Качество», 2018. – 452 с.

447. История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. 4: [Темрюкский район] / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2019. – 471 с.

448. История, этнография, фольклор Кубани: (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции). Т. V: [Отраденский район] / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2020. – 472 с.

449. Канищев, В. В. Фронтальные корни демографической устойчивости современных крупных русских поселений юга европейской части России / В. В. Канищев, С. К. Лямин // Журнал фронтальных исследований. – Астрахань, 2022. – Т. 7. – № 3 (27). – С. 153–177.

450. Карабанов, И. П. Анастасиевская / И. П. Карабанов, А. П. Поршнева. – Краснодар: Книжное издательство, 1975. – 56 с.

451. Кламбоцкий, Е. Е. Белореченск / Е. Е. Кламбоцкий. – Краснодар: Книжное издательство, 1981. – 77 с.

452. Клейнер, И. М. Действительность кубанской станицы (материалы к VIII Кубано-Черноморской областной партконференции) / И. М. Клейнер. – Краснодар: Буревестник, 1924. – 123 с.

453. Клычников, Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов / Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. – 276 с.

454. Колесников, В. А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григорополисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц / В. А. Колесников. – Ставрополь: ЮРКИТ, 1995. – 92 с.: ил.

455. Колесников, В. А. Линейные казаки в заселении Закубанья / В. А. Колесников // Кубанское казачество: три века исторического пути: Материалы Международной научно-практической конференции, станица Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996. – С. 114–115.

456. Колесников, В. А. Развитие хуторских хозяйств в линейных кубанских полках в конце XVIII – первой половине XIX вв. / В. А. Колесников // Творческое наследие Ф. А. Щербины и современность: тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербины. – Краснодар: [Б. и.], 1999. – С. 62–64.

457. Колесников, В. А. От служилых людей Московии: к 200-летию со дня основания Темижбекской, Казанской, Тифлисской и Воронежской станиц / В. А. Колесников // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры: сборник научных статей, посвящённый 210-летию освоения Краснодарского края казачеством. – Краснодар: [Б. и.]; Типография администрации Краснодарского края, 2002. – С. 100–125.

458. Колосовская, Т. А. Кавказская линия и казаки-линейцы в военно-статистических трудах Д. А. Милютина / Т. А. Колосовская // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Тринадцатой меж-

дународной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир: РИО Армавирского государственного педагогического университета, 2022. – С. 87–92.

459. Колосовская, Т. А. Штрихи к портрету военного исследователя-кавказоведа Н. Н. Забудского / Т. А. Колосовская // История и архивы. – Москва, 2021. – № 1. – С. 37–51.

460. Конюков, И. А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани / И. А. Конюков. – Краснодар: Партиздат, 1928. – 134 с.

461. Корсакова, Н. А. Материальная культура казачьего населения Кубани во второй половине XIX – начале XX в. / Н. А. Корсакова // По страницам истории Кубани (краеведческие очерки). – Краснодар: Советская Кубань, 1993. – С. 178–184.

462. Кочериди, Ю. Д. История хутора Новоукраинского и близлежащих мест / Ю. Д. Кочериди. – Краснодар: Платонов, 2018. – 174 с.

463. Криводед, В. В. История села Львовского на Кубани / В. В. Криводед. – Краснодар: [Б. и.], 2002. – 192 с.

464. Ктиторов, С. Н. История Армавира: (досоветский период: 1839–1918 гг.) / С. Н. Ктиторов. – Армавир: [Б. и.], 2002. – 383 с.

465. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. ред. К. В. Чистов. – Москва: Наука, 1967. – 356 с.: ил.

466. Кузнецов, И. В. Тихая линия. Историческое сказание о ставропольских казаках / И. В. Кузнецов. – Ставрополь: Сенгилей, 1997. – 366 с.

467. Бондарь, В. В. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2020. – 334 с.

468. Винская, Т. Н. «Ах, кони, мои кони...». Исторические реалии и перспективы развития коневодства на Кубани / Т. Н. Винская // Твёрдовские чтения – III. Сборник материалов 3-й международной научно-практической кон-

ференции по рекреации, туризму и краеведению, посвящённой памяти выдающегося путешественника, учёного, краеведа, общественного деятеля А. В. Твёрдого (г. Краснодар, 26–27 февраля 2011 г.). – Краснодар: КСЭИ, 2012. – С. 129–134.

469. Лавров, Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа / Л. И. Лавров. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 183 с.

470. Лапин, Н. И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – Москва, 2006. – № 8 (268). – С. 25–34.

471. Левченко, И. И. Станица Марьянская. Исторический очерк / И. И. Левченко. – Краснодар: Чаша Грааля, 2003. – 75 с.

472. Лихницкий, Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани / Н. Т. Лихницкий. – Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931. – 192 с.

473. Лола, М. И. О кубанском казачестве / М. И. Лола. – Ростов-на-Дону; Краснодар: Севкавказ, 1926. – 104 с.

474. Лукомец, М. И. Земельные отношения казачества в начале XX века / М. И. Лукомец. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2001. – 379 с. : ил.

475. Максимчик, А. Н. Присоединение Кавказа к Российской империи: историографические итоги дореволюционного этапа / А. Н. Максимчик // Российские и славянские исследования: Научный сборник. – Минск: Белорусский государственный университет, 2012. – Вып. 7. – С. 285–294.

476. Малукало, А. Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус / А. Н. Малукало. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – 216 с.

477. Маслов, А. В. Новопокровская (1827–2007) / А. В. Маслов. – Кропоткин: ООО «Кавказская типография», 2007. – 168 с.

478. Матвеев, О. В. Из дореволюционного прошлого станицы Новолабинской / О. В. Матвеев // Кубанский сборник: Сборник научных статей и материалов по истории края. – Краснодар: Книга, 2015. – С. 165–175.

479. Матвеев, О. В. Из дореволюционного прошлого станицы Передовой / О. В. Матвеев // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Материалы межрегиональной научной конференции. – Армавир: Шурыгин В.Е., 2020. – Вып. VIII. – С. 117–137.

480. Матвеев, О. В. Из прошлого станицы Дядьковской. Первая четверть XIX – начало XX вв. / О. В. Матвеев // Кубанский сборник. – Краснодар: Книга, 2012. – Т. IV (25). – С. 153–195.

481. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности / О. В. Матвеев. – Краснодар: Кубанькино, 2005. – 418 с.

482. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: социальные аспекты воинской ментальности / О. В. Матвеев // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – Вып. 1. – С. 396–411.

483. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности / О. В. Матвеев // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2007. – № 6 (25). – С. 35–37.

484. Матвеев, О. В. К реконструкции системы этногенетических представлений кубанских казаков: устная историческая традиция метрополий / О. В. Матвеев // Проблемы изучения и развития казачьей культуры: Сборник материалов научно-практической конференции в рамках 8-го регионального фестиваля казачьей культуры в пос. Тульском, 12–13 июня 1999 г. – Майкоп: [Б. и.], 2000. – С. 75–76.

485. Матвеев, О. В. Материалы к дореволюционному прошлому станицы Журавской / О. В. Матвеев // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар: Эдви, 2013. – Вып. 7. – С. 110–172.

486. Матвеев, О. В. Мир казачьей станицы / О. В. Матвеев // Живая страница: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – Москва, 2012. – № 4 (76). – С. 56–58.

487. Матвеев, О. В. Народная топонимия в организации пространства исторической памяти кубанского казачества / О. В. Матвеев // Славяно-адыгские культурные связи: история и современность. Материалы Пярых научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры и Году российской истории (Майкоп, 2012). – Майкоп: Издательство Магарин О. Г., 2012. – С. 111–124.

488. Матвеев, О. В. «Обильно пролитая кровь, громадные жертвы должны быть искуплены положительными результатами...». Из наследия А. Л. Зиссермана / О. В. Матвеев // Германия и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей (к 100-летию Рапалльского договора): Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Традиция, 2022. – С. 171–185.

489. Матвеев, О. В. Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.) / О. В. Матвеев // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Традиция, 2013. – С. 99–118.

490. Матющенко, П. П. Аграрная политика царизма и иногороднее крестьянство Кубани и Терека в период контрреформ в России / П. П. Матющенко // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в.: Сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1987. – С. 73–85.

491. Мачнев, И. Н. Тихорецк / И. Н. Мачнев. – Краснодар: Книжное издательство, 1975. – 103 с.: 4 л. ил.

492. Мизис, Ю. А. Русский фронтир: политические, социальные и экономические аспекты: (юг России в XVI – конец XVIII в.) / Ю. А. Мизис, О. В. Скобелкин, А. И. Папков // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2015. – № 10 (150). – С. 7–15.

493. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 572 с.

494. Мильчев, В. И. Клады и кладоискательство как социокультурный феномен в жизни казачества XVIII–XIX вв. / В. И. Мильчев, Д. В. Сень // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – Кишинёв, 2022. – № 6. – С. 244–245, 249–250.
495. Морозкина, Г. А. История земли белореченской / Г. А. Морозкина. – Майкоп: Адыгея, 2004. – 378 с.
496. Мушегян, С. В. Особенности землеустройства на Кубани / С. В. Мушегян // *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. – Москва, 2008. – № 2. – С. 373–374.
497. Невская, В. П. Карачай в пореформенный период / В. П. Невская. – Ставрополь: Книжное издательство, 1964. – 224 с.
498. Недосекин, В. И. Земельные латифундии светских и духовных феодалов ко времени выхода России к Чёрному морю / В. И. Недосекин. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1984. – 144 с.
499. Недосекин, В. И. Черноморья. История и люди / В. И. Недосекин. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1977. – 98 с., ил.
500. Недосекин, В. И. Черноморья. Проблемы социально-экономической структуры (1792–1860 гг.) / В. И. Недосекин. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1980. – 66 с.
501. Никитин, Н. И. История казачества: аспекты научные и политические / Н. И. Никитин. – Москва: Директ-Медиа, 2022. – 488 с.
502. Никитин, С. Н. Белая Глина: юбилейное издание, посвящённое 180-летию села Белая Глина (1820–2000 гг.) / С. Н. Никитин. – Белая Глина: Родная земля, 2000. – 31 с.
503. Онищенко, В. Я. Казачья станица Поповичевская (Калининская) / В. Я. Онищенко. – Краснодар: ИМСИТ, 2007. – 132 с.
504. Очерки истории и культуры казачества Юга России / Г. Г. Матишов, И. О. Тюменцев; редкол.: Г. Г. Матишов (отв. ред.) и др. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2014. – 623 с.

505. Очерки истории Кубани с древнейших времён до 1920 г. / В. Н. Ратушняк, А. М. Ждановский, И. И. Марченко, и др.; под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 654 с.: ил.

506. Павлов, К. А. Азовские казаки на охране Черноморского побережья Кавказа 1853–1865 гг. / К. А. Павлов, О. Б. Клочков // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2017. – Т. 9, № 1/1. – С. 75–78.

507. Петров, В. И. Освоение территории Кубани и население Кубанской области во второй половине XIX века / В. И. Петров // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Восьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир: Шурыгин В. Е., 2012. – С. 97–100.

508. Петров, В. И. Хозяйственно-экономическое развитие Кубани и переселенческий процесс в регионе во второй половине XIX в. / В. И. Петров, А. В. Жинкин // Вестник Академии знаний. – Краснодар, 2013. – № 1 (4): [январь-март]. – С. 169–171.

509. Петрова-Хорина, Н. Н. Отрадная 160 лет назад: штрихи к портрету станицы / Н. Н. Петрова-Хорина // Отрадненские историко-краеведческие чтения: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. – Вып. V. – С. 8–12.

510. Петрова-Хорина, Н. Н. Приурупье моё, суровое и прекрасное. 1856–2011. 155-летию Попутной и другим станицам Урупско-Лабинской линии посвящается / Н. Н. Петрова-Хорина. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2011. – 50 с.

511. Петрова-Хорина, Н. Н. Станица Попутная: люди, жизнь и события. 1856–2016. 160-летию станицы и её хуторам посвящается / Н. Н. Петрова-Хорина. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. – 139 с.

512. Перетятыко, А. Ю. Д. А. Милютин о приоритетах развития Кубанского казачьего войска: первая половина 1860 гг. / А. Ю. Перетятыко // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской науч-

ной конференции с международным участием, посвящённой 100-летию известного учёного-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской, Карачаевск, 18–19 октября 2019 г. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2019. – С. 228–232.

513. Плетнёва, С. А. Половцы / С. А. Плетнёва. – Москва: Ломоносовъ, 2010. – 211 с.: ил.

514. Плиева, Э. Г. Л. М. Серебряков и Черноморская береговая линия / Э. Г. Плиева // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. – Анапа: Советская Кубань, 2000. – № 4. – С. 114–116.

515. Подымов, Н. Г. Станица Казанская. Исторический очерк / Н. Г. Подымов. – Казанская: [Б. и.], 2002. – 107 с.

516. Пономарёв, В. П. Очерки истории основания закубанских станиц в середине XIX века / В. П. Пономарёв. – Краснодар: Южный дом, 2007. – 160 с.

517. Пушкарёва, Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований / Н. Л. Пушкарёва [Электронный ресурс]. – URL: https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovaniij_2010-03-16.htm (дата обращения: 31.01.2023).

518. Пушкарёва, Н. Л. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе / Н. Л. Пушкарёва, С. В. Любичанковский // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – Пушкин, 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 7–21.

519. Ратушняк, В. Н. Земледелие Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в.: особенности эволюции / В. Н. Ратушняк // Былые годы. – Сочи, 2018. – Т. 49. – С. 1186–1194.

520. Ратушняк, В. Н. История кубанского казачества / В. Н. Ратушняк. – Краснодар: Традиция, 2013. – 416 с.

521. Ратушняк, В. Н. История казачества России / В. Н. Ратушняк, О. В. Ратушняк. – Москва: Флинта, 2019. – 343 с.

522. Ратушняк, В. Н. Массовое заселение Кубани и изменение состава её населения в 60–90-х гг. XIX в. / В. Н. Ратушняк // Вопросы истории Кубани

XIX – начала XX вв.: Сборник научных трудов. – Краснодар: [Б. и.], 2001. – С. 84–92.

523. Ратушняк, В. Н. Развитие сельского хозяйства Кубани в пореформенное время (1861–1914) / В. Н. Ратушняк // Голос минувшего. Кубанский исторический (научно-образовательный) журнал. – Краснодар, 2015. – № 3–4. – С. 32–43.

524. Ратушняк, В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: (К проблеме развития аграрного капитализма) / В. Н. Ратушняк. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета, 1989. – 251 с.

525. Ратушняк, В. Н. Социально-экономическое положение кубанского казачества накануне великих потрясений / В. Н. Ратушняк // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани: Сборник статей Международной научно-просветительной конференции (Адлер, 27–31 мая 2016 г.). – Краснодар: Традиция, 2016. – С. 200–205.

526. Ратушняк, В. Н. Социально-экономическое развитие Кубанского казачества в 1900–1913 гг. / В. Н. Ратушняк // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2011. – № 5. – С. 33–38.

527. Ратушняк, В. Н. Специфика земельных отношений на Кубани в начале XX в. / В. Н. Ратушняк // Социология села: теоретическая и практическая проблематика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13–14 ноября 2008 г. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2008. – Т. 1. – С. 447–453.

528. Ратушняк, В. Н. Кубанская станица: от созидającego развития к великим потрясениям / В. Н. Ратушняк, Т. Н. Сидоренко // Мир Шолохова: история и культура: тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М. А. Шолохова, 12–14 мая 2005 г., г. Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2005. – С. 88–90.

529. Ратушняк, О. В. История станицы как часть истории страны: станица Некрасовская в 1843–1917 годах / О. В. Ратушняк, Т. В. Ратушняк // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2015. – № 1 (56). – С. 46–51.

530. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – Москва: Кругъ. 2011. – 560 с.

531. Самовтор, С. В. «Программа статистико-этнографического описания населённых мест Кубанской области» Е. Д. Фелицына и её роль в топонимических исследованиях / С. В. Самовтор // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). – Ростов-на-Дону: Foundation, 2015. – С. 134–139.

532. Самовтор, С. В. Топонимика Закубанья (К вопросу о переименовании ряда кубанских станиц в 1867 г.) / С. В. Самовтор // Археология и краеведение Кубани. Материалы Первой студенческой научной конференции [Краснодар, апрель 1993 г.]. – Краснодар: [Б. и.], 1993. – С. 26–28.

533. Самовтор, С. В. Этнические аспекты топонимики Краснодарского края / С. В. Самовтор // [Электронный текст]. – URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-15653.html> (дата обращения 08.03.2023).

534. Селютин, А. С. Станица Ахметовская: очерки по истории казачества / А. С. Селютин. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2016. – 289 с.

535. Семенцов, М. В. Из опыта использования лесных растений в хозяйстве и быту кубанских казаков / М. В. Семенцов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14): Материалы Северо-Кавказской научной конференции, Краснодар, 22 ноября 2008 г. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2009. – С. 71–73.

536. Семенцов, М. В. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. / М. В. Семенцов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Дикаревские чтения (13): Материалы Северо-Кавказской научной конференции. – Краснодар: Краевое государственное творческое

научно-образовательное учреждение «Кубанский казачий хор, 2007. – С. 76–163.

537. Сидоров, Е. М. Земля Тихорецкая. Очерки истории и географии (политической, экономической, социальной, физической) города Тихорецка и Тихорецкого района. Юбилейное издание. 120 лет Тихорецку (1874–1994). 70 лет Тихорецкому району (1924–1994) / Е. М. Сидоров. – Краснодар: Редакция газеты «Тихорецкие вести», 1995. – 192 с.

538. Сизых, К. М. Рассказ о моей станице: [о станице Воронежской] / К. М. Сизых. – Краснодар: Советская Кубань, 2007. – 224 с.

539. Скворцов, С. А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани / С. А. Скворцов. – Краснодар: Изд-во Кубанского окружного комитета РКП(б), 1925. – 174 с.

540. Скорик, А. П. Административно-поселенческое моделирование в Кубанской области в последней четверти XIX в. / А. П. Скорик, И. М. Федина // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвящённого 20-летию ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону, 8–10 февраля 2023 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. – С. 377–381.

541. Скорик, А. П. Влияние пароходства «Товарищество Дицман» и его основателей на жизнедеятельность прикубанских поселений в начале XX в. / А. П. Скорик, И. М. Федина // Развитие водных транспортных магистралей в условиях глобального изменения климата на территории Российской Федерации (Евразии) («Опасные явления–IV»). Памяти члена-корреспондента РАН Д. Г. Матишова: материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 5–9 сентября 2022 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2022. – С. 416–420.

542. Скорик, А. П. Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани с конца XVIII века и до конца 1920-х годов / А. П. Скорик, И. М. Федина // History and Historians in the Context of the Time (История и историки в контексте времени). – Сочи, 2013. – Vol. (10). Number 1. – P. 4–14.

543. Скорик, А. П. «Дикаревские чтения» как источник культурных эстафет Юга России. Размышления рецензентов о сборнике трудов ежегодной Северокавказской историко-этнографической конференции «Дикаревские чтения» (14). Краснодар, 2009. – 220 с. / А. П. Скорик, В. А. Бондарев // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар: Изд-во «Экоинвест», 2011. – Вып. 6. – С. 189–194.

544. Скорик, А. П. Душа историко-этнографического проекта / А. П. Скорик // Памяти М.В. Семенцова. XVIII Дикаревские чтения. – Краснодар: Плехановец, 2017. – С. 58–62.

545. Скорик, А. П. Ейский отдел Кубанской области: формирование, основные поселения, особенности состава населения / А. П. Скорик, И. М. Федина // Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием); г. Новочеркасск, 25–26 ноября 2022 г. – Новочеркасск: НОК, 2022. – С. 299–308.

546. Скорик, А. П. Екатеринодарский отдел Кубанской области: формирование, основные поселения, особенности состава населения / А. П. Скорик, И. М. Федина // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – С. 262–270.

547. Скорик, А. П. Жизненная траектория баронов Штейнгелей в агропромышленном развитии Кубанской области конца XIX – начала XX вв. / А. П. Скорик // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Тринадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир: РИО Армавирского государственного педагогического университета, 2022. – С. 186–191.

548. Скорик, А. П. Казачьи слободки как первые поселения черноморских казаков на Кубани / А. П. Скорик // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцать вторые Всероссийские науч-

ные чтения: тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции, Новочеркасск, 14–15 октября 2021 г. – Новочеркасск: Лик, 2021. – С. 29–32.

549. Скорик, А. П. Крестьянское движение на Юге России в начале XX века: опыт критического анализа историографии / А. П. Скорик // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П. А. Столыпина): Материалы региональной научной конференции (1–2 июня 2011 г., г. Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2011. – С. 12–16.

550. Скорик, А. П. Кубанские курени и станицы. Повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков: монография / А. П. Скорик, И. М. Федина; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. НИИ истории казачества и развития казачьих регионов. – Новочеркасск: Лик, 2022. – 1336 с.

551. Скорик, А. П. Кубанский хутор: интенциональность исторического познания / А. П. Скорик // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: Сборник научных статей. – Новочеркасск: ООО «Лик», 2017. – С. 45–53.

552. Скорик, А. П. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.): монография / А. П. Скорик, И. М. Федина; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. НИИ истории казачества и развития казачьих регионов. – Новочеркасск: Лик, 2016. – 420 с.: ил.

553. Скорик, А. П. Лабинская кордонная линия как опорный рубеж в освоении Закубанья / А. П. Скорик, И. М. Федина // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы IX Международного форума историков-кавказоведов, посвящённого 100-летию образования СССР (г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2022. – С. 346–355.

554. Скорик, А. П. Межевание земель Черноморскому казачьему войску на Северо-Западном Кавказе / А. П. Скорик, И. М. Федина // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.). В 2-х ч. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. – Ч. 1. – С. 177–186.

555. Скорик, А. П. Национальный колорит и повседневность Геленджика в 1833 году (по запискам Фредерика Дюбуа де Монперё) / А. П. Скорик, И. М. Федина // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 197–206.

556. Скорик, А. П. О концептуализации исследования казачьего поселенческого обустройства на Кубани в конце XVIII – начале XX вв. / А. П. Скорик // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем. Сборник научных статей. К 80-летию профессора Александра Абакаровича Кудрявцева. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. – С. 97–109.

557. Скорик, А. П. О типологизации кубанского хутора досоветских времён / А. П. Скорик // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием: материалы IV Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 19–20 октября 2016 г.). – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. – С. 317–324.

558. Скорик, А. П. Переселение Азовского казачьего войска на Кубань в 1862–1866 гг. / А. П. Скорик, И. М. Федина // Казачество на службе Отечеству: Материалы Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 28 ноября 2022 г.). – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022. – С. 260–268.

559. Скорик, А. П. Показачивание «беспаспортных людей» в Кубанской области / А. П. Скорик, И. М. Федина // Черноморско-Средиземноморский ре-

гион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – С. 106–114.

560. Скорик, А. П. Полтавская земельная стачка начала 1870-х гг. бывших черноморских казаков как реакция на изменение традиционных поземельных отношений / А. П. Скорик, И. М. Федина // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции, Таганрог, 28–29 мая 2021 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 120–125.

561. Скорик, А. П. Поселенческий уклад как социальный институт (на примере исторического региона Кубани) / А. П. Скорик // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – Новочеркасск, 2021. – Т. 14, № 5. – С. 44–52.

562. Скорик, А. П. Правоустанавливающий акт 1815 года на хутор черноморского казака Матвея Ломаки как исторический источник / А. П. Скорик, И. М. Федина // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: Сборник статей. – Москва: Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. – С. 19–26.

563. Скорик, А. П. Рассказанные 12 станиц Кубанского казачьего войска в составе Ставропольской губернии / А. П. Скорик, И. М. Федина // Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 11 ноября 2022 г. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 315–352.

564. Скорик, А. П. Рассказывание: категориально-понятийный и персонафицированный исторический дискурс / А. П. Скорик // Гуманитарные и юридические исследования. – Ставрополь, 2022. – Т. 9 (3). – С. 437–447.

565. Скорик, А. П. Станица Александровская Ейского отдела Кубанского казачьего войска: некоторые страницы истории / А. П. Скорик, И. М. Федина // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы

Одиннадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2018. – С. 134–143.

566. Скорик, А. П. Становление казачьего хутора на Кубани / А. П. Скорик, И. М. Федина // Ретроспективы региональной истории. Сборник научных статей. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный технический университет (НПИ), 2013. – С. 148–167. Деп. в ИНИОН РАН № 61098 от 05.08.2013 г.

567. Скорик, А. П. Столкновение кубанских казаков с непривычными природно-социальными явлениями при освоении пространств Закубанья / А. П. Скорик, И. М. Федина // Закономерности формирования и воздействия морских и атмосферных опасных явлений и катастроф на прибрежную зону РФ в условиях глобальных климатических и индустриальных вызовов («Опасные явления–III»): материалы III Международной научной конференции памяти члена-корреспондента РАН Д. Г. Матишова (г. Ростов-на-Дону, 15–19 июня 2021 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2021. – С. 404–407.

568. Скорик, А. П. Социальная многомерность южно-российского казачества / А. П. Скорик // Лосевские чтения: Труды Международной ежегодной научной конференции, г. Новочеркасск, май 2009 г. – Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2009. – С. 129–144.

569. Скорик, А. П. Социальный проект каперства азовских казаков в Причерноморье в первой половине 1860-х годов / А. П. Скорик, И. М. Федина // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 144–153.

570. Скорик, А. П. Традиционные формы и средства досуга в казачье-крестьянских районах Юга России в конце XIX – 20-х гг. XX вв. / А. П. Скорик, С. Д. Багдасарян // Казачество Юга России: история и современность / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. – Новочеркасск, 2016. – С. 9–24. Деп. в ИНИОН РАН 30.12.16, № 61154.

571. Скорик, А. П. Трансформации топонимов и социотипа немецких колоний Кубани / А. П. Скорик, И. М. Федина // Германия и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей (к 100-летию Раппальского договора): Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Традиция, 2022. – С. 195–204.

572. Скорик, А. П. Урбанистическая историческая перспектива причерноморской казачьей станицы Тамань / А. П. Скорик, И. М. Федина // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. – С. 68–74.

573. Скорик, А. П. Фронт и переселение на Дону: исторический опыт осуществления государственной политики / А. П. Скорик, И. А. Ревин // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН, 2010. – С. 125–128.

574. Скорик, А. П. Хутор как казачья поселенческая модель и переселенческое пристанище в истории Кубани / А. П. Скорик, И. М. Федина // Российская государственность в судьбах народов Кавказа–VI. Материалы региональной научно-практической конференции, Пятигорск, 22–23 ноября 2013 г. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2014. – С. 275–280.

575. Скорик, А. П. Хуторское хозяйство Ивана Рашпиля на Кубани в середине XIX века: опыт исторической реконструкции / А. П. Скорик // Краеведческие записки: Сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. – Вып. 13. – С. 25–32.

576. Славянский район: история и современность: научно-популярное издание / авт.-сост. Д. А. Решмет. – Краснодар: Диапазон-В, 2017. – 543 с.

577. Соколов, А. К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России / А. К. Соколов // Мир историка. XX век /

А. Н. Сахаров, Л. А. Сидорова, С. П. Бычков, и др.; редкол.: А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Институт российской истории РАН; Омский государственный университет, 2002. – С. 280–344.

578. Сопов, А. В. Материальная культура казаков / А. В. Сопов // Вопросы казачьей истории и культуры. Сборник статей. – Майкоп: [Б. и.], 2003. – Вып. 2. – С. 139–150.

579. Сопов, А. В. Хозяйство, культура и быт казаков как этнические определители / А. В. Сопов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2007. – № 1. – С. 126–148.

580. Сопов, А. В. Формирование особенностей хозяйственно-культурного типа казаков / А. В. Сопов // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – Москва, 2012. – № 1. – С. 108–117.

581. Ставский, В. П. Станица. Кубанские очерки / В. П. Ставский. – Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1929. – 199 с.

582. Станица Хадыженская в 1864–1913 годах / сост. и отв. ред. И. О. Тюменцев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2016. – 99 с.

583. Степанова, Л. Г. Деятельность землемеров на земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. / Л. Г. Степанова // Исторический журнал: научные исследования. – Москва, 2019. – № 6. – С. 77–87.

584. Султханов, Н. А. Расскажи мне о станице: историко-краеведческие очерки о станице Новоминской / Н. А. Султханов. – Краснодар: Советская Кубань, 1999. – 334 с.

585. Тверитинов, И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX веков / И. А. Тверитинов. – Сочи: РИО Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, 2000. – 186 с.

586. Тернавский, Н. А. Елизаветинская: история кубанской станицы / Н. А. Тернавский. – Краснодар: Краснодарский университет культуры и искусств, 2005. – 174 с.

587. Титоренко, М. Ф. Из истории землепользования у кубанских казаков / М. Ф. Титоренко // Кубанское казачье войско (сайт) [Электронный текст]. – URL: <http://slavakubani.ru/agriculture/history-of-land-relations/iz-istorii-zemlepolzovaniya-u-kubanskikh-kazakov/> (дата обращения: 05.02.2023).

588. Ткаченко-Гильдебрандт, В. А. История одного куреня. Из казачьего прошлого станицы Старощербиновской Ейского отдела Кубанской области (1756–1918) / В. А. Ткаченко-Гильдебрандт, В. И. Шкуро [Электронный текст]. – URL: http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/staroshherbinovskaja_st/0-32 (дата обращения: 12.03.2023).

589. Трёхбратов, Б. А. Дореволюционная историография биографии историка, этнографа и генерала Кубанского казачьего войска И. Д. Попко / Б. А. Трёхбратов // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2018. – № 4 (71). – С. 108–113.

590. Трёхбратов, Б. А. Наёмный труд в сельском хозяйстве Юга России в период капитализма (методология, историография, источники, особенности формирования сельскохозяйственного пролетариата) / Б. А. Трёхбратов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1980. – 75 с.

591. Трёхбратов, Б. А. Полтавская общественная стачка 1873 года под разными углами зрения / Б. А. Трёхбратов // Фёдор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа в исторической ретроспективе: Сборник материалов VII научно-практической конференции, 21 декабря 2007 г. – Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, 2007. – С. 156–162.

592. Трёхбратов, Б. А. Псекупский период в службе Ивана Диомидовича Попко: проблемы историографии и источниковедения / Б. А. Трёхбратов, С. В. Трофименко // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2019. – № 2 (73). – С. 108–112.

593. Трёхбратов, Б. А. Северокавказское село в революции 1905–1907 гг. / Б. А. Трёхбратов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1987. – 167 с.

594. Фадеев, А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период / А. В. Фадеев. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 259 с.

595. Фарои, Т. В. Правовое регулирование системы государственного управления и самоуправления на Кубани (конец XVIII – начало XX веков / Т. В. Фарои. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. – 250 с.

596. Федина, И. М. Землеустройство и межевание в закубанских станицах (1860-е гг.) / И. М. Федина // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2022. – № 1 (109). – С. 83–89.

597. Федина, И. М. Землеустроительная политика поселенческих образований черноморских (кубанских) казаков в конце XVIII – XIX вв. / И. М. Федина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза, 2020. – № 2 (54). – С. 3–13.

598. Федина, И. М. К истории формирования в 1860-е годы казачьих станиц Адагумского полка Кубанского войска / И. М. Федина // Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XI: Материалы региональной научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2019 г. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. – С. 342–350.

599. Федина, И. М. Казачьи станицы в Восточном Причерноморье: к истории формирования Шапсугского берегового пешего батальона / И. М. Федина // Альманах «Казачество». – Москва, 2023. – № 1 (66). – С. 101–107.

600. Федина, И. М. Казачьи станицы «старой» и «новой» линий: организация и обустройство в конце XVIII–XIX вв. / И. М. Федина // Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи: Сборник материалов Всероссийской научно-практической онлайн-конференции, Псков, 3–4 декабря 2020 г. – Псков: Псковский государственный университет; ООО «ПолиАрт Студио», 2020. – С. 62–69.

601. Федина, И. М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы /

И. М. Федина // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2012. – № 2. – С. 175–177.

602. Федина, И. М. Нормативно-правовая регуляция земельных отношений у кубанских казаков в XIX веке / И. М. Федина // Исторический журнал: научные исследования. – Москва, 2020. – № 6. – С. 133–144.

603. Федина, И. М. Организация хуторских поселений линейных казаков в ходе освоения кубанских земель в конце XVIII – XIX вв. / И. М. Федина // История: факты и символы. – Елец, 2018. – № 15 (вып. 2, июнь). – С. 41–51.

604. Федина, И. М. Паевая система распределения земельных наделов на Кубани в дореволюционный период / И. М. Федина // VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 4–5 октября 2019 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 207–212.

605. Федина, И. М. Первые поселенческие образования черноморских казаков / И. М. Федина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – Симферополь, 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 107–115.

606. Федина, И. М. Повседневная жизнь населения причерноморских береговых поселений в условиях Крымской войны (1853–1856 гг.) / И. М. Федина // Клио. – Санкт-Петербург, 2022. – № 3 (183). – С. 121–125.

607. Федина, И.М. Поселенческий уклад и социальный быт славянского населения Кубани глазами иностранных учёных (конец XVIII – первая половина XIX века) / И. М. Федина // Наследие веков. – Краснодар, 2022. – № 2. – С. 110–120.

608. Федина, И. М. Социально-экономическая политика России на Черноморском побережье Кавказа во второй половине XIX века / И. М. Федина // Научный диалог. – Екатеринбург, 2022. – Т. 11, Вып. 10. – С. 497–512.

609. Федина, И. М. Социально-экономическое развитие станиц Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв. / И. М. Федина // Современная научная мысль. – Москва, 2022. – № 6. – С. 66–71.

610. Федина, И. М. Формирование архетипа хуторских поселений черноморских казаков в конце XVIII – середине XIX в / И. М. Федина // Вопросы истории. – Москва, 2021. – № 5-1. – С. 182–189.

611. Филиппов, Е. В. Историческая урбанизация Северо-Западного Кавказа в дореволюционный период: историография, методология и научные перспективы / Е. В. Филиппов // Голос минувшего. Кубанский исторический (научно-образовательный) журнал. – Краснодар, 2003. – № 3–4. – С. 37–41.

612. Филькин, А. Г. (Загумённый). Страницы истории кубанского казачества: станица Гиагинская (К 140-летию основания, 1862–2002) / А. Г. Филькин. – Москва: ИИКЦ «Эльф-3», 2002. – 136 с.

613. Фролов, Б. Е. Административно-территориальное устройство Черномории в конце XVIII века / Б. Е. Фролов, В. Г. Котричева // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции (доклады, научные сообщения, публикации). – Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусства, 2000. – С. 72–77.

614. Фролов, Б. Е. Географические маркеры границ округов земель Черноморского казачьего войска 1794 г. / Б. Е. Фролов // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества. – Краснодар, 2005. – Вып. 4. – С. 77–79.

615. Фролов, Б. Е. Грамота императрицы Екатерины II войску Черноморскому 1792 года. История пожалования: мифы и реальность / Б. Е. Фролов // «Добродетель и честь должны быть оному правилами...»: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи (к 225-летию со дня издания императрицей Екатериной Великой «Грамоты на права, вольности и преимуществ благородного российского дворянства»): материалы VI Международных дворянских чтений (г. Краснодар, 23–24 октября 2010 г.). – Краснодар: Кубанькино, 2010. – С. 8–13.

616. Фролов, Б. Е. Оборонительные сооружения казачьих станиц в первой половине XIX века / Б. Е. Фролов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Дикаревские чтения (5): Материалы региональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 16 мая 1999 г.). – Краснодар: [Б. и.], 1999. – С. 40–44.

617. Фролов, Б. Е. Основание первых куренных селений в Черномории / Б. Е. Фролов // Вестник архивиста Кубани. – Краснодар, 2006. – № 1. – С. 12–20.

618. Фролов, Б. Е. Первые слободы и куренные селения Черноморских казаков на Кубани / Б. Е. Фролов // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. – Краснодар: Книга, 2015. – Т. VI (27). – С. 114–128.

619. Фролов, Б. Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань / Б. Е. Фролов. – Краснодар: КГИАМЗ, 2005. – 88 с.

620. Фролов, Б. Е. «Порядок общей пользы»: опыт исторического комментария / Б. Е. Фролов // Запорожская старина. – Киев; Запорожье: НИИ казачества, Запорожское отделение, 2007. – Вып. 4. – С. 277–283.

621. Фролов, Б. Е. Проблемы локализации куренных селений Черноморского казачьего войска в 1794–1795 гг. / Б. Е. Фролов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2004 год. Дикаревские чтения (11): Материалы Северокавказской научной конференции (г. Краснодар, 22 – 24 сентября 2005 г.). – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2005. – С. 161–170.

622. Фролов, Б. Е. Спорные вопросы переселения черноморских казаков на Кубань / Б. Е. Фролов // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. – Краснодар: ООО «Картика», 2008. – Вып. 3: [Посвящается 70-летию В. Г. Захарченко]. – С. 224–228.

623. Футорянский, Л. И. Казачество России на рубеже веков / Л. И. Футорянский. – Оренбург: Димур, 1997. – 198 с.: ил., портр.

624. Харченко, В. Л. Легенды и быль земли Северской: История Северского района Краснодарского края с древнейших времён по 21-й век / В. Л. Харченко. – Станица Северская: ИП «Купреев В.В.», 2011. – 374 с.

625. Харченко, В. Л. Станица Смоленская: история развития с древнейших времён до наших дней / В. Л. Харченко, В. С. Овечкин, Н. И. Чеботарёва. – Станица Северская: [Б. и.], 2007. – 192 с.

626. Хейман, Е. Е. Обсуждение аграрных проблем казачьими станицами Кубани в начале XX в. / Е. Е. Хейман // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2011. – № 8. – С. 259–261.

627. Чекменёв, С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX вв. / С. А. Чекменёв. – Пятигорск: Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков, 1967. – 351 с.

628. Чернуха, Р. П. Очерки истории станицы Нововеличковской / Р. П. Чернуха. – Динская: НПО «Инфорай К°, ЛТД», 2002. – 168 с.

629. Шевченко, Г. Н. Жизнь и деятельность В. С. [Василия Семёновича] Шамрая (1860–1920) / Г. Н. Шевченко // Вопросы отечественной истории. Сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1995. – С. 57–61.

630. Шевченко, Г. Н. Иван Диомидович Попко (1819–1893). Историко-биографический очерк / Г. Н. Шевченко // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1991. – С. 61–69.

631. Шевченко, Г. Н. Михаил Васильевич Клочков (1877–1952). Историко-биографический очерк / Г. Н. Шевченко // Голос минувшего. Кубанский исторический (научно-образовательный) журнал. – Краснодар, 1997. – № 1(3). – С. 54–57.

632. Шевченко, Г. Н. О некоторых проблемах изучения истории казачества в трудах Ф. А. Щербины / Г. Н. Шевченко // Российское казачество: исто-

рия, проблемы возрождения и перспективы развития: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (октябрь 2011 г.). – Краснодар: Традиция, 2012. – С. 125–127.

633. Шевченко, Г. Н. О некоторых проблемах изучения истории казачества Кубани во второй половине XIX в / Г. Н. Шевченко // Кубанское казачество: три века исторического пути: Материалы Международной научно-практической конференции, станица Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996. – С. 281–284.

634. Шевченко, Г. Н. Основание города Екатеринодара / Г. Н. Шевченко // Краснодару – 200 лет. Тезисы докладов краевой научно-практической конференции. – Краснодар: [Б. и.]; Типография администрации Краснодарского края, 1993. – С. 5–8.

635. Шевченко, Г. Н. Первый шаг к изучению черноморского казачества: [О Д. А. Арцыбашеве] / Г. Н. Шевченко // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. (К 200-летию основания города Екатеринодара и 43 кубанских станиц). Тезисы докладов научной конференции. – Краснодар: Советская Кубань, 1992. – С. 107–108.

636. Шевченко, Г. Н. Роль черноморского казачества в заселении и хозяйственном освоении Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. / Г. Н. Шевченко // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры: сборник научных статей, посвящённый 210-летию освоения Краснодарского края казачеством. – Краснодар: [Б. и.]; Типография администрации Краснодарского края, 2002. – С. 41–51.

637. Шевченко, Г.Н. Социально-экономическое развитие Кубани в конце XVIII – первой половине XIX века / Г. Н. Шевченко // По страницам истории Кубани. Краеведческие записки. – Краснодар: [Б. и.], 1993. – С. 71–78.

638. Шевченко, Г. Н. Черноморское казачество в исторической литературе XX века / Г. Н. Шевченко // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. Тезисы межрегиональной научной конференции в Тамани. – Краснодар: [Б. и.], 2000. – С. 54–56.

639. Шевченко, Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX вв. Сословный строй. Социальные отношения / Г. Н. Шевченко. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1993. – 85 с.

640. Шеремет, А. Г. Дорогая моя станица: историко-документальные очерки о Брюховецком сельском поселении / А. Г. Шеремет. – Каневская: ОАО «Кубанское полиграфическое объединение», 2018. – 356 с.

641. Шкуро, В. И. Второе пополнение Черноморского казачьего войска (1821–1825 гг.) [О пополнении Черноморского казачьего войска казаками Полтавской и Черниговской малороссийских губерний] / В. И. Шкуро // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Сборник научных статей, посвящённый 210-летию освоения Краснодарского края казачеством. – Краснодар: [Б. и.], Типография администрации Краснодарского края, 2002. – С. 64–85.

642. Шкуро, В. И. Георгиевская слава Кубани. Т. 1: [1-й Екатеринодарский полк] / В. И. Шкуро. – Краснодар: Традиция, 2013. – 196, [1] с.: ил., портр., табл.

643. Шкуро, В. И. Георгиевская слава Кубани. Т. 2: [Пластуны Екатеринодарского отдела: (о пластунских батальонах Кубанского казачьего войска)] / В. И. Шкуро, К. В. Шкуро. – Краснодар: Традиция, 2013. – 250, [3] с.: ил., портр.

644. Шкуро, В. И. Звёздный час рода Кухаренко [К 200-летию со дня рождения атамана Черноморского (Кубанского) казачьего войска, кубанского писателя, историка и этнографа Я.Г. Кухаренко (1799–1862)] / В. И. Шкуро // Третьи Кухаренковские чтения: Материалы краевой научно-теоретической конференции. – Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусства, 1999. – С. 3–7.

645. Шкуро, В. И. «Из Болгарии с золотой шашкой» (о Степане Яковлевиче Кухаренко) [Подполковник С. Я. Кухаренко – сын Наказного Атамана Кубанской области Я. Г. Кухаренко. Отличился в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.] / В. И. Шкуро // «Да кто душу положит за други

своя...»: к 130-летию участия русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига (1875–1878 гг.): Материалы II Международных дворянских чтений (Краснодар, 25–26 ноября 2006 г.). – Краснодар, 2006. – С. 16–24.

646. Шкуро В. И. Кто мы? Откуда родом? Первые жители населённых мест Кубанского края [Списки жителей станиц и городов, основанных в конце XVIII века и станиц, основанных со 2-й половины XIX в.] / В. И. Шкуро // Кубанский сборник Т. II (23). – Краснодар: Книга, 2007. – С. 471–482.

647. Шкуро, В. И. Кубанские гвардейские сотни Императорского Конвоя в период Первой мировой войны / В. И. Шкуро // Во имя России: спасительный путь Государя Николая II: Материалы научно-практической конференции [17 июля 2003 г.; к 85-й годовщине гибели императора]. – Краснодар: Кубанькино, 2004. – С. 60–78.

648. Шкуро, В. И. Наши земляки – герои самой далёкой войны: к 100-летию русско-японской войны 1904–1905 гг. / В. И. Шкуро // Россия в войнах XX века: Материалы 7-й Всероссийской научно-практической конференции «Российское общество и войны XX в.», посвящённой 100-летию русско-японской войны, 90-летию Первой мировой войны и 60-летию освобождения территории СССР в Великой Отечественной войне, Адлер, 27–30 мая 2004 г. – Краснодар: Кубанькино, 2004. – С. 132–135.

649. Шкуро, В. И. Переселение малороссийских казаков на Кубань в 1821–1825 гг. / В. И. Шкуро // Кубань–Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия: Сборник статей. – Краснодар: ОК-PRESS, 2006. – Вып. 1. – С. 16–27.

650. Шкуро, В. И. Сын твой, Екатеринодар: В. В. Головинский [О легендарном кубанском военачальнике, герое Севастопольской обороны периода Крымской войны 1853–1856 гг.] / В. И. Шкуро // Екатеринодар–Краснодар. 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра. Тезисы научно-практической конференции, посвящённой 210-летию города Краснодара (13 сентября 2003 г.). – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – С. 125–130.

651. Шкуро, В. И. Формирование населения Северского района в период его первоначального заселения (II-я половина XIX века) / В. И. Шкуро // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6): Материалы региональной научно-практической конференции, станица Крепостная, 14–16 мая 1999 г. – Краснодар: ГУП «Кубанькино», 2000. – С. 58–61.

652. Штатский, В. Н. Тимашёвск / В. Н. Штатский. – Краснодар: Книжное изд-во, 1979. – 64 с., 4 л. ил.

653. Щетнёв, В. Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства / В. Е. Щетнёв // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 1974. – С. 22–52.

654. Щикальцова, О. И. Станица Челбасская: возвращение к духовным истокам / О. И. Щикальцова. – Санкт-Петербург: Шевченко В.И., 2015. – 72 с.

655. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – Москва, 1988. – № 2. – С. 129–137.

656. Эсадзе, С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Составил начальник военно-исторического отдела, полковник Семён Эсадзе. Репринт. изд. / С. С. Эсадзе. – Майкоп: Меоты, 1993. – 182 с.

657. Barrett, T. M. At the Edge of Empire: the Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700–1860 / T. M. Barrett. – Boulder; Oxford: Westview Press, 1999. – XV, 243 p.: ill., carts [264 p.].

658. Clarke, E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Ed. 2 / E. D. Clarke. – London: T. Cadell and W. Davies; Strand, 1811. – Vol. 2. – 800 p.

659. Freshfield, D. W. The Exploration of the Caucasus. With Illustrations by Vittorio Sella / D. W. Freshfield. – London and New York: Edward Arnold, 1896. – Vol. I. – 278 p.

660. Wagner, M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan; with Sketches of the Cossacks and the Caucasus. In Three Volumes / M. Wagner. – London: Hurst and Blackett, 1856. – Vol. I. – 320 p.

3.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

661. Беликов, А. В. Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Беликов Александр Викторович ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2002. – 229 с.

662. Бойчук, С. Г. Общественно-просветительская и научная деятельность Е. Д. Фелицына : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Бойчук Светлана Григорьевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2003. – 224 с.

663. Бондарь, В. В. Войсковой город Екатеринодар (1793–1867 гг.) : историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Бондарь Виталий Вячеславович ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 1998. – 181 с.

664. Бунькова, Ю. В. Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности Н. К. Услара и Н. И. Воронова : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Бунькова Юлия Владимировна ; Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2007. – 23 с.

665. Бурыкина, Л. В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII – 90-е годы XIX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук / Бурыкина Людмила Васильевна ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2000. – 30 с.

666. Выйме, Л. А-А. Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа: (Вторая половина XIX века – 1929 г.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Выйме Лембит Альфред-Александрович ; Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук. – Таллинн, 1975. – 41 с.

667. Глущенко, В. В. Интеграция казачества в структуру российской государственности: XVI – начало XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Глущенко Виталий Васильевич ; Московский государственный социальный университет. – Москва, 1998. – 75 с.

668. Голованова, С. А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции: вторая половина XVI – конец XIX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Голованова Светлана Александровна ; Московский педагогический государственный университет. – Армавир, 2005. – 389 с.

669. Громов, В. П. Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и Земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. : формирование, социальный состав : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Громов Владимир Прокофьевич ; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1983. – 241 с.

670. Колосовская, Т. А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Колосовская Татьяна Александровна ; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2017. – 523 с.

671. Макаровская, Н. В. История города Екатеринодара–Краснодара в первой трети XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Макаровская Наталья Валерьевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2004. – 237 с.

672. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Матвеев Олег Владимирович ; Ставропольский государственный университет. – Краснодар, 2009. – 618 с.

673. Оборнев, А. А. Экономическое развитие г. Екатеринодара в пореформенный период: 1867–1917 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Оборнев Алексей Александрович ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2010. – 206 с.

674. Сазонова, С. Е. Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация: конец XVIII – первая половина XIX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Сазонова Светлана Евгеньевна ; Ставропольский государственный университет. – Армавир, 2010. – 223 с.

675. Самовтор, С. В. Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани : конец XVIII – начало XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Самовтор Сергей Владимирович ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2008. – 189 с.

676. Скиба, К. В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Скиба Константин Викторович ; Кубанский государственный университет. – Армавир, 2004. – 282 с.

677. Скибицкая, И. М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Скибицкая Ирина Михайловна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2011. – 313 с.

678. Соловьёв, Д. Н. Казачество как мобилизационный ресурс Российского государства: XV – конец XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Соловьёв Дмитрий Николаевич ; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2011. – 43 с.

679. Уваров, П. Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Уваров Павел Борисович ; Южно-Уральский государственный университет – Челябинск, 2010. – 49 с.

680. Федина, А. И. Формирование историко-культурной региональной традиции черноморских казаков: образование, литература, историко-этнографическая наука (1792–1860 гг.) : специальность 24.00.02 «Историческая культурология» : диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии / Федина Альбина Ивановна ; Краснодарский государственный университет культуры и искусств. – Краснодар, 1998. – 185 с.

681. Шевченко, Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX вв. : сословный строй, социальные отношения : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Шевченко Галина Николаевна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра истории СССР периода феодализма. – Москва, 1977. – 216 с. : ил.

682. Шкарлупина, Г. Д. Капиталистическая модернизация на Северном Кавказе в пореформенный период (1861–1917) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Шкарлупина Галина Дмитриевна ; Ставропольский государственный университет. – Армавир, 1999. – 233 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Таблицы

Таблица 1

Сведения о количестве куренных селений в Черноморском казачьем войске и о наличии в них мужского населения на 1807 год (чел.)

№ п/п	Наименование населённого пункта (город, селение)	Численность жителей (м.п.)	№п /п	Наименование населённого пункта (город, селение)	Численность жителей (м.п.)
1.	город Екатеринодар	1437	22.	селение Крыливское	193
2.	селение Батуриное	302	23.	селение Кущивское	209
3.	селение Березанское	363	24.	селение Леушковское	199
4.	селение Брюховёцкое	358	25.	селение Мйнское	79
5.	селение Васюринское	515	26.	селение Мышастовское	265
6.	селение Ведмедовское (Медвёдовское)	212	27.	селение Незамаевское	103
7.	селение Величковское	437	28.	сел-е Нижестиблиевское	88
8.	сел-е Вышестеблиевское	108	29.	селение Пашковское	337
9.	селение Деревянковское	188	30.	селение Переяславское	107
10.	селение Джерелиевское	468	31.	селение Пластуновское	164
11.	селение Динское	262	32.	селение Платнировское	363
12.	селение Дядьковское	185	33.	селение Полтавское	536
13.	селение Екатериновское	56	34.	селение Поповичевское	364
14.	селение Ивановское	232	35.	Рогивское (Роговское)	322
15.	селение Иркиевское	294	36.	селение Сергиевское	149
16.	селение Калниболотское	182	37.	город Тамань	430
17.	селение Канивское	324	38.	селение Тимашёвское	268
18.	селение Кисляковское	361	39.	селение Титаровское	133
19.	селение Конеливское	182	40.	селение Уманское	169
20.	селение Коринивское	174	41.	селение Щербинское	517
21.	селение Корсунское	534	42.	селение Шкуринское	182

Источник: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 539. Л. 6–7об.

Таблица 2

**Ведомость о числе народонаселения в станицах Кубанского
казачьего войска, жители которых назначены
для поселений на передовые линии в 1861 г.**

№ п/п	Станицы, назначенные к переселению	Количество дворов	Число переселенцев мужского пола	Семейства, назначенные к переселению
<i>Ейский округ</i>				
1.	Екатериновская	500	1846	22
2.	Ка(л)ниболоц(тс)кая	495	1618	22
3.	Кислякóвская	519	1908	22
4.	Ко(а)нёлóвская	362	1034	15
5.	Крыловская	355	1083	15
6.	Кущёвская	369	1042	16
7.	Незамаевская	519	1515	22
8.	Новодеревя́нковская	489	1636	22
9.	Новолеушковская	330	1250	14
10.	Новоми́нская	581	1651	24
11.	Новоцерби́новская	979	2430	40
12.	Павловская	315	1034	19
13.	Стародеревя́нковская	353	1064	15
14.	Старолеушковская	301	861	13
15.	Староминскáя	689	2370	30
16.	Уманская	712	2639	31
17.	Шкуринская	309	996	13
Итого по округу:		8177	25977	355
<i>Екатеринодарский округ</i>				
1.	Батуринская	160	439	6
2.	Березанская	424	1242	18
3.	Брюховéцкая	346	851	14
4.	Динскáя	364	1146	16
5.	Иркли́евская	244	907	10

6.	Каневскáя (Конивскáя)	545	1779	28
7.	Коренóвская	444	1737	20
8.	Медвёдовская	559	1774	23
9.	Новоджерелíевская	422	944	19
10.	Новокóрсунская	224	589	10
11.	Перея́словская	321	1006	13
12.	Пластуновская	485	1574	22
13.	Роговскáя	353	1472	15
14.	Сёргиевская	111	364	4
15.	Старомышастовская	300	859	13
16.	Тимашёвская	287	810	12
Итого по округу:		5589	17493	243
<i>Таманский округ</i>				
1.	Нововелíчковская	385	1361	17
2.	Новотíтаровская	811	2381	35
3.	Поповичевская (ныне Калининская)	347	1301	15
4.	Старовелíчковская	400	1552	27
5.	Староджерелíевская	454	1345	20
6.	Старонижестеблиевская	626	2095	27
Итого по округу:		3023	10035	141
Всего по войску:		16789	53505	739

Источник: ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2236. Т. 3. Л. 453.

Таблица 3

**Данные о числе селений в Кубанском казачьем войске
по состоянию на 1 января 1864 г.**

№ п/п	Названия округов, номера бригад, но- мера и названия пол- ков	Го- ро- дов	Ста- ниц	По- сёл- ков	Хуто- ров	Кре- пос- тей	Зи- мов- ни- ков	Всего посе- лений
<i>В округах</i>								
1.	Ейском	-	20	1	823	-	46	890
2.	Екатеринодарский	1	23	3	1525	-	27	1580
3.	Таманском	1	17	5	1177	-	16	1216
<i>В бригадах</i>								
1.	первой		13		52	1	75	141
2.	второй		9		36		5	51
3.	третьей		14	1	28	1	8	51
4.	четвёртой		14				284	298
5.	пятой		12					12
6.	шестой		12					12
7.	седьмой		13	1				
<i>В полках</i>								
1.	24-й		9					9
2.	25-й		9					9
3.	26-й		13					13
4.	Абинский		8					8
5.	Адагумский		11	1				12
Всего:		2	197	12	3642	2	461	4315

Источник: ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 940. Л. 245.

Таблица 4

Ведомость о числе селений в Кубанской области за 1874 г.

№ п/п	Название уездов	го- рода	ста- ницы	хутора	по- сёлки	слободы	аулы
1.	Баталпашинский	–	39	46	13	10	31
2.	Ейский	1	32	356	4	–	–
3.	Екатеринодарский	1	35	48	3	2	–
4.	Майкопский	–	53	76	10	3	22
5.	Темрюкский	1	39	182	11	–	–
Итого (1018 поселений):		3	198	708	41	15	53

Источник: ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 441. Л. 77.

Таблица 5

По данным отчёта Начальника Кубанской области и Наказного атамана
Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Я.Д. Маламы
за 1898 г.

№ п/ п	Наименование отделов	Простран- ство в де- сятинах	Число всех жи- телей	Из них каза- ков в %	На 1 муж- скую душу приходится десятин		Админи- стратив- ный центр отдела
					Всего	Для ка- за- ков	
1.	Баталпашинский	1 549 700	213 227	35,4	14,2	13,8	станция Баталпа- шинская
2.	Ейский	1 275 567	231 120	65,9	10,9	13,1	город Ейск
3.	Екатеринодар- ский	758 227	173 593	48,5	8,6	10,1	город Ека- теринодар
4.	Кавказский	939 414	227 916	52,5	8,1	13,1	станция Кавказская
5.	Лабинский	1 103 953	298 911	45,9	7,2	13,4	селение Армавир
6.	Майкопский	1 477 114	241 890	36,0	11,1	13,6	город Май- коп
7.	Темрюкский	1 481 202	314 903	52,8	9,3	12,2	станция Славян- ская
Итого		8 585 177	1 701 560	48,8	9,0	12,8	

Источник: Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Составил Генера-
льного штаба подполковник Г. Корольков. Тифлис, 1900. С. 4.

Таблица 6

**Статистические сведения по всем отделам Кубанской области
по данным Б.М. Городецкого**

№ п/п	Отделы Кубанской области	Города	Казачьи станции и хутора	Крестьян- ские селения и хутора	Туземные аулы	Всего
1.	Баталпашинский	-	19	70	35	124
2.	Ейский	1	46	39	-	86
3.	Екатеринодарский	1	37	78	32	148
4.	Кавказский	-	46	140	-	186
5.	Лабинский	1	52	85	-	138
6.	Майкопский	1	55	111	12	179
7.	Таманский	2	51	131	1	185
Итого по всей области:		6	305	655	80	1 046

Источник: ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75. Л. 20.

Приложение 2. Карты

Карта 1

Карта Кавказского края с показанием новой Нагорной полосы Кубанской и Терской областей

Источник: РГВИА. Ф.400. Оп. 1. Д. 366. Л. 82–83.

